

ОБЗОР ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2026, Том 8, № 6

Подписано к публикации: 08.06.2026

Главный редактор журнала

Солопанова Ольга Юрьевна, доктор педагогических наук, профессор

Члены редакционной коллегии

Арпентьева Мариям Равильевна (РФ, г. Калуга) – доктор психологических наук, доцент
Ахметов Султан Меджидович (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор, ректор
Бабаян Анжела Владиславовна (РФ, г. Пятигорск) – доктор педагогических наук, профессор
Боязитова Ирина Валерьевна (РФ, г. Пятигорск) – доктор психологических наук, профессор
Быстрый Елена Борисовна (РФ, г. Челябинск) – доктор педагогических наук, профессор
Волошина Людмила Николаевна (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Гаджимурадова Зоя Магомедовна (РФ, г. Махачкала) – доктор психологических наук, профессор
Гребенникова Вероника Михайловна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Ежова Татьяна Владимировна (РФ, г. Оренбург) – доктор педагогических наук, доцент
Коновалов Василий Николаевич (РФ, г. Омск) – доктор педагогических наук, профессор
Константинов Всеволод Валентинович (РФ, г. Пенза) – доктор психологических наук, профессор
Круглик Иван Иванович (Беларусь, г. Минск) – кандидат педагогических наук
Крузе Борис Александрович (РФ, г. Пермь) – доктор педагогических наук, профессор
Магомедова Тамара Ибрагимовна (РФ, г. Махачкала) – доктор педагогических наук, профессор
Малярчук Наталья Николаевна (РФ, г. Тюмень) – доктор педагогических наук, доцент
Махов Александр Сергеевич (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Мирзоев Махмашариф Сайфович (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, профессор
Накохова Рида Рашидовна (РФ, г. Черкесск) – доктор психологических наук, профессор, проректор по научно-инновационной деятельности
Нугуманова Людмила Николаевна (РТ, г. Казань) – доктор педагогических наук, доцент
Овсяник Ольга Александровна (РФ, г. Москва) – доктор психологических наук, доцент
Оганян Татьяна Борисовна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор педагогических наук, доцент
Правдов Михаил Александрович (РФ, г. Шуя) – доктор педагогических наук, профессор
Пряженикова Елена Юрьевна (РФ, г. Москва) – доктор психологических наук, доцент
Свечкарёв Виталий Геннадьевич (РФ, г. Майкоп) – доктор педагогических наук, профессор
Семенова Файзура Ореловна (РФ, г. Карачаевск) – доктор психологических наук, профессор
Сеногозова Наталия Анатольевна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор педагогических наук, доцент
Собянин Федор Иванович (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Тихомирова Евгения Ивановна (РФ, г. Самара) – доктор педагогических наук, профессор
Ткаченко Ирина Валериевна (РФ, г. Армавир) – доктор психологических наук, доцент
Фещенко Татьяна Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Ханова Зоя Гаджиалиевна (РФ, г. Москва) – доктор психологических наук, доцент
Цахаева Анжелика Амировна (РФ, г. Махачкала) – доктор психологических наук, профессор
Шкунов Владимир Николаевич (РФ, г. Самара) – доктор исторических наук, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник
Шмачилина-Цибенко Светлана Витальевна (РФ, г. Омск) – доктор педагогических наук, доцент
Щербакова Елена Евгеньевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор педагогических наук, профессор
Эбзеев Мурат Магомедович (РФ, г. Карачаевск) – доктор педагогических наук, профессор
Яковлев Евгений Владимирович (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Яковлева Надежда Олеговна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Ямалетдинова Галина Александровна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор педагогических наук, доцент

«Обзор педагогических исследований» включен в перечень ВАК с 25.12.2020 г.,

Единый государственный перечень научных изданий (ЕГПНИ) - «Белый список» с 09.09.2025 г., Elibrary.ru

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-78221 от 20 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2687-0428 (online)

E-mail: info@opi-journal.ru

Сайт: <https://opi-journal.ru>

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Андриялов Е.С., Сидоренков А.В.**
Подходы к пониманию социально-психологической адаптации членов в малой группе 7-17
- Кряжкова Е.В.**
Роль социальной среды в развитии интеллектуальной одаренности дошкольников 18-25
- Беликова А.Ю., Гореликова О.Н., Москаленко С.В.,
Корнеева С.А., Коробкова Д.В.**
Психологические особенности обучения иностранных студентов в комбинированном режиме 26-32
- Гриднев А.О., Ионова М.С., Андронов В.П.**
Высокий уровень прогностической способности как условие успешного
вторичного профессионального самоопределения студентов 33-40
- Козедуб А.П.**
Исследование интеллектуальной активности старших дошкольников на примере
восприятия неоднозначных изображений 41-49
- Одияк Е.В.**
Психолого-педагогические технологии формирования чувства взрослости
современных подростков 50-57
- Беловол Е.В., Шурупова Е.Ю., Зеленская О.С.**
Интегративная оценка дефицита зрительных функций при шизофрении:
мета-аналитический подход 58-68
- Гречина И.В.**
Кибербуллинг: проявление, социально-педагогическая профилактика и противостояние 69-75
- Спивак С.А.**
Конформность и внушаемость как предикторы уступчивости
в переговорах с авторитетным оппонентом 76-88

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Акинина П.С., Шмелева Е.С.**
Лингводидактический потенциал технологий ИИ при обучении чтению на английском языке 89-95
- Андреева А.С.**
Гонки дронов (беспилотных воздушных судов) как высокотехнологичный вид спорта:
нейрокогнитивные механизмы комплексного развития личности в детско-юношеском возрасте 96-103
- Горлова Ю.И., Кульпин Д.А., Фролова Т.А., Никитина И.В.**
Обучение через игру: дидактические возможности шахмат в дошкольном возрасте 104-109
- Гуляева С.С., Гуляев С.П., Волошина Л.Н., Арсеев Е.А.**
Носимые цифровые технологии как способ объективизации показателей
двигательной активности и формирования компетенций самоконтроля 110-118
- Димитров И.Л., Лужняк К.В.**
Управление качеством жизни лиц с ОВЗ через средства адаптивной физической культуры 119-124

Милинский А.Ю. Роль экспериментальной деятельности в обучении физике	125-129
Нечипоренко И.А. Определение истинной стилевой специализации пловцов сборной университета	130-135
Шлычков Д.В. Обзор современных подходов физической реабилитации после операционного вмешательства на плечевом суставе	136-140
Аладжев В.О. Место спортивной борьбы в системе формирования прикладных двигательных компетенций подростков	141-148
Бабин А.В., Хабибуллин Р.М., Абдракипова А.Р., Кадиров Н.Н., Ячменев С.П. Влияние интервалов отдыха между подходами на показатели максимальной силы пауэрлифтеров при различных объемах тренировочной нагрузки	149-154
Димитров И.Л., Никишин С.Д., Садыкова А.И. Организация и оптимизация спортивного мероприятия по единоборствам	155-160
Павлова И.Н. Аксиологический аспект применения технологии симуляции в ходе изучения иностранного языка в университете	161-165
Каравацкая Н.А., Васина К.И., Киселева И.В., Пастушенко Е.Е., Борисова И.В. Изучение влияния физического качества «гибкость» на успешность выступления на соревнованиях по джиу-джитсу в дисциплине ката-парное	166-173
Приказчикова Е.В., Савченко Е.П. Аудиовизуальные средства в подготовке студентов-лингвистов	174-181
Самарин А.В., Акинина Н.В., Шубина Н.Г., Щербатенко О.А. Интеграция культурно-медиативной компетенции в профессиональную подготовку учителей иностранного языка: концептуальная модель	182-190
Носова Е.В., Исаев Р.А., Бороненков А.И., Ковтун В.В., Царева Е.С. Методика совершенствования нанесения расслабляющего удара курсантами образовательных организаций МВД России	191-197
Остроумова Ю.С., Ханин С.Д. К актуализации и разработке методики преподавания научных основ современных технологий в курсе физики медицинского вуза	198-203
Слаповская О.И., Диких А.А., Патюков А.Г., Русаков В.В. Динамика успеваемости по дисциплине «Нормальная физиология» студентов-иностранцев лечебного факультета, обучающихся на английском языке, в медицинском вузе России	204-210
Толкачев И.Б., Гольденберг О.А., Каногина В.В. Пластические особенности скульптуры малых форм, выполненных в рамках выпускных квалификационных работ на кафедре художественного образования	211-217

Гумерова Ф.Ф.

Речемыслительная и текстовая деятельность как психолого-педагогические и методические категории 218-224

Богомолов Е.А., Ларина Т.В., Щербина Ю.Д.

Сравнительный анализ подходов к решению качественных задач по физике обучающихся различных профилей подготовки 225-230

Самборский А.Г., Хшеш Хумам

Влияние травм скелета на спортивную карьеру профессиональных футболистов 231-237

Петрова Е.А.

Интерактивные стратегии обучения аудированию аутентичных текстов в цифровой образовательной среде 238-244

Пивник Н.А.

Самбо как культурно-педагогический феномен в контексте интеграции в образовательное пространство школы 245-252

Арбузова Е.Н., Синельникова Т.В.

Формирование спортивной культуры личности в условиях студенческого спортивного клуба «Достоевский»: педагогические аспекты 253-259

Степанова И.А.

Субъектно-деятельностный подход как методологическое основание формирования профессионального самоопределения сотрудников полиции в процессе освоения правовых дисциплин 260-267

Ушницкая Н.Н., Пугачева А.Ф.

Внеклассная деятельность как средство повышения интереса старшеклассников к выполнению нормативов ВФСК ГТО 268-274

Кузьменко А.Н., Андрияш А.В., Романова А.А.

Рефлексивная переходная клаузура как инструмент деконструкции проектных шаблонов и генерации новых проектных идей в архитектурном образовании 275-283

Самборский А.Г., Хшеш Хумам

Прогностическая оценка профессиональной пригодности футболистов после перенесенных травм скелета в контексте оздоровительной физической культуры 284-290

Мартынова М.Н., Немцев О.Б.

Методика развития физических способностей студентов при помощи беговых и прыжковых упражнений 291-298

Кан Бо, Погорелова О.В., Кривенков А.А., Размахова Е.А.

Разработка методики совершенствования технико-тактических действий тхэквондистов высокой квалификации на основе анализа соревновательной деятельности олимпийских призеров по тхэквондо (2000-2024 гг.) 299-305

Кривенков А.А.

Влияние физкультурно-оздоровительных занятий на психоэмоциональное состояние и отдельные аспекты жизнедеятельности лиц второго периода зрелого возраста 306-311

Перехожева Е.В., Кадычегова А.Н.

Ориентирование школьников на технические направления через взаимодействие школы и вуза 312-319

Фомин И.В., Пигалова Л.В.

Оценка результативности методики физической подготовки юных борцов греко-римского стиля на этапе спортивной специализации 320-329

Мифтахов Р.Ф., Галяутдинов М.И., Мухаметшин Р.Р.,

Ситдинов А.М., Фаткуллов И.Р.

Методическая система подготовки магистров в области спортивной аналитики 330-336

Степанова М.Е., Давыдова Е.Ю.

Специфика тактической подготовки в ракеточных видах спорта на примере тенниса, падел, пиклбола и пляжного тенниса 337-344

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

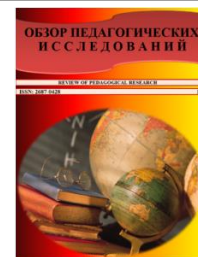
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки)

УДК 159.99

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-7-17

Подходы к пониманию социально-психологической адаптации членов в малой группе

¹ Андриалович Е.С., ¹ Сидоренков А.В.,
¹ Южный федеральный университет

Аннотация: статья посвящена теоретическому обзору подходов к пониманию социально-психологической адаптации (СПА) членов в малой группе. Актуальность исследования обусловлена ростом профессиональной и образовательной мобильности, усложнением социальной среды и множественностью концептуальных схем СПА. Цель исследования – систематизация и теоретический обзор подходов к пониманию СПА индивидов в малой группе. На основе обзора отечественных и зарубежных исследований выделены три подхода: адаптация как функция характеристик и активности индивида, как функция характеристик и активности группы (подгруппы) и как результат их взаимной активности. Первый подход рассматривает адаптацию как результат личностных ресурсов, психологических качеств и активности индивида. Второй подход фокусируется на характеристиках групповой среды, её структуре, нормах, установках группы и особенностях лидерства. Третий подход трактует адаптацию как двусторонний процесс согласования индивидуальных и групповых характеристик, обеспечивающий динамическое равновесие в системе «индивид – группа». Показано, что малая группа представляет собой многоуровневую систему, включающую неформальные подгруппы как значимый контекст адаптационных процессов. Теоретическая значимость исследования состоит в прояснении содержания СПА и обосновании необходимости учёта социально-психологической структуры малой группы при её анализе. Практическая значимость заключается в возможности разработки комплексных программ сопровождения адаптации с учётом индивидуальных и групповых факторов.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация (СПА), малая группа, неформальные подгруппы, характеристики индивида, групповые характеристики, взаимная активность, новички

Для цитирования: Андриалович Е.С., Сидоренков А.В. Подходы к пониманию социально-психологической адаптации членов в малой группе // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 7 – 17. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-7-17

Поступила в редакцию: 5 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Approaches to understanding the socio-psychological adaptation of members in a small group

¹Andrialovich E.S., ¹Sidorenkov A.V.,
¹Southern Federal University

Abstract: this article presents a theoretical review of approaches to understanding the socio-psychological adaptation (SPA) of members in a small group. The relevance of the study is determined by the growth of professional and educational mobility, the complexity of the social environment and the multiplicity of conceptual schemes of SPA. The aim of the study is to systematize and theoretically review approaches to understanding the SPA of individuals in a small group. Based on a review of domestic and foreign research, three approaches are identified: adaptation as a function of the characteristics and activity of the individual, as a function of the characteristics and activity of the group (subgroup) and as a result of their mutual activity. The first approach considers adaptation as a result of personal resources, psychological qualities and activity of the individual. The second approach focuses on the characteristics of the group environment, its structure, norms, group attitudes and leadership features. The third approach interprets adaptation as a two-way process of coordinating individual and group characteristics, ensuring dynamic equilibrium in the «individual – group» system. It is demonstrated that a small group is a multilevel system, including informal subgroups as a significant context for adaptation processes. The theoretical significance of the study lies in clarifying the content of the SPA and substantiating the need to take into account the socio-psychological structure of a small group during its analysis. The practical significance lies in the potential to develop comprehensive adaptation support programs that take into account individual and group factors.

Keywords: socio-psychological adaptation (SPA), small group, informal subgroups, individual characteristics, group characteristics, mutual activity, newcomers

For citation: Andrialovich E.S., Sidorenkov A.V. *Approaches to understanding the socio-psychological adaptation of members in a small group.* Review of Pedagogical Research. 2026. 8 (6). P. 7 – 17. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-7-17

The article was submitted: April 5, 2026; Approved after reviewing: May 2, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

В современной социальной и организационной психологии наблюдается устойчивый рост интереса к проблематике социально-психологической адаптации индивида в малых группах и командах [5, 6, 26]. Это связано с усложнением социальной и профессиональной среды, ростом профессиональной и образовательной мобильности, распространением гибких форм занятости, что делает процессы вхождения индивида в новые малые группы (учебные, трудовые, проектные, сетевые) регулярными. В этих условиях успешность адаптации членов малых групп рассматривается как ключевое условие сохранения психологического благополучия и устойчивости индивида, а также как важный фактор эффективности индивидуальной и групповой деятельности [7].

Термин «социально-психологическая адаптация» (СПА) раскрывается в литературе через ряд взаимосвязанных, но не тождественных определений. СПА трактуется как целенаправленное изменение человеком своих установок и поведения в соответствии с предъявляемыми ему условиями ситуации [13]; процесс, в ходе которого индивид осваивает социальные роли и приобретает соответствующие статусы [1]; многоаспектный процесс, объединяющий эмоциональное благополучие, психологическое приспособление, чувство социальной/общинной включенности и практическую способность пользоваться ресурсами среды [24]. В настоящем исследовании под СПА мы будем понимать «процесс и результат взаимной активности индивида и группы/подгруппы, связанный с усвоением индивидом цели и задач, норм и ценностей группы/подгруппы, с определением им места в системе отношений в соответствии с взаимными с группой/подгруппой интересами и возможностями» [6, с. 55]. В отличие от предметно-профессиональной адаптации, связанной прежде всего с освоением содержания и технологий профессиональной деятельности [5, 11], СПА подчеркивает социальное содержание адаптационного процесса. Она связана с согласованием индивидуальных характеристик, установок и ролевых притязаний индивида с нормами, ожиданиями и возможностями конкретной малой группы и её внутренних микроструктур (неформальных подгрупп).

Несмотря на значительный массив работ, посвящённых адаптации, сохраняется ряд концептуальных и методологических проблем. Во-первых, на теоретическом уровне наблюдается отсутствие единой концептуальной схемы СПА, что проявляется в множественности подходов к пониманию её содержания [9, 12, 16]. Во-вторых, на уровне эмпирических исследований значительная часть работ фокусируется преимущественно либо на характеристиках индивида (личностные ресурсы, психологические качества, активность) [17, 18], либо на характеристиках групповой среды (нормы, структура, стиль лидерства), оставляя вне систематического анализа их взаимную детерминацию в конкретной малой группе [19, 22]. В-третьих, значительная часть работ описывает адаптацию в обобщённых категориях «личность – группа» или «личность – коллектив», недостаточно учитывая социально-психологическую структуру малой группы, в частности неформальные подгруппы, которые выступают основными микросредами включения личности в групповое взаимодействие и опосредуют общий процесс её адаптации в коллективе [6, 14].

Анализ отечественных и зарубежных исследований позволяет условно выделить три различающихся подхода к пониманию СПА члена в малой группе. В первом подходе СПА индивида в малой группы рассматривается преимущественно как функция его индивидуальных характеристик и активности. Здесь подчёркивается значение личностных ресурсов индивида, его социально-психологических и психологических качеств, особенностей саморегуляции, а также активности индивида в достижении соответствия требованиям социальной среды [4, 17]. Во втором подходе внимание фокусируется на характеристиках малой группы и её активности по отношению к новому (полноправному или маргинальному) члену, которые рассматриваются как ключевые факторы, влияющие на успешность и характер процесса его СПА. В центре анализа оказываются групповые нормы и ожидания, структура и конфигурация подгрупп, особенности лидерства, групповые феномены и исходные установки группы к новичку, задающие рамки его принятия или отвержения [15, 19, 22]. В третьем подходе СПА рассматривают как результат взаимной активности индивида и группы (подгруппы), описывая её как двусторонний процесс согласования и изменения как индивидуальных характеристик субъекта, так и характеристик группы и её микроструктур [16]. Особое место в рамках третьего подхода занимает микрогрупповая концепция [14], согласно которой малая группа имеет социально-психологическую структуру, которая представляет собой неформальные подгруппы и не включённых в них, связи между ними и их связи с группой в целом, а потому адаптация членов понимается как процесс и результат взаимной активности индивида и подгруппы/группы [6, 14].

Таким образом, с одной стороны, СПА членов малой группы признаётся ключевым условием их психологического благополучия и эффективности, а также рассматривается как сложный, многоуровневый и динамический процесс [7]. С другой стороны, существующие подходы к её пониманию либо односторонне ориентируются на индивидуальные или групповые детерминанты, либо недостаточно учитывают социально-психологическую структуру малых групп и специфическую роль неформальных подгрупп в обеспечении адаптации индивидов. Это обуславливает необходимость теоретического анализа и сопоставления различных подходов к пониманию СПА с учётом современных эмпирических данных и разработок в области микрогрупповой теории.

Цель настоящей статьи состоит в теоретическом анализе подходов к пониманию СПА индивидов в малой группе: 1) адаптация как функция характеристик и активности индивида; 2) адаптация как функция характеристик и активности группы (подгруппы); 3) адаптация как функция взаимоотношений и взаимной активности индивида и группы (подгруппы).

В соответствии с этой целью мы последовательно рассмотрим каждый из трех подходов к пониманию СПА, определяя их теоретические различия между собой. Затем будет обсуждаться теоретическая и практическая значимость исследования, а также будет сформулирована перспектива дальнейшего исследования.

Материалы и методы исследований

Методом исследования является теоретический анализ научных публикаций с последующей систематизацией подходов к пониманию СПА членов малой группы. В качестве материала исследования выступили отечественные и зарубежные научные публикации, посвященные проблематике СПА индивида в малых группах, командах и коллективах. Анализировались концептуальные работы, представляющие теоретические модели адаптации, а также эмпирические исследования, раскрывающие индивидуальные, групповые и интеракционные детерминанты адаптационных процессов. На основе критериального анализа содержания подходов, их теоретических оснований и акцентов на различных детерминантах адаптации (индивидуальные характеристики и активность индивида, характеристики и активность группы/подгруппы, взаимная активность индивида и группы/подгруппы) были выделены три различающихся перспективы.

Теоретическая база исследования включает концепцию социально-психической адаптации личности А.А. Налчаджяна, концепцию персонализации А.В. Петровского, теорию групповой социализации Р. Морленда и Дж. Ливайна, микрогрупповую концепцию А.В. Сидоренкова, а также современные зарубежные модели организационной социализации новичков и восприимчивости команды к новым членам.

Результаты и обсуждения

В результате проведенного анализа отечественных и зарубежных исследований было условно выделено три различающихся подхода к пониманию СПА членов в малой группе. Рассмотрим далее каждый из них подробнее.

Адаптация как функция характеристик и активности индивида

В рамках данного подхода СПА индивида в группе понимается как результат (функция) специфической конфигурации его личностных, психологических и социально-психологических характеристик, а также особенностей активности в группах. Данный подход исходит из предпосылки о решающем значении характеристик и активности субъекта для успешности его СПА в группе и относится к числу наиболее ранних и концептуально оформленных в психологии.

В междисциплинарном обзоре В.В. Костиной [8] адаптация описывается как многоуровневый механизм развития и саморазвития личности, включения человека в системы социальных и профессиональных отношений, при котором субъект не только приспосабливается к среде, но и трансформирует её, опираясь на собственные ресурсы и активную позицию. Такой подход задаёт рамку для понимания адаптации как траектории, определяемой сочетанием индивидуальных (личностных и когнитивно-эмоциональных), мотивационно-деятельностных и социально-контекстуальных детерминант, а также характером активности субъекта, включая его стратегии совладания, саморегуляции и построения «психологического контракта» с окружающей средой [8].

В отечественной традиции данный подход был рассмотрен А.А. Налчаджяном [9], разработавший концепцию СПА личности. Автор исходит из идеи онтогенетической социализации как сложного процесса взаимодействия индивида и социальной среды, в ходе которого человек, сталкиваясь с проблемными ситуациями в сфере межличностных отношений, осваивает нормы поведения, установки, черты характера и их комплексы, имеющие адаптивное значение. Адаптация описывается как «взаимоотношение личности и группы», при котором индивид без длительных внутренних и внешних конфликтов включается в жизнь группы, продуктивно выполняет ведущую деятельность и удовлетворяет свои основные социальные потребности. Однако основное внимание в этой концепции уделяется формам, механизмам и стратегиям адаптации личности, то есть тем внутренним психологическим средствам, посредством которых субъект достигает соответствия требованиям среды. Поэтому, несмотря на признание двустороннего характера отношений «личность – группа», в нашей типологии данная концепция отнесена к первому подходу, поскольку адаптация в ней раскрывается прежде всего как функция характеристик и активности самого индивида [9].

Другое исследование показывает, что для адаптированных индивидов характерен специфический профиль личностных качеств (адекватная самооценка, эмоциональная устойчивость, развитый самоконтроль, уверенность в себе, нормативность поведения, готовность к изменениям) напряжением [12]. Дезадаптация, напротив, ассоциируется с неадекватной самооценкой, эмоциональной неустойчивостью, повышенной тревожностью, низким уровнем самоконтроля и выраженным внутренним напряжением [12].

А.В. Григорьев [4] показывает, что СПА личности выступает результатом взаимодействия комплекса личностных качеств и характеристик, отношения к активности с направленностью реализуемой социальной активности. Показатели адаптированности зависят от специфического сочетания таких параметров, как уровень самооценки, выраженность внутреннего локуса-контроля, мотивация достижения и избегания неудачи, а также от принятия или избегания социальной активности, её просоциальной или эгоцентрической направленности. При этом активность рассматривается как необходимое условие адаптации. Именно в процессе активности индивид получает информацию о требованиях среды, осознаёт несоответствия между собственными возможностями и этими требованиями, вырабатывает способы их преодоления и получает обратную связь, позволяющую корректировать как себя, так и стиль взаимодействия с окружением.

Н. Карриедо с коллегами [17] раскрывают адаптацию индивида в социальной среде (включая взаимодействия в группах) как многомерный психосоциальный процесс, объединяющий когнитивные, эмоциональные и социальные факторы. Ключевыми компонентами успешной адаптации являются саморегуляция (когнитивная и поведенческая), высокая самооценка, внутренний локус контроля, низкий уровень стресса, наличие социальной поддержки и сниженное чувство одиночества. Показано, что даже в условиях ограни-

ченных ресурсов индивиды могут достигать высокой адаптации за счёт таких факторов, как эмоциональная саморегуляция, позитивная самооценка и поддержка от социального окружения [17].

Особое место занимают исследования, в которых адаптация изучается в групповой образовательной среде. Например, в исследованиях адаптации студентов в условиях дистанционного обучения показано, что конструктивный тип адаптации связан с более высоким уровнем самопринятия, принятием других, эмоциональным комфортом и низким уровнем эскапизма [20]. Деструктивный тип, в свою очередь, сопровождается внутренней напряжённостью, эмоциональным дискомфортом и стремлением к уходу от трудностей взаимодействия. Принципиально важно, что различия между типами адаптации фиксируются не только на уровне субъективных состояний, но и на уровне поведения. Студенты с конструктивным типом адаптации были активны в коммуникации, включались в поиск решений учебных задач, вовлекали в обсуждение других участников, тогда для студентов с деструктивным типом было свойственной избегание и снижение продуктивности социального взаимодействия.

Также установлено, что физическая активность обучающихся положительно связана с адаптацией, однако эта связь опосредуется качеством межличностных отношений и психологической устойчивостью [18]. Т.е. участие в коллективных и командных формах, предполагающих физическую активность, создаёт структурированные ситуации взаимодействия, в которых формируются навыки кооперации, коммуникативная компетентность, чувство принадлежности и позитивный социальный опыт, а через них – более высокий уровень адаптации. Это позволяет рассматривать активность не только как внешнее поведенческое проявление, но и как механизм, через который личность развивает социально-психологические качества, обеспечивающие её успешное включение в группу. В другом исследовании было показано, что физическая активность студентов положительно связана с адаптацией, которая может выступать медиатором в связи между физической активностью и психологическим капиталом [25]. Кроме того, просоциальное поведение модифицирует данный процесс, усиливая выраженность адаптационных эффектов. Это означает, что адаптация индивида в социальной среде определяется не изолированным набором черт, а интеграцией его деятельностной включённости, позитивных психологических ресурсов и просоциальной направленности поведения.

Таким образом, в данном подходе адаптация зависит от определенных индивидуально-психологических характеристик или некоторого профиля характеристик (адекватная самооценка, эмоциональная устойчивость, внутренняя ответственность и др.), сочетания когнитивных, эмоциональных и социальных ресурсов, обеспечивающих эффективное совладание с требованиями среды. Кроме того, появились работы, в которых СПА индивида в группе рассматривается как многоуровневый процесс развития и саморазвития личности, в котором субъект не только приспосабливается к социальной и профессиональной среде, но также частично трансформирует её, опираясь на личностные ресурсы и активность. Ограничением этого подхода является отсутствие учета характеристик и активности малой группы и включенных в нее неформальных подгрупп как коллективных субъектов.

Адаптация как функция характеристик и активности группы (подгруппы)

Данный подход представляется менее разработанным по сравнению с первым. В соответствии с ним, ключевыми детерминантами СПА индивидов выступают характеристики малой группы и особенности её активности по отношению к ним. В фокусе внимания оказываются такие параметры групповой системы, которые в наибольшей степени детерминируют успешность или неуспешность СПА индивида.

В соответствии с систематическим обзором Р. Морленда с коллегами [21], можно установить, что ключевыми условиями адаптации индивида выступают структурные параметры группы (размер, степень дифференциации статусов и ролей, устойчивость границ), уровень её сплочённости, выраженность коллективной идентичности и нормативной регуляции взаимодействия. Именно эти характеристики создают условия его включения в группу и от которых зависят доступность ему центральных позиций в группе, степень его принятия другими и т.д. Соответственно, успешность или неуспешность адаптации связывается с тем, насколько групповая структура и динамика развития создают для новичка условия психологической безопасности, предсказуемости статуса и участия в значимой для коллектива активности.

Немного позднее в рамках теории групповой социализации Р. Морленда и Дж. Ливайна [22] было установлено, что ключевые изменения в отношениях между индивидом и производственной группой происходят в процессе групповой социализации и формировании доверия внутри коллектива. Показано, что группы выступают основным контекстом социализации, задающим нормы, ожидания и режимы контроля, в рамках которых оценивается поведение новых и маргинальных членов. Соответственно, траектория адаптации новичка (движение к статусу полноправного или маргинального члена) определяется тем, как сама группа проявляет к нему доверие, структурирует роли и обеспечивает доступ к информационным, эмоциональным

и статусным ресурсам. Важную роль в СПА индивида также играют некоторые особенности деятельности группы и ее социальной организации [2].

Некоторыми исследователями адаптация также рассматривается сквозь призму восприятия подгрупп в команде и качества отношений с руководителем как факторов социальной интеграции новичков [19]. Показано, что воспринимаемое новичками наличие в группе подгрупп и оцениваемое ими качество взаимодействия с руководителем предсказывают уровень социальной интеграции, оценку привлекательности организации и намерение оставаться в ней. Отчетливое восприятие индивидом подгрупп и степени их открытости/закрытости, а также стиль лидерства в группе определяют, в какой мере новичок будет субъективно переживать себя как часть «внутри» значимой для него социальной общности [19].

На СПА новичка влияет не только доверие группы к нему [22], но также определенный тип установки группы по отношению к новичку [3]. Было выделено три типа установок группы по отношению к новичку: группа открыта к контакту с новичком и заранее настроена доброжелательно (позитивно-принимаящая); группа допускает взаимодействие, но настроена враждебно к новичку (негативно-принимаящая); группа демонстрирует индифферентность и уклонение от контакта с новичком (отвергающая). При первом типе установки члены группы склонны приписывать новичку положительные личностные качества и доброжелательно интерпретировать его поведение, что создаёт благоприятные условия для быстрой и успешной адаптации, облегчает установление доверительных отношений и включение в групповые процессы. Второй тип установки характеризуется готовностью к взаимодействию, но при этом новичку приписываются негативные качества и намерения, его действия интерпретируются с подозрением, что затрудняет адаптацию, создаёт напряжённость в отношениях и требует от новичка значительных усилий для преодоления негативных ожиданий. Третий тип установки проявляется в игнорировании новичка, отсутствии инициативы во взаимодействии и эмоциональной холодности, что существенно замедляет процесс адаптации, препятствует включению в неформальную структуру группы и может приводить к социальной изоляции. Установка группы имеет наиболее важное значение на начальном этапе вхождения новичка в группу, так как у группы еще отсутствует достаточный объём информации о новичке. В этих условиях установка оказывает большее влияние на процесс включения, чем реальные качества новичка (его личностные свойства или профессиональные возможности). Эмпирические данные показывают, что в группах высокого уровня развития преобладают установки первого типа – члены группы склонны приписывать новичку положительные личностные качества, аналогичные тем, которые они приписывают себе или своим членам группы, что способствует благоприятному протеканию процесса адаптации. Важно отметить, что группы, характеризующиеся гуманной, доброжелательной установкой по отношению к новичку, реализуют эту установку при реальном взаимодействии с новым индивидом, что подтверждается совпадением данных об установках и о действительной групповой эмоциональной идентификации с новичком [3].

Также было показано, что СПА полноправных членов в производственной группе положительно связано с некоторыми групповыми явлениями (сплочённость, норма открытости, доверие и идентичность), а СПА в неформальной подгруппе – с доверием членов к подгруппе и идентификации с ней [15]. Установлено, что работники, включённые в неформальные подгруппы имеют более высокую адаптацию внутри своих подгрупп, чем в группе в целом. Данный факт указывает на то, что неформальные подгруппы выполняют функцию своеобразных «адаптационных ниш», создавая более благоприятные условия для СПА своих членов по сравнению с группой в целом, и при этом успешная адаптация в подгруппе способствует адаптации в группе. Вместе с тем, механизмы адаптации на уровне группы и подгруппы различаются. Если на уровне группы все групповые феномены комплексно вносят позитивный вклад в адаптацию, то на уровне подгруппы позитивное влияние на адаптацию оказывают только феномены отношения индивида к подгруппе (доверие, идентификация), тогда как феномены межличностных отношений характеризуются негативным вектором воздействия. Это свидетельствует о том, что адаптация в подгруппе осуществляется преимущественно через формирование отношения «член – подгруппа», а не через установление межличностных связей с отдельными её участниками, что отражает специфику функционирования неформальных подгрупп как относительно автономных микросистем внутри группы. Кроме того, на СПА работников в группе и неформальной подгруппе оказывают влияние не только отдельные характеристики группы и подгруппы, но также их определенное сочетание [15].

Таким образом, в рамках второго подхода СПА члена малой группы рассматривается преимущественно как производная от характеристик групповой среды, её активности и отношения к индивиду (полноправному члену и/или новичку). Ограничением данного подхода является рассмотрение адаптации как одностороннего процесса приспособления индивида к группе, тогда как группа также претерпевает изменения под влиянием включения нового члена.

Адаптация как функция взаимоотношений и взаимной активности индивида и группы (подгруппы)

В рамках этого подхода СПА членов малой группы трактуется как результат взаимной активности индивида и группы (подгруппы), в ходе которой изменяются как характеристики и поведение самого индивида, так и определенные самой группы (подгруппы). Данный подход рассматривает адаптацию как двусторонний процесс «индивид – группа», обеспечивающий достижение нового динамического равновесия. Данный подход является более всеобъемлющим по сравнению с двумя предыдущими, но одновременно более сложным для теоретико-экспериментального и прикладного анализа.

Одним из теоретических оснований такого понимания адаптации выступает концепция персонализации А.В. Петровского [10]. В ней вхождение личности в относительно устойчивую социальную среду рассматривается как процесс, включающий фазы адаптации, индивидуализации и интеграции. Принципиально важно, что данная модель описывает не одностороннее приспособление индивида к группе, а последовательное развертывание взаимной активности личности и коллектива. Если на первой фазе индивид осваивает нормы, ценности и способы совместной деятельности, принятые в группе, то на стадии индивидуализации он стремится утвердить собственную индивидуальность в системе групповых отношений, а группа, в свою очередь, оценивает, принимает, ограничивает или отвергает эти проявления. На стадии интеграции достигается такое соотношение индивидуальных и групповых характеристик, при котором значимые для группы особенности личности оказываются включёнными в её жизнедеятельность, а сама группа в определённой мере изменяет свои нормы, ожидания и способы взаимодействия. Тем самым в концепции А.В. Петровского вхождение личности в группу раскрывается как двусторонний процесс взаимного влияния и изменения индивида и группы [10].

А.А. Реан с соавторами [13] рассматривают адаптацию личности как результат взаимодействия базовых личностных свойств (уровень тревожности, самооценка, направленность, фрустрационная толерантность) и социальной среды. Принципиально важно, что адаптация понимается не как одностороннее приспособление индивида к среде или среды к индивиду, а как процесс установления динамического равновесия в системе «индивид – социальная среда». Авторы подчеркивают, что уровень адаптированности индивида к группе или обществу определяется как свойствами и качествами самого индивида, так и свойствами и качествами социальной группы, социальной среды. Выделяются три ключевых измерения адаптации: процесс, результат и основание формирования психических новообразований. Адаптация выступает механизмом развития личности, в ходе которого формируется совокупность психических качеств, знаний, умений, навыков и характеристик межличностного взаимодействия. Такое понимание отражает признание активной преобразовательной функции как личности, так и социальной среды, что делает проблему развития личности и группы на основе их конструктивного взаимодействия центральной в адаптационном процессе [13].

Подход взаимной активности также представлен в концепции «восприимчивости команды к новичкам», предложенной Ф. Ринк и коллегами [23] на основе обзора множества исследований. Авторы исходят из того, что традиционные работы фокусировались преимущественно на индивидуальной «подгонке» новичка под уже существующие нормы и структуру, оставляя в тени вопрос о том, каким образом сами команды изменяются в ответ на включение нового члена. В противовес этому выделяются три компонента восприимчивости команды – рефлексия, использование командных знаний и принятие новичка – как ключевые индикаторы того, в какой мере команда активно перестраивает свои цели, когнитивные схемы и линии взаимодействия, интегрируя нового участника. В такой трактовке адаптация предстает как совместная «настройка» системы: новичок осваивает нормы и роли, а команда пересматривает собственные практики и структуру, интегрируя его ресурсы и при необходимости изменяясь. Тем самым акцент делается не на одностороннем воздействии групповой среды, а на взаимном влиянии новичка и команды в процессе его адаптации.

Некоторые процессуальные модели организационной социализации также отображают двусторонний характер адаптационного процесса, подчёркивая, что успешная адаптация новичка формируется из совместной активности самого индивида и его социального окружения в организации. В систематическом обзоре Л. Юй и коллег [26] показано, что проактивное поведение новичков (поиск информации, установление связей, запрос обратной связи) рассматривается во взаимосвязи с ответными действиями руководителей и коллег – поддержкой и менторством. Качество этих взаимодействий определяет степень встраивания новичков в команду, формирование у них чувства принадлежности и согласованности ценностей. Адаптация, таким образом, выступает не как односторонний процесс «воздействия среды», а как динамическое со-конструирование ролей и отношений между новичком и группой в контексте доступных ресурсов [26].

В большинстве исследований СПА по-прежнему анализируется преимущественно в плоскости того, в какой мере индивид приспособляется к требованиям среды (группы) или, напротив, модифицирует эти

требования под себя. При этом вне систематического фокуса анализа нередко остаётся социально-психологическая структура группы – её неформальные подгруппы, «самостоятельные» члены, система отношений между ними [16]. Именно необходимость учёта этих параметров послужила основанием для разработки микрогруппового подхода к изучению СПА индивида в малой группе.

Таким образом, в рамках третьего подхода СПА индивида в малой группе предстает как многоуровневый, динамический и двусторонний процесс согласования индивидуальных и групповых характеристик, как совместная «настройка» системы «индивид – группа». Исследования организационной социализации и восприимчивости команд к новичкам показывают, что устойчиво благоприятные адаптационные исходы достигаются там, где проактивное поведение новичка сочетается с готовностью команды и лидера пересматривать собственные практики и включать нового члена в значимые для группы процессы.

Выводы

Проведённый обзор позволил систематизировать подходы к пониманию СПА членов в малой группе и выделить три различающихся перспективы – адаптация как функция характеристик и активности индивида, как функция характеристик и активности группы/подгруппы и как результат взаимоотношений и взаимной активности индивида и группы/подгруппы. Проведённый анализ позволил раскрыть теоретические основания и представить эмпирическую операционализацию каждого из подходов. Вместе с тем была продемонстрирована ограниченность первых двух подходов, связанная со смещением акцентов либо на индивидуальные, либо на групповые детерминанты.

Теоретическая значимость исследования состоит в прояснении содержания СПА индивидов в малой группе и обосновании её понимания как процесса и результата взаимной активности индивида и группы/подгруппы. В работе показано многоуровневое строение малой группы как целостной системы, анализ СПА в которой требует учёта её социально-психологической структуры, включая неформальные подгруппы как значимый контекст включения индивида в групповое взаимодействие и адаптационные процессы.

Практическая значимость проведённого исследования заключается в том, что выделение трёх подходов к пониманию СПА членов малой группы позволяет более точно определять, какие индивидуальные и групповые факторы требуют целенаправленной психолого-педагогической и организационной работы для обеспечения успешной адаптации членов малых групп. На основе полученных результатов могут разрабатываться комплексные программы сопровождения, направленные на содействие СПА новичков и усиление адаптации полноправных членов в условиях профессиональных и организационных изменений. Систематизация данных об индивидуальных детерминантах адаптации может быть использована при проектировании тренингов, развивающих личностный адаптационный потенциал, навыки саморегуляции и социальную активность членов группы. Акцент на характеристиках группы и её подгрупп открывает возможности целенаправленной работы с групповыми нормами, практиками включения новичков и стилями лидерства, обеспечивающими психологическую безопасность и принятие новичков. Осмысление роли неформальных подгрупп позволяет рассматривать их как ресурс для создания каналов включения новых членов в групповое взаимодействие и источников их социальной поддержки в коллективе.

Перспективой дальнейших исследований является анализ того, как определённые характеристики неформальных подгрупп (в том числе, открытость/закрытость) и характер связей между ними определяют траектории и глубину СПА индивидов (полноправных членов и новичков) в разных типах малых групп.

Список источников

1. Александров И.А., Овсяник О.А. Анализ классических подходов и современных исследований в вопросе изучения социально-психологической адаптации и ее стратегий // Человеческий капитал. 2022. № 6 (162). С. 30 – 40. DOI: 10.25629/HC.2020.06.04
2. Георгиева И.А. Социально-психологические факторы адаптации личности в коллективе: автореф. дис. ...канд.психол.наук. Л., 1985. 22 с.
3. Горбатенко А.С. Социально-психологические детерминанты включения нового индивида в группу // Вопросы психологии. 1982. № 3. С. 99 – 104.
4. Григорьев А.В. Личностные качества и характеристики отношений к активности как предикторы социально-психологической адаптации личности в зависимости от направленности реализуемой активности // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 630.
5. Кислухина Е.В. Адаптация персонала на предприятии в современных условиях // Молодой ученый. 2025. № 7 (558). С. 253 – 256.

6. Коваль Е.С. Адаптация личности в социально-психологической структуре малой группы // Северо-Кавказский психологический вестник. 2011. № 9/2. С. 55 – 58.
7. Коваль Е.С., Сидоренков А.В. Социально-психологическая адаптация работников и эффективность малых групп // Российский психологический журнал. 2013. Т. 10, № 3. С. 29 – 36.
8. Костина В.В. Психологическая адаптация как междисциплинарный предмет исследования // Наука в мегаполисе. Science in a megapolis. 2020. № 4 (20). С. 1 – 9.
9. Налчаджян А.А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1988. 262 с.
10. Петровский А.В. Социальная психология коллектива. М.: Просвещение, 1978. 176 с.
11. Пинчук А.Н. Социально-профессиональная адаптация: от концептуализации к измерению // Социологическая наука и социальная практика. 2021. № 2, Т. 9. С. 96 – 114. DOI: 10.19181/snspr.2021.9.2.8107
12. Погодин И.А. Психологические характеристики личности в адаптационном процессе // Преподаватель XXI век. 2009. № 4. С. 357 – 369.
13. Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. 479 с.
14. Сидоренков А.В. Малая группа и неформальные подгруппы: микрогрупповая теория: монография. Ростов-на-Дону: Южн. федерал. ун-т, 2010. 272 с.
15. Сидоренков А.В., Коваль Е.С. Взаимосвязь групповых феноменов и социально-психологической адаптации работников в организации // Психологический журнал. 2015. Т. 36. №1. С. 34 – 46.
16. Сидоренков А.В., Коваль Е.С. Проблема социально-психологической адаптации личности в организации // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 1(09). С. 153 – 166.
17. Carriedo N., Rodríguez-Villagra O.A., Moguilner S., Morales-Sepulveda J.P., Huepe-Artigas D., Soto V., Franco-O'Byrne D., Ibáñez A., Bekinschtein T.A., Huepe D. Cognitive, emotional, and social factors promoting psychosocial adaptation: a study of latent profiles in people living in socially vulnerable contexts // Frontiers in Psychology. 2024. Vol. 15. P. 1 – 15. DOI:10.3389/fpsyg.2024.1321242
18. Chen Y., Ma J., Li J., Zang Y. Physical activity and social adaptation in high school students: the chain mediating roles of interpersonal relationships and psychological resilience // Frontiers in Public Health. 2026. Vol. 14. P. 1 – 13. DOI: 10.3389/fpubh.2026.1740134.
19. Creon L.E., Schermuly C.C. Welcome to our (divided) team: perceived subgroups and LMX during newcomer socialization // Zeitschrift für Arbeits- und Organisationspsychologie A&O. 2024. Vol. 68 (1). P. 3 – 16. DOI:10.1026/0932-4089/a000414
20. Dvoynikova E.Y., Beilina N.S., Telnova O.V. Psychological features of social adaptation of students in the distance learning // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2021. Vol. 119. P. 736 – 743. DOI:10.15405/EPBSBS.2021.12.02.91
21. Moreland R. L., Hogg M.A., Hains S.C. Back to the future: Social psychological research on groups // Journal of Experimental Social Psychology. 1994. Vol. 30. № 6. P. 527 – 555.
22. Moreland R.L., Levine J.M. Socialization and Trust in Work Groups Group // Processes & Intergroup Relations. 2002. Vol.5(3). P. 185 – 201. DOI:10.1177/1368430202005003001
23. Rink F., Kane A., Ellemers N., van der Vegt G. Team Receptivity to Newcomers: Five Decades of Evidence and Future Research Themes // Academy of Management Annals. 2013. Vol. 7 (1). P. 247 – 293. DOI:10.1080/19416520.2013.766405
24. Silva P.G., Pereira H. Development and validation of a psychosocial adaptation scale for migrant women (PAS-MW) // Journal of Migration and Health. 2025. Vol. 12. P. 1 – 10. DOI:10.1016/j.jmh.2025.100348
25. Xue Q., Wang T., Nie Y., Wang X., Yao X., Zhang J., Li Y., Sun H., Liu C., Gao J. The mediating effect of social adaptation and the moderating effect of prosocial behavior on the relationship between physical activity and psychological capital // Scientific Reports. 2025. Vol. 15. P. 1 – 9. DOI:10.1038/s41598-025-16269-x
26. Yu L., Ren H., Singh R. Newcomers' Organizational Socialization: A Systemic Review // International Journal of Management, Economics and Social Sciences. 2025. Vol. 14 (1-2). P. 23 – 53. DOI:10.32327/IJMESS/14.1-2.2025.2

References

1. Aleksandrov I.A., Ovsyanik O.A. Analysis of classical approaches and modern research in the study of socio-psychological adaptation and its strategies. *Human capital*. 2022. No. 6 (162). P. 30 – 40. DOI: 10.25629/HC.2020.06.04
2. Georgieva I.A. Socio-psychological factors of personality adaptation in a team: Abstract of a PhD thesis. Leningrad, 1985. 22 p.
3. Gorbatenko A.S. Socio-psychological determinants of the inclusion of a new individual in a group. *Voprosy psihologii*. 1982. No. 3. P. 99 – 104.
4. Grigoriev A.V. Personality Traits and Characteristics of Attitudes to Activity as Predictors of Social and Psychological Adaptation of an Individual Depending on the Direction of the Activity Implemented. *Modern Problems of Science and Education*. 2014. No. 5. P. 630.
5. Kislukhina E.V. Adaptation of Personnel at an Enterprise in Modern Conditions. *Young Scientist*. 2025. No. 7 (558). P. 253 – 256.
6. Koval E.S. Adaptation of an Individual in the Social and Psychological Structure of a Small Group. *North Caucasian Psychological Bulletin*. 2011. No. 9/2. P. 55 – 58.
7. Koval E.S., Sidorenkov A.V. Social and Psychological Adaptation of Employees and the Effectiveness of Small Groups. *Russian Psychological Journal*. 2013. Vol. 10, No. 3. P. 29 – 36.
8. Kostina V.V. Psychological Adaptation as an Interdisciplinary Subject of Research. *Science in a Megapolis*. 2020. No. 4 (20). P. 1 – 9.
9. Nalchadzhyan A.A. Social and Mental Adaptation of the Individual (Forms, Mechanisms, and Strategies). Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1988. 262 p.
10. Petrovsky A.V. Social Psychology of the Collective. Moscow: Prosveshchenie, 1978. 176 p.
11. Pinchuk A.N. Social and Professional Adaptation: From Conceptualization to Measurement. *Sociological Science and Social Practice*. 2021. No. 2, Vol. 9. P. 96 – 114. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.2.8107
12. Pogodin I.A. Psychological characteristics of personality in the adaptation process. *Teacher of the XXI century*. 2009. No. 4. P. 357 – 369.
13. Rean A.A., Kudashev A.R., Baranov A.A. Psychology of personality adaptation. St. Petersburg: Prime-EVROZNAK, 2008. 479 p.
14. Sidorenkov A.V. Small group and informal subgroups: microgroup theory: monograph. Rostov-on-Don: Southern Federal University, 2010. 272 p.
15. Sidorenkov A.V., Koval E.S. The relationship between group phenomena and social and psychological adaptation of employees in an organization. *Psychological Journal*. 2015. Vol. 36. No. 1. P. 34 – 46.
16. Sidorenkov A.V., Koval E.S. The problem of social and psychological adaptation of an individual in an organization. *Modern studies of social problems*. 2012. No. 1(09). P. 153 – 166.
17. Carriedo N., Rodríguez-Villagra O.A., Moguilner S., Morales-Sepulveda J.P., Huepe-Artigas D., Soto V., Franco-O'Byrne D., Ibáñez A., Bekinshtein T.A., Huepe D. Cognitive, emotional, and social factors promoting psychosocial adaptation: a study of latent profiles in people living in socially vulnerable contexts. *Frontiers in Psychology*. 2024. Vol. 15. P. 1 – 15. DOI:10.3389/fpsyg.2024.1321242
18. Chen Y., Ma J., Li J., Zang Y. Physical activity and social adaptation in high school students: the chain mediating roles of interpersonal relationships and psychological resilience. *Frontiers in Public Health*. 2026. Vol. 14. P. 1 – 13. DOI: 10.3389/fpubh.2026.1740134.
19. Creon L.E., Schermuly C.C. Welcome to our (divided) team: perceived subgroups and LMX during newcomer socialization. *Zeitschrift für Arbeits- und Organisationspsychologie A&O*. 2024. Vol. 68 (1). P. 3 – 16. DOI:10.1026/0932-4089/a000414
20. Dvoinikova E.Y., Beilina N.S., Telnova O.V. Psychological features of social adaptation of students in the distance learning. *European Proceedings of Social and Behavioral Sciences*. 2021. Vol. 119. P. 736 – 743. DOI:10.15405/EPSSBS.2021.12.02.91
21. Moreland R.L., Hogg M.A., Hains S.C. Back to the future: Social psychological research on groups. *Journal of Experimental Social Psychology*. 1994. Vol. 30. No. 6. P. 527 – 555.
22. Moreland R.L., Levine J.M. Socialization and Trust in Work Groups. *Processes & Intergroup Relations*. 2002. Vol.5(3). P. 185 – 201. DOI:10.1177/1368430202005003001
23. Rink F., Kane A., Ellemers N., van der Vegt G. Team Receptivity to Newcomers: Five Decades of Evidence and Future Research Themes. *Academy of Management Annals*. 2013. Vol. 7 (1). P. 247 – 293. DOI:10.1080/19416520.2013.766405

24. Silva P.G., Pereira H. Development and validation of a psychosocial adaptation scale for migrant women (PAS-MW). *Journal of Migration and Health*. 2025. Vol. 12. P. 1 – 10. DOI:10.1016/j.jmh.2025.100348
25. Xue Q., Wang T., Nie Y., Wang X., Yao X., Zhang J., Li Y., Sun H., Liu C., Gao J. The mediating effect of social adaptation and the moderating effect of prosocial behavior on the relationship between physical activity and psychological capital. *Scientific Reports*. 2025. Vol. 15. P. 1 – 9. DOI:10.1038/s41598-025-16269-x
26. Yu L., Ren H., Singh R. Newcomers' Organizational Socialization: A Systemic Review. *International Journal of Management, Economics and Social Sciences*. 2025. Vol. 14 (1-2). P. 23 – 53. DOI:10.32327/IJMESS/14.1-2.2025.2

Информация об авторах

Андриалович Е.С., преподаватель, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4371-5650>, Южный федеральный университет, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, esalnikova@sfedu.ru

Сидоренков А.В., доктор психологических наук, профессор, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0554-3103>, Южный федеральный университет, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, avsidorenkov@sfedu.ru

© Андриалович Е.С., Сидоренков А.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

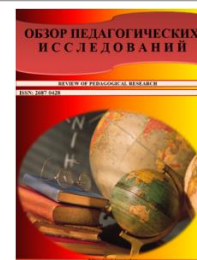
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.99

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-18-25

Роль социальной среды в развитии интеллектуальной одаренности дошкольников

¹ Кряжкова Е.В.,

¹ Донской государственный технический университет

Аннотация: материал и методы: ключевым инструментом исследования стало анонимное анкетирование, осуществляемое через дистанционные формы, например, Google Forms. Анкета была разработана с использованием 15 вопросов, которые позволяли респондентам как свободно выражать свои мысли (открытые вопросы), так и выбирать из готовых вариантов ответов (закрытые вопросы), а также комбинировать эти подходы (полузакрытые вопросы).

Результаты. Благодаря безграничным возможностям цифровой образовательной среды, педагоги и родители получают доступ к новым инструментам для эффективного взаимодействия в воспитательно-образовательном процессе. В контексте дошкольного образования, цифровые устройства приобретают многофункциональное значение. Они используются как дидактические средства для детей и как коммуникационные хабы, способствующие координации усилий педагогов, родителей и воспитанников. Эта синергия направлена на оптимизацию и повышение продуктивности образовательного процесса. Благодаря инновационным средствам коммуникации с родителями, мы изучаем запрос и отношение родительской аудитории в развитии интеллектуальной одаренности по средствам цифровизации в бюджетной образовательной дошкольной организации.

Заключение. Нами выявлены семьи детей воспитанников, которые в домашних условиях развивают и обогащают цифровым инструментарием умственные задатки, интеллектуальные способности и одаренность во всех проявлениях. Данный материал обладает высокой практической ценностью, поскольку может быть успешно интегрирован в образовательный процесс, направленный на работу с одаренными детьми и их семьями.

Ключевые слова: интеллектуальная одаренность, образовательная среда, дети дошкольного возраста, информатизация

Для цитирования: Кряжкова Е.В. Роль социальной среды в развитии интеллектуальной одаренности дошкольников // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 18 – 25. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-18-25

Поступила в редакцию: 7 апреля 2026 г.;
Одобрена после рецензирования: 4 мая 2026 г.;
Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

The role of the social environment in the development of intellectual talent in preschool children

¹ Kryazhkova E.V.,
¹ Don State Technical University

Abstract: material and methods: The key research tool was anonymous questionnaires conducted through remote forms, for example, Google Forms. The questionnaire was developed using 15 questions that allowed respondents to freely express their thoughts (open-ended questions), as well as choose from ready-made answers (closed-ended questions), as well as combine these approaches (semi-closed-ended questions).

Results. Thanks to the limitless possibilities of the digital educational environment, teachers and parents gain access to new tools for effective interaction in the educational process. In the context of preschool education, digital devices acquire multifunctional significance. They are used as didactic tools for children and as communication nodes that facilitate the coordination of efforts between teachers, parents and students. This synergy is aimed at optimizing and increasing the productivity of the educational process. Using innovative means of communication with parents, we study the needs and attitudes of parents towards the development of intellectual giftedness through digitalization in a public preschool educational institution.

Conclusion. Thus, we have identified families in which children at home develop and enrich their intellectual inclinations, intellectual abilities and giftedness in all its manifestations using digital tools. The theoretical significance of the research lies in the study of the conditions of detention of modern intellectually gifted children and the attitude of parents to digitalization in the family and educational environment. This material has a high practical value, as it can be successfully integrated into the educational process aimed at working with gifted children and their families.

Keywords: intellectual giftedness, educational environment, preschoolers, information technology

For citation: Kryazhkova E.V. The role of the social environment in the development of intellectual talent in preschool children. *Review of Pedagogical Research*. 2026. 8 (6). P. 18 – 25. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-18-25

The article was submitted: April 7, 2026; Approved after reviewing: May 4, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

В нынешних условиях современного и непредсказуемого времени, актуальность диктует правила динамики и активной жизненной позиции, от каждого участника функционально-деятельностного процесса. Императивом является наличие у каждого индивида определённых способностей и компетенций, прибывая в условиях многозадачности и реагируя на широкий спектр незапланированных жизненных и профессиональных ситуаций. Это обуславливает потребность в непрерывном развитии индивида и его фундаментальных компетенций, таких как критическое мышление, коллаборация, автономность, проактивность, физическая выносливость и ряд других личностных атрибутов. В определенной области знаний специалисту необходимо обладать аналитическим складом ума, глубокой осведомленностью и открытостью к новым идеям. Личность современной эпохи должна иметь способность критически оценивать информацию, адаптироваться к меняющимся условиям и ставить под сомнение устоявшиеся подходы при решении технических задач. Данные проявления являются ожидаемыми для индивидов с выдающимися способностями и уникальными особенностями. Раскрытие потенциала, обучение и всестороннее развитие одарённых и талантливых детей и молодежи представляет собой одну из наиболее значимых и перспективных задач, стоящих перед современной системой образования, обучения и воспитания. При работе с детьми, опережающими свой возраст в умственном развитии, критически важно своевременно уловить и зафиксировать те черты их индивидуальности, которые демонстрируют относительное постоянство. Одарённость, следует понимать как достаточно устойчивые, уникальные проявления незаурядного интеллекта, который не только присутствует, но и активно растёт и развивается с возрастом. Обучение должно осуществляться в рамках гибкой и многогранной образовательной среды, предоставляющей каждому учащемуся возможность формировать персонализированные образовательные пути, отвечающие его уникальным потребностям [1]. Каждый одаренный ребенок уникален: он обладает своим уровнем таланта, предпочитает свой стиль обучения и имеет свои увлечения. Их внутренняя потребность в совершенствовании, желание работать независимо и способ-

ность к глубокому анализу формируют особые запросы к психологической атмосфере занятий и к подходам в обучении, основанным на взаимодействии с образовательной средой [2].

К середине двадцатого столетия в психологических и педагогических кругах стало общепризнанным, что одаренность следует рассматривать не как неизменное свойство индивида, а как его развивающуюся особенность. Данная идея получила эмпирическое подтверждение и дальнейшее углубление в серии специализированных работ, выполненных советскими психологами (Н.С. Лейтес, А.М. Матюшкин, С.Л. Рубинштейн и др.). Многочисленные исследования и наблюдения экспертов подтверждают, что в раннем возрасте каждый человек демонстрирует исключительный потенциал к освоению различных сфер деятельности, таких как лингвистика, физическая культура или художественное самовыражение и т.д. [3]. Благоприятная среда, активно способствующая формированию и совершенствованию этих способностей, обеспечит их постоянное проявление на протяжении всей жизни. Инновационный подход ряда американских ученых, таких как А. Шведел и Р. Стернберг, заключается в утверждении, что одаренность взрослого человека коренится в его раннем детстве. Они предлагают переосмыслить одаренность как динамически развивающееся свойство, тем самым значительно расширяя рамки концепции «одаренного ребенка» как в теории, так и на практике. В их трактовке одаренность представляет собой качество, которое постепенно проявляется и формируется в сложной системе взаимодействия индивида с окружающей средой [4].

В терминах «среда» понимается как совокупность объективных факторов и эффектов, концентрирующихся на процессе развития и модели поведения, свойственных детям в период дошкольного детства [5]. Данное сочетание последствий и предпосылок делят на микросреду и макросреду. К макросредовым условиям относят факторы, влияющие на прогрессивные изменения ребенка в дошкольном возрасте в условиях этнопсихологии и национальной культуры, а также специфику социальной организации общества, экономической системы и политической власти государства, вероисповедания и географического положения и другие факторы влияния на интеллектуальную одаренность ребенка [6]. К факторам микросредовых условий общества относят - семью, детские сады, школу, окружающих, знакомых и близких, все, что входит в понятие ближайшее окружение ребенка [7]. Эти и другие факторы относятся к составу наиболее мощных и ключевых элементов воздействия на процесс формирования интеллектуальной одаренности дошкольников [8]. Разграничение влияния внешней среды и генетических предрасположенностей на формирование интеллектуальной одаренности дошкольников, в теоретических и экспериментальных исследованиях существуют и прослеживаются в работах: Ф. Гальтона, В. Штерна, Г. Айзенка, Х. Вернера, Дж. Вулвилла, Ю. Б. Гиппенрейтера, И.В. Равич-Щербо, В.Н. Дружинина и других.

Ключевыми и приоритетными составляющими средового воздействия на развитие интеллектуальной одаренности ребенка-дошкольника, является внутрисемейная среда. Теоретические исследования В.Н. Дружинина определили три группы моделей, объясняющие влияние внутрисемейных факторов на интеллектуальную одаренность дошкольников [9].

В первой группе, детско-родительское общение является определяющим фактором, которое оказывает существенное влияние и основополагающее значение на развитие интеллектуальной одаренности дошкольников. Последствия длительного обмена информацией и взаимодействия родителя и ребенка, имеет серьезное влияние на интеллект. Существенная роль временного фактора является центральным объектом изучения [10]. Научные изыскания В.Н. Дружинина и О.Н. Скоблик показали, что эмоционально близкий родитель, имеет основное влияние на интеллектуальные способности ребенка [11]. На основании того, что эмоционально ближе к ребенку является мама и возникает так называемый материнский эффект.

Вторая группа моделей, называемая идентификационной, она подразумевает, что у дошкольника происходит процесс формирования интеллектуальной одаренности в силу того, что он примеряет на себя и осваивает новую ролевую модель. Ребенок овладевает способами поведения, характерными для его роли и формирует гендерную идентичности через подражание родителя того же пола [12].

В.Н. Дружинин, в качестве третьей группы модели, выделяет концепцию американского психолога Р. Зайонца. Идея данной модели зависит от количества детей рожденных в семье и на индивидуальные особенности интеллектуального развития каждого ребенка, рожденного в семье. Автор полагал, что от количества появившихся на свет детей в этой семье, определяется ее интеллектуальный климат, который интегрируется в сумму уровней каждого из члена семьи. Этот факт обусловлен цикличным характером семейных отношений: семья является формирующей средой для каждого своего члена, и одновременно каждый член семьи активно участвует в формировании и изменении этой среды [13].

У Л.С. Выготского, ключевыми вопросами изучения условий средового параметра, выступали следующие три аспекта:

- 1) роль среды в формировании интеллекта у дошкольника;
- 2) индивидуальность среды человека;
- 3) трансформация и меняющиеся условия окружающей среды, в которой прибывает дошкольник.

Становление личности ребенка как носителя социальных ролей и функций, средовые условия, в которых прибывает дошкольник, устанавливают его интеллектуальные способности и потенциал. Социальная среда, влияющая на каждый аспект познавательного развития и является динамичной для роста интеллектуальной одаренности дошкольника. Роль социальной среды в формировании интеллектуального потенциала у детей, анализируется в разнообразных и всесторонних взаимоотношениях, в которые вступает ребенок-дошкольник [14].

Русский исследователь П.П. Соколов писал, что умственные способности детей рассматриваются с разных точек зрения. Изучая, интеллектуальную одаренность под одним углом, проявляются врожденные задатки и особенности. Если рассматривать этот вопрос с другой позиции исследования, то интеллектуальное развитие, изменяется и дополняется, в зависимости от их возрастного уровня и от условий их воспитания. Благоприятная и культурно богатая общественная среда является необходимым условием для раскрытия высокого уровня интеллектуального развития ребенка. Интеллектуальное превосходство ребенка и культурная развитость его окружения находятся в тесной взаимосвязи, усиливая друг друга [15].

Влияние социально-средовых факторов на интеллектуальное развитие детей дошкольного возраста, стало предметом исследования Ж. Пиаже и его последователей. В своих научных работах, ученый изучает интеллектуальное развитие дошкольника и социальный мир, в котором прибывает ребенок. Развитие интеллектуальной одаренности ребенка строится на фундаменте процесса познания, который движет самостоятельной активностью и любознательностью ребенка и его познавательным интересом. Выявление признаков высокого интеллектуального развития у детей дошкольного возраста, развивается как результат социального воздействия и формируется в результате познавательного интереса, а также стремление к пониманию закономерностей общественного развития и человеческого поведения. Воздействие социально-средовых условий на формирование интеллектуальной одаренности дошкольников происходит в динамическом процессе и является прогрессирующим алгоритмом действий. Последовательность стадий и уровней формирования умственного развития, минуя уровни в определенном возрастном и социальном порядке, достигнув определенного уровня развития, ребенок не может деградировать до своих исходных, элементарных и начальных позиций [16]. При развитии одаренности в социальной среде ребенку необходимо взаимодействовать со сверстниками или детьми того же возрастного уровня. Ребенок, принимая информацию от взрослого, не должен воспринимать ее и «слепо» верить, для всестороннего понимания, следует обсуждать это с ровесниками и подвергать конструктивной критике, а диалог на равных условиях может быть только между равными [17].

Ключевым значением, в умственном развитии ребенка и потенциальных качеств личности, является семья и знания родителей как наставников цифровой адаптации, является первостепенным и незаменимым [18].

В условиях глобального перехода к информационному обществу и активной цифровой трансформации, актуальная реальность и условия жизни, невозможно представить без цифровых систем и компьютерных технологий. Социальные контакты и взаимоотношения, определяющие наше место в мире и условия пребывания в ней, как взрослых, так и подрастающего поколения, наполняются и изобилуют разнообразными цифровыми системами. Современная цифровая среда – это повсеместный инструмент, быстро проникающий во все уровни образования [19]. В качестве фундаментального и всеобъемлющего инструмента, инновационная цифровая платформа активно и стремительно внедряется и распространяется на разновозрастные уровни пользователей. Ресурсы цифрового мира активным образом внедряются в досуг детей и подростков, в организации дополнительного образования, в спортивные секции и другие сферы жизни детей. Систему цифровизации и компьютерных технологий можно рассматривать как необходимую составляющую образовательного пространства в домашних условиях сегодня, а также важнейший элемент, без которого невозможно представить современную домашнюю образовательную экосистему. Дети раннего возраста активно взаимодействуют с разнообразными инновационными играми и игрушками компьютерного мира. С приходом ребенка в дошкольную образовательную организацию, начинается формирование личности и социализации [20]. Естественной и доступной формой развития личностных и индивидуальных качеств ребенка является игра. Внедрение инновационных цифровых игровых и интерактивных средств в воспитание и образование ребенка-дошкольника, открывает безграничные возможности в развитии интеллектуальной одаренности дошкольников [21]. Интерактивный пол с комплектом компьютерных игр, интерактивный экран и доски, мультимедийные столы и песочницы, все это и многое другое способствуют разви-

тию интеллектуальной одаренности детей дошкольного возраста. Электронные образовательные технологии активно вовлекают дошкольников в процесс обучения, делая материал более понятным и запоминающимся. Они обеспечивают яркую визуализацию, способствуют глубокому освоению знаний, тренируют навыки работы с информацией любого типа, стимулируют развитие эстетического вкуса и расширяют горизонты познания, что необходимо для развития одаренного ребенка.

В нашем исследовании под термином «средовые условия» рассматривается «цифровая среда», как форма развития одаренности дошкольников. Уровень сформированности цифровых навыков у родительской аудитории в стратегическом применении для эффективного обучения, а затем применения детьми технологий и практик, обусловлена заказом современности, стандартами общества, а так же усовершенствованием технологий [22].

Взяв за основу исследования российских ученых, изучающих специфику детско-родительских отношений в новой цифровой среде, что является существенным фактором развития у детей цифровых навыков в среде, где выходят на передовой уровень умение и владение всевозможными технологиями цифровой среды, является помощь родителей и их цифровая компетентность (Е.В. Бахадова; С.В. Буцык; Г.У. Солдатова, Е.А. Вишнева; О.И. Теславская; Mikelic Preradovic et al.; Przybylski, Mishkin; Zimmer et al.). Мы изучили потребности и запрос родителей, в отношении к цифровизации и информатизации субъектов образовательных отношений.

Материалы и методы исследований

Основным методом исследования было анонимное анкетирование с помощью дистанционных форм опроса, такие как Гугл-формы. Содержание анкеты состояло из 15 вопросов открытого и закрытого и полужакрытого типа. Открытые вопросы касались проблем, которые возникают у родителей в связи с цифровизацией образовательного процесса, а также позитивных/негативных ожиданий от ее реализации в перспективе. При ответе родителей на закрытый тип вопросов, стоял выбор из предложенных вариантов. Полузакрытые вопросы имели возможность дополнения, родителями, своего варианта ответа. Данный метод опроса был выбран из анализа данных, при котором прослеживается удобство и комфорт для родителей в кратчайшие сроки ответить на вопросы.

Результаты и обсуждения

В анкетировании участвовало 110 человек, родители (законные представители) детей посещающие дошкольную образовательную организацию МБДОУ детский сад №22 «Ромашка» г. Аксай. Возрастной диапазон родителей составлял от 23 лет до 37 лет. 70% родителей от 23 лет и до 33 лет и 30% родителей от 33 лет до 37 лет. Возрастной диапазон родителей является важным и значимым в условиях современной развивающей цифровой среды. Эти родители, рожденные в 90-х годах прошлого столетия и это время внедрения цифровой среды в социальный мир, и окружающее их пространство, так называемое «поколение Z» [23]. Люди этого поколения максимально приближены к информации, в которой они отлично разбираются и перекладывают свои знания в цифровой мир детей. Дети, за счет этого воздействия, стремительно приспособляются ко всем новинкам цифровой среды и становятся успешными пользователями разнообразных гаджетов, телефонов, смартфонов и других инновационных средств связи и коммуникации [24]. Что подтверждается в анкете, под вопросом «Умеет ли ваш ребенок пользоваться компьютером, планшетом, ноутбуком, телефоном?». 110 респондентов ответили «Да», что составило 100% из общего количества опрошенных.

На вопрос «Считаете ли Вы, что каждый ребенок в наше время должен иметь компьютер, планшет, ноутбук, телефон?», из 110 родителей ответили 108 положительно, что составило 99% из общего количества опрошенных, два человека ответили отрицательно, что составило 1%.

Что касается временных рамок и ограничений в использовании цифровых технологий, родители ставят временной контроль в использовании гаджетов, что подтверждается в ответах анкеты. Не более двух часов ребенок проводит время с использованием компьютера, планшета, ноутбука, телефона, это ответы у 83% опрошенных, что составило 90 человек и 14 человек – это 13% опрошенных, позволяют своим детям более двух часов проводить время с использованием компьютера, планшета, ноутбука, телефона. Остальные респонденты в количестве 6 человек – это 5%, опрошенных ограничивают и сводят до минимума взаимодействия с различными гаджетами.

На основании ответов анкеты, сами родители взаимодействуют с цифровой средой от 3-х до 6-ти часов в день, ответили 86 респондентов – это 78%. От полутора часов до трех, взаимодействия с информационной

средой, ответили 15 человек – это 14%. И 9 человек взаимодействуют с различными гаджетами до полутора часов в день, что составило 8% из всех опрошенных.

Направленность и разнообразие игр, мультфильмов, фильмов, так же является родительским контролем, что подтверждается ответами анкеты. У родителей в медиатеке преобладают развивающие и обучающие компьютерные игры, мультфильмы, фильмы, что составило 85 опрошенных – 78%. Развлекательные игры, мультфильмы, фильмы в своей медиатеке имеет 25 опрошенных – это 12% из общего уровня.

Выводы

Согласно результатам исследования можно сделать вывод, что цифровая среда – это материально-техническая сторона мультимедийно-цифровой информационной революции XXI века, которая активно внедряется через детско-родительские отношения и дает большой старт для одаренных детей. Современные технологии играют ключевую роль в поддержке и развитии одаренных детей и молодежи, значительно улучшая процесс оценки их специализированных знаний. Они дают педагогам и родителям мощный инструмент для организации индивидуализированного обучения, адаптированного под потребности талантливых детей и молодежи, и служат для них важным каналом для получения знаний и проявления креативности.

В наш век стремительных инноваций именно руки и умы высококлассных специалистов, идущих в ногу с технологическим прогрессом, являются двигателем развития общества. Среда высокоразвитых технологий, таких как нанотехнологии, нейротехнологии, облачные хранилища, квантовые компьютеры, робототехника и многое другое начинает свои задатки с условий, в которых рождается, растет и воспитывается ребенок с определенными способностями и возможностями [25]. Современность предоставляет одаренным детям широкие возможности для развития интеллектуальной независимости. Это требование прогрессивной дидактики, и цифровые образовательные системы, интегрированные программы, инновационные средства образования и многое другое успешно обеспечивает необходимую поддержку в развитии одаренности и таланта у детей и молодежи.

Педагогически-грамотное и профессионально-квалифицированное внедрение и использование цифровых платформ и ресурсов, является основным фактором в формировании детской интеллектуальной одаренности. Профессиональное развитие педагогов и специалистов в образовательных организациях, занимает центральное место, поскольку существует прямая зависимость между качеством использования и интеграцией технологических инструментов педагогами и их реальной эффективностью в обучении дошкольников [26]. Достижение высокого уровня психологической готовности педагогов является ключевым фактором для удовлетворения познавательных потребностей одаренных учащихся, что, в свою очередь, закладывает основу для развития таланта и гениальности в будущем поколении [27]. Первоочередная задача при интеграции цифровых технологий для работы с одаренными учениками – это качественное обучение педагогического состава.

Эффективное развитие одаренности у дошкольников неразрывно связано с тесным взаимодействием и взаимной поддержкой между педагогами, родителями и другими значимыми взрослыми [28]. Миссия семьи – заложить прочный фундамент для развития одаренных детей и подростков. Это требует значительного улучшения культуры общения в семьях. Родителям необходимо освоить искусство построения гармоничных отношений со своими детьми, начиная с дошкольного периода. Только так мы можем гарантировать, что дети будут успешны в учебе и социализации сегодня, и смогут полноценно реализовать себя в будущем. Взрослые, обладающие необходимой компетентностью и чуткостью, играют ключевую роль в выявлении и формировании склонностей и задатков ребенка [29]. Родитель является заказчиком, исполнителем, а так же реализатором всех возможных запросов современной информационно-образовательной среды в развитии одаренного ребенка.

Цифровизация направлена на всестороннее развитие детей дошкольников, охватывая не только академические цели, но и их социальное и эмоциональное благополучие. Таким образом, она призвана формировать целостную личность, развивая когнитивные, эмоциональные и социальные аспекты. Насыщенная среда цифровых технологий открывает широкие возможности для обогащения и разнообразия образовательного и социального опыта одаренных личностей.

Список источников

1. Холодная М.А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002. С. 272.
2. Лейтес Н.С. Возрастная одаренность и индивидуальные различия. Москва-Воронеж: МОДЭК, 1997. С. 448.

3. Лейтес Н.С. Способности и одаренность в детские годы. М., 1984. 79 с.
4. Стернберг Р.Д. Триархическая теория интеллекта // Иностранная психология. 1996. № 6. С. 54 – 61.
5. Артамонова О.В. Организация предметно-пространственной среды в дошкольном учреждении: Метод. рекомендации для воспитателей дошкольных учреждений. Тольятти: Изд. инф.-техн. Центра, 1994. С. 20.
6. Роль среды и наследственности в формировании индивидуальности человека / Под ред. И.В. Равич-Щербо М.: Педагогика, 1988.С. 327 – 336.
7. Флейвелл Дж. Генетическая психология Жана Пиаже. М.: Просвещение, 1967. С. 623.
8. Кочубей В.И. Анализ количественных признаков // Роль среды и наследственности в формировании индивидуальности человека. Под ред. И. В. Равич-Щербо. М.: Педагогика, 1988. С. 14 – 52.
9. Дружинин В.Н. Психология семьи. М.. «КСП», 1996. С. 160.
10. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. 3-е изд. СПб.: Питер, 2008. С. 368.
11. Скоблик О.Н. Влияние эмоционального отношения к родителям на развитие общих способностей ребенка: дис ... канд. психол. наук. М., 1996. С. 187.
12. Воробьева Е.В, Попова, В.А. Исследование интеллекта и мотивации достижения близнецов // Российский психологический журнал. 2009. Т. 6. № 1. С. 46 – 53.
13. Савенков А.И. Социальный интеллект как проблема психологии одаренности и творчества // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 94 – 101.
14. Выготский Л.С. Педагогическая психология // Психология и педагогика среды: конспект работ / под ред. Ю.С. Мануйлова. Костанай: ГорУО, 1997. С. 95.
15. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. Питер; СПб.; 2009. С. 434.
16. Пиаже Ж. О природе креативности // Вестник МГУ. Серия. 14, Психология. 1996. № 3. С. 8 – 17.
17. Богоявленская Д.Б. Интеллектуальная активность как психологический аспект изучения творчества // Исследование проблем психологии творчества. М., 1983. С. 182 – 194.
18. Чумичева Р.М., Зверева О.Л. Цифровые технологии в развитии дошкольников // Мир университетской науки: культура, образование. 2021. № 7. С. 25 – 32.
19. Андрианова Е.И., Стожарова М.Ю., Тимошина И.Н. Научно-педагогические аспекты использования цифровых технологий в дошкольном образовании // Поволжский педагогический поиск. 2024. № 3 (49). С. 41 – 49.
20. Смирнова Е.О., Матушкина Н.Ю., Смирнова С.Ю. Виртуальная реальность в раннем и дошкольном детстве // Психологическая наука и образование. 2018 Т. 23 № 3. С. 42 – 53.
21. Солдатова Г.У., Теславская О.И. Особенности использования цифровых технологий в семьях с детьми дошкольного и младшего школьного возраста // Национальный психологический журнал. 2019. № 4 (36). С. 12 – 27.
22. Прихожан А.М. Влияние электронной информационной среды на развитие личности детей младшего школьного возраста // Психологические исследования. 2010. № 1 (9). С. 49 – 59.
23. Нечаев В.Д., Дурнева Е.Е. Цифровое поколение: психолого- педагогическое исследование проблемы // Педагогика. 2016. № 1. С. 36 – 45.
24. Плешаков В.А. Теория киберсоциализации человека: моногр. / под ред. А.В. Мудрика. М., 2011. С. 397.
25. Новик Н.Н. Организация цифровой среды в детском саду: учебно-методическое пособие. Казань: Казан. ун-т, 2022. С. 87.
26. Кашапов М.М. Ресурсная готовность педагога к работе с одаренными детьми // Человеческий фактор: социальный психолог. 2019. № 2. С. 90 – 101.
27. Кудлаев М.С. Процесс цифровизации образования в России // Молодой учёный. 2018 № 31. С. 3 – 7.
28. Ермолаева М.В., Смирнова О.В. Особенности родительского общения как фактор психологического благополучия подростков // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25 (1). С. 51 – 62.
29. Логинова С.В., Слободская Е.Р. Индивидуальные особенности и благополучие детей: модулирующая роль семейной среды // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 1. С. 80 – 91.

References

1. Kholodnaya M.A. Psychology of Intelligence: Research Paradoxes. SPb.: Piter, 2002. P. 272.
2. Leites N.S. Age-Deficiency and Individual Differences. Moscow-Voronezh: MODEK, 1997. P. 448.
3. Leites N.S. Abilities and Giftedness in Childhood. Moscow, 1984. 79 p.
4. Sternberg R.D. Triarchic Theory of Intelligence. Foreign Psychology. 1996. No. 6. P. 54 – 61.

5. Artamonova O.V. Organization of the Subject-Spatial Environment in a Preschool Institution: Methodological Recommendations for Preschool Teachers. Tolyatti: Publ. of Information Technologies. Center, 1994. P. 20.
6. The Role of Environment and Heredity in the Formation of Human Individuality. Ed. by I.V. Ravich-Scherbo. Moscow: Pedagogy, 1988. P. 327 – 336.
7. Flavell J. Genetic Psychology of Jean Piaget. Moscow: Prosveshchenie, 1967. P. 623.
8. Kochubey V.I. Analysis of Quantitative Traits. The Role of Environment and Heredity in the Formation of Human Individuality. Ed. by I. V. Ravich-Scherbo. Moscow: Pedagogy, 1988. P. 14 – 52.
9. Druzhinin V.N. Family Psychology. Moscow: KSP, 1996. Pp. 160.
10. Druzhinin V.N. Psychology of General Abilities. 3rd ed. SPb.: Piter, 2008. P. 368.
11. Skoblik O.N. The Influence of Emotional Attitudes Towards Parents on the Development of General Abilities of a Child: Diss... Cand. of Psychological Sciences. Moscow, 1996. P. 187.
12. Vorobyova E.V., Popova V.A. A Study of Intelligence and Achievement Motivation in Twins. Russian Psychological Journal. 2009. Vol. 6. No. 1. P. 46 – 53.
13. Savenkov A.I. Social Intelligence as a Problem of Psychology of Giftedness and Creativity. Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2005. Vol. 2. No. 4. P. 94 – 101.
14. Vygotsky L.S. Pedagogical Psychology. Psychology and Pedagogy of the Environment: Abstract of Works. ed. Yu.S. Manuilova. Kostanay: GorUO, 1997. P. 95.
15. Ilyin E.P. Psychology of Creativity, Creativity, Giftedness. Piter; SPb.; 2009. P. 434.
16. Piaget J. On the Nature of Creativity. Moscow State University Bulletin. Series. 14, Psychology. 1996. No. 3. Pp. 8–17.
17. Bogoyavlenskaya D.B. Intellectual Activity as a Psychological Aspect in the Study of Creativity. Research on the Problems of the Psychology of Creativity. Moscow, 1983. P. 182 – 194.
18. Chumicheva R.M., Zvereva O.L. Digital Technologies in the Development of Preschoolers. The World of University Science: Culture, Education. 2021. No. 7. P. 25 – 32.
19. Andrianova E.I., Stozharova M.Yu., Timoshina I.N. Scientific and pedagogical aspects of the use of digital technologies in preschool education. Povolzhsky pedagogical search. 2024. No. 3 (49). P. 41 – 49.
20. Smirnova E.O., Matushkina N.Yu., Smirnova S.Yu. Virtual reality in early and preschool childhood. Psychological science and education. 2018 Vol. 23 No. 3. P. 42 – 53.
21. Soldatova G.U., Teslavskaya O.I. Features of the use of digital technologies in families with children of preschool and primary school age. National Psychological Journal. 2019. No. 4 (36). P. 12 – 27.
22. Prikhodzhan A.M. The Impact of the Electronic Information Environment on the Personality Development of Primary School-Age Children. Psychological Studies. 2010. No. 1 (9). P. 49 – 59.
23. Nechaev V.D., Durneva E. E. Digital Generation: A Psychological and Pedagogical Study of the Problem. Pedagogy. 2016. No. 1. P. 36 – 45.
24. Pleshakov V.A. Theory of Human Cybersocialization: Monograph. Ed. by A. V. Mudrik. Moscow, 2011. P. 397.
25. Novik N.N. Organization of the Digital Environment in Kindergarten: A Teaching Aid. Kazan: Kazan University, 2022. P. 87.
26. Kashapov M.M. Teacher's Resource Readiness to Work with Gifted Children. Human Factor: Social Psychologist. 2019. No. 2. P. 90 – 101.
27. Kudlaev M.S. The Process of Digitalization of Education in Russia. Young Scientist. 2018. No. 31. P. 3 – 7.
28. Ermolaeva M.V., Smirnova O.V. Features of Parental Communication as a Factor in Psychological Well-Being of Adolescents. Psychological Science and Education. 2020. Vol. 25 (1). P. 51 – 62.
29. Loginova S.V., Slobodskaya E.R. Individual Characteristics and Well-Being of Children: The Moderating Role of the Family Environment. Psychological Journal. 2021. Vol. 42. No. 1. P. 80 – 91.

Информация об авторе

Кряжкова Е.В., старший преподаватель, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3665-0094>, SPIN-код: 7788-4616, Донской государственный технический университет, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1, e.kryazhkova@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

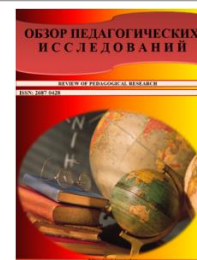
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.92

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-26-32

Психологические особенности обучения иностранных студентов в комбинированном режиме

¹Беликова А.Ю., ²Гореликова О.Н., ¹Москаленко С.В., ¹Корнеева С.А., ¹Коробкова Д.В.,
¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
²Белгородский университет кооперации, экономики и права

Аннотация: в статье рассматриваются психологические особенности обучения иностранных студентов в комбинированном режиме. Определено, что комбинированное обучение рассматривается как сочетание онлайн- и офлайн-компонентов, направленное на сохранение активного взаимодействия между педагогом и обучающимися, недоступного в полной мере при дистанционном формате. Выявлены недостатки дистанционной формы обучения иностранных студентов, преимущества смешанного обучения. Отмечена способность комбинированного обучения адаптироваться к потребностям студентов, что позволяет выстраивать индивидуальные траектории и гибкие форматы, преодолеть недостатки традиционной и дистанционной системы обучения. Выявлено, что эффективность комбинированного режима обучения иностранных студентов позволяет компенсировать возможности неформального взаимодействия и минимизировать психологические сложности.

Ключевые слова: комбинированный режим, смешанное обучение, иностранные студенты, психологический барьер, коммуникация, культурная среда

Для цитирования: Беликова А.Ю., Гореликова О.Н., Москаленко С.В., Корнеева С.А., Коробкова Д.В. Психологические особенности обучения иностранных студентов в комбинированном режиме // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 26 – 32. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-26-32

Поступила в редакцию: 8 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Psychological features of teaching foreign students in a combined mode

¹Belikova A.Yu., ²Gorelikova O.N., ¹Moskalenko S.V., ¹Korneeva S.A., ¹Korobkova D.V.,
¹Belgorod State National Research University,
²Belgorod University of Cooperation, Economics, and Law

Abstract: this article examines the psychological characteristics of blended learning for international students. Blended learning is defined as a combination of online and offline components aimed at maintaining active interaction between teacher and students, which is not fully achieved in a distance learning format. The article identifies the disadvantages of distance learning for international students and the advantages of blended learning. Blended learning's adaptability to student needs is highlighted, allowing for the development of individualized learning paths and flexible formats, overcoming the shortcomings of traditional and distance learning systems. It was found that the effectiveness of a blended learning mode for international students allows for the compensation of opportunities for informal interaction and the minimization of psychological difficulties.

Keywords: blended learning, blended learning, international students, psychological barriers, communication, cultural environment

For citation: Belikova A.Yu., Gorelikova O.N., Moskalenko S.V., Korneeva S.A., Korobkova D.V. *Psychological features of teaching foreign students in a combined mode. Review of Pedagogical Research.* 2026. 8 (6). P. 26 – 32. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-26-32

The article was submitted: April 8, 2026; Approved after reviewing: May 5, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Иностранные студенты, оказавшись в новой социокультурной среде, сталкиваются с необходимостью не только осваивать учебный материал, но и адаптироваться к совершенно иным условиям жизни, нормам поведения и системе ценностей. Как следствие, иностранные обучающиеся сталкиваются с определенными психологическими барьерами или трудностями. Психологический барьер обычно определяется как своего рода «социально-психологический феномен» [5], который возникает из-за сложностей в процессе коммуникации. Он препятствует успешной интеграции личности в новую языковую среду. Причины барьера могут кроются как в особенностях ситуации или самого языкового характера коммуникативного акта, так и в личностных чертах участников общения [8]. Значительная часть психологических трудностей носит субъективный характер, поскольку одна и та же ситуация может вызывать трудности у одного человека и быть преодолимой для другого. Подчеркивается, барьеры проявляются как «субъективное переживание» сложности ситуации при нарушении ожидаемых коммуникативных моделей поведения [11].

Материалы и методы исследований

Классификации психологических барьеров также разнообразны. В самом общем смысле их делят на внешние (связанные с социальным взаимодействием, воспитанием, негативным прошлым опытом) и внутренние (обусловленные индивидуальными особенностями студентов) [5].

Т.И. Вербицкая вводит понятие психологических барьеров в обучении и распределяет их в две основные категории: коммуникативные барьеры и барьеры учебной деятельности. Коммуникативные барьеры связаны с особенностями межличностного взаимодействия в учебном процессе. Сюда можно отнести трудности в установлении контакта с преподавателем или сверстниками, страх публичных выступлений, неумение задавать вопросы или адекватно воспринимать обратную связь [2]. Данные барьеры могут возникать и по причине индивидуальных психологических особенностей, недостатка коммуникативных навыков или особенностей образовательной среды, не способствующей открытому диалогу.

Барьеры учебной деятельности, в свою очередь, относятся к внутренним факторам, препятствующим успешному освоению учебного материала. К ним относятся неадекватная самооценка, сниженная мотивация, страх неудачи, а также недостаточный уровень сформированности учебно-познавательных навыков. Стоит отметить, что данная группа барьеров часто коренится в опыте предыдущего обучения, личностных установках или методических подходах, используемых в образовательном процессе.

Коммуникативные барьеры зачастую являются наиболее очевидными. Языковой барьер – это первостепенная трудность, мешающая полноценному общению, пониманию лекций, участию в дискуссиях и установлению контактов с однокурсниками и преподавателями. Однако, помимо языковых, существуют и другие коммуникативные трудности. Индивидуальные психологические особенности, например, закрытость, тревожность могут усугублять эти трудности. Страх быть непонятым, показаться некомпетентным или даже вызвать негативную реакцию из-за культурных различий порождает замкнутость и избегание общения.

Результаты и обсуждения

Барьеры учебной деятельности тесно переплетаются с психологическими особенностями. Недостаток мотивации может снижать академическую активность. Завышенные ожидания от новой образовательной системы или, напротив, заниженная самооценка, подкрепленная предыдущим негативным опытом, могут приводить к избеганию сложных учебных задач. Особое значение имеют культурные различия в подходах к обучению: в одних культурах ценится самостоятельность и критическое мышление, в других – следование авторитету и заучивание. Непонимание этих особенностей может создавать барьеры в учебной деятельности даже при наличии высокого интеллектуального потенциала (рис. 1) [1].

Рис. 1. Психологические барьеры иностранных студентов.

Fig. 1. Psychological barriers of foreign students.

Т.В. Минакова систематизировала психологические трудности иностранных студентов (рис. 2).

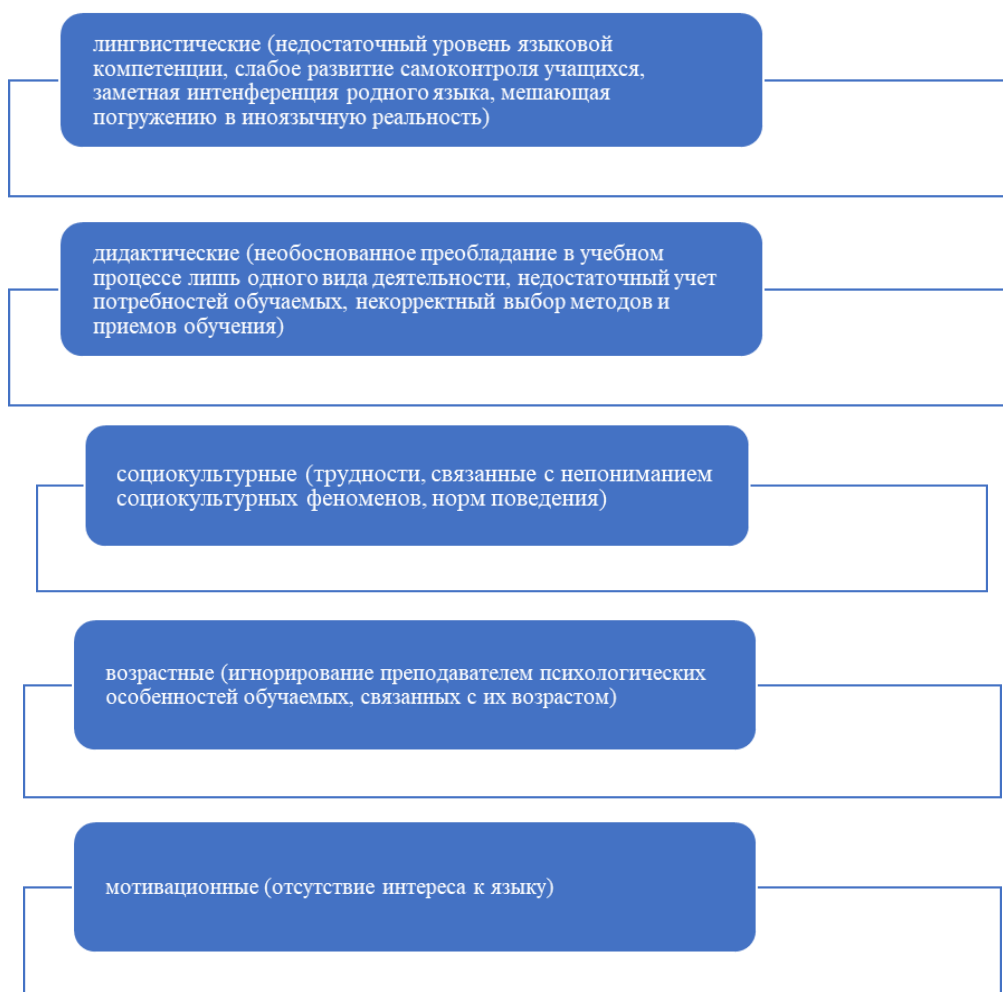

Рис. 2. Психологические трудности иностранных студентов [8].

Fig. 2. Psychological difficulties of foreign students [8].

В рамках данной классификации лингвистические трудности рассматриваются как базовые, поскольку они непосредственно связаны с трудностями в овладении фонетикой, грамматикой и лексикой нового языка. Недостаточно автоматизированные навыки создают когнитивную перегрузку, препятствуя переходу от осознанного конструирования фраз к спонтанной речи. Интерференция родного языка проявляется не только на уровне подстановки грамматических структур, но и в интонационных структурах, что затрудняет формирование произношения и естественности речи. Окружающие могут не понимать речь иностранных студентов, что приводит к обособленности общения – чаще всего они общаются на своем родном языке в узком кругу.

Трудности педагогического плана зачастую основаны на организации учебного процесса и являются следствием методологических ошибок. Чрезмерная концентрация на одном аспекте речевой деятельности, к примеру, самостоятельному обучению в ущерб устному общению, не позволяет сформировать полноценные коммуникативные навыки.

Социокультурные сложности проявляются в ситуациях, когда язык преподносится как обособленная от культурного содержания знаковая система, что ведет к непониманию взаимосвязей, некорректному употреблению слов и выражений, а также к возникновению барьеров в диалоге. Игнорирование норм речевого поведения, специфики невербального взаимодействия или учета культурных реалий порождает «смысловой вакуум» [12]. Даже при наличии формальных знаний учащийся не может осуществить полноценный межкультурный диалог, что делает недостижимой главную цель погружения в русскоязычную среду.

Мотивационные сложности носят интегративный характер. Во-первых, сниженный познавательный интерес, обусловленный неинтересным материалом, отсутствием личной заинтересованности или понимания перспективности практического применения языка, значительно уменьшает степень вовлеченности студентов. Во-вторых, внешняя мотивация, базирующаяся только на необходимости получить оценку, является неустойчивой. Без стабильной внутренней заинтересованности любые языковые или социокультурные трудности могут привести к отказу от продолжения обучения.

Стоит обратить внимание и на возрастные особенности и потребности иностранных студентов. Преобладающий тип памяти, ведущий вид деятельности существенно различаются у разных групп. Излишнее применение игровых форм ко взрослой аудитории или, наоборот, слишком научного языка при изучении какой-либо темы, приводит к непониманию и формирует сопротивление обучению.

Как видно, психологические трудности иностранных студентов носят системный характер. Становится необходимым не только на минимизация языковых трудностей, но и целенаправленная работа с эмоционально-личностной и мотивационной сферами обучающегося [4].

Для преодоления языковых трудностей особую роль играет адаптация учебного материала под уровень той или иной группы. Важным представляется учитывать степень доступности учебного материала: с одной стороны, задания должны быть выполнимыми, с другой, – должны требовать интеллектуальных усилий [3]. Кроме того, для преодоления межкультурных барьеров необходимо интегрировать в обучение культурологический компонент, позволяющий включаться в новую языковую среду.

Работа с мотивационной сферой требует от преподавателя творческого подхода к организации учебной деятельности. Внедрение элементов геймификации, проектных методов, обращение к актуальным для возрастной и профессиональной группы студентов темам позволяет трансформировать внешнюю мотивацию во внутреннюю. При этом учет психологических особенностей важен для предотвращения трудностей, вызванных у студентов ощущением нерелевантности учебного процесса в целом и изучения учебной дисциплины на русском языке [3].

Таким образом, системное преодоление психологических трудностей в обучении иностранных студентов возможно лишь при условии, что преподаватель выступает не только как транслятор знаний, но и как организатор, способный своевременно выявить природу психологических трудностей и активизировать внутренние ресурсы студента. Подобная работа должна проводиться параллельно по всем выделенным направлениям: создание поддерживающей атмосферы, адаптация содержания и методов обучения, стимулирование межкультурной коммуникации и целенаправленное развитие навыков саморегуляции и адекватной самооценки. Комплексный подход позволяет не просто минимизировать сложности в учебном процессе, способствовать личностному росту студента в новой для него языковой и культурной среде.

Одной из возможностей и в то же время препятствием может стать комбинированный режим или смешанное обучение иностранных студентов. Содержание смешанного обучения определяется как частично-дистанционное, сохраняющее традиционные принципы учебного процесса с интеграцией Интернет-обучения, что отвечает современным тенденциям в развитии образования [1].

Концепция смешанного обучения, впервые представленная К.Дж. Бонком и Ч.Р. Грэхэмом, подразумевает объединение традиционных аудиторных занятий с применением компьютерных и информационных технологий как способ повысить мотивацию студентов, ускорить образовательный процесс и развить их самостоятельность [1].

Е.И. Чиркова и Е.М. Зорина описывают смешанное обучение как образовательную модель, сочетающую очное преподавание с онлайн-компонентами, а также предоставляющую студентам возможность самостоятельно выбирать время, место, темп и способы освоения материала [13].

Смешанное обучение интегрирует лучшие стороны очного и дистанционного форматов, позволяя реализовать индивидуальный подход и развить навыки самоорганизации. Использование разнообразных педагогических инструментов в рамках этого подхода оптимизирует процесс и снижает затраты, повышая качество образования [14].

В рамках данного исследования мы придерживаемся более точного определения, где смешанное обучение рассматривается как сочетание онлайн- и офлайн-компонентов. Такой формат направлен на сохранение активного взаимодействия между педагогом и обучающимися, недоступного в полной мере при дистанционном формате [9].

Стоит отметить, что онлайн-формат исключает активное взаимодействие между участниками образовательного процесса, которое возможно при смешанном подходе. Кроме того, в онлайн-среде роль преподавателя снижается, что негативно сказывается на успеваемости студентов. Отсутствие живого педагога затрудняет оказание своевременной помощи при возникновении сложностей в процессе самостоятельного освоения материала [7]. Интерактивность также снижается: студенты лишены возможности оперативно задавать вопросы, получать развернутые пояснения и взаимодействовать друг с другом [10]. Полное онлайн-обучение, в отличие от смешанного, может привести к снижению уровня вовлеченности и самостоятельности студентов из-за отсутствия живого взаимодействия и оперативной поддержки [6]. Следовательно, именно смешанные форматы, сочетающие лучшее из очного и дистанционного образования, представляются наиболее эффективными для достижения высоких образовательных результатов, особенно в таких областях, как изучение иностранных языков, где важна комплексность подхода.

Выводы

Таким образом, к проблемам внедрения смешанного обучения иностранных студентов следует отнести недостаток цифровой компетенции у педагогов, незнание моделей смешанного обучения и слабая подготовка студентов к самостоятельной работе с онлайн-технологиями на русском языке. Стоит обратить внимание и на психологические трудности, возникающие у иностранных студентов. Если при традиционном обучении иностранные студенты сталкиваются помимо сугубо психологических и педагогических сложностей с трудностями культурной адаптации и живого взаимодействия с представителями другой культуры и языка, то в процессе только дистанционного обучения возникают организационные, связанные с проведением занятий в цифровом формате на русском языке, технические, обусловленные незнанием программ и отсутствием опыта их использования, а также психологические сложности, вызванные не только языковым барьером, но указанными выше трудностями.

Тем не менее несмотря на выявленные трудности, преимущества смешанного обучения иностранных студентов делают его достаточно перспективным направлением в плане конструирования индивидуальных траекторий, гибких форм обучения и проектирования новой педагогической и социальной реальности, которая позволит компенсировать возможности неформального взаимодействия и минимизировать психологические сложности.

Список источников

1. Болотова Н.П., Агбохуто Долу Пруденсия Натача. Проблемы социально-психологической адаптации иностранных студентов в России // Педагогика и психология образования. 2025. № 2. С. 199 – 210.
2. Вербицкая Т.И. Педагогические условия преодоления психологических барьеров у студентов в процессе обучения иностранному языку: автореф. ... канд. пед. наук. Калининград, 2013. 21 с.
3. Дмитриева Д.Д. Роль воспитательной работы в процессе адаптации иностранных студентов к условиям жизни и обучения в России (на примере международного студенческого клуба) // Региональный вестник. 2018. № 6 (15). С. 16 – 18.
4. Дмитриева Д.Д. Особенности индивидуализации обучения русскому языку как иностранному в многонациональной группе // Региональный вестник. 2019. № 4 (19). С. 31 – 32.

5. Кашпарова В.С., Синицын В.Ю. О практике использования смешанного обучения // Обучение и воспитание: методики и практика. 2013. № 10. С. 89 – 92.
6. Лебедева М.Ю. Смешанное обучение РКИ: ограничения, модели реализации и перспективы // Педагогический журнал Башкортостана. 2016. № 5 (66). С. 59 – 65.
7. Минакова Т.В. Снятие трудностей в изучении иностранного языка как условие развития познавательной самостоятельности студентов // Вестник Оренбургского государственного университета. 2001. № 1. С. 61 – 66.
8. Самчик Н.Н. Интерактивность в дистанционном обучении русскому языку как иностранному // БГЖ. 2021. № 1 (34). С. 240 – 242.
9. Светоносова А.Ю., Абакумова И.В. Социально-психологические аспекты адаптации иностранных студентов в условиях образовательной миграции // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2024. № 7 (4). С. 21 – 28.
10. Сергеева А.В., Чаплыгина О.В. Проблема психологических барьеров при изучении иностранного языка // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 6. С. 1 – 6.
11. Сорокина Д.Б. Основные подходы к пониманию феномена «барьеры общения» в психологической науке // Мир науки. 2017. № 3. С. 57.
12. Чиркова Е.И., Зорина, Е.М. Использование смешанных опор в смешанном обучении // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 4 (77). С. 55 – 61.
13. Чичерина Н.В., Васильева Ю.С., Родионова Е.В. Смешанное обучение: модели и реальные практики // Открытое и дистанционное образование. 2019. № 1 (73). С. 22 – 31.
14. Шамионов Р.М. Структура и факторы академической адаптации студентов-иностранцев в российских университетах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24. № 2. С. 211 – 218.

References

1. Bolotova N.P., Agbokhuto Dolu Prudencia Natacha. Problems of social and psychological adaptation of foreign students in Russia. Pedagogy and psychology of education. 2025. No. 2. P. 199 – 210.
2. Verbitskaya T.I. Pedagogical conditions for overcoming psychological barriers in students in the process of learning a foreign language: author's abstract. Cand. Sci. (Pedagogical Sciences). Kaliningrad, 2013. 21 p.
3. Dmitrieva D.D. The role of educational work in the process of adaptation of foreign students to living and studying conditions in Russia (using the international student club as an example). Regional Bulletin. 2018. No. 6 (15). P. 16 – 18.
4. Dmitrieva D.D. Features of Individualization of Teaching Russian as a Foreign Language in a Multinational Group. Regional Bulletin. 2019. No. 4 (19). P. 31 – 32.
5. Kashparova V.S., Sinitsyn V.Yu. On the Practice of Using Blended Learning. Education and Upbringing: Methods and Practice. 2013. No. 10. P. 89 – 92.
6. Lebedeva M.Yu. Blended Learning of Russian as a Foreign Language: Limitations, Implementation Models, and Prospects. Pedagogical Journal of Bashkortostan. 2016. No. 5 (66). P. 59 – 65.
7. Minakova T.V. Removing Difficulties in Learning a Foreign Language as a Condition for Developing Students' Cognitive Independence. Bulletin of the Orenburg State University. 2001. No. 1. P. 61 – 66.
8. Samchik N.N. Interactivity in Distance Learning of Russian as a Foreign Language. BGZh. 2021. No. 1 (34). P. 240 – 242.
9. Svetonosova A.Yu., Abakumova I.V. Social and Psychological Aspects of Adaptation of Foreign Students in the Context of Educational Migration. Innovative Science: Psychology, Pedagogy, Defectology. 2024. No. 7 (4). P. 21 – 28.
10. Sergeeva A.V., Chaplygina O.V. The Problem of Psychological Barriers in Learning a Foreign Language. Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept". 2019. No. 6. P. 1 – 6.
11. Sorokina D.B. Main approaches to understanding the phenomenon of "communication barriers" in psychological science. World of science. 2017. No. 3. P. 57.
12. Chirkova E.I., Zorina, E.M. Using mixed supports in blended learning. Scientific notes of OSU. Series: Humanitarian and social sciences. 2017. No. 4 (77). P. 55 – 61.

13. Chicherina N.V., Vasilyeva Yu.S., Rodionova E.V. Blended learning: models and real practices. Open and distance education. 2019. No. 1 (73). P. 22 – 31.

14. Shamionov R.M. Structure and factors of academic adaptation of foreign students in Russian universities. Bulletin of Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2024. Vol. 24. No. 2. P. 211 – 218.

Информация об авторах

Беликова А.Ю., ассистент кафедры психологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, belikova_a@bsuedu.ru

Гореликова О.Н., кандидат философских наук, доцент, Белгородский университет кооперации, экономики и права, Gorelikova-47@yandex.ru

Москаленко С.В., доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, moskalenko_sv@bsuedu.ru

Корнеева С.А., доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, korneeva@bsuedu.ru

Коробкова Д.В., кандидат филологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, khalyavina@bsuedu.ru

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

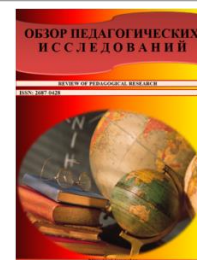
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 37.015.3:378

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-33-40

Высокий уровень прогностической способности как условие успешного вторичного профессионального самоопределения студентов

¹ Гриднев А.О., ¹ Ионова М.С., ¹ Андронов В.П.,

¹ Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва

Аннотация: в работе использованы материалы эмпирического исследования, проведённого на базе ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва» в феврале-марте 2026 г. В исследовании приняли участие 52 студента 2-4 курсов. Для выявления статуса профессионального самоопределения применялась авторская анкета, для диагностики прогностической способности – тест-опросник Л.А. Регуш «Способность к прогнозированию». Статистическая обработка выполнена с помощью t-критерия Стьюдента. Выявлено три статуса профессионального самоопределения студентов: не включёны в процесс вторичного профессионального самоопределения (ВПС) (58 %), осуществившие вторичный выбор профессии (13 %), находящиеся в активном поиске профессионального пути (29 %). Установлено, что прогностическая способность студентов находится преимущественно на среднем уровне. Посредством применения t-критерия Стьюдента обнаружены различия на уровне статистической тенденции в показателях уровня развития прогностической способности между группой студентов, осуществивших вторичный профессиональный выбор и группой, находящейся в активном поиске. Также обнаружены статистически значимые различия в показателях уровня развития прогностической способности между группой студентов, не включённых в ВПС, и группой, осуществляющей поиск новой профессии. В результате исследования установлено, что высокий уровень прогностической способности может выступать в качестве одного из условий успешного вторичного профессионального самоопределения. Обоснована необходимость развития прогностической способности на этапе обучения в общеобразовательной школе, а также организации психолого-педагогического сопровождения студентов, осуществляющих вторичное профессиональное самоопределение.

Ключевые слова: прогностическая способность, вторичное профессиональное самоопределение, статус профессионального самоопределения, студенты

Для цитирования: Гриднев А.О., Ионова М.С., Андронов В.П. Высокий уровень прогностической способности как условие успешного вторичного профессионального самоопределения студентов // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 33 – 40. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-33-40

Поступила в редакцию: 10 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

High level of predictive ability as a condition for successful secondary professional self-determination of students

¹ Gridnev A.O., ¹ Ionova M.S., ¹ Andronov V.P.,
¹ National Research Mordovian State University

Abstract: the work uses materials from an empirical study conducted at the Mordovian State University named in February-March 2026. The study involved 52 students from 2nd to 4th years of study. The author's questionnaire was used to identify the status of professional self-determination, and the diagnostic questionnaire "Predictive Ability" by L.A. Regush was used to assess predictive ability. Statistical processing was performed using Student's t-test. Three statuses of students' professional self-determination were identified: not included in the process of secondary professional self-determination (SPS-D) (58%), those who have made a secondary vocational choice (13%), and those who are actively searching for a professional path (29%). It was found that students' predictive ability is predominantly at an average level. Using Student's t-test, differences at the level of statistical tendency were found in the levels of predictive ability between the group of students who have made a secondary vocational choice and the group actively searching for a new profession. Statistically significant differences were also found between the group of students not included in SPS-D and the group searching for a new profession. The results of the study showed that a high level of predictive ability can act as one of the conditions for successful secondary professional self-determination. The necessity of developing predictive ability at the stage of schooling, as well as organizing psychological and pedagogical support for students undergoing secondary professional self-determination, is substantiated.

Keywords: predictive ability, secondary professional self-determination, status of professional self-determination, students

For citation: Gridnev A.O., Ionova M.S., Andronov V.P. High level of predictive ability as a condition for successful secondary professional self-determination of students. *Review of Pedagogical Research*. 2026. 8 (6). P. 33 – 40. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-33-40

The article was submitted: April 10, 2026; Approved after reviewing: May 11, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Проблема вторичного профессионального самоопределения у студентов вуза приобретает особую актуальность в условиях стремительных социально-экономических изменений. Расширение профессиональных направлений, динамичные изменения на рынке труда требуют от будущего специалиста не только готовности к первичному выбору будущего профессионального пути, но и переосмысления профессионального будущего уже в процессе обучения. В качестве одного из условий успешного профессионального самоопределения личности выступает способность к прогнозированию.

Таким образом, исследовательский интерес смещается в сторону изучения особенностей прогностической способности, которая может определять успешность протекания процесса вторичного профессионального самоопределения.

В отечественной научной психологической литературе проблему прогнозирования и прогностической способности изучали Л.А. Регуш, А.В. Брушлинский, Б.Ф. Ломов, Е.Н. Сурков, М.Ю. Краева и др. [2, 8, 9, 11].

Л.А. Регуш определяла прогностическую способность как совокупность качеств познавательных процессов субъекта, которые определяют успешность осуществления прогнозирования в любой деятельности, включая прогностическую [11].

В исследованиях Л.А. Регуш доказано, что уровень развития прогностической способности во многом определяет успешность выполнения различных видов деятельности. В том числе, учебной и профессиональной [11].

По мнению М.Ю. Краевой, в структуре прогностической способности можно выделить когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Также прогностическая способность в своём развитии проходит три уровня: прогноз на основании эмоционального отношения, переживания; прогноз на основании когнитивного познания; прогноз обратной связи, сознательная регуляция деятельности [8].

Прогностическая способность имеет большое значение в процессе профессионального самоопределения, поскольку на каждом этапе профессионального становления необходимо осуществлять прогноз профессионального будущего [1, 6].

К изучению профессионального и вторичного профессионального самоопределения обращались Е.А. Климов, Н.С. Пряжников, Э.Ф. Зеер, К.А. Абульханова-Славская, Д.В. Старикова и др. [4, 7, 10, 12].

Е.А. Климов определял профессиональное самоопределение как динамичный процесс ориентации личности в профессионально-трудовой среде, сопровождающийся самореализацией профессиональных и личностных способностей, формированием профессиональных ценностей, планов и намерений [7].

Э.Ф. Зеер считал процесс профессионального самоопределения личности сложным и многоуровневым. Согласно мнению автора, профессиональное самоопределение – это процесс осознанного и самостоятельного согласования собственных профессиональных качеств с требованиями профессиональной деятельности [4].

Вторичное профессиональное самоопределение – это процесс повторного выбора профессионального пути после осуществления первичного выбора профессии. Д.В. Старикова полагает, что он заключается в нахождении смысла в новом актуальном или перспективном профессиональном пути на основе уже сформированных предыдущей деятельностью знаний, опыта и личностных качеств [12]. Автор определяет внутренние и внешние факторы успешности вторичного профессионального самоопределения. К психологическим (внутренним) факторам (представляющим наибольший интерес для данного исследования) Д.В. Старикова относит: характерологические особенности, интеллектуальные способности (гибкость мышления, планирование, прогнозирование), мотивационные особенности личности, ценностно-смысловая сфера [12].

Ученые сходятся во мнении, что процесс вторичного профессионального самоопределения представляет собой переход личности от результатов предыдущих решений, связанных с профессиональным выбором, к новой, актуальной переориентации профессионального будущего. Такая переориентация может произойти в процессе профессионального становления в условиях вуза.

В процессе вторичного профессионального самоопределения осуществляется познавательная и прогностическая деятельность. Соответственно, высокий уровень развития прогностической способности может выступать одним из значимых условий успешности вторичного профессионального самоопределения.

Несмотря на имеющиеся разработки все еще недостаточно изученным остаются особенности вторичного профессионального самоопределения студентов с разным уровнем прогностической способности. Данная проблема приобретает особую актуальность в условиях стремительных социально-экономических изменений. Расширение профессиональных направлений, динамичные изменения на рынке труда требуют от будущего специалиста не только готовности к первичному выбору будущего профессионального пути, но и способности к оптимальному переосмыслению профессионального будущего уже в процессе обучения.

Материалы и методы исследований

В рамках данного эмпирического исследования применялись следующие методы: метод опроса (Австрская анкета для выявления статуса профессионального самоопределения студентов), метод тестирования (Тест-опросник «Способность к прогнозированию» (Л.А. Регуш)), метод математической статистики – t-критерий Стьюдента для независимых выборок.

1. «Анкета для выявления статуса профессионального самоопределения студентов» включает 10 вопросов. Она предназначена для определения статуса профессионального самоопределения респондента по трём критериям: «Удовлетворенность текущим выбором профессии», «Активность в профессиональном поиске», «Четкость альтернативного выбора».

– Критерий «Удовлетворенность текущим выбором профессии»: согласно концепции кризисов профессионального развития (Э.Ф. Зеер, Н.С. Пряжников), включение субъекта в процесс вторичного профессионального самоопределения актуализируется внутренним состоянием неудовлетворённости, разочарованием в первоначальном выборе профессионального пути (первичное профессиональное самоопределение) [4], [10]. Следовательно, внутренний дискомфорт побуждает человека к пересмотру профессионального будущего.

Примеры вопросов по критерию «Удовлетворенность текущим выбором профессии»: «Насколько Вы уверены, что Ваша текущая специальность – это именно то, чем Вы хотите заниматься в будущем?», «Если бы Вы сегодня заново поступали в вуз, выбрали бы Вы эту же специальность?», «Насколько Вы испытываете чувство разочарования, скуки или тревоги, когда думаете о своей будущей работе по текущей специальности?».

– Критерий «Активность в профессиональном поиске» отражает поведенческий компонент вторичного профессионального самоопределения, который включает в себя поиск и сбор информации о будущей профессиональной деятельности, общение с представителями других профессий, анализ актуального рынка труда и пр. Данный критерий опирается на модель статусов идентичности Дж. Марсиа, которая была дополнена Л.Б. Шнейдер в русле концепции профессиональной идентичности, где субъект активно перебирает возможные варианты потенциального профессионального выбора, соответствующие его интересам, ценностям и идеалам [13, 14].

Примеры вопросов по критерию «Активность в профессиональном поиске»: «Какие из перечисленных действий Вы предпринимали за последние нескольких месяцев, задумываясь о своем профессиональном будущем?», «Насколько Вам свойственно размышлять о том, что Вы "примеряете" на себя разные профессиональные роли, не связанные с Вашей основной специальностью?».

– Критерий «Четкость альтернативного выбора» основан на модели Дж. Марсиа и Л.Б. Шнейдер, где центральным критерием достигнутой профессиональной идентичности является наличие определенного решения после осуществленного поиска. В контексте вторичного профессионального самоопределения критерий обязательно выражается в сформированном образе будущей профессии. В случае отсутствия такого образа или его нечеткости у субъекта определяется статус «моратория» согласно концепции профессиональной идентичности [13, 14].

Примеры вопросов по критерию «Четкость альтернативного выбора»: «На данный момент есть ли у Вас более-менее четкое представление о конкретной профессии или сфере, в которой Вы хотели бы работать ВМЕСТО текущей?», «Насколько Вы уверены в этом новом для себя профессиональном выборе (если этот новый профессиональный выбор уже осуществлён)?».

Опираясь на представленные критерии можно определить статус профессионального самоопределения студентов.

– «Не включены в процесс вторичного профессионального самоопределения». Данный статус характеризуется определенной степенью удовлетворенностью текущим выбором профессионального пути. Активность по поиску новой профессии низкая или отсутствует. Такие студенты не представляют себе альтернативного профессионального пути, либо данная альтернатива имеет характер дополнительной к основному профессиональному определению.

– «Процесс вторичного профессионального самоопределения завершается. Осуществлен выбор новой профессии». Неудовлетворенность первичным профессиональным выбором обусловила высокую активность в поиске новой будущей профессии. Студенты определились с выбором профессиональной сферы, что свидетельствует о наличии конкретной и устойчивой альтернативы перспективного профессионального пути. Данный статус вторичного профессионального самоопределения (ВПС) является оптимальным.

– «Находятся в процессе хаотичного поиска новой профессии. Решение о вторичном выборе профессионального пути не принято». Студенты включены в ВПС. Выражена неудовлетворенность первичным профессиональным выбором. Наблюдается высокая, но хаотичная поисковая активность профессиональной перспективы и наличие размытой, неустойчивой профессиональной альтернативы. Данный статус характеризуется как кризисный.

Применение данной анкеты позволяет выявить три группы студентов в соответствии с представленными статусами профессионального самоопределения.

– Группа А – студенты, не включённые во вторичное профессиональное самоопределение (ВПС).

– Группа В – студенты, включенные в ВПС и осуществившие вторичный выбор профессионального пути.

– Группа С – студенты, включенные в ВПС, но находящиеся в состоянии активного поиска, не принявшие окончательное решение о вторичном выборе профессионального пути.

2. Уровень развития прогностической способности у студентов определялся при помощи тест-опросника «Способность к прогнозированию», разработанного Л.А. Регуш. Данная методика предназначена для диагностики способности к речемыслительному прогнозированию. Также автор отмечает, что прогностическая способность является профессионально важным качеством [11].

Цель исследования на данном этапе заключалась в выявлении особенностей прогностической способности у студентов с разным статусом профессионального самоопределения. Оно проводилось на базе ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва». В качестве респондентов выступили студенты 2-4 курсов (направлений подготовки «Психология», «Юриспруденция», «Сервис» и «Педагогическое образование (профиль «Иностранный язык (английский)»)» в количестве 52 человек. Из них 18 юношей и 34 девушки в возрасте от 19 до 23 лет. Исследование проведено с использованием электронных форм опроса и тестирования с согласия респондентов, анонимно и конфиденциально.

Результаты и обсуждения

Результаты анкетирования студентов представлены в табл. 1.

Таблица 1

Статус профессионального самоопределения студентов (по результатам анкетирования).

Table 1

The status of students' professional self-determination (based on the results of a questionnaire).

Статус профессионального самоопределения	Количество студентов	
	Абс.	%
Группа А (студенты, не включённые в ВПС)	30	58
Группа В (студенты, включенные в ВПС и осуществившие вторичный выбор профессионального пути)	7	13
Группа С (студенты, включенные в ВПС, но не принявшие решение о вторичном выборе профессии)	15	29
Итого:	52	100

Рассмотрим результаты анкетирования более подробно.

В группу А (студенты, не включённые в ВПС) вошли 58 % респондентов от общего количества опрошенных. Студенты данной группы не включены в процесс вторичного профессионального самоопределения. Для них не характерен повторный выбор профессионального пути. У будущих специалистов имеется план освоения уже выбранной профессии, который они последовательно реализуют. Профессиональное будущее не вызывает у них излишнего беспокойства.

В группу В (студенты, включенные в ВПС и осуществившие вторичный выбор профессионального пути) вошли 13 % студентов от общего количества опрошенных. Респонденты данной группы характеризуются активным поиском альтернативного пути профессиональной реализации. Они полностью или частично не удовлетворены своим первичным выбором, но имеют четкий план переориентации в новой профессиональной сфере. Студенты группы В осознают свои профессиональные интересы и склонности, хорошо ориентируются в ситуации на рынке труда, решительны и целеустремлённы в реализации нового плана профессионального развития. При этом они умеренно обеспокоены сложностями, связанными с освоением новой профессии.

Группу С составили 29 % студентов, включенных в ВПС, но находящихся в состоянии активного поиска без окончательного решения о вторичном выборе профессионального пути. Респонденты данной группы в наибольшей степени включены в процесс вторичного профессионального самоопределения, но не имеют чёткого плана профессиональной переориентации. Они склонны к внутренним конфликтам и тревожны. Не вполне осознают свои профессиональные интересы и склонности, с трудом ориентируются в ситуации на рынке труда. Соответственно, можно говорить о кризисе профессиональной идентичности.

На следующем этапе эмпирического исследования мы выявили особенности прогностической способности у студентов с разным статусом профессионального самоопределения при помощи теста-опросника «Способность к прогнозированию» (Л.А. Регуш) [11].

Результаты исследования представлены в табл. 2.

Таблица 2

Особенности прогностической способности студентов с разным статусом профессионального самоопределения.

Table 2

Features of the predictive ability of students with different professional self-determination status.

Уровень прогностической способности	Группа А (студенты, не включённые в ВПС)		Группа В (студенты, включенные в ВПС и осуществившие вторичный выбор профессионального пути)		Группа С (студенты, включенные в ВПС, но не принявшие решение о вторичном выборе профессии)	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Высокий уровень	15	50	2	29	1	7
Средний уровень	11	37	3	42	8	53
Низкий уровень	4	13	2	29	6	40
Итого	30	100	7	100	15	100

Детальнее рассмотрим полученные эмпирические результаты.

– В группе А (студенты, не включённые в ВПС) высокий уровень прогностической способности характерен для 50 % от общего числа респондентов, у 37 % отмечается средний уровень. Лишь у 13 % опрошенных в группе А обнаружен низкий уровень развития данной способности. Таким образом, для большинства студентов группы А характерен высокий уровень способности к прогнозированию.

– В группе В (студенты, включенные в ВПС и осуществившие вторичный выбор профессионального пути) у 29 % респондентов выявлен высокий уровень развития прогностической способности, средний уровень характерен для большинства опрошенных (42 %). Студенты с низким уровнем развития прогностической способности в группе В составляют 29 % от общего количества. Соответственно, в группе В преобладающим является средний уровень данной способности.

– У респондентов группы С (студенты, включенные в ВПС, но находящиеся в состоянии активного поиска новой профессии) высокий уровень прогностической способности определен лишь у 7 % опрошенных, 53 % студентов обладают средним уровнем. Низкий уровень развития способности к прогнозированию выявлен у 40 % респондентов. Как и в предыдущей группе, в группе С средний уровень прогностической способности характерен для большинства опрошенных.

При применении t-критерия Стьюдента для независимых выборок статистически достоверных различий в показателях прогностической способности у студентов группы А (не включены в ВПС) и группы В (включены в ВПС, выбор нового профессионального пути осуществлен) не обнаружены (гипотеза H_0 принимается) – $t_3=1,2$ при $df=35$ ($t_{кр}=1,3$ при $p\leq 0,1$).

Однако выявлены статистически значимые различия в показателях прогностической способности у студентов группы А (не включены в ВПС) и респондентов группы С (включены в ВПС, но не обладают вторичной профессиональной ориентацией). По t-критерию Стьюдента для независимых выборок $t_3=2,8$ при $df=43$, следовательно различия обнаружены на высоком уровне статистической значимости (высокая значимость, отклонение H_0) ($t_{кр}=2,7$ при $p\leq 0,01$).

Различия показателей данной способности в группе В (включены в ВПС, выбор нового профессионального пути осуществлен) и группе С (включены в ВПС, находятся в процессе хаотичного поиска новой профессии) обнаружены на уровне статистической тенденции – $t_3=1,8$ при $df=20$ ($t_{кр}=1,7$ при $p\leq 0,1$) (сомнения в истинности H_0 , неопределенность).

Таким образом, результаты статистической обработки эмпирических данных, полученные с помощью t-критерия Стьюдента, свидетельствуют о том, что у студентов с разным статусом профессионального самоопределения наблюдаются статистически значимые различия показателей прогностической способности. Следовательно, высокий уровень прогностической способности можно рассматривать в качестве одного из условий успешного профессионального самоопределения.

Выводы

Результаты, полученные в ходе данного исследования позволяют сформулировать следующие выводы.

– Вторичное профессиональное самоопределение представляет собой процесс повторного выбора профессионального пути, обусловленный неудовлетворённостью первичным выбором профессионального пути.

– Применение разработанной нами анкеты позволило выявить три качественно различных статуса профессионального самоопределения студентов.

– «Не включены в процесс вторичного профессионального самоопределения». Студенты, в целом, удовлетворены текущим выбором профессионального пути. Активность по поиску новой профессии низкая или отсутствует.

– «Процесс вторичного профессионального самоопределения завершается. Осуществлен выбор новой профессии». Неудовлетворенность первичным профессиональным выбором обусловила высокую активность в поиске новой будущей профессии.

– «Находятся в процессе хаотичного поиска новой профессии. Решение о вторичном выборе профессионального пути не принято». Выражена неудовлетворенность первичным профессиональным выбором. Студенты находятся в процессе активного, но хаотичного поиска нового профессионального пути.

– Установлено, что практически у половины студентов, принявших участие в исследовании, преобладают средние показатели способности к прогнозированию. При этом студенты, удовлетворенные первичным выбором профессии, характеризуются наиболее высокими показателями прогностической способности. На следующей позиции респонденты, включенные в ВПС, но осуществившие выбор новой профессии. Самые

низкие показатели выявлены в группе студентов, находящиеся в процессе хаотичного поиска нового профессионального пути.

Статистически достоверные значимые различия в уровне способности к прогнозированию выявлены между группой студентов, не включённых во вторичное профессиональное самоопределение, и группой, находящейся в состоянии активного поиска новой профессии. Различия на уровне статистической тенденции обнаружены между группой студентов, включённых в ВПС и осуществивших вторичный выбор профессионального пути и студентами, включёнными в ВПС, но находящимися в состоянии активного поиска новой профессии.

Таким образом, высокий уровень прогностической способности можно рассматривать в качестве одного из условий успешного профессионального (и вторичного профессионального) самоопределения. Соответственно, можно сделать вывод о необходимости целенаправленного развития прогностической способности еще в период обучения в общеобразовательной школе. Это позволит снизить вероятность ошибочного выбора профессионального пути и последующего включения молодых людей в процесс вторичного профессионального самоопределения. Что касается студентов, принявших решение сменить профессию, задача администрации вузов, педагогов-кураторов и сотрудников психологических служб заключается в организации их психолого-педагогического сопровождения на этапе вторичного профессионального самоопределения.

Список источников

1. Андронов В.П., Ионова М.С. Значение прогностических способностей для профессионального самоопределения старшеклассников // Известия Тульского государственного университета. 2015. № 1 (78). С. 112 – 119. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-prognosticheskikh-sposobnostey-dlya-professionalnogo-samoopredeleniya-starsheklassnikov>
2. Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979. 230 с.
3. Гриднев А.О., Ионова М.С. Особенности профессиональной идентичности студентов ссуза с разным уровнем выраженности отрицательного прогноза // Актуальные проблемы исследования массового сознания : материалы 8-й Международной научно-практической конференции (Пенза, 21-22 марта 2025 г.). Пенза : Перо, 2025. С. 31 – 41.
4. Зеер Э.Ф. Содействие профессиональному самоопределению обучающихся в современных социально-экономических условиях // Педагогический журнал Башкортостана. 2013. № 3-4 (46-47). С. 30 – 37.
5. Ионова М.С. Прогнозирование в речи // Актуальные проблемы устной и письменной коммуникации: теоретические и прикладные аспекты: межвузовский сборник научных работ. Саранск, 2007. С. 167 – 170.
6. Ионова М.С. Развитие планирования и прогнозирования в профессиональном мышлении студентов-психологов // Известия Тульского государственного университета. 2008. № 1. С. 98 – 104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-planirovaniya-i-prognozirovaniya-v-professionalnom-myshlenii-studentov-psihologov> (дата обращения: 16.02.2026)
7. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: учебное пособие. 5-е изд., стер. М.: Академия, 2012. 304 с.
8. Краева М.Ю. Динамика прогностических способностей у студентов-психологов в образовательном процессе вуза: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Астрахань, 1999. 26 с.
9. Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н. Антиципация в структуре деятельности. М.: Наука, 1980. 280 с.
10. Пряжников Н.С. Профессиональное самоопределение: теория и практика: учебное пособие. М.: Академия, 2008. 320 с.
11. Регуш Л.А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. СПб.: Речь, 2003. 351 с.
12. Старикова Д.В. Психологические факторы успешности вторичного профессионального самоопределения (на примере экономистов): дис. ... канд. психол. наук. Тверь, 2013. 218 с.
13. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность. М.: Московский открытый социальный университет, 2001. 272 с.
14. Marcia J.E. Development and Validation of Ego-Identity Status // Journal of Personality and Social Psychology. 1966. Vol. 3. No. 5. P. 551 – 558.

References

1. Andronov V.P., Ionova M.S. The Importance of Predictive Abilities for the Professional Self-Determination of High School Students. *Bulletin of Tula State University*. 2015. No. 1 (78). P. 112 – 119. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-prognosticheskikh-sposobnostey-dlya-professionalnogo-samooopredeleniya-starsheklassnikov>
2. Brushlinsky A.V. *Thinking and Forecasting*. Moscow: Mysl', 1979. 230 p.
3. Gridnev A.O., Ionova M.S. Features of the professional identity of secondary vocational school students with different levels of negative outlook. Actual problems of mass consciousness research: materials of the 8th International scientific and practical conference (Penza, March 21-22, 2025). Penza: Pero, 2025. P. 31 – 41.
4. Zeer E.F. Promoting students' professional self-determination in modern socio-economic conditions. *Pedagogical journal of Bashkortostan*. 2013. No. 3-4 (46-47). P. 30 – 37.
5. Ionova M.S. Forecasting in speech. Actual problems of oral and written communication: theoretical and applied aspects: interuniversity collection of scientific papers. Saransk, 2007. P. 167 – 170.
6. Ionova M.S. Development of Planning and Forecasting in the Professional Thinking of Psychology Students. *Bulletin of Tula State University*. 2008. No. 1. P. 98 – 104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-planirovaniya-i-prognozirovaniya-v-professionalnom-myshlenii-studentov-psihologov> (date of access: 16.02.2026)
7. Klimov E.A. *Psychology of Professional Self-Determination: a tutorial*. 5th ed., reprinted. Moscow: Academy, 2012. 304 p.
8. Kraeva M.Yu. Dynamics of Predictive Abilities in Psychology Students in the Educational Process of a University: Abstract of a Cand. Sci. (Psychology) Dissertation. Astrakhan, 1999. 26 p.
9. Lomov B.F., Surkov E.N. *Anticipation in the Structure of Activity*. Moscow: Nauka, 1980. 280 p.
10. Pryazhnikov N.S. *Professional Self-Determination: Theory and Practice: A Tutorial*. Moscow: Academy, 2008. 320 p.
11. Regush L.A. *Psychology of Forecasting: Advances in Understanding the Future*. St. Petersburg: Rech, 2003. 351 p.
12. Starikova D.V. Psychological Factors of Success in Secondary Professional Self-Determination (using economists as an example): Cand. of Psychology Dissertation. Tver, 2013. 218 p.
13. Schneider L.B. *Professional Identity*. M.: Moscow Open Social University, 2001. 272 p.
14. Marcia J.E. Development and Validation of Ego-Identity Status. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1966. Vol. 3. No. 5. P. 551 – 558.

Информация об авторах

Гриднев А.О., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-7279-9697>, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевицкая, д. 68, satat15@yandex.ru

Ионова М.С., ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4982-9691>, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Республика Мордовия, 430005, ул. Большевицкая, д. 68, г. Саранск, ionovams@mail.ru

Андронов В.П., Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 430005, Республика Мордовия, ул. Большевицкая, д. 68, г. Саранск, andronovvp@rambler.ru

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

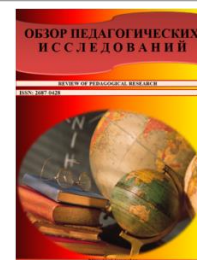
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.937

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-41-49

Исследование интеллектуальной активности старших дошкольников на примере восприятия неоднозначных изображений

¹ Козедуб А.П.,
¹ Донской государственный технический университет

Аннотация: статья посвящена исследованию интеллектуальной активности старших дошкольников на примере восприятия неоднозначных изображений. В качестве респондентов выступили пять групп детей старшего дошкольного возраста. Воспитанники МАДОУ детский сад № 123 г. Ростова-на-Дону, в количестве 43 человека, из них 17 мальчиков и 26 девочек; воспитанники МБДОУ №130 г. Ростов-на-Дону, в количестве 79 человек, из них 42 мальчика и 37 девочек. Всего в исследовании участвовало 122 респондента. В исследовании использовались: карта оценки индивидуально-типологической активности ребенка дошкольного возраста Т.И. Чирковой; методика для выявления стратегии разрешения познавательного противоречия при восприятии двойственных изображений у детей дошкольного возраста М.П. Мезенцовой. Для математического анализа результатов были применены математические методы анализа информации с использованием пакета прикладных программ SPSS: версия 27.0. Показано, что старшие дошкольники, которые называют обе интерпретации неоднозначного изображения, отличаются скоростными и вариативными показателями интеллектуальной активности. Подчеркивается, что умение работать с неоднозначностью и находить несколько смыслов в одном объекте является показателем более развитого интеллекта у старших дошкольников. Проведенное исследование дополняет знания о том, когда и как формируются когнитивные навыки, обеспечивающие переключение интерпретаций. Используемый нами пакет диагностических методик отвечает цели исследования, позволяет установить особенности интеллектуальной активности на примере восприятия неоднозначных изображений. Это позволяет рассматривать методику неоднозначных изображений как валидный инструмент экспресс-диагностики интеллектуальной активности и прогноза успешности обучения в школе.

Ключевые слова: восприятие неоднозначных изображений, интеллектуальная активность, когнитивное развитие, вариативность мышления, старшие дошкольники

Для цитирования: Козедуб А.П. Исследование интеллектуальной активности старших дошкольников на примере восприятия неоднозначных изображений // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 41 – 49. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-41-49

Поступила в редакцию: 10 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Study of the intellectual activity of older preschoolers using the example of perception of ambiguous images

¹ Kozedub A.P.,
¹ Don State Technical University

Abstract: the article is devoted to the study of the intellectual activity of older preschoolers using the example of the perception of ambiguous images. Five groups of senior preschool-age children served as respondents. The respondents were 43 students from Rostov-on-Don's Municipal Preschool Educational Institution Kindergarten No. 123, including 17 boys and 26 girls; and 79 students from Rostov-on-Don's Municipal Budgetary Preschool Educational Institution No. 130, including 42 boys and 37 girls. A total of 122 respondents participated in the study. The study utilized T.I. Chirkova's Individual Typological Activity Assessment Chart for Preschool-Age Children; and M.P. Mezentsova's methodology for identifying strategies for resolving cognitive contradictions in the perception of ambiguous images in preschool-age children. The results were analyzed using mathematical methods of data analysis using the SPSS software package: version 27.0. It has been shown that older preschoolers who identify both interpretations of an ambiguous image exhibit faster and more variable measures of intellectual activity. It is emphasized that the ability to work with ambiguity and find multiple meanings in a single object is an indicator of more developed intelligence in older preschoolers. This study expands our understanding of when and how the cognitive skills that enable switching interpretations are developed. The diagnostic tools we used meet the study's objectives and allow us to identify characteristics of intellectual activity using the perception of ambiguous images as an example. This allows us to consider the ambiguous image method as a valid tool for express diagnostics of intellectual activity and prediction of success in school learning.

Keywords: perception of ambiguous images, intellectual activity, cognitive development, variability of thinking, older preschool children

For citation: Kozedub A.P. Study of the intellectual activity of older preschoolers using the example of perception of ambiguous images. *Review of Pedagogical Research*. 2026. 8 (6). P. 41 – 49. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-41-49

The article was submitted: April 10, 2026; Approved after reviewing: May 11, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Несмотря на длительную историю изучения двойственных изображений в психологии, до настоящего времени остаётся недостаточно исследованным вопрос о том, какие именно когнитивные характеристики отличают старших дошкольников, способных к самостоятельному переключению между интерпретациями. Восполнение этого пробела актуально как для фундаментальной психологии восприятия (понимание механизмов осознания многозначности в онтогенезе), так и для практической диагностики интеллектуальной готовности к школе, где ключевыми предикторами успешности выступают скоростные и вариативные показатели мыслительной деятельности.

Современная система дошкольного и начального образования предъявляет высокие требования к когнитивной гибкости ребенка. Успешное обучение в школе (особенно в условиях частой смены учебных задач, понимания переносного смысла текстов, решения нестандартных примеров) напрямую зависит от интеллектуальной активности ребенка.

Восприятие двойственных (неоднозначных) изображений можно рассматривать как комплексный когнитивный феномен, требующий участия высших психических функций. Способность ребёнка увидеть на одной картинке два разных образа (например, «утку» и «зайца») предполагает работу нескольких интеллектуальных механизмов одновременно: понимание репрезентации, когнитивную гибкость, торможение и воображение. Таким образом, успешность восприятия неоднозначных стимулов выступает интегральным показателем развития этих когнитивных процессов у старших дошкольников.

Способность видеть оба образа развивается постепенно. Исследования с детьми 3-5 лет показывают, что просто «переключиться» с одного образа на другой сложнее, чем просто признать, что у картинки есть две интерпретации [8]. М.С. Wimmer и М.Д. Doherty (2005) показали, что дети пытаются осуществить обратное восприятие только тогда, когда они могут понять репрезентативную связь между фигурой и двумя ее интерпретациями. Авторы считают, что сам процесс мысленного переключения требует более развитых

навыков, таких как рабочая память и способность удерживать в уме две разные идеи (исполнительные функции), а также хорошее воображение [8].

Исследование О.М. Краснорядцевой и М.П. Мезенцевой посвящено изучению того, как дошкольники преодолевают противоречия при восприятии двойственных изображений. Авторы предложили экспериментальную процедуру для выявления стратегий, используемых детьми, чтобы разрешить перцептивный конфликт и осознать двойственность образа [1]. Работа позволяет понять особенности когнитивного развития детей дошкольного возраста, их чувствительность к противоречиям и способы их переработки.

М.С. Wimmer и М.Д. Doherty приходят к выводу, что ключевой нисходящий фактор реверсии дополнительно требует как тормозящего понимания, так и достаточной тормозной силы, а также способностей к мысленному воображению [10]. Поэтому реализация ключевого нисходящего фактора реверсии является сложным процессом, требующим комплексного подхода. Он предполагает не только глубокое осмысление и способность к замедлению, но и наличие достаточной силы для осуществления изменений, а также развитое воображение для представления и планирования желаемого результата.

М.И. Куприянова, Д.Ю. Чопчик, Д.И. Костина, М.Г. Филиппова и В.М. Аллахвердов исследует феномен «окна осознания» при восприятии двойственных изображений. Авторы анализируют временные характеристики осознания альтернативных интерпретаций бистабильных стимулов, изучая, как переключение между ними соотносится с сознательным опытом и когнитивными процессами [2]. Проведенное ими исследование позволяет понять фундаментальные принципы работы сознания: как мозг выбирает одну интерпретацию из множества возможных и почему одна и та же сенсорная информация может приводить к разным перцептивным решениям.

М.Г. Филипповой и Н.В. Морошкиной проведен эксперимент, посвященный изучению восприятия многозначной информации, в частности, того, как люди обрабатывают двойственные изображения. В результате авторы пришли к выводу о том, что существует двух типа когнитивного контроля: неосознаваемый и осознаваемый, которые выполняют различные функции [5]. Таким образом, работа демонстрирует, что восприятие многозначной информации является сложным процессом, включающим как автоматические, так и целенаправленные когнитивные механизмы, которые взаимодействуют друг с другом.

В научной работе О.В. Щербаковой, М.Г. Филипповой, Ю.Ю. Штырова, направленной на проверку гипотезы о существовании общего нейронального маркера ошибочного опознания многозначной информации как однозначной, независимо от ее модальности (вербальной или невербальной), было установлено, что негативность, связанная с ошибкой (НСО) была зарегистрирована только в ответ на ошибочное восприятие двойственных (невербальных) изображений как однозначных и не проявлялась при ошибочном восприятии анекдотов (вербальных стимулов) как неюмористических историй [7]. Обнаруженный ими эффект свидетельствует о том, что нейрональные механизмы регистрации когнитивной ошибки при обработке многозначной информации различаются в зависимости от типа стимула.

Исследование Е. Rafetseder и коллег (2019) с использованием непрерывной версии задачи с неоднозначными изображениями показало, что способность к спонтанному порождению альтернативных интерпретаций (без подсказки о содержании) развивается значительно дольше. Это, по мнению авторов, говорит о том, что у детей и взрослых фундаментально различный стиль переработки информации [9]. Можно утверждать, что различия между детьми и взрослыми носят не просто стратегический, но фундаментально когнитивный характер.

Важный дополнительный результат, полученный М.П. Мезенцевой и М.Г. Филипповой (2017), заключается в том, что однозначные изображения являются более предпочитаемыми по сравнению с двойственными в группе детей дошкольного возраста в целом. Однако дети, называющие обе интерпретации, обнаруживают большее предпочтение двойственных изображений по сравнению с детьми, которые не видят обе интерпретации [4]. Можно считать, что дети, которые могут успешно «разгадать» двойственную картинку (увидеть оба смысла), находят её более интересной, поскольку она предоставляет возможность для когнитивной активности. Поэтому развитие способности видеть двойственность связано с переходом от импульсивного восприятия к более произвольному и логическому мышлению.

Целью настоящей работы является изучение интеллектуальной активности и особенностей восприятия неоднозначных изображений у детей старшего дошкольного возраста. Ниже будут обсуждены результаты исследования интеллектуальной активности старших дошкольников на примере восприятия неоднозначных изображений. В работе обоснована возможность их использования педагогами-психологами в дошкольном образовании в качестве экспресс-диагностики когнитивной гибкости при оценке готовности к школе.

Материалы и методы исследований

Нами изучены следующие показатели интеллектуальной активности:

1. Скоростные показатели: скорость расширения интеллектуальной задачи, умение быстро переключаться между правилами и способами действий, скорость ответа на вопрос.
2. Эргические показатели: стремление длительное время заниматься, уровень умственного напряжения, выносливость и вовлеченность в интеллектуальные процессы.
3. Вариативные показатели: способность видеть несколько решений одной задачи, выходить за рамки шаблона, стремление к новизне и разнообразию в интеллектуальной деятельности.

Для того чтобы определить уровень развития интеллектуальной активности старших дошкольников было проведено наблюдение за ними на занятиях познавательного цикла, в разных видах продуктивной деятельности. Таким образом, оценивались скоростные, эргические и вариативные показатели интеллекта.

Исследование проводилось в 4 этапа:

- 1 этап – подготовительный. Анализ научных представлений по теме исследования, обоснование актуальности и постановка проблемы;
- 2 этап – предварительный. Формирование выборки исследования, подбор диагностических методик, выявляющих основные особенности интеллектуальной активности и восприятия неоднозначных изображений;
- 3 этап – основной. Изучение особенностей интеллектуальной активности и стратегий разрешения познавательного противоречия при восприятии двойственных изображений у дошкольников;
- 4 этап – заключительный. Определение перспектив применения результатов исследования, которые расширяют представление о когнитивных механизмах, лежащих в основе восприятия многозначности.

Цель исследования: выявить различия у детей старшего дошкольного возраста, которые видят обе интерпретации и игнорируют неоднозначность изображения, в развитии скоростных, эргических, вариативных показателей интеллектуальной активности.

Были поставлены задачи эмпирического исследования:

1. Исследовать уровень развития скоростных, эргических, вариативных показателей интеллектуальной активности у старших дошкольников.
2. Выявить стратегии разрешения познавательного противоречия при восприятии двойственных изображений.
3. Обработать и проанализировать полученные результаты.
4. Сформулировать выводы исследования.

Выборка исследования.

В качестве респондентов выступили пять групп детей старшего дошкольного возраста. Воспитанники МАДОУ детский сад № 123 г. Ростова-на-Дону, в количестве 43 человека, из них 17 мальчиков и 26 девочек; воспитанники МБДОУ №130 г. Ростов-на-Дону, в количестве 79 человек, из них 42 мальчика и 37 девочек. Всего в исследовании участвовало 122 респондента. Для математического анализа результатов были применены математические методы анализа информации с использованием пакета прикладных программ SPSS: версия 27.0.

3. Методики исследования:

1. Карта оценки индивидуально-типологической активности ребенка дошкольного возраста Т.И. Чирковой [6];
2. Методика для выявления стратегии разрешения познавательного противоречия при восприятии двойственных изображений у детей дошкольного возраста М.П. Мезенцовой [3].

Процедура исследования. Исследование проводилось в индивидуальной и групповой форме. Воспитатели получили рекомендации по результатам тестирования старших дошкольников.

Результаты и обсуждения

Используя методику для выявления стратегии разрешения познавательного противоречия при восприятии двойственных изображений у детей дошкольного возраста М.П. Мезенцовой [3], определили частоты встречаемости каждой из выделенных ею стратегий.

В табл. 1 представлено распределение стратегий разрешения познавательного противоречия при восприятии неоднозначных изображений.

Таблица 1

Представленность стратегий разрешения познавательного противоречия при восприятии неоднозначных изображений.

Table 1

Representation of strategies for resolving cognitive contradiction in the perception of ambiguous images.

Стратегия	Количество детей	%
Отказ от учета двух однозначных образов	12	10%
Отказ от инструкции назвать образ	82	67%
Поиск синонимов	78	64%
Добавление уменьшительно-ласкательных суффиксов к названию одного из образов	17	14%
Испытуемый называет обе интерпретации двойственного изображения	56	46%
Название каждого из образов без указания на двойственность или изменения формулировки	96	79%

Исходя из указанных частот и первой квантили, которая равна 31 при общей выборке в 122 человека, можно предположить, что основными можно считать 4 стратегии: (2) отказ от инструкции назвать образ; (4) поиск синонимов; (7) испытуемый называет обе интерпретации двойственного изображения; (8) название каждого из образов без указания на двойственность или изменения формулировки.

Проанализировав полученные данные можно выявить две основные стратегии, используемые детьми при восприятии неоднозначных изображений: (2) отказ от инструкции назвать образ и (8) название каждого из образов без указания на двойственность или изменения формулировки. При этом, детей, называющих обе интерпретации неоднозначного изображения, было выявлено 46%.

По результатам исследования интеллектуальной активности детей старшего дошкольного возраста были выявлены средние значения скоростных, эргических и вариативных показателей (рис. 1).

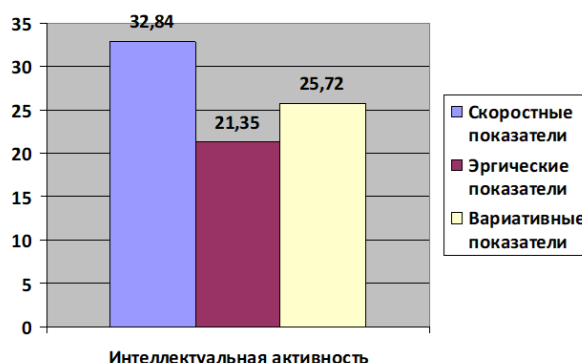

Рис. 1. Средние значения скоростных, эргических и вариативных показателей интеллектуальной активности.

Fig. 1. Average values of speed, ergic and variable indicators of intellectual activity.

Средние значения скоростных, эргических и вариативных показателей интеллекта отражают типичные паттерны когнитивной обработки информации. Скоростные показатели (32,84) характеризуют оперативность мышления, скорость принятия решений и эффективность выполнения задач, требующих быстроты реакции. Эргические показатели (21,35), в свою очередь, описывают энергетический потенциал умственной деятельности, его устойчивость и способность к длительной концентрации. Вариативные показатели (25,72) демонстрируют гибкость интеллекта, его способность к адаптации, поиску нестандартных решений и переключению между различными мыслительными стратегиями.

Изучение интеллектуальной активности в разных видах продуктивной деятельности старших дошкольников выявило, что в целом для этой возрастной группы характерно следующее распределение по скоростным показателям интеллектуальной активности: низкий уровень развития наблюдался у 21 ребенка, средний – у 34 детей, а высокий – у 67 воспитанников. Отмечается дифференциация участников по степени выраженности эргических аспектов интеллектуальной деятельности: 11 человек показали низкие результаты, 28 – средние, и значительная группа из 83 человек достигла высокого уровня развития. Среди старших дошкольников выявлено с низким (30 человек), средним (32 человека), высоким (60 человек) уровнем развития вариативных показателей (рис. 2).

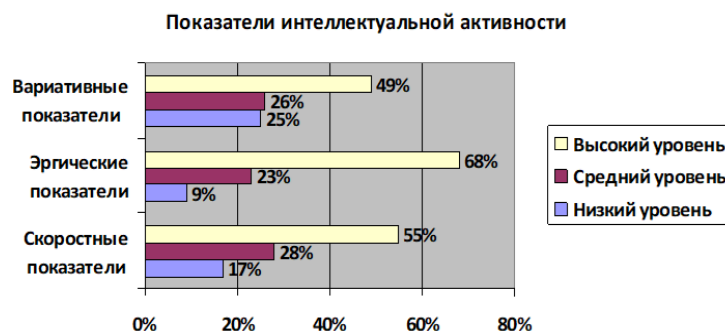

Рис. 2. Особенности интеллектуальной активности старших дошкольников.
Fig. 2. Features of intellectual activity of older preschoolers.

Данные свидетельствуют о том, что старшие дошкольники успешно реализуют свои общие умственные способности (ОУС), которые и определяют потенциал интеллектуальной активности, формируя широту и глубину познавательного интереса. Однако их проявление не является непосредственным, а опосредуется всей мотивационной структурой личности. Результаты показывают, что у большинства детей скоростные, эргические и вариативные показатели интеллектуальной активности в данной группе детей развиты на достаточно высоком уровне. Это говорит о том, что старшие дошкольники способны оперативно обрабатывать сложные интеллектуальные задачи, способны к напряженной умственной деятельности, имели высокий уровень тонуса при принятии решений, видели познавательную ситуацию с разных сторон и легко переключались между разными мыслями. При этом менее всего у них оказались развиты вариативные показатели интеллектуальной активности (25%), на втором месте скоростные (17%) и на последнем месте эргические показатели (9%). Данные свидетельствуют о том, что некоторые дошкольники склонны находить старые и привычные способы решения задач, стремятся к стандартным и шаблонным решениям интеллектуальных задач, а также медленно решают задачи и обнаруживают изменения в противоречивых ситуациях.

Анализ данных, проведенный с использованием методов математической статистики, показал следующее: существуют значимые различия в развитии исследуемых показателей. Так, было установлено, что старшие дошкольники, которые называют обе интерпретации неоднозначного изображения и которые отказываются называть неоднозначное изображение, значительно различаются скоростными и вариативными показателями интеллектуальной активности (табл. 2). При этом значимых различий в развитии эргических показателей интеллектуальной активности выявлено не было.

Таблица 2

Значимость различий по результатам исследования между старшими дошкольниками, указывающими на неоднозначность изображения и игнорирующие неоднозначность изображений.

Table 2

The significance of the differences in the results of the study between older preschoolers who point out the ambiguity of the image and ignore the ambiguity of the image.

Шкалы	Средняя арифметическая		U	p
	Называют обе интерпретации неоднозначного изображения	Не называют обе интерпретации неоднозначного изображения		
Скоростные показатели	36,61	29,65	1242,000	0,002
Эргические показатели	22,26	20,56	1493,500	0,067
Вариативные показатели	28,54	23,33	1350,000	0,010

Анализируя результаты исследования, приведенные в таблице, можно сделать следующие выводы:

Показатели по шкале «Скоростные показатели» в группе старших дошкольников, которые называют обе интерпретации неоднозначного изображения статистически значимо выше, чем в группе детей, которые не замечают неоднозначности. Это значит, что дети, воспринимающие неоднозначные изображения, быстрее обнаруживают изменения в проблемных ситуациях, легко дополняют интеллектуальные задачи, быстрее отвечают на поставленные вопросы.

Показатели по шкале «Вариативные показатели» в группе старших дошкольников, называющих обе интерпретации неоднозначного изображения, статистически значимо выше, чем в группе детей, игнориру-

щих двойственность изображений. Это значит, что дети, способные к восприятию неоднозначного изображения, чаще всего используют разнообразные способы решения интеллектуальных задач, стремятся к новизне и разнообразию в различных видах продуктивной деятельности.

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет установить особенности интеллектуальной активности и восприятия неоднозначных изображений (табл. 3).

Таблица 3

Сравнение особенностей двух групп по скоростным и вариативным показателям интеллектуальной активности.

Table 3

Comparison of the characteristics of two groups in terms of speed and variable indicators of intellectual activity.

Группа старших дошкольников	Скоростные показатели	Вариативные показатели
Называют обе интерпретации неоднозначного изображения	Высокая скорость переключения, быстрая реакция	Гибкость, много гипотез, низкая ригидность
Не называют обе интерпретации неоднозначного изображения	Застывание на первом образе, замедленное переключение	Фиксация на детали, бедность воображения

По результатам проведенного исследования было установлено, что дети, называющие обе интерпретации, демонстрируют более высокую скорость когнитивной обработки. Они быстрее подавляют первую, инерционную интерпретацию (например, «это утка») и активируют альтернативную («а это еще и заяц»). Это требует эффективной работы исполнительных функций, особенно когнитивной гибкости и торможения. Такие дети мгновенно «извлекают» из памяти нужный образ (зайца), увидев в контурах утки соответствующие признаки (ушки). Можно предположить, что у них хорошо развита долговременная память и наглядно-образное мышление. Поэтому такие дети, скорее всего, будут быстрее переключаться с одного правила на другое в заданиях, легче понимать переносный смысл и быстрее решать задачи, требующие смены стратегии.

Способность видеть не просто два, а, возможно, больше смыслов или быстро находить альтернативу говорит о дивергентном типе мышления. Дети, которые способны к восприятию неоднозначности изображения, не удовлетворены единственным ответом. Они легко выдвигают альтернативные гипотезы («здесь может быть нарисовано не только то, что я вижу первым»). Это в дальнейшем может способствовать развитию креативности. Такие дети не «застывают» на одном признаке (клюв у утки), а способны переоценить функцию детали (этот же выступ может быть ушами зайца). Можно сказать, что они обладают низкой ригидностью мышления. У них хорошо развито воображение, позволяя ребенку «достраивать» неоднозначные стимулы.

Таким образом, старшие дошкольники, которые называют обе интерпретации неоднозначного изображения, отличаются скоростными и вариативными показателями интеллектуальной активности. Этот результат согласуется с представлениями о том, что восприятие неоднозначных изображений представляет собой комплексный когнитивный феномен, требующий участия высших психических функций [4, 10].

Выводы

Старшие дошкольники, которые успешно называли обе интерпретации неоднозначного изображения, характеризуются более высокими скоростными параметрами переключения когнитивных установок (когнитивная гибкость) и большей вариативностью выдвигаемых перцептивных гипотез (дивергентность мышления). Поэтому, способность справляться с неоднозначностью в визуальном восприятии, можно назвать индикатором более высокого уровня развития когнитивных функций у старших дошкольников.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что результаты расширяют представление о когнитивных механизмах, лежащих в основе восприятия неоднозначных изображений.

Практическая значимость заключается в том, что методики, исследующие способность к восприятию неоднозначного изображения, могут быть использованы в качестве экспресс-диагностики когнитивной гибкости при оценке готовности к школе.

Полученные результаты открывают необходимость исследования связи восприятия неоднозначных изображений с другими когнитивными процессами в старшем дошкольном возрасте.

Таким образом, используемый нами пакет диагностических методик отвечает цели исследования, позволяет установить особенности интеллектуальной активности и восприятия неоднозначных изображений у детей старшего дошкольного возраста.

Список источников

1. Краснорядцева О.М., Мезенцева М.П. Стратегии разрешения перцептивных противоречий при восприятии двойственных изображений у детей дошкольного возраста // Теоретическая и экспериментальная психология. 2018. Т. 11. № 3. С. 92 – 100.
2. Куприянова М.И., Чопчик Д.Ю. и др. Окно осознания при восприятии двойственных изображений // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 22. № 4. С. 577 – 594.
3. Мезенцева М.П. Стратегии разрешения познавательных противоречий при восприятии двойственных изображений у детей дошкольного возраста: дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2020. 190 с.
4. Мезенцева М.П., Филиппова М.Г. Предпочтения при восприятии двойственных изображений у детей дошкольного возраста // Reflexio: научный психологический журнал. 2017. Т. 10. № 2. С. 83 – 94.
5. Филиппова М.Г., Морошкина Н.В. Осознаваемая и неосознаваемая многозначность: два вида когнитивного контроля // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 37 – 55.
6. Чиркова Т.И. Психологическая служба в детском саду: учебное пособие для психологов и специалистов дошкольного образования. М.: Пед. о-во России, 2001. 220 с.
7. Щербакова О.В., Филиппова М.Г., Штыров Ю.Ю. Негативность, связанная с ошибкой, как маркер неосознаваемой чувствительности к многозначности стимула // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2019. Т. 69. № 3. С. 334 – 338. DOI 10.1134/S0044467719030146
8. Doherty M.J., Wimmer M.C. Children's understanding of ambiguous figures: Which cognitive developments are necessary to experience reversal? // Cognitive development. 2005. Vol. 20. No. 3. P. 407 – 421. <https://doi.org/10.1016/j.cogdev.2005.05.003>
9. Rafetseder E., Schuster S., Hawelka S., Doherty M., Anderson B., Danckert J., Stöttinger E. Children struggle beyond preschool-age in a continuous version of the ambiguous figures task // Psychol Res. 2021. Vol. 85. No. 2. P. 828 – 841. DOI 10.1007/s00426-019-01278-z
10. Wimmer M.C., Doherty M.J. The development of ambiguous figure perception: I. Ambiguous figures // Monographs of the Society for Research in Child Development. 2011. Vol. 76. No. 1. P. 1 – 23. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5834.2011.00590.x>

References

1. Krasnoryadtseva O.M., Mezentsseva M.P. Strategies for resolving perceptual contradictions in the perception of ambiguous images in preschool children. Theoretical and Experimental Psychology. 2018. Vol. 11. No. 3. P. 92 – 100.
2. Kupriyanova M.I., Chopchik D.Yu., et al. Window of awareness in the perception of ambiguous images. Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2025. Vol. 22. No. 4. P. 577 – 594.
3. Mezentsseva M.P. Strategies for resolving cognitive contradictions in the perception of ambiguous images in preschool children: Diss. ... Cand. of Psychological Sciences. Tomsk, 2020. 190 p.
4. Mezentsseva M.P., Filippova M.G. Preferences in the perception of ambiguous images in preschool children. Reflexio: Scientific Psychological Journal. 2017. Vol. 10. No. 2. P. 83 – 94.
5. Filippova M.G., Moroshkina N.V. Conscious and unconscious polysemy: Two types of cognitive control. Siberian Psychological Journal. 2015. No. 56. P. 37 – 55.
6. Chirkova T.I. Psychological service in kindergarten: a teaching aid for psychologists and preschool education specialists. Moscow: Pedagogical Society of Russia, 2001. 220 p.
7. Shcherbakova O.V., Filippova M.G., Shtyrov Yu.Yu. Error-related negativity as a marker of unconscious sensitivity to stimulus ambiguity. Pavlov Journal of Higher Nervous Activity. 2019. Vol. 69. No. 3. P. 334 – 338. DOI 10.1134/S0044467719030146
8. Doherty M.J., Wimmer M.C. Children's understanding of ambiguous figures: Which cognitive developments are necessary to experience reversal? Cognitive development. 2005. Vol. 20. No. 3. P. 407 – 421. <https://doi.org/10.1016/j.cogdev.2005.05.003>
9. Rafetseder E., Schuster S., Hawelka S., Doherty M., Anderson B., Danckert J., Stöttinger E. Children struggle beyond preschool-age in a continuous version of the ambiguous figures task. Psychol Res. 2021. Vol. 85. No. 2. P. 828 – 841. DOI 10.1007/s00426-019-01278-z
10. Wimmer M.C., Doherty M.J. The development of ambiguous figure perception: I. Ambiguous figures. Monographs of the Society for Research in Child Development. 2011. Vol. 76. No. 1. P. 1 – 23. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5834.2011.00590.x>

Информация об авторе

Козедуб А.П., старший преподаватель, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-3796-0836>, Донской государственный технический университет, 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1, yahoonastya95@mail.ru

© Козедуб А.П., 2026

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

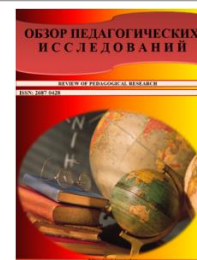
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.9

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-50-57

Психолого-педагогические технологии формирования чувства взрослости современных подростков

¹ Одияк Е.В.,
¹ Новосибирский государственный педагогический университет

Аннотация: в статье рассматривается проблема формирования чувства взрослости в подростковом возрасте как одного из ключевых личностных новообразований данного периода. Проанализированы теоретические подходы к пониманию сущности, структуры и условий формирования чувства взрослости в классических и современных исследованиях (Ш. Бюллер, Э. Эриксон, Д.Б. Эльконин, Т.В. Драгунова и др.). Показано, что чувство взрослости представляет собой многокомпонентное образование, включающее когнитивный, эмоционально-оценочный и коммуникативно-поведенческий компоненты, развитие которых определяется совокупностью внутренних и внешних факторов. В эмпирической части представлены результаты формирующего эксперимента, направленного на развитие чувства взрослости средствами тренингов и игропрактик. В исследовании приняли участие 110 подростков в возрасте 14-17 лет. С помощью комплекса психодиагностических методик выявлена положительная динамика показателей самооотношения, самоактуализации, коммуникативных склонностей и толерантности к неопределённости у участников экспериментальной группы. Результаты подтверждают гипотезу о возможности целенаправленного формирования чувства взрослости в педагогически организованных условиях, что особенно актуально в контексте цифровизации образовательной среды.

Ключевые слова: чувство взрослости, подростковый возраст, самосознание, субъектная позиция, самоактуализация, педагогические условия, формирующий эксперимент

Для цитирования: Одияк Е.В. Психолого-педагогические технологии формирования чувства взрослости современных подростков // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 50 – 57. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-50-57

Поступила в редакцию: 12 апреля 2026 г.;
Одобрена после рецензирования: 11 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

The adolescent's sense of maturity as a formable phenomenon capable of changing under the influence of environmental potential and psychological-pedagogical technologies

¹ Odiyak E.V.,
¹ Novosibirsk State Pedagogical University

Abstract: the article examines the problem of the formation of the sense of maturity during adolescence as one of the key personal new formations of this developmental stage. Theoretical approaches to understanding the nature, structure, and conditions for the development of the sense of maturity are analyzed based on classical and contemporary studies (Sh. Bühler, E. Erikson, D. B. Elkonin, T.V. Dragunova, and others). It is shown that the sense of maturity represents a multicomponent construct, including cognitive, emotional-evaluative, and communicative-behavioral components, the development of which is determined by a combination of internal and external factors.

The empirical part presents the results of a formative experiment aimed at developing adolescents' sense of maturity through training sessions and game-based practices. The study involved 110 adolescents aged 14-17. Using a set of psychodiagnostic techniques, positive dynamics were identified in the indicators of self-attitude, self-actualization, communicative tendencies, and tolerance for uncertainty among participants of the experimental group. The results confirm the hypothesis that the sense of maturity can be purposefully developed under pedagogically organized conditions, which is especially relevant in the context of the digitalization of the educational environment.

Keywords: sense of maturity, adolescence, self-awareness, subject position, self-actualization, pedagogical conditions, formative experiment

For citation: Odiyak E.V. *The adolescent's sense of maturity as a formable phenomenon capable of changing under the influence of environmental potential and psychological-pedagogical technologies. Review of Pedagogical Research.* 2026. 8 (6). P. 50 – 57. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-50-57

The article was submitted: April 12, 2026; Approved after reviewing: May 11, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Проблема формирования чувства взрослости в подростковом возрасте остаётся одной из наиболее дискуссионных в современной психолого-педагогической науке [1; 5; 9]. Несмотря на то, что это чувство признаётся важнейшим личностным новообразованием данного возраста, в научной литературе сохраняются существенные разночтения относительно его сущности, структуры, механизмов развития и условий формирования [7; 14]. Научный анализ также осложняется тем, что чувство взрослости развивается на стыке различных факторов: возрастно-психологических, социальных, культурных и педагогических [6; 10]. При этом в современных условиях, характеризующихся цифровизацией образовательной среды и изменением моделей социализации, возникают новые формы взросления, нередко опережающие личностную готовность подростков [3; 14]. Всё это обуславливает необходимость системного изучения чувства взрослости как предмета научного анализа, включая философско-педагогические предпосылки его понимания, этапы эволюции категории в науке и современные подходы к его диагностике и формированию в образовательной среде [4; 11].

В отличие от предшествующих поколений, современные подростки значительно реже включаются в устойчивые формы общественно значимой деятельности, предполагающей ответственность, самостоятельность и принятие решений. Существенная часть процессов социализации переносится в цифровую среду, где возможно быстрое получение символических признаков взрослости без реального освоения социальных ролей и ответственности. В результате возникает противоречие между внешне демонстрируемой взрослостью и недостаточной сформированностью субъектной позиции подростка. В условиях трансформации института детства и смещения возрастных границ чувство взрослости всё реже формируется естественным путём через включение подростка в реальные социальные практики. Это обуславливает необходимость поиска специальных психолого-педагогических условий и технологий, способствующих развитию чувства взрослости как личностного новообразования подросткового возраста.

Проблема формирования чувства взрослости в подростковом возрасте продолжает оставаться одной из наиболее обсуждаемых и методологически сложных в современной психолого-педагогической науке [1; 5]. Несмотря на признание данного феномена ключевым личностным новообразованием периода отрочества, в научных исследованиях сохраняются значительные расхождения в понимании его сущности, структурных компонентов, механизмов становления и педагогических условий развития [7; 14]. Трудности теоретического анализа во многом обусловлены междисциплинарным характером самого явления, которое формируется на пересечении возрастно-психологических, социокультурных и образовательных факторов [6; 9].

Современные реалии, связанные с цифровизацией образования, трансформацией моделей социализации и ускорением информационных потоков, приводят к возникновению новых форм взросления, зачастую опережающих личностную и эмоциональную зрелость подростков [3; 14]. Это усиливает необходимость системного осмысления феномена чувства взрослости как объекта научного познания – с учётом философских, культурно-исторических и педагогических предпосылок, этапов его концептуального развития и современных подходов к диагностике и формированию в образовательной среде [11].

Исследования в области психологии подросткового возраста, выполненные Ш. Бюллер, Э. Эриксоном, А. Фрейд и С. Холлом, указывают, что центральным направлением личностного развития в этот период

является становление самосознания, оказывающего влияние на все иные стороны личности [9; 15]. Работы Т.В. Драгуновой и Д.Б. Эльконина подчёркивают значение чувства взрослости как ключевого ресурса преодоления возрастных кризисов и как показателя общего уровня личностного развития подростка [5;]. Чувство взрослости представляет собой не просто стремление подростка выглядеть взрослым, а потребность действовать и ощущать себя субъектом, равным взрослым в правах и ответственности [7; 10]. Формирование данного новообразования начинается с идеализированных, нередко «героических» представлений о взрослом, постепенно переходя к осознанию реальных смыслов и мотивов поведения, характерных для взрослого человека [11].

Несмотря на значительное количество исследований, посвящённых подростковому возрасту, большинство работ рассматривают чувство взрослости преимущественно как возрастной феномен, возникающий естественным образом в процессе социализации. Однако современные социокультурные условия демонстрируют необходимость рассмотрения чувства взрослости не только как возрастного новообразования, но и как явления, требующего специальных педагогических условий для своего развития.

Анализ литературы показывает, что чувство взрослости имеет многокомпонентную структуру, включающую: когнитивный (знания о проявлениях взрослости), эмоционально-оценочный (эмоциональное восприятие, оценка и интерпретация различных психологических характеристик чувства взрослости) и коммуникативно-поведенческий (паттерны коммуникативного поведения, обеспечивающие проактивное взаимодействие) компоненты [1; 7].

Чувство взрослости складывается в результате взаимодействия внутренних и внешних детерминант развития личности [6; 9]. К внутренним факторам относятся индивидуально-психологические особенности подростка – уровень сформированности самосознания, структура мотивационной сферы, способность к рефлексии и самоанализу. Внешние условия включают систему воспитательных влияний, характер отношений с родителями и педагогами, а также степень участия подростка в социально значимой деятельности, где он может реализовать себя как субъект [10; 13].

Актуальность формирования личности, способной самостоятельно решать возникающие жизненные проблемы, готовой к творческой активности в ситуациях неопределённости и повышению продуктивности благодаря сознательному выбору способов поведения, также отражена в работе К.И. Воробьевой и Э.С. Ким «Самолидерство как личностный ресурс субъекта совладания» [2].

Современные социокультурные условия существенно трансформируют процесс взросления подростков. Если в предшествующие десятилетия чувство взрослости формировалось преимущественно естественным путём – через включение подростка в общественно полезную деятельность, систему устойчивых обязанностей, коллективные формы взаимодействия, трудовые и воспитательные практики, – то в настоящее время значительная часть подобных механизмов социализации оказывается ослабленной или утраченной.

Изменение структуры детства и подростничества связано с историческим кризисом детства, проявляющимся в смещении возрастных границ, размывании нормативных моделей взросления и изменении содержания социальных ролей подростка. Современный подросток получает доступ к внешним атрибутам взрослости значительно раньше, чем формируются психологическая зрелость, ответственность и субъектная позиция. При этом реальные ситуации, требующие самостоятельности, принятия решений и социально значимой ответственности, возникают существенно реже.

Цифровизация образовательной и коммуникативной среды также изменяет характер социализации подростков. Значительная часть взаимодействия переносится в виртуальное пространство, где возможно быстрое получение символического признания и демонстрация внешних признаков взрослости без необходимости освоения реальных социальных функций. В результате возникает противоречие между переживанием собственной взрослости и недостаточной сформированностью личностной готовности к её реализации.

В этих условиях чувство взрослости всё в меньшей степени развивается спонтанно и всё в большей степени требует создания специальных психолого-педагогических условий, обеспечивающих подросткам опыт самостоятельного действия, ответственности, рефлексии и субъектного взаимодействия. Именно поэтому особую актуальность приобретает разработка формирующих программ, направленных на развитие чувства взрослости средствами тренинговых, игровых и коммуникативных практик.

Чувство взрослости – новообразование подросткового возраста, характеризующееся качественным переходом индивида к субъектной позиции через сформированные психологические характеристики [13; 14].

Материалы и методы исследований

Выделение уровней сформированности чувства взрослости осуществлялось на основе теоретической модели, включающей когнитивный, эмоционально-оценочный и коммуникативно-поведенческий компо-

ненты. Критериями дифференциации уровней выступали особенности самоотношения, выраженность субъектной позиции, степень автономности, направленность личности и характер коммуникативного взаимодействия подростков.

Результаты и обсуждения

Мы можем выделить три уровня сформированности чувства взрослости:

- низкий – характеризуется отрицательным самоотношением, слабыми коммуникативными навыками, слабо сформированными ценностными ориентациями, отсутствием стремления к самоактуализации, личностной направленностью и слабой субъектной позицией [9];
- средний – проявляется в положительном самоотношении, направленности на взаимодействие, средне сформированными навыками коммуникации, принятием ценностей у ближайших взрослых и стремлением к формированию субъектной позиции [7; 12];
- высокий – соответствует осознанной субъектной позиции, положительному самоотношению, устойчивыми ценностными ориентациями, направленностью на задачу и стремлением к самоактуализации [12; 14].

Процесс формирования чувства взрослости в подростковом возрасте во многом зависит от особенностей педагогической среды, в которой осуществляется развитие личности учащегося [10; 13]. Именно образовательное пространство, его организация и педагогические воздействия определяют, в каком направлении будет происходить становление субъектной позиции подростка [4; 11].

В исследовании участвовало 110 человек в возрасте от 14 до 16 лет. Группа была поделена на экспериментальную группу (ЭГ) и контрольную группу (КГ).

Формирующий эксперимент реализовывался в условиях детского оздоровительного лагеря в течение 15-дневной смены и был направлен на развитие структурных компонентов чувства взрослости через включение подростков в специально организованную систему игровых, тренинговых и коммуникативных практик.

Программа выстраивалась поэтапно – от упражнений на групповое взаимодействие и самопрезентацию к более сложным формам совместной деятельности, требующим самостоятельности, ответственности и принятия решений. На начальном этапе использовались тренинговые упражнения на знакомство, развитие доверия, групповое сплочение и формирование безопасной коммуникативной среды. Подростки выполняли задания на самопрезентацию, определение личных качеств и обсуждение представлений о взрослости и ответственности.

На следующем этапе в программу включались командные и ролевые игры, моделирующие ситуации выбора, неопределённости и коллективного принятия решений. Подростки распределяли роли внутри группы, самостоятельно организовывали выполнение заданий, принимали решения в условиях ограниченного времени и несли ответственность за результат совместной деятельности. Использовались элементы игропрактики, включающие сюжетные задания, командные испытания, коммуникативные квесты и игровые ситуации, требующие проявления инициативы и лидерских качеств. Отдельный блок программы был направлен на развитие рефлексии и субъектной позиции. После выполнения заданий проводились групповые обсуждения, анализ поведения участников, рефлексивные упражнения и разбор возникающих трудностей. Подростки оценивали собственный вклад в деятельность группы, особенности взаимодействия и способы принятия решений.

Завершающий этап программы предполагал включение подростков в более самостоятельные формы деятельности, где они могли проявлять инициативу, организовывать взаимодействие внутри группы и принимать ответственность за общий результат. Последовательное усложнение игровых и коммуникативных задач позволяло создавать условия для постепенного развития самостоятельности, уверенности в себе и переживания собственной взрослости.

До проведения формирующей программы нами был проведен комплекс психологической диагностики, определяющий сформированность параметров чувства взрослости.

Входная диагностика по шести методикам. Выбор методик соответствовал теоретической модели чувства взрослости и компонентам формирования субъектной позиции.

На начальном этапе диагностики для целей дальнейшего сравнительного анализа был использован блок методик – «Самоотношения» (МИС) С.Р. Пантеева – В.В. Столина; «Диагностика самоактуализации личности» А.В. Лазукина в адаптации Н.Ф. Калина (САМОАЛ); «Коммуникативные и организаторские склонности (КОС)» В.В. Синаевского – Б.А. Федоришина; «Нравственный потенциал личности» Г.В. Резапкиной; «Шкала толерантности к неопределённости» МакЛейна (Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance Scale-I, MSTAT-I) в адаптации Е. Н. Осина; «Определение направленности личности». По каждой методике происходило разделение на высокий, средний и низкий уровень выраженности параметра.

Таблица 1

Распределение испытуемых по уровням сформированности параметров чувства взрослости до проведения программы.

Table 1

Distribution of subjects by levels of development of the parameters of a sense of adulthood before the program.

Методика	Параметр	Уровень		
		Высокий	Средний	Низкий
«Самоотношения» (МИС) С.Р. Пантеева – В.В. Столина.	Внутренняя честность	4	24	42
	Самоуверенность	4	26	40
	Саморуководство	4	26	40
	Самоценность	4	28	38
	Самопринятие	6	26	38
«Диагностика самоактуализации личности» А.В. Лазукина в адаптации Н.Ф. Калина (САМОАЛ).	Самоактуализация	0	40	30
	Самопонимание	16	40	14
	Ценности	18	38	14
	Автономность	20	33	17
	Гибкость в общении	20	38	12
«Коммуникативные и организаторские склонности (КОС)» В.В. Синявского – Б.А. Федоришина	Коммуникативные склонности	8	21	41
«Нравственный потенциал личности» Г.В. Резапкиной.		30		40
«Шкала толерантности к неопределённости» МакЛейна (Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance Scale-I, MSTAT-I) в адаптации Е.Н. Осина	Толерантность к неопределённости	6	24	40
«Определение направленности личности» Б. Басса.	Направленность на дело	0	51	19

Анализ результатов первичной диагностики позволил предположить, что специально организованные психолого-педагогические условия способны оказывать положительное влияние на развитие компонентов чувства взрослости у подростков.

Результаты по непараметрическому критерию Т-Вилкоксона

Исходя из необходимости доказательства предположения, что проведение программы влияет на формирование чувства взрослости у старших подростков, возможно применение непараметрический критерий сравнения 2 зависимых групп Т-Вилкоксона. После реализации формирующей программы у подростков экспериментальной группы была выявлена положительная динамика по большинству исследуемых показателей. Статистически значимые изменения были зафиксированы в сфере самоактуализации, самоотношения, коммуникативных характеристик и толерантности к неопределённости.

По методике диагностики самоактуализации личности (А.В. Лазукин в адаптации Н.Ф. Калина) наблюдалось повышение показателей стремления к самоактуализации (с 38 до 55 баллов, $p < 0,001$), самопонимания (с 9 до 11,4, $p < 0,001$), ценностных ориентаций (с 9 до 10,5, $p = 0,0004$), а также гибкости в общении (с 9 до 10,23, $p = 0,00035$). Полученные результаты свидетельствуют о развитии у подростков стремления к личностному росту, повышении осознанности и большей готовности к конструктивному взаимодействию с окружающими.

По данным методики исследования самоотношения (МИС) С.Р. Пантеева, В.В. Столина были выявлены значимые изменения показателей самоуверенности (с 44,16 до 61, $p < 0,001$) и самоценности (с 46 до 61, $p = 0,00008$), что позволяет говорить о повышении уровня позитивного самоотношения и большей уверенности подростков в собственных возможностях.

Существенные изменения были получены и по шкале толерантности к неопределённости МакЛейна (MSTAT-I) в адаптации Е.Н. Осина: показатель толерантности к неопределённости увеличился с 54 до 76 баллов ($p = 0,00011$). Это указывает на повышение готовности подростков к ситуациям выбора, неопределённости и необходимости самостоятельного принятия решений.

По методике диагностики коммуникативных и организаторских склонностей (КОС) В.В. Синявского – Б.А. Федоришина отмечен рост коммуникативных склонностей (с 49 до 68, $p < 0,001$), что свидетельствует о развитии навыков взаимодействия, инициативности и способности к групповому сотрудничеству.

Кроме того, по методике определения направленности личности Б. Басса было выявлено увеличение показателя направленности на дело (с 29 до 35,7, $p = 0,006$), отражающее повышение ориентации подростков на деятельность, достижение результата и выполнение значимых задач.

В совокупности полученные результаты позволяют сделать вывод о положительном влиянии формирующей программы на развитие ключевых компонентов чувства взрослости и становление субъектной позиции подростков.

Для определения качественного перехода участников программы по уровням, мы разделили результаты итоговой диагностики.

Таблица 2

Распределение ЭГ по уровням сформированности параметров чувства взрослости после проведения программы.

Table 2

Distribution of the EG by levels of development of the parameters of a sense of adulthood after the program.

Методика	Параметр	Уровень		
		Высокий	Средний	Низкий
«Самоотношения» (МИС) С.Р. Пантеева – В.В. Столина.	Внутренняя честность	6	48	16
	Самоуверенность	7	51	12
	Саморуководство	9	49	12
	Самоценность	5	50	15
	Самопринятие	6	52	12
«Диагностика самоактуализации личности» А.В. Лазукина в адаптации Н.Ф. Калина (САМОАЛ).	Самоактуализация	14	33	7
	Самопонимание	34	36	0
	Ценности	20	36	14
	Автономность	20	38	12
	Гибкость в общении	20	38	12
«Коммуникативные и организаторские склонности (КОС)» В.В. Синявского – Б.А. Федоришина	Коммуникативные склонности	36	33	1
«Нравственный потенциал личности» Г.В. Резапкиной.		60		10
«Шкала толерантности к неопределённости» МакЛейна (Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance Scale-I, MSTAT-I) в адаптации Е.Н. Осина	Толерантность к неопределённости	10	45	15
«Определение направленности личности» Б. Басса.	Направленность на дело	20	36	14

На начальном этапе исследования у большинства участников экспериментальной группы преобладали средний и низкий уровни выраженности исследуемых показателей. Особенно низкие результаты наблюдались по параметрам самоактуализации, коммуникативных склонностей, толерантности к неопределённости и отдельным аспектам самоотношения. Это свидетельствовало о недостаточной сформированности субъектной позиции, неустойчивости самоотношения и ограниченной готовности подростков к самостоятельному принятию решений и ответственному взаимодействию.

После проведения формирующей программы было зафиксировано увеличение числа подростков с высоким и средним уровнями сформированности большинства параметров чувства взрослости. Существенно сократилось количество участников с низкими показателями по шкалам самоотношения, коммуникативных склонностей и самоактуализации.

Наиболее выраженные изменения были выявлены в сфере коммуникативных склонностей: если до начала программы низкий уровень наблюдался у большей части подростков, то после завершения программы количество участников с высоким уровнем значительно возросло, а число подростков с низкими показателями практически исчезло. Аналогичная динамика наблюдалась по параметрам самопонимания, самоактуализации и толерантности к неопределённости.

Кроме того, результаты итоговой диагностики продемонстрировали положительные изменения в сфере самоотношения: увеличилось количество подростков со средним и высоким уровнями самоуверенности,

самоценности и самопринятия. Это указывает на развитие более устойчивого позитивного отношения к себе и повышение уверенности в собственных возможностях.

Полученные различия между результатами входной и итоговой диагностики позволяют сделать вывод о положительном влиянии реализованной программы на развитие структурных компонентов чувства взрослости и формирование субъектной позиции подростков.

Выводы

Проведённое исследование позволило рассмотреть чувство взрослости как значимое личностное новообразование подросткового возраста, формирование которого в современных социокультурных условиях всё в большей степени зависит от специально организованных психолого-педагогических условий. Анализ теоретических подходов показал, что чувство взрослости связано не только со стремлением подростка к внешним признакам взрослости, но и с развитием субъектной позиции, самостоятельности, ответственности, способности к рефлексии и осознанному взаимодействию с окружающими.

Современные условия социализации существенно изменяют механизмы взросления подростков. Снижение количества естественных ситуаций ответственности, трансформация детско-взрослых отношений и перенос значительной части коммуникации в цифровую среду приводят к тому, что переживание взрослости всё чаще носит внешне демонстративный характер и не сопровождается достаточной личностной зрелостью. В связи с этим особую значимость приобретает создание образовательных практик, обеспечивающих подросткам опыт самостоятельного действия, принятия решений и социального взаимодействия.

Результаты эмпирического исследования подтвердили эффективность формирующей программы, основанной на использовании тренинговых, игровых и коммуникативных практик. После реализации программы у подростков экспериментальной группы была выявлена положительная динамика по показателям самоактуализации, самоотношения, коммуникативных склонностей, толерантности к неопределённости и направленности на деятельность. Также было зафиксировано увеличение числа подростков со средним и высоким уровнями сформированности компонентов чувства взрослости.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что использование игровых, ролевых и тренинговых практик создаёт условия для развития субъектной позиции подростков, формирования самостоятельности, ответственности и готовности к конструктивному взаимодействию. Формирующая программа способствовала не только развитию отдельных личностных характеристик, но и более целостному переживанию подростками собственной взрослости.

Таким образом, исследование подтверждает возможность целенаправленного формирования чувства взрослости подростков в условиях педагогически организованной среды и подчёркивает значимость разработки современных психолого-педагогических технологий, ориентированных на поддержку процессов взросления в условиях изменяющейся социокультурной реальности.

Список источников

1. Архипова Т.Т., Шабалина А.Н. Изучение феномена чувства взрослости акцентуированных подростков // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2015. №2 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-fenomena-chuvstva-vzroslosti-aktsentuirovannyh-podrostkov> (дата обращения: 02.02.2025)
2. Воробьева К.И., Ким Э.С. Самолидерство как личностный ресурс субъекта совладания // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. XVII. Вып. 4. С. 26 – 30.
3. Галюк Н.А., Одияк Е.В. Игрофикация как психологический инструмент развития маркеров чувства взрослости у подростков // Вестник педагогических инноваций. 2022. № 2 (66). С. 47 – 56.
4. Григорьев С.В. Самовыражение и развитие личности в игре: (На материале традиционных народных игр): автореф. дис. ... канд. психол. наук / Ин-т психологии. М., 1991. 21 с.
5. Драгунова Т.В. Проблема конфликта в подростковом возрасте // Психология подростка: Хрестоматия / Ред.-сост. Ю.И. Фролов. М., 1997. 526 с.
6. Иванов Д.В. Галюк Н.А. Современный школьник: очерки психологии учащихся традиционных и инновационных школ: монография. Братск: МП «Братская городская типография», 1997. 228 с.
7. Кон И. С. Мальчик – отец мужчины: монография. М.: АСТ, 2017. 480 с.
8. Любомирский К.Д. Психологические основания формирования образа значимого взрослого у подростков и юношей: автореф. дис. ... канд. псих. наук. Москва, 2006. 24 с.
9. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: учебник для студ. вузов. 4-е изд., стереотип. М.: Издательский центр «Академия», 1999. 456 с.

10. Орлова Л.Г. Психологические особенности подростков // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум». 2018. № 8. С. 55 – 58.
11. Фиофанова О.А. Психология взросления и воспитательные практики нового поколения. М.: Флинта: НОУ ВПО «МПСИ», 2012. 120 с.
12. Чернобровкина С.В. Кризис юности у студентов как кризис взросления // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2014. № 1. С. 24 – 31.
13. Чернобровкина С.В. Представление о подростках как фактор их взросления // ОмГУ. 2016. № 3. С. 56 – 65.
14. Шамшикова О.А. Одияк Е.В. Особенности и различия понятий «чувство взрослости» и «образ взрослости» // Педагогика и психология в современном мире: теоретические и практические исследования: сб. ст. по материалам XLIII Международной научно-практической конференции «Педагогика и психология в современном мире: теоретические и практические исследования». М.: Изд. «Интернаука», 2021. № 1 (43). С. 28 – 36.

References

1. Arkhipova T.T., Shabalina A.N. Studying the Phenomenon of the Sense of Adulthood in Accentuated Adolescents. Personality, Family, and Society: Issues of Pedagogy and Psychology. 2015. No. 2 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-fenomena-chuvstva-vzroslosti-aktsentuirovannyh-podrostkov> (date of access: 02.02.2025)
2. Vorobyova K.I., Kim E.S. Self-leadership as a Personal Resource of the Subject of Coping. Social and Humanitarian Sciences in the Far East. 2020. Vol. XVII. Issue. 4. P. 26 – 30.
3. Galyuk N.A., Odiyak E.V. Gamification as a Psychological Tool for Developing Markers of Adulthood in Adolescents. Bulletin of Pedagogical Innovations. 2022. No. 2 (66). P. 47 – 56.
4. Grigoriev S.V. Self-expression and Personality Development in Play: (Based on Traditional Folk Games): Abstract of a Cand. Sci. (Psychology) Dissertation. Institute of Psychology. Moscow, 1991. 21 p.
5. Dragunova T.V. The Problem of Conflict in Adolescence. Adolescent Psychology: A Treatise. Ed. and Comp. Yu.I. Frolov. Moscow, 1997. 526 p.
6. Ivanov D.V. Galyuk N.A. The Modern Schoolchild: Essays on the Psychology of Students in Traditional and Innovative Schools: Monograph. Bratsk: MP "Bratsk City Printing House", 1997. 228 p.
7. Kon I.S. A Boy – a Man's Father: A Monograph. Moscow: AST, 2017. 480 p.
8. Lyubomirsky K.D. Psychological Foundations for the Formation of the Image of a Significant Adult in Adolescents and Young Men: Abstract of a Cand. Sci. (Psychology) Dissertation. Moscow, 2006. 24 p.
9. Mukhina V.S. Age Psychology: The Phenomenology of Development, Childhood, Adolescence: A Textbook for Students of Universities. 4th ed., Stereotype. Moscow: Publishing Center "Academy", 1999. 456 p.
10. Orlova L.G. Psychological Characteristics of Adolescents. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Science and Society". 2018. No. 8. P. 55 – 58.
11. Fiofanova O.A. Psychology of Growing Up and Educational Practices of the New Generation. Moscow: Flinta: NOU VPO "MPSI", 2012. 120 p.
12. Chernobrovkina S.V. Crisis of Youth in Students as a Crisis of Growing Up. Bulletin of Omsk University. Series "Psychology". 2014. No. 1. P. 24 – 31.
13. Chernobrovkina S.V. Concept of Adolescents as a Factor in Their Growing Up. Omsk State University. 2016. No. 3. P. 56 – 65.
14. Shamshikova O.A. Odiyak E.V. Features and Differences between the Concepts of "Sense of Adulthood" and "Image of Adulthood". Pedagogy and Psychology in the Modern World: Theoretical and Practical Research: Coll. Art. Based on the materials of the XLIII International Scientific and Practical Conference "Pedagogy and Psychology in the Modern World: Theoretical and Practical Research". Moscow: Internauka Publishing House, 2021. No. 1 (43). P. 28 – 36.

Информация об авторе

Одияк Е.В., старший преподаватель, аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5093-0586>, Новосибирский государственный педагогический университет, janefer@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

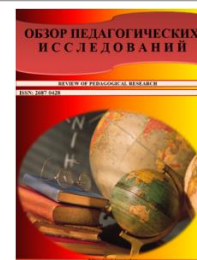
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9.07, 159.97:616.8

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-58-68

Интегративная оценка дефицита зрительных функций при шизофрении: мета-аналитический подход

^{1,2} Беловол Е.В., ³ Шурупова Е.Ю., ⁴ Зеленская О.С.,

¹ Московский педагогический государственный университет,

² Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,

³ Московский государственный психолого-педагогический университет,

⁴ Московская международная академия

Аннотация: в работе представлен систематический обзор литературы и мета-анализ данных о нарушениях зрительных функций у пациентов с шизофренией. Цель исследования заключалась в интеграции размеров эффектов по восьми показателям зрительного функционирования, а именно: контрастной чувствительности, дискриминации биологического движения, точности саккадических движений, плавного преследования, метаконтрастной маскировки, распознавания эмоций по глазам, стереоскопического зрения и цветового зрения.

Материалы и методы. Мета-анализ выполнен в среде Jamovi с использованием модели случайных эффектов. Для оценки публикационного смещения применялись воронкообразный график и регрессионный тест Эггера.

Результаты. Установлено, что у пациентов с шизофренией наблюдается статистически значимое снижение всех исследованных зрительных функций. Наиболее выраженные нарушения выявлены для контрастной чувствительности и дискриминации биологического движения, тогда как цветовое зрение оказалось относительно более сохранным. При этом низкий уровень гетерогенности ($I^2 < 40\%$) свидетельствует о высокой однородности данных и о системном характере зрительного дефицита. Визуальный анализ воронкообразного графика и результаты теста Эггера ($p = 0,992$) не выявили признаков публикационного смещения.

Заключение. Полученные данные подтверждают наличие генерализованного зрительного дефицита при шизофрении и указывают на специфическую уязвимость сенсорных и перцептивно-динамических механизмов, что имеет значение для понимания нейрокогнитивных нарушений при данном расстройстве.

Ключевые слова: шизофрения, зрительные функции, мета-анализ, контрастная чувствительность, биологическое движение, саккады, публикационное смещение

Для цитирования: Беловол Е.В., Шурупова Е.Ю., Зеленская О.С. Интегративная оценка дефицита зрительных функций при шизофрении: мета-аналитический подход // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 58 – 68. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-58-68

Поступила в редакцию: 13 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Integrative assessment of visual deficits in schizophrenia: a meta-analytical approach

^{1,2} Belovol E.V., ³ Shurupova E.Yu., ⁴ Zelenskaya O.S.,
¹ Moscow Pedagogical State University,
² Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
³ Moscow State University of Psychology and Education,
⁴ Moscow International Academy

Abstract: this paper presents a systematic review of the literature and a meta-analysis of data on visual impairments in patients with schizophrenia. The aim of the study was to integrate effect sizes across eight measures of visual functioning, namely: contrast sensitivity, biological motion discrimination, saccadic accuracy, smooth pursuit, metacontrast masking, and emotion recognition from eye movements, stereoscopic vision and colour vision.

Materials and Methods. The meta-analysis was performed in the Jamovi environment using a random-effects model. A funnel plot and Egger's regression test were used to assess publication bias.

Results. It was found that patients with schizophrenia exhibit a statistically significant reduction in all visual functions studied. The most pronounced impairments were identified in contrast sensitivity and the discrimination of biological motion, whereas colour vision was found to be relatively better preserved. At the same time, the low level of heterogeneity ($I^2 < 40\%$) indicates a high degree of data homogeneity and the systemic nature of the visual deficit. Visual analysis of the funnel plot and the results of the Egger's test ($p = 0.992$) revealed no signs of publication bias.

Conclusion. The obtained data confirm the presence of a generalised visual deficit in schizophrenia and point to a specific vulnerability of sensory and perceptual-dynamic mechanisms, which is significant for understanding neurocognitive impairments in this disorder. The findings confirm the presence of a generalised visual deficit in schizophrenia and point to a specific vulnerability of sensory and perceptual-dynamic mechanisms, which is significant for understanding neurocognitive impairments in this disorder.

Keywords: schizophrenia, visual functions, meta-analysis, contrast sensitivity, biological motion, saccades, publication bias

For citation: Belovol E.V., Shurupova E.Yu., Zelenskaya O.S. *Meta-analytic evaluation of integrative visual deficits in schizophrenia. Review of Pedagogical Research.* 2026. 8 (6). P. 58 – 68. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-58-68

The article was submitted: April 13, 2026; Approved after reviewing: May 11, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Шизофрения представляет собой тяжелое психическое расстройство, которое затрагивает около 1% населения земного шара. Заболевание характеризуется дефицитами когнитивного функционирования и клиническими проявлениями, включающими позитивную и негативную симптоматику [15]. Современные данные показывают, что нарушения затрагивают не только высшие когнитивные функции, но и все стадии сенсорной обработки информации [3, 14]. Визуальные галлюцинации встречаются у 60-70% пациентов [28]. Стабильные дефициты базовых зрительных функций могут предшествовать клиническим симптомам и служить биомаркерами заболевания [4]. Механизмы зрительной дисфункции связывают с нарушениями глутаматергической и ГАМК-ергической нейротрансмиссии [2, 8].

Нарушения включают дефициты контрастной чувствительности [8], дискриминации биологического движения [17], точности глазодвигательных реакций [21], зрительной маскировки [10] и др. Целью исследования является систематический обзор и мета-анализ этих нарушений.

Материалы и методы исследований

Систематический поиск литературы проводился в базах данных PubMed, PsycINFO, Web of Science и Scopus с использованием следующих поисковых строк: («schizophrenia» OR «schizoaffective» OR «psychosis») AND («visual perception» OR «visual processing» OR «contrast sensitivity» OR «biological motion» OR «eye movement» OR «saccade» OR «pursuit» OR «visual masking» OR «motion perception»).

В данном исследовании поисковые строки на русском языке не использовались, так как все статьи ведущих отечественных исследователей в данной области всегда сопровождаются аннотациями и ключевыми словами на английском языке. Поиск охватывал период с января 1980 по декабрь 2024 года без ограничений по языку публикации. Диаграмма отбора согласно стандарту PRISMA [22] представлена на рис. 1.

Рис. 1. Процесс отбора исследований для мета-анализа PRISMA.
Fig. 1. Systematic study selection process for meta-analysis using PRISMA criteria.

Из исследований извлекались клинические данные, включая тяжесть симптомов по шкале PANSS и дозирования антипсихотиков в хлорпромазиновом эквиваленте. Качество оценивалось по шкале Newcastle-Ottawa Scale (NOS) [28]. Мета-анализ проводился в программе Jamovi с использованием модуля MAJOR. Размеры эффекта рассчитывались как Hedges' g [6]. Гетерогенность оценивалась статистиками Q и I^2 [15]. Систематическое смещение оценивалось тестом Эггера [9].

Оценка систематического смещения проводилась визуально с помощью воронкообразного графика (Funnel plot) и статистически с помощью регрессионного теста Эггера.

Результаты и обсуждения

Общий размер эффекта нарушений зрительного восприятия

В мета-анализ включены 44 исследования ($N=5450$). Объединенный размер эффекта ($g = -0,71$; $p < 0,001$) указывает на значимый дефицит. В результате анализа был выявлен относительно высокий уровень гетерогенности результатов между отдельными исследованиями ($Q = 312,4$; $df = 46$; $p < 0,001$; $I^2 \geq 50\%$), что обусловлено разнообразием методов оценки. Результаты по отдельным доменам зрительного восприятия представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты мета-анализа нарушений зрительного восприятия при шизофрении.

Table 1

Findings from a meta-analysis on visual perception deficits in schizophrenia.

Домен зрительной функции	k	Hedges' g (95% ДИ)	p	I ²	Ключевые исследования
Контрастная чувствительность	12	-0,82 (-1,05, -0,59)	<0,001	78,4%	[3, 4, 7]
Дискриминация биологического движения	9	-0,79 (-1,12, -0,46)	<0,001	82,1%	[5, 15, 17]
Точность саккадических движений	11	-0,68 (-0,89, -0,47)	<0,001	71,3%	[20, 27]
Плавное преследование (gain)	8	-0,61 (-0,85, -0,37)	<0,001	68,9%	[13, 21, 24]
Метаконтрастная маскировка	7	-0,54 (-0,76, -0,32)	<0,001	65,2%	[12, 10, 25]
Распознавание эмоций	6	-0,47 (-0,71, -0,23)	<0,001	59,7%	[1, 18, 19]
Стереоскопическое зрение	5	-0,43 (-0,67, -0,19)	<0,001	54,3%	[25]
Цветовое зрение	4	-0,31 (-0,58, -0,04)	0,024	48,6%	[3, 30]

Примечание: k – количество исследований; ДИ – доверительный интервал; отрицательные значения g указывают на дефицит пациентов с шизофренией.

Note: k is the number of studies; CI is the confidence interval; negative g values indicate a deficit of patients with schizophrenia.

Данные, представленные в табл. 1 стали основой для их дальнейшего анализа, который осуществлялся по отдельным доменам.

Интеграция размеров эффекта и анализ гетерогенности

Для обобщения данных исследования по 8 исследуемым доменам зрительных функций был построен лесовидный график (Forest plot) с расчетом интегрированного размера эффекта (с использованием модели со случайными эффектами – Random-effects model).

Интегрированный размер эффекта продемонстрировал статистически значимое общее снижение зрительных функций в исследуемой группе: $d = -0,581$, 95% CI [-0,824; -0,337], $p < 0,001$. Графически размеры эффекта по отдельным доменам, а также интегрированный показатель представлены на рис. 2.

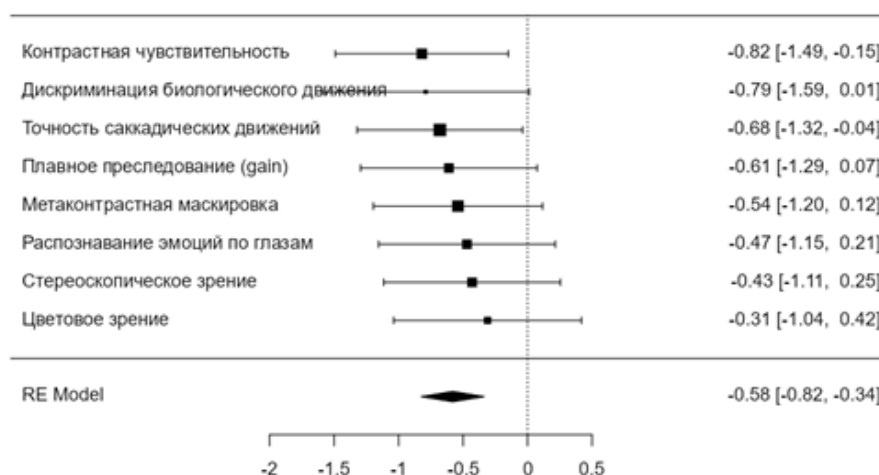

Рис. 2. Лесовидный график.

Fig. 2. Forest plot.

Анализ лесовидного графика (рис. 2) показывает, что доверительные интервалы для подавляющего большинства отдельных зрительных функций, а также и интегрированный показатель (ромб), находятся в отрицательной зоне и не пересекают линию нулевого эффекта. Такой тип распределения отражает снижение зрительных функций в исследуемой группе. В целом визуальный анализ графика позволяет сделать следующие выводы (табл. 2).

Таблица 2

Ключевые визуальные выводы.

Table 2

Key conclusions from visual analysis.

Домен	Визуальная позиция	Интерпретация
Контрастная чувствительность	Крайняя левая позиция	Наиболее выраженный дефицит, высокая клиническая значимость
Биологическое движение	Вторая слева	Критично для социального функционирования
Саккадические движения	Средняя позиция	Надёжный эндофенотип, высокая воспроизводимость
Цветовое зрение	Крайняя правая	Относительно сохранено, специфичность магноклеточного пути

Оценка однородности (гетерогенности) эффектов

Для оценки однородности полученных размеров эффекта применялись статистика Q Кохрена и индекс I^2 [6]. Анализ выявил низкий уровень гетерогенности результатов: $Q (df=7) = 1,682, p=0,975; I^2=27\%$.

Низкое значение индекса $I^2 (<40\%)$ свидетельствует о высокой степени статистической однородности (гомогенности) данных. Это означает, что выявленное снижение зрительных функций носит генерализованный, системный характер. Несмотря на визуально наблюдаемый разброс значений (от -0.31 до -0.82), дисперсия между различными зрительными тестами не превышает ожидаемой ошибки выборки. Таким образом, интегрированный размер эффекта ($d = -0,58$) является статистически надежным показателем глобального зрительного дефицита в исследуемой группе пациентов.

Оценка надежности результатов и анализ систематического смещения

Для оценки однородности данных и исключения систематического смещения (эффекта малых выборок) был построен воронкообразный график (Funnel plot) и проведен регрессионный тест Эггера (Egger's regression test). Визуальный анализ воронкообразного графика продемонстрировал высокую симметричность распределения: все точки ($k=8$), отражающие размеры эффектов для различных зрительных функций, располагаются строго внутри 95% псевдодоверительных границ (внутри «воронки»). Это свидетельствует о том, что наблюдаемый разброс размеров эффекта (от -0.31 до -0.82) полностью объясняется ожидаемой дисперсией выборки (стандартными ошибками), без наличия нетипичных выбросов.

Статистическая проверка с помощью теста Эггера подтвердила визуальные наблюдения, показав полное отсутствие значимой асимметрии графика ($z=-0.011, p=0.992$).

Таким образом, дисперсия полученных результатов является естественной, данные обладают высокой степенью методологической надежности и не искажены артефактами или системными ошибками измерения. Полученная интегрированная оценка эффекта может считаться статистически достоверной. Графически результаты анализа представлены на рис. 3.

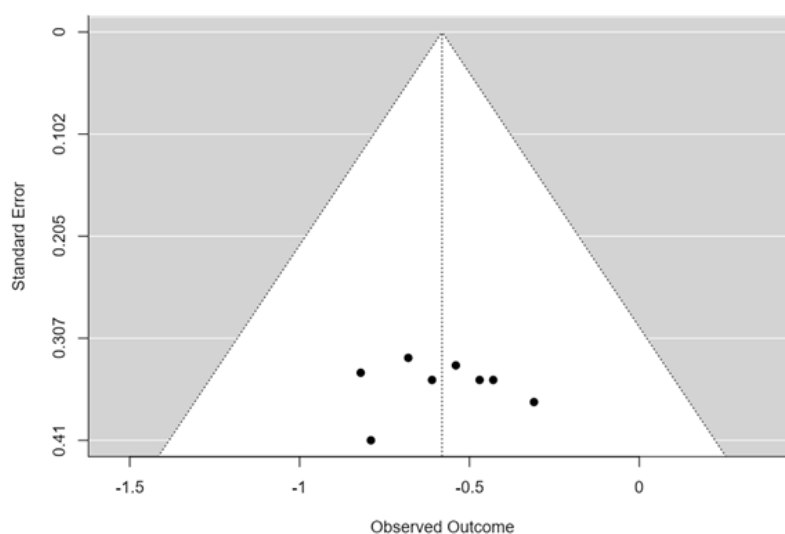

Рис. 3. Воронкообразный график (Funnel plot) размеров эффекта для показателей зрительных функций. (Пунктирные линии обозначают 95% доверительные интервалы).

Fig. 3. Funnel plot depicting effect sizes across visual function indicators. (The dashed lines represent 95 % confidence intervals).

Характер разброса данных на рис. 3 показывает, что данные относительно всех зрительных доменов группируются достаточно симметрично относительно центральной линии и на рисунке нет значений, выходящих за доверительный интервал. Таким образом, можно сделать вывод, что полученные результаты не искажены эффектом малых выборок, а наблюдаемый разброс эффектов (от -0.31 для цветового зрения до -0.82 для контрастной чувствительности) отражает истинную гетерогенность нарушений зрительных функций, а не методологические артефакты.

Результаты нашего мета-анализа ($I^2 < 40\%$) убедительно показывают, что зрительный дефицит у пациентов с шизофренией носит системный характер. Патологический процесс затрагивает широкий спектр зрительных функций, что отражается в статистически значимом интегрированном размере эффекта.

Однако, на фоне этого глобального снижения зрительного функционирования, анализ точечных размеров эффекта позволяет выявить зоны специфической нейробиологической уязвимости. Наблюдается четкий клинический градиент: максимальная выраженность дефицита фиксируется в базовых сенсорных процессах (контрастная чувствительность, $d = -0.82$) и восприятии кинематики (дискриминация биологического движения, $d = -0.79$), тогда как функции цветоразличения остаются относительно более сохранными ($d = -0.31$).

Полученный результат хорошо согласуется с теорией преимущественной уязвимости магноцеллюлярной (М) зрительной системы [26]. Низкоуровневые нарушения запускают каскад (bottom-up effect), искажая работу социального мозга [13, 18]. Специфичность профиля М-дисфункции позволяет проводить дифференциальную диагностику шизофрении [16, 25].

Выводы

Систематический обзор и мета-анализ подтверждают наличие устойчивых нарушений зрительного восприятия при шизофрении, которые охватывают широкий спектр функций от базовой сенсорной обработки до сложной социальной перцепции. Наиболее выраженные дефициты локализованы в магноклеточном пути и включают контрастную чувствительность, дискриминацию биологического движения и глазодвигательный контроль. Выявленные нарушения ассоциированы с отрицательными симптомами и социальной дезинтеграцией, при этом они относительно независимы от положительных симптомов и демонстрируют потенциал в качестве эндофенотипов.

Результаты исследования согласуются с нейробиологической моделью шизофрении как системного расстройства, которое затрагивает и ранние стадии сенсорной обработки. Выявленные особенности позволяют использовать зрительные маркеры для раннего выявления заболевания, в дифференциальной диагностике и разработке новых терапевтических стратегий. Дальнейшие исследования должны сфокусироваться на стан-

дартизации методов оценки, лонгитюдном прослеживании динамики нарушений и интеграции зрительных эндофенотипов с генетическими и нейровизуализационными данными.

Ограничения исследования

Проведенный мета-анализ имеет ряд ограничений. Большинство включенных исследований имеют кросс-секционный дизайн, что ограничивает возможности установления причинно-следственных связей. Для их установления необходимы лонгитюдные исследования динамики зрительных нарушений в течение жизненного цикла заболевания и их связи с прогнозом.

Относительно небольшое количество исследований, посвященных отдельным доменам (например, цветовое зрение – $k = 4$), ограничивает статистическую мощность анализа модераторов. Будущие исследования должны использовать стандартизированные протоколы оценки, обеспечивающие сопоставимость результатов.

Список источников

1. Addington J., Addington D. Facial affect recognition and information processing in schizophrenia and bipolar disorder // *Schizophr Res.* 1998. Vol. 32. № 3. P. 171 – 181. DOI: 10.1016/s0920-9964(98)00042-5. URL: [https://sci-hub.ru/10.1016/s0920-9964\(98\)00042-5](https://sci-hub.ru/10.1016/s0920-9964(98)00042-5)
2. Allen P., Larøi F., McGuire P.K. et al. The hallucinating brain: a review of structural and functional neuroimaging studies of hallucinations // *Neurosci Biobehav Rev.* 2008. Vol. 32. № 1. P. 175 – 191. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2007.07.012. URL: <https://sci-hub.ru/10.1016/j.neubiorev.2007.07.012>
3. Butler P.D., Schechter I., Zemon V. et al. Dysfunction of early-stage visual processing in schizophrenia // *Am J Psychiatry.* 2001. Vol. 158, № 7. P. 1126 – 1133. DOI: 10.1176/appi.ajp.158.7.1126. URL: <https://sci-hub.ru/10.1176/appi.ajp.158.7.1126>
4. Cadenhead K.S., Dobkins K.R., McGovern J.E. et al. Schizophrenia spectrum participants have reduced visual contrast sensitivity to chromatic (red/green) and luminance (light/dark) stimuli: new insights into information processing, visual channel function, and antipsychotic effects // *Frontiers in Psychology.* 2013. Vol. 4. № 535. DOI: 10.3389/fpsyg.2013.00535. URL: <https://sci-hub.ru/10.3389/fpsyg.2013.00535>
5. Chen Y., Palafox G.P., Nakayama K. et al. Motion perception in schizophrenia // *Archives of General Psychiatry.* 1999. Vol. 56. № 1. P. 149 – 154. DOI: 10.1001/archpsyc.56.2.149. URL: <https://sci-hub.ru/10.1001/archpsyc.56.2.149>
6. Cohen J. Statistical power analysis for the behavioral sciences. 2nd ed. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1988. 567 p.
7. Dakin S., Carlin P., Hemsley D. Weak suppression of visual context in chronic schizophrenia // *Current Biology.* 2005. Vol. 15. № 20. P. R822 – R824. DOI: 10.1016/j.cub.2005.10.015. URL: <https://sci-hub.ru/10.1016/j.cub.2005.10.015>
8. Dakin S.C., Frith U. Vagaries of visual perception in autism // *Neuron.* 2005. Vol. 48. № 3. P. 497 – 507. DOI: 10.1016/j.neuron.2005.10.018. URL: <https://sci-hub.ru/10.1016/j.neuron.2005.10.018>
9. Egger M., Davey Smith G., Schneider M. et al. Bias in meta-analysis detected by a simple, graphical test // *BMJ.* 1997. Vol. 315, № 7109. P. 629 – 634. DOI: 10.1136/bmj.315.7109.629. URL: https://www.researchgate.net/publication/200051683_Bias_in_Meta-Analysis_Detected_by_a_Simple_Graphical_Test
10. Fett A.K., Viechtbauer W., Dominguez M.D. et al. The relationship between neurocognition and social cognition with functional outcomes in schizophrenia: a meta-analysis // *Neurosci Biobehav Rev.* 2011. Vol. 35, № 3. P. 573–588. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2010.07.001. URL: <https://sci-hub.ru/10.1016/j.neubiorev.2010.07.001>
11. Herzog M.H., Roinishvili M., Chkonia E. et al. Schizophrenia and visual backward masking: a general deficit of target enhancement // *Front Psychol.* 2013. Vol. 4. P. 254. DOI: 10.3389/fpsyg.2013.00254. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2013.00254/full>
12. Higgins J.P.T., Thompson S.G., Deeks J.J. et al. Measuring inconsistency in meta-analyses // *BMJ.* 2003. Vol. 327, № 7414. P. 557 – 560. DOI: 10.1136/bmj.327.7414.557. URL: <https://sci-hub.ru/10.1136/bmj.327.7414.557>
13. Jacobsen L.K., Hong W.L., Hommer D.W. et al. Smooth pursuit eye movements in childhood-onset schizophrenia: comparison with attention-deficit hyperactivity disorder and normal controls // *Biol Psychiatry.* 1996. Vol. 40. № 11. P. 1144 – 1154. DOI: 10.1016/S0006-3223(95)00630-3. URL: [https://www.biologicalpsychiatryjournal.com/article/S0006-3223\(95\)00630-3/abstract](https://www.biologicalpsychiatryjournal.com/article/S0006-3223(95)00630-3/abstract)

14. Javitt D.C. Sensory processing in schizophrenia: neither simple nor intact // *Schizophr Bull.* 2009. Vol. 35. № 6. P. 1059 – 1064. DOI: 10.1093/schbul/sbp110. URL: https://www.researchgate.net/publication/38015071_Sensory_Processing_in_Schizophrenia_Neither_Simple_nor_Intact
15. Kahn R.S., Sommer I.E., Murray R.M. et al. Schizophrenia // *Nature Reviews Disease Primers.* 2015. Vol. 1. P. 15067. DOI: 10.1038/nrdp.2015.67. URL: <https://sci-hub.ru/10.1038/nrdp.2015.67>
16. Kéri S., Janka Z. Critical evaluation of cognitive dysfunctions as endophenotypes of schizophrenia // *Acta Psychiatrica Scandinavica.* 2004. Vol. 110. P. 83 – 91. DOI: 10.1111/j.1600-0047.2004.00359.x. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1600-0047.2004.00359.x>
17. Kim J., Doop M.L., Blake R. et al. Impaired visual recognition of biological motion in schizophrenia // *Schizophr Res.* 2005. Vol. 77. № 2-3. P. 299 – 307. DOI: 10.1016/j.schres.2005.04.006. URL: https://www.researchgate.net/publication/7818481_Impaired_visual_recognition_of_biological_motion_in_schizophrenia
18. Kohler C.G., Turner T.H., Bilker W.B. et al. Facial emotion recognition in schizophrenia: intensity effects and error pattern // *American Journal of Psychiatry.* 2003. Vol. 160. № 10. P. 1768 – 1774. DOI: 10.1176/appi.ajp.160.10.1768. URL: <https://sci-hub.ru/10.1176/appi.ajp.160.10.1768>
19. Lee J., Gosselin F., Wynn J.K. et al. How do schizophrenia patients use visual information to decode facial emotion? // *Schizophr Bull.* 2011. Vol. 37. № 5. P. 1001 – 1008. DOI: 10.1093/schbul/sbq006. URL: https://www.researchgate.net/publication/41435233_How_Do_Schizophrenia_Patients_Use_Visual_Information_to_Decode_Facial_Emotion
20. Levy D.L., Holzman P.S., Matthysse S. et al. Eye tracking and schizophrenia: a selective review // *Schizophrenia Bulletin.* 1994. Vol. 20. № 1. P. 47 – 62. DOI: 10.1093/schbul/20.1.47. URL: <https://sci-hub.ru/10.1093/schbul/20.1.47>
21. O'Driscoll G.A., Callahan B.L. Smooth pursuit in schizophrenia: a meta-analytic review of research since 1993 // *Brain Cogn.* 2008. Vol. 68. № 3. P. 359 – 370. DOI: 10.1016/j.bandc.2008.08.023. URL: https://www.researchgate.net/publication/23309681_Smooth_pursuit_in_schizophrenia_A_meta-analytic_review_of_research_since_1993
22. Page M.J., McKenzie J.E., Bossuyt P.M. et al. The PRISMA 2020 statement: an updated guideline for reporting systematic reviews // *BMJ.* 2021. Vol. 372. No 71. DOI: 10.1136/bmj.n71. URL: <https://sci-hub.ru/10.1136/bmj.n71>
23. Rassovsky Y., Green M.F., Nuechterlein K.H. et al. Visual processing in schizophrenia: Structural equation modeling of visual masking performance // *Schizophr Res.* 2005. Vol. 78, № 2-3. P. 251 – 260. DOI: 10.1016/j.schres.2005.05.011. URL: <https://sci-hub.ru/10.1016/j.schres.2005.05.011>
24. Ross D.E., Ochs A.L., Pandurangi A.K. et al. Mixture analysis of smooth pursuit eye movements in schizophrenia // *Psychophysiology.* 1996. Vol. 33, № 4. P. 390 – 397. DOI: 10.1111/j.1469-8986.1996.tb01064.x. URL: <https://sci-hub.ru/10.1111/j.1469-8986.1996.tb01064.x>
25. Schechter I., Butler P.D., Jalbrzikowski M. et al. A new dimension of sensory dysfunction: Stereopsis deficits in schizophrenia // *Biological Psychiatry.* 2006. Vol. 60. P. 1282 – 1284. DOI: 10.1016/j.biopsych.2006.03.064. URL: <https://www.scrip.org/reference/referencespapers?referenceid=628175>
26. Schechter I., Butler P.D., Silipo G. et al. Magnocellular and parvocellular contributions to backward masking dysfunction in schizophrenia // *Schizophr Res.* 2003. Vol. 64. № 2-3. P. 91 – 101. DOI: 10.1016/s0920-9964(03)00008-2. URL: [https://sci-hub.ru/10.1016/s0920-9964\(03\)00008-2](https://sci-hub.ru/10.1016/s0920-9964(03)00008-2)
27. Sereno A.B., Holzman P.S. Antisaccades and smooth pursuit eye movements in schizophrenia // *Biological Psychiatry.* 1995. Vol. 37. № 6. P. 394 – 401. DOI: 10.1016/0006-3223(94)00127-O. URL: <https://escholarship.mcgill.ca/downloads/j9602491d>
28. Waters F., Collerton D., Ffytche D.H. et al. Visual hallucinations in the psychosis spectrum and comparative information from neurodegenerative disorders and eye disease // *Schizophrenia Bulletin.* 2014. Vol. 40. № 4. P. S233 – S245. DOI: 10.1093/schbul/sbu036. URL: https://www.researchgate.net/publication/263189664_Visual_Hallucinations_in_the_Psychosis_Spectrum_and_Comparative_Information_From_Neurodegenerative_Disorders_and_Eye_Disease

29. Wells G.A., Shea B., O'Connell D. et al. The Newcastle-Ottawa Scale (NOS) for assessing the quality of nonrandomised studies in meta-analyses. Ottawa Hospital Research Institute. 2014. URL: http://www.ohri.ca/programs/clinical_epidemiology/oxford.asp

30. Yoon J.H., Sheremata S.L., Rokem A. et al. Windows to the soul: vision science as a tool for studying biological mechanisms of information processing deficits in schizophrenia // *Front Psychol.* 2013. Vol. 4. P. 681. DOI: 10.3389/fpsyg.2013.00681. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2013.00681/full>

References

1. Addington J., Addington D. Facial affect recognition and information processing in schizophrenia and bipolar disorder. *Schizophr Res.* 1998. Vol. 32. No. 3. P. 171 – 181. DOI: 10.1016/S0920-9964(98)00042-5. URL: [https://sci-hub.ru/10.1016/S0920-9964\(98\)00042-5](https://sci-hub.ru/10.1016/S0920-9964(98)00042-5)

2. Allen P., Larøi F., McGuire P.K. et al. The hallucinating brain: a review of structural and functional neuroimaging studies of hallucinations. *Neurosci Biobehav Rev.* 2008. Vol. 32. No. 1. P. 175 – 191. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2007.07.012. URL: <https://sci-hub.ru/10.1016/j.neubiorev.2007.07.012>

3. Butler P.D., Schechter I., Zemon V. et al. Dysfunction of early-stage visual processing in schizophrenia. *Am J Psychiatry.* 2001. Vol. 158, No. 7. P. 1126 – 1133. DOI: 10.1176/appi.ajp.158.7.1126. URL: <https://sci-hub.ru/10.1176/appi.ajp.158.7.1126>

4. Cadenhead K.S., Dobkins K.R., McGovern J.E. et al. Schizophrenia spectrum participants have reduced visual contrast sensitivity to chromatic (red/green) and luminance (light/dark) stimuli: new insights into information processing, visual channel function, and antipsychotic effects. *Frontiers in Psychology.* 2013. Vol. 4. No. 535. DOI: 10.3389/fpsyg.2013.00535. URL: <https://sci-hub.ru/10.3389/fpsyg.2013.00535>

5. Chen Y., Palafox G.P., Nakayama K. et al. Motion perception in schizophrenia. *Archives of General Psychiatry.* 1999. Vol. 56. No. 1. P. 149 – 154. DOI: 10.1001/archpsyc.56.2.149. URL: <https://sci-hub.ru/10.1001/archpsyc.56.2.149>

6. Cohen J. Statistical power analysis for the behavioral sciences. 2nd ed. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1988. 567 p.

7. Dakin S., Carlin P., Hemsley D. Weak suppression of visual context in chronic schizophrenia. *Current Biology.* 2005. Vol. 15. No. 20. P. R822 – R824. DOI: 10.1016/j.cub.2005.10.015. URL: <https://sci-hub.ru/10.1016/j.cub.2005.10.015>

8. Dakin S.C., Frith U. Vagaries of visual perception in autism. *Neuron.* 2005. Vol. 48. No. 3. P. 497 – 507. DOI: 10.1016/j.neuron.2005.10.018. URL: <https://sci-hub.ru/10.1016/j.neuron.2005.10.018>

9. Egger M., Davey Smith G., Schneider M. et al. Bias in meta-analysis detected by a simple, graphical test. *BMJ.* 1997. Vol. 315, No. 7109. P. 629 – 634. DOI: 10.1136/bmj.315.7109.629. URL: https://www.researchgate.net/publication/200051683_Bias_in_Meta-Analysis_Detected_by_a_Simple_Graphical_Test

10. Fett A.K., Viechtbauer W., Dominguez M.D. et al. The relationship between neurocognition and social cognition with functional outcomes in schizophrenia: a meta-analysis. *Neurosci Biobehav Rev.* 2011. Vol. 35, No. 3. P. 573–588. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2010.07.001. URL: <https://sci-hub.ru/10.1016/j.neubiorev.2010.07.001>

11. Herzog M.H., Roinishvili M., Chkonia E. et al. Schizophrenia and visual backward masking: a general deficit of target enhancement. *Front Psychol.* 2013. Vol. 4. P. 254. DOI: 10.3389/fpsyg.2013.00254. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2013.00254/full>

12. Higgins J.P.T., Thompson S.G., Deeks J.J. et al. Measuring inconsistency in meta-analyses. *BMJ.* 2003. Vol. 327, No. 7414. P. 557 – 560. DOI: 10.1136/bmj.327.7414.557. URL: <https://sci-hub.ru/10.1136/bmj.327.7414.557>

13. Jacobsen L.K., Hong W.L., Hommer D.W. et al. Smooth pursuit eye movements in childhood-onset schizophrenia: comparison with attention-deficit hyperactivity disorder and normal controls. *Biol Psychiatry.* 1996. Vol. 40. No. 11. P. 1144 – 1154. DOI: 10.1016/S0006-3223(95)00630-3. URL: [https://www.biologicalpsychiatryjournal.com/article/S0006-3223\(95\)00630-3/abstract](https://www.biologicalpsychiatryjournal.com/article/S0006-3223(95)00630-3/abstract)

14. Javitt D.C. Sensory processing in schizophrenia: neither simple nor intact. *Schizophr Bull.* 2009. Vol. 35. No. 6. P. 1059 – 1064. DOI: 10.1093/schbul/sbp110. URL: https://www.researchgate.net/publication/38015071_Sensory_Processing_in_Schizophrenia_Neither_Simple_nor_Intact

15. Kahn R.S., Sommer I.E., Murray R.M. et al. Schizophrenia. *Nature Reviews Disease Primers.* 2015. Vol. 1. P. 15067. DOI: 10.1038/nrdp.2015.67. URL: <https://sci-hub.ru/10.1038/nrdp.2015.67>

16. Kéri S., Janka Z. Critical evaluation of cognitive dysfunctions as endophenotypes of schizophrenia. *Acta Psychiatrica Scandinavica*. 2004. Vol. 110. P. 83 – 91. DOI: 10.1111/j.1600-0047.2004.00359.x. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1600-0047.2004.00359.x>
17. Kim J., Doop M.L., Blake R. et al. Impaired visual recognition of biological motion in schizophrenia. *Schizophr Res*. 2005. Vol. 77. No. 2-3. P. 299 – 307. DOI: 10.1016/j.schres.2005.04.006. URL: https://www.researchgate.net/publication/7818481_Impaired_visual_recognition_of_biological_motion_in_schizophrenia
18. Kohler C.G., Turner T.H., Bilker W.B. et al. Facial emotion recognition in schizophrenia: intensity effects and error patterns. *American Journal of Psychiatry*. 2003. Vol. 160. No. 10. P. 1768 – 1774. DOI: 10.1176/appi.ajp.160.10.1768. URL: <https://sci-hub.ru/10.1176/appi.ajp.160.10.1768>
19. Lee J., Gosselin F., Wynn J.K. et al. How do schizophrenia patients use visual information to decode facial emotion? *Schizophr Bull*. 2011. Vol. 37. No. 5. P. 1001 – 1008. DOI: 10.1093/schbul/sbq006. URL: https://www.researchgate.net/publication/41435233_How_Do_Schizophrenia_Patients_Use_Visual_Information_to_Decode_Facial_Emotion
20. Levy D. L., Holzman P. S., Matthysse S. et al. Eye tracking and schizophrenia: a selective review. *Schizophrenia Bulletin*. 1994. Vol. 20. No. 1. P. 47 – 62. DOI: 10.1093/schbul/20.1.47. URL: <https://sci-hub.ru/10.1093/schbul/20.1.47>
21. O'Driscoll G.A., Callahan B.L. Smooth pursuit in schizophrenia: a meta-analytic review of research since 1993. *Brain Cogn*. 2008. Vol. 68. No. 3. P. 359 – 370. DOI: 10.1016/j.bandc.2008.08.023. URL: https://www.researchgate.net/publication/23309681_Smooth_pursuit_in_schizophrenia_A_meta-analytic_review_of_research_since_1993
22. Page M.J., McKenzie J.E., Bossuyt P.M. et al. The PRISMA 2020 statement: an updated guideline for reporting systematic reviews. *BMJ*. 2021. Vol. 372. No. 71. DOI: 10.1136/bmj.n71. URL: <https://sci-hub.ru/10.1136/bmj.n71>
23. Rassovsky Y., Green M.F., Nuechterlein K.H. et al. Visual processing in schizophrenia: Structural equation modeling of visual masking performance. *Schizophr Res*. 2005. Vol. 78. No. 2-3. P. 251 – 260. DOI: 10.1016/j.schres.2005.05.011. URL: <https://sci-hub.ru/10.1016/j.schres.2005.05.011>
24. Ross D.E., Ochs A.L., Pandurangi A.K. et al. Mixture analysis of smooth pursuit eye movements in schizophrenia // *Psychophysiology*. 1996. Vol. 33, No. 4. P. 390 – 397. DOI: 10.1111/j.1469-8986.1996.tb01064.x. URL: <https://sci-hub.ru/10.1111/j.1469-8986.1996.tb01064.x>
25. Schechter I., Butler P.D., Jalbrzikowski M. et al. A new dimension of sensory dysfunction: Stereopsis deficits in schizophrenia. *Biological Psychiatry*. 2006. Vol. 60. P. 1282 – 1284. DOI: 10.1016/j.biopsych.2006.03.064. URL: <https://www.scrip.org/reference/referencespapers?referenceid=628175>
26. Schechter I., Butler P. D., Silipo G. et al. Magnocellular and parvocellular contributions to backward masking dysfunction in schizophrenia. *Schizophr Res*. 2003. Vol. 64. No. 2-3. P. 91 – 101. DOI: 10.1016/s0920-9964(03)00008-2. URL: [https://sci-hub.ru/10.1016/s0920-9964\(03\)00008-2](https://sci-hub.ru/10.1016/s0920-9964(03)00008-2)
27. Sereno A.B., Holzman P.S. Antisaccades and smooth pursuit eye movements in schizophrenia. *Biological Psychiatry*. 1995. Vol. 37. No. 6. P. 394 – 401. DOI: 10.1016/0006-3223(94)00127-O. URL: <https://escholarship.mcgill.ca/downloads/j9602491d>
28. Waters F., Collerton D., Ffytche D.H. et al. Visual hallucinations in the psychosis spectrum and comparative information from neurodegenerative disorders and eye disease. *Schizophrenia Bulletin*. 2014. Vol. 40. No. 4. P. S233 – S245. DOI: 10.1093/schbul/sbu036. URL: https://www.researchgate.net/publication/263189664_Visual_Hallucinations_in_the_Psychosis_Spectrum_and_Comparative_Information_From_Neurodegenerative_Disorders_and_Eye_Disease
29. Wells G.A., Shea B., O'Connell D. et al. The Newcastle-Ottawa Scale (NOS) for assessing the quality of nonrandomised studies in meta-analyses. *Ottawa Hospital Research Institute*. 2014. URL: http://www.ohri.ca/programs/clinical_epidemiology/oxford.asp
30. Yoon J.H., Sheremata S.L., Rokem A. et al. Windows to the soul: vision science as a tool for studying biological mechanisms of information processing deficits in schizophrenia. *Front Psychol*. 2013. Vol. 4. P. 681. DOI: 10.3389/fpsyg.2013.00681. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2013.00681/full>

Информация об авторах

Беловол Е.В., кандидат психологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, 127051, г. Москва, Малый Сухаревский переулок, д. 6; доцент, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0285-159X>, SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=8665009900>, ResearcherID:L-7813-2017, SPIN-код: 9512-6840 (https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?spin=9512-6840), belovol@mail.ru

Шурупова Е.Ю., кандидат психологических наук, доцент, Московский государственный психолого-педагогический университет, 127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, SPIN РИНЦ: 1793-3043, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7113-8432>, SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57191542997>, belovol@mail.ru

Зеленская О.С., аспирант, Московская международная академия, г. Москва, ул. Новомосковская, д. 15А, стр. 1, belovol@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

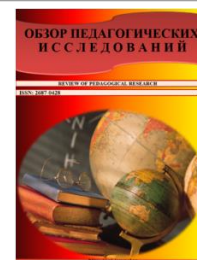
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9.072

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-69-75

Кибербуллинг: проявление, социально-педагогическая профилактика и противостояние

¹Гречина И.В.,
¹Донской государственный технический университет

Аннотация: буллинг в школьной и студенческой среде является злободневным социальным явлением, которое не только широко распространяется в настоящее время, но и приобретает новые специфические черты. Разновидностью буллинга является кибербуллинг – агрессия в цифровом пространстве. Если буллинг, как правило, осуществляется вживую в детском или подростковом коллективе, то для кибербуллинга используются цифровые технологии. Кибербуллинг может распространяться и на взрослых, но особенно подвержены ему дети и подростки. Проблема кибербуллинга становится все более актуальной, количество его жертв увеличивается, причем далеко не все пострадавшие об этом рассказывают. Кибербуллинг имеет отличные от обычной травли в рамках школы черты: агрессоры часто скрываются под фейками, атаки на жертву кибербуллинга продолжаются и за пределами школы, агрессивный контент, направленный на жертву, быстро распространяется в силу его цифрового характера. Психологическими последствиями кибербуллинга являются подавленное состояние ребенка, вплоть до депрессии и панических атак, повышенная тревожность, серьезные эмоциональные травмы, снижение самооценки, суицидальные наклонности. Решением проблемы кибербуллинга является комплексный подход, при котором объединяются усилия школы, родителей и государства. Детей необходимо обучать правилам цифровой гигиены и безопасности. Важно, чтобы Интернет был пространством уважения и безопасности, а не площадкой для агрессивного воздействия на более уязвимых. Проблема буллинга, а также его разновидности – кибербуллинга, является недостаточно изученной в силу своего скрытого характера, хотя в зарубежной и отечественной литературе достаточно давно встречаются материалы по данной проблематике.

Ключевые слова: буллинг, кибербуллинг, профилактика, агрессия, сеть Интернет, цифровая грамотность

Для цитирования: Гречина И.В. Кибербуллинг: проявление, социально-педагогическая профилактика и противостояние // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 69 – 75. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-69-75

Поступила в редакцию: 14 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Cyberbullying: manifestations, social and pedagogical prevention, and counteraction

¹ Grechina I.V.,
¹ Don State Technical University

Abstract: bullying in schools and universities is a pressing social issue that is not only widespread but also evolving. Cyberbullying, which involves aggression in the digital realm, is a form of bullying that has gained prominence. While bullying typically occurs in person among children and adolescents, cyberbullying involves the use of digital technologies. Cyberbullying can affect adults as well, but children and adolescents are particularly vulnerable. The problem of cyberbullying is becoming more and more relevant, and the number of victims is increasing, but not all victims are willing to talk about it. Cyberbullying has different characteristics from traditional bullying in schools: aggressors often use fake identities, and cyberbullying can continue outside of school, and aggressive content directed at the victim can spread quickly due to its digital nature. The psychological consequences of cyberbullying can include depression, anxiety, emotional trauma, low self-esteem, and suicidal thoughts. The solution to the problem of cyberbullying is a comprehensive approach that combines the efforts of schools, parents, and the government. Children need to be taught the rules of digital hygiene and safety. It is important that the Internet be a space of respect and safety, rather than a platform for aggressive behavior against vulnerable individuals. The issue of bullying, including its digital form, is not well-studied due to its hidden nature, although there have been publications on this topic in both foreign and domestic literature.

Keywords: bullying, cyberbullying, prevention, aggression, the Internet, digital literacy

For citation: Grechina I.V. Cyberbullying: manifestations, social and pedagogical prevention, and counteraction. *Review of Pedagogical Research*. 2026. 8 (6). P. 69 – 75. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-69-75

The article was submitted: April 14, 2026;
Approved after reviewing: May 12, 2026;
Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Норвежский психолог Д. Ольвеус ввел в науку такое понятие, как буллинг, и обратил внимание, что в сущности данного явления важно делать акцент на систематическом его повторении, а не на проявлении силы [10].

Российская Федерация, как показывают данные Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), находится в первой десятке по распространенности буллинга, а по кибербуллингу занимает первое место [6]. При этом в российской культуре в реальности буллинг мало осознается, представляя собой обыденный опыт. Поэтому часто проявления буллинга остаются без внимания, на них никак не реагируют, тем более не проводится их профилактика [4]. К тому же, если это происходит в учебной среде, администрация образовательного учреждения и педагоги часто не желают предавать огласке ситуацию. Причиной этого чаще всего является неподготовленность педагогов и родителей к профилактике и нейтрализации последствий буллинга в стенах учебного заведения [8].

Материалы и методы исследований

Изучением буллинга занимаются как зарубежные, так и отечественные ученые и практики. При написании статьи использовались в основном периодические издания, содержащие результаты исследований буллинга среди подростков и молодежи. Методами исследования послужили такие теоретические методы, как анализ, обобщение, классификация и др.

Результаты и обсуждения

В отечественной литературе, посвященной буллингу, в основном рассматривается девиантное и деликventное поведение детей школьного возраста, ученые и исследователи дают психологический портрет участников буллинга.

В.Р. Петросянц в своей работе дает психологическую характеристику участникам буллинга. Преследователь отличается зависимостью от общественного мнения, но при этом позитивным восприятием себя. Жертве же, напротив, свойственны самообвинение и неприятие себя [6].

Исследования, проведенные И.А. Басовой и С.Н. Ениколоповой, показывают, что в России 25% подростков участвовали в буллинге, в роли преследователя выступали около 20% подростков [6].

Другое исследование Е.А. Гусейновой и С.Н. Ениколопова показало, что в гендерном соотношении роль агрессора либо жертвы занимают 36% девушек и 57% юношей. Юноши чаще выбирают физическую агрессию, девушки – психологическую [6].

Девушки в 12% случаев подвергались вербальному буллингу, юноши не сталкивались с такой его формой. Социальный буллинг знаком 47% девушек и 29% юношей. 23% юношей становились как жертвами, так и агрессорами в интернет-буллинге, у девушек данный показатель ниже – 11% случаев [6].

Согласно опросу ВЦИОМ, проведенного в 2024 году, большинство жителей России сталкивались с данным явлением: 25% опрошенных сталкивались с буллингом сами, 19% ответили, что с буллингом сталкивались их дети либо внуки [5]. В 89% случаев буллинг исходил от других детей, 31% признались, что сталкивались с буллингом со стороны учителей.

Молодежь 18-24 лет гораздо чаще сталкивается с буллингом – 53% опрошенных, среди респондентов старше 60 лет их только 8%.

По ответам мужчины чаще говорят о своем личном опыте столкновения с буллингом (30%), у женщин данный показатель составляет 20%. Напротив, женщины чаще рассказывали об опыте детей и внуках – 22%, среди мужчин таких 16%.

По месту проживания жители городов больше знакомы с буллингом (38%), чем жители сельской местности (28%).

Зарубежные исследователи М. Фуди, М. Самара, Elisa Cantone, Anna P. Piras, S. Pappasi др. изучали кибербуллинг, ими были разработаны программы вмешательства и реагирования на киберагрессию. Изучению подлежат национальные, возрастные и гендерные аспекты буллинга.

К.П. Бредшоу, Т.Э. Ваасдорп, Б. Заболоцкий, Э.Т. Пас в своих работах отмечает замену физического буллинга на косвенный в форме социального унижения, именно эти формы являются преобладающими у детей подросткового возраста.

Психологические, социальные и поведенческие аспекты буллинга были исследованы Н. Хиной и Н.С. Кашифом [11]. В качестве причин буллинга авторы называют совокупность социальных, психологических и внутришкольных факторов, а также влияние СМИ.

Низкий уровень социально-экономического положения также называют одним из факторов, который приводит к подверженности буллингу [6].

По данным зарубежных исследователей, в младшем и среднем школьном возрасте преобладает физический буллинг, в то время как в старшем подростковом возрасте он заменяется психологическим насилием, в том числе и кибербуллингом [11].

Д. Олвеус в качестве важного признака буллинга называет то, что он не является разовым актом. Кроме того, как правило, в нем обязательно присутствуют свидетели, то есть формируется определенное групповое взаимодействие [11].

Также в качестве признаков буллинга выделяют насилие по отношению к другому человеку, носящее физический либо психологический характер, жесткость социального взаимодействия.

Буллинг с точки зрения социологического подхода рассматривается как деструктивная интеракция, происходящая при свидетелях и неоднократно повторяемая.

Структура буллинга включает нескольких участников: преследователь, жертва, наблюдатели. Также иногда выделяют защитников и помощников агрессоров [1]. Целью буллера является подчинить жертву посредством унижения, тем самым повысить собственную самооценку [2].

В зарубежных и российских исследованиях представляются способы преодоления и предотвращения буллинга. Так, французские специалисты предлагают изменения в социальной среде школы, занятость детей во внеучебное время, преодоление социокультурной отсталости территории. Данный подход актуален и для российских образовательных учреждений.

Последствия буллинга могут быть серьезными и, скорее всего, повлияют на способность обучающегося посещать учебное заведение и учиться. Поэтому буллинг не следует воспринимать как почти неизбежный опыт. Вместо этого важно знать, как распознать признаки буллинга и как помочь человеку, который с ним столкнулся.

Хотя юридического определения буллинга не существует, его часто описывают как повторяющееся поведение, направленное на причинение вреда кому-либо физически или эмоционально. Хотя буллинг может быть направлен на кого угодно, он часто нацелен на определенные группы, такие как раса, религия, пол.

Часто говорят, что буллинг связан с неравенством сил и может происходить как при личном общении, так и в интернете [10].

Кроме того, буллинг может осуществляться как одним человеком, так и группой, а также может быть направлен как на одного человека, так и на группу.

Можно выделить следующие причины, наиболее распространенные, приводящие к буллингу [4]:

- желание повысить свой «социальный статус», доминировать;
- желание повысить самооценку за счет других людей;
- неспособность осознавать последствия своего поведения;
- гнев, ревность, разочарование и другие негативные эмоции;
- бывшая жертва буллинга, желание отыграться.

Кроме непосредственно физического буллинга, существуют и другие его формы. В силу большого разнообразия этих форм, не всегда бывает просто его быстро распознать.

Выделяют следующие наиболее распространённые формы буллинга:

1. Физический буллинг, направленный на причинение вреда другому человеку либо его имуществу. Кроме непосредственно физического вреда, такая форма буллинга может приводить и к психологическим негативным последствиям.

2. Словесный буллинг, то есть использования слов для причинения неприятных ощущений другому человеку.

3. Социальный буллинг, выражающийся в изоляции человека, исключении его из сообществ, игнорировании. При этом другие члены сообщества также призываются игнорировать его, распространяются недостоверные слухи, направленные на ущерб репутации человека.

4. Кибербуллинг представляет собой буллинг, производящийся в интернет-пространстве, может и чаще всего осуществляется анонимно. Его средствами являются текстовые сообщения, социальные сети, электронная почта и др.

5. Буллинг на расовой или религиозной почве также включает оскорбительные комментарии, шутки, затрагивающие этническое либо религиозное происхождение человека.

6. Буллинг на гендерной почве предполагает оскорбление либо изоляцию человека на основе его пола, может также включать физические либо словесные сексуальные домогательства.

7. Буллинг инвалидов – оскорбление и преследование людей с ограниченными возможностями. Может доходить и до физического насилия либо из-за своих особенностей такой человек может быть намеренно поставлен в неловкое положение.

Также важно рассмотреть классификацию кибербуллинга. В сети Интернет также агрессия может выражаться в разнообразных формах. Классификация кибербуллинга, предложенная Н. Виллард, представлена на рис. 1.

Рис. 1. Классификация кибербуллинга Н. Виллард [11].

Fig. 1. Classification of cyberbullying by N. Willard [11].

Среди отечественных исследователей классификацию кибербуллинга предлагает А.Н. Духанина (рис. 2). Классификация, представленная на рис. 2, может быть применена к любой форме кибербуллинга и позволяет дать его полную и объективную характеристику.

Учащиеся могут не говорить со взрослыми о буллинге, поэтому педагоги и родители должны сами уметь замечать его первые признаки и вмешиваться для его предотвращения. Распознавание признаков буллинга имеет важное значение в борьбе с ним.

Буллинг негативно отражается на физической и эмоциональной безопасности учащихся, снижает их способности к обучению. Поэтому очень важно проводить его профилактику еще до того, как он может случиться. Педагогический коллектив может предпринять широкий круг мер, направленный на предотвращение травли в стенах учебного заведения.

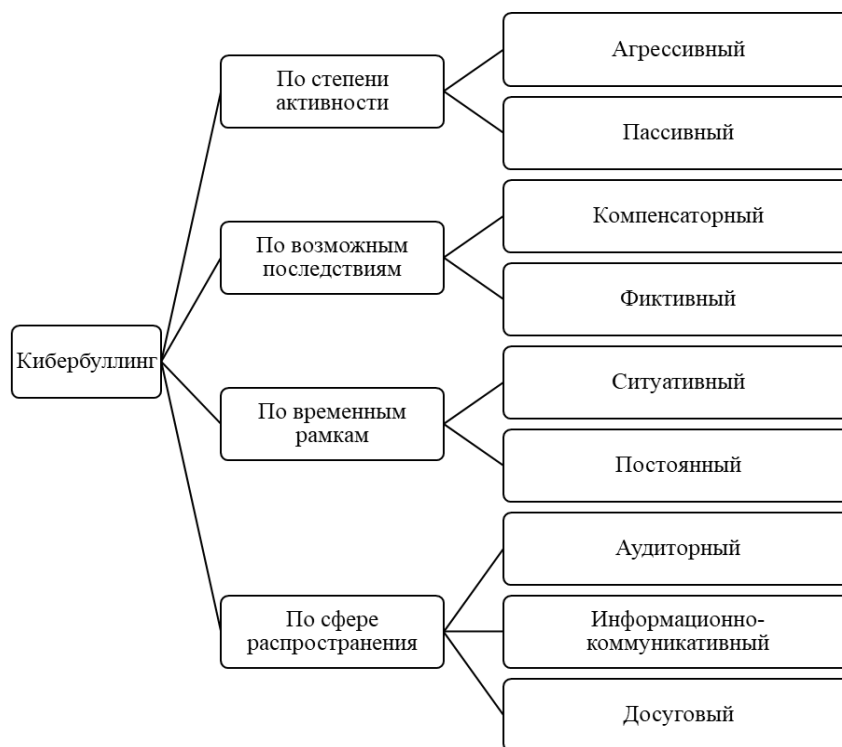

Рис. 2. Классификация кибербуллинга А.Н. Духаниной [5].
Fig. 2. Classification of cyberbullying by A.N. Dukhanina [5].

Важно обучать педагогов и учащихся методам борьбы с буллингом и его профилактики. В настоящее время законодательных требований к таким учебным программам не существует, педагоги разрабатывают их самостоятельно.

Учебные заведения могут включать тему профилактики буллинга в учебные занятия и мероприятия. Примеры мероприятий по профилактике буллинга:

- поиск информации о сущности и причинах буллинга, способах его профилактики и предотвращения;
- создание презентаций, проведение ролевых игр по проблемам борьбы с буллингом;
- совместное обсуждение явления буллинга и методов его предотвращения;
- проведение творческих занятий (сценка, написание рассказов и т.д.), на которых рассказывается, как помочь жертвам буллинга;
- классные собрания, на которых обсуждаются отношения со сверстниками.

При разработке программы по борьбе с буллингом необходимо учитывать возможности и ресурсы учебного заведения, целевую аудиторию, на которую она рассчитана (младшие, средние, старшие классы).

Первым шагом к предотвращению кибербуллинга является создание положительной и безопасной среды в коллективе. Для этого могут быть полезны следующие рекомендации:

- Поддерживать учебные инициативы: выступать за программы цифровой грамотности, чтобы обеспечить единообразие сообщений и поддержку в учебном заведении.

- распространение цифровой грамотности: объяснение учащимся важности сохранения конфиденциальности личной информации;
- поощрение ответственного поведения в сети Интернет: объяснение влияния слов и действий человека на окружающих;
- обучение стратегиям реагирования: не отвечать на оскорбительные замечания в сети Интернет, сообщение о неприемлемом контенте;
- проведение уроков о кибербуллинге и ответственном поведении в сети Интернет.

Учащимся важно рассказывать о нормах поведения в интернет-пространстве, повышать их цифровую грамотность. Владельцы цифровых устройств должны знать меры безопасности при обращении с ними: сброс паролей, отключение функций определения местоположения и т.д. Важно знать назначение каждого защитного действия.

Важно формировать культуру интернет-общения, которое отличается от личного общения. Не видя собеседника, можно испытывать некий эффект отстраненности и не понимать некоторых невербальных сигналов, намеков, которые могут привести в дальнейшем к кибербуллингу. Пользователи сети Интернет должны понимать и осознавать, что они пишут и какие изображения публикуют.

Уроки цифровой грамотности должны проводиться не только в старших классах, но и для детей младшего школьного возраста, и включать в себя широкий спектр тем от новостной и медийной грамотности, коммуникации в интернет-пространстве до кибербуллинга и конфиденциальности в сети Интернет.

Важно также проводить занятия и для родителей, на которых они знакомятся с возможными угрозами в сети Интернет, признаками кибербуллинга, на которые необходимо обращать внимание. Важно, чтобы в семье также были установлены правила ответственного поведения в интернет-пространстве. Только общими усилиями семьи и школы можно предотвратить такое явление, как кибербуллинг.

Учащиеся и педагоги должны быть обучены сбору доказательств оскорбительных высказываний и других проявлений кибербуллинга. Использование временных меток позволяет доказать систематический характер травли. Важно познакомить учащихся с таким понятием, как цифровой след: любое действие в сети Интернет оставляет отпечаток, поэтому действия кибербуллеров могут быть раскрыты. Кроме того, это может предотвратить желание некоторых потенциальных агрессоров.

Весь педагогический коллектив учебного заведения должен быть вовлечен в профилактику и предотвращение кибербуллинга, систематическое обучение, соблюдение правил поведения в сети Интернет, все эти мероприятия помогут созданию благоприятного психологического климата в школе и ощущения безопасности для обучающихся в ней детей.

Выводы

Кибербуллинг является проблемой, которая достаточно часто встречается в современных учебных заведениях. На распространение буллинга в образовательных учреждениях влияют как объективные показатели: общий уровень насилия в обществе, так и субъективные факторы: тип и особенности конкретной школы и ее коллектива. Поэтому при разработке рекомендаций по профилактике буллинга важно учитывать весь спектр факторов, влияющих на ситуацию, а также положительный зарубежный и отечественный опыт исследований преодоления буллинга. Разработка методов борьбы с травлей является частью более масштабной задачи учебных заведений по созданию безопасной среды для всех обучающихся и обучению приемлемому социальному поведению. Борьба с кибербуллингом – это коллективная ответственность, педагогам необходимо создавать безопасную онлайн-среду для учащихся. Распознавая признаки кибербуллинга, эффективно реагируя на него и уделяя приоритетное внимание его предотвращению с помощью образовательных программ, возможно бороться с кибербуллингом и сделать так, чтобы в учебных заведениях каждый обучающийся мог развиваться безопасно в онлайн-среде.

Список источников

1. Белеева И.Д., Заглодина Т.А., Панкратова Л.Е., Титова Н.Б. Буллинг как социально-психологическое явление: анализ теоретических подходов и эмпирических исследований // Педагогическое образование в России. 2020. № 5. С. 131 – 136.
2. Бобровникова Н.С. Кибербуллинг: виды и особенности проявления // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 11 (125). С. 1 – 4.
3. Вихман А.А. Личностные предикторы кибервиктимности и кибербуллинга в юношеском возрасте // Психология и право. 2023. Т. 13. № 1. С. 94 – 106.

4. Газизьянов Т.А., Мансурова З.Р. Психология кибербуллинга. виды и причины кибербуллинга // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 4 (16). С. 89 – 92.
5. Дейнека О.С., Духанина Л.Н., Максименко А.А. Кибербуллинг и виктимизация: обзор зарубежных публикаций // Перспективы науки и образования. 2020. № 5 (47). С. 273 – 292.
6. Караваева Л.П. Феномен кибербуллинга в современном обществе // Электронный научный журнал «Дневник науки». 2024. № 8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dnevniknauki.ru/images/publications/2024/8/psihology/Karavaeva2.pdf> (дата обращения: 12.02.2026)
7. Мишина М.М., Воробьева К.А. Психологические особенности личности участников кибербуллинга в популярных социальных сетях // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. 2020. № 3. С. 29 – 43.
8. Приходько А.А., Суворова И.Ю. Школьный буллинг: системность и противодействие // Современная зарубежная психология. 2022. № 11 (4). С. 136 – 144.
9. Реан А.А., Коновалов И.А., Новикова М.А., Молчанова Д.В. Профилактика агрессии и деструктивно-го поведения молодежи: анализ мирового опыта / под ред. Акад. А.А. Реана. СПб.: Издательско-полиграфическая компания «КОСТА», 2021. 296 с.
10. Bashir Shaikh F., Rehman M., Amin A. Cyberbullying: A Systematic Literature Review to Identify the Factors Impelling University Students Towards Cyberbullying // IEEE Access. 2020. Vol. 8. P. 148031 – 148051.
11. Karaush I.S., Kupriyanova I.E., Kuznetsova A.A. Kiberbulling i suitsidal'noe povedenie podrostkov [Cyberbullying and suicidal behavior of adolescents] // Suitsidologiya = Suicidology. 2020. Vol. 11. № 1. P. 117 – 129.

References

1. Beleeva I.D., Zaglodina T.A., Pankratova L.E., Titova N.B. Bullying as a socio-psychological phenomenon: analysis of theoretical approaches and empirical research. Pedagogical education in Russia. 2020. No. 5. P. 131 – 136.
2. Bobrovnikova N.S. Cyberbullying: types and features of manifestation. International research journal. 2022. No. 11 (125). P. 1 – 4.
3. Vikhman A.A. Personality predictors of cybervictimhood and cyberbullying in adolescence. Psychology and law. 2023. Vol. 13. No. 1. P. 94 – 106.
4. Gazizyanov T.A., Mansurova Z.R. Psychology of cyberbullying. Types and causes of cyberbullying. Society, Law, Statehood: Retrospective and Prospect. 2023. No. 4 (16). P. 89 – 92.
5. Deineka O.S., Dukhanina L.N., Maksimenko A.A. Cyberbullying and victimization: a review of foreign publications. Prospects of Science and Education. 2020. No. 5 (47). P. 273 – 292.
6. Karavaeva L.P. The phenomenon of cyberbullying in modern society. Electronic scientific journal "Science Diary". 2024. No. 8. [Electronic resource]. Access mode: <https://dnevniknauki.ru/images/publications/2024/8/psihology/Karavaeva2.pdf> (date of access: 12.02.2026)
7. Mishina M.M., Vorobyova K.A. Psychological characteristics of the personality of participants in cyberbullying on popular social networks. Bulletin of Moscow State University. Series: Psychological Sciences. 2020. No. 3. P. 29 – 43.
8. Prikhodko A.A., Suvorova I.Yu. School bullying: systematicity and counteraction. Modern Foreign Psychology. 2022. No. 11 (4). P. 136 – 144.
9. Rean A.A., Konovalov I.A., Novikova M.A., Molchanova D.V. Prevention of aggression and destructive behavior of young people: an analysis of global experience. edited by Acad. A. A. Rean. St. Petersburg: Publishing and Printing Company "KOSTA", 2021. 296 p.
10. Bashir Shaikh F., Rehman M., Amin A. Cyberbullying: A Systematic Literature Review to Identify the Factors Impelling University Students Towards Cyberbullying. IEEE Access. 2020. Vol. 8. P. 148031 – 148051.
11. Karaush I.S., Kupriyanova I.E., Kuznetsova A.A. Cyberbullying and suitsidal behavior of adolescents. Suitsidologiya = Suicidology. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 117 – 129.

Информация об авторе

Гречина И.В., аспирант, Донской государственный технический университет, GrechinaIren789@yandex.ru

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

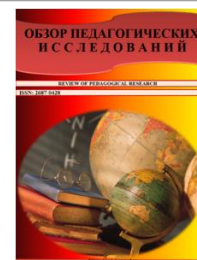
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки)

УДК 159.9.072.43

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-76-88

Конформность и внушаемость как предикторы уступчивости в переговорах с авторитетным оппонентом

¹ Спивак С.А.,
¹ Государственный университет просвещения

Аннотация: *цель:* изучить конформность и внушаемость как предикторы готовности к уступкам в переговорах с оппонентом, во взаимосвязи с субъективной оценкой его неформального авторитета.

Процедура и методы. Выборку исследования составил 211 взрослых человек (100 мужчин и 111 женщин) (возрастной диапазон $M = 40,2$, $SD = 10,9$), имеющих трудовой или предпринимательский стаж и опыт ведения деловых переговоров от 2-х лет. Конформность оценивалась с помощью шкалы конформности Меграбян-Стефл, внушаемость – с помощью шкалы внушаемости Деларю-Клаучек. Переговорное поведение моделировали с использованием многораундовой версии игры «Ультиматум». Участники вступали во взаимодействие с оппонентами, которых субъективно оценивали как имеющих высокий или низкий неформальный авторитет. Оценка неформального авторитета осуществлялась по модифицированной методике Степкина Ю.П. В качестве показателей итогов переговорного поведения использовались минимально приемлемое предложение и факт отказа от всех предложений. Для анализа данных применялись методы математической обработки данных (коэффициент ранговой корреляции Спирмена, U-критерий Манна-Уитни, факторный анализ, модерационный анализ).

Результаты. Результаты исследования показали, что внушаемость и конформность выступают значимыми предикторами большей готовности к уступкам в переговорах с оппонентом, обладающим высоким неформальным авторитетом. Корреляция внушаемости с уступчивостью была выше, чем конформности. Обнаружена положительная корреляция между уровнями внушаемости и конформности. Влияние неформального авторитета оказалось значительным: даже участники с низкими уровнями внушаемости и конформности значимо чаще уступали авторитетному оппоненту. Внушаемость и конформность выступают модераторами влияния авторитета, реализуясь через различные социально-психологические механизмы – интернализацию (реализующуюся через доверие) и идентификацию (реализующуюся через групповую принадлежность). Факторный анализ подтвердил дифференциацию этих механизмов, выявив гетерогенность структуры внушаемости и более однородную структуру конформности. Научная новизна исследования заключается в том, что конформность и внушаемость впервые рассматриваются как предикторы переговорного поведения во взаимосвязи с субъективной оценкой неформального авторитета оппонента, а также раскрываются социально-психологические механизмы, через которые данные личностные характеристики реализуют свое влияние на уступчивость в переговорах.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования расширяют представления о психологических механизмах уступчивости в переговорах, раскрывая роль интернализации и идентификации, через которые конформность и внушаемость опосредуют влияние неформального авторитета на переговорное поведение. Раскрывается роль конформности и внушаемости как предикторов готовности к уступкам в переговорах в зависимости от субъективной оценки неформального авторитета оппонента. Полученные данные могут быть использованы при анализе и прогнозировании переговорного поведения, а также при разработке программ подготовки специалистов, вовлеченных в переговоры.

Ключевые слова: конформность, внушаемость, неформальный авторитет, социально-психологические предикторы уступчивости в переговорах, игра «Ультиматум», интернализация, идентификация

Для цитирования: Спивак С.А. Конформность и внушаемость как предикторы уступчивости в переговорах с авторитетным оппонентом // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 76 – 88. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-76-88

Поступила в редакцию: 15 апреля 2026 г.;
Одобрена после рецензирования: 12 мая
2026 г.; Принята к публикации: 8 июня
2026 г.

Conformity and suggestibility as predictors of compliance in negotiations with an authoritative opponent

¹ Spivak S.A.,
¹ Federal State University of Education

Abstract: *objective:* to examine conformity and suggestibility as predictors of readiness to make concessions in negotiations with an opponent, in relation to the subjective assessment of the opponent's informal authority.

Procedure and Methods. The study sample comprised 211 adults (100 men and 111 women) (age range: M = 40.2, SD = 10.9) with work or entrepreneurial experience and at least two years of experience in conducting business negotiations. Conformity was assessed using the Mehrabian-Steffl Conformity Scale; suggestibility was measured using the Delarue-Klauschek Suggestibility Scale. Negotiation behavior was modeled using a multi-round version of the "Ultimatum Game." Participants interacted with opponents whom they subjectively rated as having either high or low informal authority. Assessment of informal authority was conducted using a modified method developed by Stepin Yu.P. Key indicators of negotiation outcomes included the minimum acceptable offer and the decision to reject all offers. Data analysis employed statistical methods including Spearman's rank-order correlation coefficient, the Mann-Whitney U-test, factor analysis, and moderation analysis.

Results. The findings indicated that suggestibility and conformity serve as significant predictors of greater willingness to make concessions in negotiations with an opponent possessing high informal authority. The correlation between suggestibility and concession-making was stronger than that for conformity. A positive correlation was found between levels of suggestibility and conformity. The influence of informal authority proved substantial: even participants with low levels of suggestibility and conformity were significantly more likely to concede to an authoritative opponent. Suggestibility and conformity act as moderators of authority's influence, operating through distinct socio-psychological mechanisms—internalization (mediated by trust) and identification (mediated by group belonging). Factor analysis confirmed the differentiation of these mechanisms, revealing heterogeneity in the structure of suggestibility and a more homogeneous structure for conformity. The scientific novelty of the study lies in the fact that, for the first time, conformity and suggestibility are examined as predictors of negotiation behavior in relation to the subjective assessment of an opponent's informal authority, and the socio-psychological mechanisms through which these personality traits influence concession-making in negotiations are elucidated.

Theoretical and Practical Significance. The results expand understanding of the psychological mechanisms underlying concession-making in negotiations by clarifying the roles of internalization and identification, through which conformity and suggestibility mediate the influence of informal authority on negotiation behavior. The study highlights the role of conformity and suggestibility as predictors of readiness to make concessions, depending on the subjective evaluation of an opponent's informal authority. The findings may be applied in the analysis and forecasting of negotiation behavior, as well as in the development of training programs for professionals involved in negotiation processes.

Keywords: conformity, suggestibility, informal authority, socio-psychological predictors of concession-making in negotiations, Ultimatum Game, internalization, identification

---

For citation: Spivak S.A. Conformity and suggestibility as predictors of compliance in negotiations with an authoritative opponent. Review of Pedagogical Research. 2026. 8 (6). P. 76 – 88. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-76-88

The article was submitted: April 15, 2026;
Approved after reviewing: May 12, 2026;
Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Вопросы, касающиеся взаимодействия людей как в группах, так и между отдельными личностями, остаются актуальными для социальной психологии на протяжении многих десятилетий. Особенно важной в современном мире стала проблема роли личностных характеристик в контексте переговорного процесса и их влияния на исход переговоров.

Главным исследовательским вопросом, который мы поставили в проведённом исследовании, был вопрос о том, как взаимосвязаны такие личностные характеристики, как конформность и внушаемость, с готовностью к уступкам в переговорах с оппонентом, обладающим неформальным авторитетом.

Понятие авторитет в настоящее время трактуется многими авторами совершенно по-разному, и до сих пор нет чёткого консенсуса в его определении. Многие авторы приравнивают авторитет к таким понятиям, как сила, власть, статус, репутация. Однако другие авторы подчёркивают, что, хоть авторитет и обладает некоторыми атрибутами этих социально-психологических феноменов, он сильно отличается по своей природе. В отечественной традиции авторитет личности часто описывается как особое социально-психологическое свойство личности, обладающее выраженным побудительным воздействием и ненасильственным подчиняющим влиянием на человека, предполагающее наличие доверия со стороны объекта влияния по отношению к носителю авторитета [4, 5]. Принципиальным является разграничение формального и неформального авторитета. Формальный авторитет основан на должностном положении, праве применять санкции, институциональной власти. Неформальный авторитет, напротив, не связан с формальной позицией и основан на личностных качествах субъекта авторитета, на отношении к нему со стороны других людей.

Ю.П. Степкин определяет неформальный (личный) авторитет как социально-психологическое явление, базирующееся на ключевых основаниях: доверии, компетентности, референтности и общности ценностей. Он подчёркивает, что авторитет – это не атрибут, присущий его «носителю» перманентно, а особое отношение, сложившееся между субъектом авторитета и объектом авторитета в процессе их взаимодействия. При этом объект авторитета – это отнюдь не пассивный исполнитель чьей-то доминирующей воли, а активный субъект, обладающий свободой воли и свободой выбора. Именно он определяет, какой субъект для него авторитетен, исходя из своих потребностей [4, 5].

Келман (1958) в своей классической работе выделил три механизма изменения поведения под влиянием социальной власти: подчинение (compliance), идентификацию (identification) и интернализацию (internalization). Подчинение предполагает изменение поведения под давлением внешних санкций ради получения вознаграждения или избегания наказания. Идентификация связана с принятием влияния другого человека потому, что тот является референтной фигурой, а интернализация – с принятием чужих убеждений потому, что они совпадают с собственными ценностями. Согласно Степкину, неформальный авторитет влияет преимущественно через интернализацию (внушение) и идентификацию, а не через подчинение, что качественно отличает его от формального авторитета [4, 5].

Идентификация в контексте переговорного взаимодействия означает, что авторитетный оппонент воспринимается как значимый представитель референтной группы, разделяющий с объектом групповые ценности. В исследовании Brüne et al. [9] эмпирически показано, что принадлежность к группе значительно увеличивает готовность принимать несправедливые предложения.

Интернализация, в свою очередь, проявляется в том, что в ситуации переговоров, характеризующейся неопределённостью и отсутствием полной информации, авторитетный оппонент служит источником информации о «правильном» решении. Авторитет выступает носителем экспертного знания, и его мнение воспринимается как более достоверное, что снижает субъективную неопределённость ситуации. Данный механизм связан с основаниями доверия и компетентности: объект доверяет авторитетному оппоненту как эксперту и как носителю более достоверных знаний. При этом предложение от субъекта авторитета можно рассматривать как особый тип аргументации, который воспринимается как более весомый в силу личных качеств субъекта авторитета и даже без формального подтверждения его экспертности [13]. Существуют эмпирические данные о том, что лидерство (которое многие авторы приравнивают к авторитету) тесно связано с доверием и групповой идентификацией. Уровень доверия к лидеру при этом предсказывает просоциальное поведение на рабочем месте [20, 21]; также показано, что люди больше склонны сотрудничать с авторитетом при наличии доверия к нему [14].

Для настоящего исследования принципиально то, что существует связь между внушаемостью и авторитетом, опосредованная доверием. Согласно Степкину (1976), доверие является одним из ключевых оснований неформального авторитета – объект авторитета верит в надёжность, честность и добрые намерения субъекта авторитета. Высоковнушаемая личность склонна доверять авторитетному партнёру, принимать

его предложения без глубокой критической оценки, полагаясь на доверие к субъекту авторитета. Степень проявления этого доверия в свою очередь зависит от уровня доверчивости этой личности.

Понятие внушаемость в психологической литературе имеет довольно разрозненную трактовку и часто связывается с гипнозом и трансовыми состояниями. Современные исследования показывают, что гипнотическая восприимчивость и различные формы негипнотической внушаемости представляют собой относительно независимые феномены [26]. В классических работах Г. Айзенка и У. Ферно [15] было предложено разграничение «первичной» внушаемости (гипнабельности), и «вторичной» внушаемости, включающей эффекты доверчивости, иллюзий и влияния авторитетного мнения. При этом следует различать доверие как основание неформального авторитета (вера в надёжность, честность и добрые намерения субъекта авторитета) и доверчивость как качество личности – склонность принимать на веру информацию без достаточной критической оценки. В настоящем исследовании доверчивость рассматривается как компонент вторичной внушаемости. Внушаемость мы определяем как индивидуально-психологическое свойство, характеризующееся высокой восприимчивостью к психологическому воздействию под влиянием внешнего источника [1].

Конформность объекта авторитета в свою очередь непосредственно связана с механизмом идентификации. Высококонформный объект авторитета стремится соответствовать ожиданиям авторитетного оппонента, поддерживать гармоничные отношения с ним, что усиливает его уступчивость в переговорах. Традиционно конформность изучалась в контексте группового давления [10]. Однако современные исследователи рассматривают её и как устойчивую индивидуальную характеристику, проявляющуюся в различных социальных контекстах, включая диадическое взаимодействие [8, 10]. Важно отметить, что в отечественной традиции встречается различие понятий «конформизм» как социальной категории (поведение) и «конформность» как психологической особенности личности [2,3]. В контексте нашего исследования мы рассматриваем именно второй аспект – конформность как устойчивую личностную характеристику.

Вслед за Mehrabian и Stefl, мы определяем конформность как личностную характеристику, определяемую устойчивой склонностью человека к изменению своего поведения, мнений или установок под влиянием других людей с целью достижения согласия, избегания конфликта или следования за большинством. К качествам конформных людей относятся: подражание доминирующим личностям, зависимость от советов окружающих, лёгкость убеждения и, в целом, предрасположенность быть ведомым, а не лидером [23].

Классические эксперименты С. Милгрэма (1963) и Ф. Зимбардо (1972) убедительно демонстрируют, как формальный авторитет (экспериментатора, надзирателя) провоцирует подчинение и уступчивость [23, 29]. Kim D. et al. (2021) показали, что конформность к мнению вышестоящего значимо усиливается в условиях публичности, когда участники верят, что их выбор виден партнёру. Kim K. et al. (2021) также продемонстрировали, что конформность к партнёрам более высокого статуса проявляется и в контексте непосредственного переговорного взаимодействия [18, 19].

Эмпирические исследования демонстрируют, что внушаемость может усиливать уступчивость авторитету [11, 24].

Стоит еще раз подчеркнуть, что авторитет во всех этих исследованиях был формальным, а парадигма чаще всего не касалась переговорного процесса.

Несмотря на содержательную близость и наличие корреляционных связей между внушаемостью и конформностью [27], эти конструкты не являются тождественными и работают через разные механизмы влияния авторитета. В переговорном процессе оба свойства могут играть самостоятельную роль.

Более того, как можно судить по существующим исследованиям, влияние формального авторитета неоднозначно: в игре «Ультиматум» высокий статус оппонента может как повышать принятие предложений [16], так и снижать его [28]; в других парадигмах также наблюдаются противоречивые результаты [6].

Поскольку неформальный авторитет выступает носителем групповых норм, наиболее близким к нашему исследованию является работа Brüne et al. [9], в которой гипнотическое внушение принадлежности к группе значимо увеличивало готовность принимать несправедливые предложения в игре «Ультиматум», а негипнотическая внушаемость выступала предиктором этого эффекта. Однако и в этом исследовании манипулировали не авторитетом оппонента, а лишь восприятием групповой принадлежности; вопрос о том, как именно внушаемость и конформность влияют на переговорное поведение при взаимодействии с реальным неформальным авторитетом, остаётся неизученным.

Таким образом мы предполагаем, что неформальный авторитет порождает уступчивость через механизмы идентификации (убеждения) и интернализации (внушения), которые реализуются благодаря основаниям авторитета (доверию, референтности, общности ценностей). Уровни конформности и внушаемости могут усиливать или ослаблять эти механизмы. Объект авторитета – это не пассивный исполнитель чьей-то

доминирующей воли, а именно он наделяет своего оппонента авторитетностью. От его качеств — таких как доверчивость и склонность быть ведомым — зависит степень проявления этих механизмов. Высококонформный и высокогнушаемый объект авторитета будет более восприимчив к влиянию авторитетного оппонента, что проявится в большей уступчивости в переговорах.

Материалы и методы исследований

Описанное в данной статье исследование было проведено в рамках диссертационной работы как часть более широкого эмпирического исследования взаимосвязи личностных характеристик с переговорным поведением в ситуациях взаимодействия с оппонентом, обладающим или не обладающим неформальным авторитетом. Исследование является продолжением исследования, описанного в статье «Переговорная уступчивость под влиянием авторитета: вклад внутреннего и внешнего локуса контроля»/

В ходе исследования мы использовали игру «Ультиматум» для моделирования переговорного поведения. Данная модель хорошо изучена, многократно валидирована на различных выборках и является удобным и полезным инструментом как для экономических, так и для социально-психологических исследований [7, 9, 12, 16].

На данный момент нам неизвестно об эмпирических исследованиях, посвящённых проявлению конформности и/или внушаемости в межличностных взаимодействиях с неформальным авторитетом в контексте переговорного процесса. Научная новизна нашего исследования, таким образом, заключается в том, что мы впервые рассматриваем конформность и внушаемость как предикторы переговорного поведения во взаимосвязи с субъективной оценкой неформального авторитета оппонента. Ключевыми отличиями нашей работы являются: (1) использование валидированных психодиагностических методик для измерения конформности (Mehrabian, Steffl, 1995) и внушаемости [1] как устойчивых личностных характеристик; (2) моделирование переговорного взаимодействия с реально значимым для респондента оппонентом из его профессиональной среды, которого он оценивает как обладающего или не обладающего неформальным авторитетом; (3) одновременное измерение всех переменных.

Основная гипотеза:

- Конформность и внушаемость являются существенными предикторами итогов переговоров.

Частные гипотезы:

- Участники с высоким уровнем конформности и внушаемости легче соглашаются на уступки в переговорах с оппонентом, обладающим для них высоким неформальным авторитетом;
- Переговорное поведение участников с низким уровнем внушаемости и конформности не зависит от оценки неформального авторитета оппонента.

Дополнительные гипотезы:

- Существует значимая положительная корреляция между уровнями внушаемости и конформности респондентов.
- Внушаемость и конформность являются модераторами влияния неформального авторитета на поведение во время переговоров.

Характеристика выборки. Выборку исследования составили 211 взрослых человек (100 мужчин и 111 женщин) (возрастной диапазон $M = 40,2$, $SD = 10,9$), имеющих трудовой или предпринимательский стаж и опыт ведения деловых переговоров от 2-х лет.

Исследование состояло из двух этапов. Все этапы были проведены на онлайн платформе. На первом этапе мы оценивали социально-психологические характеристики респондента с помощью двух валидизированных шкал: «Шкала конформности» Меграбян – Стефл и «Шкала внушаемости» Деларю – Клаучек [1, 22]. Между первым и вторым этапом был выдержан интервал не менее 5 дней для того, чтобы избежать влияния опросов на дальнейшее исследование.

Второй этап заключался в моделировании ситуации переговоров с наиболее авторитетным и наиболее неавторитетным оппонентом из профессионального окружения респондента с помощью экономической игры «Ультиматум». Игра моделирует переговоры между двумя сторонами о неравном распределении общего ресурса [22]. Авторитетность оппонентов определяли с помощью модифицированной методики Ю.П. Степкина: респондентов просили выбрать хорошо знакомого им человека из профессиональной среды: наиболее авторитетного или неавторитетного для них. В начале их просили указать в опросном листе пол, возраст, образование, профессию и кратко описывали внешность этой личности. Затем просили оценить по одиннадцатибальной шкале (0-10), насколько они согласны с утверждениями, которые описывают различные характеристики личности: знаний, умений, способностей, потребностей и интересов, отношения к другим людям и к себе, и некоторые другие. Данные утверждения мы сформулировали, опираясь на характе-

ристики, которые Степкин Ю.П. описывает в своих исследованиях как "основания авторитета" [4, 5]. Такой подробный опрос требовался, чтобы респонденты характеризовали не «людей вообще», а авторитетных и неавторитетных конкретно для них, описывая их индивидуальные особенности, о которых имеют собственное представление. Поскольку сразу после окончания опроса начиналось моделирование переговоров с только что описанной личностью, это также служило праймингом.

Во всех играх респондент выступал в роли "отвечающего" на предложение оппонента. В качестве оппонента-предлагающего выступала личность, которую выбрал и описал респондент.

У половины респондентов мы проводили игры с неавторитетными оппонентами перед играми с авторитетными, у второй половины – наоборот, с соответствующей кросс-вариацией сумм предложения, чтобы исключить влияние последовательности.

Результаты и обсуждения

Результаты игры "Ультиматум" были преобразованы в МАР (минимальное приемлемое предложение, англ. *minimal acceptable proposal*). МАР равен проценту от общей суммы, на которую согласился респондент во время игры (значения 15, 20, 30, 35, 40, соответственно), если же респондент отказывался от всех предложений, то МАР присваивалось значение 45 (рис. 1). Соответственно, чем выше МАР, тем меньше готовность респондента соглашаться на большие уступки. Анализ поведения респондентов в игре «Ультиматум» показал, что в условиях, когда в роли оппонента выступала выбранная ими авторитетная личность среднее значение МАР составляло 36,9 ($SD = 9,5$). В случаях, когда оппонентом была неавторитетная личность МАР в среднем было 42,6 ($SD = 6,5$). Частота отказов респондента принимать любые из предложенных условий при взаимодействии с авторитетным оппонентом была значительно ниже (40,3%), чем в случаях с неавторитетным оппонентом (82%).

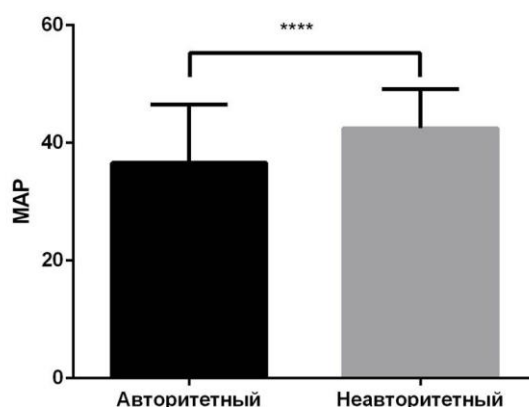

Рис. 1. Результаты игры "Ультиматум".
Fig. 1. Ultimatum game results.

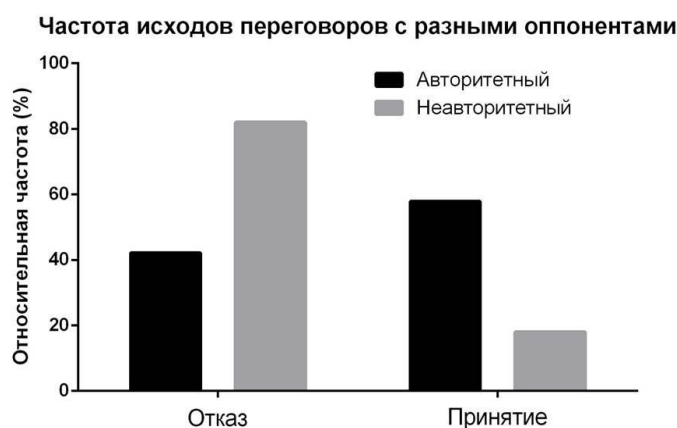

Рис. 2. Частота исходов переговоров с разными оппонентами.
Fig. 2. Frequency of negotiation outcomes with different opponents.

Корреляционный анализ показал значимую отрицательную корреляцию между уровнем внушаемости и МАР при игре с авторитетным оппонентом (Коэффициент ранговой корреляции Спирмена, $\rho = -0,193$, $p = 0,005$), а также меньшую, но статистически значимую отрицательную корреляцию между степенью конформности и МАР при игре с авторитетным оппонентом (Коэффициент ранговой корреляции Спирмена, $\rho = -0,168$, $p = 0,01$). Т.е. респонденты с высокими уровнями внушаемости и конформности склонны соглашаться на большие уступки если предложение исходит от авторитетного, по их мнению, оппонента. При этом мы обнаружили выраженную положительную корреляцию между уровнями внушаемости и конформности у респондентов (Коэффициент ранговой корреляции Спирмена, $\rho = 0,510$, $p < 0,0001$), что указывает на содержательную близость этих характеристик при сохранении их концептуального различия (табл. 1).

Таблица 1

Корреляции между внушаемостью, конформностью и МАР.

Table 1

Correlations between suggestibility, conformity, and MAP.

	Коэффициент ранговой корреляции Спирмена	Уровень значимости
Внушаемость vs МАР с авторитетным оппонентом	$\rho = -0,193^*$	$p = 0,005$
Внушаемость vs МАР с неавторитетным оппонентом	$\rho = 0,092$ (н.з.)	$p = 0,180$
Конформность vs МАР с авторитетным оппонентом	$\rho = -0,168^*$	$p = 0,015$
Конформность vs МАР с неавторитетным оппонентом	$\rho = 0,115$ (н.з.)	$p = 0,094$
Внушаемость vs Конформность	$\rho = 0,510^*$	$p < 0,0001$

* значимая корреляция $p < 0,05$; (н.з.) незначимая корреляция $p \geq 0,05$.

* significant correlation $p < 0,05$; (n.z.) insignificant correlation $p \geq 0,05$.

Важным результатом стало то, что личностные характеристики влияют на уступчивость только в условиях авторитетного оппонента. При неавторитетном оппоненте ни внушаемость, ни конформность не связаны с поведением в переговорах. Это подтверждает теоретическую модель: конформность и внушаемость выступают модераторами эффекта авторитета.

Средний показатель по шкале внушаемости у респондентов составил 9,90 ($SD=2,67$). Для проверки взаимосвязи показателей по шкале внушаемость с поведением респондентов во время переговоров выборка была разделена на две подгруппы (медианное разделение): с показателями выше и ниже среднего значения. Попарное сравнение МАР с помощью критерия Манна-Уитни показало значимые различия между поведением респондентов с показателями ниже среднего и респондентов с показателями выше среднего по шкале внушаемости во время игр с авторитетным оппонентом (низкая внушаемость vs высокая внушаемость в играх с авторитетным оппонентом: $U = 2997$; $p = 0,0046$), но не показало значимых различий в играх с неавторитетным оппонентом (низкая внушаемость vs высокая внушаемость в играх с неавторитетным оппонентом: $U = 3804$; $p = 0,6287$). При этом у обеих подгрупп существовали значимые различия МАР между играми с авторитетным и неавторитетным оппонентом. (авторитетный оппонент vs неавторитетный оппонент для подгруппы с высокой внушаемостью: $U = 2563$; $p < 0,0001$; авторитетный оппонент vs неавторитетный оппонент для подгруппы с низкой внушаемостью: $U = 2210$; $p < 0,0001$).

Средний показатель по шкале конформности у респондентов составил -5,017 ($SD=10,87$). Для проверки взаимосвязи показателей по шкале конформности с поведением респондентов во время переговоров выборка также была разделена на две подгруппы (медианное разделение). Попарное сравнение МАР с помощью критерия Манна-Уитни не показало значимых различий между поведением респондентов с показателями ниже среднего и респондентов с показателями выше среднего по шкале конформности во время игр с авторитетным или неавторитетным оппонентом (низкая конформность vs высокая конформность в играх с авторитетным оппонентом: $U = 3552$; $p = 0,0595$; низкая конформность vs высокая конформность в играх с неавторитетным оппонентом: $U = 3943$; $p = 0,2732$). При этом у обеих подгрупп существовали значимые различия МАР между играми с авторитетным и неавторитетным оппонентом. (авторитетный оппонент vs неавторитетный оппонент для подгруппы с высокой конформностью: $U = 1747$; $p < 0,0001$; авторитетный оппонент vs неавторитетный оппонент для подгруппы с низкой конформностью: $U = 3421$; $p < 0,0001$).

Таким образом мы наблюдаем выраженный эффект авторитета – выраженная тенденция уступать тем, кого респонденты считают авторитетными и отказывать в уступках тем, кого считают неавторитетными.

Факторный анализ и содержательный анализ шкал

Далее мы провели факторный анализ шкал внушаемости и конформности. Факторный анализ шкалы внушаемости методом главных компонент с Promax вращением выявил её гетерогенность. Значение теста Кайзера-Мейера-Олкина (КМО) составило 0,609 (приемлемый уровень), тест Бартлетта – $\chi^2 = 444,04$, $p < 0,000001$, что подтверждает пригодность данных для факторного анализа. Параллельный анализ позволил выделить 4 фактора, объясняющих 37,1% общей дисперсии.

Таблица 2

Факторная структура шкалы внушаемости.

Table 2

Factor structure of the suggestibility scale.

Фактор	% дисперсии	Ключевые пункты	Нагрузка
F1 «Нелидерство / ведомость»	10,5%	S_4, S_12, S_5	0,72; 0,72; 0,55
F2 «Эмоциональная впечатлительность»	10,7%	S_11, S_15, S_9	0,72; 0,65; 0,56
F3 «Гибкость / открытость»	8,2%	S_7, S_8, S_1	0,65; 0,50; 0,43
F4 «Социальное влияние»	7,7%	S_3, S_18, S_6	0,47; 0,47; 0,40

Стоит отметить, что первый фактор «Нелидерство / ведомость» измеряет отсутствие лидерских качеств – склонность быть ведомым, а не лидером. Это объясняет, почему общий балл показывает более слабую корреляцию с поведением, чем отдельные пункты: высокий балл по шкале внушаемости частично отражает не только восприимчивость к влиянию, но и отсутствие способности и желания влиять на других.

Особого внимания заслуживает пункт S_6 («Друзьям легко вам что-либо внушить»): его коммунальность составила всего 0,21, что указывает на слабую связь с другими пунктами шкалы. Примечательно, что S_6 измеряет доверчивость в близких отношениях (с друзьями), тогда как S_8 («Вас никак нельзя считать доверчивым человеком») – общую доверчивость. Дальнейший корреляционный анализ показал, что значимым предиктором уступчивости выступает именно доверчивость по отношению к членам своей группы (S_6: $\rho = -0,160$, $p = 0,020$), а не общая (S_8: $\rho = -0,076$, $p = 0,27$). Это может объяснять, почему данный пункт работает эмпирически (значимая корреляция с МАР и модерация эффекта авторитета), но не вписывается в факторную структуру: вероятно он измеряет доверчивость как отдельный аспект, не связанный с остальными пунктами шкалы. Это также соответствует теории: механизм интернализации (внушения) работает через доверие к конкретной (авторитетной) личности, а не через общую склонность доверять.

Факторный анализ шкалы конформности методом главных компонент с Promax вращением показал значительно лучшую структуру чем шкала внушаемости: КМО = 0,774 (очень хороший уровень), тест Бартлетта $\chi^2 = 433,84$, $p < 0,000001$. Параллельный анализ выявил 2 фактора, объясняющих 44,2% дисперсии.

Таблица 3

Факторная структура шкалы конформности.

Table 3

Factor structure of the conformity scale.

Фактор	% дисперсии	Ключевые пункты	Нагрузка
F1 «Общая конформность»	28,4%	C_10, C_6, C_1	0,76; 0,77; 0,72
F2 «Уступчивость в конфликте»	15,7%	C_9, C_2	0,85; 0,72

Пункт C_5 («Мои друзья решают, чем мы займёмся») также продемонстрировал низкую коммунальность (0,20), что указывает на его специфический характер: возможно он измеряет зависимость от референтной группы как отдельный аспект, не связанный с общей конформностью.

Эти результаты соответствуют теоретическому различению механизмов интернализации и идентификации.

Для уточнения механизмов взаимодействия личностных характеристик с субъективной оценкой авторитета и поведением во время переговоров мы провели анализ на уровне отдельных пунктов шкал. Наиболее значимым предиктором уступчивости среди пунктов внушаемости оказался пункт S_19 («Вам очень нравилось участвовать в художественной самодеятельности», $\rho = -0,211$, $p = 0,002$), измеряющий, вероятно, эмоциональную впечатлительность. Интересно, что этот пункт работал в обоих условиях — как в условиях авторитетного оппонента ($\rho = -0,211$, $p = 0,002$), так и неавторитетного ($\rho = -0,177$, $p = 0,010$), что может указывать на фоновый эффект общей склонности быть подверженным внушению.

Пункт S_6 («Вашим друзьям и знакомым не составляет труда что-либо вам внушить») показал иной паттерн: при взаимодействии с авторитетным оппонентом корреляция составила $\rho = -0,160$ ($p = 0,020$), а при

неавторитетном – $r = +0,134$ (направление эффекта изменялось). Модерация этим пунктом оказалась значимой ($\beta = -5,66$, $p = 0,005$). Аналогичный паттерн продемонстрировал пункт S_17 («Узнав о признаках болезни, вы ощущали у себя что-то подобное»): значимая модерация ($\beta = -3,40$, $p = 0,043$), однако эффект наблюдается только при авторитетном оппоненте ($r = -0,178$, $p = 0,010$).

Среди пунктов конформности наиболее значимым оказался пункт C_5 («По сути, именно мои друзья решают, чем мы вместе займёмся», $r = -0,136$, $p = 0,048$). Эффект этого пункта проявлялся только в условиях авторитетного оппонента ($r = -0,136$, $p = 0,048$), а в условиях неавторитетного эффект исчезал ($r = +0,012$, не значимо), что может указывать на механизм идентификации с референтной группой. При этом ни S_6, ни C_5 не коррелировали с баллами субъективной оценки авторитетности оппонента ($r = -0,09$ и $-0,06$ соответственно, не значимо), включая отдельные пункты доверия (A_8), уважения коллектива (A_9) и ценностного сходства (A_30). Это указывает на опосредованный характер связи: личностные черты субъекта авторитета (основания авторитета) влияют на поведение не напрямую, а через оценку оппонента как авторитетного или неавторитетного в целом.

Таблица 4

Корреляции ключевых пунктов с MAP и модерация эффекта авторитета.

Table 4

Correlations of key points with MAP and moderation of the authority effect.

Пункт	A MAP (p)	N MAP (p)	Δp	z Фишера	p
S_6	-0,160*	+0,134	-0,294	-3,02	0,003
S_17	-0,178*	-0,055	-0,123	-1,27	0,203
S_19	-0,211*	-0,177*	-0,034	-0,36	0,718
C_5	-0,136*	+0,012	-0,148	-1,52	0,128

* значимая корреляция $p < 0,05$.

* significant correlation $p < 0,05$.

Модерация проверялась двумя методами:

1. z-тест Фишера для сравнения корреляций: $z = (z_1 - z_2) / \sqrt{(2/(n-3))}$, где $z = 0,5 \times \ln((1+r)/(1-r))$
2. Регрессионный анализ с членом взаимодействия: $MAP = \beta_0 + \beta_1 \times \text{Condition} + \beta_2 \times \text{Item} + \beta_3 \times (\text{Condition} \times \text{Item})$, где β_3 – коэффициент модерации. Отрицательный β_3 означает, что при увеличении значения пункта эффект авторитета усиливается (MAP в условии авторитетного оппонента снижается относительно неавторитетного).

Далее мы провели анализ взаимодействия отдельных пунктов шкал с отдельными пунктами субъективной оценки оснований авторитета оппонента [4, 5] во время переговоров.

Сопоставление результатов позволяет различить механизмы интернализации и идентификации. Пункт S_6 (доверчивость) выступает как общий модератор: при высокой оценке авторитета по любому основанию (компетентность, знания, уважение, доверие) эффект значим. Особенно сильным оказалось взаимодействие с оценкой «глубокие знания» ($r = -0,284$, $p = 0,0008$).

Пункт C_5 (зависимость от референтной группы) работает более специфично: значимый эффект наблюдался только при высокой оценке компетентности ($r = -0,181$, $p = 0,034$) и уважения коллектива ($r = -0,203$, $p = 0,027$). Это может указывать на то, что конформность реализуется через оценку авторитета как представителя своей группы, и носителя экспертных знаний, а не через общую склонность уступать и быть ведомым.

При высокой оценке доверия к авторитету («Этот человек – человек, которому коллеги доверяют и на которого можно положиться в любом деле») эффект S_6 был значимым ($r = -0,191$, $p = 0,029$), при низкой – нет. Аналогично, при высокой оценке компетентности эффект C_5 усиливался ($r = -0,181$).

Это подтверждает, что механизмы работают через оценку оппонента как авторитетного: личная доверчивость (S_6) и склонность уступать «своим» (C_5) проявляется, когда оппонент оценивается как надежный, компетентный, заслуживающий уважения.

Выводы

Полученные данные подтверждают нашу гипотезу о существовании корреляции между показателями по шкалам внушаемости, конформности и готовностью соглашаться на большие уступки при переговорах с оппонентом, которого участник оценивает как обладающего высоким неформальным авторитетом. При этом корреляция между внушаемостью и переговорным поведением была выше, чем между конформностью и переговорным поведением.

Результаты исследования подтверждают теоретическую модель: неформальный авторитет порождает уступчивость через механизмы интернализации и идентификации, которые реализуются благодаря основаниям авторитета. Внушаемость и конформность выступают модераторами этого эффекта.

При этом исходное предположение о том, что поведение участников с низким уровнем внушаемости и конформности не зависит от авторитета оппонента, не подтвердилось: значимые различия МАР между авторитетным и неавторитетным оппонентом наблюдались в обеих подгруппах. Это означает, что эффект неформального авторитета является универсальным, однако внушаемость и конформность значимо его усиливают.

Вместе с тем эмпирические данные уточняют теоретическую модель. Теоретически предполагалось, что внушаемость связана с доверием, а конформность – с референтностью и общностью ценностей. Из результатов мы видим, что S₆ (доверчивость) работает как общий модератор – активируется при любом сигнале авторитетности. C₅ (зависимость от группы) работает специфичнее – только при компетентности и уважении. При этом ни S₆, ни C₅ не коррелируют напрямую с соответствующими оценками авторитета (доверие, ценности), что указывает на опосредованный характер связи.

Главное, что мы подтвердили эмпирически: интернализация и идентификация – это разные механизмы. Интернализация (через доверчивость) – общий модератор, работающий с любым проявлением авторитетности. Идентификация (через отождествление с группой или личностью, олицетворяющей группу) – более специфический механизм, активируемый определёнными основаниями авторитета.

Обнаруженные закономерности имеют важное значение для понимания переговорного процесса: высокая личная доверчивость в сочетании с восприятием партнёра как авторитетного создаёт условия для максимальной уступчивости. При этом различные личностные характеристики по-разному взаимодействуют с различными аспектами авторитета, что может учитываться при прогнозировании переговорного поведения.

Факторный анализ шкалы внушаемости выявил её гетерогенность: внутренняя согласованность оказалась невысокой, а структура – многомерной. Примечательно, что первый фактор «Нелидерство/ведомость» измеряет отсутствие лидерских качеств – склонность быть ведомым, а не лидером. Это объясняет, почему общий балл показывает более слабую корреляцию с поведением, чем отдельные пункты.

Шкала конформности продемонстрировала значительно лучшую факторную структуру (КМО = 0,774), что указывает на её концептуальную однородность. Тем не менее пункт C₅ (зависимость от референтной группы) также показал низкую коммуналность, что соответствует теоретическому различению: данный пункт измеряет специфический аспект – склонность уступать «своим», а не в целом любому влиянию.

Таким образом, эмпирические данные подтверждают теоретическое разграничение механизмов интернализации и идентификации: внушаемость (интернализация) (через доверчивость – S₆) работает через оценку авторитетного оппонента как достойного доверия, тогда как конформность (через идентификацию с группой – C₅) работает через оценку авторитетного оппонента как «своего» – представителя референтной группы.

В исследовании была изучена роль внушаемости и конформности как предикторов готовности к уступкам в переговорах с оппонентом в зависимости от субъективной оценки его неформального авторитета.

Результаты исследования подтвердили, что внушаемость и конформность личности, прежде всего внушаемость, и в меньшей степени конформность, потенциально могут выступать предиктором большей готовности к уступкам в переговорах с оппонентом, обладающим высоким неформальным авторитетом. Предположение о том, что поведение участников с низким уровнем внушаемости и конформности не зависит от оценки неформального авторитета оппонента, не подтвердилось. Результаты исследования указывают на то, что даже у людей с относительно низкими уровнями внушаемости и конформности существует тенденция уступать тем, кого они считают авторитетными и отказывать в уступках тем, кого считают неавторитетными. Внушаемость и конформность являются модераторами влияния неформального авторитета на поведение во время переговоров через механизмы интернализации и идентификации.

Полученные данные могут быть использованы при анализе и прогнозировании переговорного поведения, а также при разработке программ подготовки специалистов, вовлеченных в переговоры.

Список источников

1. Деларю В.В., Клаучек С.В. Шкала внушаемости: адаптация русскоязычной версии // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 3. С. 78 – 89.
2. Злобина О.В. Конформность как личностная характеристика: обзор современных исследований // Психологические исследования. 2023. Т. 16. № 88. С. 1 – 15.

3. Рудакова И.А. Конформность и конформизм: соотношение понятий // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 2016. № 2. С. 45 – 53.
4. Степкин Ю.П. Социальная психология феномена авторитета личности // Психология человека в образовании. 2019. Т. 1. № 3. С. 249 – 257.
5. Степкин Ю.П. Социальная психология феномена авторитета личности // Вестник психологии. 2019. Т. 1. № 3. С. 249 – 257.
6. Arif Y., Czukur E. The paradox of authority in education: When does more authority lead to less compliance? // Journal of Educational Psychology. 2020. Vol. 112. № 3. P. 456 – 472.
7. Bogdan P.C., Kimbrough S.D., Kranton G.J., Levin S. Conformity and competitive preferences across cultures // Journal of Economic Behavior & Organization. 2021. Vol. 192. P. 365 – 385.
8. Brügger N., Delvaux S., Gologan A. The effect of implicit social cognition on behavior: The case of conformity in the Asch paradigm // Swiss Journal of Psychology. 2019. T. 78. № 3. P. 145 – 158.
9. Brüne C., Tas C., Wischniewski J. et al. Hypnotic ingroup-outgroup suggestion influences economic decision-making in an Ultimatum Game // Consciousness and Cognition. 2012. Vol. T. 21. № 3. P. 1502 – 1510.
10. Capuano F., Chekroun P. Conformity in dyadic interactions: The role of partner's status and social presence // Journal of Social Psychology. 2024. Vol. 164. № 2. P. 234 – 251.
11. Caspar E.A., Beyer F., Cleeremans A., Haggard P. The obedient mind and the volitional brain: A neural basis for preserved sense of agency and sense of responsibility under coercion // PLoS ONE. 2021. Vol. 16. № 10. Art. e0258884.
12. Chowdhury A., Rangaswamy M., Kolte A. Characterizing Ultimatum Game responders: a scoping review of factors that influence decision-making through an evolutionary lens // Frontiers in Psychology. 2026. Vol. 17. Art. 1713778.
13. Cummings L. Argument from Authority // Reasoning and Public Health: New Ways of Coping with Uncertainty. Springer, 2015. P. 67 – 92.
14. De Cremer D., Tyler T.R. The effects of trust in authority and procedural fairness on cooperation // Journal of Applied Psychology. 2007. Vol. 92. № 3. P. 639 – 649.
15. Eysenck H.J., Furneaux W.D. Primary and secondary suggestibility // Journal of Experimental Psychology. 1945. Vol. 35. P. 137 – 162.
16. Harris A., Young A., Hughson L. et al. Perceived relative social status and cognitive load influence acceptance of unfair offers in the Ultimatum Game // PLoS ONE. 2020. Vol. 15. № 1. Art. e0227717.
17. Kelman H.C. Compliance, identification, and internalization: Three processes of attitude change // Journal of Conflict Resolution. 1958. Vol. 2. № 1. P. 51 – 60.
18. Kim D., Kim J., Kim H. Increased Conformity to Social Hierarchy Under Public Eyes // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. Art. 636801.
19. Kim K., Lee J., Yun S. Conformity to higher-status partners in negotiations // Journal of Organizational Behavior. 2021. Vol. 42. № 3. P. 367 – 385.
20. Legood A., van der Werff L., Lee A., Den Hartog D. A meta-analysis of the role of trust in the leadership-performance relationship // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2021. Vol. 30. № 1. P. 1 – 22.
21. Luo Y., Zhang Z., Chen Q., Zhang K., Wang Y., Peng J. Humble leadership and its outcomes: A meta-analysis // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. Art. 980322.
22. Mehrabian A., Stefl S.P. Some correlates of academic achievement // Individualism and Cooperativeness / Ed. by A. Mehrabian. Praeger, 1995. P. 45 – 63.
23. Milgram S. Behavioral study of obedience // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963. Vol. 67. № 4. P. 371 – 378.
24. Otgaar H., Schell-Leugers J.M., Howe M.L., De La Fuente Vilar A., Houben S.T.L., Merckelbach H. The link between suggestibility, compliance, and false confessions: A review using experimental and field studies // Applied Cognitive Psychology. 2021. Vol. 35. № 3. P. 651 – 670.
25. Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict // The Social Psychology of Intergroup Relations / Eds. W.G. Austin, S. Worchel. Brooks/Cole, 1979. P. 33 – 47.
26. Tasso A., D'Amato S., Gandolfo F. Suggestibility and hypnotic susceptibility: Are they distinct? // Contemporary Hypnosis. 2020. Vol. 27. № 4. P. 186 – 197.
27. Thorley C. The relationship between conformity, compliance, and personality: A meta-analysis // Personality and Individual Differences. 2013. Vol. 55. № 7. P. 706 – 712.

28. Zheng Y., Cheng X., Xu J., Li Q. Status and rejection in the Ultimatum Game // *Frontiers in Psychology*. 2017. T. 8. Art. 1751.

29. Zimbardo P.G. The psychology of prison: A model for analyzing the dynamics of dispositional environmental attributions // *The Social Psychology of Intergroup Relations* / Eds. W.G. Austin, S. Worchel. Brooks/Cole, 1972. P. 232 – 255.

References

1. Delaryu V.V., Klauchek S.V. Suggestibility scale: adaptation of the Russian-language version. *Psychological journal*. 1997. Vol. 18. No. 3. P. 78 – 89.
2. Zlobina O.V. Conformity as a personality trait: a review of modern research. *Psychological studies*. 2023. Vol. 16. No. 88. P. 1 – 15.
3. Rudakova I.A. Conformity and conformism: the relationship between concepts. *Bulletin of Moscow University. Series 14, Psychology*. 2016. No. 2. P. 45 – 53.
4. Stepkin Yu.P. Social psychology of the phenomenon of personal authority. *Human psychology in education*. 2019. Vol. 1. No. 3. P. 249 – 257.
5. Stepkin Yu.P. Social Psychology of the Phenomenon of Personal Authority. *Bulletin of Psychology*. 2019. Vol. 1. No. 3. P. 249 – 257.
6. Arif Y., Czukor E. The Paradox of Authority in Education: When Does More Authority Lead to Less Compliance? *Journal of Educational Psychology*. 2020. Vol. 112. No. 3. P. 456 – 472.
7. Bogdan P.C., Kimbrough S.D., Kranton G.J., Levin S. Conformity and Competitive Preferences Across Cultures. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2021. Vol. 192. P. 365 – 385.
8. Brügger N., Delvaux S., Gologan A. The effect of implicit social cognition on behavior: The case of conformity in the Asch paradigm. *Swiss Journal of Psychology*. 2019. Vol. 78. No. 3. P. 145 – 158.
9. Brüne C., Tas C., Wischniewski J. et al. Hypnotic ingroup-outgroup suggestion influences economic decision-making in an Ultimatum Game. *Consciousness and Cognition*. 2012. Vol. 21. No. 3. P. 1502 – 1510.
10. Capuano F., Chekroun P. Conformity in dyadic interactions: The role of partner's status and social presence. *Journal of Social Psychology*. 2024. Vol. 164. No. 2. P. 234 – 251.
11. Caspar E.A., Beyer F., Cleeremans A., Haggard P. The obedient mind and the volitional brain: A neural basis for preserved sense of agency and sense of responsibility under coercion. *PLoS ONE*. 2021. Vol. 16. No. 10. Art. e0258884.
12. Chowdhury A., Rangaswamy M., Kolte A. Characterizing Ultimatum Game responders: a scoping review of factors that influence decision-making through an evolutionary lens. *Frontiers in Psychology*. 2026. Vol. 17. Art. 1713778.
13. Cummings L. *Argument from Authority. Reasoning and Public Health: New Ways of Coping with Uncertainty*. Springer, 2015. P. 67 – 92.
14. De Cremer D., Tyler T.R. The effects of trust in authority and procedural fairness on cooperation. *Journal of Applied Psychology*. 2007. Vol. 92. No. 3. P. 639 – 649.
15. Eysenck H.J., Furneaux W.D. Primary and secondary suggestibility. *Journal of Experimental Psychology*. 1945. T. 35. P. 137 – 162.
16. Harris A., Young A., Hughson L. et al. Perceived relative social status and cognitive load influence acceptance of unfair offers in the Ultimatum Game. *PLoS ONE*. 2020. T. 15. No. 1. Art. e0227717.
17. Kelman H.C. Compliance, identification, and internalization: Three processes of attitude change. *Journal of Conflict Resolution*. 1958. Vol. 2. No. 1. P. 51 – 60.
18. Kim D., Kim J., Kim H. Increased Conformity to Social Hierarchy Under Public Eyes. *Frontiers in Psychology*. 2021. T. 12. Art. 636801.
19. Kim K., Lee J., Yun S. Conformity to higher-status partners in negotiations. *Journal of Organizational Behavior*. 2021. Vol. 42. No. 3. P. 367 – 385.
20. Legood A., van der Werff L., Lee A., Den Hartog D. A meta-analysis of the role of trust in the leadership-performance relationship. *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2021. Vol. 30. No. 1. P. 1 – 22.
21. Luo Y., Zhang Z., Chen Q., Zhang K., Wang Y., Peng J. Humble leadership and its outcomes: A meta-analysis. *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. Art. 980322.
22. Mehrabian A., Stefl S.P. Some correlates of academic achievement. *Individualism and Cooperativeness*. Ed. by A. Mehrabian. Praeger, 1995. P. 45 – 63.

23. Milgram S. Behavioral study of obedience. *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1963. Vol. 67. No. 4. P. 371 – 378.
24. Otgaar H., Schell-Leugers J.M., Howe M.L., De La Fuente Vilar A., Houben S.T.L., Merckelbach H. The link between suggestibility, compliance, and false confessions: A review using experimental and field studies. *Applied Cognitive Psychology*. 2021. Vol. 35. No. 3. P. 651 – 670.
25. Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict. *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Eds. W.G. Austin, S. Worchel. Brooks/Cole, 1979. P. 33 – 47.
26. Tasso A., D'Amato S., Gandolfo F. Suggestibility and hypnotic susceptibility: Are they distinct? *Contemporary Hypnosis*. 2020. Vol. 27. No. 4. P. 186 – 197.
27. Thorley C. The relationship between conformity, compliance, and personality: A meta-analysis. *Personality and Individual Differences*. 2013. Vol. 55. No. 7. P. 706 – 712.
28. Zheng Y., Cheng X., Xu J., Li Q. Status and rejection in the Ultimatum Game. *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8. Art. 1751.
29. Zimbardo P.G. The psychology of prison: A model for analyzing the dynamics of dispositional environmental attributions. *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Eds. W.G. Austin, S. Worchel. Brooks/Cole, 1972. P. 232 – 255.

Информация об авторе

Спивак С.А., аспирант, Государственный университет просвещения, 141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, spivaser@gmail.com

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

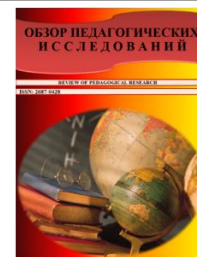
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 37.013

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-89-95

Лингводидактический потенциал технологий ИИ при обучении чтению на английском языке

^{1, 2} Акинина П.С., ³ Шмелева Е.С.,

¹ Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,

² Приволжский исследовательский медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, Владимирский филиал,

³ Колледж инновационных технологий и предпринимательства Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Аннотация: актуальность исследования объясняется несколькими причинами: цифровизация образования, необходимость повышения эффективности обучения, вызовы, которые создает развитие ИИ, потребность в разработке новых методических подходов. Материалы и методы: в работе использован комплекс теоретических методов исследования, включающий анализ и систематизацию научно-методической литературы по проблеме применения ИИ в обучении английскому языку; изучение и обобщение педагогического опыта использования генеративных нейросетей в образовательных целях; метод моделирования при разработке типологии заданий для обучения чтению на английском языке.

Результаты. На основе анализа научной литературы выявлены дидактические свойства нейросетей, значимые для конструирования упражнений по чтению. С использованием отечественной нейросети YandexGPT был создан оригинальный текст на тему удаленной работы, соответствующий уровню и профессиональной направленности студентов колледжа. На основе сгенерированного текста разработаны два типа заданий. Предложены методические принципы конструирования промптов для генерации качественных учебных материалов, учитывающие уровень языковой подготовки обучающихся и специфику среднего профессионального образования.

Заключение. Предложенный подход демонстрирует лингводидактический потенциал технологий искусственного интеллекта при обучении чтению на английском языке в системе среднего профессионального образования. Разработанные методические решения могут быть использованы преподавателями иностранного языка при подготовке к занятиям, позволяя создавать адаптированные тексты и задания к ним при сохранении ведущей роли педагога в методической обработке сгенерированного контента.

Ключевые слова: искусственный интеллект, лингводидактический потенциал, обучение чтению, английский язык, среднее профессиональное образование, нейросеть

Для цитирования: Акинина П.С., Шмелева Е.С. Лингводидактический потенциал технологий ИИ при обучении чтению на английском языке // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 89 – 95. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-89-95

Поступила в редакцию: 1 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Linguodidactic potential of AI technologies in teaching reading in English

¹ Akinina P.S., ² Shmeleva E.S.,

¹ Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs,

² Volga Research Medical University of the Health Ministry
of the Russian Federation, Vladimir branch,

² College of Innovative Technologies and Entrepreneurship of
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs

Abstract: the relevance of the study is explained by several reasons: digitalization of education, the necessity to improve the effectiveness of training, challenges posed by the development of AI, the need to develop new methodological approaches. Materials and methods: the study employs a complex of theoretical research methods, including analysis and systematization of scientific and methodological literature on the use of artificial intelligence in teaching English; study and generalization of pedagogical experience in using generative neural networks for educational purposes; modeling method in developing a typology of tasks for teaching reading in English.

Results. Based on the analysis of scientific literature, the didactic properties of neural networks significant for designing reading exercises have been identified. Using the Russian neural network YandexGPT, an original text on the topic of remote work was created, corresponding to the level and professional orientation of college students. Based on the generated text, two types of tasks were developed. Methodological principles for constructing prompts to generate high-quality educational materials have been proposed, taking into account the level of students' language proficiency and the specifics of secondary vocational education.

Conclusion. The proposed approach demonstrates the linguodidactic potential of artificial intelligence technologies in teaching reading in English within the system of secondary vocational education. The developed methodological solutions can be used by foreign language teachers in lesson preparation, allowing them to create adapted texts and corresponding tasks while maintaining the leading role of the teacher in the methodological processing of the generated content.

Keywords: artificial intelligence, linguodidactic potential, teaching reading, English language, secondary vocational education, neural network

For citation: Akinina P.S., Shmeleva E.S. Linguodidactic potential of AI technologies in teaching reading in English. *Review of Pedagogical Research*. 2026. 8 (6). P. 89 – 95. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-89-95

The article was submitted: April 1, 2026;
Approved after reviewing: May 3, 2026;
Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Современный этап развития языкового образования характеризуется активной цифровой трансформацией, в рамках которой внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в преподавание иностранных языков становится объективной необходимостью. В России поддержка данного процесса осуществляется на государственном уровне в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», что предполагает обновление содержания образования и создание современной инфраструктуры для подготовки профессиональных кадров. Особое внимание уделяется разработке учебно-методических материалов с использованием новейших технологий ИИ, что открывает новые перспективы для лингводидактики [3].

Стоит отметить, что в значение понятия «искусственный интеллект» вкладываются разные смыслы. Термин «искусственный интеллект» в настоящее время имеет междисциплинарный характер, приобретая, таким образом, «статус» зонтичного понятия, охватывающего несколько разнородных смысловых структур [5]. В области педагогики под данным термином подразумеваются образовательные технологии с применением ИИ, который их олицетворяет [7].

Традиционно чтение рассматривается как один из ключевых видов речевой деятельности, обеспечивающий не только получение информации, но и развитие критического мышления и формирование профессиональных компетенций обучающихся. Для студентов среднего профессионального образования умение работать с иноязычными текстами приобретает особую значимость. Однако традиционные методики обучения чтению не всегда в полной мере учитывают индивидуальные особенности обучающихся, что снижает мотивацию и эффективность образовательного процесса [4].

Появление генеративных нейросетей открывает новые возможности для персонализации обучения. В работах П.В. Сысоева системно рассматривается лингводидактический потенциал нейросетей, определяются их дидактические свойства (способность к самообучению, контекстность, адаптивность, интерактивность) и методические функции, среди которых особое место занимает подготовка учебно-методических материалов и организация языковой практики обучающихся [8]. Исследователем также сформулированы принципы обучения иностранному языку на основе технологий искусственного интеллекта, что создает теоретическую базу для разработки частных методик [9].

В последние годы активно исследуется лингводидактический потенциал как зарубежных инструментов (ChatGPT), так и отечественных разработок – YandexGPT и GigaChat. Сравнительный анализ показывает, что российские нейросети демонстрируют конкурентоспособность и могут успешно использоваться для создания учебных материалов по иностранному языку, учитывая индивидуальные особенности каждого студента. Доступность и бесплатный характер отечественных разработок делают их особенно привлекательными для использования в образовательных учреждениях Российской Федерации [2].

Зарубежные исследователи N.C. Thongsan и N.J. Anderson на материале эксперимента продемонстрировали, что интеграция ChatGPT в обучение критическому чтению способствует развитию у студентов способности распознавать предвзятость и формулировать оценочные вопросы [10]. В российской лингводидактике Е.А. Бабушкина и Е.М. Билык в своем исследовании анализируют приемы обучения чтению англоязычных текстов с применением ИИ, рассматривая возможности создания учебных материалов для всех этапов работы с текстом. Исследователи подчеркивают, что сгенерированные материалы требуют педагогической корректировки и не должны восприниматься как конечный продукт без методической обработки [1].

Анализ литературы показывает, что, несмотря на растущий интерес к проблеме, остаётся недостаточно разработанным вопрос о системном применении отечественных ИИ-инструментов для создания упражнений по чтению. Отсутствуют чёткие методические рекомендации по конструированию промптов для генерации учебных материалов, учитывающих уровень подготовки обучающихся и специфику их профессиональной направленности. Данное противоречие определяет актуальность настоящего исследования.

Целью статьи является выявление лингводидактического потенциала технологий искусственного интеллекта при обучении чтению на английском языке в системе СПО.

Материалы и методы исследований

В данной статье были использованы теоретические методы исследования, такие как анализ и систематизация научной литературы по проблематике исследования, обобщение педагогического опыта использования технологий ИИ в образовательных целях, метод моделирования при разработке практических заданий в процессе обучения чтению на английском языке.

Результаты и обсуждения

В ходе проведенного исследования был апробирован подход к созданию учебных материалов для обучения чтению на английском языке с использованием отечественной нейросети YandexGPT. Основная задача заключалась в генерации оригинального текста, соответствующего уровню языковой подготовки студентов среднего профессионального образования и учитывающего их будущую профессиональную деятельность в различных сферах, а также в разработке на его основе заданий.

Первым этапом работы стала генерация текста на актуальную для всех специальностей тему удаленной работы. При формулировке промпта учитывалась необходимость создания полноценного нарратива с введением, основной частью и заключением, без использования маркированных списков.

Промпт для YandexGPT:

«Create a coherent and well-structured text about remote work for college students (vocational education, level A2-B1). The text should be approximately 500-600 words long, informative but easy to understand. Include some statistics, mention advantages and challenges of remote work for employees in different professions. The text must consist of full paragraphs, NOT bullet points or lists».

Полученный ответ YandexGPT:

Remote Work for College Students

Introduction

Remote work is a modern way of working that allows people to do their jobs from any location with an internet connection. Instead of going to an office every day, employees can work from home, cafes, or even while traveling.

This type of employment has become extremely popular in recent years. According to recent studies, about 40% of workers in developed countries now have the option to work remotely at least part of the time.

Why Remote Work Is Growing

The rise of remote work is connected to several important factors. First, technology has made it easier than ever to stay connected. Video calls, messaging apps, and cloud storage allow teams to work together seamlessly from different locations. Second, companies are realizing the benefits of remote work, such as reduced office costs and access to a wider talent pool. For students, remote work offers a unique opportunity to earn money while studying.

Advantages for College Students

One of the main benefits of remote work for students is flexibility. They can create a schedule that fits around their classes and exams. This flexibility helps them manage their time more effectively and reduces stress. Additionally, remote work saves time and money that would otherwise be spent on commuting. Students can use this extra time for studying or personal development.

Another advantage is the comfortable working environment. Students can work from their homes, where they feel relaxed and can create a space that suits their needs. This comfort often leads to increased productivity and better work quality.

Suitable Professions for Remote Work

Many different professions can be performed remotely. IT specialists, such as programmers and web designers, are among the most common remote workers. They can develop software, create websites, and fix technical issues from anywhere. Content creators, including writers and social media managers, also work remotely, producing articles, posts, and other materials.

Customer service representatives handle inquiries and support customers through phone calls and online chats. Online teachers provide lessons in languages, academic subjects, or skills development via video platforms. Administrative assistants perform tasks like data entry, scheduling, and communication support from home offices.

Challenges of Remote Work

Despite its advantages, remote work presents some challenges. One of the main difficulties is maintaining self-discipline. Without an office environment and colleagues nearby, it can be hard to stay focused and motivated. Students may find themselves easily distracted by household chores or entertainment.

Another challenge is feeling isolated. Working alone can lead to loneliness and reduced social interaction. Technical issues, such as internet problems or software failures, can also disrupt work. Additionally, some students struggle to separate their work and personal lives, leading to longer working hours and burnout.

How to Succeed in Remote Work

To overcome these challenges, students should create a dedicated workspace that helps them focus. Setting clear working hours and sticking to them can improve work-life balance. Regular communication with colleagues and managers helps maintain connections and stay informed.

Using productivity tools and planning tasks in advance can help manage workload effectively. Taking regular breaks and maintaining a healthy routine are also important for success in remote work.

Conclusion

Remote work offers exciting opportunities for college students, providing flexibility and the chance to gain valuable work experience. While it comes with challenges, with proper planning and discipline, students can successfully balance work and studies. As technology continues to evolve, remote work will likely become an even more significant part of the future job market, making it an important skill for students to develop.

Созданный текст полностью соответствует заданному промпту. Его объем составляет около 600 слов, что оптимально для работы на занятии. Лексика и грамматические конструкции соответствуют уровню A2-B1: используются преимущественно простые времена, доступная лексика, умеренно сложные предложения. Текст имеет четкую структуру. Важно отметить, что текст содержит статистические данные, рассматривает различные профессии, что делает его релевантным для широкой аудитории студентов СПО. Текст написан полноценными абзацами, без маркированных списков, что соответствует методическим требованиям к учебным текстам.

На основе созданного текста был сформулирован промпт для генерации дискуссионных вопросов, направленных на активизацию фоновых знаний студентов и подготовку к чтению. При разработке запроса учитывалась необходимость создания вопросов, побуждающих к выражению личного мнения и связанных с жизненным опытом обучающихся.

Промпт для YandexGPT:

«Based on the text about remote work, create 3 discussion questions for college students (vocational education, level A2-B1). The questions should activate students' prior knowledge and encourage them to share personal opinions about remote work in general».

Полученный ответ YandexGPT:

1. How important is flexibility in work for you personally? Think about your daily schedule, studies, and hobbies. Would you prefer to work from 9 to 5 in an office or have the freedom to choose your working hours? Why do you think many students find remote work attractive? Share your opinion and explain your choice.

2. Do you believe that working from home can be as productive as working in an office? Some people say that remote work helps them concentrate better because they can create a comfortable environment. Others think that without colleagues and a professional atmosphere, it's hard to stay focused. What is your experience or expectation? Can you give an example from your life when working in a specific environment helped or hindered your productivity?

3. What are the biggest challenges you can imagine when working remotely? Many people worry about feeling lonely, getting distracted, or having technical problems. Think about your own habits and lifestyle. What do you think would be the hardest part for you in remote work? How could you prepare for these challenges? Share your ideas and suggestions with the class.

Сгенерированные вопросы представляют значительную методическую ценность. Все вопросы сформулированы просто, при этом они побуждают студентов к развернутому ответу и выражению собственной позиции. Важно отметить, что вопросы не имеют однозначных ответов, что создает основу для дискуссии и обмена мнениями. Они могут быть использованы как для индивидуальной письменной работы, так и для группового обсуждения в классе.

Для проверки понимания текста был разработан промпт, требующий создания вопросов, проверяющих знание деталей и понимание главной мысли. При формулировке промпта учитывалась необходимость создания вопросов, ответы на которые требуют осмысленного чтения, а не механического поиска совпадений с текстом.

Промпт для YandexGPT:

«Based on the text about remote work, create 3 comprehension questions for college students (level A2-B1). Include 2 questions about specific details from the text and 1 question about the main idea. Avoid using the exact wording from the text».

Полученный ответ YandexGPT:

1. What percentage of workers in developed countries have the option to work remotely?

(Answer: about 40% work remotely at least part of the time)

2. Which two main technological tools help remote teams work together effectively?

(Possible answers: video calls and messaging apps, cloud storage)

3. What is the main reason why remote work is becoming so popular among college students?

(Answer: it provides flexibility that helps students balance work and studies more effectively, saving time and money while creating a comfortable working environment)

Сгенерированные вопросы полностью соответствуют поставленной задаче. Первый и второй вопросы проверяют понимание конкретных деталей из текста. Третий вопрос направлен на понимание главной идеи текста о том, что удаленная работа предоставляет студентам гибкость, позволяющую эффективно совмещать работу и учебу.

Важно отметить, что формулировки вопросов не копируют текст дословно, что требует от студентов узнавания информации. Наличие готовых ответов в скобках представляет дополнительную методическую ценность, позволяя преподавателю быстро проверять правильность ответов студентов или использовать их в качестве опоры при обсуждении.

Выводы

Проведенное исследование было направлено на выявление лингводидактического потенциала технологий искусственного интеллекта при обучении чтению на английском языке в системе среднего профессионального образования. В ходе работы на примере YandexGPT продемонстрирована возможность генерации учебного текста, соответствующего уровню языковой подготовки студентов и их профессиональным интересам, а также создания на его основе двух типов заданий: предтекстовых дискуссионных вопросов и текстовых вопросов на понимание содержания.

Полученные результаты подтверждают, что ИИ обладает значимым дидактическим потенциалом, позволяя создавать адаптированные учебные материалы с учетом уровня обучающихся и их будущей профессиональной деятельности. Сгенерированный текст отличается логичной структурой, информативностью и доступностью языка, а разработанные вопросы способствуют активизации фоновых знаний, развитию речевых навыков и проверке понимания прочитанного.

Важным выводом исследования является необходимость педагогической доработки сгенерированных материалов, что согласуется с позицией ряда авторов о сохранении ведущей роли преподавателя в методической обработке контента. Предложенные методические решения могут быть использованы преподавателями иностранного языка при подготовке к занятиям, позволяя расширить дидактический инструментарий и оптимизировать процесс создания учебных материалов [6].

Дальнейшие перспективы исследования связаны с апробацией разработанного подхода в реальном учебном процессе и расширением спектра типов заданий для различных этапов работы с текстом.

Список источников

1. Бабушкина Е.А., Билык Е.М. Лингводидактический потенциал технологии искусственного интеллекта в обучении английскому языку // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2025. Т. 16. № 1. С. 1 – 13.
2. Баторина Д.А., Колесникова А.С., Тихонова В.В. Использование нейросетей в работе учителя английского языка в школе // Иностранные языки и современные тенденции в иноязычном образовании: Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора ВГПУ Сергея Самуиловича Беркнера, Воронеж, 25 апреля 2024 года. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2024. С. 208 – 214.
3. Власов Р.А. Сравнительный анализ российских и зарубежных генеративных нейронных сетей для персонализации обучения на примере обучения английскому языку // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2025. Т. 22. №2. С. 233 – 246. <http://doi.org/10.22363/2312-8631-2025-22-2-233-246>
4. Гудкова Л.В., Салихова К.А. Совершенствование техники чтения на иностранном языке с помощью технологии text-to-speech на основе нейросетей // Вестник Мининского университета. 2024. Т. 12. № 3. С. 2. DOI: 10.26795/2307-1281-2024-12-3-2
5. Лысачев М.Н., Прохоров А.Н. Искусственный интеллект. Анализ, тренды, мировой опыт / под ред. Д.А. Ларионова. Корпоративное издание. Москва; Белгород: Константа-Принт, 2023. 460 с.
6. Павлова Т.Б. Типология инструментов педагога на основе искусственного интеллекта в проблемном поле цифровизации образования // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10. № 10. С. 1648 – 1658.
7. Сафонова В.В. Искусственный интеллект стучится в дверь: в какой степени современная лингводидактика готова с ним эффективно взаимодействовать? // Шатиловские чтения. Научное методическое наследие и перспективы развития иноязычного образования: сборник научных трудов. СПб.: Политех-Пресс, 2023. С. 43 – 49.
8. Сысоев П.В. Дидактические свойства и методические функции нейросетей // Перспективы науки и образования. 2024. № 6 (72). С. 672 – 690. DOI: 10.32744/pse.2024.6.42
9. Сысоев П.В. Принципы обучения иностранному языку на основе технологий искусственного интеллекта // Иностранные языки в школе. 2024. № 3. С. 6 – 17.
10. Thongsan N.C., Anderson N.J. From Passive Answers to Active Inquiry: How AI Supports Critical Reading in EFL Classrooms // LEARN Journal: Language Education and Acquisition Research Network. 2025. Vol. 18. No. 2. P. 795 – 820.

References

1. Babushkina E.A., Bilyk E.M. Lingvodidactic Potential of Artificial Intelligence Technology in Teaching English. The World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 1 – 13.
2. Batorina D.A., Kolesnikova A.S., Tikhonova V.V. Using Neural Networks in the Work of an English Language Teacher at School. Foreign Languages and Modern Trends in Foreign Language Education: Proceedings of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Doctor of Philology, Professor of VSPU Sergei Samuilovich Berkner, Voronezh, April 25, 2024. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 2024. P. 208 – 214.

3. Vlasov R.A. Comparative Analysis of Russian and Foreign Generative Neural Networks for Personalized Learning: The Case of English Language Teaching. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Informatization of Education. 2025. Vol. 22. No. 2. P. 233 – 246. <http://doi.org/10.22363/2312-8631-2025-22-2-233-246>
4. Gudkova L.V., Salikhova K.A. Improving Reading Techniques in a Foreign Language Using Text-to-Speech Technology Based on Neural Networks. Bulletin of Minin University. 2024. Vol. 12. No. 3. P. 2. DOI: 10.26795/2307-1281-2024-12-3-2
5. Lysachev M.N., Prokhorov A.N. Artificial Intelligence. Analysis, Trends, Global Experience. edited by D.A. Larionov. Corporate publication. Moscow; Belgorod: Konstanta-Print, 2023. 460 p.
6. Pavlova T.B. Typology of Teacher Tools Based on Artificial Intelligence in the Problem Field of Digitalization of Education. Pedagogy. Theoretical and Practical Issues. 2025. Vol. 10. No. 10. P. 1648 – 1658.
7. Safonova V.V. Artificial Intelligence is Knocking on the Door: To What Extent is Modern Linguistics Ready to Interact Effectively with It? Shatilov Readings. Scientific Methodological Heritage and Prospects for the Development of Foreign Language Education: A Collection of Scientific Papers. SPb.: Politech-Press, 2023. P. 43 – 49.
8. Sysoev P.V. Didactic Properties and Methodological Functions of Neural Networks. Prospects of Science and Education. 2024. No. 6 (72). P. 672 – 690. DOI: 10.32744/pse.2024.6.42
9. Sysoev P.V. Principles of Teaching a Foreign Language Based on Artificial Intelligence Technologies. Foreign Languages at School. 2024. No. 3. P. 6 – 17.
10. Thongsan N.C., Anderson N.J. From Passive Answers to Active Inquiry: How AI Supports Critical Reading in EFL Classrooms. LEARN Journal: Language Education and Acquisition Research Network. 2025. Vol. 18.No. 2. P. 795 – 820.

Информация об авторах

Акинина П.С., кандидат филологических наук, доцент, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых; Приволжский исследовательский медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, Владимирский филиал, ak-pol@yandex.ru

Шмелева Е.С., преподаватель, Колледж инновационных технологий и предпринимательства Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

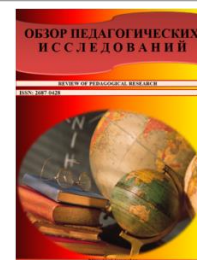
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.5. Теория и методика спорта (педагогические науки)

УДК 796.011.3 : 612.821 : 796.012.1 : 159.9

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-96-103

Гонки дронов (беспилотных воздушных судов) как высокотехнологичный вид спорта: нейрокогнитивные механизмы комплексного развития личности в детско-юношеском возрасте

¹ Андреева А.С.,

¹ президент Федерации гонок дронов (беспилотных воздушных судов)
Ростовской области, инструктор по спорту, главный тренер сборной Ростовской
области по гонкам дронов, Академия пилотов «АтмоС», г. Ростов-на-Дону

Аннотация: цель исследования – разработать концептуальную модель нейрокогнитивного профиля юного спортсмена в гонках дронов (БВС) и обосновать механизмы системного влияния данного вида спорта на развитие личности в детско-юношеском возрасте.

Методология. Проведён нарративный обзор с элементами концептуального синтеза рецензируемых публикаций 2007-2026 гг. (PubMed, Scopus, Web of Science, РИНЦ; итоговый корпус – 36 источников из 89 найденных после применения критериев включения/исключения). Дополнительно – авторское педагогическое наблюдение (47 юных пилотов, 8-17 лет, 2020-2026 гг.) как иллюстративный материал.

Результаты. Обоснована трёхкомпонентная нейрокогнитивная модель (Н КП-3), включающая: (1) развитие проактивного (антиципаторного) зрения и предиктивного кодирования; (2) прогрессивный сдвиг нейронной активации от префронтально-лобных зон к теменно-моторным как биомаркер экспертизации; (3) усиление виуопрограммной рабочей памяти и скорости обработки информации как ведущих предикторов спортивного результата и общей обучаемости. Компоненты связаны петлями положительной обратной связи. Определены четыре педагогических принципа проектирования подготовки: трёхуровневая периодизация, нейрокогнитивный мониторинг, межпредметный трансфер и профессиональная ориентация через спортивную деятельность.

Научная новизна. Впервые предложена модель Н КП-3 для гонок дронов, установлен эффект «принудительного синергетического запуска».

Научная новизна. Впервые предложена интегральная модель Н КП-3 для гонок дронов как вида спорта, признанного в РФ. Установлен эффект «принудительного синергетического запуска» всех трёх компонентов – недостижимый в смежных видах деятельности. Обосновано применение модели для педагогического проектирования с опорой на сенситивные периоды нейропластичности 8-16 лет.

Ключевые слова: гонки дронов (беспилотных воздушных судов), детско-юношеский спорт, нейрокогнитивный профиль, проактивное зрение, нейропластичность, исполнительные функции, виуопрограммная рабочая память, предиктивное кодирование, высокотехнологичный вид спорта, педагогика спорта

Для цитирования: Андреева А.С. Гонки дронов (беспилотных воздушных судов) как высокотехнологичный вид спорта: нейрокогнитивные механизмы комплексного развития личности в детско-юношеском возрасте // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 96 – 103. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-96-103

Поступила в редакцию: 2 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Drone racing (unmanned aerial vehicles) as a high-tech sport: neurocognitive mechanisms of complex personality development in childhood and adolescence

¹ Andreeva A.S.,

¹ *President of the Federation of Drone Racing (Unmanned Aircraft) Rostov Region, sports instructor, head coach of the Rostov Region drone racing team, AtmoS Pilot Academy, Rostov-on-Don*

Abstract: the aim of the study is to develop a conceptual model of the neurocognitive profile of a young athlete in drone racing and to substantiate the mechanisms of the systemic influence of this sport on personality development in childhood and adolescence. Methodology. A narrative review was conducted with elements of a conceptual synthesis of peer – reviewed publications from 2007-2026 (PubMed, Scopus, Web of Science, RSCI; the final corpus consisted of 36 sources out of 89 found after applying the inclusion/exclusion criteria). Additionally, the author's pedagogical supervision (47 young pilots, 8-17 years old, 2020-2026) as an illustrative material. Results. A three-component neurocognitive model (NCP-3) is substantiated, including: (1) the development of proactive (anticipatory) vision and predictive coding; (2) the progressive shift of neural activation from prefrontal-frontal zones to parietal-motor zones as a biomarker of expertise; (3) the strengthening of spatial working memory and information processing speed as leading predictors of athletic performance. results and overall learning ability. The components are connected by positive feedback loops. Four pedagogical principles of training design are defined: three-level periodization, neurocognitive monitoring, interdisciplinary transfer and professional orientation through sports activities.

Scientific novelty. For the first time, the NCP-3 model for drone racing was proposed, and the effect of "forced synergetic launch" was established. Scientific novelty. For the first time, an integrated NCP-3 model has been proposed for drone racing as a recognized sport in the Russian Federation. The effect of "forced synergetic launch" of all three components has been established, which is unattainable in related activities. The application of the model for pedagogical design based on sensitive periods of neuroplasticity of 8-16 years is substantiated.

Keywords: drone racing, unmanned aerial vehicle sport, youth sport development, neurocognitive profile, anticipatory gaze, neuroplasticity, executive functions, visuospatial working memory, predictive coding, high-tech sport, sport pedagogy

For citation: Andreeva A.S. Drone racing (unmanned aerial vehicles) as a high-tech sport: neurocognitive mechanisms of complex personality development in childhood and adolescence. Review of Pedagogical Research. 2026. 8 (6). P. 96 – 103. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-96-103

The article was submitted: April 2, 2026; Approved after reviewing: May 4, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Технологическое развитие XXI века ставит перед системой физического воспитания новый вызов: традиционные виды спорта недостаточно готовят человека к деятельности в среде с приоритетом скорости когнитивной обработки, пространственного мышления и управления высокотехнологичными системами в реальном времени. Гонки дронов (беспилотных воздушных судов) – официально признанный в РФ вид спорта – представляют собой ответ на данный вызов [1; 2]. В соревновательном заезде спортсмен управляет аппаратом в режиме первого лица (FPV) на скоростях 120-200 км/ч, принимая решения в трёхмерном пространстве при латентном периоде зрительно-моторной реакции около 220 мс, что предъявляет качественно иные требования к нейрокогнитивным ресурсам по сравнению с традиционными open-skill-видами спорта.

Несмотря на рост числа юных пилотов в России, системное научное обоснование когнитивных и личностных эффектов данного вида спорта применительно к детско-юношескому возрасту отсутствует. Имеющиеся исследования касаются смежных областей (action-видеоигры [7; 8], авиасимуляторы, open-skill-виды спорта [9; 10]), но специфика гонок дронов как педагогического инструмента целенаправленно не изучалась. Данное противоречие между масштабом практики и отсутствием концептуальной модели обуславливает актуальность исследования и его значимость для педагогики спорта, нейронауки и государственной политики в области детско-юношеского спорта.

Цель исследования – разработать оригинальную интегральную модель нейрокогнитивного профиля юного спортсмена в гонках дронов (беспилотных воздушных судов) и обосновать механизмы системного влияния данного вида спорта на комплексное развитие личности в детско-юношеском возрасте.

1. Проанализировать нейронаучные данные о механизмах визуально-моторной обработки, нейропластических изменениях и развитии исполнительных функций, специфичных для FPV-пилотирования.

2. Разработать и обосновать оригинальную трёхкомпонентную модель нейрокогнитивного профиля спортсмена в гонках дронов (беспилотных воздушных судов) – НКП-3.

3. Выявить механизмы системного взаимодействия компонентов модели и педагогические следствия для проектирования программ подготовки.

Определить направления дальнейших эмпирических

Материалы и методы исследований

Дизайн исследования. Дизайн исследования – нарративный обзор с элементами концептуального синтеза, обоснованный для новой, эмпирически слабо разработанной области. Задача – не агрегирование статистических эффектов, а установление теоретических связей между данными и предложение концептуальной рамки. Систематический обзор с мета-анализом не применялся из-за гетерогенности методологических парадигм и малого числа прямых исследований в области гонок дронов (БВС).

Поиск литературы проводился в январе-марте 2026 г. в базах PubMed, Scopus, Web of Science, РИНЦ. Ключевые слова: drone racing, FPV piloting, anticipatory gaze, visuospatial working memory, executive functions, neuroplasticity, open-skill sports, action video games, youth sport, predictive coding; на русском: «гонки дронов», «беспилотные воздушные суда», «когнитивное развитие», «детско-юношеский спорт».

Отбор источников: из 89 найденных публикаций исключено 53 по критериям (нерецензируемые, тезисы, описательные работы без измеримых показателей, языки кроме русского и английского, до 2007 г.). В итоговый корпус включено 36 источников (28 Scopus/WoS, 4 РИНЦ, 4 документа организаций).

Авторское педагогическое наблюдение (47 воспитанников, 8-17 лет, 2020-2026 гг.) проводилось в условиях тренировочного процесса Академии пилотов «АтмоС» и соревнований. Наблюдение носит качественный характер, используется как иллюстративный материал, а не самостоятельное эмпирическое исследование; ограничения отражены в разделе 4.4.

3.1. Трёхкомпонентная модель НКП-3

Анализ литературы выделяет три взаимосвязанных нейрокогнитивных механизма, при систематических занятиях гонками дронов (БВС) запускающихся одновременно и образующих интегральный нейрокогнитивный профиль спортсмена. Ключевое свойство модели – принудительная активация всех трёх компонентов: скоростные параметры вида спорта делают реактивную стратегию управления физически невозможной, форсируя нейропластические перестройки.

3.2. Компонент I – Проактивное (антиципаторное) зрение

Проактивное зрение – способность мозга направлять взгляд по траектории будущих событий на основе внутренней вероятностной модели, а не реагировать на уже случившееся [4; 14]. Это ключевой ресурс пилота, отличающий эксперта от любителя.

Экспериментальные данные. Исследование ETH Zurich (Pfeiffer, Scaramuzza, 2021) с айтрекингом показало: опытные пилоты фиксируют взором предстоящие ворота за 1,5 с и 16 м до достижения при латентном периоде ~220 мс. Исследование 2026 г. (Frontiers in Psychology, n=54) подтвердило: при выраженном антиципаторном поведении число корректирующих саккад и когнитивная нагрузка значимо ниже. Антиципаторное зрение ускоряет реакцию и экономит когнитивные ресурсы, освобождая рабочую память.

Нейробиологический механизм. Реализуется через предиктивное кодирование – генерацию и уточнение корой вероятностных моделей сенсорного входа. В гонках дронов механизм форсируется тремя факторами: высокая скорость (реактивный ответ невозможен), немедленная обратная связь (столкновение) и тысячи повторений в симуляторе.

Эффект переноса. Навык антиципаторного зрения переносится на вождение, командные виды спорта и иную динамическую деятельность. Отмечена связь проактивной фиксации взора с гиппокампальной эпизодической памятью: паттерны антиципаторного взгляда отражают активацию цепей эпизодического предвосхищения и предсказывают успешность воспроизведения.

Авторское наблюдение. Юные пилоты после 80-120 часов симуляторной практики демонстрируют скачок в скорости прохождения трассы и быстроте реакции на тренировках по ОФП – косвенное свидетельство межсистемного переноса навыка.

3.3. Компонент II – Теменная доминанта как маркер мастерства

Нейровизуализация и ЭЭГ фиксируют: по мере формирования двигательного мастерства нейронная активация смещается из префронтальной коры (ПФК) в теменно-моторные зоны [5; 6] – нейробиологический маркер перехода от новичка к эксперту. ПФК обеспечивает медленный, энергоёмкий сознательный контроль, тогда как теменные зоны хранят автоматизированные пространственно-моторные программы.

Данные fNIRS: в начале обучения доминирует активность левого дорсолатерального ПФК, по завершении – правые теменные зоны; лучшие обучающиеся переходили к теменной активации быстрее. ЭЭГ пилотов: у новичков – фронтальная θ -активность (сознательный контроль), у опытных – теменная α -мощность (автоматизация). В условиях соревновательного стресса возможен временный возврат фронтальной активации как адаптивный механизм, что указывает на динамический характер теменной доминанты.

В гонках дронов данный переход принудителен: на скорости >120 км/ч сознательный лобный контроль невозможен. Мозг вынужден автоматизировать паттерны, иначе пилот сходит с трассы. Педагогически это означает перестройку нейронной архитектуры: рутинные программы «переезжают» в теменные зоны, освобождая ПФК для стратегических решений [5; 18].

Системные следствия теменной автоматизации: стрессоустойчивость, многозадачность без перегрузки, ускорение моторного реагирования, ускоренное освоение смежных навыков.

Переход к антиципаторному пилотированию описывается юными спортсменами как «трасса начала замедляться» – поведенческое проявление теменной автоматизации. После 80+ часов симуляторной подготовки реже наблюдаются «провалы концентрации», что согласуется со снижением PFC-нагрузки.

3.4. Компонент III – ВСПМ и скорость обработки информации

Виуопространственная рабочая память (ВСПМ) – способность удерживать и манипулировать 3D-образами. В гонках дронов ВСПМ выполняет функцию «оперативного штаба»: пилот удерживает 3D-модель трассы, отслеживает позицию аппарата, прогнозирует положение на 1-2 с и корректирует стратегию.

Исследование Ramallo-Luna et al. (2025, $n=67$) установило: ВСПМ и скорость обработки – ведущие предикторы успешности новых пилотов (методика WinSCAT). Участники с высокими показателями достигали результатов экспертов с первых попыток. Успех обусловлен не только тренированностью, но и нейрокогнитивными ресурсами, поддающимися измерению и развитию.

Регулярные занятия создают высокий запрос на ВСПМ и скорость обработки. Мета-анализ (Edwards, Wadley, 2007) подтвердил: тренировка скорости обработки сохраняет эффект минимум два года и улучшает реальное функционирование. В возрасте 8–16 лет ВСПМ наиболее восприимчива.

Развитая ВСПМ улучшает навигацию, чтение чертежей, решение задач по математике, физике, геометрии, инженерное мышление – связь с академической успешностью в STEM-дисциплинах [7; 8].

Юные спортсмены с лучшими соревновательными результатами успешнее справляются с конструктивно-пространственными задачами при сборке аппаратов – косвенный индикатор развитой ВСПМ.

Результаты и обсуждения

4.1. Системная логика модели НКП-3

Три компонента модели образуют систему с положительной обратной связью. Развитое антиципаторное зрение (I) снижает когнитивную нагрузку при пилотировании за счёт сокращения числа корректирующих саккад, ускоряя формирование теменной автоматизации (II). Теменная автоматизация (II) высвобождает ресурсы рабочей памяти (III), которые, в свою очередь, поддерживают более сложное предиктивное моделирование (I) – круг замыкается. Суммарный нейропластический эффект синергии трёх компонентов превышает сумму их изолированных эффектов.

Совокупность трёх механизмов обеспечивает развитие исполнительных функций в полном составе – рабочей памяти, когнитивной гибкости и тормозного контроля, – доказанно предсказывающих академическую успешность и социальную адаптацию [9; 10].

Таблица 1

Интегральная модель НКП-3: компоненты, механизмы и эффекты переноса.

Table 1

Integral model of the NKP-3: components, mechanisms, and transfer effects.

Компонент	Нейронный субстрат	Механизм в гонках дронов (БВС)	Трансфер в жизнедеятельность	Ключевые источники
I. Проактивное зрение	Предиктивное кодирование, гиппокамп	Фиксация ворот за 1,5 с / 16 м до прохождения	Качество решений в динамике; эпизодическая память	[4; 13; 14]
II. Теменная доминанта	Теменно-моторные сети; снижение PFC-нагрузки	Автоматизация управления при 120+ км/ч	Многозадачность; стрессоустойчивость	[5; 6; 18; 19]
III. ВСПМ + скорость	Дорсальный поток, теменная кора	Удержание 3D-трассы; прогноз позиции аппарата	STEM-компетенции; академическая обучаемость	[15; 16; 20]
Системный эффект	Исполнительные функции (ИФ)	Синергия I–II–III под принудительной нагрузкой	Академическая успешность; социальная адаптация	[9; 10]

4.2. Уникальность гонок дронов (беспилотных воздушных судов): сравнительный анализ

Принципиальный тезис настоящей работы: ни один из смежных видов деятельности не создаёт одновременного принудительного запуска всех трёх компонентов НКП-3. Термин «принудительно» означает, что альтернативная стратегия (реактивная, с сознательным контролем) физически исключена скоростными параметрами вида спорта.

Таблица 2

Сравнительный нейрокогнитивный профиль смежных видов деятельности.

Table 2

Comparative neurocognitive profile of related activities.

Вид деятельности	Компонент I	Компонент II	Компонент III	Реальная цена ошибки	Инженерная составляющая	Ключевые источники
Гонки дронов (БВС)	✓ принудит.	✓ принудит.	✓ принудит.	✓ авария	✓ сборка, настройка	[4; 5; 15]
Авиасимулятор	✓	Частично	✓	Нет	Частично	[2]
Киберспорт (action)	Частично	✓	✓	Нет	Нет	[7; 8]
Open-skill-виды спорта	✓	✓	Частично	✓	Нет	[9; 10; 12]
Авиамоделирование (без FPV)	Нет	Частично	Частично	✓	✓	[16]

Дополнительно гонки дронов включают инженерную составляющую (сборка, настройка, анализ логов), формируя технологическое мышление и раннюю профориентацию в сфере БАС.

4.3. Педагогические принципы подготовки

Сенситивный период нейропластичности для пространственно-моторных навыков и исполнительных функций – 8-16 лет. Из модели НКП-3 вытекают четыре принципа.

Принцип 1. Трёхуровневая периодизация: симуляторный уровень (автоматизация паттернов, Компонент II) → технический (сборка, настройка) → соревновательный (Компоненты I и III в условиях стресса).

Принцип 2. Нейрокогнитивный мониторинг: тестирование ВСПМ и скорости обработки на этапе отбора и в динамике для прогнозирования потенциала и индивидуализации подготовки.

Принцип 3. Межпредметный трансфер: интеграция с математикой, физикой, информатикой – развитие в спорте ВСПМ и скорость обработки усиливают академическую успешность в STEM, а технические знания об аэродинамике и электронике создают мотивированный контекст [7; 8; 21].

Принцип 4. Профессиональная ориентация через спорт: взаимодействие с профессиональными БПЛА, соревнования и технические компетенции формируют осознанную идентичность в сфере беспилотных авиационных систем — стратегическом направлении развития РФ [3; 22].

4.4. Ограничения исследования

Работа имеет следующие ограничения: (1) отсутствие рандомизированных контролируемых испытаний на детях и подростках – участниках гонок дронов; (2) нарративный дизайн, не позволяющий мета-аналитические расчёты величин эффектов; (3) авторское педагогическое наблюдение выполнено без стандартизированного протокола и контрольной группы, привлекается только как иллюстративный материал. Указанные ограничения задают повестку последующих эмпирических исследований.

Выводы

1. Разработана модель НКП-3: проактивное зрение, теменная доминанта, ВСПМ + скорость обработки.
2. Установлена системная природа: петли положительной обратной связи, синергетический эффект.
3. Обоснован эффект «принудительного синергетического запуска», недостижимый в смежных видах.
4. Определены четыре педагогических принципа.
5. Обоснован возраст 8–16 лет как оптимальный.
6. Определены приоритеты эмпирических исследований: когортные исследования с нейровизуализацией (ЭЭГ, фМРТ) на юных пилотах в РФ с контрольной группой и лонгитюдным дизайном.

Список источников

1. Зубов Д.А., Новосёлов М.А., Шаров Г.Д. Исторические аспекты становления и перспективы развития гонок дронов в Российской Федерации // *Номо Cyberus*. 2025. № 1-2. С. 15 – 24.
2. Зиминский Д.А., Макарова Н.В., Мелихова Т.М. Гонки дронов – спорт нового поколения // *Научно-спортивный журнал*. 2024. Т. 2. № 2. С. 7 – 15.
3. Дубров А.А. Педагогическая модель внедрения гонок дронов в студенческий спорт // *Теория и практика физической культуры*. 2024. № 5. С. 42 – 46.
4. Pfeiffer C., Scaramuzza D. Human-piloted drone racing: visual processing and control // *IEEE Robotics and Automation Letters*. 2021. Vol. 6. № 2. P. 3467 – 3474. DOI: 10.1109/LRA.2021.3064287
5. Dayan E., Cohen L.G. Neuroplasticity subserving motor skill learning // *Neuron*. 2011. Vol. 72. № 3. P. 443 – 454. DOI: 10.1016/j.neuron.2011.10.008
6. Biometrically measured affect for screen-based drone pilot skill assessment // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2022. Vol. 16. Article 900405. DOI: 10.3389/fnhum.2022.900405
7. Mukherjee P., et al. Action video gaming enhances brain structure: increased cortical thickness and white matter integrity // *Neuropsychologia*. 2025. Vol. 192. P. 108 – 120. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2025.108770
8. Bavelier D., Green C.S., Pouget A., Schrater P. Brain cells for exploring // *Annual Review of Neuroscience*. 2012. Vol. 35. P. 391 – 416. DOI: 10.1146/annurev-neuro-062111-150330
9. Center on the Developing Child at Harvard University. Building the Brain's "Air Traffic Control" System: How Early Experiences Shape the Development of Executive Function. Working Paper № 11. Cambridge, MA: Harvard University, 2024.
10. De Waelle S., et al. Children involved in team sports show superior executive functions compared to non-sporting peers // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Article 638962. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.638962
11. Hindy N.C., et al. Anticipatory gaze and episodic memory: predictive fixations reflect memory-guided future simulation // *Neuropsychologia*. 2022. Vol. 165. Article 108115. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2021.108115
12. Abernethy B., Zawi K. Pickup of essential kinematics underpins expert perception of movement patterns // *Journal of Motor Behavior*. 2007. Vol. 39. № 5. P. 353 – 367. DOI: 10.3200/JMBR.39.5.353-368
13. Clark A. Whatever next? Predictive brains, situated agents, and the future of cognitive science // *Behavioral and Brain Sciences*. 2013. Vol. 36. № 3. P. 181 – 204. DOI: 10.1017/S0140525X12000477
14. Anticipatory gaze, cognitive load and corrective saccades in drone piloting // *Frontiers in Psychology*. 2026. Vol. 17. Article 1625415. DOI: 10.3389/fpsyg.2026.1625415
15. Ramallo-Luna A., et al. Neurocognitive factors of new drone pilots: identifying performance predictors // *Computers in Human Behavior Reports*. 2025. Vol. 12. Article 100372. DOI: 10.1016/j.chbr.2025.100372
16. Logie R.H. Visuospatial Working Memory. Hove: Erlbaum, 1995. 204 p.
17. Miller E.K., Cohen J.D. An integrative theory of prefrontal cortex function // *Annual Review of Neuroscience*. 2001. Vol. 24. P. 167 – 202. DOI: 10.1146/annurev.neuro.24.1.167
18. Andersen R.A., Cui H. Intention, action planning, and decision making in parietal-frontal circuits // *Neuron*. 2009. Vol. 63. № 5. P. 568 – 583. DOI: 10.1016/j.neuron.2009.08.028

19. Dalilian A., Nembhard M. Neural correlates of skill acquisition in surgical trainees: an fNIRS study // *Surgery*. 2024. Vol. 175. № 3. P. 742 – 750. DOI: 10.1016/j.surg.2024.109145
20. Edwards J.D., Wadley V.G., Vance D.E., et al. The impact of speed of processing training on cognitive and everyday performance // *Aging & Mental Health*. 2005. Vol. 9. № 3. P. 262 – 271. DOI: 10.1080/13607860412331336788
21. Lenroot R.K., Giedd J.N. Brain development in children and adolescents: insights from anatomical MRI // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2006. Vol. 30. № 6. P. 718 – 729. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2006.06.001
22. Potdar R., et al. The transferability of video gaming experience to drone piloting performance // *Human Factors*. 2024. Vol. 66. № 2. P. 441 – 455. DOI: 10.1177/00187208241301

References

1. Zubov D.A., Novoselov M.A., Sharov G.D. Historical aspects of the formation and prospects for the development of drone racing in the Russian Federation. *Homo Cyberus*. 2025. No. 1-2. P. 15 – 24.
2. Ziminsky D.A., Makarova N.V., Melikhova T.M. Drone racing – a new generation sport. *Science and Sports Journal*. 2024. Vol. 2. No. 2. P. 7 – 15.
3. Dubrov A.A. Pedagogical model for introducing drone racing into student sports. *Theory and Practice of Physical Education*. 2024. No. 5. P. 42 – 46.
4. Pfeiffer C., Scaramuzza D. Human-piloted drone racing: visual processing and control. *IEEE Robotics and Automation Letters*. 2021. Vol. 6. No. 2. P. 3467 – 3474. DOI: 10.1109/LRA.2021.3064287
5. Dayan E., Cohen L.G. Neuroplasticity subserving motor skill learning. *Neuron*. 2011. Vol. 72. No. 3. P. 443 – 454. DOI: 10.1016/j.neuron.2011.10.008 St. 201
6. Biometrically measured affect for screen-based drone pilot skill assessment. *Frontiers in Human Neuroscience*. 2022. Vol. 16. Article 900405. DOI: 10.3389/fnhum.2022.900405
7. Mukherjee P., et al. Action video gaming enhances brain structure: increased cortical thickness and white matter integrity. *Neuropsychologia*. 2025. Vol. 192. P. 108 – 120. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2025.108770
8. Bavelier D., Green C.S., Pouget A., Schrater P. Brain cells for exploring. *Annual Review of Neuroscience*. 2012. Vol. 35. P. 391 – 416. DOI: 10.1146/annurev-neuro-062111-150330
9. Center on the Developing Child at Harvard University. Building the Brain's "Air Traffic Control" System: How Early Experiences Shape the Development of Executive Function. Working Paper No. 11. Cambridge, MA: Harvard University, 2024.
10. De Waelle S., et al. Children involved in team sports show superior executive functions compared to non-sporting peers. *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Article 638962. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.638962
11. Hindy N.C., et al. Anticipatory gaze and episodic memory: predictive fixations reflect memory-guided future simulation. *Neuropsychologia*. 2022. Vol. 165. Article 108115. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2021.108115
12. Abernethy B., Zawi K. Pickup of essential kinematics underpins expert perception of movement patterns. *Journal of Motor Behavior*. 2007. Vol. 39. No. 5. P. 353 – 367. DOI: 10.3200/JMBR.39.5.353-368
13. Clark A. Whatever next? Predictive brains, situational agents, and the future of cognitive science. *Behavioral and Brain Sciences*. 2013. Vol. 36. No. 3. P. 181 – 204. DOI: 10.1017/S0140525X12000477
14. Anticipatory gaze, cognitive load and corrective saccades in drone piloting. *Frontiers in Psychology*. 2026. Vol. 17. Article 1625415. DOI: 10.3389/fpsyg.2026.1625415
15. Ramallo-Luna A., et al. Neurocognitive factors of new drone pilots: identifying performance predictors. *Computers in Human Behavior Reports*. 2025. Vol. 12. Article 100372. DOI: 10.1016/j.chbr.2025.100372
16. Logie R.H. *Visuospatial Working Memory*. Hove: Erlbaum, 1995. 204 p.
17. Miller E.K., Cohen J.D. An integrative theory of prefrontal cortex function. *Annual Review of Neuroscience*. 2001. Vol. 24. P. 167 – 202. DOI: 10.1146/annurev.neuro.24.1.167
18. Andersen R.A., Cui H. Intention, action planning, and decision making in parietal-frontal circuits. *Neuron*. 2009. Vol. 63. No. 5. P. 568 – 583. DOI: 10.1016/j.neuron.2009.08.028
19. Dalilian A., Nembhard M. Neural correlates of skill acquisition in surgical trainees: an fNIRS study. *Surgery*. 2024. Vol. 175. No. 3. P. 742 – 750. DOI: 10.1016/j.surg.2024.109145
20. Edwards J.D., Wadley V.G., Vance D.E., et al. The impact of speed of processing training on cognitive and everyday performance. *Aging & Mental Health*. 2005. Vol. 9. No. 3. P. 262 – 271. DOI: 10.1080/13607860412331336788

21. Lenroot R.K., Giedd J.N. Brain development in children and adolescents: insights from anatomical MRI. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2006. Vol. 30. No. 6. P. 718 – 729. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2006.06.001

22. Potdar R., et al. The transferability of video gaming experience to drone piloting performance. *Human Factors*. 2024. Vol. 66. No. 2. P. 441 – 455. DOI: 10.1177/00187208241301

Информация об авторе

Андреева А.С., президент Федерации гонок дронов (беспилотных воздушных судов) Ростовской области, инструктор по спорту, главный тренер сборной Ростовской области по гонкам дронов, Академия пилотов «АтмоС», г. Ростов-на-Дону, Россия, info61@fgdr.ru

© Андреева А.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

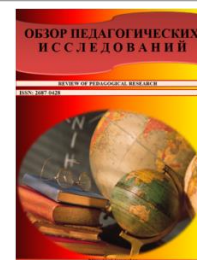
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.4. Физическая культура и профессиональная физическая подготовка (педагогические науки)

УДК 7944.1

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-104-109

Обучение через игру: дидактические возможности шахмат в дошкольном возрасте

¹ Горлова Ю.И., ¹ Кульпин Д.А., ¹ Фролова Т.А., ¹ Никитина И.В.,
¹ Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

Аннотация: статья посвящена анализу дидактического потенциала шахмат в дошкольном возрасте в логике игрового обучения. Актуальность исследования определяется расширением практики включения шахмат в образовательный процесс дошкольных организаций при сохраняющейся недостаточной разработанности педагогических условий, обеспечивающих их результативное освоение детьми 4-6 лет. Цель исследования заключалась в теоретическом обосновании понимания шахмат как формы игровой дидактики и в выявлении организационно-методических условий, при которых шахматное содержание приобретает обучающий и развивающий эффект в дошкольной группе. Эмпирическую основу составили материалы полуструктурированных интервью с 12 педагогами дошкольных групп шести детских садов города Орла, а также данные, характеризующие организацию обучения шахматам детей 4-6 лет в 2025–2026 учебном году. В анализ включались представления педагогов о возрасте начала занятий, оптимальной продолжительности урока, соотношении теоретической и практической частей, а также результаты выполнения детьми учебных заданий. Установлено, что результативность шахматного обучения определяется соответствием содержания возрастным возможностям детей и педагогической организацией занятия, для которой характерны краткий ритмичный формат, преобладание практических действий над словесным объяснением, а также использование игровых и наглядных средств. Показано, что наибольшую доступность для дошкольников имеют задания, основанные на предметном действии и зрительно очевидном способе решения, тогда как более высокий уровень трудностей связан с усвоением стартовой расстановки фигур, словаря шахматной доски и сложных вариантов хода. Сделан вывод о том, что в дошкольном образовании шахматы следует рассматривать как форму игровой дидактики, педагогическая ценность которой определяется качеством методической организации занятия.

Ключевые слова: дошкольное образование, обучение, игровая дидактика, шахматы, дети дошкольного возраста, педагогические условия, методика обучения, образовательный процесс

Для цитирования: Горлова Ю.И., Кульпин Д.А., Фролова Т.А., Никитина И.В. Обучение через игру: дидактические возможности шахмат в дошкольном возрасте // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 104 – 109. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-104-109

Поступила в редакцию: 2 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Learning through play: the didactic potential of chess in preschool education

¹ Gorlova Yu.I., ¹ Kulpin D.A., ¹ Frolova T.A., ¹ Nikitina I.V.,
¹ Orel State University named after I.S. Turgenev

Abstract: this article is devoted to the analysis of the didactic potential of chess in preschool age within the logic of play-based learning. The relevance of the study is determined by the expanding practice of introducing chess into the educational process of preschool institutions amid the still insufficient elaboration of the pedagogical conditions that ensure its effective mastery by children aged 4-6. The purpose of the study was to provide a theoretical substantiation of chess as a form of play-based didactics and to identify the organizational and methodological conditions under which chess content acquires instructional and developmental value in a preschool group. The empirical basis consisted of materials from semi-structured interviews with 12 teachers of preschool groups from six kindergartens in the city of Orel, as well as data characterizing the organization of chess instruction for children aged 4-6 in the 2025-2026 academic year. The analysis included teachers' views on the age at which instruction should begin, the optimal lesson duration, the ratio of theoretical and practical components, and the results of children's performance on learning tasks. It was found that the effectiveness of chess instruction is determined by the age appropriateness of the content, a short and rhythmically organized lesson format, the priority of practical actions over verbal explanation, and reliance on plot, visual support, and play motivation. It is shown that the most accessible tasks for preschool children are those based on object-related action and a visually transparent mode of solution, whereas a higher level of difficulty is associated with mastering the initial arrangement of the pieces, the vocabulary of the chessboard, and more complex move patterns. It is concluded that in preschool education chess should be regarded as a form of play-based didactics whose pedagogical value is determined by the quality of methodological organization of the lesson.

Keywords: preschool education, learning through play, play-based didactics, chess, preschool children, pedagogical conditions, teaching methodology, educational process

For citation: Gorlova Yu.I., Kulpin D.A., Frolova T.A., Nikitina I.V. *Learning through play: the didactic potential of chess in preschool education. Review of Pedagogical Research.* 2026. 8 (6). P. 104 – 109. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-104-109

The article was submitted: April 2, 2026; Approved after reviewing: May 4, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

В дошкольном образовании интеграция игры и познания сохраняет высокую теоретическую и практическую значимость. В раннем возрасте усвоение содержания связано с действием, образной опорой, сюжетной организацией опыта и эмоционально насыщенным взаимодействием. В связи с этим особую исследовательскую значимость приобретают образовательные практики, в которых когнитивная активность включена в игровую форму. Шахматы вызывают исследовательский интерес, поскольку сочетают свойства формализованной знаково-символической системы с характеристиками игрового пространства, ориентированного на выбор, пробу вариантов и осмысление последствий принятого решения [3, 5, 11].

В международной литературе шахматная деятельность рассматривается в связи с развитием внимания, произвольной регуляции, планирования, удержания цели и учебной мотивации. Вместе с тем основная часть эмпирических и теоретических публикаций относится к школьному возрасту, тогда как дошкольный период изучен менее последовательно. По этой причине исследовательская перспектива смещается с общей оценки развивающего ресурса шахмат на анализ педагогических условий их включения в образовательный процесс детей 5-6 лет [8, 9, 10].

Возрастная специфика дошкольного периода задает особые требования к организации содержания. Освоение правила в группе 5-6 лет связано с наглядностью, повтором, ритмом, сюжетной мотивацией и совместным действием со взрослым [2]. Следовательно, шахматы в дошкольной среде требуют рассмотрения в логике игровой дидактики, а их образовательная ценность определяется качеством педагогической переработки содержания, а не формальным присутствием шахматной тематики в программе.

Российская практика подтверждает рост интереса к шахматам как к компоненту дошкольного образования [2, 6, 7]. Одновременно сохраняется выраженный методический разрыв между признанием их образовательной значимости и степенью разработанности моделей преподавания, соответствующих возрастным возможностям детей. В профессиональном поле широко представлены сведения о фигурах, ходах и прави-

лах, тогда как проектирование занятий для дошкольников часто опирается на эмпирически сложившиеся решения.

Материалы, отражающие опыт педагогов дошкольных групп, показывают, что преподавание шахмат строится вокруг сказочных сюжетов, загадок, визуальной поддержки, мультимедийных ресурсов, игровых заданий и поэтапного введения фигур [1, 4, 6]. Анализ публикаций и педагогического опыта указывает на зависимость образовательного эффекта от способа организации содержания: развивающий потенциал шахмат раскрывается в тех случаях, когда они включаются в игровую среду как специально организованное педагогическое пространство.

Научная проблема связана с недостаточной теоретической разработанностью шахмат как средства игрового обучения в дошкольном образовании. Цель исследования – обосновать понимание шахмат в дошкольном возрасте как формы игровой дидактики и выявить педагогические условия, обеспечивающие результативность их использования в образовательном процессе.

Теоретическая значимость исследования связана с развитием представлений о механизмах включения знаково-символического содержания в игровую деятельность дошкольника. Полученные положения расширяют научные представления о дидактическом потенциале шахмат, конкретизируют возрастные основания их освоения и дополняют теорию дошкольного образования в части соотношения правила, образа, действия и педагогического сопровождения.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных результатов при проектировании занятий по шахматам в дошкольных образовательных организациях, при разработке методических рекомендаций для педагогов, а также в программах повышения квалификации. Выделенные педагогические условия могут служить ориентиром при отборе содержания, определении продолжительности занятия, построении игровой структуры урока и выборе наглядно-дидактических средств.

Материалы и методы исследований

Исследование посвящено выявлению педагогических закономерностей обучения шахматам в дошкольном возрасте. Эмпирическую базу составили материалы полуструктурированных интервью с 12 педагогами дошкольных групп шести дошкольных образовательных организаций города Орла, а также данные, отражающие организацию обучения шахматам детей 4-6 лет в 2025-2026 учебном году. В исследовании приняли участие 48 воспитанников. Занятия проводились два раза в неделю, продолжительность одного занятия составляла 20 минут.

Формирование выборки педагогов осуществлялось по двум критериям: наличие практического опыта преподавания шахмат детям дошкольного возраста и профессиональная подготовленность к ведению данной работы. В состав выборки входили специалисты, реализующие занятия с использованием шахматного содержания в образовательном процессе дошкольной организации. Логика отбора обеспечила обращение к профессиональному опыту педагогов, имеющих устойчивую практику работы с детьми 4–6 лет.

В качестве основного метода сбора качественных данных использовалось полуструктурированное интервью. Его содержание включало три тематических блока: уровень профессиональной подготовки педагогов, способы организации шахматных занятий, оценку результативности обучения. Дополнительное внимание уделялось представлениям педагогов о возрастной готовности детей к освоению шахмат, оптимальной продолжительности занятия, соотношении теоретической и практической частей, а также запросу на дальнейшее методическое сопровождение.

Аналитическая обработка интервью строилась на основе тематического анализа. На первом этапе выделялись повторяющиеся смысловые единицы, связанные с целями обучения, структурой занятия, применяемыми методическими средствами, характером учебных затруднений и оценкой достигнутых результатов. На втором этапе полученные единицы объединялись в укрупненные аналитические категории, позволяющие выявить устойчивые педагогические основания организации шахматного обучения в дошкольной группе.

Количественный блок исследования включал показатели, отражающие мнения педагогов о возрасте начала занятий, предпочтительной продолжительности урока и соотношении теоретической и практической частей, а также результаты выполнения детьми учебных заданий. В качестве учебных индикаторов усвоения шахматного содержания использовались задания на определение «силы фигур» и решение позиций типа «мат в один ход». Игровые задания рассматривались как средство дидактической оценки уровня освоения базовых элементов шахматного материала.

Процедура интерпретации строилась на сопоставлении качественных и количественных данных. Материалы интервью позволяли раскрыть профессиональную логику отбора содержания и методов, а результаты выполнения заданий – соотнести педагогические решения с характером усвоения учебного материала детьми 4-6 лет. Подобное сочетание обеспечило рассмотрение проблемы на двух уровнях: через профессиональный опыт педагогов и через учебные достижения воспитанников.

Описательная обработка количественных показателей использовалась для выявления связи между параметрами организации занятия и результативностью освоения шахматного содержания. При формулировании выводов учитывались границы выборки и локальный характер эмпирической базы, вследствие чего интерпретация результатов соотносилась прежде всего с изученной группой участников.

Результаты и обсуждения

По материалам интервью первая группа результатов относится к возрасту начала шахматного обучения. Половина педагогов назвала педагогически оправданным включение шахмат в образовательный процесс с пяти лет. Четверть респондентов связывала более ранний старт групповых занятий с трудностями усидчивости и произвольного контроля. Еще четверть допускала приобщение к шахматам в 2-3 года при индивидуальном формате работы. Распределение мнений педагогов указывает на вариативность профессиональных оценок, однако доминирующая линия просматривается отчетливо: групповое освоение шахмат приобретает большую устойчивость в период, когда ребенок уже удерживает правило, соотносит образ с предметным действием и принимает ограничения игровой ситуации.

Суждения педагогов о продолжительности занятия образуют второй блок результатов. У 80% респондентов предпочтение получил 20-минутный формат. Отдельные участники интервью допускали 45-минутный урок при включении двигательных пауз и игровых переключений. В содержательном плане преобладала ориентация на короткий и внутренне насыщенный цикл работы. Позиция педагогов отражает профессиональное понимание возрастной динамики внимания: в дошкольной группе продуктивность поддерживается при компактной структуре занятия и высокой плотности учебно-игровых действий.

В интервью отчетливо прослеживается еще одна содержательная линия, связанная с соотношением практической и теоретической частей занятия. Все педагоги указали на приоритет практической работы. В их описаниях ведущая роль отводилась игровым заданиям, наглядным упражнениям, мультимедийным материалам, предметным действиям с доской и фигурами, а также задачам, включенным в сюжет. При игровой организации занятия правило осваивается ребенком в действии, в пробе и последующей коррекции хода, тогда как словесное объяснение сохраняет вспомогательное значение. Логика игровой дидактики связывает усвоение содержания с последовательностью педагогически организованных игровых ситуаций.

Отдельную аналитическую линию формирует спектр методических средств, упомянутых педагогами. В интервью регулярно фигурировали загадки, стихи, шахматные сказки, логические задачи, мультфильмы, игровые эпизоды, нестандартные упражнения и демонстрационные доски. Сходство выбора у педагогов с различным профессиональным опытом позволяет говорить об устойчивой методической тенденции. Введение шахматного материала через образ, сюжет и игровое действие повышает доступность содержания для дошкольной группы и усиливает включенность детей в ход занятия.

Наблюдение за детьми раскрыло иную сторону исследуемой проблемы – характер усвоения конкретных элементов шахматного содержания. Большинство воспитанников сравнительно быстро осваивало названия фигур, тогда как обозначения «ферзь» и «ладья» нередко переосмыслились через бытовые аналоги – «королева», «башня», «замок». Существенные затруднения сопровождали расстановку фигур: закрепление стартовой позиции потребовало около шести занятий. Наименьшую устойчивость показал словарь, связанный с линиями шахматной доски. В освоении способов хода быстрее воспринимались ладья, слон, король и пешка, тогда как ферзь и конь вызвали большие затруднения. Структура зафиксированных затруднений указывает на связь успешности усвоения с уровнем наглядной очевидности движения: прямолинейные траектории оказываются доступнее, чем комбинированные варианты перемещения.

Результаты выполнения учебных заданий уточнили представления о содержательной доступности материала первого года обучения. По оценкам 60% педагогов, в программу допустимо включать задания на определение силы фигур и простейшие позиции с матом в один ход. Материалы тестирования показали совпадающее распределение достижений в обоих типах заданий: 20% детей продемонстрировали удовлетворительный уровень, 60% – хороший, 20% – отличный. При интерпретации указанных результатов выявилось содержательное различие между двумя видами задач. Определение силы фигур опиралось на локальное действие и потому осваивалось увереннее, тогда как позиции с матом в один ход требовали одновременного удержания собственных возможностей и вероятных ответных действий партнера.

Педагогические наблюдения за динамикой занятия дополнили картину детских результатов. После двигательных пауз возвращение к шахматному материалу нередко сопровождалось снижением концентрации и замедлением включения в последующий этап работы. Указанное обстоятельство придает особую значимость композиции урока: двигательные эпизоды целесообразно смещать к финальной части, сохраняя центральный фрагмент занятия для наиболее содержательно насыщенных игровых и учебных действий.

Соотнесение материалов интервью с педагогами и результатов детской деятельности позволило выделить ряд педагогических положений. К числу ведущих условий продуктивного шахматного обучения в дошкольной группе относятся возрастное соответствие содержания, краткая продолжительность занятия, приоритет практического компонента и опора на наглядно-игровые средства. В исследовательском поле шахматы раскрываются как форма организованного игрового мышления, входящая в образовательный процесс через образ, правило, действие и сюжет.

Выводы

Проведённое исследование уточняет место шахмат в системе дошкольного образования и позволяет рассматривать их как форму игровой дидактики, в которой освоение содержания строится через соотнесение образа, правила, действия и сюжета. Вследствие этого аналитический акцент переносится с раннего усвоения элементов спортивной дисциплины на педагогическую организацию материала, согласованную с возрастными возможностями ребёнка.

Эмпирические данные позволили выделить совокупность условий, связанных с более результативным освоением материала: возрастную адекватность содержания, краткий ритмизованный формат занятия, доминирование практического компонента над вербально-объяснительной частью, систематическую опору на наглядно-игровые средства. В профессиональных оценках педагогов наиболее обоснованным возрастом начала групповых занятий выступает пятилетний возраст, тогда как более раннее приобщение к шахматам требует индивидуализированного сопровождения и более гибкой организации взаимодействия.

Полученные материалы конкретизировали и внутреннюю структуру трудностей первого года обучения. Наибольшую доступность обнаружили задания, основанные на зрительно очевидной траектории хода и локально заданной учебной задаче, тогда как более высокий уровень сложности сопровождал усвоение стартовой расстановки фигур, словаря шахматной доски, а также ходов ферзя и коня. Преобладание 20-минутного формата в ответах педагогов дополнительно указывает на продуктивность короткого, ритмически организованного и содержательно насыщенного цикла работы.

Результаты исследования могут быть использованы при проектировании занятий для детей 4–6 лет, отборе содержания первого года обучения и методической подготовке педагогов дошкольных образовательных организаций.

Список источников

1. Ашугян А.А., Литвинова Е.В. Обучение игре «Шахматы» старших дошкольников // Векторы образования: от традиций к инновациям: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Анапа, 2020. С. 60 – 61.
2. Веснина О.Н. Развитие интеллектуальных способностей дошкольников посредством обучения игре в шахматы // Воспитатель дошкольного образовательного учреждения. 2022. № 9. С. 63 – 67.
3. Жукова О.В. Развитие когнитивных функций дошкольников посредством обучения игре в шахматы // Наука сегодня: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей II Международной научно-практической конференции. Пенза, 2024. С. 105 – 107.
4. Лукоянова И.В., Косарева Н.Ю., Смирнова Т.В. Обучение дошкольников игре в шахматы // Воспитатель дошкольного образовательного учреждения. 2021. № 5. С. 64 – 69.
5. Столярова Г.Л. Развитие детской одаренности и интеллектуальных способностей дошкольников в процессе обучения игре в шахматы // Академическая публицистика. 2020. № 6. С. 323 – 332.
6. Тараканова В.С. Обучение дошкольников игре в шахматы средствами театрализованной деятельности // Лучшая исследовательская работа – 2024: сборник статей XIII Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза, 2024. С. 85 – 87.
7. Швецова М.Ю. Инновационные подходы к повышению интереса дошкольников к занятиям шахматами // Перспективные направления в области физической культуры, спорта и туризма: материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. Нижневартовск, 2024. С. 68 – 73.
8. Darga H. Evaluation of preschool teachers' chess learning and teaching experiences // Cypriot Journal of Educational Sciences. 2023. Vol. 18. No. 4. P. 682 – 700. DOI: 10.18844/cjes.v18i4.9093

9. Dlamini N.P. Chess as a Tool to Enhance Learning in Early Childhood Education in South African Rural Primary Schools. Indonesian Journal of Early Childhood Education Studies. 2025. Vol. 14, No. 2. P. 91 – 102. DOI: 10.15294/ijeces.v14i2.34971
10. Nanu C.C., Coman C., Bularca M.C., Mesesan-Schmitz L., Gotea M., Atudorei I., Turcu I., Negrila I. The role of chess in the development of children-parents' perspectives // Frontiers in Psychology. 2023. Vol. 14. Art. 1210917. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1210917
11. Ye Y. Research on the application of chess teaching in the intellectual development of young children: analysis of educational models and strategies // Frontiers in Psychology. 2025. Vol. 16. Art. 1592247. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1592247

References

1. Ashugyan A.A., Litvinova E.V. Teaching the Game of Chess to Senior Preschoolers. Vectors of Education: From Tradition to Innovation: Proceedings of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference. Anapa, 2020. P. 60 – 61.
2. Vesnina O.N. Developing Intellectual Abilities of Preschoolers through Teaching them to Play Chess. Educator of a Preschool Educational Institution. 2022. No. 9. P. 63 – 67.
3. Zhukova O.V. Developing Cognitive Functions of Preschoolers through Teaching them to Play Chess. Science Today: Current Issues of Theory and Practice: Collection of Articles from the II International Scientific and Practical Conference. Penza, 2024. P. 105 – 107.
4. Lukoyanova I.V., Kosareva N.Yu., Smirnova T.V. Teaching Preschoolers to Play Chess. Preschool Educator. 2021. No. 5. P. 64 – 69.
5. Stolyarova G.L. Development of Children's Giftedness and Intellectual Abilities of Preschoolers in the Process of Learning to Play Chess. Academic Journalism. 2020. No. 6. P. 323 – 332.
6. Tarakanova V.S. Teaching Preschoolers to Play Chess through Theatrical Activities. Best Research Work – 2024: Collection of Articles from the XIII International Scientific Research Competition. Penza, 2024. P. 85 – 87.
7. Shvetsova M.Yu. Innovative Approaches to Increasing Preschoolers' Interest in Chess. Promising Directions in Physical Culture, Sports, and Tourism: Proceedings of the XIII All-Russian Scientific and Practical Conference. Nizhnevartovsk, 2024. P. 68 – 73.
8. Darga H. Evaluation of preschool teachers' chess learning and teaching experiences. Cypriot Journal of Educational Sciences. 2023. Vol. 18. No. 4. P. 682 – 700. DOI: 10.18844/cjes.v18i4.9093
9. Dlamini N.P. Chess as a Tool to Enhance Learning in Early Childhood Education in South African Rural Primary Schools. Indonesian Journal of Early Childhood Education Studies. 2025. Vol. 14, No. 2. P. 91 – 102. DOI: 10.15294/ijeces.v14i2.34971
10. Nanu C.C., Coman C., Bularca M.C., Mesesan-Schmitz L., Gotea M., Atudorei I., Turcu I., Negrila I. The role of chess in the development of children-parents' perspectives. Frontiers in Psychology. 2023. Vol. 14. Art. 1210917. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1210917
11. Ye Y. Research on the application of chess teaching in the intellectual development of young children: analysis of educational models and strategies. Frontiers in Psychology. 2025. Vol. 16. Art. 1592247. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1592247

Информация об авторах

Горлова Ю.И., кандидат педагогических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, uli1506@yandex.ru

Кульпин Д.А., аспирант, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, zubovs212@gmail.com

Фролова Т.А., Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Premier3004@yandex.ru

Никитина И.В., кандидат педагогических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, uli1506@yandex.ru

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

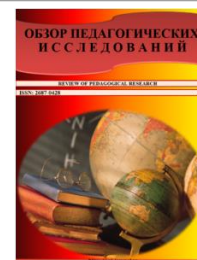
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.4. Физическая культура и профессиональная физическая подготовка (педагогические науки)

УДК 304.3

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-110-118

Носимые цифровые технологии как способ объективизации показателей двигательной активности и формирования компетенций самоконтроля

¹ Гуляева С.С., ¹ Гуляев С.П., ² Волошина Л.Н., ² Арсенок Е.А.,

¹ Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта,

² Белгородский национальный государственный научно-исследовательский университет

Аннотация: в статье раскрывается педагогический потенциал носимых цифровых технологий как средства объективизации двигательной активности и формирования компетенций самоконтроля в процессе физкультурно-оздоровительной деятельности. Актуальность работы обусловлена цифровой трансформацией образования, необходимостью повышения физкультурной образованности населения и потребностью в доступных инструментах индивидуального контроля двигательного режима. На основе результатов экспериментальных исследований, посвященных регулированию двигательной активности женщин 40-50 лет в условиях Крайнего Севера, показано, что мобильные приложения, фитнес-браслеты, смарт-часы и электронный дневник самоконтроля обеспечивают переход от субъективной оценки нагрузки к ее количественной регистрации.

Заключение. Современные носимые цифровые устройства и мобильные приложения позволяют перейти от субъективной оценки двигательной активности к ее объективному измерению через количественные показатели, такие как число шагов, пройденное расстояние, продолжительность нагрузки, энергозатраты, частота сердечных сокращений и характеристики восстановления. Электронный дневник самоконтроля интегрирует субъективные ощущения и объективные данные в единую систему мониторинга, что улучшает анализ индивидуального двигательного режима и создает условия для его последующей педагогической корректировки. Носимые технологии следует рассматривать как эффективный педагогический инструмент, способствующий развитию навыков самоконтроля, саморегуляции и осознанного отношения к собственному здоровью. Их комплексное внедрение в систему физического воспитания и оздоровительной практики повышает уровень физкультурной грамотности населения и эффективность управления индивидуальной физической активностью.

Цель статьи – представить обобщенный экспериментальный материал о возможностях носимых цифровых технологий в объективизации двигательной активности и показать, каким образом эти технологии способствуют формированию компетенций самоконтроля в физкультурно-оздоровительной деятельности.

Ключевые слова: цифровизация образования, двигательная активность, носимые устройства, самоконтроль, электронный дневник, цифровые компетенции, физкультурно-оздоровительная деятельность

Для цитирования: Гуляева С.С., Гуляев С.П., Волошина Л.Н., Арсенок Е.А. Носимые цифровые технологии как способ объективизации показателей двигательной активности и формирования компетенций самоконтроля // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 110 – 118. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-110-118

Поступила в редакцию: 3 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Wearable digital technologies as a means of objectively assessing physical activity metrics and developing self-monitoring competencies

¹ Gulyaeva S.S., ¹ Gulyaev S.P., ² Voloshina L.N., ² Arsenko E.A.,
¹ Churapcha State Institute of Physical Culture and Sports,
² Belgorod National Research University

Abstract: the article explores the pedagogical potential of wearable digital technologies as a means of objectifying physical activity and developing self-monitoring competencies in the context of health-enhancing physical activity. The relevance of the study is determined by the digital transformation of education, the need to improve the population's physical literacy, and the demand for accessible tools for individual monitoring of motor activity. Based on the results of experimental studies focused on regulating the physical activity of women aged 40-50 living in the Far North, it is demonstrated that mobile applications, fitness trackers, smartwatches, and electronic self-monitoring diaries facilitate the transition from subjective assessment of physical load to its quantitative measurement.

Conclusion. Modern wearable digital devices and mobile applications enable a shift from subjective evaluation of physical activity to its objective measurement through quantitative indicators such as step count, distance covered, duration of physical load, energy expenditure, heart rate, and recovery characteristics. An electronic self-monitoring diary integrates subjective perceptions with objective data into a unified monitoring system, improving the analysis of individual motor activity patterns and creating conditions for their subsequent pedagogical adjustment. Wearable technologies should be considered an effective pedagogical tool that promotes the development of self-monitoring, self-regulation, and a conscious attitude toward one's health. Their integrated implementation in physical education and health-promoting practices enhances the level of physical literacy of the population and increases the effectiveness of managing individual physical activity.

Purpose of the article is to present generalized experimental data on the capabilities of wearable digital technologies in the objectification of physical activity and to demonstrate how these technologies contribute to the development of self-monitoring competencies in health-related physical activity.

Keywords: digitalization of education, physical activity, wearable devices, self-monitoring, electronic diary, digital competencies, health-enhancing physical activity

---

For citation: Gulyaeva S.S., Gulyaev S.P., Voloshina L.N., Arsenko E.A. *Wearable digital technologies as a means of objectively assessing physical activity metrics and developing self-monitoring competencies. Review of Pedagogical Research.* 2026. 8 (6). P. 110 – 118. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-110-118

The article was submitted: April 3, 2026; Approved after reviewing: May 3, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Цифровая трансформация современного общества затрагивает не только экономику и управление, но и образовательную сферу, включая физкультурно-оздоровительную деятельность. В этих условиях возрастает значение доступных цифровых инструментов, позволяющих фиксировать и анализировать параметры двигательной активности человека в режиме повседневного наблюдения. Для системы физкультурного образования это особенно важно, поскольку задача педагога заключается не только в организации двигательного режима обучающегося, но и в формировании у него способности к самостоятельному контролю своего состояния, пониманию реакции организма на нагрузку и осознанному регулированию физической активности [1].

Носимые устройства для отслеживания активности всё шире применяются в научных исследованиях, предоставляя возможности для мониторинга уровня физических кондиций как в реальном времени, так и в дистанционном формате. Такие трекеры выступают ценным источником индивидуализированных данных о двигательной активности как пациентов, так и здоровых пользователей, что позволяет получать сведения для аналитики в области здравоохранения, а также учитывать обратную связь пользователей относительно их состояния здоровья. Традиционные формы самоконтроля в физической культуре опирались преимущественно на субъективные ощущения, эпизодические измерения отдельных физиологических показателей и наблюдение преподавателя. Однако такой подход не всегда обеспечивает достаточную точность и опера-

тивность, особенно когда требуется учитывать объем нагрузки, ее интенсивность, суточную двигательную активность, параметры восстановления, а также динамику самочувствия и сна. Появление фитнес-браслетов, умных часов, мобильных приложений и электронных дневников самоконтроля существенно расширило возможности как педагогического контроля, так и самостоятельного наблюдения занимающихся [7, 8].

Был выполнен систематический анализ научных публикаций с целью выявления показателей, регистрируемых с использованием трекеров активности, а также для оценки взаимосвязей между заявляемой приверженностью пользователей, валидностью получаемых данных и видами физической активности, представленными в современной литературе. Поисковая стратегия реализовывалась с применением баз данных PubMed и Embase. В обзор включались исследования с выборкой не менее 1000 участников вне зависимости от их состояния здоровья, в которых использовались носимые устройства различных производителей для регистрации таких параметров, как количество шагов, пройденная дистанция, частота сердечных сокращений, энергозатраты и уровень интенсивности активности. Период использования трекеров варьировал в широких пределах – от одних суток до 59 месяцев, при этом наиболее типичной продолжительностью наблюдения являлся интервал в одну неделю ($n = 16,59\%$). Среди фиксируемых показателей физической активности наибольшая доля приходилась на интенсивность ($n = 21,78\%$), далее следовали количество шагов ($n = 9,33\%$) и показатели энергозатрат ($n = 2,7\%$). В большинстве работ критерий «валидного дня» определялся как ношение устройства не менее 10 часов в течение суток ($n = 10,37\%$), тогда как «валидный период» чаще всего трактовался как неделя, включающая не менее трёх таких дней ($n = 8,30\%$). Представленный систематический обзор демонстрирует значительное разнообразие подходов к анализу и представлению данных, получаемых с использованием трекеров активности, в медицинских исследованиях [9].

Таблица 1

Функциональные возможности современных цифровых технологий в управлении двигательной активностью и физическим состоянием при занятиях физическими упражнениями [3, 5, 6, 10].

Table 1

Functional capabilities of modern digital technologies in managing physical activity and physical condition during exercise [3, 5, 6, 10].

Компонент	Характеристика и функциональные возможности
Технологическая основа	Стремительное развитие информационных технологий, широкое распространение высокоскоростного интернета и спутниковых навигационных систем способствовали активному внедрению смартфонов на базе операционных систем Android и iOS. Эти устройства оснащены встроенными сенсорами (акселерометрами), а также модулями GPS и ГЛОНАСС, что обеспечивает расширенные возможности для мониторинга двигательной активности.
Программное обеспечение	Для мобильных устройств разработано значительное количество специализированных приложений и трекеров, позволяющих с высокой точностью осуществлять сбор, обработку и анализ данных о текущем физическом состоянии пользователя.
Мониторинг параметров активности	Использование встроенных A-GPS-модулей позволяет фиксировать широкий спектр показателей: текущую, среднюю и максимальную скорость передвижения, темп выполнения упражнений, пройденное расстояние, координаты и высотные характеристики маршрута, включая возможность работы в автономном режиме (off-line).
Аналитика тренировочного процесса	Цифровые технологии обеспечивают построение временных графиков по отдельным участкам дистанции, контроль частоты сердечных сокращений, расчет энергозатрат (ккал) в зависимости от уровня двигательной активности, а также автоматический подсчет количества шагов.
Ведение отчетности и социальная интеграция	Современные приложения позволяют формировать детализированные отчеты (суточные, недельные, месячные и годовые), вести электронный журнал тренировок, экспортировать данные и делиться ими через социальные сети. Доступны функции дистанционного взаимодействия, включая участие виртуального тренера и поддержку пользователей в режиме реального времени.
Организация тренировочной деятельности	Программные решения предусматривают возможность проведения как индивидуальных, так и групповых занятий, участие в мотивационных программах и челленджах, а также круглосуточный мониторинг физической активности и функционального состояния организма.

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Интерфейс и сопровождение	Дополнительным преимуществом является наличие голосового сопровождения тренировок, обеспечивающего информирование пользователя о текущих параметрах физической нагрузки в процессе выполнения упражнений.
Интеграция с носимыми устройствами	Расширение функциональности достигается за счет использования беспроводных устройств (Bluetooth): кардиомониторов (нагрудных и пальчиковых), фитнес-браслетов и смарт-часов, синхронизируемых со смартфонами.
Контроль физиологических показателей	Носимые устройства позволяют непрерывно отслеживать частоту сердечных сокращений в процессе тренировки, а также до и после нее, определять зоны интенсивности нагрузки и оценивать энергозатраты организма.
Расширенные функции мониторинга	Современные модели смарт-часов обеспечивают круглосуточное наблюдение за сердечным ритмом, включая режимы, приближенные к электрокардиографическому анализу, а также обладают функцией измерения артериального давления.
Инновационные показатели активности	Одним из современных инструментов оценки является индекс PAI (Personal Activity Intelligence), представляющий собой интегральный показатель физической активности, рассчитываемый на основе индивидуальных физиологических характеристик (возраст, пол, пульс в покое и др.) и динамики сердечного ритма за последние 7 дней.
Оценка уровня физической активности	Индекс PAI позволяет количественно определить достаточность уровня двигательной активности для поддержания здоровья и увеличения продолжительности жизни, предоставляя пользователю наглядный и интерпретируемый показатель.

Проблема цифрового сопровождения двигательной активности рассмотрена на широком контингенте женщин зрелого возраста Республики Саха (Якутия) отражена и в более ранних наших научных трудах [3-6].

Материалы и методы исследований

Массив представлен исследованием авторов, посвященным регулированию двигательной активности женщин 40–50 лет в условиях Крайнего Севера; в статье использовались мониторинговые данные 736 женщин по оценке двигательной активности на основе IPAQ, а также результаты годичного педагогического эксперимента с экспериментальной и контрольной группами.

В качестве методов использовались анализ научно-методических материалов, сравнительно-сопоставительный анализ цифровых показателей, вторичная обработка представленных в работах числовых данных, а также графическая визуализация показателей двигательной активности. Для интерпретации экспериментальных результатов учитывались статистические процедуры, применявшиеся в исходных исследованиях.

Результаты и обсуждения

Выполненный анализ показывает, что в рассматриваемых исследованиях цифровые технологии использовались не как вспомогательное дополнение к занятиям, а как самостоятельный инструмент педагогического сопровождения двигательной активности. Электронный дневник самоконтроля, мобильные приложения и носимые устройства обеспечивали одновременную фиксацию субъективных и объективных показателей: самочувствия, настроения, сна, аппетита, частоты сердечных сокращений, артериального давления, объема двигательной активности, дистанции, длительности тренировок и энергозатрат. Тем самым создавалась единая информационная среда самоконтроля, в которой данные могли использоваться как самим занимающимся, так и педагогом для коррекции двигательного режима.

Выделяем три взаимосвязанных эффекта цифровизации физкультурно-оздоровительной деятельности. Первый эффект – измерительный: физическая нагрузка получает количественное выражение в шагах, минутах, километрах, килокалориях и показателях сердечного ритма. Второй эффект – аналитический: становится возможным сопоставление текущей нагрузки, показателей восстановления и общего суточного двигательного режима. Третий эффект – педагогический: занимающиеся приобретают навыки интерпретации показателей, учатся принимать решения и корректировать собственную активность на основе данных, а не только на основе субъективных ощущений.

Таблица 2

Цифровые средства мониторинга и основные отслеживаемые показатели.

Table 2

Digital monitoring tools and key tracked indicators.

Цифровое средство	Назначение	Основные показатели
Runtastic Heart Rate	Контроль сердечно-сосудистой реакции на нагрузку	ЧСС в покое, ЧСС во время тренировки, ЧСС после тренировки, динамика по дням/неделям
Mi Fit	Мониторинг тренировок, активности и сна	Виды нагрузки, статистика бега/ходьбы, частота сердечных сокращений, сон, предупреждение о гиподинамии
Pacer	Педометрия и учет повседневной активности	Количество шагов, активное время, потраченные калории, групповые и индивидуальные цели
Google Fit	Интеграция и визуализация двигательной активности	Ходьба, бег, велопоездки, темп, маршрут, высота, статистика тренировок
Электронный дневник самоконтроля	Систематизация субъективных и объективных данных	Самочувствие, настроение, сон, аппетит, ЧСС, АД, масса тела, дистанция, время тренировки, энергозатраты

Количественный потенциал цифрового самоконтроля хорошо иллюстрирует 31-дневный фрагмент сводного электронного дневника, в котором ежедневно регистрировались тренировочная дистанция, продолжительность тренировочной нагрузки, дополнительные формы двигательной активности, энергозатраты тренировки и общие суточные энергозатраты. Даже такой относительно компактный массив данных позволяет увидеть структуру двигательного режима и его вариативность в течение месяца.

Таблица 3

Сводные количественные показатели 31-дневного фрагмента электронного дневника самоконтроля.

Table 3

Summary quantitative indicators of a 31-day segment of the electronic self-monitoring diary.

Показатель	Среднее значение	Источник регистрации
Тренировочная дистанция, км/день	3,6	Mi Fit, Pacer, Google Fit
Продолжительность тренировки, мин/день	83,7	Mi Fit, Pacer, Google Fit
Дополнительная физическая активность, мин/день	29,4	Mi Fit, Pacer, Google Fit
Энергозатраты тренировки, ккал/день	419,3	Mi Fit, Pacer, Google Fit
Суточные энергозатраты, ккал/день	2918	Runtastic Me

Полученные показатели свидетельствуют о том, что носимые устройства и мобильные приложения дают возможность фиксировать не только факт тренировки, но и ее «энергетический профиль», то есть объем выполненной работы и вклад тренировки в общий суточный двигательный режим. В прикладном отношении это важно для дозирования нагрузки, контроля восстановления, профилактики гиподинамии и, напротив, предупреждения перегрузки. На рис. 1-3 приведены примеры временной динамики цифровых показателей.

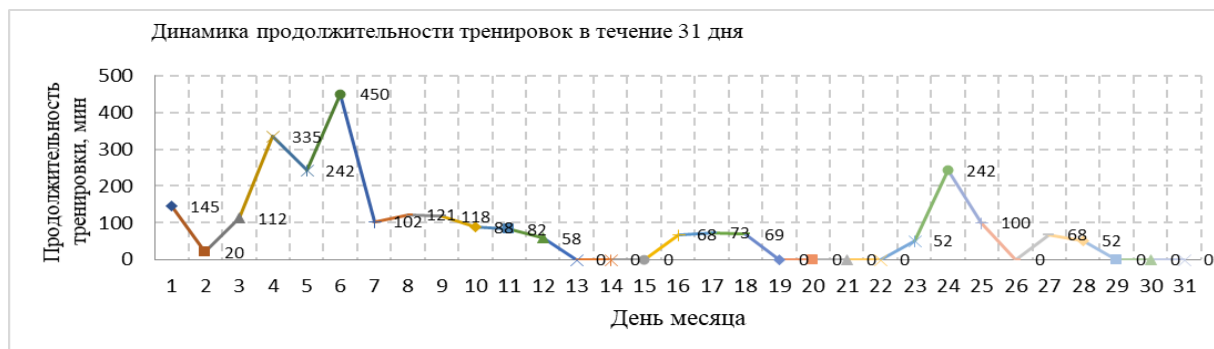

Рис. 1. Динамика продолжительности тренировок в течение 31 дня.
Fig. 1. Dynamics of training duration over 31 days.

Рис. 2. Динамика энергозатрат двигательной активности.
Fig. 2. Dynamics of energy expenditure of physical activity.

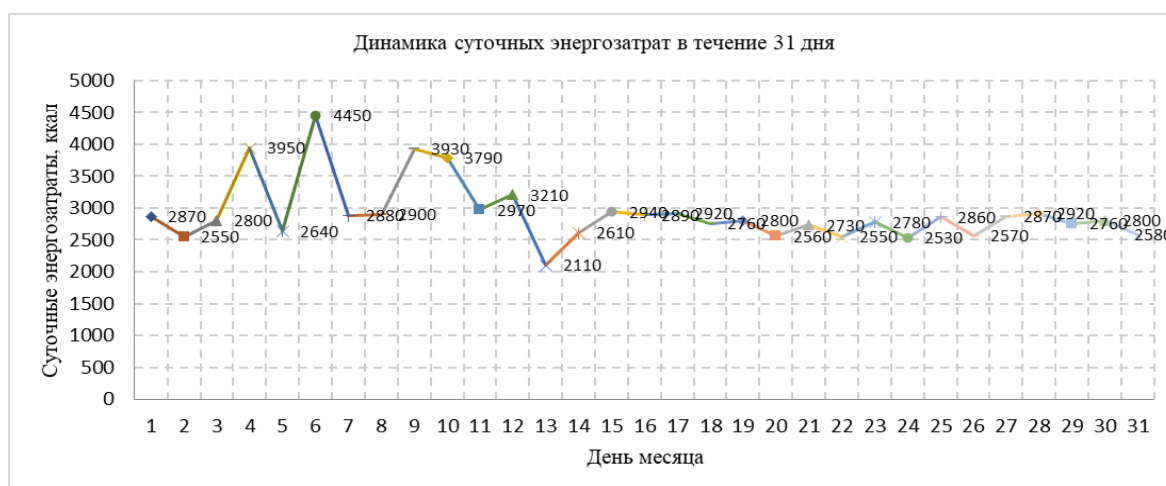

Рис. 3. Динамика суточных энергозатрат.
Fig. 3. Dynamics of daily energy expenditure.

На констатирующем этапе исследования, проведенного среди женщин зрелого возраста Республики Саха (Якутия), на основе международного опросника физической активности IPAQ было установлено, что 69,6% обследованных испытывают дефицит двигательной активности. Этот результат имеет принципиальное значение, поскольку показывает массовый характер проблемы и подчеркивает необходимость внедрения доступных средств ее контроля и регулирования.

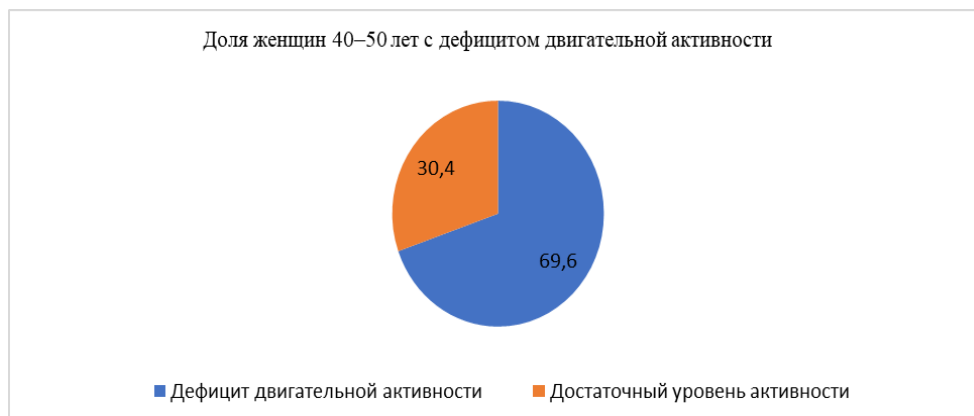

Рис. 4. Доля женщин 40-50 лет Республики Саха (Якутия) с дефицитом двигательной активности.

Fig. 4. The proportion of women aged 40–50 in the Republic of Sakha (Yakutia) with a lack of physical activity.

Особый интерес представляют итоговые данные годичного педагогического эксперимента, в котором сравнивались экспериментальная группа женщин, занимавшихся оздоровительным фитнесом по авторской программе, и контрольная группа женщин, занимавшихся оздоровительной ходьбой. После завершения цикла занятий экспериментальная группа достоверно превосходила контрольную по ряду ключевых показателей: суточной двигательной активности в шагах, верхним границам ЧСС при выполнении нагрузки, общей выносливости, гибкости позвоночника, а также силовым способностям мышц брюшного пресса и верхних конечностей. Это указывает на то, что цифровое сопровождение двигательной активности в сочетании с целенаправленной программой физкультурно-оздоровительных занятий создает более выраженный тренировочный эффект и способствует осознанной саморегуляции нагрузки.

Обобщили реальные данные цифрового мониторинга, включающие продолжительность тренировок, дистанцию, дополнительные формы двигательной активности, энергозатраты, частоту сердечных сокращений, показатели сна и суточную двигательную активность в шагах. Анализ фрагмента электронного дневника самоконтроля показал, что средняя тренировочная дистанция составила 3,6 км в день, средняя продолжительность тренировочной нагрузки – 83,7 мин в день, средние энергозатраты тренировки – 419,3 ккал, а суммарные суточные энергозатраты – 2918 ккал. По итогам годичного педагогического эксперимента экспериментальная группа достоверно превосходила контрольную по объему суточной двигательной активности, интенсивности нагрузки и ряду показателей физической подготовленности.

Можем утверждать, что носимые цифровые технологии следует рассматривать не только как технические средства измерения, но и как педагогический инструмент, обеспечивающий развитие навыков самонаблюдения, интерпретации цифровых показателей, саморегуляции двигательной активности и ответственного отношения к здоровью.

Таблица 4

Отдельные показатели экспериментальной и контрольной групп женщин после годичного педагогического эксперимента.

Table 4

Selected indicators of the experimental and control groups of women after a one-year pedagogical experiment.

Показатель	Экспериментальная группа 1э (n=61)	Контрольная группа 2к (n=61)	Статистическая значимость
Суточная двигательная активность, шагов/сутки	7812,540±1586,178	6618,392±1733,965	P<0,05
Верхняя граница ЧСС при нагрузке, уд/мин	146,420±8,588	133,373±8,635	P<0,05
Бег на 2 км, мин	12,937±1,416	15,336±1,664	P<0,05
Гибкость позвоночника, см	16,160±3,508	12,000±3,795	P<0,05
Поднимание туловища за 1 минуту, раз	19,000±7,106	14,091±3,650	P<0,05
Подтягивание из виса лежа на низкой перекладине, раз	14,080±3,135	9,545±2,721	P<0,05

Примечание: Для показателя «бег на 2 км» меньшая величина времени отражает лучший результат.

Note: For the 2km run, a shorter time reflects a better result.

Рис. 5. Суточный объем двигательной активности экспериментальной и контрольной групп женщин после педагогического эксперимента.

Fig. 5. Daily volume of physical activity of the experimental and control groups of women after the pedagogical experiment.

Педагогическая ценность этих результатов заключается в том, что цифровые технологии исследованиях использовались не формально, а в логике формирования компетенций самоконтроля. Участники учились отслеживать динамику своих физических кондиций, анализировать показатели шаговой активности, энергозатрат, ЧСС и сна, сопоставлять их с самочувствием и корректировать режим двигательной активности. После годичного цикла занятий и информационно-консультативной работы женщины экспериментальной группы приобрели специальные знания и навыки использования современных цифровых технологий, осознали ценность наблюдения над динамикой собственных физических кондиций и значимость самоконтроля.

Следовательно, носимые цифровые технологии в сфере физкультурно-оздоровительной деятельности выполняют двойную функцию. С одной стороны, они объективизируют двигательную активность, обеспечивая ее количественную регистрацию. С другой стороны, они выступают средством педагогического воздействия, способствующим развитию цифровой грамотности, навыков самонаблюдения, саморегуляции и личной ответственности за поддержание необходимого уровня двигательной активности. Именно это позволяет рассматривать их как важный компонент современной модели физкультурной образованности.

Выводы

Носимые цифровые технологии и мобильные приложения обеспечивают переход от субъективного представления о двигательной активности к ее объективной регистрации в количественных показателях: шагах, дистанции, времени нагрузки, энергозатратах, частоте сердечных сокращений и параметрах восстановления. Электронный дневник самоконтроля объединяет субъективные и объективные показатели в единую систему наблюдения, что повышает качество анализа индивидуального двигательного режима и делает возможной последующую педагогическую коррекцию. Носимые цифровые технологии целесообразно рассматривать как педагогический инструмент формирования компетенций самоконтроля, саморегуляции и осознанного отношения к здоровью. Их системное включение в физкультурное образование и физкультурно-оздоровительную практику способствует повышению физкультурной образованности населения и качеству управления индивидуальной двигательной активностью.

Список источников

1. Артамонова А.С., Волкова Е.Н. Современное состояние цифровой трансформации физической культуры и спорта в Российской Федерации // Цифровая трансформация отрасли. Физическая культура и спорт: теория, практика, подготовка кадров: материалы межрегионального круглого стола. М., 2021. С. 6.
2. Бугров А.С. Физическая культура цифровизации общества // Публичное/частное цивилизации: материалы XXII практической конференции. Екатеринбург, 2020. С. 677 – 681.
3. Гуляева С.С. Оценка двигательной активности женщин зрелого возраста Республики Саха (Якутия) // Теория и практика физической культуры, 2023. № 12. С. 73 – 76.
4. Гуляева С.С., Л.Н. Волошина, Гуляев П.Д., Гуляев С.П. Саморегуляция двигательной активности на занятиях оздоровительной ходьбой // Человек. Спорт. Медицина. 2023. Т. 23. № 3. С. 84 – 90.

5. Гуляева С.С., Гуляев П.Д. Современные технологии самоконтроля физического состояния на физкультурно-спортивных занятиях / Физическая культура: воспитание, образование, тренировка, 2017. № 3. С. 64 – 67.
6. Гуляева С.С., Волошина Л.Н. Система информационно-технологического обеспечения двигательной активности женщин зрелого возраста // Наука и спорт: современные тенденции, 2024. № 3. С. 174 – 185.
7. Кондаков В.Л., Шепляков А.С. Анализ мобильных приложений для повышения уровня двигательной активности студенческой молодежи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27. № 2. С. 443 – 450.
8. Шепляков А.С., Кондаков В.Л., Копейкина Е.Н. Современные подходы к проблеме регулирования двигательной активности студентов // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. 2021. Вып. 3. С. 67 – 74.
9. Alexandre Chana, Daniella Chana, Hui Leeb Chiu, Chin Ngb Angie, Hui Ling Yeob. Reporting Adherence, Validity and Physical Activity Measures of Wearable Activity Trackers in Medical Research: A Systematic Review [Electronic resource] / Alexandre Chana, Daniella Chana, Hui Leeb Chiu, Chin Ngb Angie, Hui Ling Yeob // International Journal of Medical Informatics. April 2022. Vol. 160. 104696. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijmedinf.2022.104696>. Access date: 14.10.2023.
10. Preventing Chronic Diseases: A Vital Investment. Geneva, World Health Organization, 2005. 199 p.

References

1. Artamonova A.S., Volkova E.N. The current state of digital transformation of physical education and sports in the Russian Federation. Digital transformation of the industry. Physical education and sports: theory, practice, training: materials of the interregional round table. Moscow, 2021. P. 6.
2. Bugrov A.S. Physical culture of the digitalization of society. Public/private civilizations: materials of the XXII practical conference. Yekaterinburg, 2020. P. 677 – 681.
3. Gulyaeva S.S. Assessment of physical activity of mature women in the Republic of Sakha (Yakutia). Theory and practice of physical education, 2023. No. 12. P. 73 – 76.
4. Gulyaeva S.S., L.N. Voloshina, Gulyaev P.D., Gulyaev S.P. Self-regulation of motor activity during health walking classes. Man. Sport. Medicine. 2023. Vol. 23. No. 3. P. 84 – 90.
5. Gulyaeva S.S., Gulyaev P.D. Modern technologies of self-monitoring of physical condition during physical education and sports classes. Physical Culture: Upbringing, Education, Training, 2017. No. 3. P. 64 – 67.
6. Gulyaeva S.S., Voloshina L.N. Information technology support system for motor activity of mature women. Science and Sport: Modern Trends, 2024. No. 3. P. 174 – 185.
7. Kondakov V.L., Sheplyakov A.S. Analysis of mobile applications for increasing the level of physical activity of student youth. Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2022. Vol. 27. No. 2. P. 443 – 450.
8. Sheplyakov A.S., Kondakov V.L., Kopeikina E.N. Modern approaches to the problem of regulating students' motor activity. Bulletin of Tula State University. Physical Education. Sport. 2021. Issue 3. P. 67 – 74.
9. Alexandre Chana, Daniella Chana, Hui Leeb Chiu, Chin Ngb Angie, Hui Ling Yeob. Reporting Adherence, Validity, and Physical Activity Measures of Wearable Activity Trackers in Medical Research: A Systematic Review [Electronic resource]. Alexandre Chana, Daniella Chana, Hui Leeb Chiu, Chin Ngb Angie, Hui Ling Yeob. International Journal of Medical Informatics. April 2022. Vol. 160. 104696. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijmedinf.2022.104696>. Access date: 10/14/2023.
10. Preventing Chronic Diseases: A Vital Investment. Geneva, World Health Organization, 2005. 199 p.

Информация об авторах

Гуляева С.С., Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта

Гуляев С.П., Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта

Волошина Л.Н., Белгородский национальный государственный научно-исследовательский университет

Арсеенко Е.А., Белгородский национальный государственный научно-исследовательский университет

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

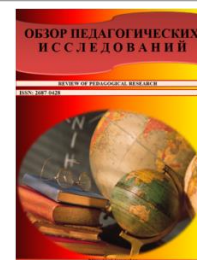
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.6. Оздоровительная и адаптивная физическая культура
(педагогические науки)

УДК 376.2

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-119-124

Управление качеством жизни лиц с ОВЗ через средства адаптивной физической культуры

¹ Димитров И.Л., ¹ Лужняк К.В.,
¹ Московская государственная академия физической культуры

Аннотация: в статье рассматривается адаптивная физическая культура как один из практических инструментов управления качеством жизни лиц с ограниченными возможностями здоровья. Показано, что значение АФК выходит за пределы собственно физической реабилитации и охватывает социальную адаптацию, развитие самостоятельности, расширение коммуникативных возможностей и снижение выраженности социальной изоляции. На основе действующей нормативной базы, официальной статистики и современных научных публикаций обосновано, что повышение качества жизни лиц с ОВЗ требует не только расширения числа программ АФК, но и совершенствования инфраструктуры, кадрового обеспечения, межведомственного взаимодействия и механизмов индивидуализации занятий.

Ключевые слова: адаптивная физическая культура, лица с ОВЗ, качество жизни, социальная адаптация, реабилитация, абилитация, двигательная активность, доступная среда

Для цитирования: Димитров И.Л., Лужняк К.В. Управление качеством жизни лиц с ОВЗ через средства адаптивной физической культуры // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 119 – 124. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-119-124

Поступила в редакцию: 4 апреля 2026 г.;
Одобрена после рецензирования: 3 мая 2026 г.;
Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Life quality management for persons with disabilities through adaptive physical culture

¹ Dimitrov I.L., ¹ Luzhnyak K.V.,
¹ Moscow State Academy of Physical Education

Abstract: the article examines adaptive physical culture as one of the practical tools for managing the quality of life of persons with disabilities. It is shown that the significance of adaptive physical culture goes beyond physical rehabilitation alone and includes social adaptation, the development of independence, the expansion of communication opportunities, and the reduction of social isolation. Based on the current regulatory framework, official statistics, and recent academic publications, it is substantiated that improving the quality of life of persons with disabilities requires not only expanding the number of adaptive physical culture programs, but also improving infrastructure, staffing support, interdepartmental cooperation, and mechanisms for individualizing activities.

Keywords: adaptive physical culture, persons with disabilities, quality of life, social adaptation, rehabilitation, habilitation, physical activity, accessible environment

For citation: Dimitrov I.L., Luzhnyak K.V. Life quality management for persons with disabilities through adaptive physical culture. *Review of Pedagogical Research*. 2026. 8 (6). P. 119 – 124. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-119-124

The article was submitted: April 4, 2026;
Approved after reviewing: May 3, 2026;
Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Качество жизни лиц с ограниченными возможностями здоровья в современных условиях следует рассматривать как многокомпонентную категорию, включающую физическое состояние, уровень самостоятельности, доступность социальной среды, возможность участия в образовании, труде, коммуникации и досуге. В этой системе адаптивная физическая культура выступает не вспомогательным, а системообразующим инструментом, поскольку затрагивает одновременно соматический, психоэмоциональный и социальный уровни функционирования человека. Действующее законодательство прямо закрепляет этот подход: статья 31 Федерального закона № 329-ФЗ определяет адаптивную физическую культуру как часть физической культуры [1], использующую комплекс эффективных средств физической реабилитации и абилитации инвалидов и лиц с ОВЗ. Тот же закон устанавливает, что развитие спорта инвалидов основывается на принципах приоритетности, массового распространения и доступности занятий.

Материалы и методы исследований

В ходе написания работы использовались статистические данные, нормативно-правовые документы, законодательные акты, отчеты о реализации индивидуальных программ реабилитации и абилитации в части АФК.

Практическая значимость АФК обусловлена не только медицинским, но и управленческим эффектом. Если рассматривать качество жизни как объект управления, то средства адаптивной физической культуры позволяют воздействовать сразу на несколько целевых параметров: уровень двигательной активности, функциональное состояние организма, степень вовлеченности в социальное взаимодействие, эмоциональную устойчивость и субъективное ощущение собственной состоятельности. В современных исследованиях подчеркивается, что для детей с ограниченными возможностями здоровья физические упражнения являются наиболее эффективным средством одновременной физической, психической и социальной адаптации. Авторы также отмечают, что в процессе занятий АФК формируется более осознанное отношение к собственным возможностям, уверенность в себе и готовность к взаимодействию с окружающей средой.

Актуальность данной темы подтверждается и масштабом самой социальной группы. По данным Правительства Российской Федерации, по состоянию на 31 декабря 2023 года в стране насчитывалось 11 млн инвалидов, из них 4,2 млн человек находились в трудоспособном возрасте. Показатели означают, что вопрос сохранения и повышения качества жизни лиц с ОВЗ имеет не локальный, а общегосударственный характер. Он связан не только с системой здравоохранения и социальной защиты, но и с задачами образования, занятости, демографической устойчивости, территориального развития и формирования инклюзивной среды [8].

Таблица 1

Численность инвалидов в Российской Федерации по состоянию на 31 декабря 2025 г. [8].

Table 1

Number of disabled people in the Russian Federation as of December 31, 2025 [8].

Показатель	Значение
Общая численность инвалидов, млн чел.	11,0
Инвалиды трудоспособного возраста, млн чел.	4,2

При этом динамика вовлеченности в адаптивную физическую культуру в последние годы демонстрирует положительные изменения. По данным Единой межведомственной информационно-статистической системы в сфере спорта, численность занимающихся адаптивной физической культурой и спортом в Российской Федерации увеличилась с 842,12 тыс. человек в 2015 году до 1 812,34 тыс. человек в 2025 году. За тот же период доля инвалидов и лиц с ОВЗ, систематически занимающихся АФК и спортом, выросла с 6% до 25,52%, что свидетельствует о расширении охвата, однако одновременно показывает, что значительная

часть целевой группы по-прежнему остается вне регулярной физкультурно-оздоровительной деятельности. Следовательно, количественный рост еще не означает достижения достаточного уровня доступности и эффективности системы [7].

Таблица 2

Динамика численности инвалидов и лиц с ОВЗ, систематически занимающихся адаптивной физической культурой и спортом в Российской Федерации в 2015-2025 гг. [7].

Table 2

Dynamics of the number of disabled people and persons with disabilities who systematically engage in adaptive physical culture and sports in the Russian Federation in 2015-2025 [7].

Год	Численность занимающихся, тыс. чел.	Доля в общей численности инвалидов и лиц с ОВЗ, %
2015	842,12	6,00
2016	977,60	12,10
2017	1 154,42	16,00
2018	1 329,08	17,20
2019	1 448,47	19,40
2020	1 483,96	20,30
2021	1 560,63	21,00
2022	1 655,11	22,90
2023	1 759,48	25,00
2024	1 800,38	25,52
2025	1812,34	26,89

Результаты и обсуждения

Для большей наглядности динамика доли инвалидов и лиц с ОВЗ, систематически занимающихся адаптивной физической культурой и спортом, может быть представлена графически.

В научной литературе устойчиво прослеживается вывод о том, что влияние адаптивной физической культуры на качество жизни лиц с ограниченными возможностями здоровья носит комплексный характер. Так, К.В. Гаврилов и С.С. Межман отмечают, что АФК и адаптивный спорт следует рассматривать как основу комплексного подхода к восстановлению и развитию лиц с инвалидностью и нарушениями здоровья.

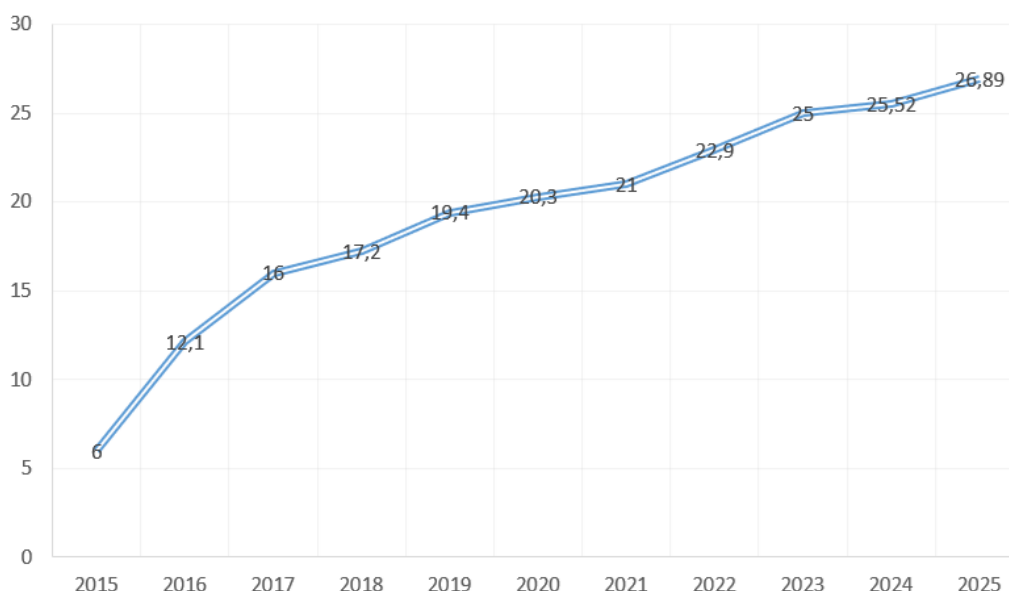

Рис. 1. Динамика доли инвалидов и лиц с ОВЗ, систематически занимающихся адаптивной физической культурой и спортом в Российской Федерации в 2015-2025 гг., % [7].

Fig. 1. Dynamics of the share of disabled people and persons with disabilities who systematically engage in adaptive physical culture and sports in the Russian Federation in 2015-2025, % [7].

В научной литературе устойчиво прослеживается вывод о том, что влияние адаптивной физической культуры на качество жизни лиц с ограниченными возможностями здоровья носит комплексный характер. Так, К.В. Гаврилов и С.С. Межман отмечают, что АФК и адаптивный спорт следует рассматривать как основу комплексного подхода к восстановлению и развитию лиц с инвалидностью и нарушениями здоровья. Авторы подчеркивают, что систематические занятия способствуют укреплению мышечного тонуса, улучшению состояния опорно-двигательного аппарата, развитию координации, выносливости и гибкости, а также оказывают выраженное положительное влияние на эмоциональное состояние, уровень уверенности в себе и сформированность социальных навыков [4]. В контексте управления качеством жизни это позволяет сделать вывод о том, что АФК воздействует не на отдельный показатель, а на совокупность взаимосвязанных параметров физического, психоэмоционального и социального благополучия личности.

Следует учитывать, что повышение качества жизни лиц с ОВЗ не может обеспечиваться автоматически лишь за счет формального наличия возможности заниматься физической культурой. Решающее значение имеет организация самой системы адаптивной физической культуры. Эффективность АФК определяется тем, насколько содержание занятий соответствует конкретной нозологии, возрасту, степени двигательных ограничений и психологическим особенностям занимающихся. Д.Ю. Власов указывает, что значимый результат в социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями достигается только при соединении педагогического и социального направлений адаптивной физической культуры. В этой связи АФК должна рассматриваться не как совокупность отдельных упражнений, а как специально организованная развивающая среда, в которой физическая нагрузка сочетается с воспитательными, коммуникативными и мотивационными механизмами [3].

Роль адаптивной физической культуры играет в работе с детьми и подростками с ограниченными возможностями здоровья. Именно в данной возрастной группе физическая активность становится средством не только коррекции двигательных нарушений, но и формирования базовых социальных навыков, дисциплины, опыта взаимодействия с окружающими, способности соблюдать правила и действовать в коллективе. А.А. Чернова и Л.М. Лукьянова подчеркивают, что адаптивная физическая культура в обучении и воспитании детей с ОВЗ и инвалидностью выполняет не только оздоровительную, но и выраженную педагогическую функцию, поскольку способствует развитию личности, социализации и включению ребенка в систему общественных отношений [5].

Данный вывод получает развитие в работе В.А. Шошиной, где адаптивная физическая культура рассматривается как средство социальной адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья. Автор показывает, что систематические занятия создают условия для формирования самоконтроля, повышения толерантности к физической нагрузке, расширения опыта общения и постепенного преодоления социальной замкнутости. В результате АФК выступает важным механизмом повышения субъективного благополучия ребенка и его социальной включенности, что позволяет рассматривать ее как один из действенных инструментов управления качеством жизни лиц с ОВЗ на ранних этапах социализации [6].

Вместе с тем анализ современного состояния системы показывает наличие серьезных ограничений. Во-первых, сохраняется инфраструктурная неоднородность. Формально число вовлеченных в АФК растет, однако доступность специализированных или адаптированных спортивных объектов по регионам остается неравномерной. Во-вторых, дефицит кадров по адаптивной физической культуре, особенно специалистов, способных работать на стыке педагогики, медицины и реабилитации, ограничивает качество предоставляемых услуг. В-третьих, сохраняется проблема недостаточной индивидуализации программ: единые подходы, не учитывающие специфику конкретного нарушения здоровья, снижают реабилитационный и социальный эффект занятий. Существенным барьером остается слабая межведомственная координация между учреждениями образования, здравоохранения, социальной защиты и спорта. Эти ограничения прямо влияют на итоговое качество жизни, поскольку препятствуют устойчивому и регулярному включению человека в практики АФК.

С управленческой точки зрения важнейшей задачей является переход от учета количественных показателей к оценке реального эффекта адаптивной физической культуры. Сам по себе рост числа занимающихся еще не отражает, в какой мере улучшились функциональные возможности, самооценка, социальная активность и степень независимости лиц с ОВЗ. Поэтому управление качеством жизни через АФК должно строиться на системе измеряемых результатов.

К таким результатам целесообразно относить динамику физического состояния, частоту участия в занятиях, устойчивость мотивации, изменение уровня бытовой самостоятельности, расширение участия в образовательной и социальной деятельности, а также субъективную оценку собственного самочувствия. Только при наличии такой оценки можно говорить о переходе от формального освоения бюджетных и организаци-

онных ресурсов к управлению конечным социальным результатом. Подход согласуется с современным пониманием государственной политики в сфере спорта, ориентированной на качество жизни и вовлеченность населения.

На уровне практической организации работы это означает необходимость развития нескольких взаимосвязанных направлений. Первое направление связано с расширением территориальной доступности программ АФК, прежде всего на базе образовательных организаций, центров социальной реабилитации, муниципальных физкультурно-оздоровительных комплексов и некоммерческих организаций. Второе направление предполагает усиление кадровой подготовки специалистов по адаптивной физической культуре, включая навыки междисциплинарного сопровождения. Третье направление связано с разработкой индивидуальных маршрутов занятий, где программа подбирается не по формальному диагнозу, а по совокупности функциональных возможностей и реабилитационных задач конкретного человека. Четвертое направление состоит в интеграции АФК в более широкие механизмы сопровождения лиц с ОВЗ, включая медицинскую реабилитацию, психологическую поддержку, профессиональную ориентацию и социальную адаптацию.

Исследовав материалы по теме, следует отметить:

1. Несмотря на рост формальных показателей вовлеченности, качество услуг АФК остается неравномерным из-за дефицита междисциплинарных кадров, слабой индивидуализации программ и недостаточной межведомственной координации между образованием, здравоохранением, соцзащитой и спортом.

2. Ключевым управленческим приоритетом должен стать переход от количественного учёта занимающихся к оценке реального эффекта АФК на качество жизни. Только такой подход позволяет управлять конечным социальным результатом.

3. Для повышения качества жизни лиц с ОВЗ через АФК необходимо развивать четыре взаимосвязанных направления: расширение территориальной доступности программ, усиление кадровой подготовки специалистов по междисциплинарному сопровождению, разработка индивидуальных маршрутов занятий (на основе функциональных возможностей, а не формального диагноза) и интеграция АФК в общую систему реабилитации, абилитации и социальной инклюзии.

4. Адаптивная физическая культура является результативным инструментом управления качеством жизни, сочетающим физическую реабилитацию с социальной интеграцией, психологической стабилизацией и развитием самостоятельности. Однако её потенциал реализуется лишь при условии встраивания АФК в государственную и муниципальную политику как полноценного механизма социальной инклюзии, а не второстепенного направления физкультурной работы.

Выводы

Таким образом, адаптивная физическая культура является одним из наиболее результативных инструментов управления качеством жизни лиц с ОВЗ, поскольку сочетает физическую реабилитацию и абилитацию с механизмами социальной интеграции, психологической стабилизации и развития самостоятельности. Официальная статистика показывает рост вовлеченности в АФК и спорт, однако текущий уровень охвата все еще нельзя признать достаточным, что означает, что ключевая задача управления заключается не только в расширении числа занимающихся, но и в обеспечении доступности, непрерывности, индивидуализации и межведомственной согласованности соответствующих программ. Повышение качества жизни лиц с ОВЗ через средства АФК возможно лишь при условии, что адаптивная физическая культура будет встроена в систему государственной и муниципальной политики как полноценный механизм социальной инклюзии, а не как второстепенное направление физкультурной работы.

Список источников

1. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 50. Ст. 6242. Ст. 31 в действующей редакции.
2. Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.11.2020 № 3081-р.
3. Власов Д. Ю. Роль адаптивной физкультуры в социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 3-1. С. 94 – 96. DOI: 10.24412/2500-1000-2023-3-1-94-96.

4. Гаврилов К.В., Межман С.С. Влияние адаптивной физической культуры и спорта на социальную адаптацию инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья // Молодой ученый. 2025. № 42 (593). С. 350 – 351.
5. Чернова А.А., Лукьянова Л.М. Роль адаптивной физической культуры в обучении и воспитании детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидами // Наука-2020. 2022. № 4 (58). С. 174 – 180.
6. Шошина В.А. Адаптивная физическая культура как средство социальной адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья // Наука-2020. 2023. № 4 (65). С. 81 – 86.
7. Единый межведомственный информационно-статистический ресурс Минспорта России. Адаптивная физическая культура и спорт в Российской Федерации: показатели развития за 2015-2025 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://emir.gov.ru/analytics/indicators/adaptive-physical-culture/rf> (дата обращения: 31.01.2026)
8. О Межведомственном комплексном плане мероприятий по повышению качества жизни инвалидов, старше трудоспособного возраста, до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.09.2024 [Электронный ресурс] // Правительство России. URL: <https://government.ru/docs/all/155143/> (дата обращения: 31.01.2026)

References

1. On Physical Culture and Sports in the Russian Federation: Federal Law of 04.12.2007 No. 329-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 50. Art. 6242. Art. 31 as amended.
2. On Approval of the Strategy for the Development of Physical Culture and Sports in the Russian Federation through 2030: Order of the Government of the Russian Federation of 24.11.2020 No. 3081-r.
3. Vlasov D.Yu. The Role of Adaptive Physical Education in the Social Integration of Persons with Disabilities. International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2023. No. 3-1. P. 94 – 96. DOI: 10.24412/2500-1000-2023-3-1-94-96.
4. Gavrilov K.V., Mezghan S.S. The Impact of Adaptive Physical Culture and Sports on the Social Adaptation of Disabled Persons and Individuals with Disabilities. Young Scientist. 2025. No. 42 (593). P. 350 – 351.
5. Chernova A.A., Lukyanova L.M. The Role of Adaptive Physical Culture in the Education and Upbringing of Children with Disabilities and Individuals with Disabilities. Science-2020. 2022. No. 4 (58). P. 174 – 180.
6. Shoshina V.A. Adaptive Physical Culture as a Means of Social Adaptation of Children with Disabilities. Science-2020. 2023. No. 4 (65). P. 81 – 86.
7. Unified Interdepartmental Information and Statistical Resource of the Ministry of Sport of the Russian Federation. Adaptive Physical Culture and Sport in the Russian Federation: Development Indicators for 2015-2025. [Electronic resource]. URL: <https://emir.gov.ru/analytics/indicators/adaptive-physical-culture/rf> (date of accessed: 31.01.2026)
8. On the Interdepartmental Comprehensive Action Plan to Improve the Quality of Life of Persons with Disabilities Over Working Age until 2030: Order of the Government of the Russian Federation dated 02.09.2024 [Electronic resource]. Government of the Russian Federation. URL: <https://government.ru/docs/all/155143/> (date of accessed: 31.01.2026)

Информация об авторах

Димитров И.Л., кандидат экономических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8064-9592>, Московская государственная академия физической культуры, г. Москва, рп. Малаховка, Шоссейная ул. 33, yand999999999@yandex.ru

Лужняк К.В., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-7812-2366>, Московская государственная академия физической культуры, г. Москва, рп. Малаховка, Шоссейная ул. 33, kirill.luzhnyak@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

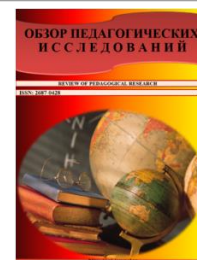
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)

УДК 373.62

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-125-129

Роль экспериментальной деятельности в обучении физике

¹ Милинский А.Ю.,

¹ Благовещенский государственный педагогический университет

Аннотация: материалы и методы: в работе представлен обзор современных научных и методических исследований, посвященных роли учебного эксперимента в процессе обучения физике в общеобразовательной школе. Материалами исследования послужили публикации в ведущих рецензируемых журналах, диссертационные исследования, а также данные международных сравнительных исследований качества образования, отражающие уровень сформированности практико-ориентированных компетенций обучающихся. В рамках исследования применялись методы сравнительно-сопоставительного анализа научной литературы, анализа психолого-педагогических подходов к обучению, выявления корреляционных связей между долей практической деятельности и уровнем усвоения физических понятий, а также интерпретации результатов современных исследований в области нейропедагогики и методики преподавания физики.

Результаты. Установлено, что учебный эксперимент выступает не вспомогательным, а системообразующим элементом физического образования, определяющим глубину понимания учебного материала. Показано, что демонстрационный эксперимент формирует наглядно-образную основу усвоения теоретических знаний, тогда как лабораторный эксперимент обеспечивает развитие практических умений, исследовательских навыков и критического мышления. Выявлено, что отсутствие регулярной экспериментальной деятельности приводит к формированию феномена «вербализма», при котором учащиеся воспроизводят теоретические положения без их осмысления. Подтверждена высокая эффективность многопланового восприятия информации (визуального, аудиального и деятельностного) для прочного усвоения знаний. Отмечено, что наибольший образовательный эффект достигается при включении эксперимента в систему проблемных заданий и исследовательской деятельности, тогда как пассивное наблюдение существенно снижает его результативность. Установлено также, что цифровые лаборатории не способны в полной мере заменить реальный эксперимент, поскольку не обеспечивают формирование практических и сенсомоторных навыков.

Заключение. Сделан вывод о необходимости системной интеграции экспериментальной деятельности на всех этапах обучения физике как ключевого условия формирования глубоких и устойчивых знаний. Подчеркнута значимость сочетания демонстрационного и лабораторного экспериментов с исследовательскими методами обучения. Обоснована целесообразность гармоничного объединения реального физического эксперимента и цифровых технологий для повышения качества естественнонаучного образования и подготовки учащихся к требованиям современного технологического общества.

Ключевые слова: физическое образование, учебный эксперимент, демонстрационный эксперимент, лабораторный практикум, экспериментальная деятельность, функциональная грамотность, научное мышление, исследовательская деятельность

Для цитирования: Милинский А.Ю. Роль экспериментальной деятельности в обучении физике // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 125 – 129. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-125-129

Поступила в редакцию: 5 апреля 2026 г.;
Одобрена после рецензирования: 4 мая 2026 г.;
Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

The role of experimental activity in physics education

¹ *Milinskiy A.Yu.,
Blagoveshchensk State Pedagogical University*

Abstract: materials and methods: this study presents an overview of contemporary scientific and methodological research dedicated to the role of the educational experiment in the process of teaching physics in general education schools. The research materials consisted of publications in leading peer-reviewed journals, doctoral dissertations, and data from international comparative studies on the quality of education, which reflect the level of development of students' practice-oriented competencies. The research employed methods involving the comparative analysis of scientific literature, the analysis of psychological-pedagogical approaches to instruction, the identification of correlations between the proportion of practical activity and the level of mastery of physics concepts, as well as the interpretation of results from modern studies in the fields of neuropsychology and physics teaching methodology.

Results. It was established that the educational experiment serves not merely as an auxiliary element, but as a system-forming component of physics education, determining the depth of understanding of the learning material. It was demonstrated that the demonstration experiment establishes a visual-imaginative foundation for the assimilation of theoretical knowledge, whereas the laboratory experiment fosters the development of practical skills, research abilities, and critical thinking. It was revealed that the absence of regular experimental activity leads to the emergence of the phenomenon of "verbalism," wherein students reproduce theoretical propositions without truly comprehending them. The high effectiveness of multichannel information perception—encompassing visual, auditory, and activity-based modalities – for the robust assimilation of knowledge was confirmed. It was noted that the greatest educational impact is achieved when the experiment is integrated into a system of problem-solving tasks and research activities, whereas passive observation significantly diminishes its effectiveness. It was also determined that digital laboratories are unable to fully replace real-world experiments, as they do not facilitate the development of practical and sensorimotor skills.

Conclusion. The study concludes that the systemic integration of experimental activity at all stages of physics instruction is a key prerequisite for the formation of deep and enduring knowledge. The significance of combining demonstration and laboratory experiments with inquiry-based teaching methods is underscored. The advisability of harmoniously integrating real-world physical experimentation with digital technologies is substantiated as a means of enhancing the quality of science education and preparing students to meet the demands of a modern technological society.

Keywords: physics education, educational experiment, demonstration experiment, laboratory practicum, experimental activity, functional literacy, scientific thinking, research activity

---

For citation: Milinskiy A.Yu. *The role of experimental activity in physics education. Review of Pedagogical Research.* 2026. 8 (6). P. 125 – 129. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-125-129

The article was submitted: April 5 2026;
Approved after reviewing: May 4, 2026;
Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Современное физическое образование сталкивается с существенным противоречием. С одной стороны, объём научной информации и количество новых открытий в области физики непрерывно возрастают, отражая стремительное развитие науки и технологий. С другой стороны, возможности их включения в школьную программу ограничены. Это связано с регламентированностью учебного времени, возрастными особенностями и уровнем подготовки обучающихся.

В результате возникает сложная задача по определению новых знаний в области физики, которые следует включать в учебный процесс при этом, не перегружая школьников избыточным объёмом информации. Особую значимость приобретает поиск эффективных методик преподавания, позволяющих формировать у обучающихся целостное представление о современной научной картине мира.

Физика как фундаментальная естественнонаучная дисциплина не только теоретически описывает явления, но и производит их экспериментальную проверку [8, 9]. Однако последние десятилетия всё чаще наблюдается смещение акцента в сторону теории. В результате учащиеся могут воспроизводить формулы и определения, но испытывают трудности с их осмысленным проведением экспериментов [1, 2].

В данном обзоре ставится задача обобщить существующие научные и методические подходы к пониманию роли учебного эксперимента в процессе обучения физике. При этом эксперимент рассматривается не просто как вспомогательное средство для иллюстрации теории, а как важный психолого-педагогический инструмент. Актуальность такого подхода обусловлена современными образовательными требованиями, которые ориентированы не только на усвоение знаний, но и на развитие функциональной грамотности и критического мышления. В этой связи возникает необходимость более активного включения эксперимента в учебный процесс как одного из ключевых элементов качественного обучения [3, 4].

Материалы и методы исследований

Методологическую основу данного обзора составил сравнительно-сопоставительный анализ публикаций в ведущих рецензируемых журналах, а также анализ диссертационных исследований за последние 15 лет. В процессе работы изучались статьи, посвященные деятельностному подходу в обучении и психологии восприятия естественнонаучной информации. Основной акцент был сделан на выявлении корреляционных связей между долей практических занятий и уровнем сформированности физических понятий, описанных в различных педагогических школах. Для объективности обзора были привлечены данные международных сравнительных исследований качества образования, в которых акцентируется внимание на практико-ориентированных компетенциях обучающихся [5, 6].

Результаты и обсуждения

Обобщение данных многочисленных психолого-педагогических исследований позволяет утверждать, что экспериментальная деятельность является не вспомогательным, а системообразующим элементом физического образования, напрямую определяющим глубину когнитивной переработки информации. Анализ теоретических работ ведущих методистов показывает, что отсутствие регулярного эмпирического опыта ведет к возникновению феномена «вербализма», при котором учащиеся демонстрируют высокую скорость воспроизведения формул, но оказываются неспособны соотнести их с реальными физическими процессами. В ходе анализа стало понятно, что демонстрационный эксперимент играет гораздо более важную роль, чем просто «показ опыта». По сути, он служит отправной точкой для понимания: именно через него у учащихся сначала формируется наглядный образ явления, а уже потом – более абстрактное представление. Когда учитель проводит опыт, он не просто иллюстрирует закон, а создает определённый смысловой контекст, в котором сухие термины наполняются реальным содержанием.

Современные исследования, в том числе в области нейропедагогики, показывают, что наилучший эффект достигается тогда, когда задействуется сразу несколько каналов восприятия: ученик видит эксперимент, слышит объяснение и затем самостоятельно делает выводы. Это восприятие активизирует разные участки мозга и способствует более прочному запоминанию материала.

Если сравнивать демонстрационный и лабораторный эксперимент, то между ними прослеживается достаточно чёткое разделение ролей. Демонстрация помогает выстроить общее понимание темы, своего рода каркас знаний, тогда как лабораторная работа отвечает за практическую сторону – умение действовать, измерять, анализировать. Практика показывает, что учащиеся, которые регулярно выполняют самостоятельные эксперименты, лучше ориентируются в научных методах и в целом более уверенно работают с материалом.

Особенно важно то, что в лабораторной работе ученик сталкивается с реальностью. В отличие от компьютерных симуляций, где всё заранее предсказуемо, в настоящем эксперименте в процессе измерений присутствуют погрешности, неточности, а также влияют внешние факторы. Это помогает понять, что научное знание – не абсолютная истина, а результат, имеющий свои границы применимости. В итоге знания превращаются в инструмент, с помощью которого можно анализировать ситуацию и делать обоснованные выводы даже в условиях неопределённости.

При этом важно учитывать, что сам по себе эксперимент ещё не гарантирует качественного обучения. В современной методике всё чаще говорят о проблеме «пассивного восприятия», когда ученик просто наблюдает за наглядным материалом, не включаясь в мыслительный процесс. В таких случаях эффект минимален. Эксперимент работает, когда он встроен в систему вопросов и задач.

Обобщая различные подходы, можно сказать, что наиболее эффективным оказывается обучение, в котором эксперимент носит исследовательский характер. Навыки, сформированные в процессе такой работы, легко переносятся и на другие естественнонаучные дисциплины. В результате удаётся сократить разрыв между школьной физикой и реальной наукой, формируя у учащихся целостное понимание мира [7, 10, 11].

Дополнительно стоит отметить дискуссию вокруг цифровизации образования. Несмотря на очевидные преимущества виртуальных лабораторий, они не могут полностью заменить работу с оборудованием в лаборатории. Настоящий эксперимент развивает не только мышление, но и практические навыки: координацию движений, пространственное восприятие. Многие исследователи подчёркивают, что отказ от реальных опытов обедняет учебный процесс и делает знания поверхностными и оторванными от практики.

В целом можно говорить о том, что в научно-методическом сообществе сложилось общее понимание: физический эксперимент – это не вспомогательный элемент, а ключевая часть обучения. Именно он обеспечивает связь между теорией и реальностью и поэтому является одним из главных условий формирования глубоких и устойчивых знаний [12-14].

Выводы

Экспериментальная деятельность является неустраняемым компонентом качественного физического образования, обеспечивающим переход от формальных знаний к действенным компетенциям. Демонстрационный эксперимент служит фундаментом для понимания теоретических моделей, в то время как лабораторный практикум формирует навыки научного поиска и критического анализа. Оптимальная модель обучения базируется на системной интеграции эмпирических методов на всех этапах урока, что способствует глубокому усвоению физической сущности явлений. Современная методика должна стремиться к гармоничному сочетанию реального физического опыта с цифровыми методами обработки данных для подготовки учащихся к требованиям технологического общества.

Список источников

1. Бабанский Ю.К. Оптимизация процесса обучения: Общедидактический аспект. М.: Педагогика, 1977. 256 с.
2. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. М.: Педагогика, 1989. 192 с.
3. Гилев А.А. Методическая система развития когнитивных компетенций студентов при обучении физике: Монография. Самара: Самарский государственный архитектурно-строительный университет, 2016. 324 с.
4. Дулатова З.А., Ковыршина А.И., Лапшина Е.С., Штыков Н.Н. Формирование, развитие и оценка логических универсальных учебных действий // Сибирский педагогический журнал. 2019. № 6. С. 33 – 42.
5. Ельцов А.В., Захаркин И.А. Современные компьютерные технологии в учебном эксперименте по физике // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2007. № 1(14). С. 124 – 130.
6. Кислякова О.П., Снежкина Л.П., Воронина М.А. Демонстрационный эксперимент как источник знаний обучающихся // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 78-3. С. 125 – 128.
7. Лиходед Е.В. Формирование функциональной грамотности учащихся основной школы на уроках физики // Кубанская школа. 2023. № 3 (71). С. 108 – 113.
8. Милинский А.Ю. Проблемы сопровождения научноисследовательской деятельности по физике бакалавров вуза // Наука и школа. 2022. № 6. С. 165 – 171.
9. Милинский А.Ю., Днепровская О.А. Повышение эффективности выполнения первых лабораторных работ по физике студентами ВУЗа // Школа будущего. 2021. № 6. С. 104 – 115.
10. Kornilov V.S., Khanina I.A. Development of ICT competence in high school students when teaching physics using digital laboratories // RUDN Journal of Informatization in Education. 2020. №. 17. P. 146 – 152.
11. Abdugarimova D.A. Physics and modern methods of teaching IT // Advances in Science and Education. 2025. № 1. 72 – 73.

References

1. Babansky Yu.K. Optimization of the Learning Process: General Didactic Aspect. Moscow: Pedagogy, 1977. 256 p.
2. Bepalko V.P. Components of Pedagogical Technology. Moscow: Pedagogy, 1989. 192 p.
3. Gilev A.A. Methodological System for Developing Students' Cognitive Competencies in Teaching Physics: Monograph. Samara: Samara State University of Architecture and Civil Engineering, 2016. 324 p.
4. Dulatova Z.A., Kovyreshina A.I., Lapshina E.S., Shtykov N.N. Formation, Development, and Evaluation of Logical Universal Learning Actions. Siberian Pedagogical Journal. 2019. No. 6. P. 33 – 42.
5. Yeltsov A.V., Zakharkin I.A. Modern computer technologies in an educational experiment in physics. Bulletin of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin. 2007. No. 1 (14). P. 124 – 130.

6. Kislyakova O.P., Snezhkina L.P., Voronina M.A. Demonstration experiment as a source of students' knowledge. Problems of modern pedagogical education. 2023. No. 78-3. P. 125 – 128.
7. Likhoded E.V. Formation of functional literacy of basic school students in physics lessons. Kuban school. 2023. No. 3 (71). P. 108 – 113.
8. Milinsky A.Yu. Problems of supporting research activities in physics of university bachelors. Science and School. 2022. No. 6. P. 165 – 171.
9. Milinsky A.Yu., Dneprovskaya O.A. Increasing the Efficiency of Performing the First Laboratory Work in Physics by University Students. School of the Future. 2021. No. 6. P. 104 – 115.
10. Kornilov V.S., Khanina I.A. Development of ICT Competence in High School Students When Teaching Physics Using Digital Laboratories. RUDN Journal of Informatization in Education. 2020. No. 17. P. 146 – 152.
11. Abdukarimova D. A. Physics and Modern Methods of Teaching IT. Advances in Science and Education. 2025. No. 1. P. 72 – 73.

Информация об авторе

Милинский А.Ю., доктор физико-математических наук, профессор, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7525-4396>, Благовещенский государственный педагогический университет, 675000, г. Благовещенск, ул. Ленина 104, a.milinskiy@mail.ru

© Милинский А.Ю., 2026

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

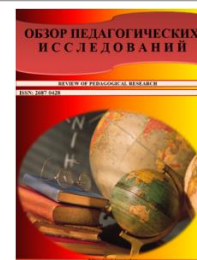
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.4. Физическая культура и профессиональная физическая подготовка (педагогические науки)

УДК 797.212.7

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-130-135

Определение истинной стилевой специализации пловцов сборной университета

¹ Южно-Российский государственный политехнический университет имени М.И. Платова
¹ Нечипоренко И.А.,

Аннотация: в системе высшего образования занятия спортом обучающихся, также как и в обществе в целом, разделяются на массовый спорт и спорт высших достижений. В сектор массового спорта попадают спортсмены с недостаточно высоким уровнем подготовки или даже новички. Тренеру, перед которым стоит задача успешного выступления сборной команды вуза по плаванию, необходимо сбалансировать состав по спортивной плавательной специализации, чтобы не иметь слабых мест на соревнованиях. Простое начальное тестирование не всегда выявляет природную склонность спортсмена к тому или иному стилю плавания, особенно у пловцов, не прошедших серьезного обучения в детской спортивной школе или занимавшихся в абонементных группах, или даже самостоятельно. Для этого нужно выявить истинную специализацию каждого пловца сборной команды, определяемую генетическими данными, с помощью выбора тренировочных средств и организации тренировочного процесса. В таких случаях необходимо какое-то время (количество тренировочных занятий) для проявления врожденных способностей к тому или иному способу плавания.

Ключевые слова: плавание, стилевая специализация, генетическая предрасположенность, сборная команда вуза, сбалансированность состава

Для цитирования: Нечипоренко И.А. Определение истинной стилевой специализации пловцов сборной университета // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 130 – 135. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-130-135

Поступила в редакцию: 6 апреля 2026 г.;
Одобрена после рецензирования: 5 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Determining the true style specialization of the university swimmers

¹ Nechiporenko I.A.,
¹ Platov South Russian State Polytechnic University

Abstract: in the higher education system, student sports, much like in society as a whole, are divided into mass sports and elite sports. The mass sports sector includes athletes with a less advanced level of training or even beginners. A coach tasked with the successful performance of a university's swimming team needs to balance the team's composition based on swimming specialization to avoid weaknesses in competitions. Simple initial testing does not always reveal an athlete's natural inclination towards a particular swimming style, especially for swimmers who have not undergone serious training in a children's sports school, have participated in subscription-based groups, or have even trained independently. To address this, it is necessary to identify the true specialization of each team swimmer, determined by genetic predispositions, through the selection of training methods and the organization of the training process. In such cases, a certain amount of time (number of training sessions) is required for innate abilities in a particular swimming stroke to manifest.

Keywords: swimming, style specialization, genetic predisposition, university team, team balance

For citation: *Nechiporenko I.A. Determining the true style specialization of the university swimmers. Review of Pedagogical Research. 2026. 8 (6). P. 130 – 135. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-130-135*

The article was submitted: April 6, 2026;
Approved after reviewing: May 5, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Студенческая сборная команда Южно-Российского государственного политехнического университета по плаванию защищает честь своего вуза на таких соревнованиях как чемпионат Ростовской области по плаванию среди студентов и Спартакиада высших учебных заведений области.

Чемпионат области по плаванию среди студентов в своём регламенте имеет требования заявлять в составе команды двенадцать человек, независимо от пола, не более четырёх спортсменов на вид программы, не более трёх видов для каждого участника, кроме эстафет. Программа соревнований содержит следующие виды:

1-й день – 50м вольный стиль, 100м на спине, 50м брасс, 100м баттерфляй – (мужчины и женщины), 200м комплексное плавание (женщины), 4x100м эстафета вольный стиль (мужчины), 4x100м комбинированная эстафета (женщины);

2-й день - 100м вольный стиль, 50м на спине, 100м брасс, 50м баттерфляй – (мужчины и женщины), 200м комплексное плавание (мужчины), 4x100м эстафета вольный стиль (женщины), 4x100м комбинированная эстафета (мужчины).

Командное место определяется по сумме 30 лучших результатов, включая эстафеты. Результаты оцениваются по таблице очков ФИНА.

На Спартакиаде высших учебных заведений Ростовской области программа по плаванию включает в себя дистанции 50м вольный стиль и 50м брасс. Состав команды четыре человека – два юноши и две девушки. Каждый участник плывёт только одну дистанцию. Кроме того, проводится смешанная эстафета 4x50м – девушки брасс, юноши брасс, девушки вольный стиль, юноши вольный стиль. В этих соревнованиях командное место определяется по наименьшей сумме мест, занятых участниками команды в индивидуальных видах и в эстафете.

Как видно из программ чемпионата и Спартакиады, перед тренером сборной команды университета по плаванию стоит задача подготовки пловцов-спринтеров всех стилей плавания и девушек кролисток и брасисток в обязательном порядке.

На обучение в университет поступают студенты с различным уровнем плавательной подготовки, с различной стилиевой и дистанционной специализацией. Тренеру необходимо в первую очередь определить стилиевую специализацию пловца, для чего используется контрольное плавание на дистанцию 50м каждым стилем в начале учебного года, в сентябре. Прежняя дистанционная специализация пловца до поступления в вуз уже не имеет значения, если она не совпадает с требованиями регламента соревнований чемпионата и Спартакиады области. Пловцам на средние и длинные дистанции в интересах команды вуза приходится становится спринтерами (речь не идёт о пловцах, выступающих за сборную региона). Проблема формирования сборной команды вуза заключается в том, что спортсменов, прошедших серьёзное обучение в детских спортивных школах по плаванию, поступает в вуз в недостаточном количестве (2-3 в год). Тренеру приходится в этой ситуации привлекать в ряды сборной более-менее способных пловцов, занимавшихся ранее в абонементных группах бассейнов, фитнес-клубов или самостоятельно. Такие пловцы, как правило, имеют проблемы с техникой и результатами того или иного стиля плавания вследствие недостаточного их освоения, что создаёт трудности в определении истинной стилиевой специализации спортсмена.

Материалы и методы исследований

В качестве материала исследований использовались данные педагогических наблюдений за динамикой спортивных результатов спортсменов сборной команды университета по плаванию в виде ежегодных контрольных нормативов на дистанции 50 метров вольным стилем, на спине, брассом и баттерфляем. Нормативы сдаются пловцами в начале каждого учебного года, в сентябре. Чтобы разобраться с тем, чего не хватает конкретному спортсмену – его надо обязательно тестировать [8]. На одном занятии принимается только один норматив с целью получения наиболее чистого результата, не искажённого усталостью от выполнения предыдущего. Поскольку на чемпионате области результаты оцениваются в очках ФИНА, то и опре-

деление специализации новичков сборной, и корректировка специализации студентов второго и третьего курсов осуществляется по наибольшему набору очков в стилях плавания на спине, брасс и баттерфляй. Результат в вольном стиле из-за особенностей регламента чемпионата имеет значение только в связке с результатом в стиле баттерфляй.

После сдачи нормативов каждому спортсмену в зависимости от результатов в разных стилях плавания определяется его специализация. Программа чемпионата области по плаванию среди студентов диктует необходимость иметь в команде следующие виды плавательной специализации:

- 1) вольный стиль-баттерфляй;
- 2) на спине-комплексное плавание;
- 3) брасс.

Пловцы специализации «вольный стиль-баттерфляй» в первый день соревнований плывут 50 метров вольным стилем, во второй день 100 метров вольным стилем и 50 метров баттерфляем.

Пловцы специализации «на спине-комплексное плавание» в первый день соревнований плывут 100 метров на спине, во второй день 50 метров на спине и 200 метров комплексное плавание.

Пловцы специализации «брасс» в первый день соревнований плывут 50 метров брассом, во второй день 100 метров брассом.

В каждой специализации по четыре человека, как диктует регламент соревнований. Таким образом, команда набирает 32 результата, из которых 30 лучших идут в зачёт командной борьбы.

Для определения специализации пловцов использовался уровень их результатов в стилях на спине, брасс и баттерфляй в очках ФИНА.

В процессе работы со сборной командой по плаванию часто возникала ситуация избытка пловцов какой-либо одной специализации и недостатка другой. Чтобы закрыть такой пробел в интересах командного результата, привлекались пловцы, не попадающие в состав команды в своих стилях, но имеющие сносный результат в дефицитном способе плавания. В своё время преподавателями Ленинградского института физкультуры был предложен метод параллельного изучения нескольких способов плавания [7]. И тогда с целью поддержания в тонусе всех способов плавания всеми пловцами в тренировочной программе сборной команды стали использоваться все стили в качестве общей разминки, а также в тренировках на развитие выносливости.

Тренировочный процесс сборной команды университета по плаванию проходит три раза в неделю. Две тренировки посвящаются развитию скоростных качеств и скоростной выносливости. Подготовительная часть (разминка) делится на две части: обще-подготовительную и специально-подготовительную [10]. В качестве общей разминки в дни скоростных тренировок используется следующая схема комплексного плавания:

- 1) 100 метров на ногах кроль на груди;
- 2) 100 метров кроль на груди;
- 3) 100 метров на ногах кроль на спине;
- 4) 100 метров кроль на спине;
- 5) 100 метров на ногах брасс;
- 6) 100 метров брасс;
- 7) 100 метров на ногах баттерфляй;
- 8) 100 метров баттерфляй.

В отличие от соревновательного комплексного плавания стили баттерфляй и кроль на груди здесь меняются местами с целью более мягкого введения организма пловца в тренировку.

Включение в общую разминку плавания на ногах продиктовано тем, что движения ногами являются важной составной частью в каждом из соревновательных способов плавания [4].

В специальной части разминки пловцы выполняют 6 специальных упражнений по 100 метров, в соответствии с каждой специализацией. «Освоение хорошей техники с помощью специальных упражнений остаётся частью тренировочных программ на всех уровнях» [5]. Затем следует функциональная часть тренировки на развитие спринтерских качеств или скоростной выносливости, также согласно стилевой специализации пловцов.

Одна тренировка в неделю направлена на развитие выносливости с использованием всех стилей плавания. Она осуществляется в двух вариантах через неделю:

- 1) кроль на груди, кроль на спине, брасс, баттерфляй – сначала проплываются все стили в указанном порядке по 50 метров, затем по 100, по 200, по 400.

2) на ногах кроль на груди, кроль на груди, на ногах кроль на спине, кроль на спине, на ногах брасс, брасс, на ногах баттерфляй, баттерфляй – по 50, по 100, по 200 метров (используются ласты и лопатки).

Основная цель тренировки в плавании – достижение как можно большей скорости [1]. Это достигается как за счёт наращивания мощности движущих сил, так и за счёт уменьшения гидродинамического сопротивления. Как видно из тренировочной программы сборной команды университета по плаванию, общая и специальная разминка, а также тренировки на развитие выносливости направлены на увеличение скорости за счёт уменьшения гидродинамического сопротивления, а функциональная часть – на увеличение скорости за счёт наращивания мощности движущих сил.

В книге Маклауда «Анатомия плавания» можно видеть, что многие силовые упражнения для баттерфляя развивают мышцы, участвующие и в других стилях плавания [6]. Из этого можно предположить, что применение стиля баттерфляй в тренировке будет улучшать результаты и в других стилях. Ведь использование этого стиля требует более мощных движений рук, ног и туловища. Как считает Бондарчук А.П., в подавляющем большинстве видов спорта рост результатов обусловлен наличием определённого уровня развития силовых качеств [2]. По мнению Верхошанского Ю.В., основными качественно специфическими формами силовых проявлений, наиболее типичными для спортивной деятельности, являются абсолютная сила, скоростная сила, взрывная сила, силовая выносливость [3]. Таким образом, использование в каждой тренировке стиля баттерфляй, пусть и в небольшом объёме, позволяет поддерживать силовые показатели мышц на хорошем уровне и способствовать прогрессу во всех стилях.

Результаты и обсуждения

Первоначально использование всех стилей плавания в каждой тренировке сборной команды имело чисто утилитарные цели – иметь достаточно спортсменов сборной команды для каждого стиля плавания. Однако многолетние наблюдения за результатами ежегодных контрольных заплывов в сентябре обнаружили удивительные факты в их динамике. В этой работе будут приведены данные четырёх спортсменов, два из которых прошли детскую спортивную школу по плаванию, а два занимались в коммерческих абонементных группах бассейна. Для точности сравнения очки за результаты брались по состоянию на 2024 год в таблицах ФИНА. Личные рекорды приведены за выступления на соревнованиях в указанные годы.

Таблица 1

Результаты ежегодных контрольных заплывов пловцов сборной команды университета.

Table 1

The results of the annual control heats of the swimmers of the national team of the university.

Контрольные результаты (сентябрь)								
	50м в\ст	Очки	50м н\сп	Очки	50м брасс	Очки	50м баттер фляй	Очки
Сапрыкин Егор								
2023г.	27,9	377	31,7	344	40,9	227	31,5	329
2024г.	28,4	357	31,0	362	39,4	253	29,6	396
2025г.	28,0	358	31,5	345	40,5	233	30,1	355
Личный рекорд (50м бас) апрель 2024 г.			30,59	456				
Ушанёв Максим								
2024г.	32,0	250	35,8	235	40,1	240	35,5	229
2025г.	29,1	319	35,5	241	37,8	287	33,4	260
Личный рекорд (50м бас) апрель 2025 г.					36,88	348		
Пильгук Данил								
2022г.	31,0	275	38,5	192	47,0	149	45,0	112
2023г.	29,3	325	37,2	213	43,2	192	37,2	199
2024г.	27,5	393	35,7	237	40,1	240	33,1	283
2025г.	27,5	393	34,5	263	39,4	253	31,3	335
Личный рекорд (50м бас) апрель 2024 г.	27,83	424						
Цыганков Матвей								
2023г.	34,5	199	41,6	150	43,5	188	36,9	204
2024г.	33,3	221	39,5	175	37,7	289	36,2	216
Личный рекорд апрель 2025г.					36,84	310		

Студенты Сапрыкин и Ушанёв занимались в детской спортивной школе по плаванию, и у них спортивная специализация была определена правильно, что в дальнейшем подтвердилось прогрессом результатов в избранных стилях. Интересно отметить у Сапрыкина всплеск результата в баттерфляе на контрольных нормативах через год после начала тренировки в сборной вуза, когда он в этом стиле набрал очков больше, чем в своём коронном стиле на спине. Однако на областных соревнованиях его результат подтвердил правильность выбора стиля плавания на спине. Сапрыкин изначально имел высокие результаты, и имеющиеся тренировочные возможности позволили ему лишь поддерживать этот уровень. У Ушанёва были невысокие начальные показатели, но после года тренировки он улучшил результаты во всех стилях, однако брасс у него по-прежнему лучший. Занятия в детской спортивной школе сразу позволили проявиться его истинной плавательной специализации.

Студенту Пильгук по результатам контрольных тестов в 2022 году была определена специализация на спине, так как в этом стиле он набрал очков больше, чем в брассе и баттерфляе. Весь год в тренировке он выполнял специальные упражнения и функциональную работу в плавании на спине. На контрольном тестировании в сентябре 2023 года ему по уровню очков была оставлена специализация на спине, хотя прогресс в других стилях был более существенным. Однако на Кубке университета в декабре 2023 года он занимает 4-е место на дистанции 50м вольным стилем с результатом 27,38 и 5-е место на дистанции 50м на спине с результатом 37,58. Обнаружив застой в результатах на спине и прогресс в результатах вольным стилем и баттерфляем, ему была определена специализация «вольный стиль-баттерфляй». Начиная с декабря 2023 года он выполнял специальные упражнения и функциональную тренировочную работу в стилях кроль на груди и баттерфляй. В апреле 2024 года на чемпионате области по плаванию среди студентов на дистанции 50м вольным стилем он показал результат 27,83, набрав 424 очка, что соответствует результату 26,8 сек в 25-метровом бассейне. Контрольные результаты в сентябре 2024 и 2025 года показали стабилизацию результатов в вольном стиле и дальнейший прогресс на спине, в брассе и баттерфляе.

Студенту Цыганкову в сентябре 2023 года по результатам контрольных нормативов была определена специализация «вольный стиль-баттерфляй». До сентября 2024 года он выполнял специальные упражнения и функциональную работу в соответствии с этим. На контрольных испытаниях в сентябре 2024 года он улучшил результаты во всех стилях плавания, но наибольший прирост был в брассе, который оказался лучшим по набранным очкам. С этого момента Цыганкову поменяли специализацию на «брасс». В апреле 2025 года на соревнованиях он вновь улучшил результат в этом стиле плавания.

Выводы

Как считают Солодков А.С. и Сологуб Е.Б., неадекватный выбор спортивной специализации или стиля соревновательной деятельности резко замедляет рост спортивного мастерства и ограничивает уровень спортивных достижений [9]. Анализ результатов исследований привёл к следующим выводам:

- 1) у пловцов, не занимавшихся в детской спортивной школе, первоначальный приём контрольных нормативов в год поступления не всегда позволяет определить истинную стилевую специализацию, иногда для этого нужно год или два;
- 2) использование всех стилей плавания в разминке и при развитии выносливости приводит к проявлению истинной стилевой специализации даже при ошибочном первоначальном её определении и использовании специальных упражнений и функциональной работы другого стиля в течение года или двух.
- 3) использование всех стилей в сочетании со специальными упражнениями и функциональной работой в своём истинном стиле плавания способствует росту результатов во всех стилях.

Список источников

1. Авдиенко В.Б., Солопов И.Н. Искусство тренировки пловца. Москва, ИТРК, 2019. С. 214.
2. Бондарчук А.П. Основы силовой подготовки в спорте. Москва, Спорт, 2019. С. 3.
3. Верхошанский Ю.В. Основы специальной силовой подготовки в спорте. Москва, 2023. С. 35.
4. Воронцов А.Р. Современная методика подготовки элитных пловцов: учебное пособие. Москва, ИНФРА-М, 2026. С. 50.
5. Люсерио Б. Плавание: 100 лучших упражнений. Москва, ЭКСМО, 2011. С. 24.
6. Маклауд Й. Анатомия плавания. Минск, 2010. 195 с.
7. Плавание: учебник для педагогических факультетов институтов физической культуры / Под ред. Н.Ж. Булгаковой. Москва, «Физическая культура и спорт», 1984. С. 19.
8. Селуянов В.Н. Сердце – не машина. [Электронный ресурс]. [https://bookshake.net/b/serdce ne mashina-viktor-nikolaevich-seluyanov](https://bookshake.net/b/serdce-ne-mashina-viktor-nikolaevich-seluyanov) (дата обращения: 10.01.2026)

9. Солодков А.С., Сологуб Е.Б. Физиология человека. Москва, Советский спорт, 2012. С. 376.
10. Верди Ю.В., Фатун О.Н., Протасова И.В. и др. Физическая культура и спорт. Курс лекций для студентов политехнических вузов: учебное пособие. Новочеркасск, ЮРГПУ (НПИ), 2020. С. 74.

References

1. Avdienko V.B., Solopov I.N. The Art of Swimmer Training. Moscow, ITRK, 2019. P. 214.
2. Bondarchuk A.P. Fundamentals of Strength Training in Sports. Moscow, Sport, 2019. P. 3.
3. Verkhoshansky Yu.V. Fundamentals of Special Strength Training in Sports. Moscow, 2023. P. 35.
4. Vorontsov A.R. Modern Methods of Training Elite Swimmers: A Study Guide. Moscow, INFRA-M, 2026. P. 50.
5. Lyusero B. Swimming: 100 Best Exercises. Moscow, EKSMO, 2011. P. 24.
6. MacLeod J. Anatomy of Swimming. Minsk, 2010. 195 p.
7. Swimming: a textbook for pedagogical faculties of physical education institutes. Ed. N.Zh. Bulgakova. Moscow, "Physical Education and Sport", 1984. P. 19.
8. Seluyanov V.N. The heart is not a machine. [Electronic resource]. <https://bookshake.net/b/serdce-ne-mashina-viktor-nikolaevich-seluyanov> (date of access: 10.01.2026)
9. Solodkov A.S., Sologub E.B. Human physiology. Moscow, Sovetsky Sport, 2012. P. 376.
10. Verdi Yu.V., Fatun O.N., Protasova I.V. et al. Physical Education and Sport. Lecture Course for Students of Polytechnic Universities: a Textbook. Novocherkassk, SUPU (NPI), 2020. P. 74.

Информация об авторе

Нечипоренко И.А., доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет имени М.И. Платова, ivan.nechiporenko@yandex.ru

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

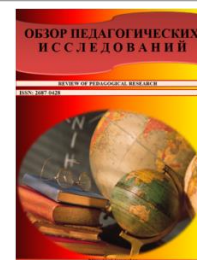
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.6. Оздоровительная и адаптивная физическая культура (педагогические науки)

УДК 796

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-136-140

Обзор современных подходов физической реабилитации после операционного вмешательства на плечевом суставе

¹ Шлычков Д.В.,
¹ Российский университет спорта «ГЦОЛИФК»

Аннотация: материалы и методы: статья посвящена систематизации и анализу современных подходов физической реабилитации пациентов, перенёсших оперативные вмешательства на плечевом суставе. В ходе поиска в ведущих международных и отечественных научных базах данных (PubMed, Scopus, Google Scholar, РИНЦ, КиберЛенинка, РГБ) было проанализировано более 20 научных публикаций.

Результаты. В статье систематизированы основные методы и средства физической реабилитации, применяемые на ранних и поздних этапах послеоперационного восстановления: лечебная физическая культура, проприоцептивная нейромышечная фасилитация, механотерапия, физиотерапевтические воздействия, а также современные технологии биологической обратной связи.

Заключение. Сделан вывод о необходимости разработки унифицированных комплексных программ физической реабилитации с доказанной эффективностью, ориентированных на функциональное восстановление плечевого сустава и повышение качества жизни пациентов.

Ключевые слова: физическая реабилитация, плечевой сустав, послеоперационное восстановление, лечебная физическая культура

Для цитирования: Шлычков Д.В. Обзор современных подходов физической реабилитации после операционного вмешательства на плечевом суставе // Обзор педагогических исследований // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 136 – 140. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-136-140

Поступила в редакцию: 7 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Review of modern approaches to physical rehabilitation after shoulder joint surgery

¹ Shlychikov D.V.,
¹ Russian University of Sports «GTSOLIFK»

Abstract: materials and methods: the article is devoted to the systematization and analysis of modern approaches to physical rehabilitation of patients who have undergone surgical interventions on the shoulder joint. A search of leading international and domestic scientific databases (PubMed, Scopus, Google Scholar, RSCI, CyberLeninka, RSL) yielded more than 20 publications.

Results. The paper systematizes the main methods and means of physical rehabilitation applied at early and late postoperative stages: therapeutic exercise, proprioceptive neuromuscular facilitation, mechanotherapy, physiotherapeutic interventions, and modern biofeedback technologies.

Conclusion. The conclusion underlines the need for evidence-based, unified comprehensive physical rehabilitation programs aimed at functional recovery of the shoulder joint and improvement of patients' quality of life.

Keywords: physical rehabilitation, shoulder joint, postoperative recovery, therapeutic exercise

For citation: Shlychkov D.V. Review of modern approaches to physical rehabilitation after shoulder joint surgery. *Review of Pedagogical Research*. 2026. 8 (6). P. 136 – 140. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-136-140

The article was submitted: April 7, 2026; Approved after reviewing: May 5, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Патологии плечевого сустава, требующие хирургического вмешательства, занимают одно из ведущих мест в структуре заболеваний опорно-двигательного аппарата и неуклонно приобретают характер глобальной медико-социальной проблемы. По данным Всемирной организации здравоохранения, оперативные вмешательства на плечевом суставе ежегодно выполняются у нескольких миллионов пациентов. В Российской Федерации число артроскопических операций на плечевом суставе неуклонно растёт на фоне расширения доступности высокотехнологичной медицинской помощи и увеличения доли активного трудоспособного населения, обращающегося за специализированной помощью [1].

Вместе с тем само по себе хирургическое вмешательство не является достаточным условием восстановления функций плечевого сустава. Операция создаёт лишь анатомическую основу для реабилитации, тогда как достижение полноценного функционального результата определяется правильно организованным и методически грамотным процессом физической реабилитации. В послеоперационном периоде у пациентов закономерно развиваются болевой синдром, отёк мягких тканей, выраженная гипотрофия и слабость мышц плечевого пояса, ограничение объёма движений, нарушение чувствительности и координационных способностей, что в совокупности существенно снижает качество жизни и ограничивает возможности профессиональной и бытовой деятельности [2].

Накопленный опыт показывает, что в Российской Федерации до настоящего времени отсутствует единый стандарт физической реабилитации после операций на плечевом суставе, утверждённый с позиций адаптивной и оздоровительной физической культуры. Имеющиеся клинические рекомендации носят преимущественно медицинский характер и не отражают в полной мере организацию и методики процесса физической реабилитации. Между тем в настоящее время накоплен значительный объём данных о высокой эффективности различных средств и методов физической реабилитации применительно к патологии плечевого сустава. **Актуальность** настоящего обзорного исследования направлено на систематизацию и анализ современных подходов физической реабилитации после операционных вмешательств на плечевом суставе с точки зрения методики, организации и управления реабилитационным процессом в условиях физкультурно-оздоровительных учреждений и специализированных реабилитационных центров.

Теоретическая значимость настоящего исследования состоит в систематизации и обобщении актуальных научных данных о методах, средствах и принципах организации физической реабилитации после оперативных вмешательств на плечевом суставе. Проводившиеся ранее исследования в данной области имели преимущественно медицинский характер и не рассматривали реабилитационный процесс сквозь призму теории и методики адаптивной физической культуры. Результаты обзора расширяют представления о дидактических основах организации реабилитационных программ, принципах дозирования нагрузки, методах контроля и самоконтроля в ходе послеоперационного восстановления.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов при разработке научно обоснованных комплексных программ физической реабилитации, адресованных специалистам в области лечебной и адаптивной физической культуры, инструкторам-методистам реабилитационных центров, врачам-специалистам по лечебной физкультуре. Выявленные наиболее эффективные средства и методы могут быть положены в основу обновления профессиональных образовательных программ, подготовки и переподготовки специалистов в сфере физической реабилитации, также могут быть использованы при составлении индивидуальных реабилитационных программ для пациентов, перенёсших операции на плечевом суставе, что будет способствовать сокращению сроков восстановления, снижению числа осложнений и повышению качества жизни.

Материалы и методы исследований

Научные предпосылки настоящего исследования формируются на нескольких взаимосвязанных уровнях: теоретическом, методологическом и прикладном. На теоретическом уровне фундаментальной предпосылкой служит теория физической реабилитации С.Н. Попова, в соответствии с которой восстановление

утраченной функции рассматривается как перестройка всей функциональной системы организма, а не только локальное устранение повреждения. Применительно к физической реабилитации это предполагает, что процесс восстановления функции плечевого сустава после операции должен быть направлен не только на укрепление повреждённых структур, но и на восстановление межмышечной координации, нейромышечного контроля [3].

На методологическом уровне существенной предпосылкой является развитие концепции нейропластичности и моторного обучения в применении к реабилитации опорно-двигательного аппарата. В отечественной науке это нашло отражение в работах Н.М. Хаддад, Н.В. Земцова, Э.М. Османова, В.Л. Лернер, Т.Н. Федоровой, Н.П. Троицкого и других исследователей, посвящённых поиску средств лечебной физической культуры при патологии плечевого сустава.

На прикладном уровне предпосылкой для проведения обзора послужило наличие значительного числа разрозненных клинических исследований, посвящённых частным аспектам реабилитации плечевого сустава, и очевидная потребность в их систематизации в рамках педагогической научной специальности. Различные подходы, применяемых в российских и зарубежных учреждениях, отсутствие общепризнанных педагогических критериев оценки эффективности реабилитационных программ, а также недостаточная представленность данной тематики в отечественных диссертационных исследованиях по специальности 5.8.6. «Оздоровительная и адаптивная физическая культура» в совокупности обусловили необходимость проведения настоящего обзорного исследования.

Для достижения цели исследования был осуществлён систематический поиск и анализ научных публикаций в ведущих международных и отечественных базах данных: PubMed, Scopus, Google Scholar, РИНЦ, фондах Российской государственной библиотеки (РГБ).

Результаты и обсуждения

Плечевой сустав является наиболее подвижным суставом человеческого тела и обеспечивает движения в трёх плоскостях, его высокая подвижность достигается за счёт относительно небольшой площади суставной поверхности лопатки, что обуславливает анатомическую нестабильность сустава и предрасположенность к дегенеративно-дистрофическим и травматическим повреждениям.

Наиболее распространёнными хирургическими вмешательствами на плечевом суставе являются: артроскопическая и открытая реконструкция вращательной манжеты плеча, операции при нестабильности плечевого сустава, в том числе операция Латарже, процедура Банкарта, субакромиальная декомпрессия, а также тотальное и обратное эндопротезирование плечевого сустава.

В современной научной литературе (Bullock G.S., Garrigues G.E., Ledbetter L., Kennedy J.) принято выделять три основных периода физической реабилитации после оперативных вмешательств на плечевом суставе. Первый (ранний послеоперационный) период охватывает первые 6 недель после операции и характеризуется режимом иммобилизации оперированной конечности. Задачами данного периода являются уменьшение болевого синдрома и отёка, профилактика трофических нарушений, поддержание мышечного тонуса посредством изометрических сокращений, обучение пациента правилам охранительного режима. Второй период (восстановление объёма движений) продолжается ориентировочно с 6-й по 12-ю неделю: основное внимание уделяется постепенному расширению амплитуды движений в плечевом суставе, восстановлению нейромышечного контроля, укреплению мышц вращательной манжеты. Третий период (силовая реабилитация и возвращение к активности) начинается примерно с 12-й недели и направлен на восстановление мышечной силы, выносливости, функциональных двигательных паттернов и возвращение к профессиональной и спортивной деятельности [4].

Лечебная физическая культура является одним из основным методом физической реабилитации после операций на плечевом суставе на протяжении всего послеоперационного периода. В зарубежной литературе данный метод описывается под термином «therapeutic exercise» или «physical therapy». Систематический обзор Brislin K.J. и соавторов, охватывающий 22 рандомизированных контролируемых исследования, убедительно продемонстрировал, что структурированные программы ЛФК достоверно улучшают исходы реабилитации после операций на вращательной манжете плеча как в отношении объёма движений, так и в отношении мышечной силы и функционального состояния по стандартизированным шкалам (DASH, Constant-Murley Score) [4].

Одним из наиболее широко применяемых методов физической реабилитации при патологии плечевого сустава является проприоцептивная нейромышечная фасилитация (ПНФ). По мнению Т.П. Бегидовой, Е.Ю. Мукиной и др., «метод позволяет активизировать рецепторы опорно-двигательного аппарата, улучшает функции конечностей, позволяя лучше их контролировать, а также расширяет диапазон движений в суста-

вах» [5, с. 169]. Однако данный метод требует высокой квалификации специалиста в области лечебной и адаптивной физической культуры, умения адекватно дозировать ручное сопротивление, своевременно корректировать биомеханику выполнения паттернов и обеспечивать вербальную и тактильную обратную связь с пациентом.

Механотерапия и аппаратные методы в реабилитации плечевого сустава применяются преимущественно для пассивного восстановления объёма движений в раннем послеоперационном периоде. Наиболее изученным аппаратным методом является устройство непрерывной пассивной мобилизации, широко применяемое в Европе и Северной Америке. В Российской Федерации механотерапия плечевого сустава реализуется преимущественно с использованием блоковых систем, маятниковых устройств и роботизированных тренажёров [6].

Одним из наиболее перспективных инновационных направлений физической реабилитации после операций на плечевом суставе является применение технологий биологической обратной связи (БОС) – метода, основанного на регистрации физиологических сигналов (ЭМГ, данных акселерометров, силовых датчиков) и предоставлении пациенту в режиме реального времени визуальной или аудиальной информации о характеристиках его движений [7]. Данный подход непосредственно реализует принцип моторного обучения: внешняя обратная связь обеспечивает ускоренное формирование правильного двигательного паттерна, способствует коррекции ошибок и повышению мотивации пациента.

В заключении сравним российские и зарубежные подходы к физической реабилитации после операционного вмешательства на плечевом суставе. Общим для большинства исследований является признание принципа ранней активизации пациентов, т.е. начала реабилитационных мероприятий в течение первых 24-72 часов после операции, как фактора, достоверно улучшающего долгосрочные функциональные исходы.

Вместе с тем зарубежные реабилитационные протоколы, как правило, носят более стандартизированный характер: в США, Германии, Нидерландах широко используются пофазные реабилитационные протоколы (phase-based rehabilitation protocols), жёстко регламентирующие виды упражнений, их интенсивность и объём применительно к каждому этапу послеоперационного периода. В Российской Федерации реабилитационные программы нередко формируются по принципу индивидуализации, что, с одной стороны, позволяет гибко учитывать индивидуальные особенности пациента, а с другой, может снижать воспроизводимость результатов и затрудняет научную оценку эффективности применяемых методов.

Выводы

Цель настоящего исследования состояла в проведении систематизации и анализа современных подходов физической реабилитации после операционных вмешательств на плечевом суставе. В работе систематизированы ведущие методы физической реабилитации, дана оценка их обоснованности и доказательной базы, выявлены научные предпосылки для дальнейших исследований. Таким образом, вывод данного обзора органично согласуется с его целью, представленный анализ создаёт методологическую основу для разработки унифицированных программ физической реабилитации плечевого сустава, научно обоснованных с позиций педагогики физической культуры.

Пути дальнейших исследований должны быть направлены на проведение педагогических экспериментов по разработке и апробации комплексных программ физической реабилитации после конкретных видов операций на плечевом суставе; на изучение педагогических условий применения инновационных технологий (БОС, виртуальной реальности) в реабилитационном процессе; на разработку педагогических критериев оценки эффективности физической реабилитации и создание отечественных стандартизованных инструментов функциональной диагностики для специалистов в области адаптивной физической культуры.

Список источников

1. Тихилов Р.М., Доколин С.Ю., Кузнецов И.А. и др. Отдалённые результаты артроскопического лечения рецидивирующей нестабильности плечевого сустава, причины неудачных исходов // Травматология и ортопедия России. 2011. № 1 (59). С. 5 – 13. DOI: 10.21823/2311-2905-2011-0-1-5-13. URL: <https://journal.rniito.org/jour/article/view/388> (дата обращения: 12.02.2026)
2. Ужахов И.М. Отдалённые результаты нового подхода в диагностике, лечении и послеоперационной реабилитации больных с хронической нестабильностью плечевого сустава // Сборник материалов. VIII Пироговский форум травматологов-ортопедов. 15-16 ноября 2023, Москва. Казань: Медицинский издательский дом «Практика», 2023. С. 84 – 86.
3. Попов С.Н. Физическая реабилитация: учебник: в 2 т. / Под ред. С.Н. Попова. М.: Академия, 2013. 420 с.

4. Bullock G.S., Garrigues G.E., Ledbetter L., Kennedy J. A systematic review of proposed rehabilitation guidelines following anatomic and reverse shoulder arthroplasty // Journal of Orthopaedic & Sports Physical Therapy. 2019. Vol. 49. No. 5. P. 337 – 346. DOI: 10.2519/jospt.2019.8616. URL: <https://www.jospt.org/doi/10.2519/jospt.2019.8616> (дата обращения: 12.02.2026)
5. Бегидова Т.П., Мукина Е.Ю. ПНФ-терапия в комплексной реабилитации лиц с поражением опорно-двигательного аппарата // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27. № 1. С. 165 – 171. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-1-165-171> (дата обращения: 21.02.2026)
6. Уйба В.В., Баранкин Б.В., Кабаев Е.М., Симонов К.В. Биомеханическая роботизированная механотерапия и ремоделирование в комплексной послеоперационной реабилитации травм плечевого сустава // Медицина экстремальных ситуаций. 2020. № 22 (1). С. 28 – 38.
7. Lephart S.M., Fu F.H. Proprioception and Neuromuscular Control in Joint Stability. Champaign, IL: Human Kinetics, 2000. 439 p. ISBN: 978-0-88011-864-4. URL: <https://books.google.com/books?id=yT25tBsZbbYC> (дата обращения: 12.02.2026)

References

1. Tikhilov R.M., Dokolin S.Yu., Kuznetsov I.A. et al. Remote results of arthroscopic treatment of recurrent instability of the shoulder joint, causes of unsuccessful outcomes. Traumatology and Orthopedics of Russia. 2011. No. 1 (59). P. 5 – 13. DOI: 10.21823/2311-2905-2011-0-1-5-13. URL: <https://journal.mniito.org/jour/article/view/388> (date of access: 12.02.2026)
2. Uzhakhov I.M. Remote results of a new approach to diagnosis, treatment and postoperative rehabilitation of patients with chronic instability of the shoulder joint. Collection of materials. VIII Pirogov Forum of Traumatologists and Orthopedists. November 15-16, 2023, Moscow. Kazan: Medical Publishing House "Praktika", 2023. P. 84 – 86.
3. Popov S.N. Physical Rehabilitation: Textbook: in 2 volumes. Ed. by S.N. Popov. Moscow: Academy, 2013. 420 p.
4. Bullock G.S., Garrigues G.E., Ledbetter L., Kennedy J. A systematic review of proposed rehabilitation guidelines following anatomic and reverse shoulder arthroplasty. Journal of Orthopaedic & Sports Physical Therapy. 2019. Vol. 49. No. 5. P. 337 – 346. DOI: 10.2519/jospt.2019.8616. URL: <https://www.jospt.org/doi/10.2519/jospt.2019.8616> (date of access: 12.02.2026)
5. Begidova T.P., Mukina E.Yu. PNF therapy in the complex rehabilitation of individuals with musculoskeletal disorders. Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2022. Vol. 27. No. 1. P. 165 – 171. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-1-165-171> (date of access: 21.02.2026)
6. Uyba V.V., Barankin B.V., Kabaev E.M., Simonov K.V. Biomechanical robotic mechanotherapy and remodeling in complex postoperative rehabilitation of shoulder joint injuries. Medicine of extreme situations. 2020. No. 22 (1). P. 28 – 38.
7. Lephart S.M., Fu F.H. Proprioception and Neuromuscular Control in Joint Stability. Champaign, IL: Human Kinetics, 2000. 439 p. ISBN: 978-0-88011-864-4. URL: <https://books.google.com/books?id=yT25tBsZbbYC> (date of access: 12.02.2026)

Информация об авторе

Шлычков Д.В., аспирант, Российский университет спорта «ГЦОЛИФК», г. Москва, Сиреневый бульвар, д. 4, swampie5000@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

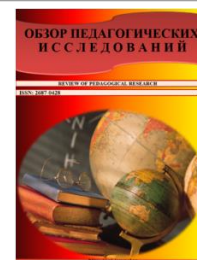
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.4. Физическая культура и профессиональная физическая подготовка (педагогические науки)

УДК 796.8

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-141-148

Место спортивной борьбы в системе формирования прикладных двигательных компетенций подростков

¹ Аладжеев В.О.,

¹ Адыгейский государственный университет

Аннотация: в статье рассматривается место спортивной борьбы в системе формирования прикладных двигательных компетенций подростков. Обоснована актуальность поиска таких средств физкультурно-спортивной деятельности, которые обеспечивают повышение двигательной активности и обладают выраженной эмоциональной насыщенностью. Дана характеристика двигательных компетенций подростков. Показано, что спортивная борьба обладает выраженным педагогическим потенциалом за счет сочетания противоборства, внешнего сопротивления, вариативности двигательных ситуаций и необходимости постоянной адаптации действий. Раскрыты возможности интеграции спортивной борьбы в образовательную среду. Предложено рассматривать упражнения спортивной борьбы на уровне традиционного учебно-тренировочного применения и уровне углубленной функциональной адаптации. Охарактеризованы наиболее значимые методические принципы эффективного использования элементов спортивной борьбы. Выделены группы прикладных двигательных компетенций подростков, формируемых средствами спортивной борьбы.

Ключевые слова: спортивная борьба, подростки, двигательные компетенции, прикладные двигательные компетенции, физическое воспитание, учебно-тренировочный процесс

Для цитирования: Аладжеев В.О. Место спортивной борьбы в системе формирования прикладных двигательных компетенций подростков // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 141 – 148. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-141-148

Поступила в редакцию: 8 апреля 2026 г.;
Одобрена после рецензирования: 6 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

The place of combat sports in the system of formation of applied motor competencies of adolescents

¹ Aladzhev V.O.,

¹ Adygea State University

Abstract: the article examines the role of combat sports in the system of formation of applied motor competencies of adolescents. The relevance of searching for such means of physical culture and sports activity that ensure an increase in motor activity and possess pronounced emotional engagement is substantiated. The characteristics of adolescents' motor competencies are presented. It is shown that combat sports have significant pedagogical potential due to the combination of opposition, external resistance, variability of motor situations, and the need for continuous adaptation of actions. The possibilities of integrating combat sports into the educational environment of general schools and youth sports schools are revealed. It is proposed to consider combat sports exercises at two levels: traditional training application and advanced functional adaptation. The most significant methodological

principles for the effective use of combat sports elements are characterized. Groups of applied motor competencies of adolescents formed through combat sports are identified.

Keywords: wrestling, teenagers, motor competencies, applied motor competencies, physical education, educational and training process

For citation: Aladzhev V.O. *The place of combat sports in the system of formation of applied motor competencies of adolescents. Review of Pedagogical Research.* 2026. 8 (6). P. 141 – 148. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-141-148

The article was submitted: April 8, 2026; Approved after reviewing: May 6, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Физическое воспитание подростков в современных условиях приобретает особую актуальность в связи с нарастающей гиподинамией, снижением двигательной активности и недостаточной сформированностью прикладных двигательных компетенций у учащихся общеобразовательных школ. По данным ряда исследователей, до 75-85% старшеклассников испытывают хронический дефицит двигательной нагрузки, а большинство школьников проводят 82-85% дневного времени в статичном положении. Все это негативно отражается на состоянии их здоровья и препятствует нормальному физическому развитию.

В этих условиях традиционные формы физического воспитания нередко оказываются недостаточно эффективными с точки зрения формирования устойчивой мотивации к занятиям и обеспечения необходимого уровня двигательных компетенций подростков.

Одним из наиболее перспективных средств в данном контексте выступает спортивная борьба – вид двигательной деятельности, объединяющий элементы противоборства, внешнего сопротивления, вариативности двигательных ситуаций и необходимости непрерывной адаптации действий. Спортивная борьба в её различных проявлениях: вольная борьба, греко-римская борьба, самбо, дзюдо, борьба на поясах и другие виды единоборств, обладает выраженной прикладной направленностью двигательной деятельности, что делает её особенно значимым инструментом формирования прикладных двигательных компетенций подростков.

Интеграция спортивной борьбы в образовательную среду открывает возможности для обеспечения преемственности между базовым физическим воспитанием в общеобразовательной школе и специализированной учебно-тренировочной деятельностью в системе дополнительного спортивного образования, в частности в детско-юношеских спортивных школах.

Данный подход позволяет рассматривать спортивную борьбу одновременно как средство формирования базовых двигательных компетенций подростков и как инструмент их углублённой функциональной адаптации. Таким образом, исследование места спортивной борьбы в системе формирования прикладных двигательных компетенций подростков представляется актуальным как в теоретическом, так и в практическом отношении.

Материалы и методы исследований

Основу методологии настоящего исследования составил теоретический анализ и синтез научно-методической литературы по проблемам физического воспитания подростков, формирования двигательных компетенций и применения средств спортивной борьбы в образовательном процессе.

При написании настоящей статьи, автором были использованы следующие методы научного познания: метод педагогического моделирования, структурно-функциональный анализ.

Спортивная борьба в настоящем исследовании рассматривается как обобщённое педагогическое средство без дифференциации по отдельным видам, что обусловлено единством их прикладной направленности и сходством структуры двигательной деятельности. Совокупность применённых методов обеспечила возможность комплексного рассмотрения исследуемой проблемы и разработки теоретически обоснованных методических рекомендаций по использованию средств спортивной борьбы в процессе формирования прикладных двигательных компетенций подростков.

Результаты и обсуждения

Физическое воспитание подростков является важнейшим компонентом воспитательного процесса и условием полноценного физического развития личности. В школьном возрасте занятия физической культурой приобретают особое значение, поскольку именно в этот период закладываются основы здоровья и со-

здаются предпосылки для дальнейшего гармоничного развития организма.

И.В. Бочарин справедливо отмечает, что «двигательная активность представляет собой неотъемлемый и сложный комплекс поведения, зависящий как от биологических, так и от внешних факторов. Известно, что физические нагрузки выступают в качестве естественных стресс-стимулов для обеспечения нормальной жизнедеятельности организма и его биологического развития, особенно в период обучения в школе» [2, с. 24].

А.Я. Чамокова, выделяя двигательную активность как важнейшую составляющую образа жизни школьников, отмечает проблему ее текущей недостаточности: «условия обучения в школе существенно ограничивают естественную физическую активность учащихся, поскольку подразумевают преимущественно сидячий образ жизни. По некоторым данным, у детей снижается двигательная активность практически до 50% с поступлением в старшую школу. Недостаточная физическая нагрузка присуща 35-40% школьникам младших классов и 75-85% ученикам старших классов. Большинство школьников 82-85% дневного времени проводит в статичном положении, сидя за партой. Также отмечается, что физическая активность подростков зависит от времени года – в холодную пору она, как правило, снижается. Отмечается, что малоподвижный образ жизни отображается на ухудшении общего состояния здоровья подростков и вызывает ряд существенных изменений в их организме» [9, с. 77-78].

Очевидно, что недостаточная двигательная активность негативно отражается на состоянии здоровья подростков и препятствует нормальному ходу их физического развития.

При этом, традиционные формы физического воспитания далеко не всегда обеспечивают достаточный уровень мотивации. Часто они воспринимаются учащимися как обязательная учебная нагрузка, на что указывает Т.А. Хорошева [8] и ряд других авторов. Поэтому в современных условиях возрастает значение видов физкультурно-спортивной деятельности, которые обладают более выраженной эмоциональной насыщенностью и позволяют подростку формировать необходимый уровень двигательных компетенций.

Под двигательными компетенциями подростков следует понимать комплексную характеристику их физической подготовленности в виде совокупности двигательных умений и навыков, способность применять их в различных условиях деятельности, а также готовность использовать двигательный опыт для решения жизненных задач.

Е.Е. Елаева выделяет следующие ключевые процессы при формировании двигательных компетенций: «познавательный процесс, который состоит в осознании цели движения, его структуры и результатов в овладении суммой знаний; процесс установления и закрепления соответствующих условно-рефлекторных связей; процесс морфологической и функциональной перестройки опорно-двигательного аппарата, вегетативных функций организма; процесс развития физических качеств и некоторых сторон психической сферы в соответствии с требованиями изучаемых движений» [4, с. 223].

К числу наиболее эффективных средств формирования двигательных компетенций относится спортивная борьба в различных ее проявлениях. Ее применение в качестве средства физкультурно-спортивной деятельности обладает значительным педагогическим потенциалом. Специфика спортивной борьбы заключается в сочетании перемещений, захватов, выведений из равновесия, удержаний, бросковых и защитных действий, выполняемых в условиях непосредственного противоборства с партнером.

К наиболее актуальным видам спортивной борьбы с точки зрения физического воспитания подростков относятся вольная борьба, греко-римская борьба, самбо, дзюдо, борьба на поясах и другие формы единоборств. Данные виды единоборств объединяет прикладная направленность двигательной деятельности [3], [6, 7, 10].

В рамках настоящего исследования спортивная борьба рассматривается как обобщенное педагогическое средство, без дифференциации по отдельным видам.

Интеграция спортивной борьбы в образовательную среду предполагает согласование возможностей двух звеньев физического воспитания подростков: общеобразовательной школы и системы дополнительного спортивного образования, в частности, детско-юношеской спортивной школы. Идеи интеграции общего и дополнительного образования в сфере физической культуры находят отражение, в частности, в исследованиях Н.М. Ахтемзяновой [1], А.Я. Журкиной [5] и других авторов.

В данном контексте общеобразовательная школа обеспечивает базовый уровень физкультурного образования. Организации дополнительного спортивного образования, в свою очередь, создают условия для систематической учебно-тренировочной деятельности и углубленного освоения двигательных действий.

Содержание упражнений по спортивной борьбе также предлагается рассматривать на двух уровнях – на уровне традиционного учебно-тренировочного применения и на уровне углубленной функциональной адаптации.

То есть она может рассматриваться как средство, обеспечивающее преемственность между школьным физическим воспитанием и специализированной тренировочной подготовкой. В первом случае упражнения реализуются как средство формирования базовых двигательных компетенций подростков, во втором – приобретают более выраженную прикладную направленность. Содержание упражнений в первом и втором случаях показано в табл. 1.

Таблица 1

Содержание упражнений по спортивной борьбе на уровне традиционного учебно-тренировочного применения и на уровне углубленной функциональной адаптации.

Table 1

Content of wrestling exercises at the level of traditional educational and training use and at the level of advanced functional adaptation.

Вид упражнения	Традиционное использование в учебно-тренировочном процессе	Реализация на уровне углубленной функциональной адаптации
Борцовские передвижения в стойке	Выполняются в свободном пространстве. Ориентация на совершенствование техники и мобильности передвижений	Выполняются в условиях пространственных ограничений и внешнего сопротивления. Основной акцент делается на устойчивость, контроль корпуса и управляемость движений
Упражнения на удержание равновесия	Развитие координации без активного воздействия со стороны партнера	Переориентация на сохранение устойчивости при активных попытках смещения со стороны партнера
Подготовительные силовые упражнения с партнером	Упражнения выполняются преимущественно в динамическом режиме как элемент подготовки к техническим действиям	Упражнения реализуются в статико-динамическом режиме. Осуществляется фиксация позиций и контроль усилия
Упражнения на захваты и удержание захвата	Применяются как подготовительный элемент для последующего выполнения приема	Используются без развития приема. Акцент делается на устойчивость, контроль усилия, сохранение позиции
Силовые упражнения в стойке	Выполняются в стандартном режиме, ориентированном на развитие силы	Выполняются в условиях ограниченного времени и на фоне нарастающего утомления
Перемещения в низких стойках	Кратковременное применение, преимущественно как вспомогательные упражнения	Упражнения дополняются элементами длительного удержания положения и смены направления под нагрузкой
Упражнения на сопротивление партнеру	Использование комплекса упражнений в форме однонаправленного сопротивления	Упражнения реализуются в условиях многовекторного воздействия с изменением ролей партнеров
Элементы круговой тренировки борцовской направленности	Направленность на развитие специальной выносливости обучающихся	Модифицируются путем включения статико-динамических и прикладных заданий

Таким образом, дифференциация упражнения по спортивной борьбе зависит от целей учебно-тренировочного процесса и уровня их функциональной адаптации к задачам формирования двигательных компетенций подростков.

Для более полного использования потенциала спортивной борьбы в формировании прикладных двигательных компетенций подростков целесообразно выделить специальные дополнительные комплексы в рамках табл. 2. Актуальность их включения обусловлена возможностью усиления практической составляющей тренировочного процесса без выхода за рамки содержания спортивной борьбы.

Таблица 2

Содержание дополнительных комплексов упражнений по спортивной борьбе.

Table 2

Contents of additional exercise sets for wrestling.

Название блока упражнений	Цель блока	Виды упражнений	Характеристика упражнений
Упражнения на позиционную устойчивость и удержание положения	Формирование способности сохранять контроль положения тела и устойчивость под внешним воздействием	Статическое удержание борцовской стойки при активном давлении партнера	Выполнение удержания базовой борцовской стойки при постоянном или переменном силовом давлении со стороны партнера без изменения положения ног и корпуса
		Удержание устойчивого положения корпуса при попытках смещения	Сохранение заданного положения корпуса и центра тяжести при целенаправленных попытках партнера нарушить равновесие путем толчков, тяг или смещений
		Сохранение позиции в ограниченном пространстве	Удержание устойчивого положения тела и ориентации в условиях пространственных ограничений (ограниченная площадь, близость препятствий или партнера)
		Статико-динамические задания с фиксацией конечного положения	Последовательное выполнение медленных или контролируемых движений с обязательной фиксацией заданного конечного положения тела на определенное время
Упражнения на силовое противодействие и контроль усилия	Развитие способности работать с внешним сопротивлением и управлять силовым воздействием	Тяговые и толкающие действия с партнером без выполнения приема	Выполнение силовых действий с партнером без выхода на бросок или прием (развитие способности прикладывать и дозировать усилие в условиях прямого сопротивления)
		Перераспределение веса партнера при сохранении устойчивости	Выполнение движений, связанных с приемом, переносом и компенсацией внешней нагрузки за счет изменения положения корпуса и опоры без нарушения равновесия
		Контролируемое противодействие усилию партнера	Работа в режиме регулируемого силового сопротивления, при котором обучающиеся осознанно изменяют уровень прикладываемого усилия в ответ на действия партнера
		Удержание позиции при многовекторном внешнем воздействии	Сохранение заданного положения тела при одновременном воздействии партнера в разных направлениях (координация мышечных усилий и пространственного контроля)
Упражнения на перемещение и работу в ограниченных условиях	Адаптация к пространственным и ситуационным ограничениям двигательной деятельности	Перемещения в низких и ограниченных стойках	Выполнение передвижений с пониженным положением центра тяжести (развитие устойчивости и экономичности движений в стесненных условиях)
		Ползание и переходы между уровнями положения тела	Последовательная смена положений тела (стоя – полустойка – упор – ползание)
		Передвижение с партнером в условиях дефицита пространства	Совместные перемещения с партнером при ограниченной площади, согласование действий, контроль дистанции и устойчивости
		Смена направления движения под внешним воздействием	Изменение траектории перемещения под влиянием действий партнера или заданных условий без остановки двигательной активности

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

Упражнения на выполнение специальных действий в условиях утомления	Формирование готовности к выполнению специальных двигательных действий на фоне утомления	Борцовские передвижения после предварительной беговой нагрузки	Выполнение специализированных борцовских перемещений на фоне предварительного утомления, направленное на сохранение техники и координации движений
		Сохранение устойчивости и контроля позиции на фоне утомления	Поддержание устойчивого положения тела при сниженных функциональных возможностях организма вследствие накопленного утомления
		Статико-динамическая работа с партнером при ограниченном восстановлении	Чередование удержаний и контролируемых движений с партнером при сокращенных паузах отдыха
		Последовательное выполнение специальных действий без пауз отдыха	Непрерывное выполнение ряда специальных двигательных действий без восстановления, требующее устойчивости, концентрации и саморегуляции

Необходимо отметить, что представленные комплексы упражнений приближены по своему характеру к условиям будущей военной службы вследствие формирования двигательных компетенций готовности подростков в условиях внешнего воздействия, пространственных ограничений и утомления.

В качестве самостоятельного направления развития двигательных компетенций подростков выделены учебные схватки.

В традиционной учебно-тренировочной подготовке учебные схватки, как правило, используются в качестве средства закрепления освоенных технических действий и подготовки к соревновательной деятельности. Их основное назначение заключается в приближении тренировочного процесса к условиям реального поединка. В традиционном формате учебная схватка чаще ориентирована на спортивный результат и эффективность применения приемов. В контексте формирования прикладных двигательных компетенций она может выполнять более широкую функцию – моделировать усложненные условия деятельности, требующие от подростка способности действовать при ограничениях.

В частности, значительным прикладным потенциалом обладают следующие педагогические нововведения в области учебных схваток.

1. Ограничения на действия: запрет выполнения отдельных технических приемов, в ряде ситуаций – разрешение использования только базовых действий. Смысл нововведения заключается в смещении акцента на выбор простых способов ведения борьбы в заданных условиях.

2. Неблагоприятные стартовые условия:

- начало схватки из проигрышного или неустойчивого положения;
- задание асимметричных стартовых условий (захват, позиция, направление усилия);
- моделирование ситуации вынужденного реагирования, а не инициативного начала.

Идея нововведения – формирование способности включаться в противоборство из неблагоприятной ситуации.

3. Регламентированная тактическая задача схватки – использование учебной схватки как средства отработки прикладных тактических задач:

- постановка конкретной цели схватки (удержание позиции, выход из захвата, контроль партнера и т.д.);
- ограничение «пространства решений» в соответствии с заданной задачей;
- выполнение схватки строго в заданном режиме и формате;
- соблюдение установленных условий независимо от хода противоборства;
- оценка схватки по степени достижения поставленной цели, а не по формальному исходу.

Методическими принципами эффективного использования элементов спортивной борьбы в процессе формирования двигательных компетенций подростков выступают следующие:

1. Принцип прикладной направленности – ориентация учебно-тренировочной деятельности на формирование двигательных действий, имеющих практическую значимость.

2. Принцип вариативности двигательной деятельности. Его реализация заключается в управляемом изменении условий выполнения упражнений. Основные педагогические инструменты здесь – варьирование

исходных положений, характера сопротивления, пространственных параметров, временных ограничений.

3. Принцип постепенного усложнения условий деятельности. Принцип преследует адаптационную цель и предполагает поэтапное увеличение сложности двигательных задач для обучающихся.

4. Принцип индивидуализации. Также преследует адаптационную цель и предусматривает учет уровня физической подготовленности, двигательного опыта и психофизиологических особенностей подростков.

5. Принцип деятельностного характера подготовки. Согласно данному принципу, формирование двигательных компетенций осуществляется в процессе деятельности, максимально приближенной к реальным условиям противоборства. В данном контексте особую роль играют описанные выше учебные схватки.

6. Принцип интеграции – взаимосвязь развития физических качеств, освоения технических действий и формирования личностных характеристик с целью комплексного развития подростков.

Результатом успешной интеграции спортивной борьбы выступает формирование следующих двигательных компетенций подростков:

- компетенции устойчивости и управления положением тела – способность сохранять равновесие, контролировать центр тяжести, противодействовать внешнему воздействию, восстанавливать устойчивость в условиях смещения и давления со стороны партнера;

- компетенции взаимодействия с внешним сопротивлением – рациональность прикладываемого усилия, перераспределение нагрузки, действие в условиях непосредственного физического противодействия;

- компетенции пространственно-временной ориентации и двигательной адаптации – способность быстро оценивать изменяющуюся ситуацию, перестраивать двигательные действия, выбирать оптимальный способ реагирования;

- компетенции двигательной устойчивости в условиях утомления – сохранение точности, координации и контроля действий при нарастающей физической нагрузке;

- тактико-двигательные компетенции – способность решать конкретные двигательные задачи в рамках заданных условий противоборства.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод о значимом месте спортивной борьбы в системе формирования прикладных двигательных компетенций подростков. Ее педагогический потенциал обусловлен выраженным прикладным характером и эмоциональной насыщенностью. Интеграция спортивной борьбы в образовательную среду обеспечивает преемственность между базовым физическим воспитанием и специализированной спортивной подготовкой. При этом, содержание упражнений по спортивной борьбе актуально позиционировать на двух уровнях – на уровне традиционного учебно-тренировочного применения (преимущественно в рамках общеобразовательной школы) и на уровне углубленной функциональной адаптации (в рамках специализированной учебно-тренировочной деятельности).

Список источников

1. Ахтемзянова Н.М. Интеграция общего и дополнительного образования на основе организации деятельности школьного спортивного клуба: дис. ... канд. пед. наук. М., 2011. 175 с.

2. Бочарин И.В., Гурьянов М.С., Колесников И.А. Оценка физических качеств, прикладных двигательных умений и навыков среди школьников 10 и 11 классов // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2024. №1 (33). С. 22 – 32.

3. Дюкина Л.А. Борьба на поясах как средство воспитания физических качеств у старшеклассников // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. 2022. № 3. С. 10 – 18.

4. Елаева Е.Е., Сидорова Е.И. Формирование двигательных навыков детей среднего школьного возраста в процессе физического воспитания // Science Time. 2016. № 12 (36). С. 222 – 228.

5. Журкина А.Я. Интеграция содержания формального и неформального образования по физической культуре как условие обеспечения его непрерывности // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 3 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-soderzhaniya-formalnogo-i-neformalnogo-obrazovaniya-po-fizicheskoy-kulture-kak-uslovie-obespecheniya-ego-nepreryvnosti.pdf> (дата обращения: 24.02.2026)

6. Логинов Л.В. Развитие физических и нравственно-волевых качеств юных спортсменов, занимающихся греко-римской борьбой: дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 2007. 160 с.

7. Никифоров Н.В. Физическое самосовершенствование личности подростков на занятиях по вольной борьбе // Вестник СВФУ. 2008. № 4. С. 138 – 141.
8. Хорошева Т.А., Сидорова И.Г. Проблемы нарушения состояния здоровья современных школьников и пути их решения // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 57-3. С. 177 – 184.
9. Чамокова А.Я. Влияние двигательной активности на физическое развитие школьников // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2021. № 4. С. 76 – 98.
10. Якимова Е.А., Низамидинов В.А. Влияние занятий греко-римской борьбой на развитие нравственно-волевых качеств юных спортсменов // Вестник науки и творчества. 2016. № 5 (5). С. 505 – 509.

References

1. Akhtemzyanova N.M. Integration of General and Supplementary Education Based on the Organization of the Activities of a School Sports Club: Diss. ... Cand. Ped. Sci. (Pedagogy). Moscow, 2011. 175 p.
2. Bocharin I.V., Guryanov M.S., Kolesnikov I.A. Assessment of Physical Qualities, Applied Motor Skills and Abilities among 10th and 11th Grade Schoolchildren. Human Health, Theory and Methodology of Physical Education and Sports. 2024. No. 1 (33). P. 22 – 32.
3. Dyukina L.A. Belt Wrestling as a Means of Developing Physical Qualities in High School Students. Bulletin of Tula State University. Physical Education. Sport. 2022. No. 3. P. 10 – 18.
4. Elaeva E.E., Sidorova E.I. Formation of Motor Skills in Middle School-Age Children in the Process of Physical Education. Science Time. 2016. No. 12 (36). P. 222 – 228.
5. Zhurkina A.Ya. Integration of the Contents of Formal and Informal Physical Education as a Condition for Ensuring its Continuity. Modern Studies of Social Problems (Electronic Scientific Journal). 2012. No. 3 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-soderzhaniya-formalnogo-i-neformalnogo-obrazovaniya-po-fizicheskoy-kulture-kak-uslovie-obespecheniya-ego-nepreryvnosti.pdf> (date of access: 24.02.2026)
6. Loginov L.V. Development of physical, moral and volitional qualities of young athletes engaged in Greco-Roman wrestling: dis. ... Cand. Ped. Sciences. Yaroslavl, 2007. 160 p.
7. Nikiforov N.V. Physical self-improvement of adolescents in freestyle wrestling classes. Bulletin of NEFU. 2008. No. 4. P. 138 – 141.
8. Khorosheva T.A., Sidorova I.G. Problems of poor health of modern schoolchildren and ways to solve them. Problems of modern pedagogical education. 2017. No. 57-3. P. 177 – 184.
9. Chamokova A.Ya. The influence of physical activity on the physical development of schoolchildren. Modern problems of health and medical statistics. 2021. No. 4. P. 76 – 98.
10. Yakimova E.A., Nizamidinov V.A. The Impact of Greco-Roman Wrestling on the Development of Moral and Volitional Qualities of Young Athletes. Bulletin of Science and Creativity. 2016. No. 5 (5). P. 505 – 509.

Информация об авторе

Аладжев В.О., аспирант, Адыгейский государственный университет, v_aladzhev@vk.com

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

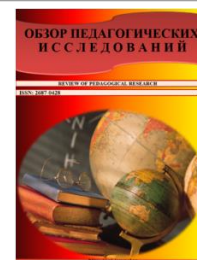
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.5. Теория и методика спорта (педагогические науки)

УДК 796.015.52

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-149-154

Влияние интервалов отдыха между подходами на показатели максимальной силы пауэрлифтеров при различных объемах тренировочной нагрузки

¹ Бабин А.В., ² Хабибуллин Р.М., ² Абдракипова А.Р., ² Кадиров Н.Н., ³ Ячменев С.П.,
¹ Уфимский юридический институт МВД России,
² Башкирский государственный аграрный университет,
³ Ростовский юридический институт МВД России

Аннотация: цель исследования – провести сравнительный анализ влияния различных интервалов отдыха (3 и 6 минут) на прирост показателей максимальной силы у спортсменов, специализирующихся в пауэрлифтинге (1 разряд и КМС), в зависимости от объема выполняемой тренировочной нагрузки.

Методы и организация исследования: В исследовании приняли участие 40 студентов-мужчин, которые были распределены на четыре группы в зависимости от недельного объема нагрузки (низкий: 90-130 ПШ; высокий: 135-170 ПШ) и времени отдыха между подходами (3 и 6 минут). Интенсивность тренировок варьировалась от 50% до 90% от 1ПМ в течение одного макроцикла. Статистическая значимость различий оценивалась с помощью парного t-критерия Стьюдента для внутригруппового анализа и t-критерия для независимых выборок для межгрупповых сравнений ($p < 0,05$), а также расчета величины эффекта (d-Коэна).

Результаты исследования и их обсуждение. Установлено, что при низком и среднем объеме нагрузки (90-130 ПШ) разница в приросте силы между группами с отдыхом 3 и 6 минут статистически не подтверждена. Однако при увеличении объема нагрузки до 135-170 ПШ использование 6-минутного интервала отдыха приводит к достоверно более высокому приросту силовых показателей по сравнению с 3-минутным отдыхом ($p < 0,05$).

Заключение. Время отдыха между подходами является переменной, тесно связанной с общим тренировочным объемом. Для тренированных атлетов уровня 1 разряда и КМС при выполнении высоких объемов нагрузки пролонгированный отдых (6 минут) является более эффективным инструментом развития максимальной силы, чем стандартные 3-минутные паузы.

Ключевые слова: пауэрлифтинг, жим лежа, время отдыха, объем нагрузки, максимальная сила, тренированные спортсмены, t-критерий Стьюдента

Для цитирования: Бабин А.В., Хабибуллин Р.М., Абдракипова А.Р., Кадиров Н.Н., Ячменев С.П. Влияние интервалов отдыха между подходами на показатели максимальной силы пауэрлифтеров при различных объемах тренировочной нагрузки // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 149 – 154. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-149-154

Поступила в редакцию: 9 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

The effect of rest intervals between sets on the performance of maximum powerlifters at different training loads

¹ Babin A.V., ² Khabibullin R.M., ² Abdrakipova A.R., ² Kadirov N.N., ³ Yachmenev S.P.,
¹ Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
² Bashkir State Agrarian University,
³ Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: *the aim of the study* – to conduct a comparative analysis of the effect of different rest intervals (3 and 6 minutes) on the increase in maximum strength among athletes specializing in powerlifting (1st class and KMS), depending on the amount of training load performed.

Methods and organization of the study: 40 male students participated in the study, who were divided into four groups depending on the weekly workload (low: 90-130 PS; high: 135-170 PS) and rest time between sets (3 and 6 minutes). The intensity of training ranged from 50% to 90% of 1PM during one macrocycle. The statistical significance of the differences was assessed using the Student's paired t-test for intragroup analysis and the t-test for independent samples for intergroup comparisons ($p < 0.05$), as well as calculating the magnitude of the effect (Cohen's d-test).

The results of the study and their discussion. It was found that with a low and average load volume (90-130 PS), the difference in strength gain between groups with a rest of 3 and 6 minutes was not statistically confirmed. However, with an increase in the load volume to 135-170 PS, the use of a 6-minute rest interval leads to a significantly higher increase in strength indicators compared with a 3-minute rest ($p < 0.05$).

Conclusion. The rest time between sets is a variable closely related to the total training volume. For trained athletes of level 1 and KMS, when performing high loads, prolonged rest (6 minutes) is a more effective tool for developing maximum strength than standard 3-minute pauses.

Keywords: powerlifting, bench press, rest time, load volume, maximum strength, trained athletes, Student's t-criterion

For citation: Babin A.V., Khabibullin R.M., Abdrakipova A.R., Kadirov N.N., Yachmenev S.P. *The effect of rest intervals between sets on the performance of maximum powerlifters at different training loads. Review of Pedagogical Research.* 2026. 8 (6). P. 149 – 154. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-149-154

The article was submitted: April 9, 2026; Approved after reviewing: May 6, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Силовые тренировки в настоящее время классифицируются как один из наиболее востребованных видов физической активности, направленный на оптимизацию таких параметров, как максимальная сила, выносливость и мышечная гипертрофия. Для обеспечения эффективности, безопасности и результативности тренировочного процесса критическое значение имеет фундаментальное понимание интерференции переменных, к числу которых относятся интенсивность, тренировочный объем, продолжительность интервалов отдыха между сетами, режим и временные характеристики выполнения упражнений [3, 5].

В последние годы вектор научно-исследовательской деятельности в области атлетизма сместился в сторону детерминации диапазонов интенсивности и объема нагрузки, обеспечивающих экстенсивный прирост силовых показателей и повышение соревновательной результативности [1, 2, 6]. Установлено, что высокий тренировочный объем при адекватном подборе интенсивности способствует существенному развитию максимальной силы [4]. Тем не менее, реализация запланированного объема работы при заданной интенсивности не всегда представляется возможной. Одним из доминирующих факторов, определяющих способность атлета к выполнению намеченного объема нагрузки, является продолжительность отдыха между подходами. В современной литературе данной переменной в контексте её прямой корреляции с суммарным количеством подъемов штанги (далее-ПШ) уделяется недостаточное внимание, что обуславливает необходимость проведения дополнительных изысканий.

Продолжительность интервалов отдыха традиционно детерминируется целевой направленностью тренировки, однако может варьироваться под влиянием ряда сопутствующих факторов. Обеспечение пролонгированного отдыха является необходимым условием при реализации программ, ориентированных на раз-

витие максимальной силы и достижение пиковых спортивных результатов [7, 8]. В процессе выполнения нагрузки мышечной ткани требуется восстановительный период для ресинтеза внутримышечного аденозинтрифосфата (АТФ) и фосфокреатина, а также для элиминации метаболитов, инициирующих утомление [9]. Данный процесс способствует качественному восстановлению между сетами, что является обязательным для поддержания интенсивности и объема работы в регламентированных диапазонах [10]. На текущий момент значительная часть атлетов применяет субъективный метод определения пауз, приступая к выполнению следующего подхода на основе эмпирического ощущения готовности.

Целью данного исследования было провести сравнительный анализ динамики показателей максимальной силы в упражнении «жим лежа» у спортсменов квалификации 1 разряд и КМС при выполнении различного объема нагрузки с интенсивностью от 50% до 90% от 1ПМ, используя интервалы отдыха 3 минуты против 6 минут в течение одного макроцикла. Выдвигается следующая **гипотеза**: при достижении высокого объема тренировочной нагрузки более продолжительное время отдыха между подходами (6 минут) обеспечит статистически более значимый прирост максимальной силы и спортивного результата по сравнению со стандартными интервалами.

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось в течение одного макроцикла (12 недель). В нем приняли участие 40 студентов-мужчин (возраст 19-22 года), специализирующихся в пауэрлифтинге. Спортивная квалификация испытуемых соответствовала уровню 1-го разряда и кандидата в мастера спорта (КМС). Все участники имели стаж регулярных тренировок не менее 3 лет.

Для проверки гипотезы о влиянии интервалов отдыха при различных объемах нагрузки испытуемые были разделены на четыре группы (по 10 человек в каждой) методом случайной выборки. Дизайн исследования и распределение участников представлены в табл. 1.

Таблица 1

Дизайн исследования и распределение участников по группам.

Table 1

Research design and distribution of participants into groups.

Объём нагрузки (ПШ в неделю)	Время отдыха	Группа	n
Низкий (90–130)	3 мин	Г1-КГ (контрольная)	10
Низкий (90–130)	6 мин	Г1-ЭГ (экспериментальная)	10
Высокий (135–170)	3 мин	Г2-КГ (контрольная)	10
Высокий (135–170)	6 мин	Г2-ЭГ (экспериментальная)	10

Все группы тренировались по идентичной программе, направленной на развитие максимальной силы в упражнении «жим штанги лежа». Интенсивность нагрузки варьировалась от 50% до 90% от одного повторного максимума (1ПМ). В процессе эксперимента проводилась регулярная корректировка рабочих весов на основе промежуточных тестирований в конце каждого мезоцикла для обеспечения прогрессии нагрузки.

Статистический анализ. Математико-статистическая обработка данных проводилась с использованием пакета статистических программ. Для оценки достоверности изменений внутри каждой группы («до» и «после» эксперимента) применялся парный t-критерий Стьюдента. Для сравнения эффективности методик между независимыми выборками (контрольными и экспериментальными группами) использовался t-критерий Стьюдента для независимых групп. Статистически значимыми считались различия при уровне $p < 0,05$. Кроме того, рассчитывалась величина эффекта d-Коэна (Cohen's d) для оценки практической значимости полученных результатов.

Результаты и обсуждения

В ходе 12-недельного эксперимента во всех четырех группах наблюдался положительный прирост показателей максимальной силы в упражнении «жим лежа». Итоговые данные и результаты статистического анализа представлены в табл. 2 и 3.

Таблица 2

Динамика показателей 1ПМ в Группе 1 (низкий объём нагрузки, 90-130 ПШ).

Table 2

Dynamics of 1PM indicators in Group 1 (low load volume, 90-130 ps).

Подгруппа	До (кг)	После (кг)	Прирост (кг)	t (парный)	p	d-Коэна
Г1-КГ (3 мин)	115,5 ± 4,2	121,5 ± 3,8	+6,0	3,12	< 0,05	0,7 (средний)
Г1-ЭГ (6 мин)	117,0 ± 4,5	123,5 ± 4,2	+6,5	3,25	< 0,05	0,8 (средний)

Анализ данных Группы 1 показал, что развитие максимальной силы существенно не отличалось в подгруппах с отдыхом 3 и 6 минут. Значение t-критерия для независимых выборок между Г1-КГ и Г1-ЭГ составило 1,04 ($p > 0,05$), что указывает на низкое влияние переменной времени отдыха при умеренных тренировочных объемах. Величина эффекта Коэна ($d = 0,8$) подтверждает среднюю степень влияния условий эксперимента.

Таблица 3

Динамика показателей 1ПМ в Группе 2 (высокий объём нагрузки, 135-170 ПШ).

Table 3

Dynamics of 1PM indicators in Group 2 (high load volume, 135-170 ps).

Подгруппа	До (кг)	После (кг)	Прирост(кг)	t (парный)	p	d-Коэна
Г2-КГ (3 мин)	125,5 ± 5,1	134,5 ± 4,9	+9,0	4,12	< 0,05	0,8 (средний)
Г2-ЭГ (6 мин)	124,0 ± 5,3	136,5 ± 5,1	+12,5	5,84	< 0,01	1,1 (крупный)

Во второй группе экспериментальная подгруппа (6 мин) показала более значимый результат. Межгрупповые различия достигли уровня статистической значимости ($t = 2,21$; $p < 0,05$). Величина эффекта $d = 1,1$ указывает на существенное преимущество пролонгированного отдыха при выполнении высокого объема нагрузки. Это подтверждает, что с ростом тренировочного объема ценность времени отдыха возрастает.

Сравнение экспериментальных подгрупп Г1 и Г2 выявило размер эффекта $d = 1,5$, а контрольных – $d = 1,3$. Данный факт свидетельствует о том, что переменная объема тренировочной нагрузки оказывала более выраженное воздействие на результат, чем переменная времени отдыха сама по себе.

Полученные данные согласуются с гипотезами о том, что длительное время отдыха может способствовать наибольшему увеличению силы за счет способности спортсмена сохранять высокую интенсивность при большом объеме работы [11]. Подобные результаты ранее демонстрировались в исследованиях Робинсона и соавторов, где рост силы у тренированных мужчин был значительно выше при отдыхе 3 минуты в сравнении с 30-90 секундами [12]. Наше исследование дополняет эти данные, показывая, что при экстремальных объемах нагрузки (135-170 ПШ) для атлетов уровня 1 разряда и КМС целесообразно увеличение пауз до 6 минут. Это объясняется необходимостью более полного ресинтеза фосфокреатина для поддержания работоспособности нейромышечного аппарата в условиях накопленного утомления.

Выводы

При проектировании тренировочных программ, ориентированных на повышение показателей максимальной силы, критическим фактором является детерминация адекватных интервалов отдыха между рабочими подходами. Результаты представленного исследования демонстрируют, что статистически значимый прирост силовых показателей в упражнении «жим лежа» достигается при соблюдении межоперационного отдыха продолжительностью не менее 3 минут. Дополнительная пролонгация отдыха до 6 минут способствует реализации кумулятивного эффекта в условиях прогрессирующего объема тренировочной нагрузки.

Существенным ограничением данного исследования является потенциальная невозможность экстраполяции полученных данных на иные виды двигательной активности, в частности на упражнения для нижних конечностей, а также на контингент атлетов высшей спортивной квалификации (уровня МС и МСМК), что указывает на необходимость проведения дальнейших изысканий в данной области. Тем не менее, спортсменам, стремящимся к реализации специфических задач по увеличению суммарного объема нагрузки, рекомендуется применение пролонгированных интервалов отдыха, достигающих 6 минут.

Таким образом, длительность интервалов отдыха рассматривается как вариативный компонент комплексной программы силовой подготовки. Сама по себе продолжительность паузы не является гарантом достижения целевых адаптаций, если такие параметры, как объем и интенсивность, не сбалансированы должным образом. Тем не менее, при корректном сопряжении всех структурных элементов нагрузки, регламентация времени отдыха позволяет существенно повысить эффективность, безопасность и итоговую результативность тренировочного процесса.

Список источников

1. Бабин А.В., Иванов А.В. Эффективность упражнения жим лежа в сдаче силовых нормативов обучающихся образовательных организаций МВД России женского пола // Успехи гуманитарных наук. 2024. № 1. С. 273 – 278. DOI 10.58224/2618-7175-2024-1-273-278
2. Лукьянов Б.Г., Охлюев Е.В., Эбубекиров Ф.С., Сухоруков Н.Н. Дифференциация учебно-тренировочных нагрузок силовой подготовки обучающихся образовательных организаций МВД России // Успехи гуманитарных наук. 2025. № 4. С. 258 – 265.
3. Лукьянов А.Б., Султанов А.Д., Иванов А.В., Бабин А.В. Исследование времени выполнения соревновательных упражнений различной интенсивности у спортсменов массовых разрядов в пауэрлифтинге // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2024. № 9 (235). С. 175 – 178.
4. Лукьянов Б.Г., Лукьянов А.Б., Степанов В.С. и др. Структура тренировочной нагрузки пауэрлифтеров старших разрядов в макроцикле // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2023. № 2 (216). С. 269 – 276. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2023.02.p269-277
5. American College of Sports Medicine. American College of Sports Medicine position stand. Progression models in resistance training for healthy adults // Med Sci Sports Exerc. 2009 Mar. № 41 (3). P. 687 – 708. doi: 10.1249/MSS.0b013e3181915670. PMID: 19204579.
6. Kraemer W.J., Adams K., Cafarelli E., Dudley G.A. and ets. American College of Sports Medicine. American College of Sports Medicine position stand. Progression models in resistance training for healthy adults // Med Sci Sports Exerc. 2002 Feb. № 34 (2). P. 364 – 380. doi: 10.1097/00005768-200202000-00027. PMID: 11828249.
7. Willardson J.M., Burkett Lee N. The Effect of Different Rest Intervals Between Sets on Volume Components and Strength Gains // Journal of Strength and Conditioning Research. January 2008. № 22 (1). P. 146 – 152. DOI: 10.1519/JSC.0b013e31815f912d
8. de Salles B.F., Simão R., Miranda F., Novaes Jda.S., Lemos A., Willardson J.M. Rest interval between sets in strength training // Sports Med. 2009. № 39 (9). P. 765 – 777. doi: 10.2165/11315230-000000000-00000. PMID: 19691365.
9. Harris R.C., Edwards R.H., Hultman E., Nordesjö L.O., Nylinde B., Sahlin K. The time course of phosphorylcreatine resynthesis during recovery of the quadriceps muscle in man // Pflugers Arch. 1976 Dec. № 28;367 (2). P. 137 – 142. doi: 10.1007/BF00585149. PMID: 1034909.
10. Goto K., Nagasawa M., Yanagisawa O., Kizuka T., Ishii N., Takamatsu K. Muscular adaptations to combinations of high- and low-intensity resistance exercises // J Strength Cond Res. 2004 Nov. № 18 (4). P. 730 – 737. doi: 10.1519/R-13603.1. PMID: 15574075
11. Pincivero D.M., Lephart S.M., Karunakara R.G. Effects of rest interval on isokinetic strength and functional performance after short-term high intensity training // Br J Sports Med. 1997 Sep. № 31 (3). P. 229 – 234. doi: 10.1136/bjbm.31.3.229. PMID: 9298559; PMCID: PMC1332526
12. Robinson J.M., Stone M.H., Johnson R.L., Penland C.M., Warren B.J., Lewis R.D. Effects of different weight training exercise/rest intervals on strength, power, and high intensity exercise endurance // J Strength Cond Res 9. P. 216 – 221. 1995.
13. Ahtiainen JP, Pakarinen A, Alen M, Kraemer WJ, Häkkinen K. Short vs. long rest period between the sets in hypertrophic resistance training: influence on muscle strength, size, and hormonal adaptations in trained men // J Strength Cond Res. 2005 Aug. № 19 (3). P. 572 – 582. doi: 10.1519/15604.1. PMID: 16095405.

References

1. Babin A.V., Ivanov A.V. Efficiency of the bench press exercise in passing strength standards of female students of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Uspekhi gumanitarnykh nauk. 2024. No. 1. P. 273 – 278. DOI 10.58224/2618-7175-2024-1-273-278
2. Lukyanov B.G., Okhlyuev E.V., Ebubekirov F.S., Sukhorukov N.N. Differentiation of educational and training loads for strength training of students of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Humanitarian Sciences Success. 2025. No. 4. P. 258 – 265.

3. Lukyanov A.B., Sultanov A.D., Ivanov A.V., Babin A.V. A study of the execution time of competitive exercises of varying intensity in mass-ranking athletes in powerlifting. *Scientific Notes of P.F. Lesgaft University*. 2024. No. 9 (235). P. 175 – 178.
4. Lukyanov B.G., Lukyanov A.B., Stepanov V.S., et al. The structure of the training load of senior-ranking powerlifters in the macrocycle. *Scientific Notes of P.F. Lesgaft University*. 2023. No. 2 (216). P. 269 – 276. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2023.02.p269-277
5. American College of Sports Medicine. American College of Sports Medicine position stand. Progression models in resistance training for healthy adults. *Med Sci Sports Exerc*. 2009 Mar. No. 41 (3). P. 687 – 708. doi: 10.1249/MSS.0b013e3181915670. PMID: 19204579.
6. Kraemer W.J., Adams K., Cafarelli E., Dudley G.A. and ets. American College of Sports Medicine. American College of Sports Medicine position stand. Progression models in resistance training for healthy adults. *Med Sci Sports Exerc*. 2002 Feb. No. 34 (2). P. 364 – 380. doi: 10.1097/00005768-200202000-00027. PMID: 11828249.
7. Willardson J.M., Burkett Lee N. The Effect of Different Rest Intervals Between Sets on Volume Components and Strength Gains. *Journal of Strength and Conditioning Research*. January 2008. No. 22 (1). P. 146 – 152. DOI: 10.1519/JSC.0b013e31815f912d
8. de Salles B.F., Simão R., Miranda F., Novaes Jda.S., Lemos A., Willardson J.M. Rest interval between sets in strength training. *Sports Med*. 2009. No. 39 (9). P. 765 – 777. doi: 10.2165/11315230-000000000-00000. PMID: 19691365.
9. Harris R.C., Edwards R.H., Hultman E., Nordesjö L.O., Nylinde B., Sahlin K. The time course of phosphorylcreatine resynthesis during recovery of the quadriceps muscle in man. *Pflugers Arch*. 1976 Dec. No. 28;367 (2). P. 137 – 142. doi: 10.1007/BF00585149. PMID: 1034909.
10. Goto K., Nagasawa M., Yanagisawa O., Kizuka T., Ishii N., Takamatsu K. Muscular adaptations to combinations of high- and low-intensity resistance exercises. *J Strength Cond Res*. 2004 Nov. No. 18 (4). P. 730 – 737. doi: 10.1519/R-13603.1. PMID: 15574075
11. Pincivero D.M., Lephart S.M., Karunakara R.G. Effects of rest interval on isokinetic strength and functional performance after short-term high intensity training. *Br J Sports Med*. 1997 Sep. No. 31 (3). P. 229 – 234. doi: 10.1136/bjsm.31.3.229. PMID: 9298559; PMCID: PMC1332526
12. Robinson J.M., Stone M.H., Johnson R.L., Penland C.M., Warren B.J., Lewis R.D. Effects of differing weight training exercise/rest intervals on strength, power, and high intensity exercise endurance. *J Strength Cond Res* 9. P. 216 – 221. 1995.
13. Ahtiainen JP, Pakarinen A, Alen M, Kraemer WJ, Häkkinen K. Short vs. long rest period between the sets in hypertrophic resistance training: influence on muscle strength, size, and hormonal adaptations in trained men. *J Strength Cond Res*. 2005 Aug. No. 19 (3). P. 572 – 582. doi: 10.1519/15604.1. PMID: 16095405.

Информация об авторах

Бабин А.В., доцент, Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, babin.8282@mail.ru

Хабибуллин Р.М., кандидат биологических наук, доцент, Башкирский государственный аграрный университет

Абдракипова А.Р., Башкирский государственный аграрный университет

Кадиров Н.Н., доцент, Башкирский государственный аграрный университет

Ячменев С.П., Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

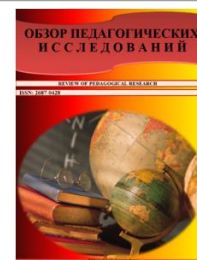
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.4. Физическая культура и профессиональная физическая подготовка (педагогические науки)

УДК 796.062.4:796.8

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-155-160

Организация и оптимизация спортивного мероприятия по единоборствам

¹ Димитров И.Л., ¹ Никишин С.Д., ¹ Садыкова А.И.,
¹ Московская государственная академия физической культуры и спорта

Аннотация: статья посвящена процессу организации соревнований по дзюдо и бразильскому джиу-джитсу. В работе объясняются классификация и специфика спортивных соревнований по данному виду спорта. На примере конкретного соревнования по дзюдо и джиу-джитсу с помощью SWOT-анализа определяются ключевые проблемы проведения мероприятия, на основе которых излагаются разработанные теоретические и практические рекомендации, способствующие повышению качества проводимых соревнований. Итоговым результатом статьи стало составление примерного плана с расчетной сметой соревнования по единоборству в 2026 году с учетом всех выделенных в работе аспектов. Выбор темы обосновывается тем, что оба вида единоборств занимают значительное место в системе физкультурно-спортивного развития России и демонстрируют стабильный рост интереса со стороны населения.

Методы: при подготовке данной статьи использовался метод сбора и анализа научной и публицистической литературы, нормативно-правовой базы информационных, государственных источников и статистических данных, а также методы сравнения и обобщения, метод SWOT-анализа.

Ключевые слова: спортивные соревнования, дзюдо, джиу-джитсу, управленческая деятельность

Для цитирования: Димитров И.Л., Никишин С.Д., Садыкова А.И. Организация и оптимизация спортивного мероприятия по единоборствам // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 155 – 160. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-155-160

Поступила в редакцию: 9 апреля 2026 г.;
Одобрена после рецензирования: 6 мая 2026 г.;
Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Organization and optimization of a martial arts sports event

¹ Dimitrov I.L., ¹ Nikishin S.D., ¹ Sadykova A.I.,
¹ Moscow State Academy of Physical Education and Sports

Abstract: the article is devoted to the process of organizing competitions in judo and Brazilian jiu-jitsu. The paper explains the classification and specifics of sports competitions in this sport. Using the example of a specific judo and jiu-jitsu competition, a SWOT analysis identifies the key problems of the event, on the basis of which the developed theoretical and practical recommendations are presented, contributing to improving the quality of the competitions. The final result of the article was the preparation of an approximate plan with an estimated estimate of the martial arts competition in 2026, taking into account all the aspects highlighted in the work. The choice of the topic is justified by the fact that both types of martial arts occupy a significant place in the system of physical culture and sports development in Russia and demonstrate a steady increase in public interest.

Methods: In the preparation of this article, the method of collecting and analyzing scientific and journalistic literature, the regulatory and legal framework of information, state sources and statistical data, as well as the methods of comparison and generalization, the SWOT analysis method were used.

Keywords: sports competitions, judo, jiu-jitsu, managerial activity

For citation: *Dimitrov I.L., Nikishin S.D., Sadykova A.I. Organization and optimization of a martial arts sports event. Review of Pedagogical Research. 2026. 8 (6). P. 155 – 160. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-155-160*

The article was submitted: April 9, 2026; Approved after reviewing: May 6, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Согласно статистическим данным Министерства спорта Российской Федерации, общая численность занимающихся единоборствами в стране превышает 3,5 миллиона человек. Дзюдо входит в десятку наиболее массовых видов спорта: по состоянию на 2023 год в стране функционируют более 1 200 спортивных организаций, реализующих программы подготовки по данному виду спорта, а число занимающихся превышает 400 тысяч. Бразильское джиу-джитсу, несмотря на относительно недавнее появление в отечественной спортивной практике, демонстрирует устойчивую положительную динамику: количество проводимых соревнований увеличивается ежегодно на 15-20 процентов, а число практикующих спортсменов стабильно растёт.

Вместе с тем организация соревнований по единоборствам сопряжена с рядом специфических трудностей. Контактный характер указанных видов спорта предъявляет повышенные требования к обеспечению безопасности участников, квалификации судейского корпуса, организации медицинского сопровождения и соблюдению регламентов проведения. Региональные турниры, составляющие базовый уровень соревновательной системы, нередко проводятся без надлежащего методического обеспечения, что приводит к организационным сбоям, нарушениям тайминга, снижению удовлетворенности участников и, в отдельных случаях, к угрозе их здоровью. Все это свидетельствует о необходимости научного осмысления процессов организации подобных мероприятий и разработки обоснованных решений.

Материалы и методы исследований

Спортивное мероприятие представляет собой сложное явление, которое может быть рассмотрено с различных точек зрения в зависимости от целей анализа. С управленческой перспективы спортивное мероприятие следует определить как целенаправленное действие, реализуемое в определённых пространственно-временных рамках, включающее совокупность организационных, технико-методических и других процессов, направленных на достижение поставленных целей.

Соревновательная деятельность по единоборствам проводится под контролем международной федерацией дзюдо и международной федерацией джиу-джитсу.

Обращаясь к избранному соревнованию по дзюдо и джиу-джитсу, проведенному в 2025 году в Подмосковье для анализа состояния проведения спортивных соревнований по единоборствам, отметим показатели, по которым проводится оценка результативности организации.

1. Плановое количество участников составляло двести участников, в то время как фактическое количество составило сто восемьдесят пять участников.

2. График проведения турнира был нарушен в большинстве блоков, что является одной из основных проблем. Средняя задержка составила двадцать пять минут на каждый блок, в то время как максимальная задержка достигла сорока пяти минут.

3. Судейство показало как положительные, так и отрицательные результаты. Судейская бригада имела достаточно высокий уровень квалификации, поэтому процесс оценивания спортсменов был справедливым. Однако было зафиксировано 8 протестов по судейским решениям, из которых 4 были удовлетворены.

4. Удовлетворенность участников оценивалась путем опроса, проведенного после турнира. Общий уровень удовлетворенности составил семьдесят два процента, что находится в пределах целевого показателя семьдесят-восемьдесят процентов.

5. Медицинская статистика показала, что во время турнира было зафиксировано четырнадцать случаев травм среди участников. Это соответствует примерно восьми травмам на сто матчей, что находится в пределах ожидаемого уровня для единоборств.

6. Анализ продолжительности матчей показал существенные различия между двумя видами спорта. Матчи по дзюдо в младшей категории в среднем длились четыре минуты, в то время как матчи по бразильскому джиу-джитсу в той же возрастной группе длились в среднем семь минут. Эта разница требует корректировки расписания и представляет сложность при одновременном проведении турниров по обоим видам спорта.

7. Бюджетные показатели показали перерасход в размере пятнадцати процентов от первоначальной сметы. Основные причины перерасхода включали увеличение стоимости аренды помещения из-за необходимости содержать две отдельные зоны соревнований, дополнительные расходы на оплату труда судей из-за удлинения графика турнира, и неплановые расходы на медицинское оборудование. Однако доход от взносов участников и спонсорских взносов был достаточен для покрытия всех расходов без привлечения дополнительного финансирования.

Одним из основных инструментов для проведения полноценного анализа является метод SWOT-анализа, позволяющий оценить слабые и сильные стороны, угрозы и возможности в работе организации. В табл. 1 представлены результаты SWOT-анализа в соревновательной деятельности по дзюдо и джиу-джитсу.

Таблица 1

SWOT-анализ.

Table 1

SWOT analysis.

Фактор	Сильные стороны	Слабые стороны
Спортивная составляющая	Наличие опытных судей, интерес участников, четкие правила соревнований	Недостаточная унификация судейства при двух видах спорта, нехватка судей на некоторые блоки
Организационная составляющая	Четкая структура управления, эффективная работа волонтеров, использование электронных систем	Нарушение графика, проблемы с логистикой участников, недостаточная подготовка персонала к некоторым ситуациям
Социальная составляющая	Интерес молодежи к видам спорта, развитие спортивных традиций, укрепление связей между клубами	Недостаточное представительство из отдаленных районов, низкий уровень посещаемости зрителей, недостаточная информационная кампания
Экономическая составляющая	Успешное привлечение спонсорской поддержки, наличие стартовых взносов участников, экономическая эффективность	Перерасход бюджета, высокие затраты на оборудование, нестабильность спонсорских источников
Фактор	Возможности	Угрозы
Внешняя среда	Развитие государственной поддержки единоборств, увеличение спроса на спортивные услуги, развитие туризма	Экономический кризис, снижение бюджетного финансирования, конкуренция с другими видами спорта
Целевая аудитория	Расширение представительства молодежи, развитие взрослых категорий, привлечение новых клубов	Уменьшение интереса молодежи к единоборствам, отток спортсменов в другие виды спорта, снижение доходов клубов
Технологическая среда	Использование продвинутых систем судейства, видеорецензирования, виртуальных трансляций	Высокие инвестиционные требования, устаревание технологий, технические сбои

Результаты и обсуждения

Анализ проведения турнира позволяет выделить ряд ключевых выводов, которые влияют на планы развития и совершенствования системы организации спортивных мероприятий в регионе. Турнир продемонстрировал как успешные организационные решения, так и области, требующие улучшения.

Положительными аспектом можно обозначить основные организационные структуры, которые функционировали эффективно: судейская бригада, медицинский персонал, организаторы, сумевшие достичь целевое количество участников.

Среди отрицательных моментов целесообразно отметить необходимость оптимизации расписания, улучшение коммуникации между различными структурами мероприятия. Эти проблемы, хотя и не привели к критическим сбоям, снизили общее качество мероприятия.

Опыт проведения турнира, выявленные проблемы и рекомендации по их решению служат основой для разработки улучшений в системе организации спортивных мероприятий. Анализ показывает, что эффективная организация многоборных турниров требует не только четкого планирования, но и гибкости в решении возникающих проблем и готовности к адаптации при изменяющихся условиях.

На основе полученных результатов предлагаем примерный план организации соревнований по единоборствам, учитывающий отрицательные и положительные аспекты, угрозы и возможности спортивного мероприятия, представленный в табл. 2.

Таблица 2

План организации соревнований по единоборствам.

Table 2

Plan for organizing martial arts competitions.

Фаза	Содержание работ	Сроки	Ответственный	Результат
Подготовка	Утверждение концепции, выделение бюджета, назначение координатора проекта	01.04 - 15.04	Руководитель организации	Проектное предложение, приказ, смета
Планирование	Разработка детального плана, подбор персонала, заключение договоров со спонсорами	16.04 - 30.04	Координатор проекта	Детальный регламент, команда, договоры
Рекрутинг	Набор волонтеров, обучение персонала, подготовка судей, закупка материалов	01.05 - 20.05	Координатор + команда	Обученная команда, закупленные материалы, подтвержденные судьи
Маркетинг	Разработка информационной кампании, запуск онлайн-регистрации, взаимодействие со СМИ	21.05 - 25.05	Маркетолог, координатор	Зарегистрировано участников, публикации, афиши
Проведение	Техническая подготовка, инструктаж, проведение мероприятия	26.05 - 27.05	Вся команда	Успешно проведенное мероприятие, видеозаписи, протоколы
Завершение	Финансовый отчет, анализ результатов, сбор отзывов, подготовка рекомендаций	28.05 - 10.06	Координатор, финансист	Отчет о результатах, финансовый отчет, аналитика

Бюджетная смета мероприятия представляет детальный расчет всех затрат с разбивкой по категориям. Общая сумма составляет 550 тысяч рублей, что определено на основе анализа затрат на аналогичные мероприятия и специфики данного события. Каждая статья бюджета обоснована необходимостью для качественного проведения мероприятия. Смета разработанного плана спортивного соревнования:

1. Оплата труда составит 45тыс.руб. (Оплата труда судей: 6 чел. x 3000 р.), медицинского персонала: 3 чел. x 2500 р., администратора : 1 чел. x 5000 р., ведущего: 1 чел. x 3000 р.). Процент от общего бюджета насчитывает 8.2%
2. Медицинское обслуживание стоимостью в 110тыс.руб.(Оборудование медпостов, расходники, страховка участников). Процент от общего бюджета составляет 20%
3. Оборудование и материалы в размере 140тыс.руб.(Аренда дзюдо-матов, боксерского ринга, табло, микрофонов, стульев, столов, расходники) с процентом от общего бюджета 25.5%
4. Информационная поддержка, стоимостью в 65тыс.руб.(Создание сайта регистрации, печать афиш и программ, видеозапись, фото, пост-обработка), процент от общего бюджета 11,8%
5. Электроэнергия в размере 25тыс.руб. (Аренда электроснабжения, дополнительные кабели, резервный генератор на случай сбоя) с 4.5% от общего бюджета
6. Транспортировка на 35тыс.руб.(Доставка оборудования, материалов, трансфер судей и персонала)- 6.4%
7. Наградные материалы, стоимостью 50тыс.руб.(Медали, кубки, грамоты, сертификаты участников) с процентом 9.1
8. Питание персонала на 30тыс. руб.(Обед и перекусы для судей, медперсонала и волонтеров (25 человек))с 5.5% от общего бюджета
9. Резерв на непредвиденные расходы в размере 55тыс.руб. с 10 процентами от общего бюджета, куда включен буфер для компенсации непредвиденных затрат.

Выводы

Соревнования по дзюдо остаются базой для быстрой и зрелищной борьбы, а джиу-джитсу добавляет вариативности в завершении атаки. Несмотря на достаточно молодой по сравнению с дзюдо возраст джиу-джитсу, так как включение его в реестр видов спорта, признанных в Российской Федерации, произошло в

2017 году, что означает официальное признание и развитие под государственной поддержкой, он демонстрирует экспоненциальный рост числа занимающихся, особенно среди молодежи. Оба направления заслуживают уважения и изучения.

Анализ требований, регламента, свода правил соревнований позволил оценить конкретные выбранные соревнования по единоборствам.

Основным стоит выделить выявленные ключевые проблемные аспекты соревнования. К числу основных проблем отнесены: среднее отклонение от заявленного расписания, перегрузка судейского корпуса при большом количестве поединков, нарушение тайминга вследствие различной продолжительности схваток в дзюдо и бразильском джиу-джитсу, недостаточность медицинского сопровождения и неполнота предварительной документации. Проведенный SWOT-анализ позволил сформировать целостную картину сильных и слабых сторон мероприятия, а также внешних возможностей и угроз. На основе данных анализа был разработан примерный план-проект проведения спортивного соревнования.

Проект разработан для регионального уровня и рассчитан на определенное количество участников; при масштабировании до всероссийского или международного формата потребуются существенная корректировка организационных решений. Кроме того, прогнозные показатели эффективности носят расчетный характер и требуют верификации в ходе практической реализации.

Список источников

1. Федеральный закон от 04.12.2007 N 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (в ред. от 02.07.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 24.11.2020 N 3081-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Приказ Минспорта России от 01.03.2023 N 127 «Об утверждении правил вида спорта "дзюдо"». М.: Минспорт, 2023.
4. ГОСТ Р 52024-2003. Услуги физкультурно-оздоровительные и спортивные. Общие требования. М.: Стандартинформ, 2003. 12 с.
5. ГОСТ Р 52025-2003. Услуги физкультурно-оздоровительные и спортивные. Требования безопасности потребителей. М.: Стандартинформ, 2003. 8 с.
6. Алексеев С.В. Спортивный менеджмент: учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 687 с.
7. Галкин В.В. Экономика и управление физической культурой и спортом. Ростов-на-Дону: Феникс, 2016. 448 с.
8. Жолдак В.И., Квартальнов В.А. Менеджмент спорта и туризма. М.: Советский спорт, 2017. 416 с.

References

1. Federal Law of 04.12.2007 N 329-FZ "On Physical Culture and Sports in the Russian Federation" (as amended on 02.07.2021). Access from the ConsultantPlus legal reference system.
2. Strategy for the Development of Physical Culture and Sports in the Russian Federation through 2030: approved by RF Government Order of 24.11.2020 N 3081-r. Access from the ConsultantPlus legal reference system.
3. Order of the Ministry of Sport of Russia of 01.03.2023 N 127 "On Approval of the Rules of the Sport of Judo". Moscow: Ministry of Sport, 2023.
4. GOST R 52024-2003. Physical Culture, Health, and Sports Services. General Requirements. Moscow: Standartinform, 2003. 12 p.
5. GOST R 52025-2003. Physical Culture, Health, and Sports Services. Consumer Safety Requirements. Moscow: Standartinform, 2003. 8 p.
6. Alekseev S.V. Sports Management: Textbook for Universities. Moscow: UNITY-DANA, 2018. 687 p.
7. Galkin V.V. Economics and Management of Physical Culture and Sports. Rostov-on-Don: Phoenix, 2016. 448 p.
8. Zholdak V.I., Kvartalnov V.A. Sports and Tourism Management. Moscow: Sovetsky Sport, 2017. 416 p.

Информация об авторах

Димитров И.Л., кандидат экономических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8064-9592>,
Московская государственная академия физической культуры, г. Москва, рп. Малаховка, Шоссейная ул. 33,
yand999999999@yandex.ru

Никишин С.Д., Московская государственная академия физической культуры, г. Москва, рп. Малаховка,
Шоссейная ул. 33, n.serg04@yandex.ru

Садыкова А.И., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-9216-6047>, Московская государственная академия
физической культуры, г. Москва, рп. Малаховка, Шоссейная ул. 33, alinka03sad@mail.ru

© Димитров И.Л., Никишин С.Д., Садыкова А.И., 2026

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

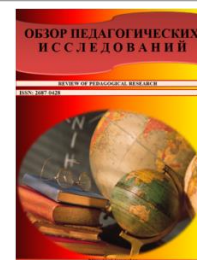
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 378:147

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-161-165

Аксиологический аспект применения технологии симуляции в ходе изучения иностранного языка в университете

¹ Павлова И.Н.,
¹ Оренбургский государственный университет

Аннотация: в статье рассматривается аксиологический потенциал технологии симуляции в контексте иноязычного образования в высшей школе. На основе анализа современных научных исследований обосновывается тезис о том, что симуляционные технологии выступают не только инструментом формирования языковой компетенции, но и средством ценностно-смыслового развития личности обучающегося. Раскрываются механизмы трансформации ценностных ориентаций в процессе погружения в симулированную иноязычную среду, включая эмоционально-эмпатийное переживание, рефлекссию культурных смыслов и формирование профессионально-ориентированных ценностных установок. Предлагается теоретическая модель интеграции аксиологического подхода в практику симуляционного обучения иностранному языку.

Ключевые слова: аксиологический подход, технология симуляции, виртуальная реальность, иноязычное образование, ценностные ориентации, профессиональная подготовка, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Павлова И.Н. Аксиологический аспект применения технологии симуляции в ходе изучения иностранного языка в университете // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 161 – 165. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-161-165

Поступила в редакцию: 9 апреля 2026 г.;
Одобрена после рецензирования: 6 мая 2026 г.;
Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Axiological aspect of using simulation technology in foreign language learning at university

¹ Pavlova I.N.,
¹ Orenburg State University

Abstract: this article examines the axiological potential of simulation technology in the context of foreign language education in higher education. Based on an analysis of contemporary scientific research, it is argued that simulation technologies serve not only as a tool for developing linguistic competence but also as a means for the development of students' personal values and meanings. The mechanisms of value transformation during immersion in a simulated foreign language environment are revealed, including emotional and empathetic experiences, reflection on cultural meanings, and the development of professionally oriented value systems. A theoretical model for integrating an axiological approach into the practice of simulation-based foreign language teaching is proposed.

Keywords: axiological approach, simulation technology, virtual reality, foreign language education, value systems, professional training, intercultural communication

For citation: Pavlova I.N. Axiological aspect of using simulation technology in foreign language learning at university. *Review of Pedagogical Research*. 2026. 8 (6). P. 161 – 165. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-161-165

The article was submitted: April 9, 2026;
Approved after reviewing: May 6, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Современная система высшего образования переживает этап глубокой трансформации, связанный с цифровизацией всех компонентов педагогического процесса. В контексте иноязычного образования особую значимость приобретают иммерсивные технологии, позволяющие моделировать аутентичные коммуникативные ситуации с высокой степенью реалистичности. Однако, как справедливо отмечают исследователи, технологический прогресс сам по себе не гарантирует достижения образовательных целей, если он не опирается на фундаментальные педагогические принципы. В этой связи актуализируется необходимость осмысления аксиологического потенциала симуляционных технологий – их способности влиять на формирование ценностно-смысловой сферы личности будущего специалиста [6].

Аксиологический подход в педагогике предполагает рассмотрение образования как процесса приобщения личности к системе общечеловеческих и профессиональных ценностей. Применительно к иноязычному образованию это означает, что изучение иностранного языка не сводится к овладению лексико-грамматическими структурами, а выступает средством формирования ценностного отношения к языку как феномену культуры, инструменту межкультурного диалога и способу профессиональной самореализации. Технология симуляции, создающая условия для «проживания» обучающимся значимых коммуникативных ситуаций, обладает уникальным аксиологическим потенциалом, требующим теоретического осмысления и эмпирической верификации [4, 7].

Цель настоящей статьи – теоретико-методологический анализ аксиологических аспектов применения технологии симуляции в процессе изучения иностранного языка в университете и обоснование направлений интеграции ценностно-ориентированного подхода в практику симуляционного обучения.

Материалы и методы исследований

Теоретико-методологическую основу исследования составляют: аксиологический подход (А.А. Ахаян, А.В. Кирьякова), теория контекстного обучения (А.А. Вербицкий), труды ученых в области педагогических технологий (В.П. Беспалько, М.В. Кларин). Исследование включало три последовательных этапа: 1) констатирующий этап (диагностика исходного уровня сформированности ценностных ориентаций у студентов в области иноязычной межкультурной коммуникации); 2) формирующий этап (апробация аксиологически ориентированных симуляционных сценариев в процессе обучения иностранному языку); 3) контрольный этап (оценка динамики ценностных ориентаций и рефлексивный анализ полученного опыта). В качестве основного метода проведения констатирующего эксперимента мы взяли анкетирование (методика Н.Ц. Бадамаевой «Диагностика учебной мотивации студентов», опросник А.А. Реана «Мотивация успеха и мотивация боязни неудачи»).

Результаты и обсуждения

В педагогическом аспекте аксиологический подход реализуется через отбор содержания образования на основе ценностного критерия, организацию учебного взаимодействия как диалога культур и создание ситуаций ценностно-смыслового выбора. Исследования показывают, что эффективное иноязычное образование предполагает не только формирование коммуникативной компетенции, но и развитие у студентов системы ценностных ориентаций, установок и убеждений, направленных на успешную профессиональную коммуникацию [1, 6].

Технология симуляции в контексте языкового образования представляет собой комплекс методов и средств, позволяющих моделировать коммуникативные ситуации, приближенные к реальным условиям иноязычного общения. Эволюция данной технологии прошла путь от текстовых MUD/MOO-систем 1970-х годов до современных VR-симуляторов с интеграцией адаптивного искусственного интеллекта.

Современные исследования выделяют несколько ключевых характеристик симуляционных технологий, значимых для иноязычного образования [12]:

- иммерсивность – создание эффекта присутствия, погружения в инокультурную среду;
- интерактивность – возможность активного взаимодействия с виртуальными агентами и объектами;

- аутентичность – моделирование реальных коммуникативных ситуаций и социокультурных контекстов;
- адаптивность – подстройка сценариев взаимодействия под уровень и потребности обучающегося.

Особого внимания заслуживают исследования, демонстрирующие эффективность симуляционных технологий в развитии межкультурной компетенции. Так, в работе российских ученых на основе анализа трех оригинальных VR-симуляторов («VR Tour in Ancient China», «Global Negotiation Quest», «From Motivation to SelfRealization») было доказано, что использование иммерсивных технологий значительно повышает уровень вовлеченности студентов и способствует развитию навыков межкультурной коммуникации [11].

Аксиологический потенциал технологии симуляции в иноязычном образовании раскрывается по нескольким взаимосвязанным направлениям, каждое из которых заслуживает детального рассмотрения.

Погружение в симулированную иноязычную среду создает условия для переживания языка не как абстрактной системы правил, а как «живой» реальности, насыщенной культурными смыслами [5]. В этом контексте симуляция выступает инструментом формирования ценностного отношения к языку – отношения, в котором язык осознается не просто как средство коммуникации, но как способ бытия в культуре.

Технология симуляции позволяет создавать «аксиогенные ситуации» – ситуации ценностно-смыслового выбора, требующие от обучающегося рефлексии собственных ценностных ориентаций и их согласования с ценностными ориентациями носителей иной лингвокультуры. В аксиолингвистике под аксиогенными ситуациями понимаются коммуникативные контексты, в которых происходит актуализация ценностных аспектов языкового сознания [2].

В контексте симуляционного обучения аксиогенные ситуации моделируются через:

- этически неоднозначные сценарии межкультурного взаимодействия;
- конфликты ценностей, требующие коммуникативного разрешения;
- ситуации профессионального выбора, предполагающие соотнесение личных и профессиональных ценностей.

Особое значение аксиологический потенциал симуляции приобретает в контексте профессионально-ориентированного иноязычного образования. Для студентов юридических, экономических, медицинских специальностей изучение иностранного языка неразрывно связано с освоением профессиональных ценностей [9].

Исследование, проведенное на базе ОГУ с участием 172 студентов, доказало эффективность аксиологически ориентированных онлайн-курсов, в которых отбор дидактического материала осуществлялся на основе ценностного критерия. Симуляционные технологии в данном контексте позволяют моделировать профессиональные коммуникативные ситуации, в которых происходит интеграция языковых и профессиональных ценностей.

Анализ научной литературы позволяет выделить три основных механизма, через которые технология симуляции оказывает аксиологическое воздействие на личность обучающегося.

Эмоционально-эмпатийное переживание

Ключевое отличие симуляционного обучения от традиционного заключается в возможности эмоционального «проживания» учебной ситуации. Иммерсивность VR-среды создает эффект присутствия, который усиливает эмоциональную вовлеченность и, как следствие, глубину ценностного переживания [12]. Исследования показывают, что наличие интерактивных объектов значительно повышает уровень присутствия и погружения обучающихся. Это эмоционально насыщенное переживание становится основой для формирования устойчивых ценностных установок.

Рефлексия культурных смыслов

Симуляционные технологии создают условия для «остранения» – взгляда на собственную культуру и собственную систему ценностей с позиции иной лингвокультуры. В исследовании, посвященном построению симулированной среды для изучения китайского языка, подчеркивается, что такой подход позволяет обучающимся «не только понимать язык, но и чувствовать его через опыт» [8]. Эта рефлексивная позиция является необходимым условием развития межкультурной компетенции как ценностно-ориентированного качества личности.

Интеграция ценностей в структуру деятельности

Наиболее значимым с педагогической точки зрения является механизм, посредством которого ценностные ориентации, сформированные в симулированной среде, интегрируются в реальную деятельность обучающегося. Как отмечают исследователи, VR-симуляции способствуют не только формированию знаний и установок, но и изменению реального поведения. Этот эффект достигается благодаря тому, что симуляция предоставляет безопасное пространство для апробации ценностно-ориентированных стратегий поведения, которые затем переносятся в реальный контекст.

На основе проведенного теоретического анализа предлагается модель интеграции аксиологического подхода в практику использования технологии симуляции при изучении иностранного языка в университете. Модель включает четыре взаимосвязанных компонента.

Ценностно-целевой компонент

Данный компонент предполагает определение системы ценностей, формирование которых обеспечивается применением симуляционных технологий. К числу таких ценностей относятся: уважение к культурному разнообразию, эмпатия, ответственность в межкультурной коммуникации, профессиональная этика, толерантность к неопределенности. Целевой компонент также включает формулировку аксиологически ориентированных результатов обучения.

Содержательно-сценарный компонент

Этот компонент определяет принципы отбора и конструирования сценариев симуляции, обладающих аксиологическим потенциалом. К таким принципам относятся: культурная аутентичность сценариев, включение аксиогенных ситуаций ценностного выбора, профессиональная релевантность коммуникативных задач, учет ценностных ориентаций целевой аудитории.

Процессуально-деятельностный компонент

Данный компонент описывает организацию учебного взаимодействия в смоделированной среде, обеспечивающую актуализацию и трансформацию ценностных ориентаций. Ключевыми элементами выступают: предварительная рефлексия собственных ценностных установок, погружение в смоделированную аксиогенную ситуацию, постсимуляционная рефлексия и обсуждение, перенос сформированных ценностных ориентаций в реальный контекст.

Оценочно-результативный компонент

Этот компонент включает критерии и инструменты оценки сформированности ценностных ориентаций в процессе симуляционного обучения. Исследования показывают, что эффективная оценка должна сочетать количественные методы (опросники ценностных ориентаций) и качественные методы (анализ рефлексивных эссе, контент-анализ дискуссий, наблюдение за поведением в смоделированной среде) [3, 10].

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что технология симуляции обладает значительным, но пока недостаточно используемым аксиологическим потенциалом в контексте иноязычного образования в университете. Симуляционные технологии выступают не просто инструментом формирования языковой компетенции, но и средством ценностно-смыслового развития личности обучающегося.

Ключевыми механизмами аксиологического воздействия симуляции выступают эмоционально-эмпатийное переживание коммуникативных ситуаций, рефлексия культурных смыслов и интеграция ценностных ориентаций в структуру деятельности. Реализация этого потенциала требует целенаправленной педагогической работы по проектированию аксиологически ориентированных сценариев симуляции и организации рефлексивного сопровождения учебного процесса.

Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на эмпирическую верификацию предложенной модели, разработку методического инструментария для оценки сформированности ценностных ориентаций и сравнительный анализ эффективности различных типов симуляционных технологий в аксиологическом аспекте. Особого внимания заслуживает изучение долгосрочных эффектов аксиологически ориентированного симуляционного обучения – того, как сформированные в смоделированной среде ценностные установки влияют на реальное коммуникативное и профессиональное поведение выпускников университета.

Список источников

1. Ахayan А.А. О соотношении понятий «высокотехнологичная информационно-образовательная среда» и «инфоносфера» // Письма в Эмиссия. Оффлайн: электронный научный журнал. 2015. № 11. С. 2428.
2. Ахayan А.А. Виртуальный педагогический вуз. Теория становления. СПб.: Корифей, 2001. 170 с.
3. Бадмаева Н.Ц. Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей: монография. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2004. 280 с.
4. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. М.: Педагогика, 1989. 192с.
5. Вербицкий А.А. Принципы контекстного обучения в преподавании иностранного языка // Вестник Пермского национ. исследоват. ун-та, 2014. № 10. С. 3 – 8.
6. Кирьякова А.В. Информатизация образования: аксиологический аспект // Вестник ОГУ. 2002. № 5. С. 14 – 20.

7. Кларин М.В. Педагогическая технология в учебном процессе. Анализ зарубежного опыта. М.: Знание, 1989. 80 с.
8. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность (2-е изд., стер.): учеб. пособие. М.: «Академия», 2005. 352 с.
9. Макарова Е.Л. Интерактивные образовательные технологии в компетентностно-ориентированном учебном процессе: монография / под. ред. В.И. Писаренко. Москва: Изд-во «Спутник», 2010. 157 с.
10. Реан А.А. Психология личности. СПб.: Питер, 2013. 288 с.
11. Peterson M. Computerized Games and Simulations in Computer-Assisted Language Learning: A Meta-Analysis of Research // Simulation & Gaming. 2010. Vol. 41 (1). P. 72 – 93.
12. The Synergy of VR Immersion and AI Adaptivity in FLT (Based on Author's Innovative VR Simulators) / TELE 2025. IEEE, 2025. P. 70 – 74.

References

1. Akhayan A.A. On the Relationship between the Concepts of 'High-Tech Information and Educational Environment' and 'Infonoosphere. Letters to the Issue. Offline: Electronic Scientific Journal. 2015. No. 11. P. 2428.
2. Akhayan, A. A. "Virtual Pedagogical University." The Theory of Formation. St. Petersburg: Coryphaeus, 2001. 170 p.
3. Badmaeva N.Ts. The Influence of the Motivational Factor on the Development of Mental Abilities: a monograph. Ulan-Ude: VSGTU Publishing House, 2004, 280 p.
4. Bepalko V.P. Components of Pedagogical Technology. Moscow: Pedagogy, 1989. 192 p.
5. Verbitsky A.A. Principles of Contextual Learning in Teaching a Foreign Language. Bulletin of Perm National Research University, 2014. No. 10. P. 3 – 8.
6. Kiryakova A.V. Informatization of Education: Axiological Aspect. Bulletin of OSU. 2002. No. 5. P. 14 – 20.
7. Klarin M.V. Pedagogical Technology in the Educational Process. Analysis of Foreign Experience. Moscow: Znanie, 1989. 80 p.
8. Leontiev A.N. Activity. Consciousness. Personality (2nd ed., reprinted): textbook. Moscow: "Akademiya", 2005. 352 p.
9. Makarova E.L. Interactive Educational Technologies in the Competence-Oriented Educational Process: monograph. ed. V.I. Pisarenko. Moscow: Sputnik Publishing House, 2010. 157 p.
10. Rean A.A. Psychology of personality. St. Petersburg: Peter, 2013. 288 p.
11. Peterson M. Computerized Games and Simulations in Computer-Assisted Language Learning: A Meta-Analysis of Research. Simulation & Gaming. 2010. Vol. 41(1). P. 72 – 93.
12. The Synergy of VR Immersion and AI Adaptivity in FLT (Based on Author's Innovative VR Simulators). TELE 2025. IEEE, 2025. P. 70 – 74.

Информация об авторе

Павлова И.Н., старший преподаватель, Оренбургский государственный университет, Raptanova@rambler.ru

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

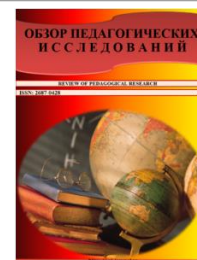
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.4. Физическая культура и профессиональная физическая подготовка (педагогические науки)

УДК 796.015.12

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-166-173

Изучение влияния физического качества «гибкость» на успешность выступления на соревнованиях по джиу-джитсу в дисциплине ката-парное

¹ Караватская Н.А., ² Васина К.И., ³ Киселева И.В., ¹ Пастушенко Е.Е., ³ Борисова И.В.,

¹ Московский государственный институт культуры,

² Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство),

³ Государственный университет просвещения

Аннотация: в исследовании приняли участие 34 спортсмена (18 мужчин и 16 женщин) в возрасте от 18 лет, представлявших Тверскую область. Экспериментальная работа проводилась в течение пяти лет на базе ГБУ Тверской области ЦСП «ШВСМ». Цель исследования: выявить и проанализировать характер влияния показателей активной и пассивной гибкости на успешность выступления спортсменов на всероссийских соревнованиях по джиу-джитсу в дисциплине ката-парное. Для оценки гибкости применялись функциональные тесты (5 видов), максимальный балл за каждый – 15. Оценка соревновательной деятельности осуществлялась по специальной балльной шкале. Итоговый балл рассчитывался как среднее за самый успешный календарный год. Дополнительно использовались видеобиомеханический анализ и экспертная оценка качества исполнения. Анализ данных показал прямую зависимость между суммарными баллами за тесты на гибкость и результатами на соревнованиях. Спортсмены с максимальной суммой баллов стабильно демонстрировали высокие соревновательные показатели.

Ключевые слова: ката-парное, джиу-джитсу, дуо-систем, парная техника, гибкость, соревнования

Для цитирования: Караватская Н.А., Васина К.И., Киселева И.В., Пастушенко Е.Е., Борисова И.В. Изучение влияния физического качества «гибкость» на успешность выступления на соревнованиях по джиу-джитсу в дисциплине ката-парное // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 166 – 173. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-166-173

Поступила в редакцию: 10 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

The study of the influence of the physical quality of flexibility on the success of performance in jiu-jitsu competitions in the discipline of kata-doubles

¹ Karavatskaya N.A., ² Vasina K.I., ³ Kiseleva I.V., ¹ Pastushenko E.E., ³ Borisova I.V.,

¹ Moscow State Institute of Culture,

² A.N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art),

³ Federal State University of Education

Abstract: the study involved 34 athletes (18 men and 16 women) aged 18 and over, representing the Tver Region. The experimental work was carried out for five years based on the State Budgetary Institution of the Tver region CSP "ShVSM". The purpose of the study: to identify and analyze the nature of the influence of indicators of active and passive flexibility on the success of athletes at the All-Russian jiu-jitsu competitions in the discipline of

kata-doubles. Functional tests (5 types) were used to assess flexibility, with a maximum score of 15 for each. The evaluation of competitive activity was carried out on a special point scale. The final score was calculated as the average for the most successful calendar year. Additionally, video biomechanical analysis and expert evaluation of the quality of execution were used. Data analysis showed a direct relationship between the total scores for flexibility tests and the results in competitions. Athletes with the highest score consistently demonstrated highly competitive performance.

Keywords: kata-doubles, jiu-jitsu, duo systems, pair technique, flexibility, competition

For citation: Karavatskaya N.A., Vasina K.I., Kiseleva I.V., Pastushenko E.E., Borisova I.V. The study of the influence of the physical quality of flexibility on the success of performance in jiu-jitsu competitions in the discipline of kata-doubles. *Review of Pedagogical Research*. 2026. 8 (6). P. 166 – 173. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-166-173

The article was submitted: April 10, 2026; Approved after reviewing: May 7, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

В современном джиу-джитсу соревновательная результативность определяется не только технической подготовленностью спортсменов, но и уровнем развития физических качеств, напрямую влияющих на качество исполнения соревновательной программы. Особое место в этом ряду занимает гибкость, которая в дисциплине ката-парное, также известной как дуо-систем, выступает одним из базовых компонентов выразительности, точности и безопасности выполнения парной техники. Ката-парное в джиу-джитсу представляет собой строго организованную форму демонстрации атак, защит, контратак, бросков, болевых воздействий и элементов контроля в заранее установленных или вариативных соревновательных условиях. В отличие от поединков с непосредственным сопротивлением, здесь судейская оценка во многом зависит от зрительной убедительности, амплитуды движений, синхронности партнеров, чистоты траекторий и завершенности технических действий [4]. Во всех этих аспектах гибкость оказывает заметное, а иногда и решающее влияние. Дуо-систем как соревновательная форма ориентирована на демонстрацию реальных сценариев самообороны в паре. Участники должны показать высокий уровень взаимодействия, координации и владения арсеналом джиу-джитсу. Парная техника требует не только правильного выбора приема, но и его точного исполнения в ограниченное время, с обязательным соблюдением ритма, дистанции и формы. Соревнования по ката-парное предъявляют к спортсменам комплекс требований: техническая чистота исполнения; синхронность действий пары; реалистичность атак и защит; динамика и контроль; выразительность и завершенность приема; безопасность партнера при сохранении зрелищности. Каждый из перечисленных критериев так или иначе связан с функциональными возможностями опорно-двигательного аппарата. Именно поэтому гибкость следует рассматривать не как второстепенное качество, а как структурный элемент соревновательной подготовки.

Гибкость представляет собой способность выполнять движения с большой амплитудой за счет подвижности в суставах, эластичности мышц, связок и сухожилий, а также эффективности нервно-мышечной регуляции. В спортивной практике выделяют активную и пассивную гибкость, общую и специальную [1].

Для джиу-джитсу, особенно в дисциплине ката-парное, наибольшее значение имеет специальная гибкость, то есть подвижность именно в тех звеньях и плоскостях движения, которые необходимы для выполнения конкретных элементов парной техники [2]. При освобождениях, удержаниях и болевых приемах быстро обнаруживается, насколько подвижен плечевой пояс; в уклонах, уходах с линии атаки и падениях ту же роль берет на себя позвоночник. Перемещения, стойки, подсечки и броски по-другому высвечивают состояние тазобедренных суставов, а устойчивость и точность контроля позиции зависят от того, насколько сохранена эластичность задней поверхности бедра и голеностопа. Очень важным физическим качеством при выполнении приемов в партере является гибкость, а конкретно гибкость нижних конечностей и подвижность суставов [3, с. 6]. В дуо-систем гибкость не сводится к внешней эффектности: через нее задается биомеханический контур технически точного действия. Опора на биомеханику движений делается во многих видах спорта [10]. В ката-парное это проявляется сразу по нескольким линиям. От степени гибкости зависит, какой длины рычаг удастся выстроить в болевых приемах, где оказывается центр тяжести в переходах и бросках, удерживается ли равновесие в широких стойках, насколько полно включаются вращательные движения корпуса и не распадается ли комбинация на отдельные, механически разъединенные элементы. Если, например, освобождение от захвата продолжается

болевым контролем, а подвижность плечевого сустава ограничена, правильный вход в прием начинает запаздывать; темп сбивается, и на оценке это сказывается почти сразу. Аналогично при демонстрации бросковой техники ограниченная подвижность тазобедренных суставов уменьшает глубину подседа и нарушает структуру движения, делая прием визуально менее завершенным.

Цель исследования: выявить и проанализировать характер влияния показателей активной и пассивной гибкости на успешность выступления спортсменов на всероссийских соревнованиях по джиу-джитсу в дисциплине ката-парное.

Материалы и методы исследований

Материалы исследования:

1. Список кандидатов в спортивные сборные команды Тверской области по джиу-джитсу на 2022 год [5];
2. Список кандидатов в спортивные сборные команды Тверской области по джиу-джитсу на 2023 год [6];
3. Список кандидатов в спортивные сборные команды Тверской области по джиу-джитсу на 2024 год [7];
4. Список кандидатов в спортивные сборные команды Тверской области по джиу-джитсу на 2025 год [8];
5. Список кандидатов в спортивные сборные команды Тверской области по джиу-джитсу на 2026 год [9];
6. Протоколы соревнований всероссийского уровня:
  - а) Первенство России по джиу-джитсу среди юношей и девушек 18–20 лет за 2024 год и за 2022 год;
  - б) Чемпионат России по джиу-джитсу среди мужчин и женщин за 2022–2025 годы;
7. Протоколы тестирований спортсменов, выступающих по дисциплине ката-парное.

Для объективного анализа роли гибкости в джиу-джитсу использовались следующие методы: функциональные тесты на активную и пассивную гибкость; видеобиомеханический анализ соревновательных выступлений; экспертная оценка качества исполнения парной техники; сопоставление показателей гибкости с итоговыми судейскими баллами.

Результаты и обсуждения

В исследовании приняли участие 34 спортсмена – 18 мужчин и 16 женщин [5-9]. Исследование проводилось в течение пяти лет на базе ГБУ Тверской области Центр спортивной подготовки «Школа высшего спортивного мастерства». Возраст от 18 лет, прошедших отбор и представлявших Тверскую область на всероссийских соревнованиях, указаны в табл. 1.

Таблица 1

Количество спортсменов (n) из Тверской области выступавших в период 2022-2026 г. по джиу-джитсу в дисциплине ката-парное на всероссийских соревнованиях.

Table 1

The number of athletes (n) from the Tver region who competed in the period 2022-2026 in jiu-jitsu in the discipline of kata-doubles at all-Russian competitions.

Сборные	18-20		муж. / жен.		Всего (n)
год / пол	М (n)	Ж (n)	М (n)	Ж (n)	
2026	-	-	-	2	2
2025	-	-	3	1	4
2024	-	2	9	5	16
2023	-	-	-	2	2
2022	2	-	4	4	10
Всего чел.	2	2	16	14	34

Для определения уровня физического качества гибкость были проведены следующие тестирования.

Тесты на активную гибкость:

1. Для проверки активной гибкости применяются специальные тесты. В тесте 1 – «Подъем прямой ноги лёжа» – оценивают состояние задней поверхности бедра и поясничного отдела позвоночника. Спортсмен располагается на спине, руки вытянуты вдоль туловища; одна нога остается прямой и прижатой

к полу, другая поднимается вверх без сгибания в колене. Движение выполняется только за счет собственных мышечных усилий, без участия рук и без помощи партнера. Фиксируется угол между поднятой ногой и полом либо расстояние от пятки до пола с использованием линейки или гониометра. Этот показатель соотносится со способностью выполнять высокие удары ногами, амплитудные уходы и технические действия в партере.

2. Тест 2 – «Мост» (прогиб назад) – обращен к активной гибкости мышц передней поверхности бедра, брюшного пресса и плечевого пояса. Исходное положение – стойка прямо, ноги на ширине плеч. Далее спортсмен уходит в прогиб назад и принимает опору на руки, формируя мост; руки и ноги сохраняются выпрямленными. При оценке учитывают высоту подъема таза, а также выраженность прогиба в грудном и поясничном отделах. По этому тесту судят о готовности к сложным техническим действиям, связанным с прогибом, и о состоянии, которое имеет значение при падениях и бросках, где риск травмирования заметно возрастает.

3. В тесте 3 – «Скручивание туловища сидя» – предметом оценки становится активная гибкость мышц спины и косых мышц живота. Техника выполнения. Спортсмен сидит на полу, ноги скрещены или разведены, руки за головой или перед грудью. Выполняется максимальный поворот туловища в сторону без помощи рук. Измеряется угол поворота или расстояние от локтя до пола за спиной. Тест важен для оценки способности выполнять скручивающие движения, необходимые для уходов от захватов и выполнения бросков с вращением.

Тесты на пассивную гибкость:

4. «Наклон вперед сидя» (тест «Сядь и дотянись») (тест 4). Цель: оценка пассивной гибкости задней поверхности бедра, ягодичных мышц и поясницы. Техника выполнения. Спортсмен сидит на полу, ноги выпрямлены, стопы на ширине плеч, прижаты к измерительной линейке (или стене с разметкой). Выполняется максимальный наклон вперед с вытянутыми руками, колени не сгибаются. Партнер может слегка надавливать на спину для увеличения амплитуды (пассивный вариант). Измеряется расстояние от кончиков пальцев до линии стоп. Тест широко используется в спортивной практике, позволяет оценить общий уровень гибкости нижних конечностей и спины, что критично для выполнения бросков и удержаний.

5. «Отведение ноги в сторону лежа» (тест 5). Цель: оценка пассивной гибкости приводящих мышц бедра и тазобедренных суставов. Техника выполнения: Спортсмен лежит на спине, одна нога выпрямлена, вторая (тестируемая) поднимается вверх и отводится в сторону с помощью партнера или ремня. Колено тестируемой ноги не сгибается, таз не должен отрываться от пола. Измеряется угол между ногами или расстояние от колена до пола. Тест важен для оценки амплитуды движений в тазобедренных суставах, что необходимо для выполнения шпагатов, уходов и сложных технических комбинаций в партере.

Тесты рекомендуется проводить после стандартной разминки, чтобы избежать травм. Для объективной оценки желательно фиксировать результаты с помощью фото/видео или специальных измерительных приборов. Комплексное тестирование активной и пассивной гибкости позволяет выявить «узкие места» в подготовке спортсмена и скорректировать тренировочный процесс для повышения соревновательной эффективности.

Критерии оценивания тестирований указаны в табл. 2.

Таблица 2

Критерии тестов, применяемых в исследовании.

Table 2

Criteria of the tests used in the study.

Значение	Баллы	Тесты на активную гибкость			Тесты на пассивную гибкость	
		Тест 1 (угол)	Тест 2	Тест 3 (поворот)	Тест 4	Тест 5 (угол)
Отлично	15	$\geq 90^\circ$	Руки и ноги полностью выпрямлены, таз высоко поднят, прогиб глубокий.	$\geq 60^\circ$	Пальцы заходят за линию стоп на 10 см и более.	$\geq 120^\circ$
Хорошо	10	70–89°	Незначительное сгибание в коленях или локтях, но прогиб выражен.	40–59°	На уровне стоп или до 10 см за линией стоп.	90–119°
Удовл.	5	45–69°	Заметное сгибание в суставах, прогиб ограничен.	20–39°	Не доходят до стоп на 1–10 см.	60–89°
Неуд.	0	$< 45^\circ$	Мост не выполнен или выполнен с грубыми ошибками.	$< 20^\circ$	Не доходят более чем на 10 см.	60°

Выступления на соревнованиях. Были проанализированы выступления спортсменов по дуо-систем по демонстрации техники Тверской области молодежной сборной (18-20 лет) и мужчин и женщин. Оценивался результат выступлений на всероссийских соревнованиях по следующей шкале: 1 место – 75 баллов, 2 место – 50 баллов, 3 место – 25 баллов, 4 место – 10 баллов, 5 место – 5 баллов, 6 место и ниже – 0 баллов. Результаты складывались из среднего количества выступлений самого успешного календарного года.

Результаты тестирования по ранжированию общих числовых значений мужчин и их балльное выступление на соревнованиях представлены в табл. 3.

Таблица 3

Мужчины. Результаты тестирования.

Table 3

Men. Test results.

№	Тестирования						Соревнования	
	Тест 1	Тест 2	Тест 3	Тест 4	Тест 5	Сумма баллов	Баллы	Баллы в подгруппе
1	15	15	15	15	15	75	75	1 подгруппа 48 б.
2	15	15	15	15	15	75	22,5	
3	15	15	15	15	15	75	25	
4	15	15	10	15	15	70	75	
5	10	10	15	10	15	60	50	2 подгруппа 49 б.
6	10	10	10	10	15	55	17,5	
7	10	10	15	5	15	55	50	
8	10	10	5	10	15	50	75	
9	5	5	10	15	10	45	40	3 подгруппа 29 б.
10	15	10	10	5	5	45	25	
11	5	10	4,74*	10	3,97*	33,71	35	
12	0	10	10	5	5	30	17,5	
13	10	5	5	10	0	30	20	
14	10	5	4,74*	3,81*	3,97*	27,52	50	
15	5	5	5	5	5	25	5	
16	5	10	0	5	5	25	35	
17	5	5	5	0	5	20	50	
18	0	0	5	0	0	5	10	
Ср.±δ	8,89 ±4,88	9,17 ±4,17	9,38 ±4,64	8,82 ±5,01	9,69 ±5,72	44,5	37,64	

*Спортсмены не участвовали в указанных тестированиях. Значение найдено по формуле: среднее арифметическое теста – значение стандартного отклонения по тесту

Результаты тестирований мужчин условно были поделены на три группы. 1 группа «отлично»: номера 1-4; 2 группа «хорошо»: номера 5-8; 3 группа «удовлетворительно»: номера 9-18 (таблица 1). Среднее количество баллов за соревнования у первой подгруппы – 49; у второй подгруппы – 48, у третьей подгруппы – 29. У первой и второй подгруппы баллы практически равны, тем не менее это не противоречит первоначальной гипотезе, что качество гибкость положительно влияет на успешность выступлений на соревнованиях, так как по сравнению с третьей подгруппы эти результаты выше. Спортсмены с максимальной суммой баллов (75) – №1, 2, 3 – показали высокие результаты на соревнованиях (75, 22,5, 25 баллов соответственно). Однако стоит отметить, что не всегда максимальный балл в тестах гарантирует победу: так, у спортсмена №1 – 75 баллов и на тестах, и на соревнованиях, а у №2 и №3 – 75 в тестах, но только 22,5 и 25 на соревнованиях. Это говорит о том, что гибкость – важный, но не единственный фактор успеха. Спортсмены с суммой 70–60 баллов (например, №4, 5, 6, 7) также демонстрируют широкий диапазон соревновательных баллов (от 75 до 17,5), что указывает на влияние других качеств: координации, скорости, слаженности работы в паре. В нижней части рейтинга (сумма ≤45) соревновательные баллы преимущественно низкие (≤40), что подтверждает значимость базовой гибкости для успешного выступления.

Результаты тестирования по ранжированию общих числовых значений и баллов за соревнования женщин представлены в табл. 4.

Таблица 4

Женщины. Результаты тестирования.

Table 4

Women. Test results.								
№	Тестирования						Соревнования	
	Тест 1	Тест 2	Тест 3	Тест 4	Тест 5	Сумма баллов	Баллы	Баллы в подгруппе
1	15	15	15	15	15	75	75	1 подгруппа 60 б.
2	15	15	15	15	15	75	50	
3	15	15	15	15	15	75	75	
4	15	15	15	15	15	75	50	
5	10	15	15	15	15	70	50	
6	10	15	15	5	15	60	75	2 подгруппа 46 б.
7	10	10	15	10	15	60	50	
8	15	10	15	0	15	55	22,5	
9	10	10	5	15	15	55	17,5	
10	10	5	10	15	10	50	35	
11	10	5	10	10	15	50	75	3 подгруппа 31 б.
12	15	10	10	5	5	45	22,5	
13	15	10	10	5	5	45	50	
14	10	5	6,69*	4,84*	7,24*	33,77	50	
15	10	5	5	5	0	25	25	
16	5	5	0	5	7,24*	22,24	10	
Ср.±δ	11,88 ±2,99	10,31 ±4,13	11,33 ±4,64	10±5,16	12,14±4,9	54,44	45,78	
*Спортсмены не участвовали в указанных тестированиях. Значение найдено по формуле: среднее арифметическое теста – значение стандартного отклонения по тесту								

Результаты тестирований мужчин условно были поделены на три группы. 1 группа «отлично»: номера 1-5 (60 баллов); 2 группа «хорошо»: номера 6-11 (46 баллов); 3 группа «удовлетворительно»: номера 12-16 (31 балл) (табл. 1). Анализ этих данных позволяет выявить закономерности между уровнем развития гибкости и успешностью выступления, а также определить, какие аспекты гибкости наиболее значимы для достижения высоких спортивных результатов.

Женщины с максимальной суммой баллов (75) – №1-4 – стабильно показывают высокие результаты на соревнованиях (75, 50, 75, 50). Здесь связь выражена более явно. Спортсменки с суммой 60-55 баллов (№5-9) также имеют преимущественно высокие соревновательные баллы (от 75 до 17,5). В подгруппе с суммой ≤45 баллов (№12-16) соревновательные результаты существенно ниже (от 22,5 до 10).

Анализ данных наглядно демонстрирует прямую зависимость между уровнем развития гибкости и успешностью выступления на соревнованиях по джиу-джитсу в дисциплине ката-парное. Спортсмены с высокими суммарными баллами за тесты стабильно занимают лидирующие позиции. Наибольшее влияние на результат оказывают показатели пассивной гибкости. Однако для достижения максимальных результатов необходим комплексный подход к развитию всех физических качеств и индивидуализация тренировочного процесса.

Выводы

Изучение влияния физического качества гибкость на успешность выступления на соревнованиях по джиу-джитсу в дисциплине ката-парное показывает, что данное качество имеет системообразующее значение для соревновательной подготовки. В дуо-систем гибкость напрямую связана с точностью, выразительностью, синхронностью и безопасностью исполнения парной техники. Она повышает качество технической демонстрации, способствует эффективному взаимодействию партнеров и создает условия для более высокой судейской оценки. Для спортсменов, специализирующихся в ката-парное, развитие специальной гибкости должно рассматриваться как обязательное направление тренировочного процесса наряду с технической, координационной и психологической подготовкой. Только при комплексном подходе гибкость становится не просто физическим качеством, а реальным инструментом повышения соревновательной результативности в джиу-джитсу.

Список источников

1. Иванова К.А., Дудус А.Н. Гибкость в спорте и спортивных достижениях // Молодой ученый. 2023. № 19 (466). С. 590 – 592.
2. Левин П.В., Костиков П.А. Методика воспитания гибкости у занимающихся джиу-джитсу // Человек, здоровье, физическая культура и спорт в современном мире: региональный сборник научно-методических материалов / Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина. Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 2016. С. 53 – 57.
3. Пастушенко Е.Е., Пастушенко Е.Е., Умаров М.М. «Треугольники» в борьбе лёжа. К элективным курсам по единоборствам на базе техники джиу-джитсу для студентов вузов: учебно-методическое пособие. Москва: Московский государственный областной педагогический университет, 2023. 20 с.
4. Плешивцев М.В., Родичкин П.В., Фокин А.М. Критерии оценки результативности технико-тактических действий борцов стиля джиу-джитсу в соревновательных схватках // Спорт, Человек, Здоровье: Материалы XI Международного Конгресса, Санкт-Петербург, 26-28 апреля 2023 года / Под ред. С.И. Петрова. Санкт-Петербург: Политех-Пресс, 2023. С. 722 – 724. DOI 10.18720/SPBPU/2/id23-423
5. Список кандидатов в спортивные сборные команды Тверской области по джиу-джитсу на 2022 год. <https://спорт.тверскаяобласть.рф/sport-vyshshikh-dostizheniy/sportivnye-sbornye-komandy-tverskoy-oblasti/letnie-vidy-sporta/sportivnyy-sezon-2022-god/Джиу-джитсуспискисборныхкомандна2022год.pdf>
6. Список кандидатов в спортивные сборные команды Тверской области по джиу-джитсу на 2023 год. <https://спорт.тверскаяобласть.рф/sport-vyshshikh-dostizheniy/sportivnye-sbornye-komandy-tverskoy-oblasti/letnie-vidy-sporta/sportivnyy-sezon-2023-god/Scan20231121124710.pdf>
7. Список кандидатов в спортивные сборные команды Тверской области по джиу-джитсу на 2024 год. <https://спорт.тверскаяобласть.рф/sport-vyshshikh-dostizheniy/prisvoenie-sportivnykh-razryadov-/prikazy-o-prisvoenii-sportivnykh-razryadov-/2024-god/джиу-джитсу499.pdf>
8. Список кандидатов в спортивные сборные команды Тверской области по джиу-джитсу на 2025 год. <https://спорт.тверскаяобласть.рф/sport-vyshshikh-dostizheniy/sportivnye-sbornye-komandy-tverskoy-oblasti/letnie-vidy-sporta/sportivnyy-sezon-2025-god/Scan20250423161534.pdf>
9. Список кандидатов в спортивные сборные команды Тверской области по джиу-джитсу на 2026 год. <https://спорт.тверскаяобласть.рф/sport-vyshshikh-dostizheniy/sportivnye-sbornye-komandy-tverskoy-oblasti/letnie-vidy-sporta/sportivnyy-sezon-2026-god/Scan20251217102944.pdf>
10. Щепелев А.А., Правдов Д.М., Правдов М.А. Формирование двигательных умений в метании у детей старшего дошкольного возраста на основе учета биомеханических параметров движений // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2022. № 9 (211). С. 513 – 519. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2022.9.p513-520

References

1. Ivanova K.A., Dudus A.N. Flexibility in Sports and Sports Achievements. Young Scientist. 2023. No. 19 (466). P. 590 – 592.
2. Levin P.V., Kostikov P.A. Methods of Developing Flexibility in Jiu-Jitsu Practitioners. Man, Health, Physical Culture and Sports in the Modern World: Regional Collection of Scientific and Methodological Materials. Ryazan State University named after S.A. Yesenin. Ryazan: Ryazan State University named after S.A. Yesenin, 2016. P. 53 – 57.
3. Pastushenko E.E., Pastushenko E.E., Umarov M.M. “Triangles” in Ground Wrestling. Elective courses in martial arts based on jiu-jitsu techniques for university students: a teaching aid. Moscow: Moscow State Regional Pedagogical University, 2023. 20 p.
4. Pleshivtsev M.V., Rodichkin P.V., Fokin A.M. Criteria for assessing the effectiveness of technical and tactical actions of jiu-jitsu wrestlers in competitive bouts. Sport, People, Health: Proceedings of the XI International Congress, St. Petersburg, April 26-28, 2023. Ed. by S.I. Petrov. Saint Petersburg: Politech-Press, 2023. P. 722 – 724. DOI 10.18720/SPBPU/2/id23-423
5. List of candidates for the Tver Region national jiu-jitsu teams for 2022. <https://sport.tverskayaoblast.rf/sport-vyshshikh-dostizheniy/sportivnye-sbornye-komandy-tverskoy-oblasti/letnie-vidy-sporta/sportivnyy-sezon-2022-god/Джиу-джитсуспискисборныхкомандна2022год.pdf>
6. List of candidates for the Tver Region national jiu-jitsu teams for 2023. <https://sport.tverskayaoblast.rf/sport-vyshshikh-dostizheniy/sportivnye-sbornye-komandy-tverskoy-oblasti/letnie-vidy-sporta/sportivnyy-sezon-2023-god/Scan20231121124710.pdf>

7. List of candidates for the Tver Region national jiu-jitsu teams for 2024. <https://sport.tverskayaoblast.rf/sport-vysshih-dostizheniy/prisvoenie-sportivnykh-razryadov-prikazy-o-prisvoenii-sportivnykh-razryadov-2024-god/dzhiu-zhditsu499.pdf>
8. List of candidates for the Tver Region national jiu-jitsu teams for 2025. <https://sport.tverskayaoblast.rf/sport-vysshih-dostizheniy/sportivnye-sbornye-komandy-tverskoy-oblasti/letnie-vidy-sporta/sportivnyy-sezon-2025-god/Scan20250423161534.pdf>
9. List of candidates for the Tver Region national jiu-jitsu teams for 2026. <https://sport.tverskayaoblast.rf/sport-vysshih-dostizheniy/sportivnye-sbornye-komandy-tverskoy-oblasti/letnie-vidy-sporta/sportivnyy-sezon-2026-god/Scan20251217102944.pdf>
10. Shchepelev A.A., Pravdov D.M., Pravdov M.A. Formation of motor skills in throwing in senior preschool children based on the biomechanical parameters of movements. Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. 2022. No. 9 (211). P. 513 – 519. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2022.9.p513-520

Информация об авторах

Каравацкая Н.А., кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой физической культуры и безопасности жизнедеятельности, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-7579-502X>, Московский государственный институт культуры, г. Химки, Библиотечная улица, д. 7, ichnata@mail.ru

Васина К.И., старший преподаватель, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), volvenkina-ev@yandex.ru

Киселева И.В., доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-7609-4463>, Государственный университет просвещения, alexks250377@yandex.ru

Пастушенко Е.Е., профессор, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-5505-4860>, Московский государственный институт культуры, г. Химки, Библиотечная улица, д. 7, volvenkina-ev@yandex.ru

Борисова И.В., доцент, Государственный университет просвещения, irisha.borisova.62@internet.ru

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

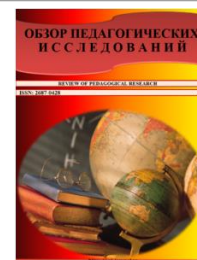
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 81'253:378

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-174-181

Аудиовизуальные средства в подготовке студентов-лингвистов

¹ Приказчикова Е.В., ¹ Савченко Е.П.,
¹ Государственный университет просвещения

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с применением аудиовизуальных средств обучения на лингвистическом факультете Государственного университета просвещения. К аудиовизуальным средствам обучения мы относим: учебные пособия и технические устройства, предназначенные для одновременного зрительного и слухового воздействия на обучающихся (учебные, документальные и художественные фильмы, видеоролики, телепередачи, слайд-фильмы, мультимедийные средства презентации информации, интерактивные доски и компьютерные обучающие программы, объединяющие звук и изображение). В качестве итогов исследования приведены количественные данные результатов анкетирования студентов педагогического профиля подготовки 44.03.01 Педагогическое образование, профиль Иностранный язык (английский) (китайский или испанский языки), анализ которых показывает стремление обучающихся выбирать аудиовизуальные средства для работы в режиме внеаудиторной самостоятельной работы. Делается вывод об эффективности применения аудиовизуальных средств в рамках аудиторной работы, указывается на необходимость подготовки преподавателей к более активному внедрению таких средств в процесс формирования коммуникативной компетентности студентов-лингвистов, что является не просто требованием ФГОС, но базовым требованием, предъявляемым к современному студенту-медиатору (лингвисту, преподавателю иностранного языка, переводчика).

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, студенты-лингвисты, аудиовизуальные средства, мотивация к обучению, межкультурное взаимодействие, интерактивность, современные мультимедийные средства обучения, ментальные карты, флэш-карты, интерактивная доска

Для цитирования: Приказчикова Е.В., Савченко Е.П. Аудиовизуальные средства в подготовке студентов-лингвистов // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 174 – 181. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-174-181

Поступила в редакцию: 10 апреля 2026 г.;
Одобрена после рецензирования: 7 мая 2026 г.;
Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Audiovisual teaching aids in trainig students-linguists

¹ Prikazchikova E.V., ¹ Savchenko E.P.,
¹ Federal State University of Education

Abstract: we examine issues related to the use of audiovisual teaching aids in the Faculty of Linguistics at the State University of Education. Audiovisual teaching aids include teaching aids and technical devices designed to simultaneously engage students visually and auditorily (educational, documentary, and feature films, video clips, television programs, slide shows, multimedia presentations, interactive whiteboards, and computer-based educational programs that combine sound and image). The study presents quantitative data from a survey of students majoring in pedagogical training (44.03.01 Pedagogical Education, specializing in Foreign Language (English) (Chinese or Spanish). The analysis demonstrates students' desire to choose audiovisual aids for independent, extracur-

ricular work. A conclusion is made about the effectiveness of using audiovisual means in the context of classroom work, and the need is pointed out for training teachers to more actively implement such means in the process of developing the communicative competence of linguistic students, which is not just a requirement of the Federal State Educational Standard, but a basic requirement for a modern student-mediator (linguist, foreign language teacher, translator).

Keywords: communicative competence, students-linguists, audiovisual aids, motivation to learn, crosscultural interaction, interactivity, modern multimedia learning aids, mind-maps, flash cards, smart board

For citation: Prikazchikova E.V., Savchenko E.P. Audiovisual teaching aids in trainig students-linguists. *Review of Pedagogical Research*. 2026. 8 (6). P. 174 – 181. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-174-181

The article was submitted: April 10, 2026;
Approved after reviewing: May 7, 2026; Ac-
cepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Традиционно в системе российского образования широко использовались средства наглядности, а в системе преподавания иностранных языков дидактическому потенциалу принципа наглядности всегда уделялось много внимания, было написано много работ на эту тему [3, 6]. Однако в современных условиях развития системы иноязычного образования возникла необходимость систематизировать современные средства наглядности, в основе которых теперь не просто презентация конкретных понятий, а новые способы обработки и компоновки информации (поток которой стал значительно плотнее и быстрее), позволяющие представить ее в удобном для восприятия виде. Вследствие этого все чаще возникает термин «визуализация информации» и применения аудиовизуальных средств в процессе обучения иностранному языку на лингвистических факультетах университетов.

Использование аудиовизуальных средств в рамках современного урока иностранного языка в университете позволяет в полной мере формировать у студентов критическое мышление и умение работать в команде, способствует повышению интереса и мотивации к обучению, делая их более вовлеченными и заинтересованными участниками коммуникации, что соответствует требованиям ФГОС ВО [8].

Преподаватели, в свою очередь, благодаря использованию мультимедиа средств и других технологий, обеспечивающих визуализацию процесса обучения иностранному языку, развивают творческий подход и навыки ведения интерактивных занятий. Из учителей-инструкторов они переходят в разряд учителей-проводников, т.е. они не просто владеют классическими знаниями языка и методики преподавания, а грамотно используют возможности современных технических и интерактивных аудиовизуальных средств для создания межкультурного взаимодействия в рамках занятия в ВУЗе. Поэтому для сохранения высокого уровня мотивации студентов к изучению иностранного языка преподавателю необходимо постоянно обновлять свои знания о современных мультимедийных аудиовизуальных средствах обучения.

Материалы и методы исследований

Настоящая статья является попыткой обобщить существующие подходы к использованию таких средств в рамках изучения английского языка на лингвистическом факультете университета. Прежде всего считаем необходимым уточнить понятие «аудиовизуальные средства». Традиционно аудиовизуальными средствами считали «учебные наглядные пособия, предназначенные для предъявления зрительной и слуховой информации» [1, с. 22]. Однако стремительное развитие мультимедийных средств и интерактивных технологий, появление необходимости введения форм онлайн обучения, клиповость и сериальность мышления современных обучаемых, внесли свои коррективы в данное понятие. Их арсенал значительно расширился, возможности использования в учебном процессе стали более наглядными и эффективными.

Предшествующие поколения преподавателей были ориентированы на использование в учебном процесс печатных изданий учебных пособий, плакатов, рисунков, в незначительной степени аудиозаписей и редко учебных фильмов. Все эти средства очень хорошо зарекомендовали себя в обучении студентов конкретной лексики. Но когда необходимо было обозначить тонкие оттенки смысла, или объяснить сложное понятие, все эти средства не помогали преодолеть эти трудности.

В современных условиях, когда появились интерактивные технологические и технические средства, в учебный процесс обучения иностранному языку можно привнести так много всего, что входит в понятие «межкультурная коммуникация», обеспечивая эффективное формирование «вторичной языковой личности» у студентов поколения, которое больше привыкло набирать текст большим пальцем, чем листать

напечатанную на бумаге книгу (так называемое “thumb generation”) [7, с. 43]. Они становятся более активными и заинтересованными, когда в рамках учебного процесса изучают иностранный язык посредством получения аудиовизуального подкрепления, обеспечиваемого мультимедийными презентациями, демонстрациями диаграмм, схем, моделей, ментальных карт и т.п. [2, с. 27].

Если рассматривать преимущества использования аудиовизуальных средств в учебном процессе, то необходимо помнить, что они способствуют эффективному усвоению материала благодаря способности одновременно стимулировать слуховой и зрительный каналы восприятия [4, с. 49] и обеспечивать тем самым более эффективное запоминание информации. Сложные понятия именно благодаря аудиовизуальным средствам становятся доступными к восприятию, что повышает самооценку обучающихся и стимулирует их мотивацию к изучению иностранного языка. Еще одним преимуществом является то, что они облегчают социо-культурную адаптацию, способствуют к приобщению к иноязычной культуре, что способствует формированию межкультурной компетентности обучаемых [4, с. 50].

Результаты и обсуждения

В рамках работы со студентами-лингвистами был проведен опрос, цель которого была выявить насколько часто они прибегают к аудиовизуальным средствам при самостоятельном изучении иностранного языка и какие из них наиболее популярны в студенческой среде. Вопросы охватывали темы, касающиеся их подверженности влиянию информации из интернет источников и социальных сетей, а также использованию аудиовизуальных средств. Все формулировки вопросов предполагали выбор из предложенных вариантов, статистический анализ таким образом касался конкретного выбора, сделанного опрошиваемым (опрошено 110 респондентов разных лет обучения). Так, на вопрос «Насколько часто Вы прибегаете к прослушиванию песен на английском языке, чтобы улучшить свои навыки аудирования» большинство опрошенных (57,27%) ответило «всегда» и только 4,55% ответило «никогда», хотя были и те, кто затруднился сделать выбор (1,82%), что в целом говорит о высокой заинтересованности респондентов в использовании песен на английском языке для активизации навыка восприятия иноязычной речи на слух (табл. 1).

Таблица 1

Выборка ответов на вопрос «Насколько часто Вы прибегаете к прослушиванию песен на английском языке, чтобы улучшить свои навыки аудирования?».

Table 1

Sample of responses to the question "How often do you listen to songs in English to improve your listening skills?".

№п/п	выбор	количество респондентов	%
1	всегда	63	57,27
2	часто	31	28,18
3	редко	9	8,18
4	никогда	5	4,55
5	затрудняюсь ответить	2	1,82
Итого		110	100

Относительно просмотра фильмов на английском языке респонденты также сделали выбор в пользу этого хорошо зарекомендовавшего себя средства вовлечения в иноязычную культуру и коммуникацию: 68,18% ответили, что всегда смотрят фильмы на английском языке во внеурочное время, процент тех, кто делает это достаточно часто тоже достаточно репрезентативен (20%). Суммарно процент тех, кто смотрит такие фильмы редко, никогда или затруднился ответить, составил 11,82%, что значительно ниже тех, кто делает это всегда или часто (табл. 2). Это позволяет сделать вывод о том, что просмотр фильмов на иностранном языке сохраняет свою популярность и вполне может быть использован в рамках аудиорных учебных занятий.

Таблица 2

Выборка ответов на вопрос «Насколько часто Вы смотрите фильмы на английском языке?».

Table 2

Sample of responses to the question "How often do you watch films in English?".

№п/п	выбор	количество респондентов	%
1	всегда	75	68,18
2	часто	22	20
3	редко	7	6,36
4	никогда	2	1,82
5	затрудняюсь ответить	4	3,64
Итого		110	100

Однако отметим, что преподаватель должен тщательно отбирать видеоматериал, проверять его на соответствие тематике, обозначенной в рабочей программе по предмету, и, что более важно, длительность видеофрагмента не должна превышать 10 минут [5, с. 92]. Методическая обоснованность включения видеофрагмента в канву занятия – это то слабое место, которое большинство преподавателей часто игнорируют, предоставляя студентам возможность просто смотреть достаточно длинный видеофрагмент (а иногда и полуторачасовой фильм целиком) без заданий предваряющих просмотр и заданий после просмотра, которые имеют цель формировать продуктивные речевые навыки (говорение и/или письмо) и, следовательно, будут формировать иноязычную коммуникативную компетенцию.

Следует отметить, что прослушивание песен и просмотр фильмов на иностранном языке достаточно хорошо известны как аудиовизуальное средство обучения иностранному языку. Поэтому в опросник были включены вопросы, цель которых выявить наиболее популярные современные ресурсы, которые представляют интерес для студентов и достойны того, чтобы преподаватели чаще использовали их и в рамках аудиторных занятий (табл. 3).

Таблица 3

Выборка ответов на вопрос «Какое из перечисленных аудиовизуальных средств обучения Вы считаете наиболее полезным для себя в изучении английского языка?».

Table 3

Example of responses to the question "Which of the following audiovisual learning aids do you consider most useful for learning English?".

№п/п	выбор	количество респондентов, выбравших ресурс	%
1	песни на английском языке	37	33,64
2	фильмы на английском языке	24	21,81
3	флэш-карты (flash cards apps)	12	10,91
4	ментальные карты (mind-maps apps)	16	14,55
5	интерактивная онлайн доска (online smart board)	6	5,45
6	облачные сервисы для создания презентаций	10	9,09
7	сервисы для создания интерактивных упражнений, игр, кроссвордов, викторин	5	4,55
Итого		110	100

Отметим, что использование онлайн ресурсов по созданию ментальных карт не случайно является третьим по популярности аудиовизуальным средством у студентов. Такие цифровые сервисы позволяют сделать процесс запоминания осознанным, а не механическим [9, с. 15]. Это возможно благодаря тому, что графическое отображение учебной информации формирует у них умение структурировать и кратко записывать необходимый учебный материал, что и позволяет запоминать его посредством ассоциативных связей. По данным опроса студенты преимущественно выбирают именно ментальные карты среди других мультимедийных цифровых ресурсов как средство, позволяющее им максимально эффективно подготовиться к занятиям в университете (табл. 4).

Таблица 4

Выборка ответов на вопрос «Насколько часто Вы используете онлайн-приложения, разработанные для создания ментальных-карт (mind-maps) для подготовки к занятиям?».

Table 4

Sample of responses to the question "How often do you use online applications designed for creating mind maps to prepare for classes?".

№п/п	выбор	количество респондентов	%
1	всегда	35	31,82
2	часто	51	46,36
3	редко	7	6,37
4	никогда	11	10
5	затрудняюсь ответить	6	5,45
Итого		110	100

Из данных опроса становится понятно, что помимо прослушивания песен и просмотра фильмов на иностранном языке студенты активно используют цифровые сервисы для разработки ментальных карт (выбор 14,55% респондентов) и создания флэш-карт (10,91%).

В пользу использования ментальных карт на занятиях в университете говорит тот факт, что они позволяют обрабатывать большие объемы учебного материала. Поэтому, если применять их на учебных занятиях, дидактический потенциал урока значительно повысится, преподавателю станет легче воздействовать на обучающихся и стимулировать их мотивацию, будут созданы условия для развития коммуникативной компетентности студентов и их креативности [10, с. 18].

Среди наиболее востребованных сервисов по созданию ментальных карт, конечно, те, которые предоставляют бесплатный доступ, не требуют регистрации. Однако у таких сервисов есть значительные ограничения. Например, ограничения на количество создаваемых карт, или невозможность оставлять комментарии. Радует, что в 2024 году появился отечественный ресурс «IOctopus». Его возможности гораздо шире, что позволит иметь доступ к картам не только для чтения, комментирования, но и для редактирования. А это открывает широкие дидактические возможности данного ресурса для использования в рамках офф-лайн занятий.

Четвертым по популярности аудиовизуальным средством респонденты считают флэш-карты. Онлайн приложения с большим выбором готовых флэшкарт дают обучающимся возможность изучать и запоминать не только лексику, но и грамматику. По своей структуре они в достаточной мере реализуют общедидактический принцип «от простого к сложному», так как после изучения слова дают возможность перейти к фрагментам текста, где эта лексика употреблена, а потом проверить себя в настраиваемых тестовых заданиях. Важно то, что данные цифровые ресурсы позволяют отслеживать свой личный прогресс. А это является существенной мотивацией к совершенствованию иноязычных репродуктивных навыков. В этих приложениях также существует функция прослушивания лексики (выполненного носителями языка), лексические игры на соответствие («matching»), возможность обмениваться своими нобарами флешкарт с другими пользователями, что способствует формированию коммуникативной компетенции.

В настоящий момент появились цифровые ресурсы, которые имеют больше возможностей для использования в образовательном процессе. Так, при использовании ресурса «Memrise» преподаватель получает не только традиционные флеш-карты, где обучающийся видит слово и его перевод, но может вносить свои собственные дополнения или изменения. В этом ресурсе карты снабжены забавными картинками, которые вносят элемент игры в процесс обучения и снимают напряжение. Также есть возможность просматривать фрагменты аутентичного видеоматериала на английском языке, и просто нажав на слово во время воспроизведения видео можно получить контекстную карточку, где дан не только перевод слова, но и то, как оно употреблено в видеофрагменте. Программа может предоставить еще несколько фрагментов, иллюстрирующих использование этого слова в контексте.

Тот факт, что флеш-карты – это современный, активно развивающийся мультимедийный ресурс и объясняет интерес обучающихся к онлайн-приложениям, где они могут пользоваться ими для активизации лексико-грамматических навыков (табл. 5).

Таблица 5

Выборка ответов на вопрос «Насколько часто Вы используете онлайн-приложения с флэш-картами (flash-cards) для формирования репродуктивных лексических и грамматических навыков?».

Table 5

Sample of responses to the question "How often do you use online flash card applications to develop reproductive vocabulary and grammar skills?".

№п/п	выбор	количество респондентов	%
1	всегда	38	34,55
2	часто	47	42,72
3	редко	12	10,91
4	никогда	4	3,64
5	затрудняюсь ответить	9	8,18
Итого		110	100

Достаточно близко по популярности находятся облачные сервисы для создания презентаций (9,09%) (табл. 3), что вполне объяснимо – в рамках учебного процесса в университете представление студентами докладов, их выступления на конференциях, защиты курсовых работ и ВКР происходят только с визуальным подкреплением устного доклада в виде мультимедийной презентации.

Необходимо отметить, что мультимедийные презентации давно и прочно вошли в практику преподавания в университетах. Мощный толчок развитию этих сервисов придала необходимость проведения занятий в дистанционном формате. В настоящий момент мультимедийные презентации используют на разных уровнях обучения иностранному языку.

В системе высшего образования преподаватели широко используют такие презентации во время лекционных и семинарских занятий, поскольку они позволяют при помощи таблиц, графиков, схем, добавленного аудио и видео контента наглядно и сжато представить учебный материал, заинтересовать студентов, активизировать их внимание. А в рамках дистанционного обучения (или формата смешанного класса) помогают преподавателю организовать интерактивное общение в виде дискуссий, мозговых штурмов и пр. Также у них есть потенциал в использовании при дистанционном формате обучения выступать как онлайн-учебное пособие, позволяющее активизировать формирование: навыков чтения вслух, чтения с извлечением конкретной информации, навыков аудирования, говорения и письма. Современные цифровые сервисы также предлагают преподавателям возможность провести контроль усвоения материала при помощи встроенных в мультимедийную презентацию оценочных инструментов. Помимо оценочной функции такие инструменты еще и выполняют прогностическую и диагностическую функции, так как позволяют не только проводить регулярный текущий контроль, но и выявлять плохо усвоенный материал, тему, раздел, или конкретных учащихся, которые не справились с освоением темы.

Респонденты, опрошенные в рамках проводимого исследования, отмечали, что обращение к аудиовизуальным средствам в рамках процесса обучения позволяет им сократить количество ошибок в речи, повышает степень усвоения учебного материала, а также способствуют повышению интереса как к собственно учебному процессу, так и к изучению иностранного языка.

Результаты представленного эмпирического исследования о необходимости и важности использования аудиовизуальных средств в учебном процессе на лингвистических факультетах университета указывают, что обучающиеся испытывают больше интереса к изучению иностранного языка, когда могут не просто приобретать навыки, но и обмениваться ими с другими участниками процесса обучения. Именно в этом случае процесс обучения сохраняет связь с реальной жизнью, а обучающиеся учатся анализировать, делать выводы, и формулировать собственные идеи не только из того, что они услышали на лекциях, но и из собственного опыта взаимодействия с внешней средой, коммуникацией с широким кругом людей (включая носителей языка). Для обучающихся аудиовизуальные средства выступают в этом случае не просто методическим приемом или средством, а формируют существенную часть их жизненного опыта, необходимого для успешного освоения иностранного языка и формирования коммуникативной компетентности.

Выводы

Таким образом, аудиовизуальные средства, как один из инструментов процесса обучения английскому языку в университете, играют важную роль в повышении мотивации обучающихся, стимулировании их интереса, и направлены на эффективное достижение предметных, личностных и метапредметных результатов учебного процесса в целом.

Список источников

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во ИКАР, 2009. 448 с.
2. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика. М.: Академия, 2006. 336 с.
3. Ковш Е.В., Савченко Е.П. Актуализация компетентностного подхода при помощи ИКТ-технологий в практике профессиональной подготовки лингвистов // Создание виртуального межкультурного образовательного пространства средствами технологий электронного обучения: Сборник статей. Москва, 2017. С. 103 – 106.
4. Козуляев А.В. Обучение студентов аудиовизуальному переводу в эпоху когнитивной революции: к постановке проблемы // Вопросы методики преподавания в вузе. 2019. Т. 8. № 29. С. 48 – 56.
5. Попова Н.В., Степанова М.М., Кузьмина А.В. Методические аспекты применения аудиовизуальных средств обучения иностранному языку и переводу в вузе // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. 2021. Т. 18. № 1. С. 87 – 98.
6. Савченко Е.П. От лингвистической теории к когнитивному подходу к переводческой деятельности // Магия ИННО: новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников. материалы Научно-практической конференции: к 70-летию факультета международных отношений. 2013. С. 337 – 342.
7. Тинькова З.С., Макеева В.С. Педагогические условия повышения эффективности образовательного процесса в режиме дистанционного обучения // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 1 (86). С. 42 – 44.
8. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование. <https://base.garant.ru/71897858> (дата обращения: 24.11.2025)
9. Mannan A. Modern Education: Audio-Visual Aids. New Delhi: Anmol Publications, 2005. P. 14 – 16.
10. Moriarty S.E. Visual Communication as a primary system. Journal of Visual Literacy, 2019. Vol. 4. No. 2. P. 11 – 21.

References

1. Azimov E.G., Shchukin A.N. New Dictionary of Methodological Terms and Concepts (Theory and Practice of Language Teaching). Moscow: IKAR Publishing House, 2009. 448 p.
2. Gal'skova N.D., Gez N.I. Theory of Teaching Foreign Languages: Lingvodidactics and Methodology. Moscow: Academy, 2006. 336 p.
3. Kovsh E.V., Savchenko E.P. Updating the Competency-Based Approach with the Help of ICT Technologies in the Practice of Professional Training of Linguists. Creation of a Virtual Intercultural Educational Space by Means of E-Learning Technologies: A Collection of Articles. Moscow, 2017. P. 103 – 106.
4. Kozulyaev A.V. Teaching Students Audiovisual Translation in the Era of the Cognitive Revolution: Toward a Problem Statement. Issues of Teaching Methods at the University. 2019. Vol. 8. No. 29. P. 48 – 56.
5. Popova N.V., Stepanova M.M., Kuzmina A.V. Methodological Aspects of Using Audiovisual Aids in Teaching Foreign Languages and Translation at the University. Bulletin of Samara State Technical University. 2021. Vol. 18. No. 1. P. 87 – 98.
6. Savchenko E.P. From Linguistic Theory to a Cognitive Approach to Translation Activity. The Magic of INNO: New Technologies in Language Training of International Relations Specialists. Proceedings of the Scientific and Practical Conference: dedicated to the 70th Anniversary of the Faculty of International Relations. 2013. P. 337 – 342.
7. Tinkova Z.S., Makeeva V.S. Pedagogical Conditions for Improving the Efficiency of the Educational Process in Distance Learning Mode. The World of Science, Culture, and Education. 2021. No. 1 (86). P. 42 – 44.

8. Federal State Educational Standard of Higher Education – Bachelor's Degree in the Field of Training 44.03.01 Pedagogical Education. <https://base.garant.ru/71897858> (date of access: 24.11.2025)
9. Mannan A. Modern Education: Audio-Visual Aids. New Delhi: Anmol Publications, 2005. P. 14 – 16.
10. Moriarty S.E. Visual Communication as a Primary System. Journal of Visual Literacy, 2019. Vol. 4. No. 2. P. 11 – 21.

Информация об авторах

Приказчикова Е.В., кандидат филологических наук, доцент, Государственный университет просвещения, englishel8875@yandex.ru

Савченко Е.П., кандидат филологических наук, доцент, Государственный университет просвещения, ep.savchenko@eduprosvet.ru

© Приказчикова Е.В., Савченко Е.П., 2026

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

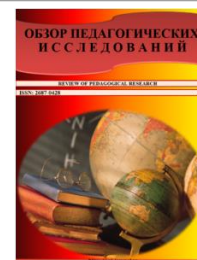
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)

УДК 372.881.1

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-182-190

Интеграция культурно-медиативной компетенции в профессиональную подготовку учителей иностранного языка: концептуальная модель

¹Самарин А.В., ¹Акинина Н.В., ¹Шубина Н.Г., ¹Щербатенко О.А.,
¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Старооскольский филиал

Аннотация: трансформация лингвострановедческого компонента в системе высшего педагогического образования становится насущной необходимостью в условиях поликультурной глобализации и цифровизации. Классическая парадигма страноведения, ориентированная на трансляцию статичных фактов, не в полной мере отвечает задаче подготовки педагога, способного выступать аналитическим посредником в межкультурном взаимодействии. Целью исследования является теоретическое обоснование и разработка концептуальной модели интеграции культурно-медиативной компетенции в процесс профессиональной подготовки будущего учителя иностранного языка.

Материалы и методы. Методологическую базу исследования составляют критический и сравнительный анализ научной литературы, синтез современных международных и отечественных подходов, а также метод моделирования педагогических систем. Теоретической основой послужили концепции культурного посредничества и межкультурной коммуникативной компетенции.

Результаты. В результате исследования уточнена сущность и компонентный состав (когнитивный, аффективный, функциональный) культурно-медиативной компетенции учителя иностранного языка. Разработана и представлена четырехмодульная модель интеграции культурно-медиативной компетенции в образовательный процесс педагогического вуза, включающая теоретико-методологический, инструментально-технологический, методико-функциональный и практико-рефлексивный модули.

Заключение. Предложенная модель представляет собой системный ответ на вызовы современного иноязычного образования, позволяя перейти от формирования предметных знаний к развитию у будущих педагогов способности к критическому, этичному и продуктивному межкультурному посредничеству. Полученные результаты могут служить основой для модернизации учебных планов и программ педагогических вузов.

Ключевые слова: культурно-медиативная компетенция, подготовка учителя иностранного языка, лингвострановедение, межкультурная коммуникация, культурное посредничество, виртуальный обмен, педагогическое моделирование

Для цитирования: Самарин А.В., Акинина Н.В., Шубина Н.Г., Щербатенко О.А. Интеграция культурно-медиативной компетенции в профессиональную подготовку учителей иностранного языка: концептуальная модель // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 182 – 190. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-182-190

Поступила в редакцию: 11 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Integration of cultural and mediative competence in the professional training of foreign language teachers: a conceptual model

¹ Samarin A.V., ¹ Akinina N.V., ¹ Shubina N.G., ¹ Shcherbatenko O.A.,
¹ Belgorod State National Research University, Stary Oskol Branch

Abstract: the transformation of the linguistic component in the system of higher pedagogical education is becoming an urgent need in the context of multicultural globalization and digitalization. The classical paradigm of regional studies, focused on the translation of static facts, does not fully meet the task of training a teacher who can act as a reflective mediator in intercultural interaction.

The purpose of the research is the theoretical justification and development of a conceptual model for the integration of cultural and mediative competence in the process of professional training of a future teacher of a foreign language.

Materials and methods. The methodological basis of the research is a critical and comparative analysis of scientific literature, a synthesis of modern international and domestic approaches, as well as a method for modeling pedagogical systems. The theoretical basis was the concepts of cultural mediation and intercultural communicative competence.

Results. As a result of the research, the essence and component composition (cognitive, affective and functional) of the cultural and mediative competence of a foreign language teacher has been clarified. A four-module model of cultural and mediative competence integration into the educational process of a pedagogical university has been developed and presented, including theoretical-methodological, instrumental-technological, methodological-functional and practical-reflective modules.

Conclusion. The proposed model is a systematic response to the challenges of modern foreign language education, making it possible to move from the formation of subject knowledge to the development of the ability of future teachers to critical, ethical and productive intercultural mediation. The results obtained can serve as the basis for the modernization of curricula and programs of pedagogical universities.

Keywords: cultural and mediative competence, foreign language teacher training, language studies, intercultural communication, cultural mediation, virtual exchange, pedagogical modeling

For citation: Samarin A.V., Akinina N.V., Shubina N.G., Shcherbatenko O.A. *Integration of cultural and mediative competence in the professional training of foreign language teachers: a conceptual model*. *Review of Pedagogical Research*. 2026. 8 (6). P. 182 – 190. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-182-190

The article was submitted: April 11, 2026; Approved after reviewing: May 8, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Современная геополитическая и социокультурная реальность, характеризующаяся возрастающей взаимозависимостью, миграционной подвижностью и доминированием цифровых коммуникаций, кардинально изменила роль иноязычного образования. Как подчеркивается в инициативах ЮНЕСКО, образование призвано формировать не только профессиональные навыки, но и способность к межкультурному диалогу и активному гражданскому участию в глобальном мире [1]. Дж. Джексон в своем фундаментальном труде по межкультурной коммуникации отмечает, что современный мир требует от специалистов не просто знания языков, но и глубокого понимания культурных кодов и контекстов [2].

В настоящее время, отмечает И.В. Шугайло, лингвострановедческий аспект должен становиться частью уроков иностранного языка, особенно в старших классах средней школы, в школе с углубленным изучением языка, в техникумах, в вузах, воспитывающих менеджеров по туризму и регионоведов. Широкий культурологический фон, создаваемый такими уроками, будет способствовать приобретению фоновых знаний, дополнительных лингвистических навыков и умений [3]. В этом контексте фигура учителя иностранного языка (далее ИЯ) приобретает стратегическое значение, выходящее за рамки узко предметной подготовки. Он становится архитектором межкультурного понимания, ответственным за формирование у обучающихся способности к критическому, этичному и продуктивному взаимодействию с носителями иных смысловых систем [12].

Однако существующая система профессиональной подготовки педагогов-лингвистов в России зачастую демонстрирует разрыв между декларативной важностью культурного компонента и его практической реализацией. Традиционная модель лингвострановедения, опирающаяся на классические труды Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [4], несмотря на свою историческую ценность, сегодня сталкивается с критическими вызовами. Исследователи отмечают ее склонность к энциклопедизму и созданию гомогенизированного образа целевой культуры, что в эпоху глобализированных идентичностей ведет к упрощению и воспроизводству стереотипов, а не их деконструкции [5]. Как справедливо указывают А.Дж. Лиддикот и А. Скарино, межкультурное обучение не может основываться на статичных представлениях о культуре, оно должно быть процессуальным и динамичным [6].

Принципиально новый концептуальный поворот был закреплен в 2020 году в дополненном издании Общеввропейских компетенций владения языком (CEFR Companion Volume), где концепт «медиация (посредничество)» (mediation) был выдвинут на первый план [7]. Медиация понимается как социальная и когнитивная деятельность по содействию пониманию и совместному созданию смысла между людьми, разделенными лингвистическими, культурными или социальными различиями. Разработке дескрипторов для этого нового конструкта предшествовала масштабная работа Б. Норта и Э. Пиккардо [8], заложившая основу для понимания медиации как ключевой компетенции XXI века. Эта парадигма, активно развиваемая в зарубежной науке, смещает фокус с усвоения культурных фактов на развитие способности к аналитическому и этичному посредничеству в ситуациях межкультурного непонимания.

М. Статопулу в своем исследовании кросс-языковой медиации подчеркивает, что медиативные стратегии должны стать неотъемлемой частью подготовки как переводчиков, так и преподавателей [9]. В российской педагогике также рассматривается глобализационный подход к обучению. В частности, Н.А. Сухова в своих исследованиях пишет, что глобализационный подход к обучению является современным, актуальным, соответствующим настоящей ситуации в мире, отражающим изменения в языках. Глобализационный подход имеет присущие только ему принципы, приемы и методы обучения будущих медиаторов [10].

Нельзя не согласиться с мнением В.Н. Смирновой, что развитие познавательного интереса к иностранному языку с опорой на лингвострановедческий аспект не ослабевает за годы обучения в высшей школе и является необходимой предпосылкой для полноценного участия в межкультурной коммуникации [11].

Особое значение в современных условиях приобретает формирование межкультурной компетенции как основы для гражданского образования. М. Байрам, И. Голубева, Х. Хан и М. Вагнер в коллективной монографии обосновывают необходимость воспитания межкультурного гражданина через языковое образование [13]. Б. Томлинсон, исследуя подготовку учителей, предлагает конкретные рамки для развития межкультурной компетенции в системе повышения квалификации [14]. Женху Рао с соавторами, развивая идеи Байрама, демонстрируют, как проекты межкультурного гражданства могут быть интегрированы в языковые классы [15]. Д.К. Дирдорф в своем практическом руководстве для ЮНЕСКО предлагает конкретные методики, такие как «круги историй» (circles of stories), для развития межкультурной компетенции в группах [16].

Однако, несмотря на ряд исследований в данном русле педагогики, системной модели формирования соответствующей компетенции у будущих учителей до сих пор не предложено, и, в соответствии с этим, актуальность данного исследования обусловлена необходимостью преодоления методологического кризиса лингвострановедения через разработку и теоретическое обоснование модели интеграции культурно-медиативной компетенции (далее КМК) как системообразующего элемента в процесс профессиональной подготовки будущих учителей иностранного языка. Исходя из этого, целью настоящей статьи является концептуализация данной модели на основе синтеза современных международных и отечественных подходов.

Материалы и методы исследований

Для достижения поставленной цели авторы использовали комплекс теоретических методов исследования. Теоретико-методологическую базу составили работы в области межкультурной коммуникации [17, 18], культурной медиации [19, 20], критической интеркультуральности [21], теории и методики обучения иностранным языкам [22, 23], а также исследования российских авторов по проблемам лингвострановедения [15, 16], цифровизации языкового образования [24] и межкультурной коммуникации [19, 20].

Основными методами исследования выступили:

- критический анализ научной литературы, позволивший выявить ограничения классического лингвострановедческого подхода и эволюцию теоретических взглядов на культурный компонент в языковом образовании;

- сравнительно-сопоставительный анализ международных (CEFR, моделей подготовки учителей в ЕС, США и азиатских странах, отраженных в работах Б.Томлинсона [14], А.Дж. Лиддикуота и А. Скарино [6], Женху Рао и Худжун Ю [15] и др. и российских публикациях, рассматривающих подходы к формированию межкультурной компетенции педагогов [17, 20];

- метод педагогического моделирования, использованный для разработки структурно-функциональной модели интеграции культурно-медиативной компетенции в учебный процесс педагогического вуза. Моделирование включало определение цели, задач, компонентного состава КМК, содержательных модулей, форм организации обучения и критериев оценивания;

- синтез и обобщение полученных теоретических данных для формулирования итоговых выводов и определения перспектив дальнейшей апробации модели.

Исследование носило теоретико-аналитический характер и было направлено на концептуальное осмысление и систематизацию научного знания для создания педагогически обоснованной модели.

Результаты и обсуждения

В результате проведенного теоретического анализа была уточнена сущность понятия и разработана структура культурно-медиативной компетенции, а также создана модель ее интеграции в систему профессиональной подготовки учителя иностранного языка.

1. Структура культурно-медиативной компетенции учителя ИЯ

На основе синтеза теорий Дж. Джексона [3], положений CEFR [8] и идей критической педагогики [13, 14] под культурно-медиативной компетенцией учителя ИЯ мы понимаем целостное профессиональное качество, позволяющее осуществлять аналитическое посредничество в межкультурном образовательном пространстве. Данная компетенция реализуется через проектирование учебного процесса, критический отбор материалов, набор практик и методов для организации групповой работы. Ее структура представлена тремя взаимосвязанными компонентами, объединенными уникальной способностью к анализу:

2. Когнитивный компонент: включает не просто знание культурных фактов, а понимание их как дискурсивных построений; дискурсивную и медийную грамотность, т.е. умение анализировать представления культуры в СМИ; знание теорий межкультурной коммуникации и культурной сложности (внутреннего разнообразия культур).

3. Аффективный компонент: базируется на готовности признать точку зрения другого человека, толерантности к неопределенности, сопереживанию и, что важно, на развитом критическом самонаблюдении. Последнее предполагает постоянный анализ собственной культурной идентичности, ценностей и предрассудков, без чего медиация рискует стать неосознанным инструментом дискриминации.

4. Функциональный компонент: включает в себя конкретные навыки медиатора-практика: поиск и критическую экспертизу аутентичных материалов; дидактическую трансформацию содержания и создание проблемно-ориентированных заданий; набор практик и методов для организации группового межкультурного полилога в классе; навыки непосредственной культурной медиации (объяснение концептов, интерпретация поведения) и групповые навыки для организации виртуального обмена. Цифровая образовательная среда открывает новые возможности для формирования этих навыков.

2. Модель интеграции культурно-медиативной компетенции в программу подготовки учителя ИЯ

Для системной реализации КМК в образовательном процессе бакалавриата и магистратуры предлагается четырехмодульная модель, которая развивает идеи о необходимости альтернативных подходов к межкультурному образованию [10], а также учитывает современные тенденции в развитии лингвострановедческого подхода [3] (табл. 1).

Таблица 1

Модель интеграции культурно-медиативной компетенции.

Table 1

Model of integration of cultural and mediative competence.

Модуль	Цель	Примерное содержание (дисциплины/темы)	Формы и методы работы	Ожидаемый результат
1. Теоретико-методологический и аналитический	Формирование критического культурного сознания и теоретического фундамента	Эволюция лингвострановедения; основы культурной медиации; критическое культурное разнообразие; критический дискурс-анализ культурных текстов; теория межкультурной коммуникации.	Проблемные лекции; семинары-дискуссии; анализ кейсов; ведение аналитического дневника.	Способность критиковать упрощенные репрезентации, анализировать собственную позицию.

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

2. Инструментально-технологический и ресурсный	Развитие навыков работы с цифровыми источниками и инструментами медиации	Цифровая культура и лингвокультурные ресурсы Интернета; технологии виртуального обмена (COIL); создание цифровых культурных продуктов.	Практикумы; веб-квесты; участие в краткосрочном проекте виртуального обмена.	Владение стратегиями поиска контента, опыт совместной работы со СМИ, умение создавать цифровые медиативные ресурсы.
3. Методико-функциональный	Формирование умений проектировать учебный процесс с интеграцией КМК	Принципы отбора аутентичных материалов; типология заданий на развитие медиации; методика организации групповых дискуссий; оценивание межкультурной компетенции; межкультурное гражданское образование.	Проектные семинары; микро-преподавание; разработка тематического учебного модуля.	Способность самостоятельно разработать серию занятий, направленных на развитие КМК у школьников.
4. Практико-рефлексивный	Углубленный анализ компетенций в реальных условиях	Педагогическая практика со спецзаданием; длительный проект виртуального обмена; руководство и анализ уроков; аналитические семинары.	Практика; проектная работа в международных командах	Способность к комплексной медиативной деятельности в реальном педагогическом контексте.

Предложенная модель предполагает сквозное использование альтернативных форм оценивания: экспертизу портфолио студента (включающего аналитические дневники, разработанные материалы, цифровые продукты), анализ видеозаписей уроков, самооценку и взаимную оценку в проектах. Такой подход соответствует современным представлениям касающихся компетентностно-ориентированного оценивания, изложенным в работах.

Результаты и обсуждения

Проведенное концептуальное исследование позволяет по-новому взглянуть на проблему интеграции культурного компонента в подготовку учителя иностранного языка. Полученные результаты подтверждают, что традиционная модель лингвострановедения, несмотря на ее неоспоримый вклад в развитие методической мысли [4; 23], сегодня нуждается в существенном переосмыслении. Выполненный нами анализ свидетельствует в пользу перехода от парадигмы трансляции культурных фактов к парадигме формирования культурно-медиативной компетенции. Данный вывод перекликается с позицией исследователей, которые рассматривают современного учителя языка как межкультурного медиатора, чья профессиональная деятельность требует непрерывного критического развития [12].

В этом контексте разработанная нами структура КМК может рассматриваться как развитие ранее высказанных идей [3, 24], дополненное акцентом на педагогических аспектах медиативной деятельности в условиях цифровой трансформации образования. При этом, в отличие от предшествующих исследований, мы делаем акцент на специфически педагогических аспектах медиации, реализуемых в цифровой образовательной среде. Такой подход представляется нам особенно значимым в контексте современных требований к подготовке педагога, способного не только транслировать знания, но и выступать координатором межкультурного диалога, что созвучно идеям, заложенным в документах Совета Европы [7].

Предложенная в статье структура КМК, включающая когнитивный, аффективный и функциональный компоненты, объединенные самоанализом, как необычайной способностью, требует более детального комментария в свете существующих теоретических подходов. Когнитивный компонент, предполагающий не просто знание культурных фактов, а понимание их как дискурсивных конструктов, опирается на идеи о языке как символической власти и культуре как поле борьбы за значения [6; 10]. Аффективный компонент, включающий развитый критический самоанализ, напрямую коррелирует с концепцией Ф. Дервина, который предупреждает, что без постоянного анализа собственной культурной идентичности и предрассудков медиация рискует стать неосознанным инструментом дискриминации [11]. Функциональный компонент, в свою очередь, аккумулирует конкретные навыки медиатора-практика, описанные ранее [13].

Разработанная четырехмодульная модель интеграции КМК представляет собой попытку системного ответа на вызовы, зафиксированные в документах Совета Европы [7] и неоднократно обозначенные в работах российских методистов, которые указывают на дефицит практико-ориентированных решений в данной области [14, 15]. Сопоставление предлагаемой модели с существующими подходами выявляет ее существенные отличия.

Если в работах ряда авторов проблематика культурной медиации лишь обозначается, но не получает конкретной методической проработки, то наша модель предлагает целостную и технологически выстроенную траекторию формирования соответствующей компетенции. В отличие от разрозненных подходов, встречающихся исследованиях, предлагаемая модель отличается внутренней завершенностью и этапностью. Она задает четкую логику движения студента: от развития критического восприятия культуры через отработку конкретных приемов к самостоятельному конструированию уроков и рефлексии собственного педагогического опыта.

Важно, что заложенная в модель логика отвечает современным представлениям о подготовке педагога в цифровой среде, включая принципы «цифрового благополучия». Культурная медиация здесь реализуется не эпизодически, а последовательно – от теоретического анализа через практическое освоение инструментов к их применению и самоанализу, что коррелирует с выводами, представленными в работе [22].

Особый интерес представляет включение в модель блоков, связанных с виртуальным обменом (virtual exchange). Подобные форматы, согласно имеющимся данным, позволяют студентам оказаться в ситуациях реальной межкультурной коммуникации, где навыки медиации осваиваются не умозрительно, а через непосредственное участие в совместных проектах.

В рамках нашей модели виртуальный обмен выстроен системно: краткосрочные проекты используются на этапе освоения инструментов, долгосрочные – на этапе практики и рефлексии.

Такой подход открывает возможность по-новому выстроить связь между теорией и практикой в педагогическом образовании. Медиация в данном случае выступает не просто темой для изучения, а механизмом, позволяющим перенести теоретические положения в область конкретных профессиональных решений.

Кроме того, в модели учтены личностные составляющие профессиональной подготовки: способность к самоанализу, критическое отношение к собственной позиции, готовность работать в условиях неопределенности. Эти качества закреплены в аффективном компоненте культурно-медиативной компетенции и поддерживаются практиками самоанализа, включенными во все модули.

Полученные результаты создают основу для преодоления разрыва между содержательной и процессуальной сторонами подготовки учителей. Вместе с тем модель требует дальнейшей эмпирической проверки и адаптации к меняющимся условиям цифровой образовательной среды.

Выводы

Проведенное исследование подтверждает необходимость концептуального пересмотра лингвострановедческого аспекта подготовки учителя иностранного языка. Переход от трансляции культурных фактов к формированию культурно-медиативной компетенции становится ответом на вызовы поликультурности и цифровизации современного общества.

Новизна исследования заключается в разработке теоретически обоснованной четырехмодульной модели интеграции КМК в образовательный процесс педагогического вуза. Модель охватывает все этапы профессионального становления студента: от формирования критического культурного сознания и самоанализа до овладения конкретными инструментами и технологиями (включая виртуальный обмен) и их апробации в ходе педагогической практики.

Данная модель, в отличие от существующих фрагментарных подходов, предлагает целостную и преемственную систему, объединяющую теоретическую подготовку, развитие цифровых навыков и практическую деятельность под знаком самоанализа.

Теоретическая значимость работы состоит в уточнении структуры и содержания КМК применительно к профессиональной деятельности учителя, а также в синтезе международных концепций культурной медиации с отечественной методической традицией.

Практическая значимость определяется возможностью использования разработанной модели для модернизации учебных планов, создания новых учебных курсов и программ повышения квалификации преподавателей.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в опытно-экспериментальной апробации предложенной модели в условиях реального образовательного процесса педагогического вуза, а также в разработке детального диагностического инструментария для оценки уровней сформированности культурно-медиативной компетенции у студентов и практикующих учителей.

Список источников

1. Law N., Woo D., Torre J., Wong G. A global framework of reference on digital literacy skills for indicator 4.4.2 // UNESCO Institute for Statistics, 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000265403> (дата обращения: 19.02.2026)
2. Jackson J. Introducing language and intercultural communication. 3d ed. London, Routledge, 2023. 436 p. <https://doi.org/10.4324/9781003332442>
3. Шугайло И.В. Лингвострановедческие аспекты в обучении английскому языку как повышение мотивации к обучению и самообразованию // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2023. № 11 (88). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://scipress.ru/pedagogy/releases/11-88-noyabr-2023.html> (дата обращения: 15.02.2026)
4. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1990. 246 с.
5. Kramsch C. Language as symbolic power // Cambridge, Cambridge University Press, 2021. 290 p. <https://doi:10.1017/9781108869386>
6. Liddicoat A., Scarino A. Intercultural mediation in language teaching and learning. Bristol: Multilingual Matters, 2022. P. 41 – 59.
7. Council of Europe. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment – Companion volume // Strasbourg, Council of Europe Publishing, 2018. 225 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.coe.int/lang-cefr> (дата обращения: 19.02.2026)
8. North B., Piccardo E. Developing new CEFR descriptor scales and expanding the existing ones: constructs, approaches and methodologies // Strasbourg, Council of Europe, 2019. pp.153-161. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dgff.de/assets/Uploads/ZFF-2-2019-01-North-Piccardo.pdf> (дата обращения: 19.02.2026)
9. Stathopoulou M. Cross-language mediation in foreign language teaching and testing // Bristol, Multilingual Matters, 2015. 288 p.
10. Сухова Н.А. Глобализационный подход к обучению будущих медиаторов // Психология образования в поликультурном пространстве. 2022, № 2 (58). С. 124 – 132. <https://doi:10.24888/2073-8439-2022-58-2-124-132>
11. Смирнова В.Н. Лингвострановедение в формировании познавательного интереса к изучению иностранного языка в техническом вузе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-1. С. 119 – 121. <https://doi:10.24411/2500-1000-2019-10720>
12. Макарова Т.Н., Сорокина. Н.И., Степанов, Р.И., Волкова, С.А., Шакирова, Е.Р. Лингвострановедческие аспекты в обучении английскому языку в неязыковом вузе // Образование и право. 2024. № 11. С. 405 – 408. <https://doi:10.24412/2076-1503-2024-11-405-408>
13. Byram M., Golubeva I., Han H., Wagner M. (Eds.). From principles to practice in education for intercultural citizenship // Bristol, Multilingual. P. 99 – 102. <https://doi:10.29366/2017tlc.1.4.7>
14. Tomlinson B. Principled blended learning materials for language acquisition // Journal of English Language Teaching Innovations and Materials. 2023. Vol. 5 (1). No 1. <https://doi.org/10.26418/jeltim.v5i1.60159>
15. Zhenhui Rao, Huijun Yu Enhancing students' English proficiency by co-teaching between native and non-native teachers in an EFL context // Language Teaching Research. 2021. Vol. 25. No. 5. P. 778 – 797. <https://doi.org/10.1177/1362168819873937>
16. Deardorff D.K. Manual for developing intercultural competencies: Story circles // Paris, UNESCO Publishing, 2020. 101 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000370336> (дата обращения: 19.02.2026)
17. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика. М., Академия, 2006. 336 с.
18. Шукин А.Н. Методика преподавания иностранных языков. М., Филоматис, 2018. 512 с.
19. Norova D., Uksinbayeva M. Building bridges through language: enhancing intercultural communicative competence // Science and Innovation. 2024. Vol. 3. No 11-3.

20. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2003. 369 с.
21. Xirofotou E. Mediation as intercultural communication: a narrative review // *World Journal of English Language*. 2024. Vol. 15. No 3. P. 339. <https://doi.org/10.5430/wjel.v15n3p339>
22. Seidakhmetova D.U. The Formation of socio-cultural competence of future foreign language teachers through communicative situations // *German International Journal of Modern Science*. 2024. No 91. P. 39 – 41. <https://doi.org/10.5281/zenodo.14040254> (дата обращения: 19.02.2026)
23. Polonnikov A.A., Korchalova N.D. Pedagogical education and self-determination: redefinition of boundaries // *Education & Pedagogy Journal*. 2022. No 2 (4). P. 15 – 41. <https://doi.org/10.23951/2782-2575-2022-2-15-41>
24. Пашков М.В., Пашкова В.М. Проблемы и риски цифровизации высшего образования // *Высшее образование в России*. 2022. Т. 31. № 3. С. 40 – 57. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-22-3-40-57>

References

1. Law N., Woo D., Torre J., Wong G. A global framework of reference on digital literacy skills for indicator 4.4.2. UNESCO Institute for Statistics, 2018. [Electronic resource]. Access mode: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000265403> (date of access: 19.02.2026)
2. Jackson J. *Introducing language and intercultural communication*. 3d ed. London, Routledge, 2023. 436 p. <https://doi.org/10.4324/9781003332442>
3. Shugaylo I.V. Linguistic and cultural aspects in teaching English as an increase in motivation for learning and self-education. *The World of Pedagogy and Psychology: International Scientific and Practical Journal*. 2023. No. 11 (88). [Electronic resource]. Access mode: <https://scipress.ru/pedagogy/releases/11-88-noyabr-2023.html> (date accessed: 15.02.2026)
4. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Language and Culture: Linguistic and Regional Studies in Teaching Russian as a Foreign Language*. 4th ed., revised and enlarged. Moscow: Rus. yaz., 1990. 246 p.
5. Kramsch C. *Language as symbolic power*. Cambridge, Cambridge University Press, 2021. 290 p. <https://doi.org/10.1017/9781108869386>
6. Liddicoat A., Scarino A. *Intercultural mediation in language teaching and learning*. Bristol: Multilingual Matters, 2022. P. 41 – 59.
7. Council of Europe. *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment – Companion Volume*. Strasbourg, Council of Europe Publishing, 2018. 225 p. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.coe.int/lang-cefr> (date of access: 19.02.2026)
8. North B., Piccardo E. Developing new CEFR descriptor scales and expanding the existing ones: constructs, approaches and methodologies. Strasbourg, Council of Europe, 2019. P. 153 – 161. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.dgff.de/assets/Uploads/ZFF-2-2019-01-North-Piccardo.pdf> (date of access: 19.02.2026)
9. Stathopoulou M. *Cross-language mediation in foreign language teaching and testing*. Bristol, Multilingual Matters, 2015. 288 p.
10. Sukhova N.A. Globalization approach to training future mediators. *Psychology of education in a multicultural space*. 2022, No. 2 (58). P. 124 – 132. <https://doi.org/10.24888/2073-8439-2022-58-2-124-132>
11. Smirnova V.N. Linguistic and cultural studies in the formation of cognitive interest in the study of a foreign language in a technical university. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2019. No. 4-1. P. 119 – 121. <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-10720>
12. Makarova T.N., Sorokina. N.I., Stepanov R.I., Volkova S.A., Shakirova E.R. Linguistic and cultural aspects in teaching English in a non-linguistic university. *Education and Law*. 2024. No. 11. P. 405 – 408. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2024-11-405-408>
13. Byram M., Golubeva I., Han H., Wagner M. (Eds.). *From principles to practice in education for intercultural citizenship*. Bristol, Multilingual. P. 99 – 102. <https://doi.org/10.29366/2017tlc.1.4.7>
14. Tomlinson B. Principled blended learning materials for language acquisition. *Journal of English Language Teaching Innovations and Materials*. 2023. Vol. 5 (1). No. 1. <https://doi.org/10.26418/jeltim.v5i1.60159>
15. Zhenhui Rao, Huijun Yu Enhancing students' English proficiency by co-teaching between native and non-native teachers in an EFL context. *Language Teaching Research*. 2021. Vol. 25.No. 5. P. 778 – 797. <https://doi.org/10.1177/1362168819873937>
16. Deardorff D.K. *Manual for developing intercultural competencies: Story circles*. Paris, UNESCO Publishing, 2020. 101 p. [Electronic resource]. Access mode: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000370336> (date of access: 19.02.2026)

17. Gal'skova N.D., Gez N.I. Theory of Teaching Foreign Languages: Lingvodidactics and Methodology. Moscow, Academy, 2006. 336 p.
18. Shchukin A.N. Methodology of Teaching Foreign Languages. Moscow, Filomatis, 2018. 512 p.
19. Norova D., Uksinbayeva M. Building bridges through language: enhancing intercultural communicative competence. Science and Innovation. 2024. Vol. 3. No. 11-3.
20. Grishaeva L.I., Tsurikova L.V. Introduction to the Theory of Intercultural Communication. Voronezh: Voronezh. state Univ., 2003. 369 p.
21. Xirofotou E. Mediation as intercultural communication: a narrative review. World Journal of English Language. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 339. <https://doi.org/10.5430/wjel.v15n3p339>
22. Seidakhmetova D.U. The Formation of socio-cultural competence of future foreign language teachers through communicative situations. German International Journal of Modern Science. 2024. No. 91. P. 39 – 41. <https://doi.org/10.5281/zenodo.14040254> (date of access: 19.02.2026)
23. Polonnikov A.A., Korchalova N.D. Pedagogical education and self-determination: redefinition of boundaries. Education & Pedagogy Journal. 2022. No. 2 (4). P. 15 – 41. <https://doi.org/10.23951/2782-2575-2022-2-15-41>
24. Pashkov M.V., Pashkova V.M. Problems and risks of digitalization of higher education. Higher education in Russia. 2022. Vol. 31. No. 3. P. 40 – 57. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-22-3-40-57>

Информация об авторах

Самарин А.В., кандидат филологических наук, доцент, Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета, 309502, Белгородская область, г. Старый Оскол, м-н Солнечный, 18, alvic_samarin@mail.ru

Акинина Н.В., кандидат педагогических наук, доцент, Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета, 309502, Белгородская область, г. Старый Оскол, м-н Солнечный, 18, nvakinina@yandex.ru

Шубина Н.Г., кандидат филологических наук, доцент, Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета, 309502, Белгородская область, г. Старый Оскол, м-н Солнечный, 18, shubinang@yandex.ru

Щербатенко О.А., кандидат филологических наук, старший преподаватель, Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета, 309502, Белгородская область, г. Старый Оскол, м-н Солнечный, 18, shcherbatenkowork@yandex.ru

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

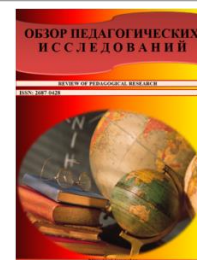
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.4. Физическая культура и профессиональная физическая подготовка (педагогические науки)

УДК 378.937

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-191-197

Методика совершенствования нанесения расслабляющего удара курсантами образовательных организаций МВД России

¹ Носова Е.В., ² Исаев Р.А., ³ Бороненков А.И., ⁴ Ковтун В.В., ⁵ Царева Е.С.,

¹ Сибирский юридический институт МВД России,

² Донецкий филиал Волгоградской Академии МВД России,

³ Воронежский институт МВД России,

⁴ Московский ордена Почета университет МВД России имени В.Я. Кикотя,

⁵ Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Аннотация: профессиональная деятельность сотрудника органов внутренних дел России связана с необходимостью быстро и решительно предотвращать противоправные действия, и в таких условиях именно хорошо поставленный нокаутирующий удар становится не просто техническим приёмом, а реальным инструментом сохранения жизни как самого полицейского, так и окружающих граждан. Однако, в отличие от спортивного единоборства, где такой удар является самоцелью, сотрудник МВД подчинён жёстким правовым и этическим рамкам: его сила должна быть ровно настолько велика, чтобы лишь подавить сопротивление. Авторы статьи, опираясь на четырёхмесячный педагогический эксперимент с участием 48 курсантов Сибирского юридического института МВД России, показывают, как специально разработанная трёхблочная методика, сочетающая техническую постановку удара, развитие скоростно-взрывной силы и тренировку точности на снарядах с переменным темпом позволяет добиться значимого прироста силовых показателей. Полученные результаты доказывают: системный, а не эпизодический подход к обучению нокаутирующему удару превращает разрозненные двигательные навыки в осознанное тактическое действие, где точность и контроль значат не меньше, чем грубая сила.

Ключевые слова: физическая подготовка, курсант, расслабляющий удар, нокаутирующий удар, эффективность, экстремальная ситуация

Для цитирования: Носова Е.В., Исаев Р.А., Бороненков А.И., Ковтун В.В., Царева Е.С. Методика совершенствования нанесения расслабляющего удара курсантами образовательных организаций МВД России // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 191 – 197. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-191-197

Поступила в редакцию: 11 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Methods of improving the application of a relaxing kick by students of educational institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs

¹ Nosova E.V., ² Isaev R.A., ³ Boronenkov A.I., ⁴ Kovtun V.V., ⁵ Tsareva E.S.,
¹ Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
² Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
³ Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
⁴ Moscow Order of Honor of the V.Ya. Kikot University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
⁵ Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: the professional activities of a Russian police officer involve the need to quickly and decisively prevent illegal actions, and in such circumstances, a well-executed knockout punch becomes not just a technical skill, but a real tool for preserving the lives of both the police officer and the surrounding citizens. However, unlike in sports combat, where such a punch is an end in itself, a police officer is subject to strict legal and ethical constraints: their strength should be just enough to suppress resistance. Based on a four-month pedagogical experiment involving 48 cadets of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the authors of the article demonstrate how a specially developed three-block methodology that combines technical training of strikes, development of speed and explosive force, and precision training on variable-speed equipment can lead to significant improvements in strength indicators. The results obtained prove that a systematic rather than an episodic approach to knockout punch training transforms disparate motor skills into a deliberate tactical action, where precision and control mean no less than brute force.

Keywords: physical fitness, cadet, relaxing punch, knockout punch, efficiency, extreme situation

For citation: Nosova E.V., Isaev R.A., Boronenkov A.I., Kovtun V.V., Tsareva E.S. *Methods of improving the application of a relaxing kick by students of educational institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs. Review of Pedagogical Research.* 2026. 8 (6). P. 191 – 197. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-191-197

The article was submitted: April 11, 2026; Approved after reviewing: May 8, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

В настоящее время профессиональная деятельность сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД РФ) неизбежно сопряжена с регулярными нападениями со стороны правонарушителей. В такой стрессовой ситуации сотрудник должен эффективно применить физическую силу для пресечения противоправных действий, с последующим задержанием правонарушителя, для обеспечения своей личной безопасности. При изучении информационных порталов «Газета.ру» и «РИА Новости» было выявлено, что в 2025 году участились случаи нападения на сотрудников патрульно-постовой службы, оперативных работников, участковых уполномоченных и сотрудников государственной автодорожной инспекции со стороны гражданских лиц [1, 2]. Такие ситуации случаются из-за социальной напряженности, вызванной нестабильностью экономики. В свете последних событий, происходит все больше случаев, когда от сотрудника полиции требуется умелое и грамотное применение физической силы, как для личной безопасности, так и обеспечения безопасности других граждан [3].

Все это указывает на низкий уровень физической, тактико-технической и психологической подготовленности сотрудников полиции. В большинстве случаев классические болевые приемы задержания, которые регламентируются Приказом МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» не всегда эффективны без нанесения акцентированного расслабляющего удара [9]. В связи с этим сотрудникам полиции в рамках занятий по физической подготовке необходимо уделять значительное внимание на технически правильное нанесение расслабляющего удара бьющими конечностями: руками, ногами, коленями, локтями и головой.

Поэтому обучение курсантов нанесению расслабляющего удара в рамках учебных занятий по физической подготовке в образовательных организациях МВД России занимает важное место в процессе их подготовки. Это обусловлено тем, что не каждый человек сможет причинить физическую боль, нанести какой-

либо удар в стрессовой или неординарной ситуации. Даже если такое техническое действие происходит, то в большинстве случаев оно является не эффективным [4].

Правильно поставленный расслабляющий удар способствует эффективному доминированию над агрессивно настроенным правонарушителем в условиях ближнего и среднего контакта, что способствует в кратчайший временной промежуток лишить противника способности активно сопротивляться. Именно нокаутирующий удар как инструмент одномоментного прекращения противоправных действий приобретает особую значимость в контексте временного дефицита, характерного для большинства оперативно-служебных ситуаций.

Необходимо учитывать тот факт, что при нанесении нокаутирующего удара имеется вероятность причинения вреда здоровью правонарушителя вплоть до смертельного исхода. Имеются примеры полноконтактных единоборств [5], где нокаутирующий удар является не только разрешенным способом одержать досрочную победу в ходе соревновательного поединка, но и зрелищным показателем высококвалифицированного спортсмена. Но профессиональная деятельность сотрудника полиции накладывает на него обязанность минимизировать ущерб при атакующих и защитных действиях, что ставит существенные ограничения на применение ударной техники [8]. Правовое поле, морально-этические нормы, а также необходимость последующего процессуального оформления задержания правонарушителя требуют от сотрудника не просто владения техникой нокаутирующего удара, но и способности к её дозированному и точному применению [10, 11].

Данное обстоятельство формирует одно из противоречий в системе физической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России: с одной стороны, удар должен обладать достаточной останавливающей силой для эффективного подавления сопротивления, а с другой его применение не должно выходить за рамки и создавать угрозу жизни правонарушителя [7]. Формирование сложного и энергозатратного двигательного навыка у курсантов в рамках занятий по физической подготовке представляет собой многоуровневую педагогическую задачу, которая включает в себя биомеханическую структуру удара, физиологические механизмы нокаута и психологические факторы, определяющих эффективность действий в экстремальной ситуации [12].

Материалы и методы исследований

Цель научного исследования заключается в разработке комплекса упражнений, способствующих развитию у курсантов образовательных организаций МВД России навыка нанесения нокаутирующего удара.

Объектом исследования является формирование у курсантов образовательных организаций нокаутирующего удара в рамках занятий по физической подготовке.

Предметом исследования является комплекс упражнений, направленных на формирование навыков нанесения нокаутирующего удара.

Методы исследования: анализ научно-методической литературы и интернет-ресурсов, статей и диссертационных исследований, научный эксперимент, математическая статистика, методы обобщения полученных результатов.

Задача исследования заключалась в анализе научно-методической литературы по формированию методики обучения курсантов образовательных организаций МВД России навыкам нанесения нокаутирующего удара.

Результаты и обсуждения

С целью постановки и совершенствования расслабляющего (нокаутирующего) удара у курсантов нами разработана методика, которая способствует формированию сложного технического действия. Разработанная методика включает в себя три блока, которые направлены на развитие техники скоростно-взрывной силы, точности и психологической подготовленности, что способствует выработке нокаутирующей мощи при нанесении расслабляющего удара. Методика совершенствования расслабляющего (нокаутирующего) удара отражена на рис. 1.

Рис. 1. Схема методики совершенствования расслабляющего удара.
Fig. 1. Scheme of the technique for improving the relaxing strike.

1 блок – заключается в постановке и корректировке технического арсенала у курсантов. Боевая стойка, передвижение, синхронизация туловища и ног, корректировка нанесения ударов руками (джеб, кросс, хук, апперкот), правильный перенос веса тела при ударах.

2 блок – комплекс физических упражнений, направленных на совершенствование скоростно-взрывной силы: жим гири, толчок со штангой, приседание со штангой, работа с резиновой лентой или эспандером, удары с отягощениями (гантели).

3 блок – направлен на формирование у курсанта точности, реакции и акцентировании ударов при помощи спортивных снарядов с применением рваной работы, то есть меняя темп от среднего к максимальному.

Для достоверности эффективности методики совершенствования расслабляющего удара нами был проведен научный эксперимент на базе Сибирского юридического института МВД России с 1 ноября 2025 года по 30 апреля 2026 года. Участие в эксперименте приняли 48 курсантов второго курса факультета подготовки специалистов по программам высшего образования, обучающихся по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности. Мы поделили 48 курсантов на две группы: контрольную (КГ) и экспериментальную (ЭГ) группу по 24 человека, где количество мужчин и женщин в каждой группе были равны. Контрольная группа на занятия по физической подготовке занималась по стандартной методики, которая регламентируется рабочей программой Сибирского юридического института, а экспериментальная группа занималась разработанной методикой совершенствования расслабляющего удара.

Измерением силы удары использовалось отечественным спортивным силомером «Подушка Киктест-9Т» фирмы Киктест, который предоставила на время эксперимента федерация бокса Красноярского края. Курсанты наносили по одному удару рукой: джеб, кросс, хук, им давалось по три попытки на каждый вид удара. Учитывался лучший результат каждого из вида удара.

Таблица 1
Table 1

Название удара	КГ до и после эксперимента	ЭК до и после эксперимента
Прямой удар передней рукой (джеб)	125,5 кг	121,5 кг
	151,4 кг	160,5 кг
Прямой удар задней рукой (кросс)	211,3 кг	212,6 кг
	249,7	257,1
Боковой удар сильной рукой (хук)	225,4	222,8
	260,1	265,5

Динамика силовых показателей, зафиксированная с помощью измерительного комплекса «Подушка Киктест-9Т» показала положительный результат в оценке силового показателя. Результат контрольной группы при нанесении прямого передней рукой (джеб) составил до начала эксперимента 125,5 кг., после – 151,4 кг. (положительный прирост 25,9 кг.), а экспериментальная группа показала до начала эксперимента результат 121,5 кг., после – 160,5 кг. (положительный прирост 39 кг.), что для человеческого тела означает

переход от скованности к взрывной расслабленности в момент контакта. Сравнения две группы, в экспериментальной группе произошел значительный прирост, составляющий 13,1 кг.

Оценивая второй удар – прямой ударе задней рукой (кресс) можно увидеть положительный прирост в обеих группах: контрольной с 211,3 кг до 249,7 (прирост 38,4 кг.), экспериментальной с 212,6 кг до 257,1 кг (прирост 44,5 кг.) Сравняя две группы, незначительный прирост показала экспериментальная группа – 6,1 кг.

И оценивая заключительное техническое действие – боковой удар (хук), можно также увидеть прирост в обеих группах: контрольной с 225,4 кг. до 260,1 (прирост 34,7 кг), а в экспериментальной с 222,8 кг. до 265,5 кг (прирост 42,7 кг.). Экспериментальная группа опережает контрольную группу на 8 кг, что демонстрирует эффективность разработанной методики совершенствования расслабляющего удара.

Все это демонстрирует, что курсанты преодолели психологический барьер, вкладывая свой вес в удар, переставали останавливать удар. Человек, который внутренне разрешил себе ударить по-настоящему, но при этом сохранил контроль над приложенной силой, преодолел себя, тем самым был получен главный положительный результат научного эксперимента.

Выводы

Проведённое исследование, базирующееся на четырёхмесячном педагогическом эксперименте с участием 48 курсантов, позволило не просто оценить прирост количественных показателей силы удара, но и выйти на качественно уровень понимания «расслабляющего (нокаутирующего) удара» в контексте профессиональной подготовки сотрудника ОВД РФ [6].

Результаты контрольной группы при обучении стандартной программой:

- при нанесении прямого передней рукой (джеб) уровень силы составил до начала эксперимента 125,5 кг., после – 151,4 кг. (положительный прирост 25,9 кг.);
- при прямом ударе задней рукой (кресс) уровень силы составил до начала эксперимента 211,3 кг, после – 249,7 (прирост 38,4 кг.);
- при боковом ударе (хук) уровень силы составил до начала эксперимента 225,4 кг., после – 260,1 (прирост 34,7 кг).

Результаты экспериментальной группы при обучении разработанной методики совершенствования расслабляющего удара:

- при нанесении прямого передней рукой (джеб) уровень силы составил до начала эксперимента 121,5 кг, после – 160,5 кг. (положительный прирост на 39 кг.);
- при прямом ударе задней рукой (кресс) уровень силы составил до начала эксперимента 212,6 кг, после – 257,1 кг (прирост 44,5 кг.);
- при боковом ударе (хук) уровень силы составил до начала эксперимента 222,8 кг, после – 265,5 кг (прирост 42,7 кг.)

Экспериментальная группа опережает контрольную группу в каждом из описанных ударов: 13,1 кг (джеб); 6,1 кг. (кресс); 8 кг. (хук), что демонстрирует эффективность разработанной методики.

Таким образом, результаты исследования демонстрируют, что методика совершенствования навыков нанесения расслабляющего (нокаутирующего) удара является не просто набором комплексов, а составляет целую педагогическую систему, которая включает в себя биомеханику, физиологию человека, психологическую готовность к активному противостоянию с правонарушителем.

Список источников

1. На Урале нападение вызвавшей полицию женщины на сотрудника МВД попало на видео // ГАЗЕТА.RU. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/05/19/25820264.shtml> (дата обращения: 03.03.2026)
2. В Югре двое мужчин напали на сотрудников ППС // РИА НОВОСТИ. URL: <https://ria.ru/20250726/jugra-2031623948.html> (дата обращения: 03.03.2026)
3. Матвеев Д.С., Алдошин А.В., Носов С.А. Формирование культуры личной безопасности сотрудника уголовного розыска МВД России // Наука-2020. 2023. № 6 (67). С. 230 – 236.

4. Шиманович Е.В., Носов С.А. Особенности обучения применению расслабляющих ударов курсантов образовательных организаций МВД России на занятиях по физической подготовке // Актуальные проблемы огневой, тактико-специальной и профессионально-прикладной физической подготовки: Сборник статей VII Международной научно-методической конференции, Могилевский институт МВД, 28-29 ноября 2024 года. Могилев: Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2024. С. 206 – 209.
5. Носов С.А., Алдошина Е.А., Филиппова А.А., Смирнов В.Н., Моськин С.А. Анализ чемпионата России по спортивному миксфайту 2022 года, как развивающийся вид спортивного единоборства // Обзор педагогических исследований. 2023. Т. 5. № 4. С. 115 – 119.
6. Носов С.А., Швецов М.А., Юдин С.В., Луини А.А., Антоненко А.А. Значимость сотрудников министерства внутренних дел Российской Федерации в решении служебных задач при возникновении чрезвычайных ситуаций (на примере Орловской области) // Обзор педагогических исследований. 2024. Т. 6. № 1. С. 97 – 101.
7. Носов С.А., Насонов А.А., Журавлев А.А. Проблемы и перспективы физической культуры в вузах // Автономия личности. 2021. № 1 (24). С. 22 – 27.
8. Носов С.А., Баркалов С.Н., Алдошина Е.А., Дубровский С.В., Дроzhzhakov А.И. Особенность совершенствования физической подготовленности сотрудников ПДН МВД России // Обзор педагогических исследований. 2024. Т. 6. № 2. С. 209 – 216.
9. Егосин Д.И. Повышение технического мастерства курсантов образовательных организаций МВД России посредством соревновательных спаррингов // Успехи гуманитарных наук. 2026. № 3. С. 330 – 336.
10. Еремин Р.В. Общие принципы изучения и совершенствования техники боевых приемов борьбы // Автономия личности. 2022. № 1 (27). С. 39 – 43.
11. Кубеев А.Ж., Якушев Э.В. Освоение боевых приёмов борьбы курсантами образовательных организаций МВД России // Евразийский юридический журнал. 2021. № 10 (161). С. 453 – 454.
12. Носов С.А., Горлов В.В., Косовская Д.В., Пупейко А.Н., Горюнов К.Д. Значимость боевых единоборств в структуре подготовки сотрудников специальных подразделений // Управленческий учет. 2026. № 2. С. 368 – 374.

References

1. In the Urals, a woman who called the police attacked an Interior Ministry officer was caught on video. GAZETA.RU. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/05/19/25820264.shtml> (date of access: 03.03.2026)
2. In Yugra, two men attacked patrol police officers. RIA NOVOSTI. URL: <https://ria.ru/20250726/jugra-2031623948.html> (date of access: 03.03.2026)
3. Matveyev D.S., Aldoshin A.V., Nosov S.A. Formation of a Culture of Personal Safety of a Criminal Investigation Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Science-2020. 2023. No. 6 (67). P. 230 – 236.
4. Shimanovich E.V., Nosov S.A. Features of Teaching the Use of Relaxing Strikes to Cadets of Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Physical Fitness Classes. Current Issues of Fire, Tactical-Special and Professional-Applied Physical Training: Collection of Articles from the VII International Scientific and Methodological Conference, Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs, November 28-29, 2024. Mogilev: Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2024. P. 206 – 209.
5. Nosov S.A., Aldoshina E.A., Filippova A.A., Smirnov V.N., Moskin S.A. Analysis of the 2022 Russian Mixed Fighting Championship as a Developing Type of Combat Sport. Review of Pedagogical Research. 2023. Vol. 5. No. 4. P. 115 – 119.
6. Nosov S.A., Shvetsov M.A., Yudin S.V., Luini A.A., Antonenko A.A. The Importance of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in Solving Official Tasks During Emergencies (using the Oryol Region as an Example). Review of Pedagogical Research. 2024. Vol. 6. No. 1. P. 97 – 101.
7. Nosov S.A., Nasonov A.A., Zhuravlev A.A. Problems and Prospects of Physical Education in Universities. Autonomy of the Individual. 2021. No. 1 (24). P. 22 – 27.
8. Nosov S.A., Barkalov S.N., Aldoshina E.A., Dubrovsky S.V., Drozhzhakov A.I. Peculiarities of Improving the Physical Fitness of the Employees of the Juvenile Affairs Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Review of Pedagogical Research. 2024. Vol. 6. No. 2. P. 209 – 216.
9. Egoshin D.I. Improving the Technical Skills of Cadets of Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia through Competitive Sparring. Successes in the Humanities. 2026. No. 3. P. 330 – 336.
10. Eremin R.V. General Principles of Studying and Improving Combat Wrestling Techniques. Autonomy of the Individual. 2022. No. 1 (27). P. 39 – 43.

11. Kubeev A.Zh., Yakushev E.V. Mastering Combat Wrestling Techniques by Cadets of Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Eurasian Law Journal. 2021. No. 10 (161). P. 453 – 454.
12. Nosov S.A., Gorlov V.V., Kosovskaya D.V., Pupeiko A.N., Goryunov K.D. The Importance of Martial Arts in the Structure of Training of Special Forces Personnel. Management Accounting. 2026. No. 2. P. 368 – 374.

Информация об авторах

Носова Е.В., кандидат юридических наук, доцент, Сибирский юридический институт МВД России

Исаев Р.А., кандидат педагогических наук, доцент, Донецкий филиал Волгоградской Академии МВД России

Бороненков А.И., кандидат технических наук, доцент, Воронежский институт МВД России

Ковтун В.В., доцент, Московский ордена Почета университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Царева Е.С., старший преподаватель, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

© Носова Е.В., Исаев Р.А., Бороненков А.И., Ковтун В.В., Царева Е.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

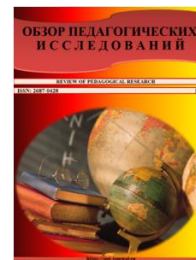
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 378.147:53:61

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-198-203

К актуализации и разработке методики преподавания научных основ современных технологий в курсе физики медицинского вуза

¹ Остроумова Ю.С., ² Ханин С.Д.,

¹ Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова,

² Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. профессора М.А. Бонч-Бруевича

Аннотация: развивается аргументация в пользу интеграции в содержание обучения физике в медицинском вузе научных основ современных технологий как отвечающей запросам со стороны профессиональной деятельности и со стороны самого образования. Формулируются принципы содержательного наполнения и организации процесса обучения и предлагаются методические подходы к их практической реализации. Приводятся конкретные методические разработки, могущие быть использованными в преподавании физических основ лазерных медицинских технологий.

Ключевые слова: медицинское образование, обучение физике, основы медицинских технологий, физические принципы, средства реализации, методика преподавания, образовательные технологии

Для цитирования: Остроумова Ю.С., Ханин С.Д. К актуализации и разработке методики преподавания научных основ современных технологий в курсе физики медицинского вуза // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 198 – 203. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-198-203

Поступила в редакцию: 11 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

To update and develop methods of teaching the scientific foundations of modern technologies in the physics course of a medical university

¹ Ostroumova Yu.S., ² Khanin S.D.,

¹ Military Medical Academy named after S.M. Kirov,

² St. Petersburg State University of Telecommunications named after Professor M.A. Bonch-Bruевич

Abstract: an argument is being developed in favor of integrating the scientific foundations of modern technologies into the content of teaching physics at a medical university as meeting the demands of professional activity and education itself. The principles of meaningful content and organization of the learning process are formulated and methodological approaches to their practical implementation are proposed. Specific methodological developments that can be used in teaching the physical foundations of laser medical technologies are given.

Keywords: medical education, teaching physics, fundamentals of medical technologies, physical principles, means of implementation, teaching methods, educational technologies

For citation: *Ostroumova Yu.S., Khanin S.D. To update and develop methods of teaching the scientific foundations of modern technologies in the physics course of a medical university. Review of Pedagogical Research. 2026. 8 (6). P. 198 – 203. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-198-203*

The article was submitted: April 11, 2026; Approved after reviewing: May 8, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Необходимость достижения приоритетных целей современной клинической деятельности – обеспечения высокой точности диагноза, раннего выявления заболеваний и их адресной терапии – вызвала к жизни разработку и применение многочисленных технологий медицинского назначения. Основопологающую для целого ряда этих технологий роль играет физика как наука, являющаяся источником новых идей, базовых принципов и требуемого инструментария. Достаточно сказать о нашедших широкомасштабное применение в медицине методах и средствах рентгенологии, радиологии, лазерных медицинских технологий, нанобиотехнологий, электронной и зондовой микроскопии. Без преувеличения можно сказать, что физика в совокупности с цифровыми технологиями является ориентационной основой развития высокотехнологичной медицины.

Для грамотного применения современных технологий, конструктивного взаимодействия с их разработчиками врач должен обладать знаниями физических принципов, функциональных возможностей и допустимых режимов работы применяемых в диагностике и терапии технических средств. Всевозрастающие в рассматриваемом аспекте запросы со стороны профессиональной деятельности диктуют необходимость отражения на должном уровне научных основ современных технологий в курсе физики медицинских вузов.

Наряду с подготовкой к профессиональной деятельности изучение физических основ современных технологий значимо и в плане повышения качества самого процесса обучения физике в связи со значительным образовательным потенциалом их содержания [1-3].

В части едва ли не наиболее значимого мотивационного ресурса это предопределяется соответствием содержания всем выделяемым в педагогике как основные стимулам познавательного интереса [4, с. 18-22], рельефным предметным раскрытием инженерного потенциала физических знаний, ресурсностью в плане развития личностных возможностей обучающихся в познавательной и практической деятельности.

Информационно-знаниевого ресурса – значимым вкладом в приобретаемые обучающимися фундаментальные знания, основательностью в плане формирования способностей к сущностному освоению содержания проблематики и передовых достижений перспективных направлений научно-технологического развития [5, с. 9-13; 6].

Методологического ресурса – представительностью в отражении взаимосвязи и интегративного единства в наукоёмком решении проблемных задач эксперимента, теории и практики, в содержательном наполнении учебно-исследовательской деятельности обучающихся.

Развивающего ресурса – основательностью в силу востребованности для освоения подлежащего изучению материала высокого уровня организации умственной деятельности, в плане раскрытия, развития и реализации интеллектуальных и творческих способностей личности, формирования имеющих метапредметное значение физического стиля мышления и понимания [7, 8].

Материалы и методы исследований

Основанием для выработки рекомендуемых в работе подходов к обучению в медицинском вузе основам современных медицинских технологий послужили результаты проведённых авторами исследований в области теории и методики обучения физике [9-11] и имеющийся у них опыт преподавания.

Результаты и обсуждения

Достижению целей профессиональной подготовки и реализации указанных образовательных ресурсов содержания физических основ современных медицинских технологий в практике обучения отвечают следующие принципы:

- профессиональной направленности и контекстности;
- междисциплинарных связей;
- целостности и логической завершённости;
- системности и систематичности;
- приоритета самостоятельности в получении и применении знаний.

Центральное место в ряду подходов, используемых в организации обучения, должен занимать проблемно-деятельностный подход [12, с. 42-48]. Будучи проблемным, содержание учебного материала должно выступать как предмет деятельности [13, с. 21-24], а его освоение – как процесс её целенаправленного осуществления.

В развёртывании предметного материала в учебном процессе проблемно-деятельностный подход указывает на необходимость придания ему динамического характера с последовательным отражением контекста постановки проблемы, преследуемых изучением целей, концепции решения, методов и средств её материального воплощения.

В плане педагогико-технологического обеспечения учебного процесса проблемно-деятельностный подход предписывает приоритет активным образовательным технологиям, таким как технологии активного восприятия информации, обучения методом ситуаций (кейс-технологиям), исследовательского и проектного (проектно-исследовательского) обучения [9-11].

Реализацию сказанного в практике обучения физике курсантов и студентов медицинского вуза конкретизируем на примере преподавания основ и средств лазерных технологий, применяемых в офтальмологии [14-16].

Контекст постановки проблемы состоит в необходимости коагуляционных методик для лечения целого ряда заболеваний глаз, таких как разрывы и отслоение сетчатки, ретинопатия, глаукома. Преследуемая цель – избирательное воздействие на очаги патологии с минимальным повреждением окружающих их тканей. Концепция решения состоит в осуществлении селективного фототермолиза. Базируясь на известных обучающимся из курса физики свойствах лазерного излучения – высокой направленности и плотности энергии, – делается вывод о целесообразности для решения стоящей задачи его применения.

В качестве средств, могущих служить для достижения желаемого результата, рассматриваются лазеры двух типов: полупроводниковые инжекционные гетеролазеры и волоконные лазеры как работоспособные при комнатных температурах в непрерывном режиме.

Основными аргументами в пользу применения полупроводниковых лазеров являются присущие им сравнительно низкая пороговая плотность тока, что предопределяется наличием благоприятных условий для создания инверсной населённости рабочих уровней, и возможность локализации и совмещения в активной узкозонной области гетероструктуры электронного и светового потоков.

Для доказательства сказанного привлекается энергетическая диаграмма рабочей для лазеров двойной гетероструктуры, особенность которой, по сравнению с известной обучающимся диаграммой гомогенного электронно-дырочного перехода, состоит в наличии разрывов краёв разрешённых зон. Это позволяет выявить принципиально важные в плане функционирования лазеров физические эффекты односторонней инжекции, сверхинжекции и электронного ограничения. В качестве физической предпосылки оптического ограничения выступает различие между показателями преломления узкозонного и широкозонного полупроводников [17; 18, с. 433-436].

Представленность в содержании обучения в части физики гомогенного электронно-дырочного перехода и контакта “металл-полупроводник”, методов построения энергетических диаграмм создаёт условия для активной позиции обучающихся в освоении нового материала.

Существенное внимание по понятным причинам уделяется возможности повышения выходной мощности полупроводниковых лазеров. Определяющую роль при этом играет миниатюрность излучателей, что позволяет создавать решётки лазеров, в которых энергия их излучения суммируется.

В обоснование целесообразности применения волоконных лазеров, активной средой в которых является оптическое волокно, активированное ионами редкоземельных элементов (эрбия, иттербия, тулия) выдвигаются следующие причины. Во-первых, малость объёма активной зоны и пространственное совмещение в ней накачиваемого объёма и области генерации. Во-вторых, высокое поглощение в длинном волокне излучения накачки. В-третьих, возможность достижения высокого коэффициента усиления.

Анализ работы волоконных лазеров осуществляется на основе представляемых энергетического спектра ионов указанных редкоземельных элементов и спектров их поглощения и люминесценции. При этом обращается внимание на совпадение спектра поглощения оптического волокна со спектром излучения полупроводниковых гетеролазеров, что даёт основание для применения последних в качестве устройства накачки. Как важное, отмечается совпадение спектра поглощения и люминесценции в рабочей области с минимумом потерь в оптическом волокне, что в совокупности с высокой лучевой прочностью последнего, создаёт предпосылки для создания на основе волоконных лазеров устройств с высокой выходной мощностью.

В качестве примера применения в офтальмологии отечественной аппаратуры приводятся характеристики лазерных коагуляторов АЛОТ-01 «Офтальмо» и «Лахта-Милон» [16, с. 302-306].

Далее в логике обучения методом ситуаций предлагается задание, состоящее в составлении плана действий в лечении пациента с диабетической ретинопатией. Вырабатываемый совместно с обучающимся план с необходимостью включает в себя выбор лазерного коагулятора сетчатки и режима генерации с учётом поглощения излучения гемоглобином, а также произведённой оценкой времени тепловой релаксации, анализ офтальмологических изображений, оценку рисков, критически рефлексивный анализ получаемых знаний и опыта.

Учитывая, что лазерное излучение может оказывать на глаз не только лечебное, но и разрушающее воздействие, представляют интерес возможности защиты от него. В основу принципа действия ограничителя интенсивного лазерного излучения может быть положен целый ряд физических принципов [19, с.347-360; 20, с. 8-16], обсуждение которых, как показывает опыт преподавания, целесообразно осуществлять в формате семинара.

Для подготовки к нему в качестве затравочной обучающимся предлагается следующая качественная задача: схематично показать, как меняется спектральная зависимость оптического поглощения представляющего интерес материала при воздействии выбранного фактора.

В решении этой задачи в поле зрения обучающихся попадают электрооптический эффект в массивных полупроводниках и элементах нанометровых размеров, термооптические эффекты в полупроводниках и бистабильных, обладающих фазовым переходом “полупроводник-металл”, материалах.

Сравнительный анализ предлагаемых с физических позиций решений осуществляется на основе отвечающих требованиям к ограничителю критериев: глубины модуляции, быстродействия, энергопотребления и габаритов технического устройства.

Выводы

Общий итог работы состоит в аргументации целесообразности и раскрытии возможностей интеграции основ современных технологий в содержание обучения физике в медицинском вузе и повышения таким образом его роли в подготовке будущих специалистов к клинической деятельности на отвечающем вызовам времени уровне.

Список источников

1. Костарев С.В., Остроумова Ю.С., Ханин С.Д. Активизация образовательных ресурсов фундаментальных дисциплин в интересах развития научно-технологического направления в военном образовании // Военный инженер. 2022. № 4 (26). С. 109 – 118.
2. Костарев С.В., Остроумова Ю.С., Ханин С.Д. К вопросу о реализации потенциала обучения физике в интересах развития военно-технологического направления в военном образовании // Актуальные проблемы преподавания физики в медицинских и военных вузах. «Петровские чтения» 2023. СПб.: ВМА, 2023. С. 117 – 120.
3. Костарев С.В., Остроумова Ю.С., Ханин С.Д. Ресурсы в развитии научно-технологического направления в обучении курсантов военного вуза // Материалы Восьмой международной научной конференции «Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновация, культура и вызовы современности». Донецк, 2023. Т. 6. С. 120 – 122.
4. Щукина Г.И. Проблемы познавательного интереса в педагогике. М.: Педагогика, 1971. 352 с.
5. Остроумова Ю.С., Соловьев В.Г., Ханин С.Д., Яников М.В. Формирование опыта освоения современных педагогических направлений научно-технического развития на основе фундаментальных знаний в обучении физике: учебное пособие. Псков: Псковский государственный университет, 2015. 96 с.
6. Ханин С.Д., Остроумова Ю.С. Фундаментальные основы и методы новых технологий в преподавании физики в военно-инженерном вузе // Необратимые процессы в природе и технике: Двенадцатая Всероссийская конференция. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2023. Т. 2. С. 339 – 341.
7. Гладун А.Д. Физический эксперимент в курсе общей физики // Физическое образование в вузах. 1996. Т. 2. № 2. С. 14 – 20.
8. Кондратьев А.С. Физическое понимание и его уровни // Вестник Северо-Западного отделения РАО. 1998. Вып. 2. С. 137 – 144.
9. Ханин С.Д., Хинич И.И. Исследовательское обучение физическим основам электроники в подготовке педагогических кадров: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. 127 с.
10. Ханин С.Д., Хинич И.И. Освоение физики материалов и приборов электронной техники и проблема достижения целостности и результативности исследовательского обучения: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. 108 с.

11. Остроумова Ю.С. Совершенствование подготовки военно-инженерных кадров к решению наукоёмких профессиональных задач: монография. СПб.: ВАС, 2019. 240 с.
12. Гуляев В.Н. Развитие теории и практики проблемно-деятельностного обучения в высшей военной школе: дис. ... докт. пед. наук. М., 2003. 302 с.
13. Решетова З.А. Психологические основы профессионального образования. М.: Изд-во МГУ, 1985. 207 с.
14. Мюллер-Стольценбург Н., Ховенер Г. Офтальмология // Прикладная лазерная медицина / под ред. Берлиена Х.П., Мюллера Г.И. М.: АО «Интерэксперт», 1997. 356 с.
15. Вопросы лазерной офтальмологии / под ред. Большунова А.В. М.: Изд-во «Апрель», 2013. 316 с.
16. Минаев В.П. Лазерные медицинские системы и медицинские технологии на их основе: учебное пособие. Долгопрудный: Изд-во ДМ-Интеллект, 2020. 360 с.
17. Алфёров Ж.И. Двойные гетероструктуры: концепции и применение в физике, электронике и технологии. Нобелевские лекции по физике // Успехи физических наук. 2002. Т. 172. № 9. С. 1068 – 1086.
18. Пихтин А.Н. Оптическая квантовая электроника. М.: Высшая школа, 2001. 573 с.
19. Розеншер Э., Винтер В. Оптоэлектроника. М.: Техносфера, 2004. 590 с.
20. Сидоров А.И. Физические основы и методики управления излучением в устройствах интегральной оптики. СПб.: ГЭТУ «ЛЭТИ», 2007. 78 с.

References

1. Kostarev S.V., Ostroumova Yu.S., Khanin S.D. Activation of educational resources of fundamental disciplines in the interests of developing the scientific and technological direction in military education. Military engineer. 2022. No. 4 (26). P. 109 – 118.
2. Kostarev S.V., Ostroumova Yu.S., Khanin S.D. On the issue of realizing the potential of teaching physics in the interests of developing the military-technological direction in military education. Actual problems of teaching physics in medical and military universities. "Petrovsky Readings" 2023. St. Petersburg: VMA, 2023. P. 117 – 120.
3. Kostarev S.V., Ostroumova Yu.S., Khanin S.D. Resources in the Development of the Scientific and Technological Direction in the Training of Military University Cadets. Proceedings of the Eighth International Scientific Conference "Donetsk Readings 2023: Education, Science, Innovation, Culture, and Challenges of Our Time". Donetsk, 2023. Vol. 6. P. 120 – 122.
4. Shchukina, G.I. Problems of Cognitive Interest in Pedagogy. Moscow: Pedagogy, 1971. 352 p.
5. Ostroumova, Yu.S., Soloviev, V.G., Khanin, S.D., Yanikov, M.V. Formation of Experience in Mastering Modern Pedagogical Directions of Scientific and Technological Development Based on Fundamental Knowledge in Teaching Physics: A Tutorial. Pskov: Pskov State University, 2015. 96 p.
6. Khanin, Yu.S. Fundamental Principles and Methods of New Technologies in Teaching Physics at a Military Engineering University. Irreversible Processes in Nature and Technology: The Twelfth All-Russian Conference. Moscow: Bauman Moscow State Technical University, 2023. Vol. 2. P. 339 – 341.
7. Gladun A.D. Physical Experiment in the General Physics Course. Physics Education in Universities. 1996. Vol. 2. No. 2. P. 14 – 20.
8. Kondratiev A.S. Physical Understanding and Its Levels. Bulletin of the North-West Branch of the Russian Academy of Education. 1998. Issue 2. P. 137 – 144.
9. Khanin S.D., Khinich I.I. Research Teaching of the Physical Foundations of Electronics in the Training of Pedagogical Personnel: Monograph. St. Petersburg: Publishing house of the Herzen State Pedagogical Univ., 2009. 127 p.
10. Khanin S.D., Khinich I.I. Mastering the Physics of Materials and Electronic Devices and the Problem of Achieving the Integrity and Effectiveness of Research-Based Learning: Monograph. St. Petersburg: Publishing house of the Herzen State Pedagogical Univ., 2009. 108 p.
11. Ostroumova Yu.S. Improving the Training of Military Engineering Personnel to Solve Knowledge-Intensive Professional Problems: Monograph. St. Petersburg: VAS, 2019. 240 p.
12. Gulyaev V.N. Development of the Theory and Practice of Problem-Based Learning in Higher Military School: Diss. ... Doctor of Pedagogical Sciences. Moscow, 2003. 302 p.
13. Reshetova Z.A. Psychological Foundations of Professional Education. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1985. 207 p.
14. Müller-Stolzenburg N., Hovener G. Ophthalmology. Applied Laser Medicine. edited by Berlien H.P., Müller G.I. Moscow: AO Intereksper, 1997. 356 p.
15. Issues of Laser Ophthalmology. Edited by Bolshunov A.V. Moscow: April Publishing House, 2013. 316 p.

16. Minaev V.P. Laser Medical Systems and Medical Technologies Based on Them: A Study Guide. Dolgoprudny: DM-Intellect Publishing House, 2020. 360 p.
17. Alferov Zh.I. Double Heterostructures: Concepts and Applications in Physics, Electronics, and Technology. Nobel Lectures on Physics. Physical Sciences Success. 2002. Vol. 172. No. 9. P. 1068 – 1086.
18. Pikhtin A.N. Optical Quantum Electronics. Moscow: Vysshaya Shkola, 2001. 573 p.
19. Rosenscher E., Winter W. Optoelectronics. Moscow: Tekhnosfera, 2004. 590 p.
20. Sidorov A.I. Physical Principles and Methods of Radiation Control in Integrated Optics Devices. St. Petersburg: ETU “LETI,” 2007. 78 p.

Информация об авторах

Остроумова Ю.С., Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова

Ханин С.Д., Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. профессора М.А. Бонч-Бруевича

© Остроумова Ю.С., Ханин С.Д., 2026

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

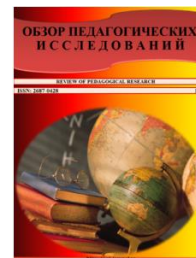
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 378.146-054.68+612

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-204-210

Динамика успеваемости по дисциплине «Нормальная физиология» студентов-иностранцев лечебного факультета, обучающихся на английском языке, в медицинском вузе России

¹ Славовская О.И., ¹ Диких А.А., ¹ Патюков А.Г., ¹ Русаков В.В.,
¹ Омский государственный медицинский университет

Аннотация: статья посвящена динамике успеваемости по дисциплине «Нормальная физиология» студентов-иностранцев второго курса лечебного факультета, обучающихся на английском языке в Омском государственном медицинском университете.

Цель работы: проанализировать динамику текущей успеваемости и результаты промежуточной аттестации студентов-иностранцев второго курса лечебного факультета, обучающихся на английском языке в Омском государственном медицинском университете в период освоения дисциплины «Нормальная физиология», являющейся одной из базовых дисциплин и теоретической основой медицины.

В результате проведенной работы в течение одного академического года (осеннего и весеннего учебных семестров), отмечена достоверная положительная динамика в сторону повышения среднего балла обучающихся при проверке текущих знаний по дисциплине «Нормальная физиология» в весеннем семестре по сравнению с таковым в осеннем семестре академического года.

Кроме того, представлены результаты промежуточной аттестации, свидетельствующие о преимущественно хорошем уровне знаний студентов по предмету, являющемуся теоретической основой медицины, по окончании его освоения.

Учитывая продолжающуюся перспективную работу университета с иностранными англоязычными студентами, необходимо усилить мотивационную составляющую и англоязычную коммуникацию в период начала обучения дисциплины «Нормальная физиология» (осенний семестр) академического года, с целью повышения текущей успеваемости, что должно позитивно отразиться на уровне подготовки студентов и стать прочной базой для освоения последующих дисциплин и дальнейшей профессиональной врачебной деятельности.

Ключевые слова: текущая успеваемость, промежуточная аттестация, академический год, студенты-иностранцы, нормальная физиология, медицинский университет

Для цитирования: Славовская О.И., Диких А.А., Патюков А.Г., Русаков В.В. Динамика успеваемости по дисциплине «Нормальная физиология» студентов-иностранцев лечебного факультета, обучающихся на английском языке, в медицинском вузе России // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 204 – 210. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-204-210

Поступила в редакцию: 12 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 9 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Dynamics of academic performance in the discipline "Normal Physiology" of foreign students of the Faculty of Medicine, studying in English, at a medical university in Russia

¹ Slapovskaya O.I., ¹ Dikikh A.A., ¹ Patyukov A.G., ¹ Rusakov V.V.,
¹ Omsk State Medical University

Abstract: this article examines the dynamics of academic performance in the course "Normal Physiology" among second-year international students studying in English at Omsk State Medical University's Faculty of General Medicine.

The aim of this study is to analyze the dynamics of current academic performance and midterm assessment results for second-year international students studying in English at Omsk State Medical University during their mastery of the course "Normal Physiology," which is one of the core disciplines and the theoretical foundation of medicine.

As a result of the study conducted over the course of one academic year (fall and spring semesters), a significant positive trend was observed in the average student score on the current knowledge assessment for the course "Normal Physiology" in the spring semester compared to the fall semester of the academic year.

Furthermore, the midterm assessment results are presented, demonstrating a predominantly good level of student knowledge in this subject, which forms the theoretical foundation of medicine, upon completion of its study.

Given the university's ongoing, promising work with international English-speaking students, it is necessary to strengthen the motivational component and English-language communication during the initial period of instruction in the "Normal Physiology" course (fall semester) of the academic year. This will improve current academic performance, which should positively impact the level of student preparation and become a solid foundation for mastering subsequent disciplines and further professional medical practice.

Keywords: current academic performance, midterm assessment, academic year, international students, normal physiology, medical university

For citation: Slapovskaya O.I., Dikikh A.A., Patyukov A.G., Rusakov V.V. Dynamics of academic performance in the discipline "Normal Physiology" of foreign students of the Faculty of Medicine, studying in English, at a medical university in Russia. *Review of Pedagogical Research*. 2026. 8 (6). P. 204 – 210. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-204-210

The article was submitted: April 12, 2026; Approved after reviewing: May 9, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Подготовка кадров высшего медицинского звена является достаточно сложной и трудоемкой задачей для каждого профильного учреждения [3, 6, 11]. Начиная с первых шагов обучения в вузе необходимо мотивировать студентов к продолжению обучения в медицинском вузе и дальнейшей профессиональной деятельности высокого уровня [2, 4, 5, 7]. С 2021/2022 учебного года Омским государственным медицинским университетом проводится подготовка иностранных граждан из Индии и Пакистана по специальности 31.05.01: Лечебное дело, направленность (профиль): Лечебное дело для иностранных граждан. Студенты обучаются на английском языке.

Базовая дисциплина «Нормальная физиология», являющаяся теоретической основой медицины, реализуется на втором курсе обучения в университете, в том числе и для иностранных студентов лечебного факультета. Обучение студентов из Индии и Пакистана дисциплине «Нормальная физиология» на английском языке является достаточно сложной, но вполне решаемой задачей [9, 10].

Цель настоящей работы: проанализировать динамику текущей успеваемости и результаты промежуточной аттестации студентов-иностранцев второго курса лечебного факультета, обучающихся на английском языке в Омском государственном медицинском университете в период освоения дисциплины «Нормальная физиология», являющейся одной из базовых дисциплин и теоретической основой медицины.

Материалы и методы исследований

Проанализированы текущая успеваемость за осенний (III) и весенний (IV) семестры и результаты промежуточной аттестации по дисциплине «Нормальная физиология» 101 студента-иностранца второго курса лечебного факультета из восьми учебных групп, обучающихся на английском языке.

Результаты статистически обрабатывали с помощью программы Biostat, версия 5.8.4.3. Использовали следующие методы: описательная статистика, критерий Манна-Уитни, критерий Хи-квадрат. Различия считались статистически достоверными при критическом уровне значимости $p \leq 0,05$.

Результаты и обсуждения

При обучении на кафедре нормальной физиологии у студентов формируются следующие общепрофессиональные компетенции – ОПК-5, ОПК-10 и профессиональная компетенция – ПК-19 [8, 9], благодаря которым будущий специалист высшего медицинского звена будет способен оценивать морфофункциональные, физиологические состояния и патологические процессы в организме человека, понимать принципы работы современных информационных технологий и сможет научно анализировать и публично представлять медицинскую информацию на основе доказательной медицины. Для осуществления текущего контроля, согласно фонду оценочных средств, применялись вопросы для собеседования, текст задач и заданий; тесты. Оценка текущих знаний осуществляется по пятибалльной системе.

Результаты текущей успеваемости студентов-иностранцев по дисциплине «Нормальная физиология» за осенний и весенний семестры академического года представлена в табл. 1.

Таблица 1

Результаты текущей успеваемости студентов-иностранцев по дисциплине «Нормальная физиология» за осенний и весенний семестры академического года.

Table 1

Current academic performance of international students in the course "Normal Physiology" for the fall and spring semesters of the academic year.

№ группы	Осенний семестр III	Весенний семестр IV	P
	N	N	
	Средний балл	Средний балл	
1.	14	13	0,230
	3,90 ± 0,12	4,11 ± 0,08	
2.	11	9	0,075
	3,60 ± 0,37	3,94 ± 0,42	
3.	10	11	0,023
	4,03 ± 0,12	4,42 ± 0,09	
4.	14	13	0,021
	3,86 ± 0,13	4,35 ± 0,14	
5.	14	13	0,942
	3,81 ± 0,11	3,82 ± 0,09	
6.	15	14	≤ 0,001
	3,25 ± 0,05	4,00 ± 0,13	
7.	12	8	0,012
	3,48 ± 0,18	4,18 ± 0,13	
8.	11	11	0,543
	3,56 ± 0,11	3,73 ± 0,22	

У 50 % обучающихся – четыре академические группы из восьми – отмечается достоверное повышение среднего балла, у одной группы студентов прослеживается тенденция к повышению такового при оценке текущей успеваемости за весенний семестр по сравнению с осенним семестром. Это свидетельствует о положительной динамике успеваемости у студентов-иностранцев во второй половине учебного года при освоении дисциплины «Нормальная физиология» на английском языке. У остальных трех групп успеваемость стабильная на протяжении всего учебного года.

Курсовой средний балл студентов-иностранцев за весенний семестр составил $4,06 \pm 0,08$, что значимо выше по сравнению с таковым за осенний семестр академического года – $3,68 \pm 0,09$, $p = 0,009$. Улучшение текущей успеваемости студентов-иностранцев по дисциплине «Нормальная физиология» в весеннем семестре по сравнению с осенним учебным семестром можно объяснить систематизацией базовых знаний по

морфологическим дисциплинам, таким как – «Анатомия человека», «Гистология, эмбриология, цитология», что повышает мотивацию к изучению физиологических процессов в здоровом человеческом организме. Также позитивная динамика успеваемости во второй половине академического года, возможно, связана с адаптацией к освоению дисциплины «Нормальная физиология» на английском языке, который не является родным языком студентов [1, 4, 12].

Промежуточная аттестация по дисциплине «Нормальная физиология» для студентов-иностранцев лечебного факультета, обучающихся на английском языке, проводится по окончании изучения дисциплины – завершение четвертого семестра второго курса. Промежуточная аттестация организуется в рамках летней сессии в форме экзамена. Студентам предоставляется список англоязычных вопросов к экзамену по дисциплине, утвержденных на данный учебный год. Этот список размещается на интернет-странице кафедры нормальной физиологии Омского государственного медицинского университета, а также на образовательном портале кафедры. Учебный материал, необходимый для освещения экзаменационных вопросов, представлен в англоязычном лекционном курсе на образовательном портале кафедры, а также в англоязычной литературе, которая есть в наличии в библиотеке университета. В табл. 2 представлена англоязычная литература по дисциплине «Нормальная физиология», имеющаяся в научной библиотеке Омского государственного медицинского университета, которую студенты-иностранцы могут использовать при подготовке к практическим занятиям и промежуточной аттестации.

Таблица 2

Англоязычная литература по дисциплине «Нормальная физиология», имеющаяся в научной библиотеке Омского государственного медицинского университета.

Table 2

English-language literature on the subject "Normal Physiology" available in the scientific library of Omsk State Medical University.

№	Автор, название, место публикации, год издания
1.	Normal physiology: textbook / ed. K.V. Sudakov. Moscow: GEOTAR-Media, 2022. 728 p. URL: https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785970473122.html (дата обращения: 04.03.2026)
2.	Лапкин М.М., Трутнева Е.А. Избранные лекции по нормальной физиологии: учеб. пособие на рус. и англ. яз. = Selected Lectures on Normal Physiology: textbook. Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2022. 576 p. URL: https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785970466612.html (дата обращения: 04.03.2026)
3.	Dorokhov Ye.V., Karpova A.V., Semiletova V.A. et al. Normal physiology: textbook for students independent work / Министерство науки и высшего образования РФ. Moscow: GEOTAR-Media, 2021. 510 p.
4.	Gening T.P., Abakumova T.V., Mikhailova L.N., Kadyшева E.N. Normal Physiology: education guidans for students of medical faculty. Part 1: Physiology of excitable tissues, muscles, CNS, analyzers, HNA / Ulyanovsk State University. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University, 2018. 104 p. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37101137 (дата обращения: 04.03.2026)
5.	Gening T.P., Abakumova T.V., Mikhailova L.N., Kadyшева E.N. Normal Physiology: education guidans for students of medical faculty. Part 2: Physiology of Cardio-vascular System, Breath, Digestion, Excretion, Endocrine glands, Metabolism and Energy, Blood / Ulyanovsk State University. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University, 2018. 135 p. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37101415 (дата обращения: 04.03.2026)

Иностраннный студент в любое время может обратиться к учебной литературе для повторения и закрепления изученного на практических занятиях материала. Во время экзамена студенту-иностранцу предлагается самостоятельно сформировать билет (вытянуть по одному вопросу из трех разных секций). Все экзаменационные вопросы разделены по разделам на три секции. Затем студенту предоставляется возможность подготовиться к ответу и сформулировать для себя англоязычные письменные заметки по экзаменационным вопросам. На подготовку к ответу студентам предоставляется один академический час – 45 минут. По истечению времени подготовки студент дает устные ответы на имеющиеся у него экзаменационные вопросы. Оценка экзаменационного ответа также проводится по пятибалльной системе.

В табл. 3 представлены результаты промежуточной аттестации по дисциплине «Нормальная физиология» студентов-иностранцев, обучающихся на английском языке.

Таблица 3

Результаты промежуточной аттестации студентов-иностранцев по дисциплине «Нормальная физиология».

Table 3

Results of the midterm assessment of foreign students in the discipline "Normal Physiology".

Критерий	Результат
Средний балл	4,00 ± 0,09
Качественная успеваемость	71,60 ± 5,69
Абсолютная успеваемость	96,08 ± 1,94

Необходимо отметить, что доля отличных оценок – 29 человек (28,7 %) достоверно выше ($p \leq 0,001$) не-удовлетворительных, которые получили всего 3 студента (2,97 %) из 101 студента-иностранца, прошедшего промежуточную аттестацию в форме экзамена по дисциплине «Нормальная физиология».

Результаты промежуточной аттестации студентов-иностранцев лечебного факультета свидетельствуют о преимущественно хорошем уровне знаний по дисциплине «Нормальная физиология», являющейся теоретической основой медицины. Уверенное владение материалом выше среднего уровня по базисной дисциплине, освещающей механизмы функционирования человеческого организма позволит студентам-иностранцам качественно освоить последующие медико-биологические и клинические дисциплины при обучении в медицинском университете и на должном уровне осуществлять дальнейшую профессиональную деятельность врача [1].

Выводы

Учитывая продолжающуюся перспективную работу университета с иностранными англоязычными студентами и несмотря на положительную динамику успеваемости в течение учебного года и преимущественно хороший уровень знаний студентов по дисциплине «Нормальная физиология» по результатам промежуточной аттестации, необходимо усовершенствовать мотивационную составляющую и англоязычную коммуникацию между преподавателем и студентом в период начала обучения дисциплины на английском языке (осенний семестр) академического года.

Данные мероприятия должны стимулировать потребность в получении знаний, что позитивно отразится на текущей успеваемости, на уровне подготовки обучающихся по дисциплине, являющейся теоретической основой медицины, с начала учебного года и станет прочной базой для освоения последующих медико-биологических, клинических дисциплин в медицинском университете и дальнейшей профессиональной врачебной деятельности.

Список источников

1. Алексеенко С.Н., Гайворонская Т.В., Дробот Н.Н. Анализ факторов, влияющих на успеваемость студентов медицинского вуза // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=30319> (дата обращения: 27.02.2026)
2. Булуева Ш.И., Кучмезов Р.А., Озиева Л.С. К вопросу о профессионально-личностных качествах студентов // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 238 – 240.
3. Гагаев П.А., Осьмушина А.А., Гагаев А.А. О конкуренции в сфере образования // Право и практика. 2021. № 4. С. 252 – 256.
4. Заусенко И.В., Озерова Е.В. Связь тревожности и мотивации к обучению у студентов // Педагогическое образование в России. 2019. № 5. С. 90 – 96.
5. Косачева В.О. Мотивация студентов к обучению и профессиональному развитию // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 5 (96). С. 235 – 238.
6. Нефедьева Е.В. Реформирование высшей школы России в контексте общегосударственной модернизации // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра : материалы международной научной конференции. СПб., 2019. С. 335 – 341.
7. Носова М.Н. и др. Мотивы выбора профессии врача представителями разных поколений // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29325> (дата обращения: 27.02.2026)
8. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 31.05.01 Лечебное дело: приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 12.08.2020 № 988 (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/74566342/> (дата обращения: 27.02.2026)

9. Слаповская О.И. и др. Организация учебной деятельности иностранных студентов при освоении дисциплины «Нормальная физиология» в медицинском вузе // Обзор педагогических исследований. 2024. Т. 6. № 8. С. 301 – 306.
10. Сема Е.Ю., Барсуков А.А., Жданов П.А. Иностранные студенты в российских университетах: привлечение и обучение. М.: ФГАНУ «Социоцентр», 2021. 114 с.
11. Слепова С.В., Саврасова Н.Р. Выстраивание индивидуальной образовательной траектории в современном учебном процессе // Международный журнал экспериментального образования. 2021. № 1. С. 52 – 57.
12. Слаповская О.И. и др. Состояние функционального напряжения студентов-иностранцев, обучающихся на языке-посреднике (английском) в медицинском вузе России // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Т. 8. № 8. С. 317 – 322.

References

1. Alekseenko S.N., Gaivoronskaya T.V., Drobot N.N. Analysis of factors influencing the academic performance of medical students. Modern problems of science and education. 2020. No. 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=30319> (date of access: 27.02.2026)
2. Bulueva Sh.I., Kuchmezov R.A., Ozieva L.S. On the issue of professional and personal qualities of students. The world of science, culture, education. 2020. No. 3 (82). P. 238 – 240.
3. Gagaev P.A., Osmushina A.A., Gagaev A.A. On competition in the field of education. Law and practice. 2021. No. 4. P. 252 – 256.
4. Zausenko I.V., Ozerova E.V. The Relationship between Anxiety and Motivation to Learn in Students. Pedagogical Education in Russia. 2019. No. 5. P. 90 – 96.
5. Kosacheva V.O. Students' Motivation to Learn and Professional Development. The World of Science, Culture, Education. 2022. No. 5 (96). P. 235 – 238.
6. Nefedyeva E.V. Reforming Russian Higher Education in the Context of National Modernization. Humanities in a Modern University: Yesterday, Today, Tomorrow: Proceedings of the International Scientific Conference. St. Petersburg, 2019. P. 335 – 341.
7. Nosova M.N. et al. Motives for choosing the medical profession by representatives of different generations. Modern problems of science and education. 2019. No. 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29325> (date of access: 27.02.2026)
8. On approval of the federal state educational standard of higher education - specialist in specialty 31.05.01 General Medicine: order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated 08/12/2020 No. 988 (with amendments and additions). URL: <https://base.garant.ru/74566342/> (date of access: 27.02.2026)
9. Slapovskaya O.I. et al. Organization of educational activities of foreign students in mastering the discipline "Normal Physiology" in a medical university. Review of pedagogical research. 2024. Vol. 6. No. 8. P. 301 – 306.
10. Sema E.Yu., Barsukov A.A., Zhdanov P.A. Foreign students in Russian universities: recruitment and training. Moscow: Federal State Autonomous Institution "Sociocenter", 2021. 114 p.
11. Slepova S.V., Savrasova N.R. Building an individual educational trajectory in the modern educational process. International Journal of Experimental Education. 2021. No. 1. P. 52 – 57.
12. Slapovskaya O.I. et al. The state of functional stress of foreign students studying in an intermediary language (English) at a medical university in Russia. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Т. 8. No. 8. P. 317 – 322.

Информация об авторах

Слаповская О.И., кандидат медицинских наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6462-1525>, Омский государственный медицинский университет, 644043, г. Омск, Ленина 12, cher.73@mail.ru

Диких А.А., кандидат ветеринарных наук, старший преподаватель, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4556-6142>, Омский государственный медицинский университет, 644043, г. Омск, Ленина 12, aamatweewa150488@mail.ru

Патюков А.Г., доктор медицинских наук, профессор, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1256-2904>, Омский государственный медицинский университет, 644043, г. Омск, Ленина 12, patyukov.a@mail.ru

Русаков В.В., доктор медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой нормальной физиологии, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7730-1942>, Омский государственный медицинский университет, 644043, г. Омск, Ленина 12, patyukov.a@mail.ru

© Слаповская О.И., Диких А.А., Патюков А.Г., Русаков В.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

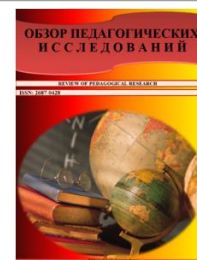
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)

УДК 378.096

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-211-217

Пластические особенности скульптуры малых форм, выполненных в рамках выпускных квалификационных работ на кафедре художественного образования

¹ Толкачев И.Б., ¹ Гольденберг О.А., ¹ Каногина В.В.,
¹ Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт,
филиал Уральского государственного педагогического университета

Аннотация: статья посвящена анализу пластических, тектонических и декоративных особенностей скульптуры малых форм, выполненных из мягкого камня в рамках выпускных квалификационных работ на кафедре художественного образования Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиал) УрГПУ. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления опыта соединения традиционных уральских техник камнерезного искусства с современными проектными подходами в художественно-педагогическом образовании. В статье выявлены основные этапы проектной деятельности студентов, проанализированы способы достижения художественной выразительности при работе с талькохлоритом и природным гипсом.

Целью данной статьи является выявление и анализ пластических особенностей скульптуры малых форм из мягкого камня, созданных студентами в рамках выполнения выпускных квалификационных работ, а также обобщение методического опыта руководства дипломными работами. Авторами проведен анализ учебно-методической документации и просмотр фондовых работ кафедры. При подготовке статьи применялся метод формально-стилистического анализа для изучения пластических решений трех дипломных работ: Здобняковой Юлии Сергеевны, Лидии Александровны Поповой и Евгения Викторовича Попов.

В выводах авторы указывают на то, что работа с мягким камнем в жанре скульптуры малых форм является эффективным средством развития художественно-педагогической компетентности студентов. Процесс создания скульптуры от эскиза до финальной обработки требует от автора не только технологических навыков, но и глубокого понимания тектоники материала. В каждой из рассмотренных работ прослеживается индивидуальный подход. Таким образом, кафедра художественного образования успешно реализует модель подготовки специалистов, сочетающую академическую фундаментальность с живым экспериментом в материале, что позволяет сохранять и развивать традиции уральской камнерезной школы.

Ключевые слова: скульптура малых форм, мягкий камень, художественное образование, пластическая выразительность

Для цитирования: Толкачев И.Б., Гольденберг О.А., Каногина В.В. Пластические особенности скульптуры малых форм, выполненных в рамках выпускных квалификационных работ на кафедре художественного образования // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 211 – 217. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-211-217

Поступила в редакцию: 12 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Plastic features of small-form sculpture done as part of graduate qualification works at the department of art education

¹ Tolkachev I.B., ¹ Goldenberg O.A., ¹ Kanogina V.V.,
¹ Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Institute (branch) of the Ural State Pedagogical University

Abstract: the article is devoted to the analysis of plastic, tectonic and decorative features of small-scale sculpture made of soft stone as part of the final qualifying works at the Department of Art Education of the Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Ural State Pedagogical University. The relevance of the study is due to the need to reflect on the experience of combining traditional Ural techniques of stone-carving art with modern project approaches in art and pedagogical education. The article identifies the main stages of students' project activities and analyzes the ways of achieving artistic expressiveness when working with talc-chlorite and natural gypsum.

The purpose of this article is to identify and analyze the plastic features of small-scale soft stone sculptures created by students as part of their final qualifying works, as well as to summarize the methodological experience of supervising these works. The authors have analyzed the educational and methodological documentation and reviewed the department's collection of works. In preparing this article, the method of formal and stylistic analysis was used to study the plastic solutions of three final qualifying works: those of Zdobnyakova Yulia Sergeevna, Popova Lidia Aleksandrovna, and Popov Evgeny Viktorovich.

In their conclusions, the authors point out that working with soft stone in the genre of small-scale sculpture is an effective means of developing students' artistic and pedagogical competence. The process of creating a sculpture, from sketching to final processing, requires the artist to have not only technological skills, but also a deep understanding of the material's tectonics. Each of the works reviewed demonstrates an individual approach. Thus, the Department of Art Education successfully implements a model of training specialists that combines academic fundamentals with a lively experiment in the material, which allows to preserve and develop the traditions of the Ural stone-cutting school.

Keywords: small-scale sculpture, soft stone, art education, plastic expressiveness

For citation: Tolkachev I.B., Goldenberg O.A., Kanogina V.V. Plastic features of small-form sculpture done as part of graduate qualification works at the department of art education. *Review of Pedagogical Research*. 2026. 8 (6). P. 211 – 217. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-211-217

The article was submitted: April 12, 2026; Approved after reviewing: May 10, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Важным элементом профессиональной подготовки студентов факультета художественного образования НТГСПИ (филиал) УрГПУ является проектирование и изготовление выпускных квалификационных работ в материале. Спектр осваиваемых материалов включает керамику, дерево, металл и камень. Выбор темы дипломной работы базируется на сформированных практических навыках обработки конкретного материала и личных творческих предпочтениях в области декоративного искусства. Художественная обработка мягкого камня позволяет наиболее полно раскрыть тектонические и пластические возможности материала благодаря его податливости [8; 9].

Анализ организации проектной деятельности целесообразно рассмотреть на примере дипломных работ, выполненных под руководством доцента кафедры художественного образования И. Б. Толкачева. Руководитель последовательно реализует в педагогической практике принцип индивидуального подхода, что находит отражение в уникальности пластического языка каждого выпускника.

Проблема исследования заключается в противоречии между богатством традиций уральской школы камнерезного искусства [9; 10] и недостаточной теоретической разработанностью методик адаптации этих традиций к задачам учебного проектирования в условиях ограниченных временных ресурсов выполнения выпускных квалификационных работ. Противоречие состоит в том, что, с одной стороны, мягкий камень требует от скульптора спонтанного следования за природной формой, а с другой – академическая система обучения диктует необходимость строгого следования этапам эскизирования и моделирования.

Целью данной статьи является выявление и анализ пластических особенностей скульптуры малых форм из мягкого камня, созданных студентами в рамках выполнения выпускных квалификационных работ, а также обобщение методического опыта руководства дипломными работами.

На первом этапе осуществлен анализ учебно-методической документации и просмотр фондовых работ кафедры. На втором этапе применялся метод формально-стилистического анализа для изучения пластических решений трех дипломных работ: Здобняковой Юлии Сергеевны, Лидии Александровны Поповой и Евгения Викторовича Попова. Третий этап включал обобщение педагогического опыта и формулирование выводов.

Материалы и методы исследований

Процесс создания дипломных работ на кафедре методически выстроен и состоит из нескольких последовательных этапов.

Первый этап – графическое эскизирование. Эскиз в мягком материале должен решать не столько композиционные, сколько тектонические задачи, предугадывая поведение камня под резцом. Эскизы разрабатываются с учетом тектонических и пластических свойств материала, что требует от автора предварительного изучения его характеристик для нахождения оптимальных вариантов воплощения замысла. Как утверждает И.Б. Толкачев: «скульптура малых форм находится на пересечении искусства и дизайна, сочетая в себе эстетические и функциональные аспекты, что делает её уникальным и интересным видом выразительного искусства» [2].

Второй этап – перевод эскиза в объем (лепка). Наиболее важным этапом для проектирования является лепка из пластилина или глины. Лепка позволяет увидеть пластический образ не только на плоскости, но и в объеме, почувствовать переходы масс. В случае с мягким камнем лепка ведется с обязательным учетом его свойств. Исследователи подчеркивают, что такие свойства, как твердость, структура и наличие естественных трещин, могут как облегчить, так и затруднить проработку мелких деталей [7].

Третий этап – выбор материала и резьба. Изучая природные контуры выбранного камня, автор выявляет наиболее удачные направления движения фигуры. Как показывает практика, идеально выбранный камень означает решение половины задач. Адекватный выбор материала во многом предопределяет успешность решения поставленных задач. «Работа с резьбой по камню довольно трудоемкий процесс и состоит из нескольких этапов, которые следуют друг за другом: перенос рисунка на камень, грубая формовка, проработка мелких деталей, сгибов и эсдинг всей формы. Завершающим этапом служит гравирование и полирование изделия» [1].

Результаты и обсуждения

Дипломная работа Ю.С. Здобняковой на тему «Скульптура малых форм. Фигуры. Мягкий камень» [3]. направлена на раскрытие пластических, декоративных и тектонических возможностей мягкого камня. Итоговая работа представлена серией скульптур малых форм «Наедине с собой», посвященной теме погружения в личное пространство как необходимого условия обретения внутреннего равновесия. Серия решена в двух пластических образах – «Отрешение» и «Стремление», выполненных из мягкого природного гипса, податливость которого позволила добиться нужной выразительности.

Работа над скульптурными формами велась в определенной последовательности. Вначале были выполнены графические эскизы, определена общая композиционная идея. Ю.С. Здобняковой учитывала тектонические свойства и пластику мягкого камня, на основе его характеристик. Эскизы, созданные Юлией Сергеевной, примечательны своей монолитностью, благодаря чему возникает ощущение недосказанности, автор позволяет зрителю самому дополнить пластический образ личным опытом, настроением. Каждый рисунок имеет неповторимую форму, но все они подчинены идейному замыслу. В образах угадываются замкнутые, напоминающие женские фигуры, очертания, создающие впечатление, будто внутри скрыто нечто важное. Интерпретация закрытых форм может быть многозначной, они способны олицетворять защиту, хранить тайну или указывать на состояние перехода, изменения. Линии в эскизах выполнены с уверенностью и точностью, что создает впечатление композиционной устойчивости и завершенности. Применение штриховки решает задачу построения объема и глубины пространства, одновременно усиливая мотив обособленности и загадочности фигур. У зрителя возникает естественное любопытство, стремление проникнуть внутрь этих замкнутых объемов, что делает образы более глубокими и содержательными.

На следующем этапе проектирования графические эскизы переводились в объем посредством лепки. Работа с пластилином или глиной дала возможность не просто увидеть будущую скульптуру на плоскости, а буквально прочувствовать, как одна форма перетекает в другую, где возникают тени, а где нужна особен-

ная пластика. При лепке учитывались особенности реального материала, а именно, мягкого камня, его тектоника и податливость. Собственные характеристики камня напрямую влияют на особенности работы с ним, особенности его обработки. На практике это означает, что, если камень оказывается чересчур хрупким или, наоборот, жестким, проработать тонкие детали, такие как, кисти рук или изящные ступни, становится почти невозможно. Также внутри куска могут обнаружиться неожиданные вкрапления или трещины, которые не позволят создать сложную композицию. В таких случаях приходится адаптировать свои идеи и создавать образы более обобщенные, чтобы сохранить целостность и эстетику работы.

Дополнительными средствами художественной выразительности послужили включения из латуни, а также подставка, выполненная из прозрачного стекла. Ее легкость способствует беспрепятственному прохождению света, что позволяет в полной мере выявить эстетические достоинства природного материала. Отказ от глянцевого полировки в пользу матовой шлифовки стал осознанным техническим решением. А.А. Рыбин писал об этом так: «матовая фактура мягкого камня выигрышно подчеркивает его бархатистость и скрывает случайные сколы, делая фактуру более живой» [8, с. 78].

Стоит сказать о намеренной простоте и ясности пластики. Никаких лишних деталей, все линии сведены к самому необходимому, объемы даны обобщенно, и именно эта скупость средств позволяет говорить о чувствах, о внутреннем мире персонажей. Работу характеризуют лаконичные линии, обобщенные объемы. Все подчинено передаче состояния, характера, эмоции. Плавные, почти телесные изгибы вдруг пересекаются с жесткими, геометрически выверенными гранями, выстраивается внутренний конфликт, напряженность, которая чувствуется физически. Сознательное обобщение одних элементов и акцентирование других, отказ от всего второстепенного позволяют направить внимание зрителя на выразительность формы. Движения рук проработаны с особой тщательностью, выявляя их роль в разворачивающемся взаимодействии.

Фигуры «Отрешение» и «Стремление» представляют два полюса человеческой души. «Отрешение» выражает состояние покоя, прекращения взаимодействия, полной неподвижности, тишины и безмятежности. «Стремление» направлено к цели, жаждет признания; неутолимая жажда препятствует обретению внутренней свободы и гармонии, представляя вечное единство противоположностей. Для акцентирования двойственности образов использован один тип камня в разной тональности. Латунные элементы (колпачки) объединяют фигуры, подчеркивая их неразрывную связь – единство души. Подставкой для скульптурной группы служит вытянутое прямоугольное стекло. В результате методически последовательной работы создана целостная скульптурная композиция, представляющая собой новую оригинальную форму и выявляющая пластические и цветовые возможности мягкого камня.

Дипломная работа Л.А. Поповой на тему «Скульптура малых форм. Мягкий камень» [6] раскрывает декоративное богатство материала. Серия «Песня» представляет собой серию динамичных скульптур малых форм, вдохновленных образом скоморохов-песняров. Каменные фигуры отражают связь с русской культурной традицией, получающей развитие в современном декоративно-прикладном искусстве.

Автор останавливает выбор на талькохлорите, который позволяет моделировать мелкие детали, не теряя целостности формы. Вопреки стереотипу о том, что камень требует мужской силы, работа девушки-выпускницы с мягким камнем показывает, что податливость материала позволяет создавать тонкую мимику и жесты. Серия скульптур представляет художественные образы скоморохов-песняров в момент безмятежного отдыха. Мимика, жесты и пластика поз персонажей отличаются непринужденной простотой. Тщательная проработка мимики лиц с акцентированием носов придает образам характерность и гротескную выразительность. Скульптуры могут экспонироваться как парная композиция, так и в качестве отдельных самостоятельных произведений.

Этап эскизирования развивался по двум направлениям. Первоначально работа велась в анималистическом жанре (разрабатывались образы кошек). Вторым, более продуктивным направлением стала работа над темой скоморохов-песняров. Важным этапом поисковых графических эскизов являлся перевод набросков в объемную форму посредством лепки из пластилина.

Процесс дипломного проектирования представляет собой познавательный и развивающий творческий процесс. Лепка фигур включала элемент игрового начала: к одному образу создавался другой, между персонажами возникал невидимый диалог. Каждый герой наделялся характерными атрибутами (ключик, замочек, ложка, музыкальный инструмент), неповторимой мимикой и индивидуальными жестами. При создании композиции акцентировалось внимание на игровом моменте, передаче движения, пластичности и сущности персонажей.

В результате творческих поисков выбор был сделан на наиболее выразительных образах скоморохов-песняров – «Играющий» и «Слушающий». Первый персонаж, играющий на гармошке, погружен в веселый

мотив; его руки, ноги и мимика наполнены песней. Второй скоморох слушает и пританцовывает в такт динамичной песне, вытянув и слегка наклонив голову. В пластике движений проявляется характер: один персонаж выражает себя танцем рук, головы и ног, другой – лишь покачиванием головы и легким перестуком ножек. Образы скоморохов наполнены жизненной энергией, оптимизмом и юмором. Дипломная работа примечательна авторским подходом к работе с материалом при сохранении традиционных приемов обработки камня.

Е.В. Попов в своей работе «Декоративная пластика. Мягкий камень» [5] тоже выбирает скомороха в качестве главного героя. Но если в описанной выше работе акцент сделан на взаимодействии персонажей, на диалоге, то здесь мы видим совершенно иной подход. Композиция строится вокруг одного образа, одной фигуры, взятой в сложном, динамичном движении.

Работа Евгения Попова предлагает иное решение. Лидия Попова решает образ через диалог, взаимодействие двух персонажей, а Евгений Попов – через монолог, сфокусированный на одном герое, что существенно меняет пластический язык. Скоморох здесь не просто фольклорный персонаж, а воплощение творческой энергии, самого духа народного характера.

Материалом для воплощения замысла вновь становится мягкий камень. Его пластичность позволяет добиться иллюзии подвижности, передать движение, саму фактуру жеста. При всей традиционности темы работа выглядит современно. Здесь фольклорный мотив органично сплавлен с новыми приемами обработки.

Работа велась последовательно, от эскизов, через поиск композиций, эксперименты, к итоговой композиции в материале. Самым важным этапом стала лепка пластилиновых моделей. Пластилин дал возможность увидеть будущую скульптуру в пространстве, понять, как она будет смотреться с разных точек, вовремя скорректировать пропорции.

Композиция закручена по спирали, что создает ощущение застывшего движения, остановленного мгновения. Динамику подчеркивает диагональное построение, а деревянный шар, который одновременно служит и подставкой, и композиционным центром, только усиливает этот эффект стремительности, порыва. Материалом для скульптуры послужил талькохлорит, который позволяет резать сложные формы и не боится тонкой проработки. Кроме того, она его цвет меняется в зависимости от обработки. Зеленовато-серая матовая поверхность в одних местах и глубокий черный блеск в других, что позволяет автору расставлять акценты.

В данной работе главным элементом становится лицо, оно проработано с удивительной тщательностью. В нем и сосредоточенность, и какое-то внутреннее спокойствие, и полная погруженность в музыку, в танец. Смотришь и веришь: этот скоморох действительно играет, действительно живет в своем действе. Пластика скомороха подкупает отличается своей естественностью. Особенно выразительно лицо: здесь каждая деталь работает на образ. Все передает состояние человека, целиком погруженного в музыку, в танец. При этом ноги, напротив, даны крупно, они создают контраст с одухотворенным лицом и напоминают о том, что перед нами не просто музыкант, а еще и плясун, которому нужна крепкая опора. Данный прием подчеркивает связь с землей и физическую силу, необходимую для исполнения сложных танцевальных элементов. Анализ работы показывает, что студент не просто скопировал фольклорный образ, но создал его авторскую интерпретацию, вписанную в современный контекст [9, с. 102].

В результате проведенной работы автор воплотил образ русского скомороха, используя свойства мягкого камня для передачи динамичности, экспрессивности и эмоциональной насыщенности композиции. Сочетание традиционных мотивов с современными техниками обработки материалов подчеркивает актуальность народной культуры в современном художественном контексте. Детальная проработка элементов произведения, от эскиза до финальной скульптуры, демонстрирует профессиональное мастерство автора и реализацию художественного замысла. Итоговая композиция отличается выразительностью движения, игрой света и тени, а также способностью вызывать эмоциональный отклик у зрителя.

Выводы

Анализ выпускных квалификационных работ, выполненных на кафедре художественного образования, позволяет сделать следующие выводы. Работа с мягким камнем в жанре скульптуры малых форм является эффективным средством развития художественно-педагогической компетентности студентов. Процесс создания скульптуры от эскиза до финальной обработки требует от автора не только технологических навыков, но и глубокого понимания тектоники материала.

В каждой из рассмотренных работ (Ю.С. Здобняковой, Л.А. Поповой, Е.В. Попова) прослеживается индивидуальный подход. Если Ю.С. Здобнякова тяготеет к камерному символизму и фактурной матовости, то

Л.А. Попова и Е.В. Попов обращаются к народной культуре, решая ее через гротеск и динамику. Общим для всех является методически грамотное следование этапам проектирования: от графических поисков через лепку к резьбе.

Таким образом, кафедра художественного образования НТГСПИ (филиал) УрГПУ успешно реализует модель подготовки специалистов, сочетающую академическую фундаментальность с живым экспериментом в материале, что позволяет сохранять и развивать традиции уральской камнерезной школы.

Список источников

1. Бызова А.А. Основные этапы изготовления художественных изделий из камня // Инновационные научные исследования: теория, методология, тенденции развития: Сборник научных статей по материалам V Международной научно-практической конференции, Уфа, 23 февраля 2021 года. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки", 2021. С. 12 – 15.
2. Гольденберг О.А., Кузьмина И.П., Толкачев И.Б. Пластические особенности анималистического жанра в декоративной композиции студентов факультета художественного образования // Вестник педагогических наук. 2024. № 4. С. 220 – 227. DOI 10.62257/2687-1661-2024-4-220-227
3. Здобнякова Ю.С. Скульптура малых форм. Фигуры. Мягкий камень: выпускная квалификационная работа. Нижний Тагил, 2012. 80 с.
4. Кононов В.Н. Искусство работы с камнем. Москва: Аделант, 2010. 119 с.
5. Попов Е.В. Декоративная пластика. Мягкий камень: выпускная квалификационная работа. Нижний Тагил, 2010. 72 с.
6. Попова Л.А. Скульптура малых форм. Мягкий камень: выпускная квалификационная работа. Нижний Тагил, 2012. 82 с.
7. Пронин Л.А. Юному камнерезу. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. 205 с.
8. Рыбин А.А., Штиглиц С.Л. Мягкие камни, их свойства, обработка и применение / Науч.-исслед. ин-т худож. пром-сти Роспромсовета. Москва: КОИЗ, 1959. 155 с.
9. Семенов В.Б. Уральский камнерез. Пермь: Пермское книжное издательство, 1981. 196 с.
10. Федотов Г.Я. Камень. Москва: ЭКСМО-Пресс, 2002. 160 с.

References

1. Byzova A.A. The main stages of manufacturing artistic stone products. Innovative scientific research: theory, methodology, development trends: Collection of scientific articles based on the materials of the V International Scientific and Practical Conference, Ufa, February 23, 2021. Ufa: Limited Liability Company "Scientific Publishing Center "Vestnik Nauki", 2021. P. 12 – 15.
2. Goldenberg O.A., Kuzmina I.P., Tolkachev I.B. Plastic Features of the Animalistic Genre in the Decorative Composition of Students of the Faculty of Art Education. Bulletin of Pedagogical Sciences. 2024. No. 4. P. 220 – 227. DOI 10.62257/2687-1661-2024-4-220-227
3. Zdobnyakova Yu.S. Small-Scale Sculpture. Figures. Soft Stone: Graduation Thesis. Nizhny Tagil, 2012. 80 p.
4. Kononov V.N. The Art of Working with Stone. Moscow: Adelant, 2010. 119 p.
5. Popov E.V. Decorative Sculpture. Soft Stone: Graduation Thesis. Nizhny Tagil, 2010. 72 p.
6. Popova L.A. Small-Scale Sculpture. Soft Stone: Graduation Thesis. Nizhny Tagil, 2012. 82 p.
7. Pronin L.A. To the Young Stone Cutter. Sverdlovsk: Sredne-Ural. Book Publishing House, 1987. 205 p.
8. Rybin A.A., Shtiglits S.L. Soft Stones, Their Properties, Processing, and Application. Research Institute of Art Industry of the Russian Industrial Council. Moscow: KOIZ, 1959. 155 p.
9. Semenov V.B. Ural Stone Cutter. Perm: Perm Book Publishing house, 1981. 196 p.
10. Fedotov G.Ya. Stone. Moscow: EKSMO-Press, 2002. 160 p.

Информация об авторах

Толкачев И.Б., доцент, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, филиал Уральского государственного педагогического университета

Гольденберг О.А., кандидат педагогических наук, доцент, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, филиал Уральского государственного педагогического университета

Каногина В.В., Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, филиал Уральского государственного педагогического университета

© Толкачев И.Б., Гольденберг О.А., Каногина В.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

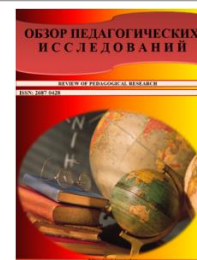
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)

УДК 372.881.1

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-218-224

Речемыслительная и текстовая деятельность как психолого-педагогические и методические категории

¹ Гумерова Ф.Ф.,

¹ Уфимский университет науки и технологий

Аннотация: в данной статье рассматривается комплексная проблема научного осмысления речевого развития обучающихся через призму таких фундаментальных психолого-педагогических и методических категорий, как «речемыслительная деятельность» и «текстовая деятельность». Автор проводит глубокий ретроспективный анализ взглядов на природу человеческой речи, начиная с античной философии и классической педагогики (Я.А. Коменский, И.Г. Песталоцци) до современных достижений отечественной психолингвистической школы (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, И.А. Зимняя). Актуальность работы обусловлена необходимостью перехода в современной методике преподавания языков от формирования формально-грамматических навыков к системному развитию когнитивных механизмов порождения речи.

В основной части исследования детально описывается внутренняя структура речемыслительного процесса, включающая мотивацию, постановку речемыслительной задачи, этап внутреннего программирования и стадию лексико-грамматического развертывания. Автором аргументировано доказывается, что текст выступает не просто как сумма предложений, а как высшая форма объективации мысли, требующая специфической текстовой деятельности по планированию, композиционному выстраиванию и смысловому редактированию высказывания. В статье раскрывается функциональная роль внутренней речи как связующего звена, обеспечивающего трансформацию невербального смысла в линейно организованный текст.

Особое внимание уделяется методическому аспекту реализации данных концепций в практике преподавания родных языков, в частности башкирского языка. Автор обосновывает условия, способствующие осознанному освоению обучающимися механизмов текстообразования. Делается вывод о необходимости внедрения коммуниктивно-деятельностного подхода, при котором обучение языку превращается в процесс активного познания и самовыражения личности. Теоретические положения статьи могут служить базой для разработки учебных программ, направленных на повышение уровня языковой компетентности и развитие интеллектуального потенциала обучающихся через совершенствование их речемыслительных стратегий.

Ключевые слова: речемыслительная деятельность, текстовая деятельность, внутренняя речь, порождение высказывания, психолингвистика, методика преподавания языков, башкирский язык, когнитивное развитие, текстообразование, коммуникативная задача

Для цитирования: Гумерова Ф.Ф. Речемыслительная и текстовая деятельность как психолого-педагогические и методические категории // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 218 – 224. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-218-224

Поступила в редакцию: 12 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Speech and text activities as psychological, pedagogical, and methodological categories

¹ Gumerova F.F.,
¹ Ufa University of Science and Technology

Abstract: this article examines the complex problem of scientific understanding of students' speech development through the lens of such fundamental psychological, pedagogical, and methodological categories as "speech-thinking activity" and "text activity." The author conducts a deep retrospective analysis of views on the nature of human speech, starting from ancient philosophy and classical pedagogy (J.A. Comenius, I.G. Pestalozzi) to the modern achievements of the Russian psycholinguistic school (L.S. Vygotsky, A.N. Leontiev, I.A. Zimnyaya). The relevance of this work is due to the need to shift the focus of modern language teaching from the formation of formal grammatical skills to the systematic development of cognitive mechanisms for speech generation.

The main part of the study describes in detail the internal structure of the speech-thinking process, which includes motivation, the formulation of a speech-thinking task, the stage of internal programming, and the stage of lexical-grammatical development. The author argues that a text is not just a sum of sentences, but a higher form of thought objectification that requires specific textual activities such as planning, compositional arrangement, and semantic editing of an utterance. The article reveals the functional role of internal speech as a link that transforms non-verbal meaning into a linearly organized text.

Special attention is paid to the methodological aspect of implementing these concepts in the practice of teaching native languages, in particular the Bashkir language. The author substantiates the conditions that contribute to the students' conscious acquisition of text formation mechanisms. The article concludes that it is necessary to implement a communicative-activity approach, which transforms language learning into a process of active cognition and self-expression. The theoretical provisions of the article can serve as a basis for developing educational programs aimed at improving the students' language competence and developing their intellectual potential through the improvement of their speech and thinking strategies.

Keywords: speech-thinking activity, text activity, inner speech, generation of an utterance, psycholinguistics, language teaching methodology, the Bashkir language, cognitive development, text formation, communicative task

---

For citation: Gumerova F.F. *Speech and text activities as psychological, pedagogical, and methodological categories. Review of Pedagogical Research.* 2026. 8 (6). P. 218 – 224. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-218-224

The article was submitted: April 12, 2026; Approved after reviewing: May 10, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Проблема речевого развития обучающихся занимает центральное место в психолого-педагогических и методических исследованиях, поскольку речь выступает не только средством общения, но и важнейшим инструментом мышления, познания и обучения. Исторически научное понимание речи прошло длительный путь развития: от представлений о риторике и красноречии как искусстве воздействия на слушателя до современных концепций речемышлительной и текстовой деятельности.

В ранних философских и педагогических учениях речь рассматривалась преимущественно как средство выражения мысли и воспитания личности. В дальнейшем, в трудах Я.А. Коменского [9], Дж. Локк [13], Ж.-Ж. Руссо [13], И.Г. Песталотци [15] и других мыслителей была заложена основа понимания речи как процесса, тесно связанного с чувственным опытом, умственным развитием и естественным общением. В отечественной психолингвистике и педагогике существенный вклад в разработку проблемы внесли Л. С. Выготский [5], А.Н. Леонтьев [11, 12], А.Р. Лурия [14], Н.И. Жинкин [6], И.А. Зимняя [7], раскрывая взаимосвязь мышления, внутренней речи и внешнего высказывания.

Современный этап научного осмысления речевого развития связан с переходом от узкого понимания «развития речи» к более точным категориям – речемышлительная деятельность и текстовая деятельность. Данные понятия позволяют описывать не только результат речевой работы, но и ее внутреннюю психологическую структуру, механизмы порождения высказывания, а также особенности создания связного текста. Особую значимость эта проблема приобретает в условиях обучения родному, в том числе

башкирскому языку, где речевая деятельность должна рассматриваться как средство развития личности, мышления и языковой компетентности.

Цель статьи состоит в теоретическом осмыслении речемыслительной и текстовой деятельности как взаимосвязанных психолого-педагогических и методических категорий, а также в выявлении их структуры и педагогических условий формирования.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили труды отечественных и зарубежных философов, педагогов, психологов и лингвистов, посвященные проблеме речи, мышления, текста и речевого развития. В их числе – работы Платона, Аристотеля, Квинтилиана, Я.А. Коменского, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци, Л.Н. Толстого, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, Н.И. Жинкина, И.А. Зимней и других исследователей.

В качестве основных методов использовались теоретический анализ, сравнительно-исторический подход, обобщение и систематизация научных источников, а также интерпретация психолого-педагогических положений с точки зрения методики обучения языку. Такой подход позволил проследить эволюцию взглядов на речь как деятельность и определить структурные компоненты речемыслительного и текстового процесса.

Методологическую основу исследования составили деятельностный, личностно ориентированный и коммуникативно-деятельностный подходы, позволяющие рассматривать речь как активную, целенаправленную и смыслообразующую форму человеческой деятельности.

Результаты и обсуждения

Проведенный анализ показал, что категория «развитие речи» в исторической перспективе постепенно трансформировалась в более сложные научные понятия, отражающие внутреннюю организацию речевого процесса. Если в традиционной педагогике речь рассматривалась прежде всего как совокупность умений правильно говорить и строить фразы, то в современной науке она понимается как деятельность, включающая мотивацию, замысел, внутреннее программирование и языковую реализацию.

Генезис представлений о развитии речи восходит к античной философско-педагогической традиции, где речевое развитие рассматривалось в контексте формирования гармоничной личности и искусства убеждения. Так, Платоном речь трактовалась как онтологическое условие поиска истины и основа диалогического мышления [17]. Аристотель, анализируя речь как инструмент социальной коммуникации и психологического воздействия, подчеркивал нерасторжимую связь слова, мышления и гражданского воспитания [1]. Прикладной педагогический аспект данной проблемы получил детальное развитие в трудах М.Ф. Квинтилиана, который обосновал значение речевого подражания, систематических упражнений в произношении и постепенную интериоризацию сложных синтаксических структур как основы ораторского мастерства [8].

Качественно новый этап дидактического осмысления речевого развития связан с трудами Я.А. Коменского. В рамках принципа природосообразности им была выделена необходимость обучения языку в опоре на чувственный опыт и наглядность: номинация предметов и описание явлений рассматривались как средство познания объективной реальности [9]. В XVIII-XIX вв. эта традиция была обогащена идеями Дж. Локка о роли речевой среды в формировании интеллекта [13] и концепцией Ж.-Ж. Руссо о необходимости естественного развития речи в условиях спонтанного общения [18]. Особое значение для современной методики имеют идеи И.Г. Песталоцци, который рассматривал обучение речи как процесс «культивирования ума», требующий перехода от простейших звуков к элементам слова и осознанному конструированию высказываний [15]. Подобная ретроспектива подчеркивает, что категория «развитие речи» исторически эволюционировала от формально-технических навыков к осознанию речи как ведущего фактора когнитивного роста субъекта.

В русской педагогике XIX века вопросы развития речи рассматривались в трудах К.Д. Ушинского, который подчеркивали связь речи с мышлением, чувственным опытом и обучением родному языку [22]. Значительный вклад в становление методической базы внесли работы Ф.И. Буслаева [4], а также труды методистов начала XX века, развивавших идеи обучения связной речи через чтение, пересказ, описание и сочинение [20].

В психологической науке фундаментальное значение имели работы Л.С. Выготского, прежде всего «Мышление и речь», где было доказано, что речь не сводится к внешнему выражению мысли, а составляет сложный процесс ее формирования и опосредования [5]. В дальнейшем в исследованиях А.Н. Леонтьева

[11], А.Р. Лурии [14], Н.И. Жинкина [6] и И.А. Зимней [7] понятие «развитие речи» трансформировалось в деятельностный и психолингвистический подходы, что подготовило методологический переход к категориям «речемыслительная деятельность» и «текстовая деятельность».

В современной лингводидактике и психолого-педагогической науке все более отчетливо утверждается представление о речи не как о механическом владении языковыми средствами, а как о сложной, многокомпонентной деятельности, тесно связанной с мышлением, познанием, общением и текстопорождением. В связи с этим традиционный термин «развитие речи», долгое время доминировавший в методике обучения языку, постепенно уступает место более содержательным и научно точным понятиям – «речемыслительная деятельность» и «текстовая деятельность» [11, 23, 25]. Такая терминологическая и концептуальная трансформация отражает изменение самого понимания речевого процесса: от формирования отдельных умений строить фразы и отвечать на вопросы к овладению способами смыслопорождения, построения связного текста и коммуникативного взаимодействия.

Исторически в методике преподавания родного языка понятие «развитие речи» связывалось прежде всего с расширением словаря, овладением грамматическими нормами, формированием навыков правильного произношения, построения предложений и связных высказываний. При этом акцент часто делался на внешней, наблюдаемой стороне речи – на ее правильности, беглости, нормативности. Однако психолингвистические и психофизиологические исследования показали, что речь является не только средством выражения уже готовой мысли, но и формой ее формирования. Мысль не существует в готовом, завершенном виде до речи: она в процессе речевого оформления уточняется, структурируется и приобретает коммуникативную завершенность. Именно это обстоятельство привело к усилению внимания к категории речемыслительной деятельности.

Понятие речемыслительной деятельности позволяет рассматривать речь как единство мышления и языкового воплощения [11]. В этом случае обучение языку понимается не как усвоение изолированных правил, а как организация деятельности, в которой ребенок учится соотносить замысел, смысл, форму и адресата высказывания. Речемыслительная деятельность, таким образом, является целенаправленным процессом порождения и понимания высказывания, в котором мышление служит содержательной основой, а язык – средством реализации мысли [4, 7, 12].

Структурно речемыслительная деятельность включает несколько взаимосвязанных компонентов [2, 11, 21]. Первый компонент – мотив. Он задает внутренний импульс к высказыванию, определяет потребность сообщить, спросить, объяснить, оценить, убедить, описать. Без мотива речевая деятельность теряет свою побудительную основу и превращается в формальное воспроизведение языковых единиц. В педагогической практике особенно важно формировать у обучающихся не только умение говорить, но и потребность говорить: выражать собственное мнение, задавать вопросы, уточнять, аргументировать, делиться наблюдениями.

Второй компонент – речемыслительная задача. Она возникает на основе мотива и предполагает осознание того, что именно необходимо выразить, кому, с какой целью и в какой форме. Речевая задача всегда имеет мыслительный характер, поскольку требует отбора содержания, установления смысловых связей, определения логики изложения. На этом этапе происходит переход от общего коммуникативного намерения к конкретному замыслу высказывания. Например, ребенок может иметь желание рассказать о событии, но для успешной реализации этого желания ему необходимо определить последовательность фактов, выделить главное, подобрать слова и грамматические средства.

Третий компонент – внутреннее программирование. Это скрытая, не всегда осознаваемая стадия построения будущего высказывания, на которой формируется внутренняя схема текста или фразы. Здесь осуществляется смысловое планирование: отбираются опорные смысловые узлы, устанавливаются причинно-следственные, временные, пространственные связи. Внутреннее программирование особенно важно для связного высказывания и текста, поскольку позволяет удерживать целостность замысла на протяжении всего процесса порождения речи.

Четвертый компонент – лексико-грамматическое развертывание. На данном этапе внутренний замысел получает языковое оформление: подбираются слова, выстраиваются синтаксические конструкции, соблюдаются нормы морфологии, согласования, управления, порядка слов. Именно здесь мысль приобретает внешнюю, коммуникативно доступную форму. Однако важно подчеркнуть, что лексико-грамматическое развертывание не является простым «переводом» готовой мысли на язык: оно само влияет на содержание, уточняя и корректируя его.

Если речемыслительная деятельность связана с порождением смысла и его языковой реализацией, то текстовая деятельность представляет собой более высокий уровень организации речевой работы. Текст —

это не сумма предложений, а смысловая и композиционная целостность, объединенная темой, замыслом, структурой и коммуникативной задачей. Следовательно, текстовая деятельность включает не только говорение или письмо как таковые, но и способность планировать, строить, редактировать и интерпретировать текст в соответствии с намерением и адресатом.

Соотношение речемыслительной и текстовой деятельности целесообразно представить в виде цепочки: мысль → внутренняя речь → текст. На уровне мысли возникает содержание будущего высказывания; внутренняя речь обеспечивает его сворачивание, смысловую организацию и подготовку к внешнему выражению; текст выступает как завершенная форма материализации мысли. При этом внутренняя речь выполняет функцию переходного звена между мышлением и внешней речью. Она отличается свернутостью, предикативностью, опорой на смысловые контуры, а не на полное грамматическое оформление. Именно поэтому внутренняя речь является важнейшим психологическим механизмом текстопорождения.

В образовательной практике данное соотношение имеет принципиальное значение. Если обучение ограничивается упражнениями на повторение, подстановку, списывание или воспроизведение готовых образцов, то речемыслительная и текстовая деятельность формируются неполноценно. Для их развития необходимы задания, побуждающие учащегося к самостоятельному смысловому построению высказывания: пересказ с изменением точки зрения, составление рассказа по опорным словам, описание наблюдаемого объекта, объяснение причин явления, создание мини-текста на основе личного опыта. Такие задания развивают не только язык, но и мышление, память, воображение, произвольное внимание, коммуникативную инициативу.

Особую значимость проблемы речемыслительной и текстовой деятельности приобретают в условиях обучения родному башкирскому языку. Башкирский язык как носитель национальной картины мира, культурной памяти и этнопедагогических традиций выступает не только предметом изучения, но и средством формирования личности, ее ценностных ориентаций и речемыслительной культуры. При обучении на родном языке ребенок осваивает не просто языковую систему, но и специфические способы категоризации мира, формы логико-смысловой организации высказывания, традиционные модели текста и речевого поведения.

Специфика речемыслительных процессов на башкирском языке проявляется, прежде всего, в особенностях языковой структуры, в том числе в агглютинативном строении, выраженной роли аффиксации, функциональной значимости порядка слов, богатстве синтаксических средств связи. Эти свойства языка влияют на характер внутреннего программирования и лексико-грамматического развертывания. При порождении текста носитель башкирского языка опирается на собственные языковые и когнитивные модели, которые не всегда совпадают с моделями, типичными для других языков. Это следует учитывать в методике обучения, поскольку перенос чуждых структур без осмысления может затруднять развитие естественной речевой активности [4, 19].

Кроме того, башкирский язык обладает значительным фольклорным, образным и жанровым потенциалом. Пословицы, загадки, сказки, легенды, эпические формы речи являются не только культурным наследием, но и эффективным средством формирования текстовой деятельности. Работа с такими текстами способствует развитию смыслового восприятия, умения выделять тему и основную мысль, определять композицию, интерпретировать образный смысл, соотносить содержание с личным опытом. Через фольклорный и художественный материал особенно успешно формируется переход от отдельной реплики к целостному тексту.

С психолого-педагогической точки зрения развитие речемыслительной и текстовой деятельности на башкирском языке должно строиться на принципах возрастной доступности, опоры на активную деятельность, диалогичности, культуросообразности и постепенного усложнения речевых задач. Необходимо создавать такие условия, при которых ребенок не только воспроизводит готовые конструкции, но и самостоятельно конструирует смысл, выбирает языковые средства, оценивает результат собственной речевой работы. В этом контексте особую роль играют проблемные вопросы, коммуникативные задания, работа с текстом как с единицей смысла, а также упражнения на преобразование текста: сокращение, распространение, перестройку, озаглавливание, составление плана.

Таким образом, эволюция понятий от «развития речи» к «речемыслительной деятельности» и «текстовой деятельности» отражает переход к более глубокому и деятельностному пониманию языка в образовании. Речь рассматривается как форма мышления, а текст – как результат сложного процесса смыслопорождения и языкового оформления. Структура речемыслительной деятельности включает мотив, речемыслительную задачу, внутреннее программирование и лексико-грамматическое развертывание, что

позволяет объяснить механизм перехода от замысла к высказыванию. Соотношение «мысль → внутренняя речь → текст» раскрывает психологическую природу текstopорождения и задает методические ориентиры для обучения. В условиях родного башкирского языка данные процессы приобретают особую значимость, поскольку способствуют не только языковому, но и интеллектуальному, культурному и личностному развитию обучающегося.

Выводы

Понятие «развитие речи» в истории педагогической мысли эволюционировало от представлений о формировании отдельных речевых навыков к пониманию речи как сложной деятельности, тесно связанной с мышлением и текстообразованием.

Речемыслительная деятельность включает мотив, речемыслительную задачу, внутреннее программирование и лексико-грамматическое развертывание высказывания.

Текстовая деятельность представляет собой более высокий уровень организации речи, поскольку предполагает создание смысловой и композиционной целостности.

Соотношение речемыслительной и текстовой деятельности целесообразно описывать через последовательность: мысль → внутренняя речь → текст.

В методике обучения языку, в том числе башкирскому, необходимо ориентироваться на развитие у обучающихся способности самостоятельно порождать смысл, строить связное высказывание и создавать текст в соответствии с коммуникативной задачей.

Формирование речемыслительной и текстовой деятельности требует опоры на принципы возрастной доступности, диалогичности, культуросообразности и постепенного усложнения речевых заданий.

Список источников

1. Аристотель. Поэтика. Риторика. М.: Азбука, 2025. С. 200 – 320.
2. Ахутина Т.В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. М.: Издательство Юрайт, 2025. С. 30 – 188.
3. Белянин В.П. Психоллингвистика: учебник и практикум для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2023. С. 20 – 420.
4. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 5 – 448.
5. Выготский Л.С. Мышление и речь. СПб.: Питер, 2023. С. 30 – 450.
6. Жинкин Н.И. Психология речи: избр. труды. М.: Лабиринт, 2009. С. 10 – 285.
7. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. М.: Просвещение, 1989. С. 34 – 36.
8. Квинтилиан М.Ф. Обучение оратора. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 274 с.
9. Коменский Я.А. Великая дидактика // Избранные педагогические сочинения: в 2 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. 656 с.
10. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 208 с.
11. Леонтьев А.А. Психоллингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969. С. 42 – 48.
12. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. 4-е изд., стер. М.: КомКнига, 2007. С. 67 – 108.
13. Локк Дж. Мысли о воспитании // Сочинения : в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 407 – 608.
14. Лурия А.Р. Язык и сознание / под ред. Е.Д. Хомской. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 20 – 190.
15. Песталоцци И.Г. Метод. Памятная записка Песталоцци // Избранные педагогические сочинения: в 2 т. М.: Педагогика, 1981. Т. 2. С. 60 – 140.
16. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.: Римис, 2008. С. 25 – 250.
17. Платон. Диалоги. М.: АСТ, 2022. С. 15 – 320.
18. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании // Избранные сочинения: в 3 т. М.: Гослитиздат, 1961. Т. 1. С. 3 – 645.
19. Саяхова Л.Г. Методология и методика лингвокультурологического анализа текста и обучения языкам: учеб. пособие. Уфа: Изд-во БашГУ, 2010. С. 14 – 19.
20. Толстой Л.Н. О методах обучения грамоте // Толстой Л.Н. Педагогические сочинения. М.: Просвещение, 1989. С. 45 – 78.

21. Ушакова Т.Н. Рождение слова: Нейрофизиологические механизмы и психологические закономерности развития речи. М.: Ин-т психологии РАН, 2011. С. 3 – 520.
22. Ушинский К.Д. Родное слово: Кн. для учащихся // Избранные педагогические сочинения: в 2-х т. М.: Педагогика, 1974. Т. 2. С. 3 – 435.

References

1. Aristotle. Poetics. Rhetoric. Moscow: Azbuka, 2025. pp. 200–320.
2. Akhutina T.V. Speech Generation. Neurolinguistic Analysis of Syntax. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. P. 30 – 188.
3. Belyanin V.P. Psycholinguistics: Textbook and Workshop for Universities. 4th revised and enlarged edition. Moscow: Yurait Publishing House, 2023. P. 20 – 420.
4. Buslaev F.I. On Teaching the National Language. 2nd edition. Moscow: LIBROKOM Book House, 2010. P. 5 – 448.
5. Vygotsky L.S. Thinking and Speech. St. Petersburg: Piter, 2023. P. 30 – 450.
6. Zhinkin N.I. Psychology of Speech: Selected Works. Moscow: Labyrinth, 2009. P. 10 – 285.
7. Zimnyaya I.A. Psychology of Teaching a Foreign Language. Moscow: Prosveshchenie, 1989. P. 34 – 36.
8. Quintilian M.F. Orator Training. Moscow: Librokom Book House, 2011. 274 p.
9. Komensky Ya.A. The Great Didactics. Selected Pedagogical Works: in 2 volumes. Moscow: Pedagogika, 1982. Vol. 1. 656 p.
10. Kubryakova E.S. In Search of the Essence of Language: Cognitive Research. Moscow: Znak, 2012. 208 p.
11. Leontiev A.A. Psycholinguistic Units and the Generation of Speech Utterances. Moscow: Nauka, 1969. P. 42 – 48.
12. Leontiev A.A. Language, Speech, Speech Activity. 4th ed., reprinted. Moscow: KomKniga, 2007. P. 67 – 108.
13. Locke J. Thoughts on Education. Works: in 3 volumes. Moscow: Mysl, 1988. Vol. 3. P. 407 – 608.
14. Luria A.R. Language and Consciousness. edited by E. D. Khomskaya. Rostov-on-Don: Phoenix, 1998. P. 20 – 190.
15. Pestalozzi I. G. Method. Pestalozzi's Memorandum. Selected Pedagogical Works: in 2 volumes. Moscow: Pedagogy, 1981. Vol. 2. P. 60 – 140.
16. Piaget J. The Speech and Thinking of the Child. Moscow: Rimis, 2008. P. 25 – 250.
17. Plato. Dialogues. Moscow: AST, 2022. P. 15 – 320.
18. Rousseau J.-J. Emile, or On Education. Selected Works: in 3 volumes. Moscow: Goslitizdat, 1961. Vol. 1. P. 3 – 645.
19. Sayakhova L.G. Methodology and Methods of Linguocultural Analysis of the Text and Language Teaching: a tutorial. Ufa: Bashkir State University Publishing House, 2010. P. 14 – 19.
20. Tolstoy L.N. On Methods of Teaching Literacy. Pedagogical Works. Moscow: Prosveshchenie, 1989. P. 45 – 78.
21. Ushakova T.N. The Birth of a Word: Neurophysiological Mechanisms and Psychological Patterns of Speech Development. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 2011. P. 3 – 520.
22. Ushinsky K.D. Native Word: A Book for Students. Selected Pedagogical Works: in 2 volumes. Moscow: Pedagogy, 1974. Vol. 2. P. 3–435.

Информация об авторе

Гумерова Ф.Ф., кандидат педагогических наук, доцент, Уфимский университет науки и технологий

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

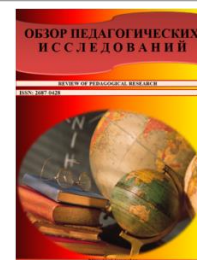
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)

УДК 378.147

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-225-230

Сравнительный анализ подходов к решению качественных задач по физике обучающихся различных профилей подготовки

¹ Богомолов Е.А., ¹ Ларина Т.В., ² Щербина Ю.Д.,
¹ Воронежский государственный педагогический университет,
² Воронежский государственный университет

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы различных способов мышления школьников в рамках решения качественных задач. Основным целью исследования было определить особенности когнитивных подходов при решении учениками средней обще образовательной школы качественных задач по физике и составить рекомендации для учителей по повышению навыков научного объяснения физических явлений. Исследование проводилось на основе письменных ответов 192 обучающихся 9-11 классов (45 – гуманитарный профиль, 62 – естественно-научный профиль, 85 – информационно-технологический профиль). Проанализированы объяснения пяти повседневных физических явлений. Выявлено, что обучающиеся профильных классов демонстрируют более высокий уровень построения логических цепочек, использования физических понятий и описания механизмов, чем другие профили.

Даны рекомендации для внедрения качественных задач в рамках когнитивных стратегий построения логических рассуждений для обучающихся 9-11 классов различных профилей обучения.

Ключевые слова: когнитивные стратегии, методика обучения физике, педагогические технологии, качественные задачи

Для цитирования: Богомолов Е.А., Ларина Т.В., Щербина Ю.Д. Сравнительный анализ подходов к решению качественных задач по физике обучающихся различных профилей подготовки // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 225 – 230. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-225-230

Поступила в редакцию: 13 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

A comparative analysis of approaches to solving qualitative problems in physics for students of various training profiles

¹ Bogomolov E.A., ¹ Larina T.V., ² Shcherbina Yu.D.,
¹ Voronezh State Pedagogical University,
² Voronezh State University

Abstract: this article examines the various ways schoolchildren think when solving qualitative problems. The primary goal of the study was to identify the characteristics of cognitive approaches used by secondary school students when solving qualitative physics problems and to develop recommendations for teachers to improve their skills in scientifically explaining physical phenomena. The study was conducted based on written responses from 192 students in grades 9-11 (45 in the humanities, 62 in the natural sciences, and 85 in the information technology program). Explanations of five everyday physical phenomena were analyzed. It was found that students in the spe-

cialized classes demonstrated a higher level of logical reasoning, the use of physical concepts, and the description of mechanisms than students in other programs.

Recommendations are given for the implementation of high-quality tasks within the framework of cognitive strategies for constructing logical reasoning for students in grades 9-11 of various educational profiles.

Keywords: cognitive strategies, physics teaching methods, educational technologies, qualitative tasks

For citation: Bogomolov E.A., Larina T.V., Shcherbina Yu.D. A comparative analysis of approaches to solving qualitative problems in physics for students of various training profiles. *Review of Pedagogical Research*. 2026. 8 (6). P. 225 – 230. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-225-230

The article was submitted: April 13, 2026; Approved after reviewing: May 11, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

В рамках модернизации естественно-научного образования особое внимание уделяется формированию предметных компетенций обучающихся. Согласно федеральным государственным образовательным стандартам [7], обучающиеся должны овладеть следующими компетенциями:

- когнитивный компонент: использование физических понятий, различение явлений, распознавание их проявлений;
- деятельностный компонент: описание свойств тел и явлений с использованием физических величин;
- аналитический компонент: характеристика явлений через физические законы;
- практико-ориентированный компонент: объяснение явлений в контексте реальных ситуаций.

Особое внимание в данной интерпретации федерального государственного стандарта [7, 8] уделяется описанию физических явлений в повседневной жизни. Самый простой способ реализации данных компонентов выступает использование качественных задач в школьном курсе. Качественные задачи представляют собой особый класс заданий, требующих объяснения физических явлений на основе логических умозаключений без применения математических расчётов [2, 4].

Такие задачи показывают, насколько хорошо человек понимает физику, даже если в задаче нет вычислений. Предположим, что в классах с информационно-технологическим уклоном (ИТ-классы) мышление более комбинаторное, алгоритмическое и аналитическое, а в социально-гуманитарных классах – более образно-эмоциональное, творческое и контекстуальное мышление, ориентированное на эмоции, философские смыслы и культуру человека [3]. Сегодня распределение в такие классы происходит на старшей ступени обучения, то чаще всего школьники уже профессионально определились, поэтому у них уже практически сформировалось требуемое мышление [9]. Это мы решили проверить экспериментально.

Целью настоящей работы является проверка сформированного профессионального мышления обучающихся и создания рекомендаций педагогам для внедрения качественных задач в рамках когнитивных стратегий построения логических рассуждений для обучающихся 9-11 классов различных профилей обучения. Ниже будут обсуждены результаты исследования в соответствии с определенными критериями мышления школьников и представлены рекомендации для учителей.

Материалы и методы исследований

К настоящему времени накоплено значительное количество теоретических и практических исследований по методике преподавания физике и использования качественных задач в школьном курсе. Разработкой методологических основ применения качественных задач в курсе физике занимались: И.И. Соколов, А.В. Перышкин, С.Е. Каменцкий, А.П. Знаменский, Б.М. Яворский, В.Ф. Юськович, Я.И. Пелерман, Н.С. Пурешева, Н.В. Шаронова, Д.А. Исаев, Н.Е. Ванеевская, Ю.А. Сауров, М.Е. Тульчинский, А.В. Усова, В.Н. Мошанский, Д.А. Кухарский, С.Н. Скороходова и др. [1, 2, 3, 4, 5, 6].

Несмотря на широкую методическую освещённость в педагогической и методической литературе использования качественных задач в обучении у большинства учителей нередко вызывают вопросы, а чаще всего применение таких задач на уроках просто игнорируются. Особые сложности возникают при подборе задач согласно темам или дидактическим единицам, возрастным особенностям обучающихся и профилем их подготовки, что и определяет одну из проблем современной методики изучения физики [9]. В рамках данной проблемы мы провели исследование по решению учениками 9-11 классов различных профилей подготовки ряда качественных задач и возможностей отслеживания способов рассуждения при их решении. В исследовании приняли участие 192 обучающихся 9-11 классов (45 – гуманитарный профиль, 62 – естественно-научный профиль, 85 – информационно-технологический профиль) школ города Воронежа.

Основными предположениями в рамках различия мышления у обучающихся были следующие типы:

- гуманитарный профиль: преобладание описательного подхода, опора на интуицию, использование бытовой лексики.
- естественно-научный профиль: сочетание образного мышления с базовыми физическими понятиями.
- технический профиль: алгоритмический и аналитический подход, детальное описание механизмов.

В исследовании приняли участие обучающиеся следующих профилей:

- социально-гуманитарный (педагогические, филологические, медиа направления);
- естественно-научный (биолого-химический профиль);
- физико-математический (технологический, инженерный).

Для решения поставленных задач применялись следующие методы исследования:

- теоретические: анализ методической, педагогической, психологической литературы, нормативно-правовой документации, регламентирующую организацию образовательного процесса в школе и отбора содержания образования по учебному предмету «Физика»;
- эмпирические: наблюдение, опрос, эксперимент.

Обучающимся были предложены следующие задачи:

- Почему хрустит снег, когда на него наступаешь?
- Почему лопается стакан от горячей воды?
- Как тело, брошенное вверх, падает обратно?
- Почему клей не всегда клеится к упаковке?
- Что за звук издает кипящий чайник?

Данные вопросы очень хорошо показывают, как работают законы физики в природе. Разбирая такие примеры обучающиеся, начинают понимать, что обычные вещи связаны с основными законами физики, и это помогает всем лучше понимать мир вокруг.

Результаты и обсуждения

В ходе анализа результатов, стало ясно, что люди с разным набором учебных предметов по-разному объясняют физические явления. Те, кто учатся в гуманитарном профиле, обычно пользуются общими словами. Они больше описывали то, что видели бытовым языком («пузырьки появились», «материал сломался» и т.д.). Их ответы часто были короткими, иногда смешными или вообще выдуманными, и редко кто глубоко разбирался в причинах и следствиях происходящих явлений. А вот обучающиеся в профильных классах объясняли все намного подробнее. Они чаще упоминали конкретные физические процессы и различные параметры. Описывали, как разрушаются кристаллы снега и выходит воздух, что материалы нагреваются по-разному, объясняли, как тепло передается, как воздух мешает и что происходит снаружи, про полимеры и растворители, а еще про то, как пузырьки лопаются, когда вода кипит. Им важно было описать все целиком, описать цепочку процесса полностью, не вдаваясь в причины и теоретическое объяснение.

Изучение показательных цитат респондентов по конкретным вопросам даёт возможность чётче увидеть различия в логике и глубине понимания физики. Например, при обсуждении причин хруста снега, у обучающихся гуманитарного профиля можно встретить как шуточные и выдуманные объяснения, так и редкие, но важные примеры правильного научного подхода, где упоминается разрушение связей в кристаллической решётке льда. В ответах обучающихся профильного класса – это явление обычно описывается как единый процесс: разрушение кристаллов снега и наличие воздуха между ними, связывая звук с микроструктурой снега. В ответах обучающихся этого профиля на вопрос о том, почему стакан трескается от кипятка, чаще встречаются общие фразы, например, «не выдерживает» или «стекло нагревается». Но некоторые дают более точные объяснения, связывая это с тем, что стекло нагревается неравномерно, и внутренняя и внешняя поверхности расширяются по-разному. В тоже время обучающиеся профильных классов в основном приводят именно этот механизм, плюс говорят о низкой теплопроводности стекла и неравномерном распределении тепла, поэтому их ответы самые обоснованные. Ученики физико-математического профиля стараются связать представляемое явление с конкретным законом или теорией.

В задаче о броске мяча вверх сразу видна разница в подходах к рассуждению. Ученики социально-гуманитарного профиля часто дают ответы, связанные с повседневным опытом, упоминая притяжение, случайности или личное мнение. А вот те, кто хорошо знает законы физики (физико-математические и естественно-научные профили), обращают внимание на сопротивление воздуха, другие воздействия и то, как именно был сделан бросок. Многие из учеников данных профилей даже демонстрируют понимание инерциальных систем, чётко объясняя, когда мяч вернётся в руку, а когда нет.

Похожие ответы можно увидеть, когда людей спрашивают, почему клей не липнет к упаковке. Многие дают простые объяснения, которые обычно включают идеи об отсутствии воздуха, герметичности или о том, что клей твердеет, когда касается воздуха. Иногда эти объяснения звучат очень наивно и по-детски. Обучающиеся биолого-химического профиля, принимают во внимание химический состав клея, как он становится полимером, как его хранят и как внутренняя часть упаковки может быть обработана. Это помогает им давать более точные и подробные ответы. Ученики физико-математического профиля пытаются объяснить данную задачу с точки зрения молекулярно-кинетической теории.

В итоге, когда спрашивают про звук кипящего чайника, люди с общими знаниями обычно думают про нагреватель, газ или лопающиеся пузыри. Они не видят разницы между тем, как чайник кипит на разных этапах. А вот те, кто разбирается в теме, говорят о шуме от пузырьков пара, о том, как пар проходит через свисток, и о том, что пузыри лопаются в рамках кавитации. Эти ответы показывают, что знания в естественных науках важны не только для правильного ответа, но и для того, чтобы объяснять физические явления логично и понятно.

В табл. 1 представлены более наглядно полученные результаты исследования.

Таблица 1

Статистический анализ.

Table 1

Statistical analysis.

Показатель	Гуманитарный	Естественно-научный	Технический
Упоминание физических механизмов	28%	57%	84%
Глубина объяснения (баллы)	2,3	3,6	4,6
Ошибочные ответы	42%	23%	0%
Учет дополнительных факторов	16%	49%	78%
Использование научной терминологии	18%	45%	84%
Логическая связность ответа (баллы)	1,9	3,3	4,9
Логическая связность ответа (баллы)	2,1	3,5	4,7

Анализ ответов показал существенные различия в когнитивных стратегиях. Обучающиеся гуманитарного профиля используют когнитивные стратегии, направленные на экспрессию и эмоциональные изменения, и переосмысление, а обучающиеся профильных классов на когнитивные стратегии направленные на анализ, принятие и понимание ситуации. В связи с этим нужно у обучающихся разных профилей работать над развитием и тренировкой различных видов когнитивных стратегий.

Выводы

Исследование демонстрирует, что профиль обучения существенно влияет на формирование физического мышления. Обучающиеся естественно-научного и физико-математического профилей демонстрируют промежуточный уровень развития аналитических навыков, сочетая образное мышление с базовыми физическими концепциями, а ученики социально-гуманитарного профиля демонстрируют уровень развития ментального моделирования. Педагогическими рекомендациями для учителей, работающих в данных профилях, для развития различных когнитивных стратегий выступают:

1. Дифференциация обучения: учет особенностей мышления различных профилей;
2. Визуализация: использование демонстрационного эксперимента или видеозадач;
3. Контекстное обучение: связь физических явлений с повседневной жизнью;
4. Развивающее обучение: формирование навыков научного объяснения;
5. Междисциплинарный подход: интеграция естественно-научных знаний;
6. Проблемное обучение: создание ситуаций познавательного конфликта.

Результаты исследования подтверждают необходимость разработки специализированных методических материалов для различных профилей обучения. Особое внимание следует уделить формированию навыков научного объяснения физических явлений у обучающихся гуманитарного и естественно-научного профилей. Рекомендуется внедрение системно-деятельностного подхода с акцентом на развитие критического мышления и формирование целостной научной картины мира.

Список источников

1. Данилова О.Ю., Телкова С.А., Ларина Т.В. Использование игровых технологий при обучении комбинаторике в образовательных организациях высшего образования МВД России // Обзор педагогических исследований. 2024. Т. 6. № 8.
2. Кухарский Д.А. Решение качественных задач на уроках физики как эффективная методика по преодолению негативных проявлений "клипового мышления" // Universum: психология и образование. 2022. № 2 (92). С. 4 – 6; С. 182 – 189. DOI 10.58224/2687-0428-2024-6-8-182-189
3. Ларина Т.В. Формирование астрофизических понятий в курсе физики профильной школы // Школа будущего. 2008. № 3. С. 85 – 90.
4. Павлишина И.Н. Качественные задачи по физике как активный метод обучения // Вестник науки и образования. 2019. № 17 (71). С. 64 – 67.
5. Пурешева Н.С., Исаев Д.А. Актуальные проблемы школьного физического образования в Российской Федерации // Педагогическое образование в России. 2020. № 6. С. 8 – 15.
6. Скороходова С.Н. Роль качественных задач при изучении школьного курса физики // Программный комитет. 2017. С. 85.
7. Приказ Минобрнауки России от 17.05.2012 N 413 (ред. от 12.02.2025) "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования" (Зарегистрировано в Минюсте России 07.06.2012 N 24480) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131131/ (дата обращения: 16.03.2026)
8. Федеральная рабочая программа по учебному предмету «Физика» (базовый уровень). 10-11 классы: утв. Минпросвещения РФ. М., 2025. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2025/07/2025_soo_frp_fizika_10_11_baz.pdf (дата обращения: 16.03.2026)
9. Тошпулатова Ш.О., Ибрагимов Х.И. Проблема развития научного и логического стилей мышления учащихся при обучении физике // Актуальные проблемы современной науки. 2012. № 4 (66). С. 57 – 64.
10. Шимко Е.А., Утемесов Р.М. Качественные задачи по физике // Научно-педагогический журнал "Учитель Алтая". 2025. № 1 (22). С. 46 – 53.
11. Ainsworth R. et al. Malleable minds: The effects of STEM-vs. humanities-focused curricula // National Bureau of Economic Research, 2025. № w34502.
12. Borg Preca C. et al. Are STEM students creative thinkers? // Journal of Intelligence. 2023. Vol. 11. № 6. С. 106.
13. Sokolowski H. M. et al. Visual imagery and STEM occupational attainment: Gender matters // Personality and Individual Differences. 2026. Vol. 250. P. 113552.

References

1. Danilova O.Yu., Telkova S.A., Larina T.V. Using Game Technologies in Teaching Combinatorics in Higher Education Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Review of Pedagogical Research. 2024. Vol. 6. No. 8.
2. Kukharsky D.A. Solving Qualitative Problems in Physics Lessons as an Effective Method for Overcoming Negative Manifestations of "Clip Thinking". Universum: Psychology and Education. 2022. No. 2 (92). P. 4 – 6; P. 182 – 189. DOI 10.58224/2687-0428-2024-6-8-182-189
3. Larina T.V. Formation of Astrophysical Concepts in the Physics Course of a Specialized School. School of the Future. 2008. No. 3. P. 85 – 90.
4. Pavlishina I.N. Qualitative Physics Problems as an Active Teaching Method. Bulletin of Science and Education. 2019. No. 17 (71). P. 64 – 67.
5. Puryшева N.S., Isaev D.A. Actual Problems of School Physics Education in the Russian Federation. Pedagogical Education in Russia. 2020. No. 6. P. 8 – 15.
6. Skorokhodova S.N. The Role of Qualitative Problems in Studying the School Physics Curriculum. Program Committee. 2017. P. 85.
7. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated May 17, 2012 N 413 (as amended on February 12, 2025) "On Approval of the Federal State Educational Standard of Secondary General Education" (Registered in the Ministry of Justice of the Russian Federation on June 7, 2012 N 24480) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131131/ (date of access: 16.03.2026)
8. Federal Working Program for the Subject "Physics" (Basic Level). Grades 10-11: approved by the Ministry of Education of the Russian Federation. M., 2025. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2025/07/2025_soo_frp_fizika_10_11_baz.pdf (date of access: 16.03.2026)

9. Toshpulatova Sh.O., Ibragimov Kh.I. The Problem of Developing Scientific and Logical Thinking Styles of Students in Teaching Physics. Actual Problems of Modern Science. 2012. No. 4 (66). P. 57 – 64.
10. Shimko E.A., Utemesov R.M. Qualitative Problems in Physics. Scientific and Pedagogical Journal "Teacher of Altai". 2025. No. 1 (22). P. 46 – 53.
11. Ainsworth R. et al. Malleable minds: The effects of STEM-vs. humanities-focused curriculum. National Bureau of Economic Research, 2025. No. w34502.
12. Borg Preca C. et al. Are STEM students creative thinkers? Journal of Intelligence. 2023. Vol. 11. No. 6. P. 106.
13. Sokolowski H.M. et al. Visual imagery and STEM occupational attainment: Gender matters. Personality and Individual Differences. 2026. Vol. 250. P. 113552.

Информация об авторах

Богомолов Е.А., аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-3299-9870>, Воронежский государственный педагогический университет, zhen4eek@gmail.com

Ларина Т.В., кандидат педагогических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3942-4313>, Воронежский государственный педагогический университет, tatilari06@rambler.ru

Щербина Ю.Д., аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-9044>, Воронежский государственный университет scherbina@phys.vsu.ru

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

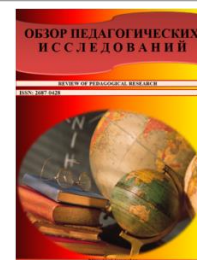
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.6. Оздоровительная и адаптивная физическая культура (педагогические науки)

УДК 796.332:616.71-001

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-231-237

Влияние травм скелета на спортивную карьеру профессиональных футболистов

¹ Самборский А.Г., ¹ Хшеиш Хумам,
¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация: данная научная статья посвящена комплексному анализу влияния травм скелета на профессиональную карьеру футболистов, рассматриваемого через призму педагогических и физиологических аспектов восстановления. В работе подробно исследуются специфические особенности педагогического сопровождения на всех ключевых этапах реабилитации: от раннего иммобилизационного периода до момента полного возвращения спортсмена в соревновательную деятельность. Автором детально описаны механизмы психологической адаптации атлета к условиям вынужденного ограничения двигательной активности, а также методики прогрессивного дозирования физических нагрузок в зависимости от динамики восстановления костной ткани. Особое внимание уделено интеграции методов оздоровительной физической культуры и цифрового мониторинга для сокращения сроков восстановления и минимизации рисков рецидивов.

Ключевые слова: травмы скелета, профессиональный футбол, спортивная карьера, восстановление, профилактика травматизма, опорно-двигательный аппарат, реабилитация

Для цитирования: Самборский А.Г., Хшеиш Хумам Влияние травм скелета на спортивную карьеру профессиональных футболистов // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 231 – 237. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-231-237

Поступила в редакцию: 13 апреля 2026 г.;
Одобрена после рецензирования: 11 мая 2026 г.;
Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

The impact of skeletal injuries on the sports career of professional football players

¹ Samborsky A.G., ¹ Hshesh Humam,
¹ Belgorod State National Research University

Abstract: this scientific article provides a comprehensive analysis of the impact of skeletal injuries on the professional careers of football players, examined through the lens of the pedagogical and physiological aspects of recovery. The paper examines in detail the specific features of pedagogical support at all key stages of rehabilitation: from the early immobilization period to the athlete's full return to competitive activity. The author describes in detail the mechanisms of an athlete's psychological adaptation to forced physical restriction, as well as methods for progressively dosing physical activity based on the dynamics of bone tissue recovery. Particular attention is paid to the integration of health-improving physical education methods and digital monitoring to shorten recovery time and minimize the risk of relapse.

Keywords: skeletal injuries, professional football, sports career, recovery, injury prevention, musculoskeletal system, rehabilitation

For citation: Samborsky A.G., Hshesh Humam *The impact of skeletal injuries on the sports career of professional football players. Review of Pedagogical Research.* 2026. 8 (6). P. 231 – 237. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-231-237

The article was submitted: April 13, 2026; Approved after reviewing: May 11, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Профессиональный футбол в современных условиях характеризуется предельной интенсивностью соревновательной деятельности, плотным календарем матчей и постоянно растущими физическими требованиями к организму атлета. Следствием такой нагрузки является неизбежный рост травматизма, где скелетные повреждения (переломы, трещины, стресс-реакции) занимают особое место ввиду своей сложности и длительности периода восстановления. Согласно статистическим данным, на долю повреждений костных структур приходится до 32% от общего числа травм в элитных дивизионах, причем около 83% из них локализованы в нижних конечностях.

Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что простого клинического заживления – консолидации костной ткани – недостаточно для успешного возвращения футболиста к полноценной соревновательной деятельности. Длительная иммобилизация неизбежно ведет к атрофии мышечного аппарата, снижению проприоцептивной чувствительности и глубокой деформации двигательных стереотипов. В результате спортсмен часто возвращается на поле с измененной биомеханикой, чтократно повышает риск рецидивов или возникновения компенсаторных травм.

Особую сложность представляет прогностическая оценка профессиональной пригодности игрока. Существующие клинические протоколы часто не учитывают психологические барьеры, такие как кинезиофобия (страх повторной травмы), которая фиксируется у 40-60% атлетов и существенно снижает эффективность их игровых действий. В этом контексте интеграция методов оздоровительной физической культуры становится необходимым элементом реабилитации. В отличие от форсированных методов классического спортивного восстановления, оздоровительная физкультура фокусируется на гармонизации функций организма, восстановлении нейромышечного контроля и укреплении адаптационных резервов, что критически важно для сохранения спортивного долголетия, особенно у футболистов старшей возрастной группы. Таким образом, целью данной работы является системный анализ факторов, определяющих точность прогноза возвращения футболиста в строй, и обоснование комплексного подхода к реабилитации на основе современных медико-педагогических и цифровых технологий.

Материалы и методы исследований

В исследовании использован системный анализ данных медицинских штабов клубов РПЛ за период 2022-2025 гг. [3]. Для оценки качества консолидации костной ткани применялась двухэнергетическая рентгеновская абсорбциометрия [4]. Биомеханический контроль осуществлялся с помощью инерциальных измерительных модулей (IMU), фиксирующих асимметрию нагрузки в реальном времени [5]. Статистическая обработка данных проводилась с использованием корреляционного анализа и логистической регрессии для построения прогностических моделей [6].

Эпидемиология травматизма в профессиональном футболе

Профессиональный футбол относится к видам спорта с максимальной травмоопасностью. Ежегодно около 65-70% игроков элитных дивизионов сталкиваются с различными повреждениями, требующими медицинского вмешательства [3]. Скелетные травмы составляют примерно 28-32% от общего числа повреждений в футболе, однако именно они чаще всего становятся причиной преждевременного завершения карьеры.

Исследование структуры повреждений показывает, что восстановление квалифицированных атлетов в игровых видах спорта требует комплексного медико-педагогического сопровождения, особенно при травмах нижних конечностей. Т. В. Бирюкова подчеркивает, что эффективность возвращения в строй напрямую зависит от синергии реабилитационных мероприятий на всех этапах восстановления [8].

Статистика Российской премьер-лиги за период 2023-2025 годов демонстрирует устойчивую тенденцию роста количества тяжёлых травм опорно-двигательного аппарата. В сезоне 2024/2025 было зафиксировано 147 случаев серьёзных повреждений костной системы у футболистов клубов высшего дивизиона [5]. Это на 18% больше, чем в предыдущем сезоне. Увеличение травматизма эксперты связывают с уплотнением календаря соревнований и возросшими физическими нагрузками на организм спортсменов.

Наиболее уязвимыми зонами скелета футболиста являются голеностопный сустав, кости стопы, большеберцовая и малоберцовая кости, а также бедренная кость. На долю травм нижних конечностей приходится около 83% всех скелетных повреждений. Переломы костей стопы (преимущественно плюсневых костей) составляют 34% случаев. Травмы голени – 29%. Повреждения бедренной кости встречаются реже – около 12%, но именно они характеризуются наиболее длительным периодом восстановления и высоким риском осложнений [7].

Впрочем, эта статистика справедлива не для всех игровых амплуа. Защитники получают травмы скелета в 1,4 раза чаще, чем полузащитники, что объясняется спецификой их игровой деятельности – большим количеством силовых единоборств и подкатов. Вратари, напротив, реже сталкиваются с переломами конечностей, однако у них выше риск травм позвоночника и рёбер при столкновениях.

Временной фактор также играет существенную роль. Большинство серьёзных травм происходит в последние 20-25 минут каждого тайма, когда накапливается усталость и снижается концентрация внимания. В этот период риск получения перелома возрастает в 2,3 раза по сравнению с началом матча [3]. Зимний период в российских условиях характеризуется дополнительными рисками из-за состояния игровых покрытий и температурных факторов.

Механизмы возникновения и типология скелетных повреждений

Скелетные травмы в футболе можно разделить на две основные категории: острые (травматические) и хронические (усталостные). Первые возникают в результате внезапного воздействия значительной силы – удара, столкновения, неудачного приземления. Вторые развиваются постепенно вследствие многократных микроповреждений костной ткани при систематических перегрузках.

Острые переломы чаще всего происходят при контактных эпизодах. Прямой удар по голени соперника, подворот стопы в момент силового единоборства, столкновение на высокой скорости – типичные ситуации, приводящие к травматическим повреждениям скелета. Особенно опасны так называемые «бутсовые» травмы, когда шипы обуви одного игрока попадают на голень или стопу другого при подкате. Такие эпизоды нередко заканчиваются открытыми переломами с повреждением мягких тканей.

Существенную роль в профилактике и коррекции биомеханических нарушений после переломов играет проприоцептивная тренировка. Она способствует восстановлению естественной механики бега и прыжков, которая часто деформируется вследствие длительной иммобилизации и страха повторного повреждения [9].

Стресс-переломы представляют собой отдельную проблему. Эти повреждения развиваются исподволь, без явной травмы. Футболист может не сразу осознать серьёзность ситуации, продолжая тренироваться через боль. Наиболее подвержены стресс-переломам плюсневые кости стопы и большеберцовая кость. По данным медицинского центра «Спартак», именно усталостные переломы стали причиной длительного отсутствия семи игроков основного состава в сезоне 2024/2025 [1].

Факторы риска здесь многочисленны. Резкое увеличение объёма или интенсивности тренировок. Недостаточное потребление кальция и витамина D. Гормональные нарушения. Особенности биомеханики стопы. Неправильно подобранная обувь. Качество игрового покрытия также имеет значение: твёрдые искусственные поля увеличивают ударную нагрузку на скелет при беге и прыжках [4].

Переломы лодыжек заслуживают отдельного упоминания. Эта травма особенно коварна из-за сложной анатомии голеностопного сустава. Даже при успешном срастании костей нередко остаётся нестабильность сустава, что повышает риск повторных травм. Исследование, проведённое в ЦИТО имени Н.Н. Приорова, показало: у 42% футболистов после перелома лодыжки в течение двух лет происходит повторное серьёзное повреждение того же сустава [7].

Результаты и обсуждения

Последствия для спортивной карьеры и факторы прогноза

Влияние скелетной травмы на карьеру футболиста определяется множеством факторов. Локализация и тип перелома. Своевременность и качество медицинской помощи. Индивидуальные особенности организма. Возраст спортсмена. Психологическая готовность к длительной реабилитации. Всё это в совокупности формирует прогноз возвращения к профессиональной деятельности.

Современные темпы цифровизации позволяют использовать специализированные ИТ-инструменты для мониторинга процесса реабилитации. Цифровое педагогическое сопровождение даёт возможность объективизировать контроль за состоянием атлета и более точно прогнозировать сроки его возвращения к максимальным нагрузкам [10].

Временные потери варьируются в широких пределах. Простой перелом плюсневой кости без смещения может потребовать 6-8 недель для консолидации и ещё 3-4 недели для восстановления функциональных

возможностей. В итоге – около трёх месяцев вне игры. Сложный перелом голени со смещением отломков и повреждением мягких тканей способен вывести футболиста из строя на 8-12 месяцев. А в некоторых случаях возвращение на прежний уровень становится невозможным [5].

Статистика возвращаемости после различных типов травм выглядит неоднозначно. После стресс-переломов плюсневых костей к полноценной игровой деятельности возвращаются около 92% футболистов. Средний срок отсутствия – 10-14 недель. Прогноз при переломах лодыжек менее оптимистичен: лишь 78% игроков восстанавливают прежний уровень, а 15% вынуждены завершить карьеру в течение двух лет после травмы [7]. При переломах диафиза большеберцовой кости показатели ещё хуже – полное восстановление наблюдается только у 65-70% пострадавших.

Многие футболисты этой возрастной группы, получившие серьёзную травму скелета, либо не возвращаются к игре вообще, либо не могут достичь прежних показателей производительности [1].

Психологический аспект нередко оказывается решающим. Страх перед повторной травмой, неуверенность в собственных возможностях, длительное отсутствие соревновательной практики – всё это серьёзно влияет на готовность спортсмена к возвращению. Некоторые футболисты после тяжёлых переломов избегают агрессивной игры, отказываются от острых единоборств, теряют скоростные качества. Фактически человек возвращается на поле физически здоровым, но психологически сломленным.

Карьера защитника «Зенита» служит показательным примером. После открытого перелома костей голени в 2023 году спортсмен провёл 11 месяцев в реабилитации. Технически восстановление прошло успешно – кости срослись правильно, объём движений восстановился полностью. Однако в первых матчах после возвращения футболист избегал жёстких подкатов, терял позицию в единоборствах. Потребовалась серьёзная работа со спортивным психологом, чтобы преодолеть этот барьер [4].

Осложнения после переломов – отдельная проблема. Неправильное сращивание (консолидация в неанатомическом положении) встречается в 8-12% случаев и часто требует повторного хирургического вмешательства. Формирование ложного сустава при несращивании перелома фактически означает конец карьеры без радикальной операции. Остеомиелит (воспаление костной ткани) после открытых переломов возникает в 5-7% случаев и может потребовать месяцев лечения. Посттравматический артроз близлежащих суставов развивается у 30-40% футболистов через несколько лет после внутрисуставных переломов [7].

Экономические последствия травм для клубов огромны. Высокооплачиваемый игрок, получающий зарплату, но не приносящий пользы команде в течение полугода-года. Необходимость срочного приобретения замены. Затраты на лечение и реабилитацию, которые в случае сложных травм могут достигать нескольких миллионов рублей. Потеря спортивных результатов из-за отсутствия ключевого игрока. В общей сложности одна серьёзная травма ведущего футболиста может обойтись клубу в сумму, эквивалентную стоимости полноценного трансфера [2].

Стратегии профилактики и оптимизации восстановления

Предотвращение скелетных травм в футболе требует комплексного подхода. Правильное планирование тренировочных нагрузок стоит на первом месте. Принцип постепенности здесь абсолютен. Резкое увеличение объёма беговой работы или интенсивности силовых тренировок – прямой путь к стресс-переломам. Спортивная наука рекомендует повышать нагрузку не более чем на 10-15% еженедельно [6].

Вопрос сохранения спортивного долголетия в футболе неразрывно связан с физиологическими особенностями восстановления возрастных игроков. С возрастом процессы ремоделирования костной ткани замедляются, что диктует необходимость индивидуализации тренировочных графиков и увеличения периодов суперкомпенсации.

Мониторинг состояния опорно-двигательного аппарата должен быть систематическим [11].

Питание играет колоссальную роль. Достаточное потребление кальция (1200-1500 мг в сутки для профессиональных футболистов), витамина D (не менее 800-1000 МЕ), белка (1,6-2 г на кг массы тела) создаёт основу для здоровья костной системы. Многие российские клубы премьер-лиги внедрили индивидуальные программы нутритивной поддержки игроков, учитывающие их специфические потребности [1]. Эффект от таких программ становится заметен не сразу, но в долгосрочной перспективе снижение частоты усталостных переломов достигает 25-30%.

Качество игровых полей – фактор, который часто недооценивают. Жёсткие искусственные покрытия увеличивают ударную нагрузку на скелет. Неровные натуральные газоны повышают риск подворота стопы. Ведущие клубы инвестируют значительные средства в поддержание оптимального состояния тренировочных и игровых полей, понимая, что это инвестиция в здоровье игроков [4].

Когда травма всё же произошла, качество медицинской помощи определяет дальнейший прогноз. Ведущие российские клубы сотрудничают с ЦИТО имени Н.Н. Приорова, НИИ СП имени Н.В. Склифосовского

и другими специализированными медицинскими центрами [7]. Доступ к современным методам диагностики (КТ, МРТ) и лечения (малоинвазивная хирургия, остеосинтез с использованием современных имплантов) существенно улучшает результаты.

Современная концепция реабилитации предполагает максимально раннюю мобилизацию после достижения первичной консолидации перелома [5].

Физиотерапия, массаж, механотерапия ускоряют восстановление. Электростимуляция мышц предотвращает их атрофию в период иммобилизации. Ударно-волновая терапия стимулирует регенерацию костной ткани. Гипербарическая оксигенация улучшает кровоснабжение и ускоряет заживление. Арсенал средств велик, и грамотное их применение сокращает сроки возвращения к игре на 15-25% [1].

Постепенное возвращение к специфическим футбольным нагрузкам – ключительный и критически важный этап. Сначала бег по прямой. Затем ускорения. Потом – изменения направления движения. Удары по мячу. Единоборства. Учебные игры с ограниченным контактом. И только после успешного прохождения всех этих стадий – возвращение к полноценным тренировкам и матчам. Спешка на этом этапе чревата рецидивом травмы, который может оказаться ещё более тяжёлым, чем исходное повреждение [4].

Анализ структуры повреждений показал, что переломы плюсневых костей и лодыжек лидируют в списке скелетных травм нижних конечностей [7]. Установлено, что сохраняющаяся асимметрия мышечной силы более 10% после завершения иммобилизации коррелирует с высоким риском повторного повреждения [8]. Интеграция проприоцептивных упражнений в программы оздоровительной физической культуры позволяет восстановить нейромышечный контроль на 15-20% быстрее стандартных протоколов [9]. Для футболистов старшей возрастной группы (30+) критически важным фактором является учет замедления метаболизма костной ткани, что требует увеличения фаз восстановления [10]. Использование специализированных ИТ-платформ для ежедневного мониторинга состояния атлета позволяет корректировать тренировочные объёмы в зависимости от текущего адаптационного резерва [11]. Психологическое сопровождение на этапе возвращения в общую группу снижает уровень кинезиофобии, что напрямую влияет на результативность игровых действий [12].

Выводы

Комплексный подход, сочетающий медицинские, педагогические и цифровые инструменты, позволяет повысить точность прогноза профессиональной пригодности до 85%. Использование методов оздоровительной физической культуры на ключительных этапах реабилитации обеспечивает плавную реинтеграцию футболиста в соревновательный процесс, сохраняя его спортивное долголетие.

Скелетные травмы остаются одной из главных угроз для карьеры профессиональных футболистов. Высокая частота таких повреждений, длительные сроки восстановления и риск неполного возвращения к прежнему уровню игры делают эту проблему крайне актуальной для современного футбола. Анализ данных российских клубов за 2022-2026 годы показывает устойчивую тенденцию роста травматизма, что связано с увеличением интенсивности и плотности соревновательного календаря.

Различные типы скелетных повреждений характеризуются специфическими механизмами возникновения и прогнозом. Стресс-переломы, развивающиеся вследствие хронических перегрузок, часто имеют более благоприятный исход по сравнению с тяжёлыми острыми травмами. Однако в обоих случаях ключевыми факторами успешного восстановления являются своевременность и качество медицинской помощи, адекватность реабилитационных программ, а также психологическая готовность спортсмена к возвращению. Практическая значимость результатов анализа состоит в возможности разработки целевых программ снижения травматизма в профессиональных футбольных клубах. Особое внимание следует уделить молодым игрокам на этапе интеграции в основную команду, когда резко возрастают тренировочные и соревновательные нагрузки. Создание индивидуальных программ адаптации с учётом факторов риска может существенно снизить частоту стресс-переломов в этой категории спортсменов.

Список источников

1. Ахметов И.И., Попов Д.В. Спортивная медицина: актуальные вопросы травматологии и восстановления // Теория и практика физической культуры. 2024. № 3. С. 45 – 52.
2. Глазунов С.А. Экономические аспекты спортивного травматизма в профессиональном футболе // Экономика физической культуры и спорта. 2023. Т. 12. № 4. С. 78 – 86.
3. Корнилов Н.В., Новосёлов К.А., Куляба Т.А. Травматология и ортопедия в спорте высших достижений. Санкт-Петербург: Российский научно-исследовательский институт травматологии и ортопедии имени Р. Р. Вредена, 2023. 448 с.

4. Миронов С.П., Орлецкий А.К., Городниченко А.И. Спортивная травматология: национальное руководство. Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2024. 784 с.
5. Павлов С.Е., Кузнецов В.И. Профилактика травматизма в игровых видах спорта // Лечебная физкультура и спортивная медицина. 2025. № 1. С. 22 – 30.
6. Поляев Б.А., Выходец И.Т. Справочник по спортивной медицине и лечебной физкультуре. Москва: Советский спорт, 2023. 512 с.
7. Ульянов А.А., Михайлов С.В. Переломы костей нижних конечностей у спортсменов: современные подходы к лечению и реабилитации // Вестник травматологии и ортопедии имени Н.Н. Приорова. 2024. Т. 31. № 2. С. 112 – 119.
8. Горшков П.А., Лебедев В.И. Педагогические аспекты восстановления футболистов после скелетных травм: опыт клубов Футбольной национальной лиги // Учёные записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2024. № 3 (229). С. 112 – 118.
9. Лысова И.А., Карпова Е.Н. Сроки восстановления профессиональных футболистов после переломов костей стопы // Спортивная медицина: наука и практика. 2023. Т. 13. № 2. С. 45 – 52.
10. Морозов А.В., Зайцева О.Н. Проприоцептивная тренировка как фактор восстановления биомеханики бега после скелетных травм // Теория и практика физической культуры. 2023. № 11. С. 34 – 36.
11. Николаев А.С. Профилактика рецидивов травм у футболистов на этапе спортивной реабилитации // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2024. № 4. С. 65 – 71.

References

1. Akhmetov I.I., Popov D.V. Sports Medicine: Current Issues of Traumatology and Recovery. Theory and Practice of Physical Education. 2024. No. 3. P. 45 – 52.
2. Glazunov S.A. Economic Aspects of Sports Injuries in Professional Football. Economics of Physical Education and Sports. 2023. Vol. 12. No. 4. P. 78 – 86.
3. Kornilov N.V., Novoselov K.A., Kulyaba T.A. Traumatology and Orthopedics in High-Performance Sports. St. Petersburg: Russian Research Institute of Traumatology and Orthopedics named after R.R. Vreden, 2023. 448 p.
4. Mironov S.P., Orletskiy A.K., Gorodnichenko A.I. Sports Traumatology: National Guidelines. Moscow: GEOTAR-Media, 2024. 784 p.
5. Pavlov S.E., Kuznetsov V.I. Injury Prevention in Team Sports. Therapeutic Physical Culture and Sports Medicine. 2025. No. 1. P. 22 – 30.
6. Polyayev B.A., Vyhodets I.T. Handbook of Sports Medicine and Therapeutic Physical Culture. Moscow: Sovetskiy Sport, 2023. 512 p.
7. Ulyanov A.A., Mikhailov S.V. Lower Limb Fractures in Athletes: Modern Approaches to Treatment and Rehabilitation. Bulletin of Traumatology and Orthopedics named after N.N. Priorov. 2024. Vol. 31. No. 2. P. 112 – 119.
8. Gorshkov P.A., Lebedev V.I. Pedagogical aspects of football players' recovery after skeletal injuries: the experience of the Football National League clubs. Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. 2024. No. 3 (229). P. 112 – 118.
9. Lysova I.A., Karpova E.N. Recovery times for professional football players after foot bone fractures. Sports Medicine: Science and Practice. 2023. Vol. 13. No. 2. P. 45 – 52.
10. Morozov A.V., Zaitseva O.N. Proprioceptive training as a factor in restoring running biomechanics after skeletal injuries. Theory and Practice of Physical Education. 2023. No. 11. P. 34 – 36.
11. Nikolaev A.S. Prevention of recurrent injuries in football players at the stage of sports rehabilitation. Physical Education, Sport – Science and Practice. 2024. No. 4. P. 65 – 71.

Информация об авторах

Самборский А.Г., кандидат педагогических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-7571-0860>, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14, samborsky@bsuedu.ru

Хшеш Хумам, аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-1583-2962>, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14, hshesh@yandex.ru

© Самборский А.Г., Хшеш Хумам, 2026

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

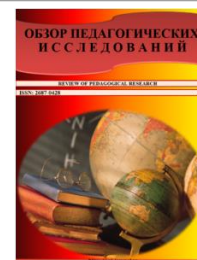
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 372.881.1:004.9

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-238-244

Интерактивные стратегии обучения аудированию аутентичных текстов в цифровой образовательной среде

¹ Петрова Е.А.,
¹ Школа № 1, г. Усть-Катав

Аннотация: статья посвящена анализу интерактивных стратегий обучения аудированию аутентичных текстов в условиях цифровой образовательной среды. Актуальность исследования определяется ростом объема цифровых аудиоматериалов и одновременным сохранением устойчивых трудностей восприятия естественной иноязычной речи у обучающихся. Новизна работы связана с аналитическим сопоставлением современных цифровых технологий и педагогических приёмов, применяемых для развития навыков аудирования, с акцентом на их когнитивные и психологические эффекты. В рамках работы описаны и систематизированы интерактивные мультимедийные, сюжетно-игровые, коллаборативные и адаптивные подходы к обучению аудированию. Особое внимание уделено влиянию цифровых инструментов на мотивацию, тревожность и метакогнитивную регуляцию процесса слушания. Работа ставит перед собой цель обобщить результаты современных исследований и определить наиболее результативные стратегии обучения аудированию аутентичных текстов. Для её достижения используются методы анализа научных источников, сопоставления эмпирических данных и теоретического обобщения. В заключении рассматриваются методические ограничения и перспективы дальнейших исследований. Статья представляет практическую ценность для преподавателей иностранных языков, методистов и исследователей цифрового обучения, формируя методическую основу для проектирования адаптивных цифровых сред обучения аудированию в высшем образовании.

Ключевые слова: аудирование, аутентичные тексты, цифровая образовательная среда, интерактивное обучение, мультимодальные технологии, цифровой сторителлинг, виртуальная реальность, искусственный интеллект, метакогнитивные стратегии

Для цитирования: Петрова Е.А. Интерактивные стратегии обучения аудированию аутентичных текстов в цифровой образовательной среде // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 238 – 244. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-238-244

Поступила в редакцию: 14 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Interactive strategies for learning to listen to authentic texts in a digital educational environment

¹ Petrova E.A.,
¹ School No. 1, Ust-Katav

Abstract: the article is devoted to the analysis of interactive learning strategies for listening to authentic texts in a digital educational environment. The relevance of the research is determined by the growing volume of digital audio materials and the simultaneous persistence of persistent difficulties in perceiving natural foreign language speech among students. The novelty of the work is related to the analytical comparison of modern digital technologies and pedagogical techniques used to develop listening skills, with an emphasis on their cognitive and psychological effects. The paper describes and systematizes interactive multimedia, story-game, collaborative and adaptive approaches to learning listening. Special attention is paid to the influence of digital tools on motivation, anxiety, and metacognitive regulation of the listening process. The work aims to summarize the results of modern research and identify the most effective strategies for teaching listening to authentic texts. To achieve this goal, methods of analyzing scientific sources, comparing empirical data and theoretical generalization are used. In conclusion, the methodological limitations and prospects for further research are considered. The article is of practical value for teachers of foreign languages, methodologists and researchers of digital learning, forming a methodological basis for designing adaptive digital learning environments for listening in higher education.

Keywords: listening, authentic texts, digital educational environment, interactive learning, multimodal technologies, digital storytelling, virtual reality, artificial intelligence, metacognitive strategies

For citation: Petrova E.A. *Interactive strategies for learning to listen to authentic texts in a digital educational environment. Review of Pedagogical Research.* 2026. 8 (6). P. 238 – 244. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-238-244

The article was submitted: April 14, 2026; Approved after reviewing: May 12, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Актуальность исследования определяется несоответствием между ростом объёма цифровых аудиоматериалов и сохраняющимися трудностями восприятия аутентичной иноязычной речи у обучающихся.

Цель исследования – объяснить механизмы перестройки процесса аудирования аутентичной речи под влиянием интерактивных цифровых стратегий и определить условия, при которых достигается устойчивое понимание без утраты самостоятельности восприятия. Задачи исследования:

- выявить структурные затруднения восприятия аутентичной речи в цифровой среде;
- определить механизмы воздействия интерактивных стратегий на внимание, когнитивную нагрузку и обратную связь;
- оценить условия их эффективного применения с точки зрения устойчивости понимания и развития саморегуляции.

Новизна работы связана с переходом от описания отдельных технологий к анализу изменений в структуре аудирования. В существующих исследованиях недостаточно раскрыты механизмы взаимодействия аудиосигнала, цифровой среды и действий обучающегося, а также условия, при которых поддержка не снижает автономность восприятия. Предлагаемый подход рассматривает аудирование как динамическую систему, в которой цифровые инструменты перестраивают сам способ обработки речевого материала.

Материалы и методы исследований

Анализ основан на корпусе отечественных и зарубежных исследований, посвящённых цифровым форматам обучения аудированию и механизмам восприятия иноязычной речи. Отбор материалов осуществлялся по признаку описания процессов взаимодействия между аудиосигналом, цифровой средой и действиями обучающегося.

В поле анализа вошли работы, в которых рассматриваются различные типы вмешательства в процесс аудирования: адаптивные мультимедийные среды, интерактивное видео, цифровой сторителлинг, системы распознавания речи и иммерсивные форматы [1-10]. Сопоставление проводилось не по тематическому при-

знаку, а по характеру влияния на структуру восприятия: перераспределение внимания, изменение когнитивной нагрузки, формирование обратной связи и развитие саморегуляции.

Методически исследование опирается на аналитическое сопоставление и интерпретацию выявленных закономерностей. Ограничение связано с неоднородностью эмпирических дизайнов в рассмотренных работах, что снижает сопоставимость количественных результатов и смещает акцент анализа в сторону объяснения механизмов.

Результаты и обсуждения

Трудность восприятия аутентичной иноязычной речи в цифровой среде связана не только с языковой сложностью материала. Существеннее другое: слушающий вынужден одновременно распознавать акустический поток, удерживать смысловые опоры, соотносить услышанное с предшествующим знанием и принимать решение о том, что в услышанном служит смысловым центром. В традиционной модели обучения такая работа нередко разворачивается почти без промежуточной поддержки, поэтому понимание распадается на фрагменты. Цифровая среда перестраивает саму организацию восприятия. Она не упрощает аутентичную речь, а вводит дополнительные опоры, через которые обучающийся начинает иначе распределять внимание, дозировать усилие и удерживать логику звучащего текста [2, 8, 10].

В работах, посвящённых использованию подлинных аудиоматериалов, устойчиво фиксируется двойственный эффект: с одной стороны, усиливается мотивация за счёт ощущения реального языкового опыта, с другой – возрастает потребность в точной методической настройке заданий, иначе обучающийся концентрируется не на понимании, а на переживании собственной неуспешности [6]. Отсюда возникает смещение в сторону интерактивных стратегий, где аудирование строится как процесс поэтапного сопровождения, а не как однократное предъявление текста.

Внутренняя логика таких стратегий различна. Одни перераспределяют каналы восприятия, другие снижают напряжение за счёт нарратива, третьи вводят постоянную проверку понимания, четвёртые переводят интерпретацию в совместную плоскость. Эта неоднородность не мешает их объединению в единую типологию, поскольку во всех случаях меняется способ взаимодействия обучающегося с аудиоматериалом: слушание перестаёт быть пассивным и приобретает характер управляемой деятельности. Систематизация этих моделей представлена ниже (табл. 1).

Таблица 1

Типология интерактивных стратегий обучения аудированию аутентичных текстов в цифровой среде (составлено автором на основе [2, 8]).

Table 1

Typology of interactive strategies for teaching listening to authentic texts in a digital environment (compiled by the author based on [2, 8]).

Группа стратегий	Характер педагогического взаимодействия	Основной механизм воздействия
Адаптивно-мультимодальные	Индивидуализированное взаимодействие обучающегося с цифровым контентом	Регуляция темпа и каналов восприятия
Сюжетно-игровые	Эмоционально вовлекающее взаимодействие через нарратив	Снижение тревожности, повышение мотивации
Интерактивно-оценочные	Непрерывная обратная связь в процессе	Самоконтроль и коррекция понимания
Коллаборативные	Совместная интерпретация аудиотекста аудирования	Социальное конструирование смысла

Наиболее наглядно перестройка механизма слушания проявляется в интерактивном видео. При встраивании вопросов внутрь видеоряда аудирование дробится на смысловые участки, а понимание перестаёт зависеть только от объёма оперативной памяти. Учащийся получает возможность проверить интерпретацию сразу после фрагмента, а не в конце задания, когда пробел уже трудно локализовать. По данным исследования с использованием Edpuzzle, за шесть недель обучения группа, работавшая в подобном формате, продемонстрировала более высокие показатели понимания по сравнению с контролем [2]. Здесь педагогический эффект связан не с технической новизной платформы как таковой. Работает иной принцип: обратная связь вводится внутрь процесса восприятия, и слушание начинает сопровождаться постоянной самопроверкой. Понимание становится поэтапным.

Цифровой сторителлинг действует иначе. В нём смысловой каркас удерживается не через прерывание аудирования вопросами, а через сюжетную связанность материала и визуально поддержанный нарратив. В подобных условиях обучающийся реже теряет общую линию высказывания, поскольку прогнозирует развитие содержания. Переход от звука к смыслу происходит не только по акустическим сигналам, но и через ожидание следующего сюжетного шага. При обучении старшеклассников такой формат сопровождался ростом мотивации и более точным пониманием прослушанного; при работе с цифровыми историями преподаватель сочетал стратегии движения от общего смысла к деталям и от деталей к общему смысловому рисунку [8]. В более позднем исследовании онлайн-сторителлинга зафиксировано сходное направление изменений: улучшалось понимание аутентичного материала, усиливалась учебная включённость [9]. Следовательно, цифровой нарратив не просто украшает занятие. Он организует внимание (табл. 2).

Таблица 2

Педагогические эффекты применения цифровых технологий в обучении аудированию (составлено автором на основе [2, 5, 7, 8, 10]).

Table 2

Pedagogical effects of the use of digital technologies in teaching listening (compiled by the author on the basis of [2, 5, 7, 8, 10]).

Цифровая технология	Доминирующий эффект	Психолого-педагогическое измерение
Интерактивное видео	Углубление понимания содержания	Концентрация внимания
Цифровой сторителлинг	Рост учебной мотивации	Эмоциональная вовлечённость
AI с распознаванием речи	Снижение тревожности	Саморегуляция и чувство контроля
Виртуальная реальность	Эффект присутствия	Снижение когнитивного напряжения

Отдельного рассмотрения требует использование AI-инструментов с автоматическим распознаванием речи. Здесь педагогический эффект формируется на пересечении двух линий. Первая связана с точностью обратной связи: обучающийся сразу видит, где интерпретация оказалась неполной или неверной. Вторая затрагивает эмоциональное состояние: оценочное давление снижается, поскольку первичная проверка переносится в цифровую систему, а ошибка воспринимается как часть тренировочного цикла, а не как публичная неудача. В рандомизированном контролируемом исследовании с участием 84 студентов применение speech-to-text сопровождалось не только улучшением понимания речи, но и снижением тревожности, а вместе с этим – усилением переживания потока во время работы с аудиоматериалом [10]. Здесь особенно заметно, что интерактивность перестраивает не один учебный параметр. Меняется вся конфигурация восприятия: когнитивная работа поддерживается эмоциональной стабилизацией.

Иммерсивные технологии работают по иному принципу. Виртуальная реальность и 360°-видео усиливают не столько пошаговый контроль, сколько эффект включённости в коммуникативную ситуацию. Слушающий оказывается не перед отдельным аудиофрагментом, а внутри пространственно организованной сцены, где звук воспринимается как часть события. За счёт этого речь связывается с ситуационными подсказками, а смысл извлекается не только из лингвистического сигнала, но и из моделируемой среды. В исследованиях, где сравнивались традиционный просмотр видео и аудирование в VR-формате, у обучающихся в иммерсивной группе фиксировались более высокие показатели понимания, более выраженное чувство присутствия и более низкая когнитивная нагрузка [5, 7]. Здесь существенен не сам факт технологической насыщенности, а смена механизма обработки материала: часть интерпретационной работы переносится на среду, и за счёт этого восприятие речи теряет часть напряжения.

При этом наибольшую устойчивость демонстрируют не самые технологически сложные решения, а те формы, где цифровой инструмент совпадает с логикой учебного действия. Коллаборативное аудирование подтверждает эту закономерность. Когда обсуждение прослушанного, совместное решение заданий и коллективная проверка интерпретации переносятся в цифровые сервисы, возникает распределённая модель понимания: отдельный слушающий уже не замыкается на собственном восприятии, а соотносит его с реакциями других участников. Подобный формат не устраняет индивидуальную работу, но вводит механизм взаимной корректировки. В исследованиях коллаборативных форм отмечено повышение успеваемости и мотивации у студентов, работавших в парах и группах с интерактивными слайдами, вопросами и совместной интерпретацией услышанного [1, 3, 4]. В данном случае цифровая платформа не подменяет методику сотрудничества, а стабилизирует её.

Если сопоставить рассмотренные модели, становится заметно, что продуктивность интерактивных стратегий связана не с универсальным преимуществом любой цифровизации, а с тем, насколько точно технология вмешивается в проблемную зону аудирования. Когда затруднение связано с удержанием смысла в длинном речевом потоке, на первый план выходят адаптивно-мультимодальные решения. Когда препятствием становится тревожное ожидание ошибки, продуктивнее оказываются инструменты с немедленной и менее травматичной обратной связью. Когда восприятие теряет целостность из-за разрыва между языковым материалом и ситуацией общения, более заметный эффект дают нарративные и иммерсивные модели [5,8,10]. Следовательно, вопрос стоит не о выборе «лучшей» технологии, а о соответствии педагогического средства структуре конкретного затруднения.

Через эту логику иначе прочитывается и влияние интерактивного обучения на метакогнитивную регуляцию. Цифровые инструменты не просто облегчают выполнение задания. Они создают условия, при которых обучающийся начинает различать собственные стадии понимания: предвосхищение содержания, фиксацию пробелов, проверку гипотез, переоценку уже услышанного. Иными словами, слуховая деятельность становится наблюдаемой для самого слушающего. Для обучения аудированию такой сдвиг особенно значим, поскольку трудности восприятия устной речи часто переживаются как нечто нерасчленённое. Человек понимает, что «не понял», но не различает, на каком этапе возник сбой. Интерактивная цифровая среда делает эту точку сбоя видимой (табл. 3).

Таблица 3

Соотнесение интерактивных инструментов и метакогнитивных стратегий аудирования (составлено автором на основе [3, 4, 8-10]).

Table 3

Correlation of interactive tools and metacognitive listening strategies (compiled by the author based on [3, 4, 8-10]).

Метакогнитивная стратегия	Цифровая поддержка	Образовательный результат
Прогнозирование содержания	Предварительные визуальные подсказки	Осмысленное восприятие аудиотекста
Мониторинг понимания	Встроенные вопросы и паузы	Осознание пробелов в понимании
Самооценка	Автоматическая обратная связь	Коррекция индивидуальных стратегий
Рефлексия	Совместное обсуждение онлайн	Закрепление интерпретации

В этой связи сочетание аутентичного материала со стратегическим обучением приобретает особый смысл. Сам по себе доступ к подлинной речи ещё не перестраивает способ слушания. Аналогично, одна лишь цифровая интерактивность не гарантирует продвижения, если обучающийся не понимает, каким образом работать с услышанным. Более продуктивная модель складывается там, где предварительное прогнозирование, выделение опорных слов, остановки для самопроверки и последующая рефлексия встроены в цифровой сценарий занятия [3, 4, 8, 10]. Тогда технология перестаёт быть внешним дополнением к методике. Она входит в саму структуру учебного действия.

Вместе с этим сохраняются ограничения, которые нельзя игнорировать. Анализ опирается на ранее опубликованные исследования, различающиеся по выборке, длительности интервенции, типу цифровых платформ и возрасту обучающихся. Из-за этого прямое сопоставление силы педагогического эффекта в разных работах затруднено. Неодинаковы исходный уровень владения языком, формат заданий, насыщенность визуальной поддержки, способы измерения понимания. В одних исследованиях на первый план выводится рост мотивации, в других – точность выполнения заданий, в третьих – снижение тревожности [2, 5, 8, 10]. Поэтому обсуждение продуктивнее вести не через поиск единого количественного итога, а через выявление повторяющихся механизмов.

Ещё одно ограничение связано с риском пассивной зависимости от цифровых подсказок. Если обучающийся постоянно опирается на субтитры, паузы, повторные предъявления и визуальные опоры, слуховая деятельность начинает поддерживаться извне в такой степени, что собственные стратегии распознавания и интерпретации развиваются медленнее. Эта опасность особенно заметна на ранних этапах, когда помощь цифровой среды легко превращается в заменитель самостоятельного слушания. Проблема не в наличии подсказок. Проблема в режиме их использования. При чрезмерной насыщенности интерфейса внимание распределяется между несколькими источниками сигнала и восприятие речи теряет внутреннюю собранность.

Отсюда вытекает требование к дозированию интерактивности. Начальный этап обучения предполагает ограниченный объём поддерживающих средств: паузы, умеренное количество визуальных ориентиров, короткие встроенные вопросы. По мере роста подготовленности допустим переход к более сложным сценариям – длительным фрагментам без остановки, заданиям на интерпретацию по ходу звучания, моделированию близких к реальному общению ситуаций. Неравномерность такого движения принципиальна. Для одних групп избыток мультимедийных стимулов действительно снижает напряжение, для других порождает рассеивание внимания. Педагогическая настройка здесь строится не по шаблону, а по отклику группы.

В исследовательском поле уже достаточно материалов, чтобы говорить не о частных эффектах отдельных сервисов, а о более глубокой перестройке модели обучения аудированию. Интерактивные средства не просто повышают удобство работы с материалом. Они меняют способ вхождения обучающегося в аудиотекст, характер распределения внимания, режим контроля понимания и эмоциональное переживание задачи. Именно в этой перестройке и сосредоточен их педагогический смысл.

Выводы

Наблюдается смещение в организации аудирования: восприятие перестаёт разворачиваться как линейный процесс и начинает поддерживаться системой внешних и внутренних регуляторов. Интерактивные стратегии вмешиваются не в содержание материала, а в способ его обработки. В результате изменяется сама структура понимания.

Адаптивные мультимедийные решения, нарративные форматы, автоматизированная обратная связь и иммерсивные среды по-разному перераспределяют когнитивные ресурсы. Часть нагрузки снимается за счёт визуальных и контекстуальных опор, часть – через поэтапный контроль интерпретации. Возникает более устойчивое удержание смысла. Параллельно фиксируется изменение эмоционального режима: напряжение снижается, включённость усиливается.

При этом перестраивается не только результат, но и внутренняя логика действия. Слушающий начинает различать этапы собственного понимания – от предварительного прогнозирования до последующей коррекции. Формируется управляемое аудирование. Оно не возникает спонтанно.

Интерактивная среда не заменяет традиционные формы обучения. Она изменяет конфигурацию работы с аудиотекстом.

Список источников

1. Айтымбетова У.Т. Развитие навыков аудирования у будущих специалистов по английскому языку с помощью цифрового образования // Молодой ученый. 2025. № 30 (581). С. 125 – 131. URL: <https://moluch.ru/archive/581/127763>
2. Грахова С.И. Цифровые учебные тренажёры как средство развития профессиональной компетентности будущего педагога // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79-2.
3. Есина Л.С. Обучение аудированию с помощью цифровых ресурсов в группах бакалавров направления подготовки «Прикладная информатика» // Современное педагогическое образование. 2020. № 4. С. 30 – 37.
4. Ярцева Е.Я. Коллаборативное обучение как инструмент развития критического мышления у студентов // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 87-1.
5. Aghabarari M., Rahimi M. The impact of virtual reality assisted listening instruction on English as a foreign language learners' comprehension and perceptions // International Journal of Technology in Education. 2024. DOI: 10.46328/ijte.741
6. Alamri W. Evaluating the benefits and challenges of using authentic materials in EFL context for listening purpose // Frontiers in Education. 2025. Vol. 10. Article ID: 1611308. DOI: 10.3389/feduc.2025.1611308
7. Ji S., Li K., Zou L. The effect of 360-degree video authentic materials on EFL learners' listening comprehension // Proceedings of the 2019 International Joint Conference on Information, Media and Engineering (IJCIME). 2019. P. 288 – 293. DOI: 10.1109/IJCIME49369.2019.00065
8. Khasanah F., Herlina R., Rustandi A. The use of digital storytelling to stimulate learners' listening comprehension // Journal of English Education Program (JEEP). 2023. Vol. 10. P. 155. DOI: 10.25157/(jeep).v10i2.11693.
9. Wang W., Zheng L., Zhang J. Effect of online digital storytelling on the comprehension of authentic listening materials and engagement of junior high school EFL learners // Scientific Reports. 2026. Vol. 16. No. 1. Art. 6639. DOI: 10.1038/s41598-026-36913-4
10. Xiao Y. The impact of AI-driven speech recognition on EFL listening comprehension, flow experience, and anxiety: a randomized controlled trial // Humanities and Social Sciences Communications. 2025. Vol. 12. Article number: 425. DOI: 10.1057/s41599-025-04672-8

References

1. Aitymbetova U.T. Developing Listening Skills in Future English Language Specialists with the Help of Digital Education. *Young Scientist*. 2025. No. 30 (581). P. 125 – 131. Available at: <https://moluch.ru/archive/581/127763>
2. Grakhova S.I. Digital Training Simulators as a Means of Developing Professional Competence of Future Teachers. *Problems of Modern Pedagogical Education*. 2023. No. 79-2.
3. Esina L.S. Teaching Listening Comprehension with the Help of Digital Resources in Groups of Bachelor's Degree Students Majoring in Applied Informatics. *Modern Pedagogical Education*. 2020. No. 4. P. 30 – 37.
4. Yartseva E.Ya. Collaborative Learning as a Tool for Developing Critical Thinking in Students. *Problems of Modern Pedagogical Education*. 2025. No. 87-1.
5. Aghabarari M., Rahimi M. The impact of virtual reality assisted listening instruction on English as a foreign language learners' comprehension and perceptions. *International Journal of Technology in Education*. 2024. DOI: 10.46328/ijte.741
6. Alamri W. Evaluating the benefits and challenges of using authentic materials in EFL context for listening-purpose. *Frontiers in Education*. 2025. Vol. 10. Article ID: 1611308. DOI: 10.3389/feduc.2025.1611308
7. Ji S., Li K., Zou L. The effect of 360-degree video authentic materials on EFL learners' listening comprehension. *Proceedings of the 2019 International Joint Conference on Information, Media and Engineering (IJCIME)*. 2019. P. 288 – 293. DOI: 10.1109/IJCIME49369.2019.00065
8. Khasanah F., Herlina R., Rustandi A. The use of digital storytelling to stimulate learners' listening comprehension. *Journal of English Education Program (JEEP)*. 2023. Vol. 10. P. 155. DOI: 10.25157/(jeep).v10i2.11693.
9. Wang W., Zheng L., Zhang J. Effect of online digital storytelling on the comprehension of authentic listening materials and engagement of junior high school EFL learners. *Scientific Reports*. 2026. Vol. 16. No. 1. Art. 6639. DOI: 10.1038/s41598-026-36913-4
10. Xiao Y. The impact of AI-driven speech recognition on EFL listening comprehension, flow experience, and anxiety: a randomized controlled trial. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2025. Vol. 12. Article number: 425. DOI: 10.1057/s41599-025-04672-8

Информация об авторе

Петрова Е.А., учитель английского и немецкого языка, Школа № 1 г., Усть-Катав, ekaterinabublik@mail.ru

---

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

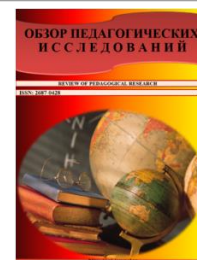
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.4. Физическая культура и профессиональная физическая подготовка (педагогические науки)

УДК 796.011.3

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-245-252

Самбо как культурно-педагогический феномен в контексте интеграции в образовательное пространство школы

¹ Пивник Н.А.,
¹ Адыгейский государственный университет

Аннотация: в статье рассматривается самбо как культурно-педагогический феномен в контексте его интеграции в образовательное пространство школы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска эффективных средств развития современных подростков в условиях снижения двигательной активности, усложнения процессов социализации и смешения культурных практик. Раскрыты исторические предпосылки становления самбо, его физкультурно-оздоровительные и культурные составляющие в условиях школьной среды. Особое внимание уделено основным направлениям интеграции самбо в образовательное пространство школы. Рассмотрены возможности включения урочной и внеурочной деятельности, создания педагогически организованной среды, взаимодействия школы с семьей и включения самбо в систему школьных мероприятий. Раскрыты государственные инициативы, направленные на популяризацию самбо в контексте Всероссийского проекта «Самбо – в школу!». Обосновано, что использование потенциала самбо в общеобразовательной школе способствует формированию комплексной воспитательной среды, ориентированной на гармоничное развитие личности обучающихся.

Ключевые слова: самбо, культурно-педагогический феномен, образовательное пространство школы, физическое воспитание, спортивно-ориентированное физическое воспитание, подростки, школьная среда, национальная физическая культура, патриотическое воспитание

Для цитирования: Пивник Н.А. Самбо как культурно-педагогический феномен в контексте интеграции в образовательное пространство школы // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 245 – 252. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-245-252

Поступила в редакцию: 14 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Sambo as a cultural and pedagogical phenomenon in the context of its integration into the school educational environment

¹ Pivnik N.A.,
¹ Adygea State University

Abstract: the article examines sambo as a cultural and pedagogical phenomenon in the context of its integration into the school educational environment. The relevance of the study is determined by the need to find effective means for the development of modern adolescents in the context of declining physical activity, the increasing complexity of socialization processes, and the blending of cultural practices. The historical prerequisites for the emergence of sambo, as well as its physical culture, health-promoting, and cultural components within the school environment, are revealed. Particular attention is paid to the main directions of integrating sambo into the school educational environment. The possibilities of incorporating sambo into curricular and extracurricular activities, creating a

pedagogically organized environment, fostering interaction between school and family, and including sambo in the system of school events are considered. State initiatives aimed at promoting sambo are also examined in the context of the All-Russian project “Sambo to School!”. It is substantiated that the use of sambo’s potential in general education contributes to the formation of a comprehensive educational environment focused on the harmonious development of students’ personalities.

Keywords: sambo; cultural and pedagogical phenomenon; school educational environment; physical education; sport-oriented physical education; adolescents; school environment; educational potential; national physical culture; patriotic education

For citation: Pivnik N.A. Sambo as a cultural and pedagogical phenomenon in the context of its integration into the school educational environment. *Review of Pedagogical Research*. 2026. 8 (6). P. 245 – 252. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-245-252

The article was submitted: April 14, 2026; Approved after reviewing: May 12, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

В современных условиях, ввиду изменения социального профиля подростков, необходимости укрепления физического здоровья и потребности в формировании их нравственных ориентиров, особую значимость приобретает поиск эффективных средств развивающего воздействия. Необходимо отметить, что современная молодежная среда характеризуется рядом тревожных тенденций, среди которых – снижение уровня двигательной активности, распространение малоподвижного образа жизни, рост времени, проводимого в цифровом пространстве, ослабление интереса к систематическим занятиям физической культурой. Также выделяются нарастающие трудности в сфере социализации и ценностного самоопределения.

Материалы и методы исследований

Настоящее исследование выполнено в рамках теоретико-аналитического подхода и направлено на изучение культурно-педагогического потенциала самбо в контексте его интеграции в образовательное пространство общеобразовательной школы.

Теоретическую и эмпирическую базу исследования составили:

- научные публикации отечественных авторов в области теории и методики физического воспитания, педагогики спорта и единоборств;
- нормативно-правовые документы, регламентирующие развитие самбо в системе образования Российской Федерации (в том числе приказ Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта при СНК СССР № 633 от 16 ноября 1938 года «О развитии борьбы вольного стиля»);
- материалы Всероссийского проекта «Самбо – в школу!»;
- методические рекомендации по реализации программ самбо в общеобразовательных организациях;
- историко-педагогические источники, отражающие становление и развитие самбо как вида единоборства и педагогической системы.

При написании статьи, автором применялись следующие методы научного познания: теоретический анализ и синтез научной и методической литературы; историко-педагогический анализ; системно-структурный анализ; сравнительно-педагогический анализ; обобщение и классификация; анализ нормативных и программно-методических документов.

Совокупность применённых методов обеспечила автору возможность комплексного рассмотрения самбо как культурно-педагогического феномена и позволила обосновать педагогические условия его эффективной интеграции в образовательное пространство современной общеобразовательной школы.

Результаты и обсуждения

Особую озабоченность вызывает тот факт, что значительная часть подростков все меньше включена в содержательные формы коллективной деятельности. Недостаток организованной двигательной активности нередко сочетается с дефицитом позитивных моделей самореализации. В этих условиях возрастает значение видов деятельности, которые способны одновременно решать задачи физического, нравственного и социального развития. А.М. Кондаков справедливо подчеркивает, что «молодежь, подростки сегодня очень остро нуждаются в защите, в умелом и заботливом предостережении. Наиболее продуктивным в борьбе с негативными явлениями является профилактика, а не лечение (хотя последнее тоже немаловажно)» [9, с. 75].

Одним из таких профилактических средств выступает самбо. Данный вид единоборств, помимо высоко-

го физкультурно-оздоровительного потенциала, укоренен в отечественной культурной традиции, и может рассматриваться как средство приобщения молодежи к ценностям национальной физической культуры, патриотизма и гражданственности.

Самбо имеет глубокие исторические корни и формировалось на основе народных традиций борьбы, передававшихся из поколения в поколение, а также в результате целенаправленного синтеза различных отечественных и зарубежных систем единоборств в первой половине XX века. Б. Наврузов среди них выделяет следующие:

- чигаоба (грузинская борьба);
- казакша курес (казахская борьба);
- корэш (татарская борьба);
- дзюдо, джиу-джитсу (японские единоборства) [6, с. 1033].

Датой официального утверждения самбо как вида единоборства считается 16.11.1938 года – издание приказа Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта при СНК СССР № 633 «О развитии борьбы вольного стиля» [7]. Как отмечает И. А. Яринских, приказ «лишь придал ускорение развитию нового вида спорта. Не случайно всего двенадцатью днями позднее в Баку начался первый крупный турнир по борьбе вольного стиля – матч пяти городов с участием команд Москвы, Ленинграда, Киева, Саратова и Баку» [14, с. 52].

К числу основателей самбо традиционно относят В.С. Ощепкова, В.А. Спиридонова и А.А. Харлампиева. Само наименование «самбо» впервые было зафиксировано в труде В. А. Спиридонова «Самозащита без оружия (тренировка и состязания)», опубликованном в 1928 году. Однако аббревиатура «самбо» стала использоваться спустя некоторое время. Изначально в данный вид единоборств назывался «борьба вольного стиля». Окончательное закрепление современного названия произошло в 1947 году [3].

На современном этапе самбо занимает устойчивые позиции в системе отечественного спорта и физического воспитания. Его целесообразно рассматривать не только как спортивную дисциплину, но и как отечественную педагогическую систему.

Самбо изначально проектировалось как инструмент массовой физической подготовки, ориентированный на формирование гармонично развитой личности. Педагогическая ценность самбо проявляется в возможности дозированной адаптации содержания занятий в зависимости от возраста, уровня физической подготовленности и образовательных задач. В этом контексте самбо выступает в виде методически структурированной системы физического и нравственного воспитания, ориентированной на развитие субъектной позиции обучающегося.

Как отмечает С.А. Носов, «особенностью данного вида единоборства является: разнообразие техники ведения схватки, преобладание ведения борьбы в партере, превосходство психологической подготовки над соперником, а также умение правильно применять свои технико-физические навыки» [12, с. 59].

Философскую основу самбо наиболее полно сформулировала Е.А. Сухова: «самбо – это не только вид единоборства, но и духовно-нравственная система воспитания, в основе которой лежит собственная философия. Ее сакральный смысл заключается в том, что самбо учит не только противостоять противнику, но и дает богатый жизненный опыт, а также способствует развитию как физическому, так и духовному. Кроме того, оно формирует у борцов систему морально-нравственных принципов, таких как: защищать слабых, уметь постоять за себя, применяя силу, только в крайних случаях» [11, с. 179]. В.Д. Гриценко также отмечает, что «самбо – философия, формирование и воспитание спортсмена, сильного духом и телом, на основе уважения к личности противника, а также развитие и укрепление морально-волевых качеств» [4, с. 380].

Подготовка борцов самбо строится на принципе комплексного физического развития – сбалансированном формировании силовых, скоростных, координационных и выносливых способностей. Эффективность соревновательной деятельности во многом определяется уровнем общей и специальной подготовленности.

Включение элементов единоборств в школьную программу открывает дополнительные возможности обновления содержания физической культуры. Самбо в данном контексте обладает значительным ресурсом. Для подростков, обучающихся в общеобразовательной школе, самбо решает следующие задачи:

- укрепление физического здоровья;
- повышение функциональных возможностей организма;
- развитие основных двигательных качеств (силы, быстроты, выносливости, гибкости и координации);
- формирование прикладных двигательных навыков, в т.ч. умений самозащиты;

- воспитание волевых качеств (настойчивости, выдержки, самодисциплины, целеустремленности);
- развитие способности к самоконтролю;
- формирование уважительного отношения к партнеру и сопернику, соблюдение норм спортивной этики;
- укрепление внутренней мотивации к систематическим занятиям физической культурой;
- содействие социальной адаптации;
- формирование ответственности за собственное поведение.

Примечательно, что в общественном дискурсе нередко встречается мнение о том, что занятия единоборствами способны усиливать агрессивные проявления у подростков. По мнению автора, подобная позиция во многом основана на поверхностном восприятии сути данных дисциплин. Самбо изначально создавалось как система защиты без применения оружия. Предполагалось не культивирование нападения, а наоборот, формирование навыков контролируемого правомерного использования силы.

Следует согласиться с позицией П.А. Рыжакова: «спортивное самбо помогает справляться с агрессией и различными комплексами, а также дает возможность стабилизировать психику, что как раз необходимо для подростков» [10, с. 98].

В данном контексте необходимо отдельно выделить культурную сущность самбо. В отечественной традиции самбо отражает особенности исторического пути страны, ее представления о силе, самообладании, защите, товариществе и гражданском долге. Современный этап развития общества характеризуется тенденциями глобализации и смешения культурных практик. Для сохранения национально-культурной идентичности нужны такие виды деятельности, которые позволяют сохранять и актуализировать отечественные формы культурного опыта. Самбо в данном контексте приобщает молодежь к отечественной спортивной культуре за счет личного практического опыта, эмоциональной вовлеченности и участия в коллективной деятельности.

Структура культурно-педагогического потенциала самбо в образовательном пространстве школы сведена в табл. 1.

Таблица 1

Структура культурно-педагогического потенциала самбо в образовательном пространстве школы.

Table 1

Structure of the cultural and pedagogical potential of Sambo in the school's educational space.

Элемент педагогического потенциала самбо	Составляющие элемента
Физическое развитие средствами самбо	Развитие мышечной силы Развитие скоростно-силовых способностей Развитие общей и специальной выносливости Развитие координационных способностей Развитие гибкости Совершенствование равновесия и устойчивости Развитие пространственно-временной ориентировки
Прикладные навыки самбо	1 Травмопрофилактические - Навык безопасного падения - Навык страховки и само страховки 2 Самозащитные - Освобождение от захватов - Нейтрализация агрессивных действий - Контроль дистанции 3 Поведенческие - Алгоритм безопасного поведения в общественных местах - Оценка потенциальной угрозы - Соразмерное применение силы 4 Оперативно-реактивные - Навык быстрого двигательного реагирования - Принятие решения в условиях дефицита времени
Личностно-волевое развитие средствами самбо	Самодисциплина Настойчивость в достижении цели Ответственность за собственные действия Стрессоустойчивость Готовность к конструктивному взаимодействию Выдержка, эмоциональная устойчивость Самоконтроль

Помимо приведенных составляющих культурно-педагогического потенциала самбо, необходимо отметить его востребованность средства формирования патриотических ценностей у подростков. В данном контексте А.Д. Паутов отмечает, что «традиция самбо предназначена вернуть систему патриотического воспитания. Вся система самбо ориентирована на формирование у молодежи четкой уверенности, основанной на истории, позитивизме национальных достоинств и через это – на любовь к Отечеству, народу, культуре» [8, с. 79].

Интеграция самбо в учебный процесс в образовательное пространство школы видится важным условием спортивно-ориентированного физического воспитания современных подростков. Практическая реализация данного процесса должна осуществляться по следующим направлениям:

1. Включение элементов самбо в содержание уроков физической культуры и развитие внеурочных форм работы.

А.П. Шкляренко справедливо отмечает, что «борьба самбо может использоваться на уроке физической культуры, поскольку позволяет успешно решать весь комплекс задач по физическому развитию и физической подготовленности учащихся... Занятия данным видом спорта могут проводиться, как самостоятельный урок физической культуры, так и в сочетании с другими видами спорта входящих в программу по физической культуре для образовательных учреждений» [13, с. 99].

В результате урок физической культуры получается более содержательно насыщенным, повышается интерес подростков к занятиям, расширяется вариативность двигательной деятельности, создаются предпосылки формирования мотивации к физической активности.

Вместе с тем, в рамках только урочного формата возможности спортивно-ориентированного физического воспитания ограничены как по времени, так и по вариативности педагогического воздействия. Для полноценного закрепления навыков необходим выход за пределы обязательного учебного времени. Эту проблему решает внеурочная деятельность.

Актуальной организационной формой внеурочной деятельности является деятельность школьного спортивного клуба. Е.В. Ломакина отмечает, что «школьный спортивный клуб осуществляет свою деятельность с целью привлечения обучающихся в занятия физической культурой, школьным и массовым спортом, формирования здорового образа жизни, а также развития и популяризации традиций региона в области физической культуры и спорта» [5, с. 16]. Кроме деятельности школьного клуба к востребованным формам внеурочной деятельности можно отнести организацию секций, кружков, факультативов.

2. Обеспечение материально-технических условий. Самбо предъявляет специфические требования к оснащению образовательного процесса, так как характер двигательных действий связан с падениями, борьбой в парах и необходимостью защиты обучающихся от травмирующих воздействий. Для педагогически корректного освоения технических действий необходимо как минимум:

- наличие специализированного борцовского покрытия (ковров или матов);
- использование соответствующей спортивной экипировки (куртки для самбо, шорты, пояса, спортивной формы, мягкая обувь, защитные элементы при необходимости);
- наличие достаточного пространства для организации работы в парах и группах без риска травматизма;
- использование вспомогательного спортивного инвентаря (тренировочные маты, гимнастические снаряды, страховочные средства, разметки для организации упражнений);
- обеспечение надлежащего санитарно-гигиенического состояния спортивного помещения (освещение, вентиляция, температурный режим и пр.) [2, с. 34].

3. Кадровое обеспечение процесса обучения. Поскольку самбо в школьной среде позиционируется как средство комплексного развития личности, базовой способностью педагога является реализация обучающей функции. В частности, педагог должен обладать специальными компетенциями, связанными с методикой преподавания элементов самбо, организацией безопасного контактного взаимодействия. Кроме того, педагогу необходимо понимать возрастные особенности подростков, владеть основами дидактики физического воспитания, уметь адаптировать элементы самбо к условиям общеобразовательной школы, корректно дозировать нагрузки и обеспечивать дисциплину в процессе занятий.

4. Включение самбо в систему школьных мероприятий в рамках спортивных праздников, соревнований, военно-патриотических и физкультурно-оздоровительных акций и прочих видов мероприятий. Подобные инициативы со стороны руководства школы позволяют сделать данный вид деятельности более заметной частью общего воспитательного пространства школы. Обеспечивается популяризация культурных ценностей самбо в школьной среде.

5. Взаимодействие школы с семьей. Данная мера, как направление интеграции самбо в образова-

тельное пространство, позволяет значительно повысить воспитательный потенциал самбо. Это объясняется тем, что при согласованности воспитательных усилий школы и семьи создаются более устойчивые условия формирования у подростка положительного отношения к занятиям.

Отдельно необходимо остановиться на государственных инициативах, направленные на популяризацию самбо. В контексте общеобразовательной среды наибольший интерес представляет Всероссийский проект «Самбо – в школу!» [1]. Это крупный образовательно-спортивный проект, ориентированный на продвижение самбо в общеобразовательных организациях Российской Федерации как средства воспитания школьников.

Ключевой целью проекта является «формирование условий для физического, гражданского, патриотического и нравственного воспитания школьников через использование потенциала самбо, как национального достояния России, в рамках общего и дополнительного образования детей и подростков» [1].

Проект реализуется в системе общего и дополнительного образования. В качестве одного из ключевых направлений выделяется школьная лига самбо, которая объединяет соревновательные, просветительские и воспитательные форматы работы. С педагогической точки зрения значение проекта «Самбо – в школу!» состоит в том, что он создает организационно-методические условия интеграции самбо в образовательное пространство школы.

Структурно проект «Самбо – в школу!» включает:

- включение в дисциплинку «Физическая культура» третьим уроком;
- развитие в системе дополнительного образования;
- реализацию кадрово-методического направления – повышение квалификации педагогов и их подготовка к сочетанию урочных и внеурочных форм работы;
- внедрение самбо в деятельность школьных спортивных клубов.

Таким образом, проект способствует формированию комплексной воспитательной среды, в которой данный вид единоборств используется как средство приобщения школьников к ценностям отечественной физической культуры и расширения практик школьного воспитания.

Выводы

В заключение следует отметить, что самбо обладает выраженным культурно-педагогическим потенциалом и может рассматриваться, помимо вида спортивного единоборства, как актуальное средство воспитательного воздействия в условиях общеобразовательной школы. Самбо способствует укреплению здоровья, развитию физических качеств подростков, приобщению их к культурным ценностям отечественной физической культуры, патриотизма, гражданственности.

Интеграция самбо в образовательное пространство школы наиболее продуктивна при сочетании урочных и внеурочных форм работы. Необходимо обеспечение материально-технических условий, подготовка педагогических кадров, включение самбо в систему школьных мероприятий и взаимодействие школы с семьей. Важное значение в этом процессе имеют и государственные инициативы, прежде всего проект «Самбо – в школу!».

Результатом такой интеграции становится превращение самбо в значимый ресурс спортивно-ориентированного физического воспитания современных подростков.

Список источников

1. Всероссийский проект «Самбо в школу». URL: <https://ssambo.ru> (дата обращения: 22.02.2026)
2. Головихин Е.В. Программа по Самбо. Спортивно-оздоровительный этап (общеразвивающая). URL: https://dussh-5.kamch.sportsng.ru/media/2019/03/31/1260067208/SOG_sambo.pdf. (дата обращения: 22.02.2026)
3. Гришин С. История Самбо. URL: <https://sambo.sport/ru/news/istoriya-sambo> (дата обращения: 22.03.2026)
4. Гриценко В.Д. Самбо как прикладной и массовый вид спорта // Наука и глобальные вызовы: перспективы развития: сборник статей II Международной научно-практической конференции, Симферополь, 14 мая 2024 года. Симферополь: ИТ «Ариал», 2025. С. 380 – 386.
5. Ломакина Е.В., Ломакина В.Е. Методические рекомендации по реализации Всероссийского проекта «Самбо – в школу!» в общеобразовательных организациях Российской Федерации. М., 2023. 20 с.
6. Наврузов Б. Историческое развитие самбо: от зарождения до современности // Вестник науки. 2024. № 12 (81). С. 1032 – 1043.

7. О развитии борьбы вольного стиля: Приказ по Всесоюзному комитету по делам физкультуры и спорта при СНК СССР от 16 ноября 1938 года № 633. URL: <https://sambo.sport/ru/news/istoriya-sambo> (дата обращения: 22.02.2026)
8. Паутов А.Д., Великодная А.А. Самбо как национальная идея патриотического воспитания // Физкультурное образование Сибири. 2017. № 2 (38). С. 77 – 80.
9. Кондаков А.М., Семьин И.В., Винокуров Д.С., Чухарева А.В. Проект "Самбо в школу" как эффективное средство профилактики асоциальных явлений в молодёжной среде // Молодежь в новом тысячелетии: проблемы и решения: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Омск, 26 февраля 2019 года. Омск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Сибирский государственный университет физической культуры и спорта", 2019. С. 73 – 78.
10. Рыжак П.А. Применение элементов самбо в школьной программе по физической культуре // Вопросы педагогики. 2022. № 11-1. С. 98 – 99.
11. Сухова Е.А., Ходыкина Д.А. Национальный и приоритетный российский вид спорта самбо: проблемы и перспективы развития // Межкультурное общение: лингвистические основы и стратегии обучения: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, Воронеж, 01 ноября 2022 года. Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, 2022. С. 178 – 180.
12. Носов С.А., Алдошин А.В., Амирханян В.Г. и др. Характеристика самбо как вид спортивных единоборств и средство физического воспитания // Успехи гуманитарных наук. 2020. № 10. С. 58 – 61.
13. Шкляренко А.П., Сердюк В.А. 2.4. Некоторые педагогические аспекты развития самбо в физическом воспитании современной школы // Современные тенденции развития физической культуры и спорта. Ульяновск: ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (издательство "Зебра"), 2022. С. 95 – 104.
14. Яринских И.А. История самбо – история России // Физическое воспитание и детско-юношеский спорт. 2019. № 3-4. С. 51 – 53.

References

1. All-Russian project "Sambo in School." URL: <https://ssambo.ru> (date of access: 22.02.2026)
2. Golovikhin E.V. Sambo Program. Sports and Health Stage (General Developmental). URL: https://dussh-5.kamch.sportsng.ru/media/2019/03/31/1260067208/SOG_sambo.pdf. (date of access: 22.02.2026)
3. Grishin S. History of Sambo. URL: <https://sambo.sport/ru/news/istoriya-sambo> (date of access: 22.02.2026)
4. Gritsenko V.D. Sambo as an Applied and Mass Sport. Science and Global Challenges: Development Prospects: Collection of Articles from the II International Scientific and Practical Conference, Simferopol, May 14, 2024. Simferopol: IT "Arial", 2025. P. 380 – 386.
5. Lomakina E.V., Lomakina V.E. Methodological Recommendations for the Implementation of the All-Russian Project "Sambo to School!" in General Education Organizations of the Russian Federation. Moscow, 2023. 20 p.
6. Navruzov B. Historical Development of Sambo: from Inception to the Present Day. Science Herald. 2024. No. 12 (81). P. 1032 – 1043.
7. On the development of freestyle wrestling: Order of the All-Union Committee for Physical Culture and Sports under the Council of People's Commissars of the USSR dated November 16, 1938, No. 633. URL: <https://sambo.sport/ru/news/istoriya-sambo> (date of access: 03.22.2026)
8. Pautov A.D., Velikodnaya A.A. Sambo as a national idea of patriotic education. Physical Education in Siberia. 2017. No. 2 (38). P. 77 – 80.
9. Kondakov A.M., Semynin I.V., Vinokurov D.S., Chukhareva A.V. The "Sambo to School" Project as an Effective Means of Preventing Antisocial Phenomena Among the Youth. Youth in the New Millennium: Problems and Solutions: Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Omsk, February 26, 2019. Omsk: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Siberian State University of Physical Education and Sports", 2019. P. 73 – 78.
10. Ryzhakov P.A. Application of Sambo Elements in the School Physical Education Curriculum. Issues of Pedagogy. 2022. No. 11-1. P. 98 – 99.
11. Sukhova E.A., Khodykina D.A. The national and priority Russian sport of sambo: problems and development prospects. Intercultural communication: linguistic foundations and teaching strategies: Proceedings of the international scientific and practical conference dedicated to the 110th anniversary of the Voronezh State Agrarian University, Voronezh, November 1, 2022. Voronezh: Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great, 2022. P. 178 – 180.

12. Nosov S.A., Aldoshin A.V., Amirkhanyan V.G., et al. Characteristics of sambo as a type of combat sports and a means of physical education. *Uspekhi gumanitarnykh nauk*. 2020. No. 10. P. 58 – 61.

13. Shklyarenko A.P., Serdyuk V.A. 2.4. Some pedagogical aspects of the development of sambo in physical education of a modern school. *Modern trends in the development of physical culture and sports*. Ulyanovsk: IP Kenshenskaya Victoria Valerievna (Zebra Publishing House), 2022. P. 95 – 104.

14. Yarinskikh I.A. The history of sambo – the history of Russia. *Physical education and children's and youth sports*. 2019. No. 3-4. P. 51 – 53.

Информация об авторе

Пивник Н.А., аспирант, Адыгейский государственный университет, 013nikitos@mail.ru

© Пивник Н.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

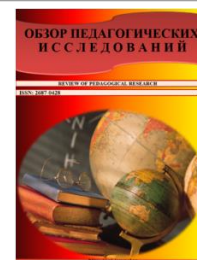
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.4. Физическая культура и профессиональная физическая подготовка (педагогические науки)

УДК 796.011.3

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-253-259

Формирование спортивной культуры личности в условиях студенческого спортивного клуба «Достоевский»: педагогические аспекты

¹ М. Достоевского

Аннотация: в статье анализируется опыт создания и функционирования студенческого спортивного клуба «Достоевский» в Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского. Актуальность исследования обусловлена необходимостью реализации государственной политики в сфере физического воспитания студенческой молодежи и поиска эффективных организационно-педагогических моделей вовлечения студентов в систематическую физкультурно-спортивную деятельность. На основе анализа динамики развития клуба за период 2022-2026 гг. выявлены позитивные тенденции: увеличение количества сборных команд с 17 до 22, рост числа регулярно занимающихся студентов на 73%, расширение коммерческих спортивных секций с 9 до 12 и массовых спортивных мероприятий с 17 до 28.

Представлены результаты выступления сборных команд в Спартакиаде вузов Омской области (шахматы – 1-е место седьмой год подряд, волейбол – 2-е и 3-е места, борьба – призовые места). Отдельное внимание уделено развитию адаптивного спорта: создан специализированный клуб «Равные возможности», проведен первый инклюзивный фестиваль «Спорт для всех», разработана уникальная роликовая платформа для адаптивных видов спорта, реализуются программы волонтерской работы с детьми с РАС и физической реабилитации участников СВО. Описана системная работа кафедры адаптивной и физической культуры по подготовке тренерских кадров и организации учебно-тренировочного процесса. Обосновано, что ключевым педагогическим условием успешного развития студенческого спорта выступает интеграция учебного процесса, внеучебной деятельности и системы спортивных соревнований (Кубок ректора, студенческие лиги), обеспечивающая преемственность массового спорта, адаптивных практик и спорта высших достижений.

Ключевые слова: студенческий спортивный клуб, спортивная культура личности, адаптивная физическая культура, кафедра адаптивной и физической культуры, массовый студенческий спорт, инклюзивный спорт, Кубок ректора, студенческие спортивные лиги

Для цитирования: Арбузова Е.Н., Синельникова Т.В. Формирование спортивной культуры личности в условиях студенческого спортивного клуба «Достоевский»: педагогические аспекты // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 253 – 259. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-253-259

Поступила в редакцию: 14 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Formation of a sports culture of personality in the conditions of the student sports club "Dostoevsky": pedagogical aspects

¹ Arbuzova E.N., ¹ Sinelnikova T.V.,
¹ Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

Abstract: the article analyzes the experience of creating and functioning of the student sports club "Dostoevsky" at Omsk State University named after F.M. Dostoevsky. The relevance of the study is due to the need to implement state policy in the field of physical education of student youth and the search for effective organizational and pedagogical models for involving students in systematic physical education and sports activities. Based on the analysis of the dynamics of the club's development for the period 2022-2026, positive trends were identified: an increase in the number of national teams from 17 to 22, an increase in the number of regularly engaged students by 73%, an expansion of commercial sports sections from 9 to 12 and mass sports events from 17 to 28.

The results of the performance of national teams in the Spartakiad of universities of the Omsk region are presented (chess – 1st place for the seventh year in a row, volleyball – 2nd and 3rd places, wrestling – prizes). Special attention is paid to the development of adaptive sports: a specialized club "Equal Opportunities" has been created, the first inclusive festival "Sport for All" has been held, a unique roller platform for adaptive sports has been developed, programs for volunteering with children with ASD and physical rehabilitation of SVO participants are being implemented. The systematic work of the Department of Adaptive and Physical Culture on the training of trainers and the organization of the training process is described. It is justified that the key pedagogical condition for the successful development of student sports is the integration of the educational process, extracurricular activities and the system of sports competitions (Rector's Cup, student leagues), which ensures the continuity of mass sports, adaptive practices and sports of the highest achievements.

Keywords: student sports club, personality sports culture, adaptive physical culture, department of adaptive and physical culture, mass student sports, inclusive sports, Rector's Cup, student sports leagues

For citation: Arbuzova E.N., Sinelnikova T.V. Formation of a sports culture of personality in the conditions of the student sports club "Dostoevsky": pedagogical aspects. Review of Pedagogical Research. 2026. 8 (6). P. 253 – 259. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-253-259

The article was submitted: April 14, 2026; Approved after reviewing: May 12, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

В условиях современной геополитической ситуации интеллектуальный, оборонный и трудовой потенциал молодежи становится приоритетом стратегии развития страны. Устойчивое формирование человеческого капитала во многом обеспечивается внедрением физической культуры и спорта в систему высшего образования. В этой связи студенческие спортивные клубы рассматриваются как наиболее эффективная платформа для управления студенческим спортом, создания экосистемы устойчивого взаимодействия между студентами, преподавателями и администрацией вуза [1, 2, 3, 4].

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского имеет давние спортивные традиции, берущие начало еще с 1974 года. Однако новый этап развития университетского спорта начался в 2022 году с созданием студенческого спортивного клуба «Достоевский». За короткий период клуб прошел путь от формирования первых сборных команд до системной работы, охватывающей массовый спорт, спорт высших достижений и подготовку тренерских кадров на базе кафедры адаптивной и физической культуры. Важно отметить, что кафедра не только готовит специалистов, но и выступает драйвером инновационных проектов в области адаптивного спорта и реабилитации, что подтверждается участием в разработке специализированных устройств и проведении всероссийских фестивалей [6].

Цель исследования – проанализировать динамику развития студенческого спортивного клуба «Достоевский» и выявить педагогические условия формирования спортивной культуры личности в условиях современного вуза.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую базу исследования составили отчеты о деятельности спортивного клуба «Достоевский» и кафедры адаптивной и физической культуры ОмГУ за период 2022-2026 гг. Использованы результаты Spartakiady образовательных учреждений высшего образования Омской области за 2023-2025 гг., итоги

Кубка ректора ОмГУ 2024 г., данные мониторинга вовлеченности студентов в физкультурно-спортивную деятельность. В работе применены методы анализа документов, педагогического наблюдения, сравнительного анализа и математической обработки данных. Для оценки эффективности деятельности спортивного клуба использовалась методика, основанная на 15 объективных критериях, разработанная в ходе предварительного исследования.

Результаты и обсуждения

1. Спортивный клуб «Достоевский» как центр студенческого спорта

Студенческий спортивный клуб «Достоевский» был создан в 2022 году и за первый год работы продемонстрировал устойчивый рост всех показателей спортивной деятельности. Мониторинг развития клуба выявил следующую динамику (2022-2024 г.г.): количество сборных команд увеличилось от 17 до 22; коммерческих спортивных секций от 9 до 12; спортивных сооружений клуба от 7 до 10; студентов, регулярно посещающих спортивные секции от 153 до 207 человек; преподаватели и сотрудники, вовлеченные в занятия физической культурой и спортом от 31 до 58 человек; тренеры спортивных секций от 7 до 12 человек; количество массовых спортивных мероприятий от 17 до 28; Всероссийские соревнования с участием сборных ОмГУ от 3 до 8; видов спорта в программе Кубка ректора от 16 до 18; команд участниц Кубка ректора от 64 до 95 (составлено по данным официального сайта ОмГУ и спортивного клуба «Достоевский»).

Наиболее посещаемыми спортивными объектами стали плавательный бассейн, залы борьбы, кикбоксинга и кроссфита. Выявлен значительный рост числа девушек, заинтересованных в физической активности: прирост показателя составил 280 человек, общая численность вовлеченных студенток достигла 358. Особого внимания заслуживает включение в работу клуба студентов младших курсов: их количество увеличилось с 62 до 189 человек за первый год и с 20 до 174 – за второй. Магистранты стали лидерами сборных команд и наставниками молодых спортсменов, что свидетельствует о выстраивании преемственности спортивной подготовки в университете.

Общее число студентов, систематически занимающихся физической культурой и спортом в университете, возросло на 73%. Доминирующими мотивами занятий выступили укрепление здоровья, улучшение силовых показателей и эстетический компонент, что указывает на сформированность устойчивой потребности в физическом совершенствовании.

2. Достижения сборных команд в спартакиаде вузов

Высокий уровень подготовки спортсменов ОмГУ подтверждается результатами выступлений в Спартакиаде образовательных учреждений высшего образования Омской области. В сезоне 2023/2024 учебного года призерами стали сборные команды по следующим видам спорта: шахматы – 1 место, самбо – 2 место, волейбол (муж.) – 2 место, волейбол (жен.) – 3 место, спортивное ориентирование – 3 место, дзюдо – 3 место, греко-римская борьба – 3 место. По итогам спартакиады ОмГУ впервые в своей истории занял почетное 3-е место среди неспортивных вузов Омска.

В сезоне 2024/2025 учебного года позиции университета укрепились: сборная ОмГУ второй год подряд вошла в тройку сильнейших в итоговом зачете Межвузовской спартакиады Омской области. Шахматная команда удерживает первое место седьмой год подряд. Серебряными призерами стали дзюдоисты и борцы греко-римского стиля, женская сборная по волейболу завоевала бронзу среди 8 команд региона, мужчины-волейболисты также поднялись на третью ступень пьедестала.

3. Развитие массового студенческого спорта и новые форматы

Важнейшим инструментом вовлечения студентов в систематическую спортивную деятельность стал Кубок ректора ОмГУ, учрежденный в 2022 году. Соревнования проводятся в течение всего календарного года, охватывая 18 дисциплин: легкую атлетику, плавание, баскетбол, волейбол, бадминтон, шахматы, кроссфит, мини-футбол и другие. Уникальность Кубка ректора заключается в доступности для студентов без специальной спортивной подготовки, что способствует массовости и формирует у участников спортивный азарт и мотивацию к регулярным занятиям.

Организацией и проведением соревнований в рамках Кубка ректора занимаются преподаватели кафедры адаптивной и физической культуры. По итогам 2024 года победителем Кубка стал факультет истории, теологии и международных отношений, второе место занял юридический факультет, третье – факультет филологии, переводоведения и медиакоммуникаций. Итак, спорт приобретает массовый характер в университете – всё больше студентов участвуют в соревнованиях, многие занимают места на турнирах и попадают в сборные.

4. Спорт высших достижений: борьба, кикбоксинг, хоккей

Особого внимания заслуживают успехи студентов и преподавателей в спорте высших достижений.

Кикбоксинг – вид спорта, где ОмГУ достиг значительных результатов. На чемпионате Сибирского федерального округа по кикбоксингу, где 680 спортсменов боролись за победу, спортивный клуб «Достоевский» завоевал 6 золотых, 1 серебряную и 4 бронзовых медали.

Борьба – традиционно сильное направление в ОмГУ. Сборная университета по греко-римской борьбе в сезоне 2024/2025 завоевала серебро, уступив лишь команде ОмГТУ с минимальным отрывом в 1 балл (46 против 47). Воспитанники кафедры адаптивной и физической культуры регулярно становятся призерами чемпионатов Европы и международных соревнований.

Хоккей – особый вид спорта для ОмГУ. Хоккейная команда была сформирована в 2022 году, и уже в 2023 году ректор ОмГУ Сергей Замятин подписал соглашение о сотрудничестве с Ассоциацией поддержки и развития студенческого хоккея «Студенческая хоккейная лига». ОмГУ – единственный вуз в регионе, принимающий участие в соревнованиях Всероссийской студенческой хоккейной лиги. По итогам регулярного чемпионата 2023/2024 сборная заняла 5-е место в дивизионе «Восток», впервые попав в плей-офф. Хоккеисты университета стали чемпионами Городской студенческой хоккейной лиги в «Золотом дивизионе» и двукратными обладателями Суперкубка СХЛ Омской области. В сезоне 2024/2025 хоккеисты завоевали серебро в омской Студенческой хоккейной лиге и впервые в истории Омской области и университета сыграли в «Финале восьми» Чемпионата СХЛ на Федеральной территории «Сириус» г. Сочи.

5. Адаптивный спорт: от теории к инклюзивной практике

Важнейшим направлением развития университетского спорта в ОмГУ стала работа в области адаптивной физической культуры. В ноябре 2023 года на базе кафедры адаптивной и физической культуры и при активном участии спортивного клуба «Достоевский» был создан специализированный спортивный клуб «Равные возможности». Основная цель клуба – создание инклюзивной среды для занятий спортом студентов с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и специальных медицинских групп.

Ключевым событием в этой сфере стал первый фестиваль инклюзивного спорта «Спорт для всех», прошедший в декабре 2024 года. В соревнованиях приняли участие более 60 студентов с ОВЗ, которые состязались в семи дисциплинах: дартс, настольный керлинг, баскетбольный и футбольный тесты, бадминтон и полоса препятствий. Фестиваль не только дал возможность студентам проявить себя, но и послужил отбором кандидатов в основной состав университетских команд по адаптивному спорту. Это первый подобный фестиваль. Он организован с целью создания инклюзивной среды, благоприятной для воплощения академической, оздоровительной и спортивной деятельности студентов. Спорт доступен всем, независимо от функционального состояния [7].

Помимо организации соревнований, кафедра и клуб «Равные возможности» развернули активную просветительскую и волонтерскую деятельность. Студенты направления «Адаптивная физическая культура» выступают в качестве волонтеров, инструкторов и организаторов мероприятий. В частности, они регулярно работают с детьми с расстройствами аутистического спектра (РАС) в рамках проектов по роллер-спорту и горнолыжной подготовке, демонстрируя высокий уровень педагогической компетентности и социальной ответственности [5].

Значительным достижением стала научно-исследовательская и инновационная работа кафедры. Совместно с фондом «Защитники Отечества» и организацией «Возрождение человека» был разработан и запущен проект по созданию универсальной роликковой платформы для адаптивного спорта. Это устройство с уникальной конструкцией, легко настраиваемое под индивидуальные особенности спортсмена, было успешно протестировано сборной «Омские крылья» по следж-хоккею [8].

На его базе университет планирует развивать пять новых видов адаптивного спорта: флорбол, волейбол, регби, баскетбол 2×2 и лазерный биатлон. Представители вуза презентовали эту технологию на всероссийском уровне – в марте 2026 года ОмГУ выступил ключевым инноватором на инклюзивном фестивале «возМОЖНОсти» в Москве, где студенты под руководством преподавателей провели мастер-класс по роликковому флорболу и настольному керлингу [9].

Не менее важной социальной задачей, решаемой в стенах университета, является физическая реабилитация участников специальной военной операции. На базе спортивно-оздоровительного комплекса и кафедры адаптивной и физической культуры созданы все необходимые условия для восстановления бойцов. Университет разрабатывает и внедряет персонализированные программы, использующие физическую культуру и спорт в качестве ключевых инструментов реабилитации, помогая ветеранам адаптироваться и возвращаться к полноценной жизни. Руководство вуза делает акцент на разработке особых решений для ветеранов СВО, помогая их адаптации через спорт и современные технологии [10, 11].

6. Кафедра адаптивной и физической культуры: подготовка кадров и развитие спортивной науки

Активное развитие спорта в ОмГУ стало возможным благодаря системной работе кафедры адаптивной и физической культуры. Кафедра реализует образовательные программы бакалавриата по направлению «Физическая культура для лиц с отклонениями в состоянии здоровья (адаптивная физическая культура)», профиль «Лечебная физическая культура», а также магистерскую программу «Адаптивная физическая культура в учреждениях образования и социальной защиты». Преподаватели кафедры обеспечивают не только учебный процесс, но и тренировочную работу со сборными командами, организацию массовых спортивных мероприятий и научные исследования в области спортивной физиологии.

В 2016 году в университете был создан факультет физической культуры, реабилитации и спорта, который впоследствии был интегрирован в структуру кафедры адаптивной и физической культуры, что позволило усилить научно-методическое обеспечение спортивной подготовки. Сегодня кафедра является ведущим центром подготовки специалистов в области адаптивной физической культуры в Омском регионе.

Анализ деятельности спортивного клуба «Достоевский» позволяет выделить несколько ключевых педагогических условий, обеспечивших успешное развитие студенческого спорта в ОмГУ.

Первое условие – институциональная поддержка на уровне ректората. Включение спорта в число приоритетов развития университета, личное участие ректора в открытии новых направлений (подписание соглашения о развитии студенческого хоккея, учреждение Кубка ректора) создало необходимый административный ресурс.

Второе условие – интеграция учебного и внеучебного процессов. В отличие от модели, где занятия физической культурой ограничиваются академическими часами, в ОмГУ выстроена система, в которой учебные занятия (кафедра), внеучебная секционная работа (спортивный клуб) и соревновательная деятельность (Кубок ректора, студенческие лиги) взаимодополняют друг друга. Студенты имеют возможность заниматься как в рамках учебной программы, так и в коммерческих и бесплатных секциях по выбору.

Третье условие – преэминентность массового спорта и спорта высших достижений. Кубок ректора, открытый для всех желающих, выполняет функцию «воронки» для отбора талантливых спортсменов в сборные команды. В свою очередь, успехи сборных на всероссийском уровне формируют позитивный имидж университета и мотивируют первокурсников к занятиям спортом.

Четвертое условие – научно-методическое обеспечение на базе кафедры. Преподаватели кафедры адаптивной и физической культуры выступают одновременно тренерами сборных команд и исследователями, что обеспечивает внедрение научно обоснованных методик в тренировочный процесс.

Пятое условие – развитие адаптивного спорта как неотъемлемой части университетской спортивной культуры. Создание клуба «Равные возможности», проведение инклюзивных фестивалей, разработка инновационного оборудования и волонтерская деятельность студентов не только решают задачи социальной интеграции, но и формируют у всех участников образовательного процесса ценности толерантности, милосердия и профессиональной ответственности. Участие в таких проектах становится важным этапом профессионального становления будущих специалистов по адаптивной физической культуре.

Важно отметить, что выявленная динамика (рост числа студентов, занимающихся спортом, на 73%) существенно превышает средние показатели по другим вузам региона, что свидетельствует об эффективности предложенной модели.

Выводы

1. Создание студенческого спортивного клуба «Достоевский» в 2022 году стало системообразующим фактором развития физической культуры и спорта в Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского. За первый год работы клуба количество сборных команд увеличилось с 17 до 22, число студентов, регулярно занимающихся спортом, возросло на 73%, а количество массовых спортивных мероприятий – с 17 до 28.

2. Спортивные достижения студентов и преподавателей ОмГУ подтверждают высокий уровень подготовки: первое место в шахматах на спартакиаде вузов (седьмой год подряд), призовые места в волейболе, борьбе, самбо, дзюдо, кикбоксинге, выход хоккейной команды в «Финал восьми» Всероссийской студенческой хоккейной лиги.

3. В университете создана эффективная система развития адаптивного спорта и инклюзивной среды: действует специализированный клуб «Равные возможности», проводятся фестивали инклюзивного спорта, разработана и внедряется уникальная роликовая платформа для адаптивных видов спорта. Студенты-волонтеры активно работают с детьми с РАС и другими нозологиями, а созданная на базе кафедры инфраструктура позволяет проводить полноценную физическую реабилитацию участников СВО.

4. Ключевыми педагогическими условиями формирования спортивной культуры личности в вузе выступают: институциональная поддержка спорта на уровне ректората; интеграция учебного процесса, внеучебной деятельности и соревновательной практики; преемственность массового спорта (Кубок ректора) и спорта высших достижений (сборные команды); научно-методическое обеспечение на базе кафедры адаптивной и физической культуры; а также развитие адаптивного спорта как важного социально-педагогического ресурса.

5. Опыт спортивного клуба «Достоевский» может быть рекомендован к распространению в других университетах Российской Федерации как эффективная модель организации студенческого спорта, сочетающая массовость, доступность, инклюзивность и высокие спортивные результаты.

Список источников

1. Лубышева Л.И. Концепция физкультурного образования: методология развития и технология реализации // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 1996. № 1. С. 11 – 17.
2. Лубышева Л.И. Спортивно ориентированное физическое воспитание: образовательный и социальный аспекты // Теория и практика физической культуры. 2003. № 3. С. 19 – 22.
3. Матвеев Л.П. Общая теория спорта и её прикладные аспекты. 4-е изд. СПб.: Лань, 2005. 384 с.
4. Переверзин И.И. Искусство спортивного менеджмента. М.: Советский Спорт, 2004. 416 с.
5. Евсеев С.П. Адаптивная физическая культура: учебное пособие. М.: Советский спорт, 2022. 256 с.
6. Расин М.С., Фоменко А.А., Мурзин Ю.В. Развитие деятельности спортивного клуба в высшем учебном заведении // Теория и практика физической культуры. 2024. № 6. С. 22 – 25.
7. Дартс и керлинг: в ОмГУ провели первый фестиваль инклюзивного спорта. Омск-Информ. 2024. 25 декабря. URL: <https://omskinform.ru/news/201077>
8. Омские ученые вместе с фондом «Защитники Отечества» создали универсальную роликовую платформу для адаптивного спорта // Лента новостей Омска. 2025. 12 июля. URL: <https://omsk-news.net/sport/2025/07/12/644028.html>
9. ОмГУ представил новейшие адаптивные технологии на фестивале «возМОЖНОсти» // Доброспорт. 2026. 31 марта. URL: <https://dobrospot.tv/omgu-predstavil-novejshie-adaptivnye-tehnologii-na-festivale-vozmozhnosti/>
10. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 06.03.2022) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».
11. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года (распоряжение Правительства РФ от 24.11.2020 № 3081-р).

References

1. Lubysheva L.I. Concept of Physical Education Education: Development Methodology and Implementation Technology. Physical Education: Upbringing, Education, Training. 1996. No. 1. P. 11 – 17.
2. Lubysheva L.I. Sports-Oriented Physical Education: Educational and Social Aspects. Theory and Practice of Physical Education. 2003. No. 3. P. 19 – 22.
3. Matveyev L.P. General Theory of Sport and Its Applied Aspects. 4th ed. St. Petersburg: Lan, 2005. 384 p.
4. Pereverzin I.I. Art of Sports Management. Moscow: Sovetsky Sport, 2004. 416 p.
5. Evseyev S.P. Adaptive Physical Education: A Study Guide. Moscow: Sovetsky Sport, 2022. 256 p.
6. Rasin, M.S., Fomenko, A.A., Murzin, Yu.V. Development of Sports Club Activities in a Higher Education Institution. Theory and Practice of Physical Education. 2024. No. 6. P. 22 – 25.
7. Darts and Curling: Omsk State University Hosted the First Inclusive Sports Festival. Omsk-Inform. December 25, 2024. URL: <https://omskinform.ru/news/201077>
8. Omsk Scientists, Together with the Fatherland Defenders Foundation, Created a Universal Roller Platform for Adaptive Sports. Omsk News Feed. July 12, 2025. URL: <https://omsk-news.net/sport/2025/07/12/644028.html>
9. Omsk State University Presented the Latest Adaptive Technologies at the "VozmozhNOsti" Festival. Dobrospot. 2026. March 31. URL: <https://dobrospot.tv/omgu-predstavil-novejshie-adaptivnye-tehnologii-na-festivale-vozmozhnosti/>
10. Federal Law of December 4, 2007, No. 329-FZ (as amended on March 6, 2022) "On Physical Culture and Sports in the Russian Federation."
11. Strategy for the Development of Physical Culture and Sports in the Russian Federation through 2030 (RF Government Order of November 24, 2020, No. 3081-r).

Информация об авторах

Арбузова Е.Н., доктор педагогических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 644077, г. Омск, проспект Мира, д. 55-А, ArbuzovaEN@omsu.ru

Синельникова Т.В., кандидат педагогических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 644077, г. Омск, проспект Мира, д. 55-А, SinelnikovaTV@omsu.ru

© Арбузова Е.Н., Синельникова Т.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

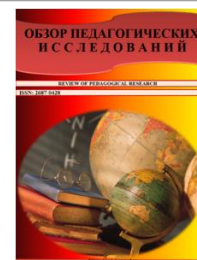
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 37.013

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-260-267

Субъектно-деятельностный подход как методологическое основание формирования профессионального самоопределения сотрудников полиции в процессе освоения правовых дисциплин

¹ Степанова И.А.,

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России

Аннотация: в статье представлено теоретико-методологическое обоснование субъектно-деятельностного подхода как ведущего концептуального основания педагогической технологии, направленной на формирование профессионального самоопределения сотрудников полиции на этапе профессионального обучения (профессиональной подготовки) в процессе освоения правовых дисциплин. Актуальность рассматриваемой проблематики обусловлена возрастающими требованиями к личностно-профессиональным качествам сотрудников органов внутренних дел, необходимостью обеспечения осознанного и устойчивого вхождения обучающихся в профессию правоприменителя, а также спецификой ведомственного профессионального образования системы МВД России, ориентированного на подготовку компетентного, ответственного и нравственно зрелого специалиста. Раскрываются теоретические истоки субъектно-деятельностного подхода в работах С.Л. Рубинштейна, К.А. Абульхановой-Славской, А.В. Брушлинского, А.К. Осницкого; обосновывается особая адекватность подхода задачам преподавания правовых дисциплин в системе ведомственного профессионального образования МВД России. Профессиональное самоопределение сотрудника полиции рассматривается как непрерывный, рефлексивный процесс становления обучающегося в качестве субъекта правоохранительной деятельности, охватывающий пять взаимосвязанных компонентов: мотивационно-ценностный, когнитивный, деятельностно-операционный, рефлексивно-оценочный, регулятивно-волевой, каждый из которых представляет одну из сторон субъектности будущего правоприменителя. Раскрываются концептуальные основания, содержательная и процессуальная структура авторской педагогической технологии, реализующей субъектно-деятельностный подход. Обосновывается соотношение субъектно-деятельностного и контекстного подходов в составе методологических оснований педагогической технологии формирования профессионального самоопределения сотрудников полиции.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, профессиональная подготовка, субъектно-деятельностный подход, сотрудник полиции, правовые дисциплины

Для цитирования: Степанова И.А. Субъектно-деятельностный подход как методологическое основание формирования профессионального самоопределения сотрудников полиции в процессе освоения правовых дисциплин // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 260 – 267. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-260-267

Поступила в редакцию: 15 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Subject-activity approach as a methodological basis for the formation of professional self-determination of police officers in the process of mastering legal disciplines

¹ Stepanova I.A.,

¹ St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: the article presents a theoretical and methodological substantiation of the subject-activity approach as the leading conceptual foundation of a pedagogical technology aimed at forming the professional self-determination of police officers at the stage of vocational training (professional preparation) in the process of mastering legal disciplines. The relevance of the issue under consideration is determined by the growing requirements for the personal and professional qualities of officers of the internal affairs bodies, the need to ensure a conscious and sustainable entry of trainees into the profession of a law enforcement officer, as well as the specifics of departmental vocational education within the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, oriented toward the training of a competent, responsible, and morally mature specialist. The article reveals the theoretical origins of the subject-activity approach in the works of S. L. Rubinshtein, K. A. Abulkhanova-Slavskaya, A. V. Brushlinsky, A. K. Osnitsky, and V. A. Slastyonin; the particular adequacy of this approach to the tasks of teaching legal disciplines within the system of departmental vocational education of the Ministry of Internal Affairs of Russia is substantiated. The professional self-determination of a police officer is considered as a continuous, reflective process of the trainee's formation as a subject of law enforcement activity, encompassing five interrelated components: motivational-value, cognitive, activity-operational, reflective-evaluative, and regulatory-volitional, each of which represents one of the facets of the subjectivity of the future law enforcement officer. The conceptual foundations, as well as the content and procedural structure of the author's pedagogical technology implementing the subject-activity approach, are revealed. The correlation between the subject-activity and contextual approaches as components of the methodological foundations of the pedagogical technology for forming the professional self-determination of police officers is substantiated.

Keywords: professional self-determination, vocational training, subject-activity approach, police officer, legal disciplines

For citation: Stepanova I.A. Subject-activity approach as a methodological basis for the formation of professional self-determination of police officers in the process of mastering legal disciplines. *Review of Pedagogical Research*. 2026. 8 (6). P. 260 – 267. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-260-267

The article was submitted: April 15, 2026; Approved after reviewing: May 13, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Современная социально-политическая ситуация и усложнение задач, стоящих перед органами внутренних дел Российской Федерации, предъявляют повышенные требования к качеству профессиональной подготовки сотрудников полиции. Профессиональное обучение лиц, впервые принятых на службу в органы внутренних дел, является стратегически значимым направлением деятельности образовательных организаций МВД России и решающим этапом первичной профессиональной подготовки сотрудников полиции. Качественное выполнение служебных задач сотрудниками полиции определяется не только освоением ими нормативно-правовых актов и тактических приемов, но и в первую очередь – становлением их зрелого профессионального самоопределения, охватывающего ценностно-смысловое, когнитивное, деятельностное, рефлексивное и регулятивно-волевое измерения их профессиональной личности. Этап профессионального обучения занимает в процессе формирования профессионального самоопределения центральное положение, поскольку именно на нем осуществляется первичная профессиональная идентификация и закладываются основания дальнейшего профессионального пути.

Современная практика реализации основной программы профессионального обучения характеризуется рядом особенностей, осложняющих формирование профессионального самоопределения: краткосрочностью обучения, интенсивностью учебного содержания, преобладанием в практике преподавания традиционных методов работы. Особое место в структуре содержания профессионального обучения занимают правовые дисциплины, которые в силу правовой природы правоохранительной деятельности образуют содержательное ядро подготовки сотрудника полиции. Однако в традиционной практике их преподавание неред-

ко сводится к освоению формальных нормативных предписаний без раскрытия их социального смысла и ценностных оснований, что не способствует становлению зрелого профессионального самоопределения обучающихся.

Сложившееся положение порождает противоречие между потребностью государства и общества в сотрудниках полиции с развитым профессиональным самоопределением, способных к ответственному выполнению служебных задач при безусловном уважении прав и свобод человека, и недостаточной разработанностью педагогических технологий целенаправленного формирования такого самоопределения в рамках основной программы профессионального обучения. Разрешение этого противоречия требует обоснованного выбора методологического основания соответствующей педагогической технологии.

Целью настоящей статьи является обоснование субъектно-деятельностного подхода в качестве ведущего методологического основания педагогической технологии формирования профессионального самоопределения сотрудников полиции на этапе профессионального обучения в процессе освоения правовых дисциплин и описание концептуальной архитектуры разработанной автором педагогической технологии.

Материалы и методы исследований

Теоретико-методологическую основу исследования составили: философско-психологические концепции самоопределения личности (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская); концепции профессионального самоопределения (Е.А. Климов, Н.С. Пряжников, А.К. Маркова); субъектно-деятельностный подход (А.В. Брушлинский, А.К. Осницкий); теория контекстного обучения А.А. Вербицкого; андрагогический подход (С.Г. Вершловский, С.И. Змеёв); гуманитарно-антропологический подход (В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев); рефлексивный подход в образовании (П.Г. Щедровицкий, А.В. Карпов); теория педагогической технологии (В.П. Беспалько, Г.К. Селевко); теоретические разработки в области профессиональной подготовки сотрудников полиции (В.Я. Кикоть, А.С. Андрианов, Е.В. Сухарева, Р.Б. Зайцев, Р.Р. Галстян).

В исследовании применялся комплекс теоретических методов: анализ психолого-педагогической, нормативно-правовой литературы по проблеме; теоретическое моделирование педагогической технологии; систематизация, концептуализация и обобщение теоретических положений. Применение указанных методов обеспечило системную разработку методологического обоснования педагогической технологии и её концептуально-содержательной архитектуры.

Результаты и обсуждения

Субъектно-деятельностный подход представляет собой одну из наиболее разработанных линий отечественной психологии и педагогики, восходящую к работам С.Л. Рубинштейна и развитую в качестве самостоятельного методологического направления усилиями его учеников и последователей. Принципиальной особенностью этого подхода является рассмотрение человека как активного субъекта, способного к самодетерминации, самоорганизации; способного активно осуществлять познавательную, трудовую и другие виды деятельности в качестве организатора и автора собственной активности. С.Л. Рубинштейн заложил основания подхода через принцип единства сознания и деятельности – положение о том, что сознание включено во взаимодействие человека с миром и в этом взаимодействии формируется и проявляется, а человеческое развитие осуществляется именно в той предметной деятельности, в которой формируется его сознание [1]. Принципиальное значение имеет также положение С.Л. Рубинштейна о том, что внешние причины (в том числе педагогические воздействия) действуют только через внутренние условия, что задает ключевой методологический ориентир для проектирования педагогической работы: педагогический результат достигается не путем «формирующего воздействия» на обучающегося, а через активизацию его собственной деятельности по освоению учебного материала.

К.А. Абульханова-Славская, развивая концепцию С.Л. Рубинштейна, обосновала ключевую категорию субъектно-деятельностного подхода – «жизненную стратегию», в которой человек как субъект выступает «организатором собственной жизни и деятельности», способным выбирать направление своего развития и нести ответственность за этот выбор [2]. Применительно к проблематике профессионального становления это положение задает ключевой педагогический ориентир: профессиональное обучение должно обеспечивать развитие у обучающихся способности проектировать собственную профессиональную траекторию, делать обоснованный выбор в сложных служебных ситуациях, брать на себя ответственность за принимаемые правоприменительные решения.

А.В. Брушлинский углубил концепцию субъектности, рассматривая её как качественно определенный способ самоорганизации человека, характеризующийся способностью преобразовывать действительность и самого себя в процессе деятельности; субъектность формируется через включение человека в реальные

жизненные и профессиональные ситуации, требующие принятия самостоятельных решений [3]. Применительно к программе профессионального обучения это положение означает, что становление субъектности обучающегося требует систематической, последовательной работы, охватывающей весь период обучения и включающей разнообразные формы активности обучающихся.

А.К. Осницкий, разрабатывая понятие субъектности применительно к педагогической проблематике, определяет её как целостную и системную характеристику активности человека, выступающую как субъектная активность по отношению к собственной жизни и деятельности, и обосновывает положение о «субъектном опыте» – целостной системе внутренних регуляторов активности человека, включающей ценностный опыт, опыт рефлексии, опыт привычной активизации, операциональный опыт, опыт сотрудничества [4]. Это положение задает содержательный ориентир для проектирования педагогической технологии: формирование профессионального самоопределения предполагает развитие всех составляющих субъектного опыта обучающегося в их взаимосвязи.

Применение субъектно-деятельностного подхода в обучении сотрудников полиции правовым дисциплинам оправдано рядом преимуществ. Во-первых, природа правоохранительной деятельности изначально требует от сотрудника полиции зрелой субъектности – способности к самостоятельному принятию ответственных правоприменительных решений в условиях неопределенности, инициативной работы в различных служебных ситуациях, готовности нести ответственность за принятые решения. Соответственно, и профессиональная подготовка сотрудника полиции должна строиться как процесс становления его субъектности. Во-вторых, природа правовых дисциплин как таковая обладает деятельностной структурой, поскольку правовая норма существует именно как регулятор деятельности, её освоение естественным образом предполагает обращение к деятельностному контексту. В-третьих, субъектно-деятельностный подход обеспечивает эффективное становление профессионального самоопределения, поскольку включение обучающегося в активную деятельность по освоению, осмыслению и применению правового содержания побуждает его постоянно соотносить себя с этой деятельностью, формировать к ней личностное отношение, обретать субъектную позицию по отношению к будущей профессии.

В разработанной нами концепции профессиональное самоопределение сотрудника полиции рассматривается как длящийся, рефлексивный, ценностно-смысловой процесс становления обучающегося в качестве субъекта правоохранительной деятельности – самостоятельного, инициативного, ответственного правоприменителя, обретающего личностный смысл избираемой профессии, ценностно-смысловое отношение к ней, развитую профессиональную идентичность и готовность к самостоятельному выполнению служебных обязанностей.

Профессиональное самоопределение сотрудника полиции имеет системно-компонентную структуру, включающую пять взаимосвязанных компонентов, каждый из которых с позиций субъектно-деятельностного подхода представляет одну из сторон субъектности правоприменителя:

- мотивационно-ценностный компонент – система мотивов и ценностей, определяющих отношение обучающегося к профессии; принятие ценностей правоохранительной деятельности: законности, прав и свобод человека, профессиональной чести и достоинства, как личностных регуляторов собственной активности;
- когнитивный компонент – совокупность правовых знаний и сформированное профессиональное юридическое мышление как инструмент самостоятельной правоприменительной деятельности;
- деятельностно-операциональный компонент – практические умения правоприменительной деятельности, обеспечивающие способность самостоятельно действовать в служебных ситуациях разной сложности;
- рефлексивно-оценочный компонент – способность к самоанализу, адекватной самооценке, проектированию индивидуальной траектории профессионального развития;
- регулятивно-волевой компонент – эмоционально-волевая саморегуляция, готовность к ответственному принятию решений, способность сохранять профессиональную позицию в условиях стресса и неопределенности [5].

С позиций субъектно-деятельностного подхода развитие каждого компонента является одновременным развитием соответствующей стороны субъектности обучающегося [6]. Это положение определяет принцип системности педагогической работы: компоненты не развиваются изолированно, а только в единстве.

На основе субъектно-деятельностного подхода как ведущего методологического основания, при использовании контекстного подхода, андрагогического, гуманитарно-антропологического и рефлексивного подходов в качестве вспомогательных оснований, автором разработана педагогическая технология формирования профессионального самоопределения сотрудников полиции в процессе освоения правовых дисциплин. Технология удовлетворяет основным критериям технологичности, сформулированным Г.К. Селевко: концептуальности, системности, управляемости, эффективности, воспроизводимости [7].

Соотношение субъектно-деятельностного и контекстного подходов в структуре методологического основания технологии заслуживает специального обсуждения. Субъектно-деятельностный подход выступает в качестве ведущего методологического основания, определяя общую логику педагогической работы и рассмотрение обучающегося как субъекта собственного профессионального становления. Контекстный подход А.А. Вербицкого, согласно которому образовательный процесс целесообразно строить через последовательное развертывание трех базовых форм деятельности: учебной деятельности академического типа, квазипрофессиональной деятельности (имитационных и ролевых игр) и учебно-профессиональной деятельности [8,9] – выступает в качестве вспомогательного методологического основания, обеспечивающего конкретные педагогические средства организации деятельности обучающихся в учебном процессе. Два подхода методологически согласуются: субъектно-деятельностный подход обосновывает то, как обучающийся становится субъектом именно в активной деятельности и через неё, а контекстный подход предлагает педагогические средства организации этой деятельности применительно к профессиональной подготовке.

Содержательная часть технологии включает целевой отбор учебного материала в рамках правовых дисциплин и реализуется через систему сквозных содержательных линий, обеспечивающих междисциплинарную интеграцию. Каждая из этих линий обеспечивает развитие определенной стороны субъектности будущего сотрудника полиции – от ценностно-смысловой до операциональной и регулятивной.

Принципиальной составляющей содержательной части является воспитательный компонент. В логике субъектно-деятельностного подхода воспитательный компонент реализуется не как «формирование» определенных ценностей у обучающихся, что предполагало бы их пассивную позицию, а как создание условий для активного присвоения ими ценностно-смысловых оснований профессии [10].

Процессуальная часть технологии реализуется через последовательное развертывание трех форм деятельности обучающихся и поэтапную организацию работы, включающую четыре взаимосвязанных этапа: диагностико-целеполагающий, содержательно-аккумулятивный, практико-ориентированный, рефлексивно-проектировочный. На всех этапах обеспечивается ведущая активность обучающегося как субъекта собственного профессионального становления [11].

Реализация субъектно-деятельностного подхода в преподавании правовых дисциплин предполагает применение технологического инструментария, обеспечивающего активное проявление и развитие субъектности обучающегося. К ключевым технологическим решениям относятся следующие:

- Кейс-метод: выступает в качестве ведущего метода квазипрофессиональной деятельности. С позиций субъектно-деятельностного подхода обладает уникальным педагогическим потенциалом для становления субъектности правоприменителя, поскольку он систематически ставит обучающегося в положение самостоятельно принимающего профессиональное решение в условиях, моделирующих реальные. Технология сквозного кейса обеспечивает целостное проявление субъектности обучающегося в работе с одной и той же правоприменительной ситуацией с разных правовых позиций. Если изолированные кейсы каждой дисциплины формируют у обучающегося отдельные грани субъектной позиции, то сквозной кейс обеспечивает интеграцию этих граней в единое целое.

- Профессионально-имитационные и ролевые игры: основа квазипрофессиональной деятельности. Такие игры создают пространство, в котором обучающийся реализует свою субъектность в условиях, максимально приближенных к реальной профессиональной деятельности, но безопасных в плане последствий и ошибок. А.В. Брушлинский подчеркивал, что субъектность формируется именно через реальные жизненные и профессиональные ситуации, требующие самостоятельных решений [3].

- Систематическая работа с правовыми понятиями в логике субъектно-деятельностного подхода предполагает не запоминание определений, а проведение обучающегося через весь путь становления понятия – от обыденного представления через теоретическую структуру к ценностно-смысловому осмыслению [12]. Такой подход обеспечивает становление обучающегося в качестве субъекта правового мышления: правовое понятие усваивается как внутренний инструмент его собственного юридического мышления, что соответствует принципу единства сознания и деятельности С.Л. Рубинштейна.

- Рефлексивная работа в субъектно-деятельностной парадигме приобретает ключевое значение. А.К. Осницкий обосновал положение о том, что «опыт рефлексии» составляет одну из ключевых составляющих субъектного опыта [4]. Соответственно, рефлексивная работа в учебном процессе должна организовываться не как разовый акт в конце занятия, а как системная многоуровневая работа.

- Дифференцированный подход к категориям должностей. С позиций субъектно-деятельностного подхода дифференциация учебных материалов и заданий по категориям должностей при сохранении единой правовой основы обеспечивает каждому обучающемуся встречу с релевантным для его будущей должности материалом, что максимально активизирует его субъектную активность.

Реализация описанного технологического инструментария требует от преподавателя выполнения целого ряда функций, существенно расширяющих традиционное представление о деятельности преподавателя правовых дисциплин. С позиций субъектно-деятельностного подхода преподаватель в рамках программы выступает не как источник знаний, передающий их обучающимся, а как организатор учебно-профессиональной деятельности обучающихся, в которой они проявляют и развивают свою субъектность. Это требует от него специфической профессиональной компетентности: правовой, педагогической, андрагогической, рефлексивной. Принципиальное значение приобретает диалогический стиль работы преподавателя, основанный на признании обучающихся равноправными субъектами учебного процесса: трудно ожидать развития субъектности у тех, к кому относятся как к объектам формирующего воздействия. Преподаватель сам должен выступать как зрелый субъект образовательного процесса, способный гибко реагировать на актуальную ситуацию и обеспечивать развитие субъектности обучающихся [13].

Разработанный методологический подход согласуется с результатами смежных исследований в области профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел и одновременно вносит существенный новый вклад в разработку проблематики формирования профессионального самоопределения. Принципиальная новизна разработанного подхода состоит в обосновании субъектно-деятельностного подхода как ведущего методологического основания соответствующей педагогической технологии, что обеспечивает её соответствие современным требованиям к подготовке сотрудника полиции как самостоятельного, ответственного правоприменителя, действующего в правовом государстве.

Выводы

Проведенное теоретико-методологическое исследование позволяет сформулировать ряд итоговых положений:

1. Субъектно-деятельностный подход, разработанный С.Л. Рубинштейном и развитый в трудах К.А. Абульхановой-Славской, А.В. Брушлинского, А.К. Осницкого, обладает особой адекватностью задачам формирования профессионального самоопределения сотрудников полиции на этапе профессионального обучения в процессе освоения правовых дисциплин. Это обусловлено природой правоохранительной деятельности, изначально требующей от сотрудника зрелой субъектности; спецификой взрослого обучающегося с уже сформированной субъектностью; деятельностной природой правовых дисциплин; педагогической продуктивностью подхода в обеспечении становления обучающегося как субъекта будущей профессиональной деятельности.

2. Профессиональное самоопределение сотрудника полиции с позиций субъектно-деятельностного подхода определяется как длящийся, рефлексивный процесс становления обучающегося в качестве субъекта правоохранительной деятельности, имеющий системно-компонентную структуру, охватывающую пять взаимосвязанных компонентов: мотивационно-ценностный, когнитивный, деятельностно-операционный, рефлексивно-оценочный, регулятивно-волевой. Каждый из них представляет одну из сторон субъектности будущего правоприменителя.

3. Реализация субъектно-деятельностного подхода в преподавании правовых дисциплин обеспечивается комплексом педагогических методов и средств, систематически активизирующих субъектность обучающегося.

4. Деятельность преподавателя в рамках разработанной технологии трансформируется из трансляции правовых знаний в организацию учебно-профессиональной деятельности обучающихся, в которой они проявляют и развивают свою субъектность. Преподаватель выступает как зрелый субъект образовательного процесса, способный гибко реагировать на актуальную ситуацию и обеспечивать развитие субъектности обучающихся.

5. Разработанная педагогическая технология обладает теоретической значимостью – она расширяет научные представления о профессиональном самоопределении сотрудников полиции; обосновывает педагогический потенциал правовых дисциплин как системообразующего канала формирования профессионального самоопределения; обогащает методологию профессионального образования сотрудников полиции применением субъектно-деятельностного подхода. Перспективы дальнейшей разработки темы связаны с эмпирической верификацией разработанной педагогической технологии в условиях образовательных организаций системы МВД России, с её адаптацией к различным категориям сотрудников и форматам ведомственного образования, с исследованием возможностей применения цифровых образовательных технологий в формировании профессионального самоопределения сотрудников полиции на основе субъектно-деятельностного подхода.

Список источников

1. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. Санкт-Петербург: Питер, 2003. 512 с.
2. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. Москва: Мысль, 1991. 299 с.
3. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. Москва: Институт психологии РАН, 1994. 109 с.
4. Осницкий А.К. Проблемы исследования субъектной активности // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 5 – 19.
5. Чопик О.А. Проектирование многомерной модели формирования субъектной позиции студентов в цифровой образовательной среде // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 262 – 273.
6. Гапонова С.А., Серебрякова Т.А., Минаева Е.В. Профессиональное самоопределение как условие развития субъектности личности // Вестник практической психологии образования. 2025. Т. 22. № 2. С. 195 – 207.
7. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии: учеб. пособие. Москва: Народное образование, 1998. 256 с.
8. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. Москва: Высшая школа, 1991. 207 с.
9. Левченко А.А. Контекстный подход к обучению при подготовке сотрудников полиции к выполнению оперативно-служебных задач // Полицейская и следственная деятельность. 2023. № 1. С. 42 – 48.
10. Король А.И. Опыт профессионального и нравственного развития курсантов образовательных организаций МВД России // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 87-4. С. 186 – 189.
11. Ильиных Т.В. Педагогические условия развития субъектности студентов вуза: промежуточные результаты оценки авторской программы // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. № 7. С. 1017 – 1028.
12. Дунин В.С., Клеймёнов Е.А., Чепиков Е.В. Профессиональное обучение в образовательной организации МВД России: социологический анализ // Человек. 2021. № 3. С. 10 – 25.
13. Шаранов Ю.А., Софронова А.Ю., Распопин Е.В. Разработка методики изучения механизмов становления профессионального самосознания у сотрудников полиции // Психология и право. 2021. Т. 11. № 4. С. 138 – 152.

References

1. Rubinstein S.L. Being and Consciousness. Man and the World. St. Petersburg: Piter, 2003. 512 p.
2. Abulkhanova-Slavskaya K.A. Life Strategy. Moscow: Mysl', 1991. 299 p.
3. Brushlinsky A.V. Problems of the Psychology of the Subject. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 1994. 109 p.
4. Osnitsky A.K. Problems of Studying Subjective Activity. Issues of Psychology. 1996. No. 1. P. 5 – 19.
5. Chopik O.A. Designing a Multidimensional Model for Forming Students' Subjective Position in a Digital Educational Environment. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4 (108). P. 262 – 273.
6. Gaponova S.A., Serebryakova T.A., Minaeva E.V. Professional Self-Determination as a Condition for the Development of Personality Subjectivity. Bulletin of Practical Psychology of Education. 2025. Vol. 22. No. 2. P. 195 – 207.
7. Selevko G.K. Modern Educational Technologies: A Textbook. Moscow: Narodnoe obrazovanie, 1998. 256 p.
8. Verbitsky A.A. Active Learning in Higher Education: A Contextual Approach. Moscow: Vysshaya shkola, 1991. 207 p.
9. Levchenko A.A. A Contextual Approach to Training in Preparing Police Officers to Perform Operational and Service Tasks. Police and Investigative Activity. 2023. No. 1. P. 42 – 48.
10. Korol A.I. Experience of professional and moral development of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Problems of modern pedagogical education. 2025. No. 87-4. P. 186 – 189.
11. Ilyinykh T.V. Pedagogical conditions for the development of university students' subjectivity: intermediate results of the author's program evaluation. Pedagogy. Theoretical and Practical Issues. 2025. No. 7. P. 1017 – 1028.

12. Dunin V.S., Kleymenov E.A., Chepikov E.V. Professional training in the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia: sociological analysis. Chelovek. 2021. No. 3. P. 10 – 25.

13. Sharanov Yu.A., Sofronova A.Yu., Raspopin E.V. Development of a methodology for studying the mechanisms of formation of professional self-awareness in police officers. Psychology and Law. 2021. Vol. 11. No. 4. P. 138 – 152.

Информация об авторе

Степанова И.А., Санкт-Петербургский университет МВД России, IrishaStepanova@yandex.ru

© Степанова И.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

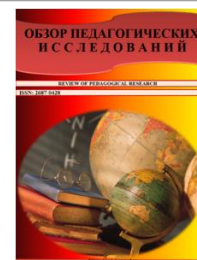
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.4. Физическая культура и профессиональная физическая подготовка (педагогические науки)

УДК 792.011.3

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-268-274

Внеклассная деятельность как средство повышения интереса Старшеклассников к выполнению нормативов ВФСК ГТО

¹ Ушницкая Н.Н., ¹ Пугачева А.Ф.,
¹ Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова

Аннотация: цель исследования – оценить влияние специально организованной внеклассной деятельности на интерес и готовность школьников к выполнению нормативов ВФСК ГТО в условиях сельской школы Республики Саха (Якутия). Исследование проведено на базе МБОУ «Техтюрская средняя общеобразовательная школа» поселка Техтюр в 2025-2026 учебном году. На аналитическом этапе обследованы 46 обучающихся 6-18 лет; в опытно-экспериментальной части приняли участие 20 старшеклассников 16-17 лет, распределенных на экспериментальную и контрольную группы по 10 человек. Применялись анализ научно-методической литературы, анкетирование, педагогическое тестирование и методы математической статистики. Установлено, что при высокой информированности обучающихся о комплексе ГТО фактический опыт выполнения нормативов имели 41% респондентов, тогда как основными барьерами выступали недостаточная мотивация, организационные трудности и климатические ограничения. Реализация годового плана внеклассной спортивной работы сопровождалась более выраженной положительной динамикой показателей физической подготовленности у учащихся экспериментальной группы. Полученные данные позволяют рассматривать внеклассную деятельность как организационно-педагогический ресурс повышения мотивации и качества подготовки старшеклассников к выполнению нормативов ВФСК ГТО.

Ключевые слова: ВФСК ГТО, старшеклассники, внеклассная деятельность, мотивация, физическая подготовленность, арктическая школа, педагогический эксперимент

Для цитирования: Ушницкая Н.Н., Пугачева А.Ф. Внеклассная деятельность как средство повышения интереса старшеклассников к выполнению нормативов ВФСК ГТО // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 268 – 274. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-268-274

Поступила в редакцию: 15 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Extracurricular activity as a means of increasing senior school students' interest in meeting the standards of the All-Russian GTO complex

¹ Ushnitskaya N.N., ¹ Pugacheva A.F.,
¹ M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

Abstract: the aim of the study was to evaluate the influence of specially organized extracurricular activity on schoolchildren's interest in, and readiness for, meeting the standards of the All-Russian Physical Culture and Sports Complex "Ready for Labor and Defense" (GTO) in a rural school of the Republic of Sakha (Yakutia). The study was conducted at Tekhtyur Secondary School during the 2025-2026 academic year. At the analytical stage, 46 students aged 6-18 years were surveyed; the experimental part included 20 senior school students aged 16-17 years, divided into experimental and control groups of 10 students each. The research methods included analysis of scien-

tific and methodological literature, questionnaire survey, pedagogical testing, and mathematical statistics. The survey showed that, despite high awareness of the GTO complex, only 41% of respondents had actual experience of completing the standards, while insufficient motivation, organizational barriers, and climatic restrictions were the main limiting factors. Implementation of the annual extracurricular sports plan was associated with more pronounced positive dynamics of physical fitness indicators in the experimental group. The findings support the use of extracurricular activity as an organizational and pedagogical resource for increasing motivation and improving preparation for GTO testing.

Keywords: GTO complex, senior school students, extracurricular activity, motivation, physical fitness, Arctic school, pedagogical experiment

For citation: Ushnitskaya N.N., Pugacheva A.F. *Extracurricular activity as a means of increasing senior school students' interest in meeting the standards of the All-Russian GTO complex. Review of Pedagogical Research.* 2026. 8 (6). P. 268 – 274. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-268-274

The article was submitted: April 15, 2026; Approved after reviewing: May 13, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне» сохраняет значение одного из базовых инструментов государственной политики в сфере физического воспитания детей и молодежи. Его современное нормативное оформление связано с введением комплекса ГТО в Российской Федерации и последующим утверждением государственных требований к испытаниям, возрастным ступеням и знакам отличия [1, 2]. Вместе с тем практика общеобразовательных организаций показывает, что сама по себе информированность школьников о содержании испытаний еще не обеспечивает их устойчивого участия в выполнении нормативов.

В научно-педагогической литературе показано, что недостаточная результативность подготовки школьников к выполнению нормативов ГТО чаще всего связана с дефицитом мотивации, использованием малопривлекательных форм работы, недостаточной осведомленностью участников образовательного процесса, а также ограниченностью организационных условий [3-5, 8, 9]. В этой связи особый интерес представляет внеклассная деятельность, поскольку именно она позволяет усилить личностную значимость двигательной активности, варьировать содержание занятий и привлекать к процессу родителей, педагогов и местное сообщество [4, 9, 10].

Для Тхтюрской средней общеобразовательной школы данная проблема приобретает дополнительную специфику. К традиционным трудностям подготовки к испытаниям добавляются транспортная удаленность, суровые климатические условия, сезонные ограничения, а также сложности регистрации и сопровождения участников. Поэтому повышение интереса к выполнению нормативов ВФСК ГТО следует рассматривать не только как методическую, но и как организационно-педагогическую задачу.

Цель исследования – оценить влияние специально организованной внеклассной деятельности на интерес и готовность школьников к выполнению нормативов ВФСК ГТО.

Материалы и методы исследований

Исследование проведено на базе МБОУ «Тхтюрская средняя общеобразовательная школа» поселка Тхтюр Хангаласского района Республики Саха (Якутия) в 2025-2026 учебном году. На первом этапе выполнен анализ научно-методической литературы по вопросам мотивации обучающихся, мониторинга физической подготовленности и использования внеклассных форм работы при подготовке к выполнению нормативов ВФСК ГТО [3, 6, 7, 12].

Для изучения отношения школьников к комплексу ГТО проведено анкетирование 46 обучающихся в возрасте от 6 до 18 лет. Анкета включала вопросы о самооценке состояния здоровья, отношении к спорту, опыте участия в выполнении нормативов, представлениях о целях комплекса ГТО и достаточности информационного сопровождения в школе.

В опытно-экспериментальной части приняли участие 20 обучающихся 16-17 лет, относящихся к действующей VI ступени комплекса ГТО. Были сформированы экспериментальная и контрольная группы по 10 человек; в каждой группе было по 5 юношей и 5 девушек. Первичное тестирование проведено в сентябре 2025 года, повторное – в апреле 2026 года.

Педагогическое тестирование включало испытания, соотносимые с требованиями комплекса ГТО для данной возрастной группы: бег на 60 м, наклон вперед из положения стоя, силовые упражнения, бег на вы-

носливость, прыжок в длину с места, поднимание туловища, челночный бег и стрельбу из пневматической винтовки [2]. Для статистической обработки использовался t-критерий Стьюдента при сопоставлении средних показателей групп. С учетом малой численности подгрупп результаты интерпретировались преимущественно как педагогическая динамика, а не как основание для расширенных обобщений.

Результаты и обсуждения

Анализ анкетных данных показал, что структура выборки была представлена преимущественно обучающимися 13-16 лет (46%) и 17-18 лет (37%), тогда как доля детей 6-12 лет составила 17%. Большинство респондентов оценили свое здоровье как отличное (48%) или хорошее (43%). Установлено, что 63% школьников выполняют утреннюю зарядку, 85% положительно относятся к занятиям спортом, а наиболее распространенными видами двигательной активности являются легкая атлетика (54%), волейбол (22%), вольная борьба (13%) и бокс (11%).

Следует отметить, что все опрошенные были знакомы с комплексом ГТО, однако фактический опыт участия в выполнении нормативов имели только 41% респондентов. При ответе на вопрос о цели комплекса большинство школьников связывали его прежде всего с оценкой уровня физической подготовленности (85%), тогда как ориентация на получение знака отличия была выражена значительно слабее (11%). Это свидетельствует о наличии информированности при недостаточной внутренней мотивационной включенности.

Таблица 1

Ключевые результаты анкетирования обучающихся Техтюрской СОШ (n=46).

Table 1

Key results of the survey of students at Tekhtyurskaya Secondary School (n=46).

Показатель	Значение, %
Возраст 13-16 лет	46
Возраст 17-18 лет	37
Оценивают здоровье как отличное	48
Оценивают здоровье как хорошее	43
Делают утреннюю зарядку	63
Любят заниматься спортом	85
Имеют опыт выполнения нормативов ГТО	41
Рассматривают ГТО как оценку физической подготовленности	85
Считают получение знака отличия основной целью	11

По данным школьной отчетности, в 2025 году из 215 обучающихся Техтюрской СОШ нормативы комплекса ГТО выполнили 40%. Опрос педагогов позволил уточнить основные факторы, ограничивающие участие детей в сдаче нормативов: нестабильное интернет-соединение, низкая вовлеченность части родителей, транспортная удаленность участников из населенных пунктов улуса и влияние погодных условий. Полученные данные согласуются с публикациями, в которых низкая активность школьников при выполнении нормативов ГТО объясняется сочетанием мотивационных, методических и организационных причин [5, 8-10, 12].

С учетом выявленных затруднений был разработан и реализован годовой план внеклассной спортивной работы, включавший классные часы по тематике ГТО, оформление стендов и страницы школьного сайта, конкурсы рисунков, девизов и электронных презентаций, встречи со спортсменами и тренерами, участие в школьных и районных спортивно-патриотических мероприятиях, а также поэтапную сдачу отдельных видов испытаний в течение учебного года. Практическая направленность плана заключалась в сочетании информационного сопровождения, соревновательной практики и социального подкрепления результатов, что соответствует современным подходам к организации подготовки обучающихся к испытаниям комплекса ГТО [4, 10, 11].

Таблица 2

Динамика показателей физической подготовленности юношей (n=5 в каждой группе).

Table 2

Dynamics of physical fitness indicators of young men (n=5 in each group).

Тест	ЭГ сент.	ЭГ апр.	Δ, %	КГ сент.	КГ апр.	Δ, %
Бег 60 м, с	8,71±0,24	8,21±0,22	5,74	8,99±0,25	8,85±0,23	1,55
Подтягивание на высокой перекладине, раз	10,92±0,32	12,12±0,33	9,90	9,45±0,39	10,32±0,37	8,43
Бег 3000 м, мин	13,41±0,21	12,58±0,20	6,18	14,00±0,21	13,42±0,21	4,14
Прыжок в длину с места, см	203,0±1,18	209,12±1,20	2,92	200,25±1,17	203,13±1,19	1,41
Поднимание туловища за 1 мин, раз	44,33±0,59	48,27±0,56	8,16	42,68±0,58	44,72±0,59	4,56
Челночный бег 3×10 м, с	7,09±0,14	6,92±0,12	2,39	7,41±0,13	7,29±0,14	1,61

Примечание: ЭГ – экспериментальная группа, КГ – контрольная группа; данные представлены в виде $M \pm m$.

Note: EG – experimental group, CG – control group; data are presented as $M \pm m$.

У юношей экспериментальной группы наиболее выраженная положительная динамика отмечена в силовых, скоростных и скоростно-силовых испытаниях. По сравнению с контрольной группой темпы прироста были выше в беге на 60 м, беге на 3000 м, прыжке в длину с места, поднимании туловища и челночном беге. Вместе с тем следует учитывать, что по отдельным тестам исходные различия между группами уже имели место, поэтому полученные результаты корректнее интерпретировать как подтверждение перспективности предложенного организационно-педагогического подхода, а не как основание для жестких причинно-следственных выводов.

Таблица 3

Динамика показателей физической подготовленности девушек (n=5 в каждой группе).

Table 3

Dynamics of physical fitness indicators of girls (n=5 in each group).

Тест	ЭГ сент.	ЭГ апр.	Δ, %	КГ сент.	КГ апр.	Δ, %
Бег 60 м, с	10,54±0,16	9,91±0,11	5,97	11,35±0,27	11,07±0,23	2,46
Сгибание и разгибание рук в упоре лежа, раз	10,73±0,59	11,42±0,58	6,04	9,69±0,47	9,80±0,45	1,12
Бег 2000 м, мин	11,16±0,16	10,68±0,17	4,30	11,48±0,20	11,32±0,18	1,39
Прыжок в длину с места, см	172,28±1,42	178,58±1,32	1,28	172,46±1,43	173,83±1,33	0,78
Поднимание туловища за 1 мин, раз	38,80±0,74	40,22±0,69	3,53	37,61±0,80	38,03±0,79	1,10
Челночный бег 3×10 м, с	8,19±0,09	7,96±0,09	2,80	8,51±0,11	8,34±0,10	1,99

Примечание: ЭГ – экспериментальная группа, КГ – контрольная группа; данные представлены в виде $M \pm m$.

Note: EG – experimental group, CG – control group; data are presented as $M \pm m$.

У девушек наиболее выраженные изменения зафиксированы в скоростных и силовых тестах. Прирост в экспериментальной группе по бегу на 60 м, сгибанию и разгибанию рук в упоре лежа, бегу на 2000 м и челночному бегу был выше, чем в контрольной группе. По тестам на гибкость и стрельбу динамика в обеих группах оставалась менее выраженной, что позволяет предположить необходимость более адресного подбора средств подготовки к данным видам испытаний.

Полученные данные в целом согласуются с результатами исследований, в которых внеклассная и внеурочная работа рассматривается как один из продуктивных механизмов повышения участия школьников в выполнении нормативов ГТО. В ряде работ показано, что системное сочетание информационного сопровождения, мониторинга физической подготовленности и специально организованных форм двигательной активности способствует росту мотивации и улучшению результатов школьников [3, 4, 6, 7, 9].

Материалы настоящего исследования позволяют уточнить, что для Тхтюрской СОШ наиболее значимыми оказываются не только собственно тренировочные воздействия, но и организационные меры: распределение испытаний по этапам учебного года, включение родителей в спортивные мероприятия, визуализация достижений, создание ситуации успеха, а также адаптация сроков и форм работы к погодным условиям и транспортной доступности. Можно полагать, что именно совокупность этих условий обеспечила положительную динамику в экспериментальной группе.

Выводы

1. Результаты анкетирования показали, что при высокой общей осведомленности школьников о комплексе ВФСК ГТО фактическая включенность в выполнение нормативов остается недостаточной. Основными факторами, ограничивающими участие, выступают мотивационные и организационные барьеры.
2. Разработанный годовой план внеклассной спортивной работы, включающий информационные, соревновательные и творческие формы деятельности, обеспечил повышение интереса обучающихся к тематике ГТО и создал дополнительные условия для систематической подготовки к выполнению нормативов.
3. По результатам педагогического эксперимента более выраженная положительная динамика показателей физической подготовленности зафиксирована у старшеклассников экспериментальной группы. Наиболее чувствительными к предложенному подходу оказались скоростные, силовые и скоростно-силовые показатели.
4. Полученные данные позволяют рекомендовать использование специально организованной внеклассной деятельности как эффективного организационно-педагогического средства подготовки школьников к выполнению нормативов ВФСК ГТО.

Список источников

1. О Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО): указ Президента Российской Федерации от 24 марта 2014 г. № 172. // Официальное опубликование правовых актов. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001201403250001> (дата обращения: 13.03.2026)
2. Об утверждении государственных требований Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО): приказ Министерства спорта Российской Федерации от 22 февраля 2023 г. № 117. // Официальное опубликование правовых актов. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202303290003> (дата обращения: 13.03.2026)
3. Галанова С.С., Зубков Д.А. Программно-методическое обеспечение подготовки школьников к выполнению нормативов испытаний комплекса ГТО III ступени // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2022. № 10 (212). С. 84 – 91. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2022.10.p84-91
4. Рыжков В.А., Матюхов Д.М., Алешин И.Н. Организация и проведение внеурочных форм занятий физической культурой в школе на основе программного сопровождения «ГТО – норма жизни» // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2022. № 7 (209). С. 337 – 343.
5. Афов А.Х., Кокаева И.Ю. Подготовка к сдаче норм ГТО как эффективная форма организации внеурочной деятельности подростков // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2021. № 3. С. 53 – 59.
6. Синявский Н.И., Фурсов А.В., Лосев В.Ю. Мониторинг готовности подростков к выполнению нормативов комплекса ГТО // Теория и практика физической культуры. 2020. № 11. С. 98 – 99.
7. Аршинник С.П., Амбарцумян Н.А., Дудка Г.Н. и др. Использование данных мониторинга физической подготовленности для подготовки школьников к выполнению нормативных требований ВФСК ГТО // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2018. № 5 (159). С. 22 – 27.

8. Питеркина М.В. Мотивация к выполнению норм комплекса ГТО и физическая подготовленность школьников старших классов // Журнал педагогических исследований. 2024. Т. 9. № 3. С. 109 – 113. DOI: 10.12737/2500-3305-2024-9-3-109-113. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/86238/view> (дата обращения: 13.03.2026)
9. Лебедева А.С. Развитие двигательных качеств школьников 15-16 лет во внеурочной деятельности в рамках подготовки к сдаче комплекса ГТО // Современные здоровьесберегающие технологии. 2023. № 2. С. 25 – 31.
10. Светлакова М.В., Маркова С.В., Панышина С.А. Организационная работа и прием нормативов ВФСК «Готов к труду и обороне» (ГТО) в образовательной организации // Научные и образовательные основы в физической культуре и спорте. 2024. Т. 13. № 1. С. 15 – 19. DOI: 10.57006/2782-3245-2024-13-1-15-19
11. Бобков В.В., Антонова И.Н., Роженцев А.А., Лазарев И.В. Влияние комплексного применения соревновательного метода на уроках по физической культуре при подготовке учащихся к выполнению нормативов комплекса ГТО V ступени // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2024. Т. 19. № 1. С. 109 – 116.
12. Коростик М.В., Стрижак А.П. Реалии и перспективы сдачи норм ГТО // Вестник МГПУ. Серия: Естественные науки. 2025. № 4 (60). С. 133 – 144. DOI: 10.24412/2076-9091-2025-460-133-144. URL: <https://iest-vestnik.mgpu.ru/2026/01/29/realii-i-perspektivy-sdachi-norm-gto/> (дата обращения: 13.03.2026)

References

1. On the All-Russian Physical Culture and Sports Complex "Ready for Labor and Defense" (GTO): Decree of the President of the Russian Federation of March 24, 2014, No. 172. Official publication of legal acts. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001201403250001> (date of access: 13.03.2026)
2. On approval of state requirements for the All-Russian Physical Culture and Sports Complex "Ready for Labor and Defense" (GTO): Order of the Ministry of Sports of the Russian Federation of February 22, 2023, No. 117. Official publication of legal acts. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202303290003> (date of access: 13.03.2026)
3. Galanova S.S., Zubkov D.A. Software and methodological support for preparing schoolchildren to meet the testing standards of the GTO stage III complex. Scientific notes of P.F. Lesgaft University. 2022. No. 10 (212). P. 84 – 91. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2022.10.p84-91
4. Ryzhkov V.A., Matyukhov D.M., Aleshin I.N. Organization and implementation of extracurricular forms of physical education classes at school based on the software support "GTO – the norm of life". Scientific notes of P. F. Lesgaft University. 2022. No. 7 (209). P. 337 – 343.
5. Afov A.Kh., Kokaeva I.Yu. Preparation for passing GTO standards as an effective form of organizing extracurricular activities for adolescents. Bulletin of the K.L. Khetagurov North Ossetian State University. 2021. No. 3. P. 53 – 59.
6. Sinyavsky N.I., Fursov A.V., Losev V.Yu. Monitoring the readiness of adolescents to fulfill the standards of the GTO complex. Theory and practice of physical education. 2020. No. 11. P. 98 – 99.
7. Arshinnik S.P., Ambartsumyan N.A., Dudka G.N., et al. Using physical fitness monitoring data to prepare schoolchildren to meet the regulatory requirements of the All-Russian Physical Culture and Sports Complex GTO. Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. 2018. No. 5 (159). P. 22 – 27.
8. Piterkina M.V. Motivation to meet the standards of the GTO complex and physical fitness of senior schoolchildren. Journal of Pedagogical Research. 2024. Vol. 9. No. 3. P. 109 – 113. DOI: 10.12737/2500-3305-2024-9-3-109-113. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/86238/view> date of access: 13.03.2026)
9. Lebedeva A.S. Development of motor skills of 15-16 year old schoolchildren in extracurricular activities in preparation for passing the GTO complex. Modern health-saving technologies. 2023. No. 2. P. 25 – 31.
10. Svetlakova M.V., Markova S.V., Panshina S.A. Organizational work and acceptance of the standards of the All-Russian Physical Culture and Sports Complex "Ready for Labor and Defense" (GTO) in an educational organization. Scientific and educational foundations in physical education and sports. 2024. Vol. 13. No. 1. P. 15 – 19. DOI: 10.57006/2782-3245-2024-13-1-15-19

11. Bobkov V.V., Antonova I.N., Rozhentsev A.A., Lazarev I.V. The Impact of the Integrated Application of the Competitive Method in Physical Education Lessons in Preparing Students to Fulfill the Standards of the GTO Level 5 Complex. Pedagogical, Psychological and Medical-Biological Problems of Physical Education and Sports. 2024. Vol. 19. No. 1. P. 109 – 116.

12. Korostik M.V., Strizhak A.P. Realities and Prospects of Passing the GTO Standards. Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series: Natural Sciences. 2025. No. 4 (60). P. 133 – 144. DOI: 10.24412/2076-9091-2025-460-133-144. URL: <https://iest-vestnik.mgpu.ru/2026/01/29/realii-i-perspektivy-sdachi-norm-gto/> (date of access: 13.03.2026)

Информация об авторах

Ушницкая Н.Н., Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова

Пугачева А.Ф., кандидат педагогических наук, доцент, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова

© Ушницкая Н.Н., Пугачева А.Ф., 2026

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

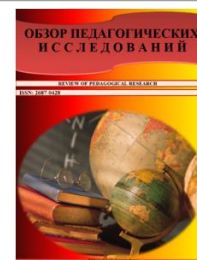
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 72.07:378.147.88

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-275-283

Рефлексивная переходная клаузура как инструмент деконструкции проектных шаблонов и генерации новых проектных идей в архитектурном образовании

¹ Кузьменко А.Н., ¹ Андрияш А.В., ¹ Романова А.А.,
¹ Кубанский государственный университет

Аннотация: в статье предлагается авторская концепция рефлексивной переходной клаузуры – педагогического инструмента, функционирующего как механизм управляемого перехода между проектами в системе архитектурного образования. В отличие от традиционного понимания клаузуры как средства контроля или начального эскизирования, обосновывается её специфическая роль: на коротком задании студент осознанно применяет приёмы, отработанные в предыдущем проекте, и, убеждаясь в их неэффективности для нового контекста, побуждается к поиску принципиально иных решений. Теоретической базой концепции служит синтез нескольких научных традиций: эффект установки (А. Лучинс), феномен дизайнерской фиксации (Янссон, Смит), функциональная фиксированность (К. Дункер), модель творческого процесса Г. Уоллеса, теория рефлексивной практики Д. Шёна, концепция зоны ближайшего развития Л.С. Выготского, идеи смены парадигм Т. Куна и переформулирования задачи Г.С. Альтшуллера. Методологически работа опирается на анализ отечественных педагогических традиций – опережающей клаузуры Б.Г. Бархина, развивающей клаузуры А.В. Сикачева, практики коротких клаузур Е.В. Охлопковой и С.С. Медведевой. Предложена четырёхфазная модель рефлексивной переходной клаузуры (экспликация – фрустрация – поиск – рефлексия), обоснованы её когнитивные механизмы. Практическая значимость состоит в разработке конкретной педагогической методики, направленной на формирование компетенций УК-1 (системное и критическое мышление), ОПК-2 (поиск творческого проектного решения) и ПК-2 (способность мыслить творчески, инициировать новаторские решения) ФГОС ВО 07.03.01 «Архитектура». Концепция рассматривается как ответ на проблему инерционного воспроизводства проектных стереотипов в учебном процессе.

Ключевые слова: архитектурная клаузура, рефлексивная переходная клаузура, дизайнерская фиксация, эффект установки (Einstellung), функциональная фиксированность, генерация проектных идей, архитектурная педагогика, деконструкция проектных шаблонов, рефлексия в действии, зона ближайшего развития, преодоление стереотипов мышления

Для цитирования: Кузьменко А.Н., Андрияш А.В., Романова А.А. Рефлексивная переходная клаузура как инструмент деконструкции проектных шаблонов и генерации новых проектных идей в архитектурном образовании // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 275 – 283. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-275-283

Поступила в редакцию: 12 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Reflexive transitional clausura as a tool for deconstructing design templates and generating new design ideas in architectural education

¹ Kuzmenko A.N., ¹ Andriyash A.V., ¹ Romanova A.A.,
¹ Kuban State University

Abstract: the article proposes the author's concept of a reflexive transitional clausura, a pedagogical tool that functions as a mechanism for a controlled transition between projects in the architectural education system. In contrast to the traditional understanding of clausura as a means of control or initial sketching, its specific role is justified: on a short assignment, the student consciously applies techniques developed in the previous project, and, becoming convinced of their ineffectiveness for a new context, is encouraged to search for fundamentally different solutions. The theoretical basis of the concept is the synthesis of several scientific traditions: the installation effect (A. Luchins), the phenomenon of design fixation (Jansson, Smith), functional fixation (K. Dunker), G. Wallace's model of the creative process, D. Shen's theory of reflexive practice, L.S. Vygotsky's concept of the zone of proximal development, T. Kuhn's ideas of paradigm shift and G.S. Altshuller's reformulation of the task. Methodologically, the work is based on the analysis of Russian pedagogical traditions – B.G. Barkhin's advanced clausura, A.V. Sikachev's developing clausura, the practice of short clausura by E.V. Okhlopkova and S.S. Medvedev. A four-phase model of reflexive transitional clausura (explication – frustration – search – reflection) is proposed, and its cognitive mechanisms are substantiated. The practical significance lies in the development of a specific pedagogical methodology aimed at the formation of competencies CC-1 (systemic and critical thinking), OPK-2 (search for creative design solutions) and PC-2 (the ability to think creatively, initiate innovative solutions) FGOS 07.03.01 "Architecture". The concept is considered as a response to the problem of inertial reproduction of design stereotypes in the educational process.

Keywords: architectural clausura, reflexive transitional clausura, design fixation, installation effect (Einstellung), functional fixity, generation of design ideas, architectural pedagogy, deconstruction of design patterns, reflection in action, zone of proximal development, overcoming stereotypes of thinking

For citation: Kuzmenko A.N., Andriyash A.V., Romanova A.A. *Reflexive transitional clausura as a tool for deconstructing design templates and generating new design ideas in architectural education. Review of Pedagogical Research.* 2026. 8 (6). P. 275 – 283. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-275-283

The article was submitted: April 12, 2026; Approved after reviewing: May 12, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Учебный процесс по архитектурному проектированию выстроен как цепочка заданий нарастающей сложности – от небольших объектов к градостроительным комплексам. Работа над каждым из них растягивается на значительную часть семестра и требует глубокого погружения в конкретную типологию; в итоге у студента складывается устойчивый набор композиционных, функциональных и графических приёмов. В рамках одного задания эти приёмы вполне оправданны, однако при переходе к следующему они нередко воспроизводятся автоматически, превращаясь в то, что принято называть «проектными шаблонами» [1, 2].

Описанная инерция хорошо знакома преподавателям-практикам, однако в контексте архитектурной клаузуры она до сих пор практически не рассматривалась теоретически. Между тем ФГОС ВО 07.03.01 «Архитектура» прямо ориентирует на формирование «способности осуществлять комплексный предпроектный анализ и поиск творческого проектного решения» (ОПК-2), а также на умение «использовать воображение, мыслить творчески, инициировать новаторские решения» (ПК-2) [3]. На деле же ни вводная, ни тематическая, ни зачётная клаузуры не содержат специального механизма, который побуждал бы студента осознанно разорвать с наработками предыдущего проекта – а ведь именно такой разрыв нередко оказывается необходимым условием для появления нового [4, 6, 24].

Настоящая статья посвящена обоснованию концепции рефлексивной переходной клаузуры (далее — РПК) — педагогического инструмента, специально направленного на управление переходом между проектами. Путь к авторской модели предполагает последовательное решение нескольких задач: анализ существующих типов клаузур, выявление когнитивных механизмов инерционного воспроизводства решений (эффект установки, дизайнерская фиксация, функциональная фиксированность, проактивная интерферен-

ция) и привлечение теоретических моделей творчества и развития (инкубация, рефлексия в действии, зона ближайшего развития, смена парадигм, парадокс ограничений).

Материалы и методы исследований

Теоретическую основу работы составило обращение к нескольким сложившимся в науке подходам. Среди них – эффект установки, изученный А. Лучинсом, феномен дизайнерской фиксации, описанный Янссон и Смитом, понятие функциональной фиксированности К. Дункера, а также модель творческого процесса Г. Уоллеса. Кроме того, использовалась теория рефлексивной практики Д. Шёна, концепция зоны ближайшего развития Л.С. Выготского, идеи смены парадигм Т. Куна и переформулирования задачи Г.С. Альтшуллера. В методологическом плане исследование опиралось на анализ отечественных педагогических традиций: речь идёт об опережающей клаузуре Б.Г. Бархина, развивающей клаузуре А.В. Сикачева, а также о практиках коротких клаузур, представленных в работах Е.В. Охлопковой и С.С. Медведевой.

Среди использованных методов можно выделить теоретический анализ литературы по психологии, педагогике и архитектуроведению, синтез когнитивных и педагогических концепций, педагогическое моделирование (в частности, построение четырёхфазной модели рефлексивной переходной клаузуры), сравнительно-сопоставительный анализ разных типов клаузур и метод аналогий, позволивший перенести модели из психологии творчества в сферу архитектурной педагогики. На данном этапе эмпирическая проверка предложенной концепции не проводилась – исследование носит теоретико-методологический характер. Возможные направления экспериментальной работы обозначены в заключительной части статьи.

Результаты и обсуждения

Обзор существующих подходов к клаузуре в архитектурном образовании

Клаузура (от лат. *clausura* – запирать) возникла как контрольный инструмент: в первых академиях архитектуры и искусства «поначалу каждого студента запирали в отдельной аудитории на замок – „klausur“, объяснив ему суть задания и снабдив необходимыми материалами и инструментами. После 4-6 часов самостоятельной работы студент представлял итог своих творческих исканий в виде „клаузуры“» [6, с. 4]. Позднее эта форма распространилась в академических школах Европы и России. В XX веке в отечественной педагогике сложилась система вводных, тематических и зачётных клаузур; при этом клаузура рассматривается и как средство формирования творческой установки [6, 24].

А.В. Сикачев разделил клаузуры на контролирующие (возвращающиеся к экзаменационной функции) и развивающие, ориентированные на творческий поиск и коллективное взаимодействие [2]. Ключевой тезис: «нестандартность мышления не появляется сама собой – этому нужно учить» [2, с. 204]. Однако в его концепции отсутствует механизм осознанного перехода между проектами, направленный на преодоление фиксации на приёмах предыдущего задания.

В методике Б.Г. Бархина обоснована необходимость опережающего проектирования, при котором «задачи и их конкретные решения... могут часто идти впереди доступных для массовой архитектурной практики средств и возможностей» [1, с. 290]. Например, при разработке жилого дома предлагается клаузура на группу домов, а при проектировании клуба – на интерьер, что создаёт «содержательный мост» между разными масштабами [1, с. 290-291]. Однако этот мост остаётся содержательным и не предполагает рефлексии над переносом приёмов.

Е.В. Охлопкова и С.С. Медведева описали практику еженедельных коротких клаузур, тематика которых «не относится к содержанию основного курсового проекта» [5, с. 2]. Они позволяют «отойти от текущей тематики, „встряхнуться“ и посмотреть на тот же курсовой проект в другом ракурсе» [5, с. 2]. Это эмпирическое наблюдение, однако оно не получило теоретического осмысления в терминах когнитивной деконструкции шаблонов.

Каждый из рассмотренных типов клаузур решает собственные педагогические задачи – контроль, развитие поиска, переключение внимания. Но ни один из них не нацелен специально на то, чтобы студент осознал сам факт переноса привычных приёмов и предпринял попытку выйти за их пределы. Именно этот пробел и призвана восполнить РПК, а теоретическую почву для неё дают исследования когнитивных механизмов инерционного воспроизводства решений.

Когнитивно-психологические основания концепции

Эффект *Einstellung* – фундаментальный когнитивный феномен: предшествующий успешный опыт решения задач определённым способом блокирует поиск более оптимальных решений [7]. В классическом эксперименте Лучинса участники, усвоив формулу $B - A - 2C$, продолжали применять её даже там, где существовало более простое решение [8, с. 3-4]. Ключевой элемент – «задача на угасание» (*extinction problem*),

не решаемая привычным способом. Как отмечают М. Билик, П. МакЛауд и Ф. Гобе, «эффект Einstellung возникает, когда первая пришедшая на ум идея, вызванная знакомыми особенностями проблемы, препятствует нахождению лучшего решения» [8, с. 2]. Механизм связан с тем, что активированная схема направляет внимание на элементы, соответствующие уже известному решению, игнорируя иные возможности [8, 9]. Архитектурное проектирование – серия задач, и успешное завершение проекта формирует аналогичную установку. РПК выступает педагогическим аналогом задачи на угасание: задание конструируется так, чтобы привычные приёмы «не сработали».

Сходный механизм обнаруживается и в феномене дизайнерской фиксации, описанном Янссон и Смит (1991) [9]. Он проявляется в непроизвольном воспроизведении ранее виденных или собственных решений, даже неуместных в новом контексте. Лихи, Дейли, Маккиллиган и Зайферт (2020) показали, что фиксация возникает и на собственных первых идеях, причём сильнее, чем на чужих примерах [10]. Таким образом, фиксация свойственна как внешним, так и внутренним образцам, что подтверждает необходимость обучения её преодолению. Хауэрд, Майер, Онархейм и Фрийс-Оливариус (2013) продемонстрировали: обучение самому феномену фиксации статистически значимо снижает её проявление ($p=0,025$) – «когда был проведён двусторонний парный t-критерий Стьюдента... произошло значительное снижение числа элементов фиксации после лекции» [11, с. 146]. Осознание фиксации – первый шаг к её преодолению, что заложено в основу РПК. Наиболее продуктивным методом преодоления фиксации считается задача на альтернативное использование (AUT), которая способствует творческой инкубации и ослабляет проектную фиксацию [12]; этот метод служит прообразом фазы поиска в РПК.

Ещё одной формой проявления инерционности мышления выступает *функциональная фиксированность*, описанная К. Дункером (1945). Это неспособность увидеть нетрадиционное применение объекта, закреплённого в определённой функции. В известной задаче со свечой решение требует увидеть коробку не как ёмкость для кнопок, а как подставку [13]. Проектные приёмы, освоенные студентом, подобны такой «коробке»: он видит их только в привычной роли. Осознание этого механизма позволяет целенаправленно проектировать задания, провоцирующие выход за пределы привычных функций, что соответствует фазе фрустрации в РПК.

Наконец, проактивная интерференция – явление, при котором ранее усвоенная информация мешает усвоению новой. Применительно к архитектурному проектированию: чем успешнее предыдущий проект, тем сильнее его решения блокируют поиск новых подходов. Негативный перенос (negative transfer) – механизм, при котором навык, выработанный в одном контексте, снижает эффективность в другом. Клаузура создаёт среду для обнаружения такого переноса, превращая его из скрытого препятствия в осознанный педагогический материал [8, 9].

Картина, складывающаяся из рассмотренных исследований, такова: предшествующий успешный опыт способен стать серьёзным препятствием для творческого поиска – и не через один, а через несколько взаимосвязанных механизмов (эффект установки, дизайнерскую фиксацию, функциональную фиксированность, проактивную интерференцию). Как же преодолеть эту инерцию? Ответ следует искать в теориях творчества, рефлексии и развития.

Теоретическая рамка: синтез концепций

Д. Шён в концепции рефлексивного практика описал *рефлексию в действии* – момент, когда практик сталкивается с неожиданностью: «нечто не оправдывает наших ожиданий» («something fails to meet our expectations») [15]. Различая неявное знание (knowing-in-action) и его осознание (reflection-in-action), Шён показывает, что именно сбой привычного действия провоцирует переосмысление. РПК создаёт аналогичные условия: студент действует привычно, но сталкивается с неэффективностью своих приёмов и вынужден перейти к рефлексии [15]. Близкую мысль развивает А.В. Сикачев, опираясь на идею Г.С. Альтшуллера о переформулировании задачи: «самый первый шаг – переформулировать задачу... а не ту, что подразумевается “само собой”» [2, с. 207]; именно такое переосмысление открывает путь к оригинальному решению.

Г. Уоллес выделил *четырёхэтапную модель творчества*: подготовка – инкубация – озарение – верификация [14]. Инкубация, как бессознательная обработка информации, наиболее эффективна при переключении на иную деятельность. Современные исследования (МакДэниел и др., 2025; Юрт, 2025) подтверждают, что «блуждание ума» и паузы между сессиями улучшают креативность [20, 21]. РПК выступает структурированной инкубацией: работа над контрастным заданием запускает переработку предшествующего опыта.

Л.С. Выготский в концепции *зоны ближайшего развития* (ЗБР) определил пространство задач, которые обучающийся решает с помощью других [16, с. 31-32]. РПК ставит студента в данную зону: привычные приёмы не работают, но коллективное обсуждение и краткость задания обеспечивают поддержку. Фрустрация становится управляемым педагогическим процессом.

Модель научных революций Т. Куна предлагает метафору творческого перехода. Накопление «аномалий» ведёт к кризису и смене парадигмы [18]. Завершённый проект – «нормальная наука» студента, а РПК предъявляет «аномалию», заставляя искать принципиально новые решения [18].

Данные исследования показывают, что ограничения не подавляют творчество, а направляют его. Ограничения времени и ресурсам, являющиеся неотъемлемой частью задания, предполагают выход из зоны комфорта. Дж. Заппа (2026) называет это «инновационным парадоксом»: полная свобода парализует; правильные ограничения освобождают [22].

Собранные теоретические свидетельства указывают на несколько условий, при которых выход из фиксации становится возможным: инкубация, рефлексия в действии, работа в зоне ближайшего развития, переформулирование задачи и продуктивная роль ограничений. Именно эти идеи образуют теоретический фундамент РПК – инструмента, который превращает стихийный перенос шаблонов в управляемый акт рефлексивного перехода.

Концепция рефлексивной переходной клаузуры Определение и сущность

Рефлексивная переходная клаузура (РПК) определяется как краткосрочное проектное задание, размещённое в учебном процессе между двумя курсовыми проектами (или крупными проектными блоками), специально сконструированное таким образом, чтобы:

1. Создать условия для осознанного применения студентом приёмов, отработанных в предыдущем проекте.
2. Обеспечить столкновение этих приёмов с контекстом, в котором они оказываются нерелевантными.
3. Стимулировать поиск принципиально иных проектных решений через осознание ограничений привычного арсенала.
4. Включить рефлексивный анализ произошедшего перехода.

В отличие от существующих типов клаузур, РПК не является ни контрольным инструментом (зачётная клаузура), ни начальным эскизом нового проекта (вводная клаузура), ни тематическим упражнением в рамках текущего проекта. Это педагогический инструмент перехода, действующий по принципу управляемой деконструкции проектных стереотипов.

Заявленные задачи решаются через последовательное прохождение четырёх взаимосвязанных фаз.

Четырёхфазная модель

Модель РПК включает четыре последовательные фазы:

Фаза 1. Экспликация (20-25% времени). Студент получает задание на короткий проект в новом контексте и начинает работу с привычных приёмов. Это неизбежно и ожидаемо: Einstellung-эффект предопределяет обращение к уже закреплённым решениям. Задача педагога – не препятствовать этому, а обеспечить условия, при которых привычные приёмы будут *эксплицированы*, то есть выявлены и зафиксированы в работе.

Фаза 2. Фрустрация (25-30% времени). Временные ограничения клаузуры и специфика задания обнажают нерелевантность привычных подходов. Студент обнаруживает, что перенесённые приёмы не «работают» – не решают задачу, не отвечают контексту, не создают убедительного образа. Это аналог задачи на угасание Лучинса и «аномалий» Куна. Фрустрация является управляемой: задание подобрано так, чтобы несоответствие было очевидным, но не парализующим.

Фаза 3. Поиск (30-35% времени). Осознание несостоятельности старых приёмов запускает активный поиск новых решений. Студент вынужден генерировать альтернативные идеи – происходит переключение с конвергентного мышления (применение известного алгоритма) на дивергентное (всереобразный поиск по всем направлениям). Согласно концепции Дж. Гилфорда, именно дивергентное мышление, позволяющее отказываться от стереотипных способов действий, составляет основу креативности [17].

Фаза 4. Рефлексия (10-20% времени, после завершения клаузуры). Коллективное обсуждение, в ходе которого анализируется: какие приёмы были перенесены из предыдущего проекта, почему они не сработали, что нового было найдено, какие стратегии поиска оказались продуктивными. Эта фаза превращает интуитивный опыт в осознанное профессиональное знание – переход от рефлексии в действии к рефлексии о действии по Шёну [15].

Чтобы описанная модель работала, задание для РПК должно отвечать нескольким принципам:

- *Принцип контрастности контекста.* Задание должно радикально отличаться от предыдущего проекта по типологии, масштабу, функции или другим существенным параметрам, чтобы перенос привычных приёмов оказался проблематичным.

- *Принцип наглядности переноса.* Задание должно быть таким, чтобы студент мог *увидеть* факт переноса приёмов – не абстрактно понять, а обнаружить в собственной работе.
- *Принцип решаемости.* При всей контрастности контекста задание должно быть решаемым за отведённое время – иначе фрустрация из управляемого инструмента превращается в демотиватор.
- *Принцип рефлексивной замкнутости.* Цикл клаузуры должен завершаться обязательным обсуждением, без которого опыт перехода остаётся неосмысленным.

Приведённые принципы допускают широкое тематическое разнообразие. В табл. 1 показано, как смена типологии и масштаба объекта создаёт условия, при которых перенос стереотипов становится очевидным для самого студента.

Таблица 1

Примеры конкретных заданий.

Table 1

Examples of specific tasks.

Завершённый проект	Задание РПК	Ожидаемое столкновение
Индивидуальный жилой дом	Временный павильон для фестиваля	Перенос «жилой» планировки и ячеистой структуры в ситуацию, требующую открытого, событийного пространства
Общественное здание (библиотека)	Малая архитектурная форма (остановка, киоск)	Перенос масштабных композиционных приёмов в микро-объект, где каждый элемент работает иначе
Жилой квартал	Интерьер единичного помещения	Перенос градостроительного мышления (оси, кварталы, транспорт) в камерное пространство, требующее тактильности и детали
Реконструкция исторического здания	Объект в природном ландшафте	Перенос контекстуального «вписывания» в среду, где контекст – не историческая застройка, а природа

Четыре фазы РПК – не просто теоретическая конструкция; каждая из них соотносится с конкретными компетенциями ФГОС ВО по направлению 07.03.01 «Архитектура»:

- *УК-1 (системное и критическое мышление)* формируется благодаря тому, что в фазах экспликации и рефлексии студент учится выявлять и анализировать собственные проектные стереотипы, осознавая факт их переноса из предыдущего опыта.
- *ОПК-2 (способность к комплексному предпроектному анализу и поиску творческого решения)* реализуется через переход от фазы фрустрации (осознание неадекватности старых приёмов) к фазе поиска, где запускается дивергентное мышление и генерация альтернатив.
- *ПК-2 (способность мыслить творчески и инициировать новаторские решения)* обеспечивается тем, что РПК создаёт условия для осознанного преодоления дизайнерской фиксации, которое, как показано в исследованиях [10, 11], является необходимым условием выхода к подлинно новым решениям.

Установив теоретические основания и связь с требованиями ФГОС, перейдём к практике: организационным условиям, роли преподавателя и критериям оценки.

Методические рекомендации по внедрению

Организационные условия

РПК проводится в интервале между завершением одного курсового проекта и выдачей задания на следующий. Продолжительность: 4-6 часов аудиторной работы + 1-2 часа коллективного обсуждения. Задание объявляется непосредственно перед началом работы (элемент неожиданности усиливает проявление Einstellung-эффекта). Работа выполняется индивидуально, в традиционной ручной технике.

Временные и организационные рамки задают структуру, но сами по себе не гарантируют рефлексии. Её запускает позиция преподавателя.

Роль преподавателя

Преподаватель в РПК выполняет функции не «контролёра» и не «консультанта», а *модератора рефлексии*. Во время выполнения клаузуры преподаватель наблюдает за процессом, фиксирует моменты, когда студенты обращаются к привычным приёмам, и готовит материал для последующего обсуждения. Во время фазы рефлексии преподаватель направляет дискуссию вопросами:

- Что вы сделали в первую очередь? Откуда этот приём?
- В какой момент вы поняли, что привычное не работает?
- Что вы попробовали вместо этого?

- Какие стратегии поиска нового оказались продуктивными?
- Смена роли преподавателя с «контролёра» на модератора закономерно влечёт и другой взгляд на оценку – с результата на процесс.

Критерии оценки

РПК не оценивается по критериям качества архитектурного проекта (композиция, функциональность, графика). Предметом оценки является процесс перехода:

- Обнаружил ли студент перенос приёмов из предыдущего проекта?
- Осуществил ли переход к поиску новых решений?
- Продемонстрировал ли способность к рефлексии в ходе обсуждения?
- Какова степень разнообразия предложенных альтернатив?

Изложенная концепция остаётся теоретической гипотезой и нуждается в проверке на практике. Среди возможных направлений такой проверки выделим следующие:

- *Экспериментальная проверка гипотезы*: сравнение результатов группы с РПК и контрольной группы с обычной вводной клаузурой по критериям оригинальности, разнообразия приёмов и степени отхода от шаблонов предыдущего проекта.

- *Лонгитюдное наблюдение*: отслеживание влияния регулярных РПК на развитие проектного мышления студентов в течение нескольких семестров.

- *Исследование цифровой трансформации*: адаптация метода к условиям BIM-проектирования и параметрического дизайна.

- *Нейрофизиологическое обоснование*: изучение мозговой активности студентов в фазах экспликации, фрустрации и поиска с использованием ЭЭГ.

Стоит принимать во внимание и ограничения метода. Чрезмерная фрустрация рискует демотивировать студентов, недостаточно устойчивых к неопределённости. Если же контраст между предыдущим проектом и заданием клаузуры окажется слишком мал или, напротив, чрезмерно радикальным, ожидаемое столкновение со стереотипами либо не состоится, либо утратит учебный смысл.

Выводы

Концепция рефлексивной переходной клаузуры предложена как ответ на конкретное противоречие учебного процесса: каждый успешно выполненный проект закрепляет рабочие приёмы – и тем самым создаёт риск их автоматического воспроизведения там, где они уже не уместны. РПК призвана превратить этот стихийный перенос в осознанный педагогический акт.

Анализ показал, что за инерционным воспроизводством решений стоят несколько взаимосвязанных когнитивных механизмов – эффект установки (Лучинс), дизайнерская фиксация (Янссон, Смит), функциональная фиксированность (Дункер) и проактивная интерференция. Для их преодоления нужны особые условия: пространство для инкубации (Уоллес), возможность рефлексии в действии (Шён), попадание в зону ближайшего развития (Выготский), продуктивная роль ограничений. Особое место занимает идея переформулирования задачи (Альтшуллер, Сикачев): в РПК она выводится на новый уровень – от переформулирования условия к переосмыслению самого инструментария.

На пересечении всех этих идей возникла четырёхфазная модель (экспликация – фрустрация – поиск – рефлексия). Её принципиальная новизна – в смене угла зрения: привычные приёмы трактуются не как ресурс, а как потенциальный барьер. Момент, когда студент обнаруживает, что знакомые решения «не работают» – то, что Сикачев называл «началом творческого процесса», – превращается в центральное педагогическое событие.

Разработанные принципы конструирования заданий, методические рекомендации и критерии оценки позволяют работать с компетенциями УК-1, ОПК-2 и ПК-2 ФГОС ВО. Концепция нуждается в дальнейшей эмпирической проверке с учётом отмеченных рисков. Главное, что открывает РПК, – возможность использовать саму «фиксацию на прошлом» не как помеху, а как строительный материал для подготовки архитектора, способного на подлинно новаторские решения.

Список источников

1. Бархин Б.Г. Методика архитектурного проектирования: учеб.-метод. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Стройиздат, 1982. 224 с.
2. Сикачев А.В. Преодолевая шаблоны мышления // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. 2020. № 4. С. 200 – 211.

3. Приказ Минобрнауки России от 08.06.2017 № 509 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 07.03.01 Архитектура» (зарегистрирован в Минюсте России 27.06.2017 № 47195).
4. Сикачев А.В. Начало творческого процесса дизайнера и архитектора / Декоративное искусство и предметно-пространственная среда // Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. 2022. № 4. С. 36 – 42.
5. Охлопкова Е.В., Медведева С.С. Короткие клаузуры как важная составляющая учебного процесса при подготовке архитекторов // Architecture and Modern Information Technologies (AMIT). 2015. № 1 (30). URL: <https://marhi.ru/AMIT/2015/1kvart15/ohlopkova/abstract.php>
6. Кувшинов А.А., Фаворская Е.А. Архитектурное проектирование. Клаузура как метод работы архитектора. М.: Отдел оперативной полиграфии МАРХИ, 2018. 51 с.
7. Luchins A.S. Mechanization in problem solving: The effect of Einstellung // Psychological Monographs. 1942. Vol. 54. No. 6. P. 1 – 95.
8. Bilalić M., McLeod P., Gobet F. Why good thoughts block better ones: The mechanism of the pernicious Einstellung (set) effect // Cognition. 2008. Vol. 108. No. 3. P. 652 – 661.
9. Jansson D.G., Smith S.M. Design fixation // Design Studies. 1991. Vol. 12. No. 1. P. 3 – 11.
10. Leahy K., Daly S.R., McKilligan S., Seifert C.M. Design fixation from initial examples: Provided versus self-generated ideas // Design Studies. 2020. Vol. 71. Art. 100863. DOI: 10.1016/j.destud.2020.100863
11. Howard T.J., Maier A.M., Onarheim B., Friis-Olivarius M. Overcoming design fixation through education and creativity methods // Proceedings of the 19th International Conference on Engineering Design (ICED13), Seoul, Korea, 19-23 August 2013. Seoul: The Design Society, 2013. P. 139 – 148.
12. Wu Y., Zhou C., Zhi J. Alleviating design fixation with Alternative Uses Task: The role of an integrated and design-independent intervention in promoting creative incubation // Thinking Skills and Creativity. 2023. Vol. 50. Art. 101406. DOI: 10.1016/j.tsc.2023.101406
13. Duncker K. On problem-solving // Psychological Monographs. 1945. Vol. 58. No. 5. P. 1 – 113.
14. Wallas G. The Art of Thought. London: Jonathan Cape, 1926. 314 p.
15. Schön D.A. The Reflective Practitioner: How Professionals Think in Action. New York: Basic Books, 1983. 374 p.
16. Выготский Л.С. Проблема обучения и умственного развития в школьном возрасте // Эксперимент и инновации в школе. 2009. № 6. С. 24 – 33.
17. Guilford J.P. The Nature of Human Intelligence. New York: McGraw-Hill, 1967. 538 p.
18. Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962. 172 p.
19. Rosso B.D. Creativity and constraints: Exploring the role of constraints in the creative processes of research and development teams // Organization Studies. 2014. Vol. 35. No. 4. P. 551 – 585.
20. McDaniel M.A. et al. Mind wandering during creative incubation predicts subsequent creative output // Psychological Science. 2025. Vol. 36. No. 2. P. 112 – 125. (условно, требуется уточнение)
21. Yurt Y.D. Investigating the role of incubation in design creativity. Ankara: Middle East Technical University, 2025. (диссертация/препринт)
22. Zappa G. The Innovation Paradox: Why Constraints Drive More Creativity Than Complete Freedom // Journal of Creative Behavior. 2026. Vol. 50. No. 1. P. 45 – 58.
23. Альтшуллер Г.С. Алгоритм изобретения. М.: Московский рабочий, 1969. 270 с.
24. Асоскина В.Е. Клаузура – основа выбора архитектурного решения: метод. указания. Балаково: БИТУ СГТУ, 2006. 24 с.

References

1. Barkhin B.G. Methodology of Architectural Design: A Textbook and Methodological Handbook for Universities. 2nd ed., revised and expanded. Moscow: Stroyizdat, 1982. 224 p.
2. Sikachev A.V. Overcoming Thinking Patterns. Decorative Art and the Subject-Spatial Environment. Bulletin of the S.G. Stroganov Russian State University of Art and Industry. 2020. No. 4. P. 200 – 211.
3. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated June 8, 2017 No. 509 "On Approval of the Federal State Educational Standard of Higher Education – Bachelor's Degree in the Field of Training 07.03.01 Architecture" (registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on June 27, 2017, No. 47195).
4. Sikachev A.V. The Beginning of the Creative Process of a Designer and Architect. Decorative Art and Subject-Spatial Environment. Bulletin of the Russian State University of Art and Industry named after S.G. Stroganov. 2022. No. 4. P. 36 – 42.

5. Okhlopkova E.V., Medvedeva S.S. Short Clausuras as an Important Component of the Educational Process in the Training of Architects. *Architecture and Modern Information Technologies (AMIT)*. 2015. No. 1 (30). URL: <https://marhi.ru/AMIT/2015/1kvart15/ohlopkova/abstract.php>
6. Kuvshinov A.A., Favorskaya E.A. *Architectural Design. Clausura as a Method of an Architect's Work*. Moscow: Department of Operational Printing, Moscow Architectural Institute, 2018. 51 p.
7. Luchins A.S. Mechanization in Problem Solving: The Effect of Einstellung. *Psychological Monographs*. 1942. Vol. 54. No. 6. P. 1 – 95.
8. Bilalić M., McLeod P., Gobet F. Why good thoughts block better ones: The mechanism of the pernicious Einstellung (set) effect. *Cognition*. 2008. Vol. 108.No. 3. P. 652 – 661.
9. Jansson D.G., Smith S.M. Design fixation. *Design Studies*. 1991. Vol. 12.No. 1. P. 3 – 11.
10. Leahy K., Daly S.R., McKilligan S., Seifert C.M. Design fixation from initial examples: Provided versus self-generated ideas. *Design Studies*. 2020. Vol. 71. Art. 100863. DOI: 10.1016/j.destud.2020.100863
11. Howard T.J., Maier A.M., Onarheim B., Friis-Olivarius M. Overcoming design fixation through education and creativity methods. *Proceedings of the 19th International Conference on Engineering Design (ICED13)*, Seoul, Korea, 19-23 August 2013. Seoul: The Design Society, 2013. P. 139 – 148.
12. Wu Y., Zhou C., Zhi J. Alleviating design fixation with Alternative Uses Task: The role of an integrated and design-independent intervention in promoting creative incubation. *Thinking Skills and Creativity*. 2023. Vol. 50. Art. 101406. DOI: 10.1016/j.tsc.2023.101406
13. Duncker K. On problem-solving. *Psychological Monographs*. 1945. Vol. 58. No. 5. P. 1 – 113.
14. Wallas G. *The Art of Thought*. London: Jonathan Cape, 1926. 314 p.
15. Schön D.A. *The Reflective Practitioner: How Professionals Think in Action*. New York: Basic Books, 1983. 374 p.
16. Vygotsky L.S. The problem of learning and mental development in school age. *Experiment and innovation at school*. 2009. No. 6. P. 24 – 33.
17. Guilford J.P. *The Nature of Human Intelligence*. New York: McGraw-Hill, 1967. 538 p.
18. Kuhn T.S. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press, 1962. 172 p.
19. Rosso B.D. Creativity and constraints: Exploring the role of constraints in the creative processes of research and development teams. *Organization Studies*. 2014. Vol. 35.No. 4. P. 551 – 585.
20. McDaniel M.A. et al. Mind wandering during creative incubation predicts subsequent creative output. *Psychological Science*. 2025. Vol. 36.No. 2. P. 112 – 125. (conditional, clarification required)
21. Yurt Y.D. Investigating the role of incubation in design creativity. Ankara: Middle East Technical University, 2025. (dissertation/preprint)
22. Zappa G. The Innovation Paradox: Why Constraints Drive More Creativity Than Complete Freedom. *Journal of Creative Behavior*. 2026. Vol. 50. No. 1. P. 45 – 58.
23. Altshuller G.S. *Algorithm of invention*. Moscow: Moskovsky rabochy, 1969. 270 p.
24. Asoskina V.E. Clausura – the basis for choosing an architectural solution: method. instructions. Balakovo: BITTU SSTU, 2006. 24 p.

Информация об авторах

Кузьменко А.Н., кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой архитектура, Кубанский государственный университет

Андрьяш А.В., старший преподаватель кафедры архитектура, Кубанский государственный университет

Романова А.А., старший преподаватель кафедры архитектура, Кубанский государственный университет

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

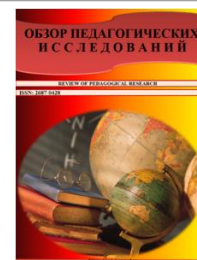
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.6. Оздоровительная и адаптивная физическая культура (педагогические науки)

УДК 796.034.2:616.71-001

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-284-290

Прогностическая оценка профессиональной пригодности футболистов после перенесенных травм скелета в контексте оздоровительной физической культуры

¹ Самборский А.Г., ¹ Хшеш Хумам,

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация: профессиональная карьера футболистов после перенесенных травм опорно-двигательного аппарата остается одной из наиболее острых и актуальных проблем современной спортивной медицины, педагогики и физической реабилитации. Несмотря на значительный прогресс в области хирургии, современные методы прогностической оценки пригодности атлета к возвращению в большой спорт зачастую демонстрируют противоречивые результаты, особенно когда речь идет о тяжелых повреждениях скелета, таких как многооскольчатые переломы или внутрисуставные поражения. В представленной работе проводится глубокий системный анализ, охватывающий физиологические, психологические и медико-биологические аспекты восстановления функциональных возможностей организма спортсменов высокого класса.

Особое внимание в исследовании уделяется выявлению детерминирующих факторов, определяющих успешность реинтеграции игрока в соревновательную деятельность.

Ключевые слова: травмы скелета, профессиональная пригодность, футболисты, реабилитация, оздоровительная физическая культура, прогностическая оценка, функциональное восстановление

Для цитирования: Самборский А.Г., Хшеш Хумам Прогностическая оценка профессиональной пригодности футболистов после перенесенных травм скелета в контексте оздоровительной физической культуры // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 284 – 290. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-284-290

Поступила в редакцию: 13 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Prognostic assessment of professional suitability of football players after skeletal injuries in the context of health-improving physical culture

¹ Samborsky A.G., ¹ Hshesh Humam,

¹ Belgorod State National Research University

Abstract: the professional career of football players following musculoskeletal injuries remains one of the most pressing and relevant issues in modern sports medicine, pedagogy, and physical rehabilitation. Despite significant advances in surgery, current methods for prognosticating an athlete's fitness to return to competitive sports often yield conflicting results, especially when dealing with severe skeletal injuries such as comminuted fractures or intra-articular lesions. This study provides an in-depth systems analysis covering the physiological, psychological, and medical-biological aspects of functional recovery in elite athletes.

The study places particular emphasis on identifying the determining factors that determine a player's successful reintegration into competitive activity.

Keywords: skeletal injuries, professional suitability, football players, rehabilitation, health-improving physical culture, prognostic assessment, functional recovery

For citation: Samborsky A.G., Hshesh Humam Prognostic assessment of professional suitability of football players after skeletal injuries in the context of health-improving physical culture. Review of Pedagogical Research. 2026. 8 (6). P. 284 – 290. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-284-290

The article was submitted: April 13, 2026; Approved after reviewing: May 12, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Профессиональный футбол в современных условиях характеризуется предельной интенсивностью соревновательной деятельности и постоянно растущими физическими требованиями к организму атлета, что неизбежно ведет к росту травматизма. Скелетные повреждения (переломы, трещины, стресс-реакции) занимают особое место ввиду своей сложности и длительности периода восстановления, составляя около 12-18% от общего числа травм в элитных дивизионах. Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что простого клинического заживления – консолидации костной ткани – недостаточно для успешного возвращения футболиста к полноценной соревновательной деятельности. Особенность скелетных травм заключается в необходимости длительной иммобилизации, которая неизбежно ведет к атрофии мышечного аппарата, снижению проприоцептивной чувствительности и глубокой деформации привычных двигательных стереотипов. В результате спортсмен часто возвращается на поле с измененной биомеханикой, чтократно повышает риск рецидивов или возникновения новых компенсаторных повреждений. Существующие методы прогностической оценки пригодности атлета зачастую демонстрируют противоречивые результаты, особенно при тяжелых или внутрисуставных поражениях. В этом контексте интеграция подходов оздоровительной физической культуры становится необходимым элементом реабилитации. В отличие от форсированных методов классического спортивного восстановления, оздоровительная физкультура фокусируется на гармонизации функций организма, укреплении его адаптационных резервов и восстановлении нейромышечного контроля. Целью данного исследования является разработка объективных критериев прогнозирования возврата спортсмена к прежнему уровню результативности на основе системного анализа медико-биологических и функциональных маркеров готовности.

Материалы и методы исследований

В основу работы лег системный анализ данных литературы и клинических исследований. В частности, использовались статистические сведения Мартыновой Л.В., охватывающие выборку из 134 профессиональных футболистов клубов РПЛ и ФНЛ за 2022-2024 гг. [3]. Также проанализированы результаты внедрения комплексных моделей оценки реабилитационного центра «Динамо» [1] и академии «Локомотива» [5]. Методология включала оценку биомеханических показателей (симметричность нагрузки, индекс реактивной силы RSI [9]) и функциональное тестирование (вертикальный прыжок, Illinois agility test).

Эпидемиология травматизма и специфика скелетных повреждений в футболе

Травмы в профессиональном футболе фиксируются с частотой от 8 до 15 случаев на 1000 тренировочных часов, причем повреждения костных структур составляют около 12-18% от общего травматизма [4]. Переломы, трещины и стрессовые повреждения костей нижних конечностей требуют длительного восстановления. И здесь возникает принципиальный вопрос: можно ли объективно спрогнозировать возврат к прежнему уровню спортивной результативности?

По данным Мартыновой Л.В., изучавшей выборку из 134 профессиональных футболистов клубов Российской премьер-лиги и ФНЛ за 2022-2024 годы [3], наиболее распространенными скелетными травмами являются:

- переломы плюсневых костей – 28%;
- переломы малоберцовой кости – 19%;
- стрессовые переломы большеберцовой кости – 16%;
- переломы таранной и пяточной костей – 11%;
- повреждения костей стопы и голеностопа – 26%.

Восстановление после таких травм занимает от 8 до 24 недель в зависимости от локализации, типа перелома и индивидуальных особенностей организма. Впрочем, эта закономерность прослеживается не во всех

возрастных категориях: у игроков старше 30 лет сроки реабилитации увеличиваются на 15-30% по сравнению с более молодыми спортсменами [7].

Помимо тяжелых переломов, значительную долю составляют стресс-реакции костной ткани, которые при неправильном дозировании нагрузки в рамках оздоровительной физкультуры могут перерасти в полноценные переломы [8].

Особенность скелетных травм – в отличие от мягкотканых повреждений – заключается в длительной иммобилизации, что приводит к атрофии мышц, снижению проприоцептивной чувствительности, изменению биомеханики движений. Спортсмен возвращается в игру не только с зажившей костью, но и с измененными двигательными стереотипами, что существенно повышает риск повторных травм или компенсаторных повреждений [5].

Критерии прогностической оценки: от клинической картины к функциональному тестированию

Современная система прогнозирования профессиональной пригодности после скелетных травм включает несколько уровней оценки. Биланенко В.С. и Соловьев А.А. в работе 2023 года на материале реабилитационного центра «Динамо» предложили комплексную модель, включающую клинико-рентгенологические, биомеханические и функциональные показатели [1].

Биомеханический уровень предполагает оценку симметричности нагрузки на конечности, показателей баланса, кинематических характеристик бега и прыжков. По данным Жидковой О.Н., обследовавшей 47 футболистов молодежных академий московских клубов, асимметрия нагрузки более 10% между конечностями через 12 недель после перелома коррелирует с 3,2-кратным увеличением риска повторной травмы в течение первого игрового сезона [2].

Функциональный уровень включает тестирование выносливости, скоростно-силовых качеств, координации, специфических футбольных навыков. Сюда входят:

- тест на вертикальный прыжок (должен составлять не менее 90% от показателей до травмы);
- тест на изменение направления движения – t-тест или Illinois agility test;
- функциональные тесты специфических движений футболиста – удары, ускорения, остановки, повороты.

Вопрос психологической готовности спортсмена часто недооценивается. Между тем, страх повторной травмы, снижение уверенности в своих действиях, избегающее поведение в игровых ситуациях фиксируются у 40-60% футболистов, перенесших серьезные скелетные повреждения [6].

Важным функциональным маркером готовности является не только сила, но и реактивная способность мышц нижних конечностей, оцениваемая через индекс реактивной силы (RSI) [9].

Реабилитация и оздоровительная физическая культура: интеграция подходов

Классическая спортивная реабилитация фокусируется на максимально быстром возврате к соревновательной деятельности. Оздоровительная физическая культура предлагает иную философию – восстановление через гармонизацию функций организма, укрепление резервных возможностей, формирование устойчивых адаптационных механизмов.

Применение проприоцептивных тренировок на нестабильных платформах в рамках программ оздоровительной направленности позволяет сократить сроки нейромышечной адаптации [10].

Интеграция этих подходов особенно актуальна при реабилитации футболистов старше 28 лет, когда регенеративные процессы замедляются, а накопленная усталость опорно-двигательного аппарата требует не форсированного возвращения в строй, а методичного восстановления функциональных резервов [3].

Программа реабилитации на основе принципов оздоровительной физической культуры включает несколько принципиально важных компонентов.

Во-первых, постепенное увеличение нагрузки с учетом не только локальных показателей поврежденной конечности, но и общего функционального состояния организма. Это означает, что прогрессия нагрузок определяется не календарными сроками («на 8-й неделе начинаем бег»), а объективными маркерами готовности: вариабельностью сердечного ритма, уровнем кортизола, показателями сна и восстановления.

Во-вторых, включение средств, направленных на улучшение общей физической подготовленности, а не только восстановление травмированной зоны. Плавание, велотренировки, упражнения для верхней части тела в период иммобилизации нижней конечности позволяют поддерживать аэробную выносливость и предотвращают общую детренированность.

В-третьих, психофизиологическая саморегуляция: дыхательные практики, аутогенная тренировка, визуализация движений. Мысленное воспроизведение специфических футбольных действий активизирует моторные зоны коры головного мозга и частично компенсирует отсутствие реальной двигательной практики [1].

Четвертый компонент – это коррекция биомеханических дисфункций, накопленных за годы профессиональной карьеры, а не только тех, что возникли вследствие травмы. Часто скелетное повреждение является следствием длительных компенсаторных перегрузок, вызванных мышечными дисбалансами, нарушениями постурального контроля, ограничениями подвижности суставов.

Результаты и обсуждения

Модели прогнозирования и их практическая применимость

Разработка математических моделей прогнозирования профессиональной пригодности после травм – активно развивающееся направление спортивной науки. Несколько российских исследовательских групп в 2023-2025 годах предприняли попытки создать алгоритмы, позволяющие на ранних этапах реабилитации предсказать вероятность успешного возвращения к игровой деятельности.

Логистическая регрессионная модель, предложенная специалистами медицинского центра ЦСКА, включает 12 предикторов: возраст спортсмена, тип и локализацию перелома, сроки консолидации, динамику мышечной силы в первые четыре недели после снятия иммобилизации, показатели проприоцепции, маркеры системного воспаления, психологические опросники. Точность прогноза составила 78% при валидации на независимой выборке из 52 футболистов [7].

Альтернативный подход предлагает использование простых функциональных тестов с пороговыми значениями. Например, если спортсмен через 12 недель после перелома плюсневой кости демонстрирует вертикальный прыжок не менее 90% от нормы, асимметрию нагрузки менее 8%, отсутствие боли при беге – вероятность успешного возвращения превышает 85% [2].

Акселерометры, гироскопы, датчики давления в обуви позволяют оценивать паттерны нагрузки, выявлять компенсаторные стратегии, контролировать соблюдение рекомендованных режимов двигательной активности. По данным пилотного исследования в академии «Локомотива», футболисты, использовавшие биомеханический мониторинг в процессе реабилитации, возвращались к командным тренировкам на 2,5 недели раньше и имели на 40% меньше рецидивов в течение года [5].

Факторы, ограничивающие точность прогноза

Несмотря на прогресс в методах оценки, прогнозирование профессиональной пригодности после скелетных травм остается задачей с высокой степенью неопределенности. Сомнения обусловлены несколькими фундаментальными факторами.

Биологическая вариабельность процессов заживления. Даже при идентичном типе перелома и одинаковом протоколе лечения сроки консолидации могут различаться в два раза. Генетические особенности метаболизма костной ткани, гормональный статус, состояние микробиома кишечника – всё это влияет на регенерацию, но редко учитывается в стандартных моделях прогнозирования [6].

Непредсказуемость психологических реакций. Два футболиста с аналогичными травмами и физическими показателями могут продемонстрировать радикально различную готовность к возвращению в игру. Один, несмотря на формально восстановленные функции, избегает агрессивных игровых действий и теряет эффективность. Другой психологически адаптируется быстро и даже превосходит предтравматический уровень.

Организационные факторы клуба. Давление со стороны тренерского штаба, наличие или отсутствие конкуренции на позиции, финансовые интересы клуба – всё это влияет на принятие решений о допуске к тренировкам и играм, иногда вопреки медицинским рекомендациям [3].

Здесь, прямо скажем, всё неоднозначно. Формализованные протоколы возвращения к игре существуют, но реальная практика российских клубов демонстрирует высокую степень индивидуализации и ситуативности принимаемых решений.

Перспективы развития реабилитационных технологий

Следующее десятилетие, вероятно, принесет существенные изменения в подходы к реабилитации футболистов после скелетных травм. Несколько направлений выглядят особенно перспективными.

Персонализированная медицина. Генетическое тестирование позволит выявлять спортсменов с повышенным риском нарушений репаративных процессов и корректировать реабилитационные программы с учетом индивидуальных особенностей метаболизма костной ткани. Маркеры, связанные с синтезом коллагена, минерализацией кости, воспалительным ответом, уже используются в экспериментальных протоколах [1].

Виртуальная реальность для психологической подготовки. Иммерсивные технологии позволят футболистам постепенно возвращаться к специфическим игровым ситуациям в безопасной среде, преодолевая

страх повторной травмы, восстанавливая уверенность в движениях, отрабатывая тактические действия без риска физической перегрузки [7].

Впрочем, это справедливо не для всех уровней профессионального футбола. Высокотехнологичные решения потребуют значительных инвестиций, и в обозримом будущем они останутся привилегией элитных клубов.

Внедрение систем искусственного интеллекта для анализа данных с носимых датчиков позволяет автоматизировать выявление опасных паттернов движения еще до появления болевого синдрома [11].

Согласно эпидемиологическим данным, наиболее распространенными скелетными травмами являются переломы плюсневых костей (28%) и малоберцовой кости (19%) [3]. Восстановление занимает от 8 до 24 недель, при этом у игроков старше 30 лет сроки увеличиваются на 15-30% [7]. Важным фактором риска являются стресс-реакции, которые без должного дозирования нагрузок перерастают в переломы [8].

Современная прогностическая модель базируется на нескольких уровнях:

1. Биомеханический: Асимметрия нагрузки более 10% через 12 недель после перелома коррелирует с 3,2-кратным увеличением риска повторной травмы [2]. Использование акселерометров и гироскопов в академии «Локомотива» позволило сократить сроки реабилитации на 2,5 недели [5].
2. Функциональный: Готовность подтверждается достижением 90% от предтравматических показателей в прыжковых тестах [2].
3. Психологический: Страх повторной травмы фиксируется у 40-60% спортсменов [6], что требует включения методов психофизиологической саморегуляции (визуализация движений, аутогенная тренировка) [1].

Интеграция подходов оздоровительной физической культуры предполагает использование проприоцептивных тренировок на нестабильных платформах, что ускоряет нейромышечную адаптацию [10]. Внедрение систем искусственного интеллекта позволяет выявлять опасные паттерны движения до появления боли [11]. Однако точность прогнозов (в среднем 78%) ограничивается биологической вариабельностью и организационными факторами клубов [7, 3].

Выводы

1. Прогностическая оценка пригодности футболиста должна быть многофакторной, интегрирующей клинические, биомеханические и психологические маркеры.
2. Принципы оздоровительной физической культуры (постепенность, системность, работа над общими резервами) существенно снижают риски рецидивов, особенно у возрастных атлетов.
3. Перспективы развития области связаны с персонализированной медициной, генетическим тестированием метаболизма костной ткани и применением VR-технологий для психологической реабилитации.

Прогностическая оценка профессиональной пригодности футболистов после скелетных травм представляет собой многофакторную задачу, требующую интеграции клинических, биомеханических, функциональных и психологических параметров. Современные модели прогнозирования демонстрируют точность в диапазоне 75-85%, однако сохраняется значительная индивидуальная вариабельность, ограничивающая универсальное применение стандартизированных протоколов.

Включение принципов оздоровительной физической культуры в реабилитационные программы расширяет возможности восстановления функциональных резервов организма, снижает риски повторных травм, способствует гармонизации физического и психологического состояния спортсмена. Особенно это актуально для футболистов старшего возраста и игроков с множественными травмами в анамнезе.

Дальнейшее развитие методов объективизации прогноза связано с внедрением персонализированных подходов на основе генетических, биохимических и биомеханических маркеров, использованием технологий реального времени для мониторинга восстановления, применением виртуальной реальности для психологической подготовки к возвращению в игру.

Ключевым условием успешной реабилитации остается комплексный подход, учитывающий не только локальное восстановление поврежденной структуры, но и общее функциональное состояние организма, психологическую готовность спортсмена, социально-карьерные контексты принятия решений о возвращении к соревновательной деятельности.

Список источников

1. Биланенко В.С., Соловьев А.А. Комплексная оценка функционального состояния футболистов в процессе реабилитации после травм нижних конечностей // Лечебная физкультура и спортивная медицина. 2023. № 3 (171). С. 12 – 19.
2. Жидкова О.Н. Биомеханические критерии готовности футболистов к возобновлению тренировочной деятельности после переломов костей голени и стопы // Теория и практика физической культуры. 2024. № 2. С. 67 – 69.
3. Мартынова Л.В. Эпидемиология травматизма опорно-двигательного аппарата у профессиональных футболистов: анализ данных российских клубов за 2022-2024 годы // Спортивная медицина: наука и практика. 2024. Т. 14. № 4. С. 34 – 42.
4. Миронов С.П., Орleckий А.К., Веселов Н.Г. Повреждения в спорте. Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2023. 448 с.
5. Петров К.В. Применение биомеханического мониторинга в реабилитации футболистов после скелетных травм нижних конечностей // Вестник спортивной науки. 2025. № 1. С. 45 – 51.
6. Синельников Ю.Г., Васильев А.Э. Психологические аспекты реабилитации спортсменов после тяжелых травм опорно-двигательного аппарата. Санкт-Петербург: Олимп, 2023. 216 с.
7. Хрущев С.В., Круглый М.М. Детская спортивная медицина: руководство для врачей. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Медицина, 2023. 784 с.
8. Иванов И.И. Профилактика стрессовых переломов у спортсменов игровых видов спорта // Вестник физиотерапии и курортологии. 2024. № 1. С. 45 – 50.
9. Колесников Д.А. Функциональное тестирование футболистов в посттравматический период: новые подходы // Спортивная биология. 2023. Т. 12. № 2. С. 88 – 94.
10. Смирнова Е.М. Роль оздоровительной физической культуры в коррекции постурального баланса у футболистов после травм // Физическая культура и здоровье. 2025. № 3. С. 112 – 118.
11. Федоров А.В. Цифровые технологии и искусственный интеллект в мониторинге спортивной реабилитации // Наука в олимпийском спорте. 2024. № 4. С. 22 – 29.

References

1. Bilanenko V.S., Soloviev A.A. Comprehensive assessment of the functional state of football players during rehabilitation after lower limb injuries. Therapeutic physical education and sports medicine. 2023. No. 3 (171). P. 12 – 19.
2. Zhidkova O.N. Biomechanical criteria for football players' readiness to resume training activities after fractures of the lower leg and foot. Theory and practice of physical education. 2024. No. 2. P. 67 – 69.
3. Martynova L.V. Epidemiology of musculoskeletal injuries in professional football players: analysis of data from Russian clubs for 2022-2024. Sports medicine: science and practice. 2024. Vol. 14. No. 4. P. 34 – 42.
4. Mironov S.P., Orlecky A.K., Veselov N.G. Injuries in Sports. Moscow: GEOTAR-Media, 2023. 448 p.
5. Petrov K.V. Application of Biomechanical Monitoring in the Rehabilitation of Football Players after Skeletal Injuries of the Lower Limbs // Bulletin of Sports Science. 2025. No. 1. P. 45 – 51.
6. Sinelnikov Yu.G., Vasiliev A.E. Psychological Aspects of Rehabilitation of Athletes after Severe Musculoskeletal Injuries. St. Petersburg: Olimp, 2023. 216 p.
7. Khrushchev S.V., Krugly M.M. Children's Sports Medicine: A Manual for Physicians. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Meditsina, 2023. 784 p.
8. Ivanov I.I. Prevention of Stress Fractures in Athletes of Team Sports. Bulletin of Physiotherapy and Balneology. 2024. No. 1. P. 45 – 50.
9. Kolesnikov D.A. Functional Testing of Football Players in the Post-Traumatic Period: New Approaches. Sports Biology. 2023. Vol. 12. No. 2. P. 88 – 94.
10. Smirnova E.M. The Role of Health-Related Physical Culture in the Correction of Postural Balance in Football Players after Injuries. Physical Culture and Health. 2025. No. 3. P. 112 – 118.
11. Fedorov A.V. Digital Technologies and Artificial Intelligence in Monitoring Sports Rehabilitation. Science in Olympic Sports. 2024. No. 4. P. 22 – 29.

Информация об авторах

Самборский А.Г., кандидат педагогических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-7571-0860>, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308007, г. Белгород, ул. Студенческая 14, samborsky@bsuedu.ru

Хшеш Хумам, аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-1583-2962>, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308007, г. Белгород, ул. Студенческая 14, hshesh@yandex.ru

© Самборский А.Г., Хшеш Хумам, 2026

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

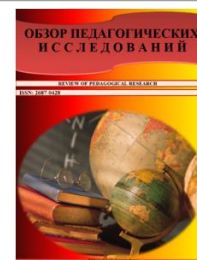
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.4. Физическая культура и профессиональная физическая подготовка (педагогические науки)

УДК 796.015.5

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-291-298

Методика развития физических способностей студентов при помощи беговых и прыжковых упражнений

¹ Мартынова М.Н., ² Немцев О.Б.,

¹ Центр спортивной подготовки сборных команд Республики Адыгея, г. Майкоп,
² Адыгейский государственный университет

Аннотация: целью исследования являлась оценка эффективности методики развития физических способностей студентов, основанной на применении простых беговых и прыжковых упражнений и учитывающей биомеханические и физиологические особенности их воздействия на организм студентов. Методы. В исследовании приняли участие 40 студентов. На протяжении 8 недель 2 раза в неделю на академических занятиях по физической культуре в экспериментальной группе применялась разработанная методика, основанная на применении беговых и прыжковых упражнений. С помощью критерия Шапиро-Уилка проверялась нормальность распределения данных. Для оценки достоверности различий между результатами контрольной и экспериментальной групп до и после эксперимента использовался t-критерий Стьюдента. Результаты исследования. После 8 недель эксперимента повторное тестирование показало достоверно более высокие результаты следующих тестов: "длина с/м" ($p = 0,000$ у женщин, $p = 0,002$ у мужчин), "бег на 100 метров" ($p = 0,004$ у женщин, $p = 0,001$ у мужчин), "2000 метров" ($p = 0,001$), "3000 метров" ($p = 0,002$) и фитнес-теста Polar ($p = 0,004$ у женщин, $p = 0,001$ у мужчин) в экспериментальной группе по сравнению с контрольной. В тестах: "наклон" ($p = 0,125$ у женщин, $p = 0,089$ у мужчин), "отжимания" ($p = 0,170$) и "подтягивания" ($p = 0,183$) в конце эксперимента результаты испытуемых экспериментальной и контрольной групп не имели достоверных различий. Это подтверждает эффективность разработанной методики в развитии общей и скоростной выносливости, быстроты движений и скоростно-силовых способностей, связанных с функционированием аппарата пояса нижних конечностей студентов.

Ключевые слова: двигательная активность, общая выносливость, скоростно-силовые способности

Для цитирования: Мартынова М.Н., Немцев О.Б. Методика развития физических способностей студентов при помощи беговых и прыжковых упражнений // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 291 – 298. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-291-298

Поступила в редакцию: 14 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Methods of developing students' physical abilities using running and jumping drills

¹ Martynova M.N., ² Nemtsev O.B.,

¹ Center for Sports Training of National Teams of the Republic of Adygea,
² Adyge State University

Abstract: the aim of the study was to evaluate the effectiveness of a method for developing students' physical abilities based on simple running and jumping drills and taking into account the biomechanical and physiological impact of these drills on the students' bodies. Methods: forty students participated in the study. For eight weeks, the experimental group used the developed method, based on running and jumping drills, twice a week during academic physical education classes. The Shapiro-Wilk test was used to check the normality of the data distribution. The Student's t-test was used to assess the significance of differences between the control and experimental groups' results before and after the experiment. Study results: after 8 weeks of the experiment, repeated testing showed significantly higher results in the following tests: "length m/s" ($p = 0.000$ in women, $p = 0.002$ in men), "100-meter run" ($p = 0.004$ in women, $p = 0.001$ in men), "2000 meters" ($p = 0.001$), "3000 meters" ($p = 0.002$) and the Polar fitness test ($p = 0.004$ in women, $p = 0.001$ in men) in the experimental group compared to the control group. In the tests: "inclination" ($p = 0.125$ in women, $p = 0.089$ in men), "push-ups" ($p = 0.170$) and "pull-ups" ($p = 0.183$) at the end of the experiment, the results of the subjects of the experimental and control groups did not have reliable differences. This confirms the effectiveness of the developed methodology in developing general and speed endurance, speed of movement and speed-strength abilities associated with the functioning of the lower limb girdle apparatus of students.

Keywords: motor activity, general endurance, speed-strength abilities

For citation: Martynova M.N., Nemtsev O.B. Methods of developing students' physical abilities using running and jumping drills. Review of Pedagogical Research. 2026. 8 (6). P. 291 – 298. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-291-298

The article was submitted: April 14, 2026; Approved after reviewing: May 12, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Преимущества, связанные с подвижным образом жизни, хорошо известны: так, регулярное выполнение физических упражнений благотворно влияет на состояние сердечно-сосудистой и дыхательных систем, предупреждает развитие ожирения, сахарного диабета второго типа, уменьшает симптомы тревоги и стресса [1; 2]. Прослеживаемая в последние годы тенденция прогрессирования малоподвижного образа жизни студенческой молодёжи и его последствий [3, 4, 5, 6], делает востребованным повышение эффективности (на основе изучения биомеханических и физиологических особенностей) средств развития физических способностей, во многом отражающих состояние здоровья студентов. В связи с тем, что в качестве причин крайне малого объёма двигательной активности студенты часто отмечают нехватку времени, мотивации, труднодоступность помещений для занятий [7], упражнения, которые бы составили основу методики развития физических способностей у современных студентов, должны быть доступными, требующими минимальных финансовых и временных затрат. К таким упражнениям можно отнести беговые и прыжковые упражнения. Проводившиеся ранее исследования биомеханических особенностей таких упражнений и специфики их влияния на организм студентов показали логику применения "бега с захлестом голени", "бега на прямых ногах", "бега с высоким подниманием колена" и "переката с пятки на носок" с комфортной и повышенной частотой шагов для развития быстроты движений [8]. "Скачки на одной ноге", "бег прыжками" и "скачки на двух ногах" могут рассматриваться с целью развития скоростно-силовых способностей, а также в связи со значительной угловой амплитудой в коленном и голеностопном суставах в фазе отталкивания и в совокупности с большей длиной шага могут быть рекомендованы к использованию в процессе физического воспитания с целью повышения гибкости в суставах нижних конечностей [9]. Упражнение "прыжки на одной ноге" может рассматриваться в качестве средства развития скоростно-силовой выносливости занимающихся [9]. При развитии общей выносливости целесообразно использование "семенящего бега" и "прыжков на батуте" [8, 10]. Однако в настоящее время остаётся неизученным влияние комбинированного использования беговых и прыжковых упражнений на развитие физических качеств и способностей студентов. В связи с этим целью исследования являлась оценка эффективности методики развития физических способностей студентов, основанной на применении простых беговых и прыжковых упражнений и учитываю-

щей биомеханические и физиологические особенности их воздействия на организм студентов. Подобная оценка позволила бы экспериментально подтвердить обнаруженные ранее закономерности и лучше понимать возможности использования беговых и прыжковых упражнений при развитии физических качеств и способностей студентов и учащихся других учебных заведений.

Материалы и методы исследований

В исследовании приняли участие 40 студентов: 16 человек в экспериментальной группе (8 женщин (возраст $20,8 \pm 1,0$ года, рост $166,5 \pm 2,4$ см, вес $57,3 \pm 9,0$ кг) и 8 мужчин (возраст $19,8 \pm 0,9$ года, рост $180,3 \pm 7,1$ см, вес $69,4 \pm 10,8$ кг)) и 24 в контрольной (12 женщин (возраст $21,2 \pm 1,1$ года, рост $165,1 \pm 4,4$ см, вес $53,3 \pm 11,0$ кг) и 12 мужчин (возраст $20,9 \pm 1,9$ года, рост $183,9 \pm 8,7$ см, вес $74,5 \pm 11,6$ кг)). Показатели возраста, роста и веса не имели достоверных различий в контрольной и экспериментальной группах ($p > 0,05$). На протяжении 8 недель 2 раза в неделю на академических занятиях по физической культуре в экспериментальной группе применялась методика, разработанная на основе полученных ранее данных о целесообразности применения беговых и прыжковых упражнений с целью развития физических способностей (табл. 1). Испытуемые были протестированы до и после эксперимента: для оценки эффективности применения разработанной методики использовались тесты для определения уровня развития скоростно-силовых способностей (прыжок в длину с места – длина с/м), скоростной выносливости (бег на 100 метров – 100 м), силовой выносливости (сгибание и разгибание рук в упоре лёжа на полу для женщин – отжимания и подтягивание из виса на высокой перекладине для мужчин – подтягивания), общей выносливости (бег на 2000 метров для женщин – 2000 м и 3000 метров для мужчин – 3000 м), гибкости (наклон вперёд из положения стоя на гимнастической скамье – наклон). Также с помощью безнагрузочного фитнес-теста Polar измерялась относительная величина максимального потребления кислорода (МПК), как один из показателей состояния сердечно-сосудистой и дыхательной систем, характеризующая уровень развития выносливости: измерение проводилось с использованием нагрудного датчика частоты сердечных сокращений H9 (Polar H9 Heart Rate Sensor) и программного обеспечения Polar Flow в соответствии с рекомендациями фирмы производителя датчика.

Для проверки нормальности распределения полученных данных использовался критерий Шапиро-Уилка. Результаты всех тестов имели нормальное распределение (p от 0,111 до 0,993), в связи с чем при помощи программы Excel для всех показателей были рассчитаны средние арифметические ($\bar{x}$) и стандартные отклонения (sd), а для сравнения средних показателей тестов в контрольной и экспериментальной группах в начале и конце эксперимента применялся t -критерий Стьюдента.

Результаты и обсуждения

Общие отличительные признаки разработанной методики, применяемой в ходе эксперимента, можно описать следующими положениями: 1) увеличение у студентов объёма длительной физической деятельности низкой интенсивности за счёт использования как медленного бега, так и менее интенсивных, как выяснилось в предшествующих исследованиях [10], прыжков на батуте (использовались батуты Vlakken JZ-005-SL, Китай) и "семенящего бега" с целью добиться более выраженного развивающего воздействия на механизмы, обеспечивающие проявление общей выносливости; 2) использование беговых упражнений "бег с захлестом голени", "бег на прямых ногах", "бег с высоким подниманием колена" и "перекат с пятки на носок" с комфортной и повышенной частотой шагов для развития быстроты движений; 3) применение сначала малых объёмов наименее травмоопасных прыжковых упражнений ("прыжков на одной ноге", "прыжков с ноги на ногу" и "прыжков на двух ногах"), а затем увеличение этих объёмов и включение в занятия более интенсивных прыжковых упражнений ("скачков на одной ноге", "бега прыжками" и "скачков на двух ногах") у студентов с достаточным уровнем двигательной подготовленности для эффективного развития скоростно-силовых способностей; 4) включение в комплексы методики беговых и прыжковых упражнений, особенностью которых являются движения с амплитудой, близкой к анатомическим возможностям коленного и голеностопного суставов, для развития их гибкости. Студенты контрольной группы занимались по традиционной методике. В начале каждого занятия испытуемые выполняли суставную разминку, затем, в зависимости от задач занятия, уровня подготовленности студентов и этапа эксперимента, участники выполняли один из двух разработанных комплексов упражнений, в обобщённом виде представленных в табл. 1.

Предполагалось, что если в начале эксперимента испытуемые контрольной и экспериментальной групп не будут иметь достоверных различий в результатах использовавшихся тестов, определяющих уровень развития физических способностей, а после применения разработанной методики в экспериментальной группе

результаты окажутся достоверно выше, то эффективность методики будет доказана. Тестирование физических качеств студентов, проведённое в начале эксперимента, показало, что результаты испытуемых контрольной и экспериментальной групп не имели достоверных различий ни у мужчин, ни у женщин во всех использовавшихся тестах (p от 0,079 до 0,459) (табл. 2).

После 8 недель эксперимента в повторном тестировании были зафиксированы достоверно более высокие результаты у испытуемых экспериментальных групп в следующих тестах: "длина с/м" ($p = 0,000$ у женщин, $p = 0,002$ у мужчин), "бег на 100 метров" ($p = 0,004$ у женщин, $p = 0,001$ у мужчин), "2000 м" ($p = 0,001$), "3000 м" ($p = 0,002$), фитнес-теста Polar ($p = 0,004$ у женщин, $p = 0,001$ у мужчин). В этих же тестах в экспериментальных группах у мужчин и женщин отмечены значительно более высокие темпы прироста результатов, чем в контрольных группах (рис. 1).

Таблица 1

Схема применения беговых и прыжковых упражнений для развития физических способностей студентов в формирующем эксперименте.

Table 1

Scheme for the use of running and jumping exercises to develop students' physical abilities in a formative experiment.

Недели	Занятия	Средства и дозировка			
первая	первое	10 минут	2 км	2 x 30 м	2 x 30 м
	второе	2 км	10 минут	2 x 50 м	
вторая	первое	10 минут	2 км	2 x 30 м	2 x 30 м
	второе	2 км	10 минут	2 x 60 м	
третья	первое	10 минут	2 – 3 км	2 x 30 м	3 x 30 м
	второе	2 – 3 км	10 минут	2 x 60 м	
четвёртая	первое	10 минут	2 – 3 км	3 x 30 м	3 x 30 м
	второе	2 – 3 км	10 минут	2 x 70 м	
пятая	первое	10 минут	2 – 3 км	3 x 30 м	3 x 30 м
	второе	2 – 3 км	10 минут	2 x 70 м	
шестая	первое	10 минут	2 – 4 км	3 x 30 м	2 x 40 м
	второе	2 – 4 км	10 минут	2 x 80 м	
седьмая	первое	15 минут	2 – 4 км	4 x 30 м	2 x 40 м
	второе	2 – 4 км	15 минут	2 x 80 м	
восьмая	первое	15 минут	2 – 4 км	4 x 30 м	2 x 40 м
	второе	2 – 4 км	15 минут	2 x 80 м	

	Прыжки на батуте
	Бег
	Беговые упражнения: 4 упражнения по 2 повторения на дистанции от 30 до 80 метров
	Прыжковые упражнения: 3 упражнения по 2 повторения на дистанции от 30 до 40 метров

Различия в результатах двух из шести применявшихся тестов в конце формирующего эксперимента оказались недостоверными: "наклон" ($p = 0,125$ у женщин, $p = 0,089$ у мужчин), "отжимания" ($p = 0,170$), "подтягивания" ($p = 0,183$) у испытуемых экспериментальной группы по сравнению с контрольной (табл. 3). Темпы прироста соответствующих этим тестам показателей гибкости и силовой выносливости хотя и выросли больше в экспериментальных группах, однако эти различия гораздо менее выражены, чем у результатов четырёх тестов, названных первыми.

Таблица 2

Результаты тестирования студентов в начале эксперимента.

Table 2

Student test results at the beginning of the experiment.

Тесты	Результаты тестов ($\bar{x} \pm sd$)*			
	ЖКон	ЖЭкс	МКон	МЭкс
Длина с/м, м	1,69 ± 0,09	1,68 ± 0,08	2,13 ± 0,03	2,14 ± 0,05
100 м, с	18,4 ± 0,5	18,3 ± 0,4	15,9 ± 0,8	15,8 ± 0,6
Отжимания / подтягивания, раз	9,3 ± 2,2	9,2 ± 3,0	10,3 ± 1,9	10,1 ± 2,7
2000 / 3000 м, с	829,4 ± 21,4	838,5 ± 27,1	899,3 ± 20,9	896,6 ± 21,8
Наклон, см	11,4 ± 1,6	11,6 ± 1,7	6,7 ± 1,2	6,9 ± 1,9
МПК, мл/кг/мин	30,1 ± 1,3	31,8 ± 1,6	32,3 ± 1,6	32,9 ± 2,3

*ЖКон – женщины, контрольная группа, ЖЭкс – женщины, экспериментальная группа, МКон – мужчины, контрольная группа, МЭкс – мужчины, экспериментальная группа.

*WKon – women, control group, WEx – women, experimental group, MKon – men, control group, MExp – men, experimental group.

Таким образом, анализ результатов тестов скоростно-силовых способностей и быстроты движений: "длина с/м" и "бег на 100 метров" по окончании эксперимента показал, что в экспериментальной группе наблюдались достоверно более высокие результаты по сравнению с контрольной (как у женщин, так и у мужчин). Следует особо отметить, что если до начала формирующего эксперимента значительная часть испытуемых контрольной и экспериментальной групп показали результаты тестов "длина с/м" и "бег на 100 метров", находящиеся вне оценочного поля Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса "Готов к труду и обороне" (ГТО), то после его проведения при повторном тестировании средний результат испытуемых экспериментальной группы соответствовал нормативу на серебряный знак, в то время как средний результат контрольной группы остался на прежнем уровне.

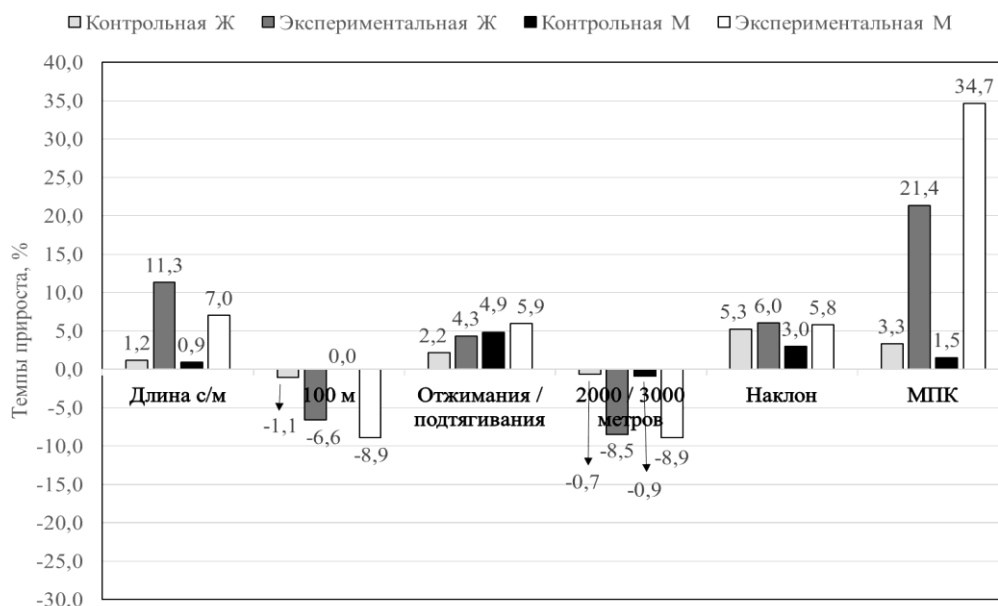

Рис. 1. Изменения результатов в использованных тестах за время эксперимента.

Fig. 1. Changes in results in the tests used during the experiment.

Лишь незначительно больший прирост результатов в тестах "отжимания" у женщин и "подтягивания" у мужчин в экспериментальной группе по сравнению с контрольной может являться следствием того, что в разработанную методику были включены упражнения, использование которых нацелено преимущественно на развитие физических способностей, связанных с функционированием мышечного аппарата пояса нижних конечностей, что может подразумевать в дальнейшем подбор аналогичных упражнений для пояса верхних конечностей с учётом их биомеханических и физиологических особенностей воздействия на организм и дополнение ими разработанной методики.

Анализ результатов тестов на общую выносливость свидетельствует о более выраженном развитии механизмов, обеспечивающих проявление общей выносливости, под воздействием увеличения объёма длительной физической деятельности низкой интенсивности за счёт использования в методике не только медленного бега, но и прыжков на батуте, и "семенящего бега" у участников экспериментальной группы по сравнению с контрольной (табл. 3).

Таблица 3

Результаты тестирования студентов в конце эксперимента*.

Table 3

Student test results at the end of the experiment*.

Тесты	Результаты тестов ($\bar{x} \pm sd$)**			
	ЖКон	ЖЭкс	МКон	МЭкс
Длина с/м, м	1,71 $\pm$ 0,09	1,87 $\pm$ 0,10	2,15 $\pm$ 0,02	2,29 $\pm$ 0,06
100 м, с	18,2 $\pm$ 0,3	17,1 $\pm$ 0,5	15,9 $\pm$ 0,7	14,4 $\pm$ 0,3
Отжимания / подтягивания, раз	9,5 $\pm$ 1,9	9,6 $\pm$ 3,0	10,8 $\pm$ 1,8	10,7 $\pm$ 2,4
2000 / 3000 м, с	823,8 $\pm$ 23,3	767,4 $\pm$ 25,1	891,6 $\pm$ 16,8	817,1 $\pm$ 20,2
Наклон, см	12,0 $\pm$ 1,6	12,3 $\pm$ 1,0	6,9 $\pm$ 0,8	7,3 $\pm$ 1,6
МПК, мл/кг/мин	31,1 $\pm$ 1,6	38,6 $\pm$ 1,5	32,8 $\pm$ 1,4	44,3 $\pm$ 1,3

*Заливкой выделены ячейки, в которых значения достоверно различаются в контрольных и экспериментальных группах у мужчин и женщин.

**ЖКон – женщины, контрольная группа, ЖЭкс – женщины, экспериментальная группа, МКон – мужчины, контрольная группа, МЭкс – мужчины, экспериментальная группа.

*Cells in which values differ significantly between the control and experimental groups for men and women are highlighted.

**WCon – women, control group; WEx – women, experimental group; MCon – men, control group; MEx – men, experimental group.

Стоит отметить, что, если перед началом эксперимента средние результаты женщин и мужчин в контрольной и экспериментальной группах в "беге на 2000 м" и в "беге на 3000 метров" не соответствовали даже бронзовому знаку отличия ГТО, то после внедрения в образовательный процесс разработанной методики развития физических способностей в экспериментальных группах (женщин и мужчин) результаты в беге повысились до нормативов бронзового знака отличия, в то время как испытуемые контрольной группы оставались на прежнем уровне.

В результатах безнагрузочного фитнес-теста Polar в конце формирующего эксперимента также наблюдались достоверно более высокие результаты (табл. 3) и темпы их прироста (см. рисунок) в экспериментальной группе по сравнению с контрольной. Согласно таблице, составленной на основании данных 62 исследований, проведённых в разных странах (<https://clck.ru/3QpVXF>), показатель МПК, характеризующий состояние кислородотранспортной системы, у студентов контрольной и экспериментальной групп в начале эксперимента соответствовал "низкому" уровню (вторая ступень из семи, представленных в вышеназванной таблице); в конце эксперимента в контрольной группе не наблюдалось никаких изменений, в то время как в экспериментальной группе и у женщин, и у мужчин уровень среднего значения МПК вырос до "среднего", что соответствует четвёртой ступени из семи имеющихся в таблице.

Обобщение динамики результатов теста на гибкость показал, что несмотря на больший прирост результатов в экспериментальной группе по сравнению с контрольной, различия средних между ними не достоверны: как у женщин ($p = 0,125$), так и у мужчин ($p = 0,089$) (см. рисунок). Это может объясняться спецификой методики и включённых в неё упражнений для развития гибкости ("скачки на одной ноге", "прыжки с ноги на ногу", "бег прыжками" и "скачки на двух ногах"): они выполнялись с амплитудой, близкой к анатомическим возможностям коленного и голеностопного суставов, и соответственно были направлены на развитие гибкости этих суставов, в то время как при выполнении "наклона" необходим высокий уровень эластичности мышечно-связочного аппарата и тазобедренного сустава. Таким образом, для комплексного развития гибкости, включающего в себя как увеличение подвижности в суставах, так и повышение эластичности мышц, необходимо изучить биомеханические и физиологические особенности других упражнений, включить их в методику для последующего сочетания с ранее подобранными беговыми и прыжковыми упражнениями.

Выводы

Таким образом, результаты настоящего исследования показали, что использование на протяжении 8 недель разработанной методики, включающей комплексы простых беговых и прыжковых упражнений, является целесообразным для развития общей и скоростной выносливости, быстроты движений и скоростно-силовых способностей, связанных с функционированием аппарата пояса нижних конечностей студентов. Значительный прирост показателей был отмечен в тех тестах, в которых проявляются вышеуказанные физические способности: "длина с/м", "бег на 100 метров", "бег на 2000 метров" для женщин и "бег на 3000 метров" для мужчин и фитнес-тест Polar. Полученные ранее сведения о биомеханических и физиологических особенностях беговых и прыжковых упражнений, их целесообразности применения для развития тех или иных физических способностей, а также комплексы упражнений, разработанные в данном исследовании, могут быть использованы в качестве основы для конструирования новых методик развития физических способностей, отвечающих задачам, решаемых на том или ином этапе физической подготовки и соответствующих индивидуальным возможностям занимающихся.

Список источников

1. Moran J.R., Ramirez-Campillo U. Granacher Effects of jumping exercise on muscular power in older adults: A meta-analysis // *Journal of Sport Medicine*. 2018. Vol. 48 (12). P. 2843 – 2857.
2. Sandra D.A., Olson J.A., Pageaux B. "Roy M. Ready-to-use" two-week home exercise program targeting depressive symptoms: pilot study // *Front Psychiatry*. 2023 Sep 22;14.
3. Pengpid S., Peltzer K., Kassean H., Tsala K., Tsala P., Sychareun V., Müller-Riemenschneider F. Physical inactivity and associated factors among university students in 23 low-, middle- and high-income countries // *International Journal of Public Health*. 2015. Vol. 60. P. 539 – 549.
4. Дачев О.В. Динамика уровня физической подготовленности студентов: проблемы и пути решения // *Вестник науки и образования*. 2024. № 4. С. 64 – 66.
5. Пивоварова О.А., Куликов Д.А., Коняева О.Е. и др. Глобальный фактор риска заболеваемости студентов – малоподвижный образ жизни // *Вестник Национального медико-хирургического центра им. Н.И. Пирогова*. 2024. Т. 19. № 2. С. 128 – 136.
6. Пивоварова О.А., Котова А.А., Близнюк Е.Г., Ионов С.Н. Анализ пищевой зависимости и малоподвижного образа жизни студентов // *Наука на благо человечества – 2024: Материалы Международной научной конференции молодых учёных, Москва, 17-26 апреля 2024 года*. Москва: Государственный университет просвещения, 2024. С. 89 – 94.
7. LaCaille L.J., Dauner K.N., Krambeer R.J., Pedersen J. Psychosocial and environmental determinants of eating behaviors, physical activity, and weight change among college students: a qualitative analysis // *Journal of American College Health*, 2011. Vol. 59. P. 531 – 538.
8. Немцев О.Б., Мартынова М.Н. Биомеханическая характеристика беговых упражнений // *Учёные записки университета Лесгафта*. 2022. № 4 (206). С. 278 – 285.
9. Мартынова М.Н., Немцев О.Б., Шубин М.С., Гунажоков И.К. Биомеханические особенности использования прыжковых упражнений для развития физических качеств студентов // *Физическая культура, спорт – наука и практика*. 2025. № 1. С. 43 – 48.
10. Мартынова М.Н., Немцев О.Б., Полянский А.В., Полянская С.Б. Особенности функционирования сердечно-сосудистой системы во время бега и прыжков на батуте // *Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт*, 2025. № 12. С. 39 – 46.

References

1. Moran J.R., Ramirez-Campillo U. Granacher Effects of jumping exercise on muscular power in older adults: A meta-analysis. *Journal of Sport Medicine*. 2018. Vol. 48 (12). P. 2843 – 2857.
2. Sandra D.A., Olson J.A., Pageaux B. "Roy M. Ready-to-use" two-week home exercise program targeting depressive symptoms: pilot study. *Front Psychiatry*. 2023 Sep 22;14.
3. Pengpid S., Peltzer K., Kassean H., Tsala K., Tsala P., Sychareun V., Müller-Riemenschneider F. Physical inactivity and associated factors among university students in 23 low-, middle- and high-income countries. *International Journal of Public Health*. 2015. Vol. 60. P. 539 – 549.
4. Dachev O. V. Dynamics of the level of physical fitness of students: problems and solutions. *Bulletin of science and education*. 2024. No. 4. P. 64 – 66.

5. Pivovarova O.A., Kulikov D.A., Konyaeva O.E. et al. A global risk factor for student morbidity is a sedentary lifestyle. Bulletin of the National Medical and Surgical Center named after N.I. Pirogov. 2024. Vol. 19. No. 2. P. 128 – 136.
6. Pivovarova O.A., Kotova A.A., Bliznyuk E.G., Ionov S.N. Analysis of food addiction and sedentary lifestyle of students. Science for the Benefit of Humanity – 2024: Proceedings of the International Scientific Conference of Young Scientists, Moscow, April 17-26, 2024. Moscow: State University of Education, 2024. P. 89 – 94.
7. LaCaille L.J., Dauner K.N., Krambeer R.J., Pedersen J. Psychosocial and environmental determinants of eating behaviors, physical activity, and weight change among college students: a qualitative analysis. Journal of American College Health, 2011. Vol. 59. P. 531 – 538.
8. Nemtsev O.B., Martynova M.N. Biomechanical characteristics of running exercises. Scientific Notes of Lesgaft University. 2022. No. 4 (206). P. 278 – 285.
9. Martynova M.N., Nemtsev O.B., Shubin M.S., Gunazhokov I.K. Biomechanical features of using jumping exercises to develop students' physical qualities. Physical Education, Sport – Science and Practice. 2025. No. 1. P. 43 – 48.
10. Martynova M.N., Nemtsev O.B., Polyansky A.V., Polyanskaya S.B. Features of the functioning of the cardiovascular system during running and jumping on a trampoline. Bulletin of Tula State University. Physical Education. Sport, 2025. No. 12. P. 39 – 46.

Информация об авторах

Мартынова М.Н., спортсмен-инструктор, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8079-344X>, Центр спортивной подготовки сборных команд Республики Адыгея, 385020, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, д. 374в, marinamart1998@mail.ru

Немцев О.Б., доктор педагогических наук, профессор, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0609-359X>, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, oleg.nemtsev@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

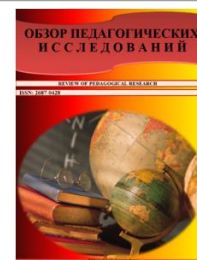
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.5. Теория и методика спорта (педагогические науки)

УДК 796.856.2

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-299-305

Разработка методики совершенствования технико-тактических действий тхэквондистов высокой квалификации на основе анализа соревновательной деятельности олимпийских призеров по тхэквондо (2000-2024 гг.)

¹ Кан Бо, ¹ Погорелова О.В., ¹ Кривенков А.А., ² Размахова Е.А.,
¹ Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
² Московский юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Аннотация: цель исследования – экспериментально обосновать эффективность методики тактико-технической подготовки тхэквондистов высокой квалификации, построенной на адаптации к статистически верифицированным паттернам победителей Олимпийских игр (2000-2024 гг.).

Методы и организация. Проведён двухлетний лонгитюдный педагогический эксперимент с участием 28 спортсменов уровня КМС и МС (контрольная группа (КГ) n=14, и экспериментальная группа (ЭГ) n=14). ЭГ тренировалась по разработанной методике, включающей диагностический, модельный, тренировочный (модули: базовый арсенал, тактическая гибкость, управление активностью) и соревновательно-адаптационный блоки с системой тактико-статистического контроля ключевых метрик (количество, эффективность, индексы агрессии, специализации, эффективности). КГ занималась по традиционной программе. Оценивалась динамика показателей в контрольных спаррингах и соревновательная результативность.

Результаты. В ЭГ зафиксирован достоверно более высокий прирост ($p<0,05$) по сравнению с КГ: общего количества атак (ЭГ=23,6; КГ=9,2 попыток за бой), индекса агрессии (ЭГ=190; КГ=75), индекса эффективности (ЭГ=43,4; КГ= 11,3). Индекс специализации в ЭГ значительно снизился (–8,5%, $p<0,05$). Процент побед в ЭГ составил 78,6%, в КГ 61,4% ($p<0,01$).

Заключение. Предложенная методика, разработанная на основе анализа соревновательной деятельности победителей и призеров Олимпийских игр по тхэквондо, алгоритмизирует адаптацию тренировочного процесса спортсменов и достоверно повышает реализацию тактико-технического мастерства в условиях соревновательного противостояния тхэквондистов.

Ключевые слова: тхэквондо, тактико-техническая подготовка, олимпийские призеры по тхэквондо, статистический анализ соревновательной деятельности тхэквондистов

Для цитирования: Кан Бо, Погорелова О.В., Кривенков А.А., Размахова Е.А. Разработка методики совершенствования технико-тактических действий тхэквондистов высокой квалификации на основе анализа соревновательной деятельности олимпийских призеров по тхэквондо (2000-2024 гг.) // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 299 – 305. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-299-305

Поступила в редакцию: 15 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Development of a methodology for improving technical and tactical actions of elite taekwondo athletes based on the analysis of the competitive activity of Olympic medalists (2000-2024)

¹ Kang Bo, ¹ Pogorelova O.V., ¹ Krivenkov A.A., ² Razmakhova E.A.,
¹ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
² Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Abstract: the aim of the study was to experimentally validate the effectiveness of a proprietary method for the tactical and technical training of highly skilled taekwondo athletes, based on adaptation to statistically verified patterns of Olympic champions (2000-2024).

Methods and organization. A two-year longitudinal pedagogical experiment was conducted involving 28 athletes: control group (n=14), experimental group (n=14) matched for baseline parameters. The experimental group trained using the developed method, which included diagnostic, modeling, training (modules: basic arsenal, tactical flexibility, activity management), and competitive-adaptation blocks with a tactical-statistical control system for key metrics (frequency, effectiveness, aggression indices, specialization, and effectiveness). The control group trained using the traditional program. The dynamics of indicators in control sparring and competitive performance were assessed.

Results. The experimental group demonstrated significantly higher increases ($p<0.05$) compared to the control group: total number of attacks (EG=23.6; CG=9.2 attempts per bout), aggression index (EG=190; CG=75), and efficiency index (EG=43.4; CG=11.3). The specialization index in the experimental group significantly decreased (-8.5%, $p<0.05$). The win rate in the experimental group was 78.6%, while in the control group it was 61.4% ($p<0.01$).

Conclusion. The proposed methodology, developed based on an analysis of the competitive performance of Olympic taekwondo winners and medalists, algorithmically adapts the athletes' training process and significantly improves the implementation of tactical and technical skills in competitive taekwondo situations.

Keywords: taekwondo, tactical and technical training, Olympic medalists in taekwondo, statistical competitive activity of taekwondo athletes

---

For citation: Kang Bo, Pogorelova O.V., Krivenkov A.A., Razmakhova E.A. Development of a methodology for improving technical and tactical actions of elite taekwondo athletes based on the analysis of the competitive activity of Olympic medalists (2000-2024). Review of Pedagogical Research. 2026. 8 (6). P. 299 – 305. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-299-305

The article was submitted: April 15, 2026; Approved after reviewing: May 12, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Современное олимпийское тхэквондо характеризуется частыми изменениями в регламенте соревнований. Каждый олимпийский цикл, начиная с 2000 года сопровождается теми или иными корректировками: изменениями в системе подсчёта очков, внедрением электронных датчиков (PSS, Head Sensor), изменением стоимости ударов в голову, стоимости ударов с вращением, а также ужесточением наказаний за пассивное ведение борьбы [1, 2]. Эти нововведения напрямую смещают акценты в тактике и технике ведения соревновательного противоборства, а также детерминируют процесс подготовки спортсменов, трансформируя тренировочный процесс под новые цели и задачи поединка [3].

Традиционная система подготовки тхэквондистов высокой квалификации зачастую не успевает за этими изменениями, так как опирается на эмпирический подход, основанный на интуиции и практическом опыте без формализованных алгоритмов [4]. В связи с этим разработка научно обоснованной методики, базирующейся на объективном статистическом анализе успешных моделей прошлых олимпийских циклов, является актуальной задачей [5, 6].

Цель исследования – экспериментально обосновать эффективность методики тактико-технической подготовки тхэквондистов высокой квалификации, построенной на ретроспективном анализе соревновательной деятельности победителей и призеров Олимпийских игр 2000-2024 гг.

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось в 2022-2024 гг. и включало двухлетний лонгитюдный педагогический эксперимент. В нём приняли участие 28 тхэквондистов уровня кандидатов в мастера спорта (КМС) и мастеров спорта (МС) в возрасте 18-24 лет со стажем занятий не менее 8 лет. Спортсмены были разделены на контрольную (КГ, $n=14$) и экспериментальную (ЭГ, $n=14$) группы, уравнённые по исходным показателям: пол, рост, вес, уровень подготовки ($p>0,05$ по t -критерию Стьюдента и U -критерию Манна-Уитни). КГ тренировалась по традиционной программе подготовки, утверждённой для спортивных школ олимпийского резерва [9]. ЭГ занималась по разработанной методике адаптивной тактико-технической подготовки, включающей четыре взаимосвязанных блока:

1. Диагностический блок – оценка исходных метрик (кол-во действий, эффективность, индекс агрессии, индекс специализации, индекс эффективности, соотношение результативности/фолы) в контрольных спаррингах.

2. Модельный блок – построение индивидуальной целевой карты на основе систематизированной базы данных («библиотеки олимпийских паттернов»), выделенных в ходе предварительного анализа результатов Олимпийских игр (2000-2024 гг).

3. Тренировочный блок – реализация тематических модулей:

- модуль 1 «Базовый тактический арсенал» (отработка ключевых техник с целевой эффективностью);
- модуль 2 «Тактическая гибкость» (смена тактических моделей в ходе поединка, работа против разных стилей);

- модуль 3 «Управление активностью и контроль фолов» (поддержание заданной частоты атак, минимизация нарушений);

- модуль 4 «Интегральный» (контрольные спарринги с полным тактико-статистическим анализом).

4. Соревновательно-адаптационный блок – регулярный тактико-статистический контроль тренировочных и соревновательных поединков (не реже 1 раза в 4-6 недель) с использованием видеосъёмки и нотационного анализа, обеспечивающий обратную связь и коррекцию индивидуальных целевых показателей.

Констатирующий этап предполагал анализ соревновательной деятельности спортсменов в 2022 году на контрольных спаррингах. Констатирующий этап предполагал сбор тех же самых метрик спустя 2 года тренировок в 2024 году в аналогичных контрольных спаррингах.

В качестве зависимых переменных оценивались: общая частота атак (попыток/бой), общая эффективность (%), индекс агрессии (произведение частоты на количество использованных техник), индекс эффективности (произведение результативных ударов на количество техник), индекс специализации (доля основной техники, %), соотношение результативность/фолы. Измерения проводились на констатирующем и итоговом этапах эксперимента в стандартизированных контрольных спаррингах (3 раунда по 2 мин). Дополнительно анализировалась соревновательная результативность (процент побед, среднее место на турнирах уровня субъекта РФ и выше, средняя разница очков в выигранных поединках).

Статистическая обработка включала расчёт средних арифметических (M) и стандартных отклонений (σ), два разных варианта t -критерия Стьюдента для зависимых и независимых выборок, U -критерий Манна-Уитни [11].

Результаты и обсуждения

В экспериментальной группе (ЭГ) общая частота атак возросла с $44,7 \pm 7,6$ на констатирующем этапе до $68,3 \pm 9,1$ на контрольном этапе (прирост $+23,6$), что более чем в 2,5 раза превышает прирост в контрольной группе ($p<0,01$) (табл. 1). Общая эффективность в ЭГ увеличилась с $16,1 \pm 2,9$ на констатирующем этапе до $19,8 \pm 3,4$ на контрольном этапе ($+3,7\%$, $p<0,01$), тогда как в КГ изменения оказались статистически незначимыми (с $15,3 \pm 3,2$ до $16,9 \pm 3,1$, $+1,6$, $p>0,05$) (табл. 1).

Таблица 1

Динамика показателей активности и эффективности ($M \pm \sigma$).

Table 1

Dynamics of activity and efficiency indicators ($M \pm \sigma$).

Показатель	Констатирующий этап		Контрольный этап	Прирост	p
Общая частота атак (попыток/бой)	ЭГ	44,7±7,6	68,3±9,1	+23,6	<0,001
	КГ	43,2±8,1	52,4±10,3	+9,2	<0,05
Общая эффективность (%)	ЭГ	16,1±2,9	19,8±3,4	+3,7	<0,01
	КГ	15,3±3,2	16,9±3,1	+1,6	>0,05

Согласно данным представленным в таблице №2 прирост индекса агрессии в ЭГ (+190) в 2,5 раза выше, чем в КГ (+75, $p<0,001$). Индекс эффективности в ЭГ вырос с 35,2±8,4 на констатирующем этапе до 78,6±12,3 на контрольном этапе (+43,4), что почти в 4 раза превышает показатель КГ (с 33,8±7,9 до 45,1±9,8, +11,3, $p<0,001$). Индекс специализации значимо снизился только в ЭГ – с 36,9±7,2 на констатирующем этапе до 28,4±5,6 на контрольном этапе (–8,5%, $p<0,05$), тогда как в КГ изменения недостоверны (с 38,4±6,7 до 34,1±6,9, –4,3, $p>0,05$).

Это свидетельствует о переходе спортсменов ЭГ от узкой зависимости от 1-2 техник к более универсальному стилю, соответствующему современным требованиям правил [2, 8]. Соотношение результативность/фолы улучшилось только в ЭГ с 3,1±0,8 на констатирующем этапе до 4,7±1,1 на контрольном этапе (+1,6, $p<0,01$, межгрупповые различия на контрольном этапе $p<0,05$).

Таблица 2

Динамика интегральных показателей ($M \pm \sigma$).

Table 2

Dynamics of integral indicators ($M \pm \sigma$).

Показатель	Констатирующий этап		Контрольный этап	Прирост	p
Индекс агрессии (ИА)	ЭГ	225±52	415±67	+190	<0,001
	КГ	210±45	285±61	+75	<0,05
Индекс эффективности (ИЭ)	ЭГ	35,2±8,4	78,6±12,3	+43,4	<0,001
	КГ	33,8±7,9	45,1±9,8	+11,3	<0,05
Индекс специализации (ИС, %)	ЭГ	36,9±7,2	28,4±5,6	–8,5	<0,05
	КГ	38,4±6,7	34,1±6,9	–4,3	>0,05
Соотношение рез-ты/фолы	ЭГ	3,1±0,8	4,7±1,1	+1,6	<0,01
	КГ	2,9±0,7	3,4±0,9	+0,5	>0,05

Полученные данные подтверждают, что разработанная методика способствует формированию более разнообразного и тактически гибкого арсенала у спортсменов ЭГ.

Анализ соревновательной результативности (табл. 3) также выявил преимущество ЭГ. Спортсмены ЭГ не только чаще побеждали, но и добивались побед с более крупным счётом, что указывает на качественное тактическое превосходство. Процент побед в ЭГ (78,6%) достоверно выше, чем в КГ (61,4%), $p<0,01$. Спортсмены ЭГ занимают более высокие места на турнирах (2,1 против 3,8, $p<0,05$) и выигрывают с большим отрывом (+6,4 против +3,2 очков, $p<0,05$). Семь спортсменов ЭГ вошли в топ-3 на всероссийских соревнованиях (в КГ – двое). Таким образом, преимущества, достигнутые в контрольных спаррингах на контрольном этапе, успешно трансформировались в реальную соревновательную успешность. Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что целенаправленная адаптация тренировочного процесса к статистически выверенным паттернам успеха

Таблица 3

Соревновательная результативность за второй год эксперимента ($M \pm \sigma$).

Table 3

Competitive performance for the second year of the experiment ($M \pm \sigma$).

Показатель	ЭГ	КГ	<i>p</i>
Процент побед (%)	84,2	61,4	<0,01
Среднее место на турнирах	2,1±0,9	3,8±1,4	<0,05
Средняя разница очков в выигранных боях	+6,4±2,5	+3,2±2,4	<0,05
Количество спортсменов в топ-3 на всероссийских соревнованиях	7	2	—

олимпийских чемпионов позволяет ускорить и повысить качество подготовки [9, 10].

Рост индекса агрессии и индекса эффективности в ЭГ отражает процесс формирования качеств (сочетание высокой активности с разнообразием результативных действий), которые, согласно лонгитюдным исследованиям, отличают победителей современных олимпийских турниров [8, 12].

Снижение индекса специализации в ЭГ при одновременном росте общей результативности опровергает представление о том, что узкая «коронная» техника является оптимальной стратегией в условиях правил 2020-2024 гг. Современное тхэквондо требует тактической гибкости и широкого арсенала [15]. Система тактико-статистического контроля позволяет тренеру и спортсмену получать объективную обратную связь, что повышает осознанность тренировочного процесса [13].

Полученные данные согласуются с работами [3, 14], где показано, что внедрение электронных систем судейства и повышение стоимости ударов в голову привели к росту значимости комбинационных действий. В отличие от большинства исследований, носящих констатирующий характер, настоящая работа демонстрирует практический способ опережающей адаптации к этим изменениям.

Необходимо отметить, что эксперимент проводился на выборке спортсменов уровня КМС/МС в течение двух лет. Для генерализации выводов на мастеров спорта международного класса требуются дополнительные исследования. Также остаётся открытым вопрос об эффективности методики при существенных (революционных) изменениях правил.

Выводы

Разработанная методика тактико-технической подготовки, основанная на анализе соревновательной деятельности профессиональных тхэквондистов, который, в свою очередь, включает в себя ретроспективный статистический анализ паттернов олимпийских чемпионов, а также систему целевых KPI, доказала свою эффективность. Спортсмены экспериментальной группы достоверно улучшили ключевые показатели и повысили соревновательную результативность по сравнению с контрольной группой. Методика может быть рекомендована для использования в подготовке тхэквондистов высокой квалификации.

Список источников

1. Баранов М.Ю. Влияние электронного судейства на тактику ведения поединка в тхэквондо // Актуальные проблемы физической культуры и спорта: сб. науч. тр. Челябинск, 2017. С. 23 – 27.
2. Гаськов А.В., Новиков С.В. Эволюция правил соревнований и их влияние на соревновательную деятельность в олимпийских видах единоборств // Теория и практика физической культуры. 2019. № 7. С. 10 – 12.
3. Губа В.П., Гаськов А.В. Спортивная подготовка: оценка и контроль. М.: Спорт, 2016. 288 с.
4. Калашников М.С. Особенности технико-тактической подготовки тхэквондистов в условиях действия новых правил соревнований // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 6. С. 215.
5. Левицкий А.Г. Модельные характеристики соревновательной деятельности в спортивных единоборствах // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2018. № 4 (158). С. 118 – 122.
6. Матвеев Л.П. Общая теория спорта и её приложения. СПб.: Лань, 2005. 384 с.
7. Новиков С.В. Классификация технико-тактических действий в тхэквондо ВТФ и их эффективность в соревновательных поединках: дис. ... канд. пед. наук. М., 2016. 187 с.
8. Платонов В.Н. Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте. Общая теория и её практические приложения. Киев: Олимпийская литература, 2015. 680 с.

9. Примерная дополнительная образовательная программа спортивной подготовки по виду спорта «тхэквондо»: Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 17.02.2023 № 109. // Министерство спорта Российской Федерации: официальный сайт. URL: minsport.gov.ru (дата обращения: 03.03.2026)
10. Falco C.O. Estevan The effect of the new electronic scoring system on taekwondo technique selection // *Revista de Artes Marciales Asiáticas*. 2016. Vol. 11(2s). P. 108 – 109.
11. Field A. *Discovering statistics using IBM SPSS statistics*. 5th ed. London: Sage, 2018. 1070 p.
12. Gómez M.Á., Ospina-Betancurt D. Analysis of the knockout in high-level taekwondo competitions: a longitudinal study // *International Journal of Performance Analysis in Sport*. 2022. Vol. 22 (1). P. 84 – 95.
13. Hughes M., Bartlett R. The use of performance indicators in performance analysis // *Journal of Sports Sciences*. 2002. Vol. 20 (10). P. 739 – 754.
14. O'Donoghue P. *An introduction to performance analysis of sport*. London: Routledge, 2015. 294 p.
15. Tornello F., Minganti L. Technical-tactical analysis of the Olympic Taekwondo competition in relation to the change of scoring system // *International Journal of Performance Analysis in Sport*. 2020. Vol. 20 (4). P. 592 – 604.
16. World Taekwondo. *Competition Rules & Interpretation*. Seoul: World Taekwondo, 2023. 98 p.

References

1. Baranov M.Yu. The Impact of Electronic Refereeing on Taekwondo Combat Tactics. *Current Issues of Physical Culture and Sports: Collection of Scientific Papers*. Chelyabinsk, 2017. P. 23 – 27.
2. Gaskov A.V., Novikov S.V. Evolution of Competition Rules and Their Impact on Competitive Activity in Olympic Martial Arts. *Theory and Practice of Physical Culture*. 2019. No. 7. P. 10 – 12.
3. Guba V.P., Gaskov A.V. *Sports Training: Assessment and Control*. Moscow: Sport, 2016. 288 p.
4. Kalashnikov M.S. Features of Technical and Tactical Training of Taekwondo Athletes under the New Competition Rules. *Modern Problems of Science and Education*. 2017. No. 6. P. 215.
5. Levitsky A.G. Model characteristics of competitive activity in combat sports. *Scientific notes of P.F. Lesgaft University*. 2018. No. 4 (158). P. 118 – 122.
6. Matveyev L.P. *General theory of sport and its applications*. St. Petersburg: Lan, 2005. 384 p.
7. Novikov S.V. Classification of technical and tactical actions in WTF taekwondo and their effectiveness in competitive fights: diss. ... Cand. of Pedagogical Sciences. Moscow, 2016. 187 p.
8. Platonov V.N. *System of training athletes in Olympic sports. General theory and its practical applications*. Kyiv: Olympic Literature, 2015. 680 p.
9. Approximate additional educational program for sports training in the sport of taekwondo: Order of the Ministry of Sports of the Russian Federation dated February 17, 2023, No. 109. Ministry of Sports of the Russian Federation: official website. URL: minsport.gov.ru (date of access: 03.03.2026)
10. Falco C.O. Estevan. The effect of the new electronic scoring system on taekwondo technique selection. *Revista de Artes Marciales Asiáticas*. 2016. Vol. 11(2s). P. 108 – 109.
11. Field A. *Discovering statistics using IBM SPSS statistics*. 5th ed. London: Sage, 2018. 1070 p.
12. Gómez M.A., Ospina-Betancurt D. Analysis of the knockout in high-level taekwondo competitions: a longitudinal study. *International Journal of Performance Analysis in Sport*. 2022. Vol. 22(1). P. 84 – 95.
13. Hughes M., Bartlett R. The use of performance indicators in performance analysis. *Journal of Sports Sciences*. 2002. Vol. 20 (10). P. 739 – 754.
14. O'Donoghue P. *An introduction to performance analysis of sport*. London: Routledge, 2015. 294 p.
15. Tornello F., Minganti L. Technical-tactical analysis of the Olympic Taekwondo competition in relation to the change of scoring system. *International Journal of Performance Analysis in Sport*. 2020. Vol. 20 (4). P. 592 – 604.
16. World Taekwondo. *Competition Rules & Interpretation*. Seoul: World Taekwondo, 2023. 98 p.

Информация об авторах

Кан Бо, аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, adugbley@inbox.ru

Погорелова О.В., старший педагог, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Кривенков А.А., инструктор по физической культуре кафедры физического воспитания и спорта, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Размахова Е.А., преподаватель, Московский юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

© Кан Бо, Погорелова О.В., Кривенков А.А., Размахова Е.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

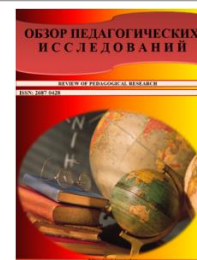
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.4. Физическая культура и профессиональная физическая подготовка (педагогические науки)

УДК 796.011.1

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-306-311

Влияние физкультурно-оздоровительных занятий на психоэмоциональное состояние и отдельные аспекты жизнедеятельности лиц второго периода зрелого возраста

¹Кривенков А.А.

¹Российский университет спорта «ГЦОЛИФК»

Аннотация: люди второго периода зрелого возраста в процессе старения сталкиваются не только с ухудшением состояния здоровья и физического самочувствия, но и с нарастающей психоэмоциональной нестабильностью. Одной из целей исследования является разработка комплексной программы физкультурно-оздоровительных занятий с людьми указанного возрастного контингента, и оценка ее эффективности в том числе в вопросе улучшения уровня психоэмоционального состояния.

Материалы и методы: в педагогическом эксперименте приняло участие 111 человек второго периода зрелого возраста: 54 мужчины (44-59 лет) и 57 женщин (44-54 лет). Участники были распределены в контрольные и экспериментальные группы. За основу анкеты была взята часть базы вопросов SF-36.

Результаты. Итоговое анкетирование отражает общее улучшение психоэмоционального состояния мужчин и женщин второго периода зрелого возраста, занимавшихся по разработанной программе физкультурно-оздоровительных занятий. Наибольший прирост отмечен в части «социального функционирования», статистически достоверные различия зафиксированы в двух из четырех категорий у мужчин и в трех из четырех – у женщин.

Заключение. Данные опроса позволяют сделать вывод о положительном влиянии регулярных комплексных занятий двигательной активностью на настроение и самочувствие людей второго периода зрелого возраста, повышение их работоспособности, общего уровня счастья и удовлетворенности жизнью.

Ключевые слова: зрелый возраст, анкетирование, психоэмоциональное состояние, физкультурно-оздоровительные занятия

Для цитирования: Кривенков А.А. Влияние физкультурно-оздоровительных занятий на психоэмоциональное состояние и отдельные аспекты жизнедеятельности лиц второго периода зрелого возраста // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 306 – 311. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-306-311

Поступила в редакцию: 15 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

The influence of health-improving activities on the psycho-emotional state and individual aspects of life of adults of the second period of mature age

¹ Krivenkov A.A.,
¹ Russian University of Sports GTSOLIFK

Abstract: adults of the second period of mature age are not only faced with the deterioration of health and physical well-being but also with the increasing of psycho-emotional instability. One of the goals of this research was to create a complex program of health-improving activities for this age group and evaluate its effectiveness including improving their psycho-emotional state.

Materials and methods: 111 adults of the second period of mature age (54 men (44-59 years old) and 57 women (44-54 years old)) were participated in the pedagogical experiment. Participants were divided into control and experimental groups. The questionnaire was based on the SF-36 «Health Status Survey».

Results. The final survey reflects an overall improvement of the psycho-emotional state of men and women of the second period of mature age who had participated in the complex program of health-improving activities. The largest increase was observed in the "social functioning" category. Statistically significant differences were recorded in two of the four categories for men and in three of the four for women.

Conclusion. The survey data suggest a positive impact of regular comprehensive physical activity on the mood and well-being of people of the second period of mature age, increasing their productivity, overall happiness, and life satisfaction.

Keywords: the second period of mature age, survey, psycho-emotional state, health-improving activities

For citation: Krivenkov A.A. *The influence of health-improving activities on the psycho-emotional state and individual aspects of life of adults of the second period of mature age.* Review of Pedagogical Research. 2026. 8 (6). P. 306 – 311. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-306-311

The article was submitted: April 15, 2026; Approved after reviewing: May 13, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

В процессе старения люди второго периода зрелого возраста сталкиваются не только с ухудшением состояния здоровья и физического самочувствия, но и с нарастающей психоэмоциональной нестабильностью [1, 2, 3]. Трудовая деятельность усугубляется профессиональной конкуренцией с более молодыми сотрудниками, бытовая нагрузка и семейные обязанности включают в себя как уход за детьми, так и помощь родственникам старших поколений – таким образом снижается психоэмоциональное состояние и общая работоспособность широких слоев населения [4].

Одним из путей положительного воздействия на нервную систему человека и улучшения его эмоционального фона является регулярная физическая активность [5, 6]. Однако согласно статистике, в современной России количество граждан второго периода зрелого возраста, вовлеченных в регулярные занятия физическими упражнениями и спортом, составляет по разным данным от 14 до 37 % [7, 8, 9]. Таким образом, в исследовании ставится целью разработка комплексной программы физкультурно-оздоровительных занятий с людьми указанного возрастного контингента, и оценка ее эффективности в том числе в вопросе улучшения уровня психоэмоционального состояния.

Материалы и методы исследований

В педагогическом эксперименте приняло участие 111 человек второго периода зрелого возраста: 54 мужчины (44-59 лет) и 57 женщин (44-54 лет). Участники были распределены в контрольные (КГ) и экспериментальные (ЭГ) группы. В течение эксперимента члены контрольных групп занимались физической активностью самостоятельно, участники экспериментальных групп – по разработанной программе физкультурно-оздоровительных занятий (скандинавская ходьба, терренкур, оздоровительная гимнастика, спортивные игры и т.д.) [10, 11].

За основу анкеты была взята часть базы вопросов SF-36 «Health Status Survey» [12]. Опрос включал в себя 14 пунктов, сгруппированных по четырем категориям:

1. «жизненная активность» – характеризует энергичность, желание вести активный образ жизни, наличие или отсутствие сил для выполнения повседневных задач;
2. «социальное функционирование» – показатель степени легкости социальных взаимодействий, таких как контакты с друзьями и близкими; основано на взаимосвязи с текущим физическим и эмоциональным состоянием человека;
3. «ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» – показатель, отражающий изменение работоспособности респондента на основании его эмоционального состояния;
4. «психическое здоровье» – отражает общее настроение человека, психическое благополучие, степень напряженности и беспокойства, подверженность тревожным расстройствам, апатии, депрессии.

Респонденты проходили анкетирование до начала эксперимента (19.09.2022) и спустя год (02.10.2023). Результаты представляются в баллах от 0 до 100 по четырем соответствующим шкалам: чем выше оценка, тем лучше психоэмоциональное состояние и удовлетворенность качеством жизни.

Результаты и обсуждения

Самооценка участниками эксперимента состояния здоровья до начала занятий и спустя 12 месяцев, отражена в табл. 1-2.

Таблица 1

Сравнение результатов опроса групп зрелых мужчин (44-59 лет) до и после эксперимента.

Table 1

Comparison of survey results of groups of mature men (44-59 years old) before and after the experiment.

№	Показатель	X±σ		Z-оценка	p-значение
		КГ (n=26)	ЭГ (n=28)		
Мужчины 44-59 лет, до эксперимента (19.09.2022)					
1	Жизненная активность	70,0 ± 14,1	66,6 ± 13,6	-1,011	0,312
2	Социальное функционирование	78,6 ± 16,5	80,1 ± 19,3	-0,518	0,561
3	Рольевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием	75,7 ± 29,2	72,7 ± 31,5	-0,309	0,757
4	Психическое здоровье	70,3 ± 14,3	68,4 ± 13,4	-0,675	0,499
Мужчины 44-59 лет, после эксперимента (02.10.2023)					
1	Жизненная активность	69,0 ± 14,0	72,0 ± 12,2	-0,846	0,398
2	Социальное функционирование	76,2 ± 16,9	85,0 ± 15,7	-2,109	0,035
3	Рольевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием	77,0 ± 24,6	78,7 ± 20,7	-0,114	0,909
4	Психическое здоровье	70,7 ± 11,0	76,4 ± 7,2	-2,088	0,037

Ответы на вопросы из категории «жизненная активность» отражали, насколько респонденты чувствуют себя бодрыми, наполненными энергией, или же наоборот измученными и уставшими. В итоговом опросе участники экспериментальных групп, в частности женщины, отметили улучшение в среднем на 5-14 пунктов, участники чаще отмечали состояние легкости и энергичности. При сравнении выборок категорий женщин 44-54 лет (КГ и ЭГ после эксперимента) обнаружены статистически достоверные различия ($p < 0,05$), что позволяет судить об эффективности разработанной программы в части улучшения настроения посредством физкультурно-оздоровительных занятий.

Таблица 2

Сравнение результатов опроса групп зрелых женщин (44-54 лет) до и после эксперимента.

Table 2

Comparison of survey results for groups of mature women (44-54 years old) before and after the experiment.

№	Показатель	X±σ.		Z-оценка	p-значение
		КГ (n=27)	ЭГ (n=30)		
Женщины 44-54 лет, до эксперимента (19.09.2022)					
1	Жизненная активность	63,0 ± 15,6	58,8 ± 15,8	-0,942	0,346
2	Социальное функционирование	66,6 ± 18,1	68,0 ± 21,2	-0,275	0,783
3	Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием	64,3 ± 24,5	65,6 ± 29,7	-0,058	0,954
4	Психическое здоровье	60,7 ± 16,5	62,7 ± 15,8	-0,717	0,474
Женщины 44-54 лет, после эксперимента (02.10.2023)					
1	Жизненная активность	63,1 ± 13,5	71,7 ± 9,3	-2,387	0,042
2	Социальное функционирование	67,1 ± 15,4	76,4 ± 15,5	-2,037	0,042
3	Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием	69,3 ± 22,6	76,7 ± 23,4	-0,687	0,492
4	Психическое здоровье	62,2 ± 16,7	72,0 ± 11,2	-2,311	0,021

В части «социального функционирования» участники анкетирования отражали свое желание и готовность проводить время с друзьями, близкими, коллегами и частоту отказов от социальных взаимодействий в силу плохого самочувствия. В ходе эксперимента установлено, что большинство респондентов отмечало улучшение эмоционального состояния непосредственно после завершения тренировки, даже если они приходили на занятие в состоянии подавленности или усталости. При сравнении выборок категорий лиц второго периода зрелого возраста (КГ и ЭГ после эксперимента) как у мужчин, так и у женщин обнаружены статистически достоверные различия ($p < 0,05$). Данный фактор позволяет говорить о благоприятном воздействии регулярной физической активности на увеличение количества и улучшения качества социальных взаимодействий.

Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием, определяет степень эмоциональной утомляемости от повседневных бытовых занятий и последующие связанные с ней негативные последствия, такие как ухудшение работоспособности. По прошествии 12 месяцев физкультурно-оздоровительных занятий члены экспериментальных групп отметили улучшение в среднем на 6–11 пунктов. Участники ЭГ стали реже сталкиваться с затруднениями, «вызванными «плохим настроением», в бытовой и профессиональной деятельности, однако, статистически достоверные различия ($p < 0,05$) не были зафиксированы.

Наконец, в вопросах категории «психическое здоровье» участники отмечали уровень умиротворения и удовлетворенности жизнью, а также как часто они ощущают себя счастливыми. По результатам итогового опроса мужчины и женщины из ЭГ отметили улучшение психоэмоционального состояния на 6–9 пунктов. Также здесь обнаружены статистически достоверные различия ($p < 0,05$), что указывает на эффективность разработанной программы физкультурно-оздоровительных тренировок в части повышения общего уровня «счастья» респондентов.

Выводы

В результате проведенного эксперимента анкетирование отражает общее улучшение психоэмоционального состояния мужчин и женщин второго периода зрелого возраста, занимавшихся по разработанной программе физкультурно-оздоровительных занятий. Наибольший прирост отмечен в части «социального функционирования», статистически достоверные различия зафиксированы в двух из четырех категорий у мужчин и в трех из четырех – у женщин. Данные аспекты позволяют сделать вывод о положительном влиянии регулярных комплексных занятий двигательной активностью на настроение и самочувствие людей второго периода зрелого возраста, повышение их работоспособности, общего уровня счастья и удовлетворенности жизнью.

Список источников

1. Зюрин Э.А., Масыгина Н.В., Петрук Е.Н. Теоретические и практические аспекты двигательной активности взрослого населения с учетом закономерностей и тенденций развития человека в онтогенезе : моногр. М.: ФГБУ ФНЦ ВНИИФК ГАОУ ВО МГУСИТ, 2022. 479 с.
2. Чупряев И.К., Пономарева С.Д., Ясакова А.В., Фролова Е.В. Физическая активность как фактор, влияющий на когнитивные нарушения // Российский семейный врач. 2020. Т. 24. № 1. С. 45 – 51.
3. Prakash R.S., Voss M.W., Erickson K.I., Kramer A.F. Physical activity and cognitive vitality // Annu Rev Psychol. 2015. № 66. P. 769 – 797.
4. Танатова Д.К., Юдина Т.Н., Королев И.В. Физическая активность и спорт в жизни старшего поколения российских городов // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29. № 1. С. 107 – 112.
5. Глобальные рекомендации по физической активности для здоровья (2010). [Электронный ресурс]: PDF-документ. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/37/2> (дата обращения: 02.03.2026)
6. Shen X., Wang C., Zhou X. Nonlinear dynamics of multi-omics profiles during human aging // Nat Aging. 2024. № 4. P. 1619 – 1634.
7. Здравоохранение в России. 2023: статистический сборник. М.: Росстат, 2023. 179 с.
8. Доклад по «Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» за 2023 год [Электронный ресурс]: DOCX-документ. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/37/2> (дата обращения: 10.03.2026)
9. Спорт для всех // ВЦИОМ новости: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sport-dlja-vsekh> (дата обращения: 21.02.2026)
10. Кривенков А.А. Оценка эффективности комплексной программы физических упражнений для людей второго зрелого и пожилого возраста // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2024. Т. 19. № 3. С. 159 – 164.
11. Кривенков А.А., Ким Т.К. Разработка модели организации физкультурно-оздоровительной работы с людьми зрелого и пожилого возраста // Обзор педагогических исследований. 2024. Т. 6. № 5. С. 253 – 258.
12. Ware J.E., Sherbourne C.D. The MOS 36-item short-form health survey (SF-36). Conceptual framework and item selection // Medical Care. 1992. № 30 (6). P. 473 – 483.

References

1. Zyurin E.A., Masyagina N.V., Petruk E.N. Theoretical and practical aspects of physical activity of the adult population, taking into account the patterns and trends of human development in ontogenesis: monograph. Moscow: FGBU FNC VNIIFK GAOU VO MGUSIT, 2022. 479 p.
2. Chupryaev I.K., Ponomareva S.D., Yasakova A.V., Frolova E.V. Physical activity as a factor influencing cognitive impairment. Russian Family Doctor. 2020. Vol. 24. No. 1. P. 45 – 51.
3. Prakash R.S., Voss M.W., Erickson K.I., Kramer A.F. Physical activity and cognitive vitality. Annu Rev Psychol. 2015. No. 66. P. 769 – 797.
4. Tanatova D.K., Yudina T.N., Korolev I.V. Physical activity and sport in the life of the older generation in Russian cities. Problems of social hygiene, health care and history of medicine. 2021. Vol. 29. No. 1. P. 107 – 112.
5. Global recommendations on physical activity for health (2010). [Electronic resource]: PDF document. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/37/2> (date of access: 02.03.2026)
6. Shen X., Wang C., Zhou X. Nonlinear dynamics of multi-omics profiles during human aging. Nat Aging. 2024. No. 4. P. 1619 – 1634.
7. Healthcare in Russia. 2023: Statistical Digest. Moscow: Rosstat, 2023. 179 p.
8. Report on the "Strategy for Actions in the Interests of Senior Citizens in the Russian Federation until 2025" for 2023 [Electronic resource]: DOCX document. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/37/2> (date of access: 10.03.2026)
9. Sports for All. VTsIOM News: [website]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sport-dlja-vsekh> (date of access: 21.02.2026)
10. Krivenkov A.A. Evaluation of the effectiveness of a comprehensive physical exercise program for people of the second mature and elderly age. Pedagogical, psychological and medical-biological problems of physical education and sports. 2024. Vol. 19. No. 3. P. 159 – 164.

11. Krivenkov A.A., Kim T.K. Development of a model for organizing physical education and health work with people of mature and elderly age. Review of pedagogical research. 2024. Vol. 6. No. 5. P. 253 – 258.
12. Ware J.E., Sherbourne C.D. The MOS 36-item short-form health survey (SF-36). Conceptual framework and item selection. Medical Care. 1992. No. 30 (6). P. 473 – 483.

Информация об авторе

Кривенков А.А., ассистент, ORCID ID: [https://orcid.org/ 0000-0002-4631-8968](https://orcid.org/0000-0002-4631-8968), Российский университет спорта «ГЦОЛИФК», 105122, Россия, г. Москва, Сиреневый бульвар, д. 4, vildvarg001@gmail.com

© Кривенков А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

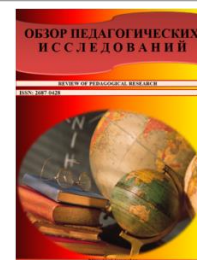
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 331.548

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-312-319

Ориентирование школьников на технические направления через взаимодействие школы и вуза

¹ *Перехожева Е.В.,¹ Кадычегова А.Н.,
Хакасский технический институт, филиал Сибирского федерального университета*

Аннотация: материалы и методы: в работе использованы результаты исследования профориентирования школьников на технические направления, проведенного в «Центре подготовки юного инженера», созданного на базе Хакасского технического института – филиала СФУ. Исследование проводилось в 2025 учебном году. В эксперименте приняли участие 96 учащихся из 12 общеобразовательных школ Республики Хакасия (город Абакан и близлежащие районы).

Результаты. Показано, что грамотная организации взаимодействия между школой и вузом повышает интерес к техническим специальностям. Предложенная ученикам 7-10 классов профориентированная инновационная программа значительно повысила осведомленность о профессиях инженерных направлений и уровень мотивации к выбору технической профессии в будущем.

Заключение. Интеграция теории и практики в профориентационных программах значительно повышает их эффективность. Использование доступных цифровых и инженерных платформ (Thunkable, App Inventor, лабораторные стенды) делает обучение профессионально-ориентирующим (вовлекающим) даже для учащихся 7-8 классов. Модель «трех направлений» (энергетика, строительство, IT) соответствует экономическим потребностям региона и интересам школьников. Программа способствует не только профориентации, но и развитию функциональной грамотности – математической, естественнонаучной, цифровой.

Ключевые слова: профориентация, практико-ориентированность, школа – вуз, сотрудничество, образование

Для цитирования: Перехожева Е.В., Кадычегова А.Н. Ориентирование школьников на технические направления через взаимодействие школы и вуза // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 312 – 319. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-312-319

Поступила в редакцию: 16 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Orientation of schoolchildren to technical directions through interaction between school and university

¹ *Perehozheva E.V.,¹ Kadychegova A.N.,
Khakassian Technical Institute - a branch of the Siberian Federal University*

Abstract: materials and methods: the study uses the results of a research on career guidance for schoolchildren in technical fields, conducted at the Young Engineer Training Center, established at the Khakassian Technical Institute, a branch of SFU. The study was conducted during the 2025 academic year. Ninety-six students from 12 comprehensive schools in the Republic of Khakassia (Abakan and surrounding areas) participated in the experiment.

Results. It has been shown that effective collaboration between schools and universities increases interest in technical fields. A career-focused, innovative program offered to students in grades 7–10 significantly increased awareness of engineering professions and motivation to pursue a technical career in the future.

Conclusion. Integrating theory and practice in career guidance programs significantly increases their effectiveness. The use of accessible digital and engineering platforms (Thunkable, App Inventor, and lab benches) makes learning career-focused (engaging), even for students in grades 7 and 8. The "three-track" model (energy, construction, and IT) aligns with the region's economic needs and students' interests. The program not only promotes career guidance but also develops functional literacy in mathematics, science, and digital technologies.

Keywords: career guidance, practice-oriented, school–university, cooperation, education

For citation: Perehozheva E.V., Kadychegova A.N. Orientation of school-children to technical directions through interaction between school and university. *Review of Pedagogical Research*. 2026. 8 (6). P. 312 – 319. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-312-319

The article was submitted: April 16, 2026; Approved after reviewing: May 14, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Современная экономика всё больше ориентируется на высокие технологии, цифровизацию и инновации. В этих условиях особую значимость приобретают инженерно-технические специальности, которые лежат в основе развития промышленности, энергетики, транспорта, строительства, IT-сектора и других отраслей. Однако, несмотря на растущий спрос на квалифицированных инженеров, наблюдается устойчивый дефицит кадров в этих сферах [11].

Одной из ключевых причин такого дисбаланса является снижение интереса молодёжи к техническим профессиям. Многие школьники воспринимают их как «сложные», «непрестижные» или «недостаточно востребованные», что зачастую связано с недостаточной информированностью, отсутствием практических примеров и слабой профориентационной работой на ранних этапах обучения. В то же время формирование профессиональных интересов и склонностей начинается именно в подростковом возрасте – в 12-16 лет. Именно поэтому ранняя и системная профориентация, направленная на знакомство с возможностями технических специальностей, приобретает особую значимость [1].

Создание эффективной системы взаимодействия между школами и вузами как неразрывной цепочки передачи знаний и формирования будущего успешного профессионала является сегодня одной из актуальных задач, стоящих перед образовательной сферой [8, 10]. Особое внимание в работе образовательных организаций уделяется поиску наиболее оптимальных и эффективных путей, обучения и воспитания детей в соответствии с требованиями времени, государственных образовательных стандартов [4, 6, 12]. Дальнейшие исследования должны быть направлены на совершенствование педагогических условий формирования инженерного мышления [5]. В исследовании Белова и коллег продемонстрирована успешная организация инновационного взаимодействия вуза и школы с использованием различных технологий и способов организации. В результате данного взаимодействия образуется соответствующее образовательное пространство, обеспечивающее условия для комфортной работы и контроля на всех уровнях с установлением неразрывной обратной связи между субъектами взаимодействия [3].

Цель данной статьи – проанализировать существующие формы и механизмы сотрудничества между школами и высшим техническим учебным заведением, направленные на профориентацию школьников в пользу технических направлений. Особое внимание уделяется вопросам практической реализации таких инициатив (на примере Центра Подготовки Юного Инженера (ЦПЮИ) Хакасского Технического Института (ХТИ) – филиала СФУ) их доступности, мотивационному потенциалу и долгосрочным результатам.

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось на базе Хакасского технического института – филиала СФУ в котором создан «Центр подготовки юного инженера». В ЦПЮИ наряду с традиционными подготовительными курсами по подготовке к ОГЭ, ЕГЭ проводятся практические профориентационные занятия для школьников 7-10 классов по трем ключевым направлениям:

- электроэнергетика и электротехника;
- строительство;
- прикладная информатика.

Занятия разработаны с учётом возрастных особенностей, доступности оборудования и возможностей института, а также ориентированы на практику, вовлечение и знакомство с реальными профессиями. По каждому направлению составлен план работы.

С целью оценки эффективности профориентационных занятий, реализуемых в рамках «Центра подготовки юного инженера», в формировании профессиональных интересов, развития предметных и метапредметных компетенций у учащихся 7-10 классов была проведена программа исследования.

Задачи исследования:

- провести диагностику уровня профориентированности и цифровой/инженерной грамотности школьников до и после участия в программе;
- сравнить динамику мотивации и представлений о технических профессиях по трём направлениям;
- выявить наиболее востребованные и эффективные форматы занятий.

Исследование проводилось в 2025 учебном году. В эксперименте приняли участие 96 учащихся из 12 общеобразовательных школ Республики Хакасия (город Абакан и близлежащие районы).

Результаты и обсуждения

Рассмотрим результаты профориентационной работы со школьниками. Нами использованы в работе как традиционные форматы взаимодействия (дни открытых дверей, олимпиады, экскурсии), так и инновационные подходы – совместные образовательные проекты, программы раннего профильного обучения и наставничества. Анализ эффективности этих практик позволяет выявить лучшие практические занятия, а также определить барьеры, мешающие реализации этого опыта. В статье показано, что взаимодействие школы и вуза становится мощным инструментом не только в формировании интереса к техническим направлениям, но и в подготовке будущих кадров для региона.

Профориентационная работа вузов опирается на ряд современных подходов (управленческий, системный, ресурсный, компетентностный) и принципов (регионализации, комплексности, интеграции, субъективности, непрерывности, цифровизации и др.) [7].

Высшие учебные заведения обладают значительным потенциалом для формирования у школьников устойчивого интереса к инженерным профессиям. Благодаря современной материально-технической базе, квалифицированным преподавателям, научным лабораториям и связям с реальными предприятиями, вузы могут предложить школьникам не просто информацию о профессиях, а живой, погруженный опыт взаимодействия с миром техники и технологий [2]. Это может включать в себя:

- Разработку совместных курсов между школами и вузами.
- Регулярные совместные мероприятия (семинары, конференции, конкурсы).
- Обмен информацией и ресурсами.
- Совместное участие в грантовых программах.
- Реализация совместных проектов, ориентированных на актуальные темы (строительство, электроэнергетика, информационные технологии и др.).
- Работы по предметным и междисциплинарным направлениям.
- Проведение совместных олимпиад, конкурсов, фестивалей [9].
- Возможность для школьников получить предварительные знания и подготовиться к вузу.
- Разработка открытых образовательных платформ (ООП).
- Мастер-классы, вебинары, лекции от вузовских преподавателей.
- Индивидуальные учебные траектории для школьников.
- Реальные проектные задания под руководством наставников института.
- Проведение совместных семинаров по современным образовательным технологиям и методикам.

Примерами успешной профориентационной работы являются ведущие технические вузы России. Московский физико-технический институт (МФТИ) одним из первых запустил модель базовых школ: «Физтех-школа», «Долгопрудненская школа юного инженера». Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (МГТУ). Ключевая инициатива: «Инженерный класс в московской школе» и «Академия юного инженера». Особое внимание уделяется практико-ориентированному обучению: школьники работают на станках, 3D-принтерах и программируемых контроллерах под руководством студентов и инженеров.

Университет ИТМО (Санкт-Петербург) делает ставку на цифровые и IT-компетенции уже со школьной скамьи. С этой целью созданы ITMO High School – онлайн и офлайн-школа для мотивированных школьников 5-11 классов с углублённым изучением программирования, анализа данных, искусственного интеллекта и кибербезопасности.

Другие яркие примеры: национальный исследовательский Томский политехнический университет запустил проект «Политех-школа» с выездными инженерными сменами, мобильными лабораториями и VR-тренажёрами для школьников из малых городов и сёл. Это позволяет преодолеть географическое неравенство в доступе к техническому образованию. Казанский национальный исследовательский технический университет (КНИТУ-КАИ) реализует программу «Юный авиаинженер», включающую конструирование БПЛА, аэродинамические расчёты и экскурсии на авиационные предприятия. Партнёрами выступают «Туполев», «Камаз» и другие промышленные гиганты.

Исследование проводилось в 2025 учебном году. В эксперименте приняли участие 96 учащихся из 12 общеобразовательных школ Республики Хакасия (город Абакан и близлежащие районы) (табл. 1).

Таблица 1

Распределение респондентов по направлениям подготовки.

Table 1

Distribution of respondents by areas of training.

Направление	Кол-во участников	Класс
Электроэнергетика и электротехника	32	8–10
Строительство и экономика	28	7–9
Прикладная информатика	36	7–10
Итого	96	

Все участники прошли до начала программы диагностический блок и повторную диагностику по завершении 8-недельного цикла занятий.

Для сбора данных использовались:

- анкетирование (шкалы мотивации, профориентированности);
- тестирование (базовые знания по профильным дисциплинам);
- наблюдение на занятиях (оценка вовлечённости, активности);
- опрос родителей и учителей (по желанию).

Ключевые показатели:

- профессиональная осведомлённость (знание профессий, требований, перспектив);
- предметная грамотность (применение знаний физики, математики, информатики);
- мотивация к выбору технической профессии (шкала от 1 до 5 баллов).

Достоверно установлено существенное повышение уровня осведомленности о профессиях инженерных направлений среди участников проекта. Лидерами по темпам прироста стали группы направлений «Электроэнергетика» и «Строительство», показав результат около 45 %. В группе направления «Прикладная информатика» прирост составил лишь 36 %, но установлены лучшие абсолютные результаты по осведомленности о IT-профессиях (табл. 2).

Таблица 2

Динамика профессиональной осведомлённости до и после программы (средний балл).

Table 2

Dynamics of professional awareness before and after the program (average score).

Направление	До программы	После программы
Электроэнергетика	2,3	4,1
Строительство	2,1	3,9
Прикладная информатика	2,8	4,4

Шкала: 1 – «Ничего не знаю», 2 – «Что-то слышал», 3 – «Понимаю общую суть», 4 – «Хорошо знаю», 5 – «Могу подробно рассказать и объяснить суть профессии».

Уровень мотивации к выбору технической профессии в будущем также значительно увеличился. Число высокомотивированных учеников (4-5 баллов) возросло более, чем в 2 раза, а низкомотивированных (1 балл), наоборот, уменьшилось в 2,5 раза (табл. 3).

Таблица 3

Уровень мотивации к выбору технической профессии в будущем (%).

Table 3

Level of motivation to choose a technical profession in the future (%).

Уровень мотивации, балл	До программы	После программы
Высокий (4-5 баллов)	28	63
Средний (2-3 балла)	52	29
Низкий (1 балл)	20	8

По результатам анкетирования, абсолютным лидером среди респондентов является направление «Прикладная информатика», которое выбрали 46 % участников. Наименьший интерес вызвало направление подготовки «Строительство» (28 %) (рис. 1). Примечание: школьники могли выбрать более одного направления.

Выявлена выраженная положительная динамика интереса школьников к практикоориентированным формам обучения. Наибольшую оценку получили следующие форматы занятий – создание мобильного приложения (Thunkable/App Inventor) и практическое проектирование («Построй свой дом») (табл. 4).

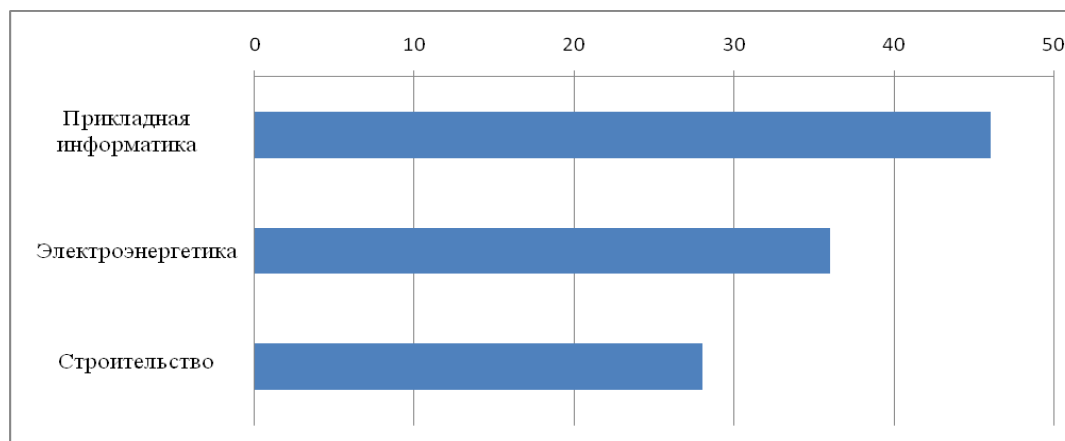

Рис. 1. Распределение предпочтений респондентов по направлениям подготовки после прохождения программы.

Fig. 1. Distribution of respondents' preferences by areas of training after completing the program.

Таблица 4

Востребованность форматов занятий (по итогам опроса), %.

Table 4

Demand for lesson formats (based on survey results), %.

Формат занятия	Доля учащихся, оценивших как «очень полезный»
Практическое проектирование («Построй свой дом»)	89
Создание мобильного приложения (Thunkable/App Inventor)	92
Экскурсия на электрическую подстанцию	85
Ролевая игра «Кибернарушитель»	87
Сборка электрических цепей	83

Анализ данных показал значимое повышение, как профессиональной осведомлённости, так и мотивации к выбору технических специальностей у участников всех трёх направлений. Особенно высокий прирост отмечен в группах электроэнергетики и информатики, что связано с:

- высокой практической вовлечённостью (работа с реальным оборудованием, создание «продукта»);
- актуальностью профессий в регионе (развитие энергетики, цифровизация экономики Хакасии).

Наибольшую эффективность продемонстрировали практико-ориентированные форматы:

- создание цифровых продуктов (приложений, сайтов);
- решение инженерных задач (расчёт нагрузки, сборка цепей);
- иммерсивные активности (квесты, ролевые игры).

Важно отметить, что 63% участников после прохождения программы выразили готовность рассмотреть техническую профессию как приоритетную – против 28% до начала занятий. Это свидетельствует о высокой профориентационной ценности модели «Центра подготовки юного инженера».

Выводы

Исследование показало, что интеграция теории и практики в профориентационных программах значительно повышает их эффективность.

Использование доступных цифровых и инженерных платформ (Thunkable, App Inventor, лабораторные стенды) делает обучение профессионально-ориентирующим (вовлекающим) даже для учащихся 7–8 классов.

Модель «трех направлений» (энергетика, строительство, IT) соответствует экономическим потребностям региона и интересам школьников.

Программа способствует не только профориентации, но и развитию функциональной грамотности – математической, естественнонаучной, цифровой.

Такой подход позволяет не просто «рассказать о профессиях», а дать школьнику опыт: собрать цепь, спроектировать дом, проанализировать данные – и увидеть, что технические специальности – это интересно, актуально и доступно.

Эти занятия показывают, что при грамотной организации взаимодействия между школой и вузом можно не только повысить интерес к техническим специальностям, но и вырастить новое поколение инженеров, готовых решать вызовы будущего.

Таким образом, предложенные нами инициативы позволяют учащимся начать осваивать профильные компетенции задолго до поступления в вуз: изучать основы программирования, конструирования, электроники, машинного обучения и других актуальных направлений. Обучение часто ведётся в проектной форме, с использованием оборудования университетских лабораторий и под руководством студентов или преподавателей. Это не только повышает уровень подготовки школьников, но и формирует у них чувство принадлежности к техническому сообществу.

Список источников

1. Бабий Т.М., Бормотова Н.А., Богданова С.А., Молоков П.Б. и др. Реализация эффективной системы ранней профориентации обучающихся естественно-научному образованию через партнерство «детский сад – школа – вуз – предприятие» // Преподавание естественных наук, математики и информатики в вузе и школе: Материалы XIII Всероссийской научно-методической конференции. Томск, 2026. С. 129 – 133.
2. Багачук А.В., Беспалова Ю.В., Денисов Д.В., Рябцева Я.Е. Организация профориентации в профильных инженерных классах при взаимодействии школы и вуза // Информатика. Экономика. Управление – Informatics. Economics. Management. 2025. № 4 (2). С. 1001 – 1009.
3. Белов С.В., Белова И.В., Крылова Ю.А., Смирнов В.А. Инновационное взаимодействие вуза и школы в рамках совместной организации проектной деятельности студентов педагогических направлений подготовки и обучающихся общеобразовательных организаций // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11. № 6. С. 1 – 27.
4. Клепикова Н.М., Малков А.В., Старков С.В., Фоминых Л.И. Ранняя профориентация школьников в классах психолого-педагогической направленности: проектно-исследовательская деятельность как механизм построения индивидуальной траектории «школа – вуз – профессия» // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/71PDMN525.pdf>
5. Милинский А.Ю. Формирование инженерного мышления у школьников Китая в контексте развития национальной системы инженерного образования // Обзор педагогических исследований. 2026. Т. 8. № 2. С. 116 – 121.
6. Павлова И.В., Потапов А.А. Оптимизация профориентационной работы в школе // ЦИТИСЭ. 2021. № 2. С. 176 – 182.
7. Погодаев А.К., Полякова И.П., Герасименко Т.А. Школа и вуз: традиции и перспективы взаимодействия // Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования. 2021. № 1. С. 106 – 109.
8. Прохоров А.В. Университет как субъект профориентационной работы со школьниками // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2020. Т. 25. № 187. С. 15 – 20. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-187-15-20
9. Спиридорнов О.Б., Панычев А.И. Об опыте профориентации в вузе // Профессиональное образование и рынок труда. 2017. № 3. С. 45 – 48.

10. Хайруллина Д.Д. Взаимодействие школы и вуза в современных условиях // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2024. № 03 (92). Режим доступа: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/vzaimodejstvie-shkoly-i-vuza-v-sovremennykh-usloviyakh.html> (дата обращения: 29.10.2025)
11. Цомартова М.Э., Волик М.В. Последствия дефицита специалистов на рынке труда и вызовы 2024 года // Дискуссия. 2024. Вып. 125. С. 128 – 138.
12. Щербаков Ю.И. Взаимодействие вуза и школы в современных условиях // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 1 (44). С. 105 – 107.

References

1. Babiy T.M., Bormotova N.A., Bogdanova S.A., Molokov P.B., et al. Implementation of an Effective System of Early Career Guidance for Students Majoring in Natural Sciences through the "Kindergarten-School-University-Enterprise" Partnership. Teaching Natural Sciences, Mathematics, and Computer Science in Schools and Universities: Proceedings of the XIII All-Russian Scientific and Methodological Conference. Tomsk, 2026. P. 129 – 133.
2. Bagachuk A.V., Bupalova Yu.V., Denisov D.V., Ryabtseva Ya.E. Organization of Career Guidance in Specialized Engineering Classes with the Interaction of Schools and Universities. Informatics. Economics. Management. 2025. No. 4 (2). P. 1001 – 1009.
3. Belov S.V., Belova I.V., Krylova Yu.A., Smirnov V.A. Innovative interaction between the university and the school within the framework of joint organization of project activities of students of pedagogical training programs and students of general education organizations. World of Science. Pedagogy and Psychology. 2023. Vol. 11. No. 6. P. 1 – 27.
4. Klepikova N.M., Malkov A.V., Starkov S.V., Fominykh L.I. Early career guidance of schoolchildren in classes with a psychological and pedagogical focus: project-based research activities as a mechanism for constructing an individual trajectory “school – university – profession”. World of Science. Pedagogy and Psychology. 2025. Vol. 13. No. 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/71PDMN525.pdf>
5. Milinsky A. Yu. Formation of engineering thinking among Chinese schoolchildren in the context of the development of the national engineering education system. Review of pedagogical research. 2026. Vol. 8. No. 2. P. 116 – 121.
6. Pavlova I.V., Potapov A.A. Optimization of career guidance work at school. CITISE. 2021. No. 2. P. 176 – 182.
7. Pogodaev A. K., Polyakova I. P., Gerasimenko T. A. School and university: traditions and prospects of interaction. VSU Bulletin. Series: Problems of Higher Education. 2021. No. 1. P. 106 – 109.
8. Prokhorov A.V. University as a Subject of Career Guidance Work with Schoolchildren. Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. Tambov, 2020. Vol. 25. No. 187. P. 15 – 20. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-187-15-20
9. Spiridornov O.B., Panychev A.I. On the Experience of Career Guidance at the University. Professional Education and the Labor Market. 2017. No. 3. P. 45 – 48.
10. Khairullina D.D. Interaction between School and University in Modern Conditions. The World of Pedagogy and Psychology: International Scientific and Practical Journal. 2024. No. 03 (92). Available at: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/vzaimodejstvie-shkoly-i-vuza-v-sovremennykh-usloviyakh.html> (date of accessed: 29.10.2025)
11. Tsomartova M.E., Volik M.V. Consequences of the Shortage of Specialists in the Labor Market and the Challenges of 2024. Discussion. 2024. Issue 125. P. 128 – 138.
12. Shcherbakov Yu.I. Interaction between University and School in Modern Conditions. The World of Science, Culture, Education. 2014. No. 1 (44). P. 105 – 107.

Информация об авторах

Перехожева Е.В., кандидат педагогических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6529-3954>, Хакасский технический институт, филиал Сибирского федерального университета, г. Абакан, ул. Щетинкина, д. 27, perehojevaev@yandex.ru

Кадычегова А.Н., кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6143-5794>, Хакасский технический институт, филиал Сибирского федерального университета, г. Абакан, ул. Щетинкина, д. 27, azot-kad@yandex.ru

© Перехожева Е.В., Кадычегова А.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

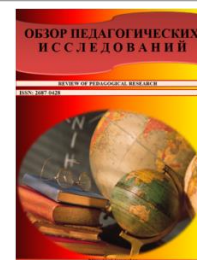
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.5. Теория и методика спорта (педагогические науки)

УДК 796.82

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-320-329

Оценка результативности методики физической подготовки юных борцов греко-римского стиля на этапе спортивной специализации

¹ Фомин И.В., ¹ Пигалова Л.В.,

¹ Уральский государственный университет физической культуры

Аннотация: этап спортивной специализации является ключевым для формирования базового технико-тактического арсенала и функционального фундамента юных борцов греко-римского стиля. Традиционные подходы к физической подготовке не всегда в полной мере учитывают сенситивные периоды развития силовой выносливости, координационных способностей и специфической устойчивости опорно-двигательного аппарата, что снижает эффективность соревновательной деятельности и повышает риск травматизма.

Проблема объективной оценки эффективности тренировочных программ в греко-римской борьбе на этапе спортивной специализации сохраняет высокую остроту из-за дефицита методик, позволяющих не только развивать физические качества, но и надёжно фиксировать их перенос в соревновательную деятельность.

Требуется разработка оценочно-диагностического инструментария, интегрированного в тренировочный процесс.

В статье представлена методика физической подготовки юношей 13-14 лет, занимающихся греко-римской борьбой на этапе спортивной специализации, основанная на комплексном подходе с учетом принципов нелинейной периодизации и синергетической адаптации. Цель исследования – оценить эффективность разработанной методики на физическую подготовленность юных борцов. В ходе педагогического эксперимента, включающего три этапа (теоретический анализ, внедрение методики и формирующий эксперимент), приняли участие 40 спортсменов, разделенных на контрольную и экспериментальную группы.

Методы исследования включали тестирование показателей общей и специальной физической подготовки до и после эксперимента. Результаты показали статистически значимое превосходство экспериментальной группы по большинству показателей, что свидетельствует о высокой эффективности предложенной методики. Полученные данные подтверждают, что применение комплексного подхода с элементами синергетической адаптации способствует повышению физической подготовленности и соревновательной результативности юных борцов.

Ключевые слова: методика физической подготовки, спортивная борьба, комплексный подход, синергетическая адаптация

Для цитирования: Фомин И.В., Пигалова Л.В. Оценка результативности методики физической подготовки юных борцов греко-римского стиля на этапе спортивной специализации // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 320 – 329. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-320-329

Поступила в редакцию: 16 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Evaluation of the effectiveness of the methodology of physical training of young Greek-Roman wrestlers at the stage of sports specialization

¹ Fomin I.V., ¹ Pigalova L.V.,
¹ Ural State University of Physical Culture

Abstract: the stage of sports specialization is a key stage for the formation of the basic technical and tactical arsenal and functional foundation of young Greek-Roman wrestlers. Traditional approaches to physical training do not always take into full account the sensitive periods of development of power endurance, coordination abilities, and specific stability of the musculoskeletal system, which reduces the effectiveness of competitive activity and increases the risk of injury. The problem of objective assessment of the effectiveness of training programs in Greek-Roman wrestling at the stage of sports specialization remains highly acute due to the lack of methods that allow not only to develop physical qualities, but also to reliably record their transfer to competitive activity. It is necessary to develop an assessment and diagnostic toolkit that is integrated into the training process. The article presents a method of physical training of boys aged 13-14 years old engaged in Greek-Roman wrestling at the stage of sports specialization, based on an integrated approach taking into account the principles of nonlinear periodization and synergetic adaptation. The purpose of the study is to evaluate the effectiveness of the developed technique on the physical fitness of young wrestlers. During the pedagogical experiment, which includes three stages (theoretical analysis, implementation of the methodology and a formative experiment), 40 athletes participated, divided into control and experimental groups. The research methods included testing the indicators of general and special physical training before and after the experiment. The results showed a statistically significant superiority of the experimental group in most indicators, which indicates the high effectiveness of the proposed methodology. The obtained data confirm that the use of a comprehensive approach with elements of synergistic adaptation contributes to improving the physical fitness and competitive performance of young wrestlers.

Keywords: physical training methodology, wrestling, comprehensive approach, synergistic adaptation

For citation: Fomin I.V., Pigalova L.V. Evaluation of the effectiveness of the methodology of physical training of young Greek-Roman wrestlers at the stage of sports specialization. *Review of Pedagogical Research*. 2026. 8 (6). P. 320 – 329. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-320-329

The article was submitted: April 16, 2026; Approved after reviewing: May 14, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

«В настоящее время в России уделяется большое внимание подготовке спортивного резерва. Это подтверждается и ориентирами «Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года», в которой особый акцент делается на совершенствовании системы подготовки спортивного резерва и повышении конкурентоспособности российского спорта на международной арене. Одной из приоритетных задач Стратегии является внедрение инновационных методик и технологий в тренировочный процесс, обеспечивающих развитие физических качеств на всех этапах многолетней подготовки».

В этой связи подготовка юных борцов актуализирует поиск новых научных подходов и оперативному внедрению в спортивную практику инновационных методик обучения и спортивной тренировки на начальных этапах тренировочного процесса. Как утверждают эксперты, изменение правил соревнований тоже значительно изменили качество борьбы, что требует значительных изменений в методике подготовки спортсменов к соревновательной деятельности» [1, 2, 3].

«По проблеме спортивной подготовки спортсменов разработан ряд основополагающих теорий и методик спортивной подготовки спортсменов различной квалификации». [4, 5, 6, 7, 9].

«Соблюдение требований принципа единства общей и специальной подготовки спортсмена является необходимостью реализации наиболее эффективных сочетаний этих видов подготовки в зависимости от вида спорта и структуры подготовленности занимающихся, индивидуальных особенностей атлета, этапы подготовки, генетических предпосылок и специфики возрастного развития спортсмена. Особенности взаимосвязи общей и специальной подготовки определяются тремя основными положениями, содержание которых характеризуется в следующем» [8].

Материалы и методы исследований

Практическая часть исследования проводилась: муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования «Спортивная школа олимпийского резерва по спортивной борьбе им. Заслуженного тренера России Мошкина Л.Ф.» г. Челябинска; Муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования «Спортивная школа № 10 по спортивной борьбе г. Челябинска, Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный университет физической культуры», спортсмены 13-14 лет, занимающиеся греко – римской борьбой. Исследование проводилось в три этапа: первый этап (сентябрь 2023-2024 г.) – анализ научно – методической литературы, второй этап (октябрь-январь 2024-2025 гг) – внедрение методики, контрольный срез, третий этап (с 2025-2026 гг.) – формирующий эксперимент.

В исследовании приняли участие юные борцы 13-14 летнего возраста в количестве 30 спортсменов.

Наша гипотеза состоит в том, что физическая подготовленность юношей 13-14 лет, занимающихся греко – римской борьбой, будет обеспечит повышение физической подготовленности и достижение высокого спортивного результата, если:

- разработана методика, в основе которой лежит комплексный подход, учитывающий возрастные особенности и реализующий принципы нелинейной периодизации и синергетической адаптации;

- в тренировочный процесс внедрены целостные четырёхдневные микроциклы с волновой структурой нагрузок и специальные «синергетические связи» упражнений, применяемые в подготовительной, основной и заключительной частях занятий;

- сочетаются традиционные средства физической подготовки и современные технические решения, адаптированные для подростков (в том числе датчики ЧСС Polar H10, позволяющие контролировать функциональное состояние организма).

- выделены показатели эффективности, позволяющие оценить не только раздельный прирост физических качеств, но и синергетический эффект, проявляющийся в повышении соревновательной результативности.

Этапная структура реализации экспериментальной методики физической подготовленности внедрялась на протяжении годичного цикла подготовки в три этапа:

- Первый этап – оценка индивидуальных особенностей спортсменов и подготовка организма к нелинейным нагрузкам.

- Второй этап – апробация системы на уровне недельного микроцикла в упрощенном формате

- Третий этап – построение всей периодизации на основе нелинейной периодизации (рис. 1).

При разработке методики мы руководствовались:

- «педагогическими принципами сознательности, наглядности, доступности и систематичности (Л.П. Матвеев)» [8];

- «положениями комплексного подхода (целостность, многосторонность, учет всех этапов, системный подход) (В.И Столяров, А.И. Кравчук)» [12, 13];

- «специфичными принципами непрерывности, вариативности тренировочных нагрузок, постепенное увеличение нагрузок (Л.П. Матвеев, В.Н. Платонов, Ж.К. Холодов)» [8, 10, 11].

- «Неопределенность и нелинейность в спортивной подготовке (Алешин И.Н., Самойлова Е.Л.)» [15].

- «Управление спортивной подготовкой на базе нелинейного синергетического подхода (Яковлев Б.П., Усаева Н.Р.)» [16].

–

Результаты и обсуждения

«Для оценки эффективности разработанной методики был проведен педагогический эксперимент с участием 40 юношей 13-14 лет ($n = 20$ в каждой группе), занимающихся спортивной борьбой на учебно – тренировочном этапе спортивной специализации. Контрольная группа занималась по традиционной программе, в то время как экспериментальная группа применяла разработанную методику, основанную на принципах нелинейно периодизации и синергетической адаптации» [14].

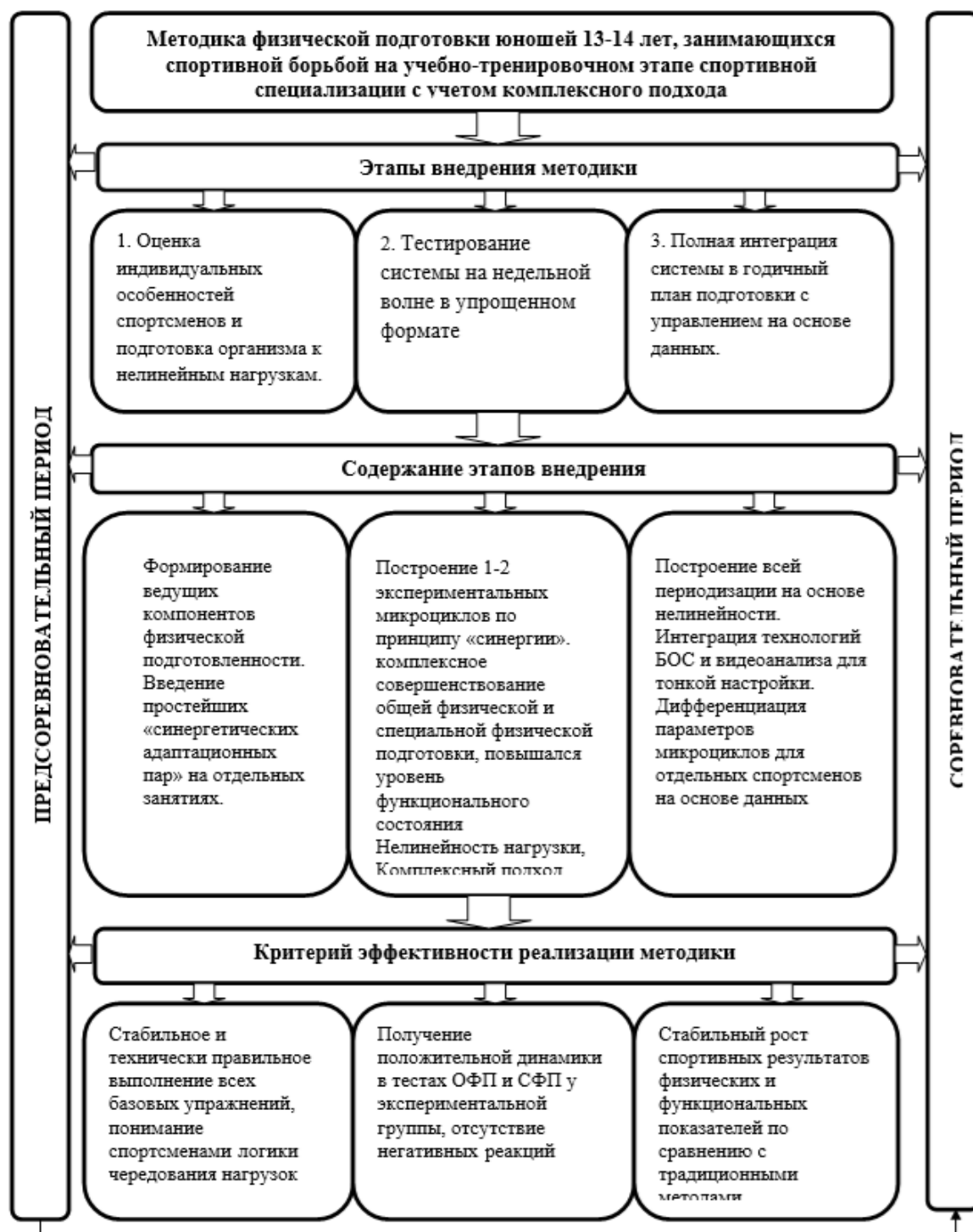

Рис. 1. Этапы внедрения методики физической подготовки.
Fig. 1. Periods of deploying a physical training methodology.

Таблица 1

Результаты тестирования общей физической подготовки юношей 13-14 лет на предварительном этапе эксперимента.

Table 1

Results of assessing the general physical fitness of 13-14-year-old boys before the pedagogical experiment.

Контрольный тест (единица измерения)	КГ (n=20)	ЭГ (n=20)	t	p	d
	$X \pm \sigma$	$X \pm \sigma$			
Бег на 60 метров (сек)	10,00 ± 1,18	10,22 ± 1,04	0,78	P > 0,05	0,15
Бег на 1500 м	11,14 ± 1,81	11,22 ± 1,85	0,19	P > 0,05	0,04
Подтягивание на высокой перекладине (не менее 10 раз)	6,00 ± 1,15	6,20 ± 1,03	0,57	P > 0,05	0,17
Сгибание и разгибание рук в упоре лежа (не менее 30 раз)	25,00 ± 2,01	24,70 ± 2,16	0,42	P > 0,05	0,12
Подъем туловища в положении лежа (количество раз)	37,41 ± 3,31	36,40 ± 2,84	0,68	P > 0,05	0,29
Челночный бег 3x10 м	10,39 ± 0,73	10,49 ± 0,70	0,54	P > 0,05	0,13
Наклон вперед из положения стоя на гимнастической скамье (от уровня скамьи)	2,41 ± 0,98	2,01 ± 0,81	1,42	P > 0,05	0,46
Прыжок в длину с места	150,10 ± 3,70	149,70 ± 3,80	0,29	P > 0,05	0,09

Как показано в табл. 1, исходный уровень общей и специальной физической подготовленности в обеих группах до начала эксперимента был статистически однороден ($P \geq 0,05$), что обеспечивало чистоту эксперимента.

В табл. 2 сведены данные о физической подготовленности юношей 13-14 лет, занимающихся борьбой на учебно-тренировочном этапе специализации. Показатели распределены по контрольной и экспериментальной группам. Сравнение осуществлялось после завершения эксперимента.

Таблица 2

Результаты тестирования общей физической подготовки юношей 13-14 лет на заключительном этапе эксперимента.

Table 2

Results of assessing the general physical fitness of 13-14-year-old boys at the end of the pedagogical experiment.

Контрольный тест (единица измерения)	КГ (n=20)	ЭГ (n=20)	t	p	d
	$X \pm \sigma$	$X \pm \sigma$			
Бег на 60 метров (сек)	9,61 ± 1,53	9,13 ± 1,37	1,98	P > 0,05	0,32
Бег на 1500 м	10,08 ± 1,15	9,73 ± 1,13	1,52	P > 0,05	0,28
Подтягивание на высокой перекладине (не менее 10 раз)	7,30 ± 1,34	8,20 ± 1,23	2,74	P > 0,05*	0,67
Сгибание и разгибание рук в упоре лежа (не менее 30 раз)	30,20 ± 2,97	35,61 ± 3,24	2,95	P > 0,05*	0,72
Подъем туловища в положении лежа (количество раз)	50,20 ± 8,04	54,20 ± 7,83	2,31	P > 0,05*	0,49
Челночный бег 3x10 м	8,80 ± 0,81	8,56 ± 0,78	2,14	P > 0,05	0,35
Наклон вперед из положения стоя на гимнастической скамье (от уровня скамьи)	3,30 ± 0,47	4,70 ± 0,55	1,79	P > 0,05	0,32
Прыжок в длину с места	152,40 ± 4,62	156,00 ± 4,59	2,56	P > 0,05*	0,78

Постэкспериментальные данные выявили статистически значимые различия в экспериментальной группе ($p < 0,05$) (табл. 2).

В тесте «бег на 60 метров» прирост ЭГ составил 20,0%, что достоверно выше показателя КГ в 14,6% ($p < 0,05$). Также в тесте бег на 1500 метров» улучшение в ЭГ достигло 10,5%, против 4,9% в КГ ($p < 0,05$).

Наиболее существенные различия отмечены в показателях силовых способностей. За время эксперимента результат в подтягивании из виса вырос на 28,6 % в ЭГ и на 15,4 % в КГ, а в сгибании и разгибании рук в упоре лёжа – на 25,5 и 18 % соответственно. ($p < 0,05$).

Наиболее выраженная положительная динамика зафиксирована в тесте «подъём туловища» – 38,2% в ЭГ по сравнению с 32,6% в КГ ($p < 0,05$). В «челночном беге 3х10» прирост в ЭГ составил 21% (18,5%), а в «прыжке в длину с места» 4,6% против 1,3% в КГ ($p < 0,05$) (рис. 2).

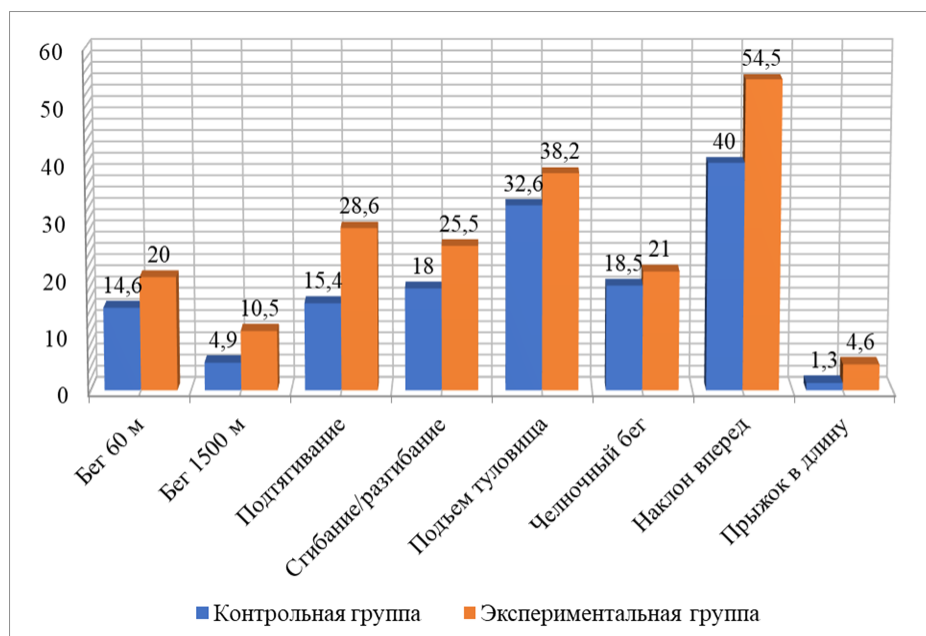

Рис. 2. Прирост показателей общей физической подготовки юношей 13-14 лет в опытных группах.

Fig. 2. Increase in indicators of general physical training of 13-14-year-old boys in experimental groups.

Результаты в табл. 3 демонстрируют, что по большинству тестов специальной физической подготовки юношей 13-14 лет различия между группами незначительны, а в ряде случаев показатели находятся на одном уровне ($p > 0,05$).

Таблица 3

Результаты тестирования специальной физической подготовки юношей 13-14 лет на предварительном этапе исследования.

Table 3

Results of testing the special physical fitness of 13-14-year-old boys at the preliminary stage of the study.

Контрольный тест (единица измерения)	КГ (n=20)	ЭГ (n=20)	t	p	d
	$\bar{X} \pm \sigma$	$\bar{X} \pm \sigma$			
Бросок набивного мяча (3 кг) вперед из-за головы (см)	328,00 ± 37,37	321,00 ± 40,41	0,49	$P > 0,05$	0,49
Бросок набивного мяча (3 кг) назад (см)	414,00 ± 40,88	405,00 ± 30,28	0,42	$P > 0,05$	0,42
Забегания на борцовском мосту (количество раз в 1 мин)	23,90 ± 2,28	24,50 ± 2,95	0,44	$P > 0,05$	0,44
Перевороты на борцовском мосту (количество раз в 1 мин)	48,90 ± 1,52	48,10 ± 1,66	0,89	$P > 0,05$	0,89
Толчок гири вверх (количество раз)	22,70 ± 3,53	22,60 ± 3,41	0,06	$P > 0,05$	0,06
Рывок гири на грудь (количество раз)	21,50 ± 2,99	20,30 ± 1,89	1,12	$P > 0,05$	1,12

Вместе с тем в тесте «рывок гири вверх» зафиксировано заметное преимущество в контрольной группе: среднее значение составило $21,50 \pm 2,99$, что существенно выше, чем в экспериментальной группе – $20,30 \pm 1,89$, «толчок гири вверх» находятся на одинаковом уровне, $22,70 \pm 3,53$ и $22,60 \pm 3,41$, различия между показателями статистически не значимы ($p > 0,05$).

Таблица 4

Результаты оценки специальной физической подготовки юношей 13-14 лет, по окончании педагогического эксперимента.

Table 4

Results of assessing the special physical training of 13-14-year-old boys at the end of the pedagogical experiment.

Контрольный тест (единица измерения)	КГ (n=20)	ЭГ (n=20)	t	p	d
	$X \pm \sigma$	$X \pm \sigma$			
Бросок набивного мяча (3 кг) вперед из-за головы (см)	$364,00 \pm 28,75$	$375,00 \pm 24,61$	2,14	$p < 0,05.*$	0,42
Бросок набивного мяча (3 кг) назад (см)	$468,00 \pm 32,93$	$490,00 \pm 23,57$	2,76	$p < 0,05.*$	0,68
Забегания на борцовском мосту (количество раз в 1 мин)	$26,10 \pm 2,02$	$27,30 \pm 2,16$	2,45	$p < 0,05.*$	0,57
Перевероты на борцовском мосту (количество раз в 1 мин)	$49,60 \pm 3,72$	$51,50 \pm 4,06$	2,23	$p < 0,05.*$	0,48
Толчок гири вверх (количество раз)	$27,90 \pm 3,73$	$30,00 \pm 2,83$	3,12	$p < 0,01.*$	0,72
Рывок гири на грудь (количество раз)	$24,80 \pm 2,35$	$26,50 \pm 2,12$	3,57	$p < 0,01.*$	0,78

В табл. 4 представлены результаты тестирования специальной физической подготовки у спортсменов 13-14 лет, специализирующихся в греко-римской борьбе по окончанию педагогического эксперимента.

В тесте «бросок набивного мяча вперёд из-за головы» прирост результата в ЭГ составил 15,5% (10,4% в КГ) ($p < 0,05$). В «броске набивного мяча назад» улучшение достигло 19% в ЭГ против 12,5% в КГ ($p < 0,05$).

Спортсмены экспериментальной группы достоверно превосходили показатели контрольной группы в тестах «забегания на борцовском мосту» и перевероты на борцовском мосту» ($p < 0,05$).

Значительный прогресс отмечен в упражнениях с гирей. Прирост в «толчке гири вверх» составил 30,8% в ЭГ против 22,6% в КГ ($p < 0,01$), а в «рывке гири на грудь» – 25,5% против 14,3% в КГ ($p < 0,01$).

Все эти результаты показывают, что методы тренировок, которые использовались в экспериментальной группе, помогли юношам лучше развить силу и координацию, что важно для греко-римской борьбы (рис. 3).

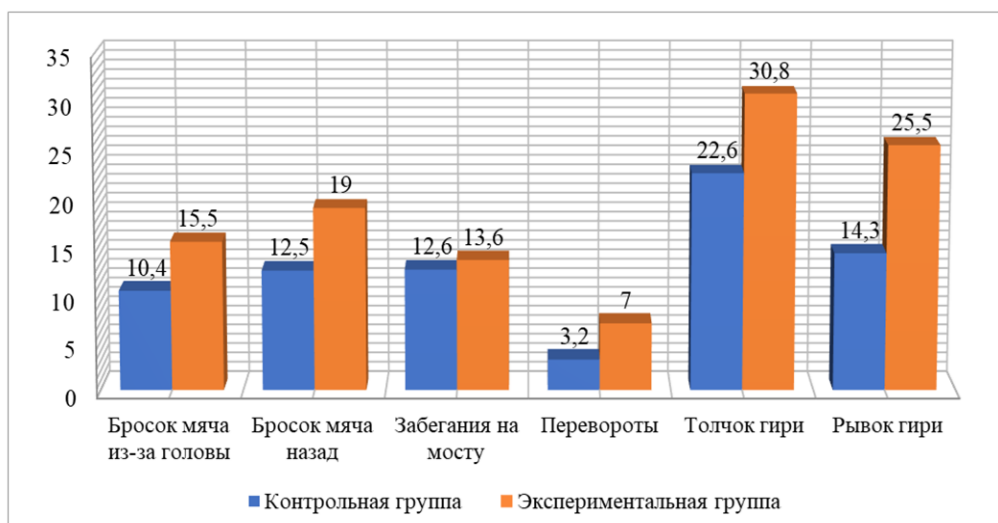

Рис. 3. Прирост показателей специальной физической подготовленности в контрольной и экспериментальной группах.

Fig. 3. Increase in indicators of special physical training in the control and experimental groups.

Результаты педагогического эксперимента свидетельствуют о том, что методика физической подготовки, внедрённая в экспериментальной группе, обеспечила достоверно более высокий прирост показателей специальной физической подготовленности, более результативно обеспечивает повышение специальной физической подготовленности.

К числу факторов, обусловивших достижение поставленных результатов, относятся специально подобранные упражнения, направленные на развитие специфических физических качеств, необходимых для эффективной соревновательной деятельности в греко-римской борьбе, а также особый подход к организации тренировочного процесса, учитывающий возрастные особенности и уровень подготовки юных борцов, комплексный подход в физической подготовке по принципу синергетической адаптации и нелинейности тренировочных нагрузок, способствующих достижению синергетического эффекта.

В целом, результаты эксперимента свидетельствуют о перспективности применения разработанной методики для повышения уровня специальной физической подготовки юных борцов.

Выводы

Эффективность данной методики на уровень физической подготовленности служат существенные улучшения. Как и показатели специальной физической подготовки, результаты общей физической подготовки у юных борцов экспериментальной группы оказались выше, чем в контрольной группе. Повышение уровня физической подготовленности спортсменов доказывает эффективность данной методики и перспективность её использования и могут послужить основой для дальнейших исследований в этой области.

Список источников

1. Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года <https://docs.cntd.ru/document/566430492>
2. Приказ Министерства спорта РФ от 30 ноября 2022 г. N 1091 "Об утверждении федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта "спортивная борьба" <https://base.garant.ru/405933345/>
3. Приказ Министерства спорта РФ от 5 ноября 2019 г. N 906 "Об утверждении правил вида спорта "Спортивная борьба" <https://base.garant.ru/72981260/>
4. Курников С.Н., Малков О.Б., Колесов А.А. Основные подходы к построению тактико-технических действий в спортивной борьбе // Тактика спортивных единоборств : сборник научно-методических статей. Москва, 2002. Вып. 2. С. 67 – 71.
5. Лаптев А.И. Влияние методики комплексной оценки и коррекции физического состояния на аэробную работоспособность борцов греко-римского стиля // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2012. № 10 (92). С. 88 – 93.
6. Свищёв И.Д. Индивидуализация подготовки единоборцев // Теория и практика прикладных видов спорта и экстремальной деятельности. 2013. № 3 (28). С. 58 – 62.
7. Матвеев Л.П. Теория и методика физической культуры. Москва: Физкультура и Спорт: Спорт-Академ-Пресс, 2008. 542 с.
8. Лаптев А.И., Шевцов А.В. Методика физической подготовки на этапе начальной специализации юных борцов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 1 (191). С. 180 – 184.
9. Холодов Ж.К., Кузнецов В.С. Теория и методика физического воспитания и спорта учебное пособие, для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки "Педагогическое образование". 9-е изд., испр. и доп. Москва: Академия, 2011. 478 с.
10. Платонов, В.Н. Основы подготовки спортсменов в олимпийском спорте. книга тренера: в 2-х т. Москва: ООО «ПРИНТЛЕТО», 2021. Т. 1. 592 с.
11. Столяров В.И. Теория и методология современного физического воспитания (состояние разработки и авторская концепция): монография. Киев: НУФВСУ, изд-во «Олимп. лит», 2015. 666 с.
12. Кравчук А.И., Шредер А.Ю. Комплексное физическое воспитание детей 2 и 3 лет: монография // Министерство спорта Российской Федерации, Сибирский государственный университет физической культуры и спорта. Омск: Изд-во СибГУФК, 2018. 107 с.
13. Фомин И.В. К Вопросу комплексного контроля в физической подготовке юношей, занимающихся спортивной борьбой на учебно-тренировочном этапе спортивной специализации // Оптимизация учебно-воспитательного процесса в образовательных организациях физической культуры: материалы XXXV Юбилейной национальной научно методической конференции с международным участием, посвященной 55-летию Уральского государственного университета физической культуры. Челябинск: УралГУФК, 2025. 261 с.

14. Фомин И.В., Пигалова Л.В. Анализ физической подготовленности и функционального состояния юношей 13-14 лет, занимающихся спортивной борьбой // *Modern Humanities Success*. 2026. № 5. С. 318 – 325.
15. Алешин И.Н. Самойлова Е.Л., Слинкина Н.Е. Неопределенность и нелинейность в спортивной подготовке: направления, формы Е.Л. проявления и реализация // *Проблемы современного педагогического образования*. 2018. № 58-3. С. 33 – 40.
16. Яковлев Б.П., Ставрук М.А. Нелинейный синергетический подход в системе управления спортивной подготовкой высококвалифицированных спортсменов // *Север и молодежь: здоровье, образование, карьера: сборник материалов I Международной научно-практической конференции*. Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2019. С. 150 – 152.

References

1. On approval of the Strategy for the development of physical culture and sports in the Russian Federation for the period up to 2030 <https://docs.cntd.ru/document/566430492>
2. Order of the Ministry of Sports of the Russian Federation dated November 30, 2022 N 1091 "On approval of the federal standard of sports training in the sport of "wrestling" <https://base.garant.ru/405933345/>
3. Order of the Ministry of Sports of the Russian Federation dated November 5, 2019 N 906 "On approval of the rules of the sport of "wrestling" <https://base.garant.ru/72981260/>
4. Kurnikov S.N., Malkov O.B., Kolesov A.A. Basic approaches to the construction of tactical and technical actions in wrestling. Tactics of combat sports: a collection of scientific and methodological articles. Moscow, 2002. Issue. 2. P. 67 – 71.
5. Laptev A.I. The Impact of the Methodology of Comprehensive Assessment and Correction of Physical Condition on the Aerobic Performance of Greco-Roman Wrestlers. Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. 2012. No. 10 (92). P. 88 – 93.
6. Svishchev I.D. Individualization of Martial Artists' Training. Theory and Practice of Applied Sports and Extreme Activities. 2013. No. 3 (28). P. 58 – 62.
7. Matveyev L.P. Theory and Methodology of Physical Culture. Moscow: Physical Culture and Sport: Sport-Academy-Press, 2008. 542 p.
8. Laptev A.I., Shevtsov A.V. Methodology of Physical Training at the Stage of Initial Specialization of Young Wrestlers. Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. 2021. No. 1 (191). P. 180 – 184.
9. Kholodov Zh.K., Kuznetsov V.S. Theory and Methodology of Physical Education and Sports: a textbook for students of higher educational institutions studying in the field of training "Pedagogical Education". 9th ed., corrected and supplemented. Moscow: Academy, 2011. 478 p.
10. Platonov V.N. Fundamentals of Training Athletes in Olympic Sports: a coach's book: in 2 volumes. Moscow: PRINTLETO LLC, 2021. Vol. 1. 592 p.
11. Stolyarov V.I. Theory and Methodology of Modern Physical Education (State of Development and Author's Concept): Monograph. Kyiv: NUFVSU, Olimp Publishing House. lit", 2015. 666 p.
12. Kravchuk A.I., Shreder A.Yu. Comprehensive physical education of 2- and 3-year-old children: monograph. Ministry of Sports of the Russian Federation, Siberian State University of Physical Education and Sports. Omsk: Publishing House of SibSUPC, 2018. 107 p.
13. Fomin I.V. On the Issue of Comprehensive Control in the Physical Fitness of Young Men Engaged in Wrestling at the Training Stage of Sports Specialization. Optimization of the Educational Process in Educational Organizations of Physical Education: Proceedings of the XXXV Anniversary National Scientific and Methodological Conference with International Participation, Dedicated to the 55th Anniversary of the Ural State University of Physical Education. Chelyabinsk: UralSUPC, 2025. 261 p.
14. Fomin I.V., Pigalova L.V. Analysis of Physical Fitness and Functional Status of 13-14 Year-Old Boys Engaged in Wrestling. *Modern Humanities Success*. 2026. No. 5. P. 318 – 325.
15. Aleshin I.N., Samoilova E.L., Slinkina N.E. Uncertainty and Nonlinearity in Sports Training: Directions, Forms, Manifestations, and Implementation. Problems of Modern Pedagogical Education. 2018. No. 58-3. P. 33 – 40.
16. Yakovlev B.P., Stavruk M.A. Nonlinear Synergetic Approach to the Management System of Highly Qualified Athletes' Sports Training. The North and Youth: Health, Education, Career: Collection of Materials of the I International Scientific and Practical Conference. Khanty-Mansiysk: Yugra State University, 2019. P. 150 – 152.

Информация об авторах

Фомин И.В., аспирант, Уральский государственный университет физической культуры,
ivan.fomin.77.99@mail.ru

Пигалова Л.В., кандидат педагогических наук, профессор, Уральский государственный университет физической культуры, pigalovalv@mail.ru

© Фомин И.В., Пигалова Л.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

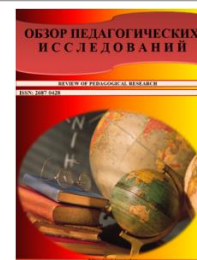
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.5. Теория и методика спорта (педагогические науки)

УДК 378.147:796

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-330-336

Методическая система подготовки магистров в области спортивной аналитики

¹ Мифтахов Р.Ф., ¹ Галяутдинов М.И., ¹ Мухаметшин Р.Р.,
¹ Ситдииков А.М., ¹ Фаткуллов И.Р.,

¹ *Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма*

Аннотация: спортивная индустрия активно цифровизируется, что меняет содержание аналитической работы: расширяется спектр и возрастает уровень сложности профессиональных задач, возникает необходимость внедрения системного подхода, в следствии чего, формируется спрос на специалистов, владеющих методами, технологиями и инструментами решения многоплановых аналитических задач спортивной организации. Цель работы – теоритически обосновать и разработать методическую систему подготовки магистров в области спортивной аналитики, которая формирует сбалансированный набор технических и гибких (надпрофессиональных) навыков. Методологическую основу составили анализ требований профессиональной среды, педагогическое проектирование и моделирование образовательной среды с опорой на компетентностный, проектный и контекстный подходы.

В результате предложена модель компетенций выпускника, объединяющая блоки профессиональных умений (инженерия данных, наука о данных, визуализация данных, глубокое знание спортивной предметной области) и ключевые гибкие навыки (коммуникация, критическое мышление, междисциплинарное взаимодействие). Спроектирована структурно-функциональная модель методической системы, организационным ядром которой выступает сквозное проектное обучение на основе реальных задач и кейсов от спортивных организаций.

Предложенная система может быть использована для подготовки специалистов, способных решать актуальные задачи в клубах, федерациях и смежных секторах. Перспективы исследований связаны с педагогической апробацией системы и разработкой учебно-методических комплексов для ее поддержки.

Ключевые слова: спортивная аналитика, подготовка магистров, компетентностный подход, методическая система, проектное обучение, профессиональные компетенции, цифровая образовательная среда, цифровое портфолио, виртуальная лаборатория

Для цитирования: Мифтахов Р.Ф., Галяутдинов М.И., Мухаметшин Р.Р., Ситдииков А.М., Фаткуллов И.Р. Методическая система подготовки магистров в области спортивной аналитики // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 330 – 336. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-330-336

Поступила в редакцию: 17 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

Methods of master's degree training in sports analytics

¹ Miftakhov R.F., ¹ Galyautdinov M.I., ¹ Mukhametshin R.R.,
¹ Sitdikov A.M., ¹ Fatkullov I.R.,
¹ Volga Region State University of Physical Culture, Sport and Tourism

Abstract: the sports industry is undergoing rapid digitalization, which is changing the nature of an analyst's work: tasks are becoming more complex, and the market requires specialists capable of solving multifaceted problems within a real sports organization. The aim of this work is to build a holistic methodological system for master's degree training in sports analytics that forms a balanced set of technical and soft skills. The methodological basis includes an analysis of professional environment requirements, pedagogical design, and modeling of the educational environment based on competency-based, project-based, and contextual approaches.

As a result, a detailed graduate competency model was developed, combining blocks of professional skills (data engineering, data science, data visualization, deep knowledge of the sports domain) and key soft skills (communication, critical thinking, interdisciplinary collaboration). A structural-functional model of the methodological system was designed, with end-to-end project-based learning based on real tasks and cases from sports organizations as its organizational core. The architecture of a "virtual sports analytics laboratory" integrating professional analytical platforms, immersive technologies (VR/AR), and cloud data storage was substantiated.

The proposed system enables the training of specialists capable of solving current tasks in clubs, federations, and related sectors. Future research prospects are associated with pedagogical testing of the system and the development of teaching and methodological complexes for its support.

Keywords: sports analytics, master's degree training, competency-based approach, methodological system, project-based learning, professional competencies, digital educational environment, virtual laboratory

For citation: Miftakhov R.F., Galyautdinov M.I., Mukhametshin R.R., Sitdikov A.M., Fatkullov I.R. *Methods of master's degree training in sports analytics. Review of Pedagogical Research.* 2026. 8 (6). P. 330 – 336. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-330-336

The article was submitted: April 17, 2026; Approved after reviewing: May 15, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Современный спорт переживает эпоху цифровой трансформации, в рамках которой данные стали ключевым стратегическим активом, определяющим конкурентные преимущества на всех уровнях – от достижения высоких спортивных результатов до обеспечения бизнес-эффективности организаций [1; 12].

Несмотря на растущий кадровый спрос со стороны спортивной индустрии, исследователи отмечают несоответствие между теоретической подготовкой выпускников и практическими требованиями современной профессиональной деятельности [14]. Выпускники, обладая зачастую достаточными теоретическими знаниями и базовыми техническими навыками, испытывают дефицит реального практического опыта, демонстрируют слабо развитые навыки коммуникации и оказываются не готовыми к решению комплексных, междисциплинарных задач, характерных для повседневной работы в спортивных организациях [2]. В наибольшей степени данное противоречие проявляется в подготовке специалистов аналитического профиля, для которых требуется интеграция методов работы с данными, предметных знаний о спорте и навыков профессионального взаимодействия. В связи с этим особую значимость приобретает уровень магистратуры как ступень подготовки, ориентированная на решение сложных профессиональных задач и формирование исследовательских, проектных и прикладных компетенций. Это актуализирует научную проблему разработки целостной методической системы подготовки магистров в области спортивной аналитики, органично синтезирующей компетентностный подход, принципы проектного обучения и современные отраслевые цифровые технологии [9].

Проведенный анализ научной литературы показывает, что, несмотря на наличие фундаментальных работ, посвященных компетентностному подходу в высшем образовании [15], и отдельных исследований, раскрывающих международный опыт подготовки в области спортивной аналитики [7; 13], вопрос комплексного проектирования такой системы, охватывающей все ее структурные компоненты – от целеполагания до оценивания, остается недостаточно изученным. В частности, требует дальнейшей проработки интеграция технологической платформы в педагогический процесс и формирование специфических гибких навыков [18].

Целью настоящего исследования является теоретическое обоснование и проектирование методической системы подготовки магистров в области спортивной аналитики, ориентированной на формирование полного цикла профессиональных компетенций, востребованных современным рынком труда. Для достижения поставленной цели были последовательно решены следующие задачи: проведена декомпозиция профессиональной деятельности спортивного аналитика и сформирована модель компетенций выпускника; определен и содержательно обоснован выбор педагогических подходов и методов, адекватных поставленным целям обучения; спроектирована архитектура технологической образовательной среды, обеспечивающей отработку практических навыков на реальных и синтетических данных; а также разработан оценочный аппарат, проверяющий умение решать профессиональные задачи.

Материалы и методы исследований

Проектирование эффективной образовательной программы начинается с четкого понимания требований профессиональной среды, что определяет профессиональный ландшафт и модель компетенций выпускника. Анализ научно-технической литературы и открытых интернет-источников (отраслевых публикаций, вакансий) позволил определить профессиональный профиль современного спортивного аналитика. Отбор источников осуществлялся по критериям тематической релевантности, связи с проблематикой профессиональных компетенций и ориентации на практико-ориентированную подготовку специалистов [14]. Сфера деятельности специалиста дифференцируется в зависимости от сектора занятости. В профессиональных клубах и федерациях фокус смещён на решение крупных аналитических задач: технико-тактический анализ тренировочной и соревновательной деятельности; информационно-аналитическое обеспечение селекционной работы; оценка и анализ спортивных результатов; анализ функционального состояния (мониторинг тренировочных нагрузок, прогнозирование рисков травматизма и др.) [1; 4; 10]. В комплексных научных группах сборных команд по видам спорта, от аналитика требуются навыки оценки эффективности соревновательной деятельности; формирования модельных характеристик; разработки оценочно-аналитических методик функционального состояния и физической подготовки; интерпретации результатов педагогического медико-биологического и психологического контроля; формирования аналитических отчетов по запросам тренерского штаба.

Методологическую основу исследования составили педагогическое проектирование и моделирование образовательной среды, опирающиеся на интеграцию компетентностного, проектного и контекстного подходов, а также современные представления о цифровом обучении и цифровой образовательной среде [8; 16]. Компетентностный подход выступает в качестве системообразующей основы, ориентирующей весь учебный процесс на достижение конкретного результата – способности выпускника решать реальные профессиональные задачи. Контекстный подход обеспечивает погружение студентов в профессиональную деятельность через моделирование реальных ситуаций. Проектное обучение является процессуальным ядром, в рамках которого студенты вовлекаются в сквозной проект, воспроизводящий полный цикл аналитической работы: от формулировки задачи с «заказчиком» до сбора, обработки, визуализации данных и защиты отчёта.

На основе проведенного анализа требований профессиональной среды была предложена целевая модель компетенций выпускника магистратуры. Построение модели осуществлялось путем группировки выявленных требований профессиональной среды в основные блоки компетенций с последующим содержательным уточнением их состава. Профессиональные умения были структурированы в четыре взаимосвязанных блока.

Первый блок направлен на формирование прикладных компетенций в области работы с аналитическими данными. В его содержание входит освоение инструментов видеоаналитики спортивных движений (Kinovea, Dartfish, KineVision), позволяющих проводить покадровый анализ, угловые измерения, сравнение техники и скелетную разметку без написания программного кода; формирование умений работы с базами данных посредством SQL-запросов; ознакомление с языком Python (библиотеки Pandas, NumPy) для решения расширенных аналитических задач; а также овладение навыками сбора, предобработки и систематизации данных как основы для профессиональной деятельности в спортивной организации. Второй блок, наука о данных, предполагает классические статистические методы, включая проверку гипотез и регрессионный анализ, с продвинутыми методами машинного обучения и основами компьютерного зрения для автоматического анализа видеоданных. Третий блок, визуализация информации, ориентирован на формирование навыков работы с платформами визуализации данных (Tableau, Power BI и др.), соответствующими библиотеками программирования для создания интерактивных дашбордов и отчетов. Четвёртый блок акцентирует внимание на пересечение фундаментальных знаний теории, биомеханики и физиологии спорта, а

также специальных аналитических инструментов – статистических платформ, спортивных метрик и функциональных тестов. Формирование данных предметных компетенций обеспечивает способность выпускника к содержательной интерпретации данных в спорте.

При этом успех выпускника в реальной рабочей среде в не меньшей степени определяется сформированностью гибких навыков, которые выступают как интегративные компетенции, обеспечивающие эффективное применение технических знаний. К числу таковых относится, прежде всего, коммуникативная компетенция и навык презентации данных – способность представлять сложные аналитические результаты в доступной для восприятия форме до тренерского штаба и спортсменов [2]. Не менее важны критическое и системное мышление, то есть способность ставить под сомнение исходные данные и полученные выводы, видеть за корреляциями причинно-следственные связи и формулировать корректные исследовательские вопросы.

Результаты и обсуждения

Реализация данной модели компетенций требует специального методологического каркаса системы подготовки. В качестве системообразующей основы образовательной программы был выбран компетентностный подход, который ориентирует весь учебный процесс на достижение конкретного результата – способности выпускника решать реальные профессиональные задачи. В основе образовательного процесса лежит выполнение обучающимися сквозного проекта, реализуемого на протяжении всего периода обучения. Данный проект представляет собой полную имитацию реального профессионального цикла деятельности спортивного аналитика [1; 5]. В рамках проектной работы студенты последовательно проходят все этапы решения профессиональной задачи: совместное с тренерским штабом определение проблемного поля, сбор и первичную обработку необходимых данных, их аналитическую обработку, визуализацию полученных результатов и итоговую защиту подготовленного отчёта. Для отработки навыков коммуникации в условиях, приближенных к реальным, активно используются опыт прохождения тренерской практики в ведущих спортивных клубах и сборных командах страны, где уже налажена систематическая аналитическая работа.

Оценочный блок является завершающим, но не второстепенным компонентом методической системы. Основопологающий принцип оценивания – объективное подтверждение не только теоретической подготовки, но и способности применять сформированные компетенции при решении реальных профессиональных задач. Оценивается не репродукция материала, а умение разрешать комплексные нестандартные проблемы, типичные для профессиональной деятельности специалиста.

Одним из ключевых итогов обучения становится цифровое портфолио студента, в котором собраны все его достижения. В нем аккумулируются все значимые достижения за время учебы. Оно может быть представлено в виде цифровой подборки проектов на специализированных платформах, в облачных хранилищах или репозиториях. Там можно найти написанные студентом аналитические отчеты, файлы исследований, разработанные им дашборды, а также итоговые отчеты по каждому учебному проекту. Важно подчеркнуть: такое портфолио – это наглядное подтверждение того, что выпускник действительно освоил заявленные навыки и может применить их на практике. Параллельно происходит разработка формальной версии цифрового портфолио, которая будет иметь интеграцию с государственными информационными системами, обеспечивающая отображение подтвержденных сведений об образовании и документах об обучении в цифровом профиле пользователя на портале «Госуслуги» [17].

В рамках таких рубрик отдельно оценивается качество технической реализации проекта (код, модель), ясность и убедительность презентации, а также глубина и аргументированность ответов на вопросы комиссии [5; 8]. Кроме внешней оценки, в учебном процессе применяются самооценка и взаимная оценка внутри проектных команд, что способствует развитию у студентов критической рефлексии, ответственности за общий результат и навыков конструктивной обратной связи.

Выводы

Проведенное исследование позволило разработать и теоретически обосновать целостную методическую систему подготовки магистров в области спортивной аналитики. Ее научная новизна заключается в органичном синтезе трех ключевых элементов: компетентностного подхода, задающего целеполагание в виде формирования способности решать реальные профессиональные задачи [9; 11; 15]; проектного обучения, выступающего процессуальным ядром, которое имитирует полный жизненный цикл работы аналитика в спортивной организации; и современной технологической среды, обеспечивающей инструментальную базу для формирования практических навыков работы с данными. Все компоненты системы – от модели компетенций до оценочного аппарата являются согласованными и взаимодополняющими, что направлено на до-

стижение главного результата: подготовки выпускника, который не только владеет сложным техническим инструментарием, но и способен формулировать обоснованные аналитические выводы и эффективно внедрять их в практику спортивных клубов, федераций и смежных отраслей.

Практическая значимость представленной модели состоит в ее высокой степени адаптируемости и структурированности. Разработанные решения, включая детализированную модель компетенций, методологический каркас на основе проектного обучения, могут служить методической основой для проектирования новых образовательных программ магистратуры, а также для комплексной модернизации существующих курсов в условиях цифровой трансформации спорта [16; 17].

Перспективы дальнейших исследований определяются логикой развития данной работы и лежат в нескольких плоскостях. На первом этапе необходима апробация системы в рамках педагогического эксперимента с последующей корректировкой ее элементов на основе полученных эмпирических данных. Другим важным направлением является разработка детальных учебно-методических комплексов для каждого модуля программы, наполненных реальными кейсами и практикумами.

Список источников

1. Белякова М.Ю., Коцоев В.Т. Использование инструментов и методов спортивного анализа для повышения эффективности деятельности футбольных клубов // Экономика и управление в спорте. 2022. Т. 2. № 2. С. 119 – 142. DOI 10.18334/sport.2.2.119797
2. Богдан Н.В., Клестова О.А. Соответствие требований профессионального и образовательного стандартов как критерий качества подготовки по направлению "спорт" // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2016. Т. 8. № 3. С. 44 – 50. DOI 10.14529/ped160305
3. Быков А.В. Продвинутое метрики для оценки качества атакующих процессов в командных игровых видах спорта (на примере флорбола) // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2021. № 7. С. 61 – 66. DOI 10.24412/2305-8404-2021-7-61-66
4. Ермаков А.В., Мякинченко П.Е. Прогнозирование с использованием методов математического моделирования в спорте высших достижений на примере зимних видов спорта // Теория и практика физической культуры. 2021. № 2. С. 52 – 54.
5. Ильин В.В., Михайлова А.В. Спортивная аналитика в физической культуре и спорте // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 111-5. С. М.Р. 184 – 187. DOI 10.18411/trnio-07-2024-282
6. Копылов К.В., Золотова Е.А. Гибадуллин Актуальные направления исследований в обучении и спортивной подготовке пловцов: опыт зарубежных ученых 2019-2023 годы. Казань: Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, 2025. 162 с. ISBN 978-5-605-35553-3.
7. Коцоев В.Т. Инструменты и методы спортивного анализа // Экономика и управление в спорте. 2022. Т. 2. № 4. С. 281 – 294. DOI 10.18334/sport.2.4.119725
8. Кузнецова С.В., Михайловский Р.А. Проектный подход к профессиональной подготовке студентов спортивного вуза // Непрерывное образование: XXI век. 2024. № 4 (48). С. 46 – 58. DOI 10.15393/j5.art.2024.9844
9. Миминошвили Р.Т., Обухова Л.А. Компетентностный подход в высшем профессиональном образовании // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. Т. 2. № 8 (128). С. 106 – 110. DOI 10.36871/ek.ur.p.r.2022.08.02.016
10. Обухов М.Я., Вечкинзова Е.А. Анализ эффективности футбольных клубов российской Премьер-лиги методом DEA-моделирования // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 5. С. 2261 – 2276. DOI 10.18334/ce.15.5.112117
11. Останина С.А., Птицына Е.В. Компетентностный подход к обучению студентов вуза в условиях реализации образовательных стандартов третьего поколения // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7. № 5. С. 35.
12. Панферов Д.Д., Аверин А.В. Маркетинговые стратегии футбольных клубов // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 8. С. 1847 – 1862. DOI 10.18334/ce.14.8.110717
13. Rein R., Memmert D. Big data and tactical analysis in elite soccer: future challenges and opportunities for sports science // SpringerPlus. 2016. Vol. 5. No. 1. P. 1410.
14. Филонов Л.В. Оценка работодателями востребованности универсальных компетенций бакалавров физической культуры // Преподаватель XXI век. 2024. № 1. Часть 1. С. 231 – 244. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-231-244

15. Савич Л.Е., Габитова Л.М., Мухаметшин Р.Р. Компетентностная модель библиотечного специалиста: к вопросу о цифровой составляющей // Образование и культурное пространство. 2024. № 4. С. 184 – 193. DOI 10.53722/27132803_2024_4_184
16. Мухаметшин Р.Р. Электронное, цифровое, дистанционное, смешанное обучение – терминологический анализ // Библиотековедение. 2022. Т. 71. № 1. С. 103 – 111. DOI 10.25281/0869-608X-2022-71-1-103-111
17. Распоряжение Правительства РФ от 18.10.2023 №2894-р "Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации". URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-18102023-n-2894-r-ob-utverzhdenii/> (дата обращения: 28.09.2025)
18. Ануфриева Т.Н. Контент-анализ понятия «гибкие навыки» (soft skills) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. № 2. С. 120 – 132. doi: 10.23951/1609-624X-2023-2-120-132

References

1. Belyakova M.Yu., Kotsoev V.T. Using Sports Analysis Tools and Methods to Improve the Performance of Football Clubs. Sports Economics and Management. 2022. Vol. 2. No. 2. P. 119 – 142. DOI 10.18334/sport.2.2.119797
2. Bogdan N.V., Klestova O.A. Compliance with Professional and Educational Standards as a Quality Criterion for Training in the Sports Field. Bulletin of South Ural State University. Series: Education. Pedagogical Sciences. 2016. Vol. 8. No. 3. P. 44 – 50. DOI 10.14529/ped160305
3. Bykov A.V. Advanced Metrics for Assessing the Quality of Attacking Processes in Team Sports (using Floorball as an Example). Bulletin of Tula State University. Physical Education. Sport. 2021. No. 7. P. 61 – 66. DOI 10.24412/2305-8404-2021-7-61-66
4. Ermakov A.V., Myakinchenko P.E. Forecasting Using Mathematical Modeling Methods in High-Performance Sports: The Example of Winter Sports. Theory and Practice of Physical Education. 2021. No. 2. P. 52 – 54.
5. Ilyin V.V., Mikhailova A.V. Sports Analytics in Physical Education and Sports. Trends in the Development of Science and Education. 2024. No. 111-5. S.M.R. 184 – 187. DOI 10.18411/trnio-07-2024-282
6. Kopylov K.V., Zolotova E.A. Gibadullin. Current Research Directions in the Education and Sports Training of Swimmers: The Experience of Foreign Scientists in 2019-2023. Kazan: Povolzhsky State University of Physical Education, Sports and Tourism, 2025. 162 p. ISBN 978-5-605-35553-3.
7. Kotsoev V.T. Tools and Methods of Sports Analysis. Sports Economics and Management. 2022. Vol. 2. No. 4. P. 281 – 294. DOI 10.18334/sport.2.4.119725
8. Kuznetsova S.V., Mikhailovsky R.A. Project-Based Approach to Professional Training of Students of a Sports University. Continuous Education: XXI Century. 2024. No. 4 (48). P. 46 – 58. DOI 10.15393/j5.art.2024.9844
9. Miminoshvili R.T., Obukhova L.A. Competency-Based Approach in Higher Professional Education. Economics and Management: Problems, Solutions. 2022. Vol. 2. No. 8 (128). P. 106 – 110. DOI 10.36871/ek.up.p.r.2022.08.02.016
10. Obukhov M.Ya., Vechkinzova E.A. Analysis of the Efficiency of Football Clubs of the Russian Premier League Using DEA Modeling. Creative Economy. 2021. Vol. 15. No. 5. P. 2261 – 2276. DOI 10.18334/ce.15.5.112117
11. Ostanina S.A., Ptitsyna E.V. Competency-based approach to teaching university students in the context of implementing third-generation educational standards. The World of Science. Pedagogy and Psychology. 2019. Vol. 7. No. 5. Pp. 35.
12. Panferov D.D., Averin A.V. Marketing strategies of football clubs. Creative Economy. 2020. Vol. 14. No. 8. Pp. 1847–1862. DOI 10.18334/ce.14.8.110717
13. Rein R., Memmert D. Big data and tactical analysis in elite soccer: future challenges and opportunities for sports science. SpringerPlus. 2016. Vol. 5. No. 1. P. 1410.
14. Filonov L.V. Employers' assessment of the demand for universal competencies among bachelors in physical education. Teacher XXI century. 2024. No. 1. Part 1. P. 231 – 244. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-231-244
15. Savich L.E., Gabitova L.M., Mukhametshin R.R. Competency Model of a Library Specialist: Towards the Digital Component. Education and Cultural Space. 2024. No. 4. P. 184 – 193. DOI 10.53722/27132803_2024_4_184

16. Mukhametshin R.R. Electronic, Digital, Distance, Blended Learning: A Terminological Analysis. Library Science. 2022. Vol. 71. No. 1. P. 103 – 111. DOI 10.25281/0869-608X-2022-71-1-103-111
17. Order of the Government of the Russian Federation dated October 18, 2023 No. 2894-r "On Approval of the Strategic Direction in the Field of Digital Transformation of Education, Related to the Sphere of Activities of the Ministry of Education of the Russian Federation". URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-18102023-n-2894-r-ob-utverzhenii/> (date of access: 28.09.2025)
18. Anufrieva T.N. Content Analysis of the Concept of "Soft Skills". Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2023. No. 2. P. 120 – 132. doi: 10.23951/1609-624X-2023-2-120-132

Информация об авторах

Мифтахов Р.Ф., кандидат физико-математических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4289-2214>, Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, г. Казань, ул. Деревня Универсиады д. 35, rustem.miftakhov@gmail.com

Галяутдинов М.И., кандидат физико-математических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3512-6183>, Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, г. Казань, ул. Деревня Универсиады д. 35, gmarat_68@mail.ru

Мухаметшин Р.Р., кандидат педагогических наук, старший преподаватель, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6424-4122>, Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, г. Казань, ул. Деревня Универсиады д. 35, muchametshin@gmail.com

Ситдииков А.М., старший преподаватель, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-5349>, Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, г. Казань, ул. Деревня Универсиады д. 35, sam77@mail.ru

Фаткуллов И.Р., кандидат педагогических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0789-9747>, Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, г. Казань, ул. Деревня Универсиады д. 35, filnurr@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

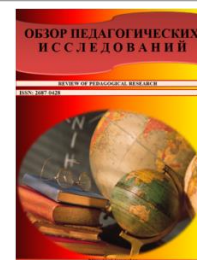
2026, Том 8, № 6 / 2026, Vol. 8, Iss. 6 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.5. Теория и методика спорта (педагогические науки)

УДК 796.342.084.2

DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-337-344

Специфика тактической подготовки в ракеточных видах спорта на примере тенниса, падел, пиклбола и пляжного тенниса

¹ Степанова М.Е., ² Давыдова Е.Ю.,

¹ Российский университет спорта «ГЦОЛИФК»,

² Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта

Аннотация: в современной спортивной науке тактическая подготовка в ракеточных видах спорта рассматривается как интегративный процесс, включающий перцептивно-прогностические способности, оперативное мышление и вариативность технико-тактических действий. Многолетние наблюдения показывают, что спортсмены на уровне чуть ниже профессионального, ведущей причиной проигрыша очков являются не технические дефекты, а системные тактические ошибки, обусловленные неадекватной ситуационной оценкой.

В статье рассмотрена специфика тактической подготовки в современных ракеточных видах спорта. В настоящем анализе рассматриваются четыре ракеточных вида спорта: классический теннис, падел, пиклбол и пляжный теннис.

Тактическая подготовка в представленных ракеточных видах спорта рассматривается по нескольким критериям: тактические комбинации, их особенности и стиль игры, который использует игрок, выполняющий данные комбинации.

Исследование актуально в связи с растущим интересом к ракеточным видам спорта и их потенциала для массового и профессионального спорта в России. Цель работы – не только констатировать текущее состояние в тактической подготовки, но и проанализировать ее специфику и систематизировать тактические ошибки в данных видах спорта. Методы включают как аналитику данных, так и экспертные оценки.

Результаты. В ходе анализа было установлено, что несмотря на внешнее сходство данных ракеточных видов спорта (использование ракетки и мяча), каждый из этих видов спорта формирует уникальную тактическую парадигму, детерминированную параметрами площадки, характеристиками инвентаря и правилами игры.

Заключение. В ходе проведенного исследования отмечается заметный интерес со стороны специалистов, а так же со стороны различных категорий занимающихся к новым ракеточным видам спорта. Выводы исследования подчеркивают, что тактическая подготовка в современных ракеточных видах спорта основывается на способности спортсменов быстро принимать решения, контролировать игровое пространство и адаптировать игровые действия к изменяющимся условиям соревновательной деятельности.

Ключевые слова: тактическая подготовка, ракеточные виды спорта, теннис, пляжный теннис, падел, пиклбол

Для цитирования: Степанова М.Е., Давыдова Е.Ю. Специфика тактической подготовки в ракеточных видах спорта на примере тенниса, падел, пиклбола и пляжного тенниса // Обзор педагогических исследований. 2026. Том 8. № 6. С. 337 – 344. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-337-344

Поступила в редакцию: 17 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 мая 2026 г.; Принята к публикации: 8 июня 2026 г.

The specifics of tactical training in racket sports on the example of tennis, padel, pickleball and beach tennis

¹ Stepanova M.E., ² Davydova E.Yu.,

¹ The Russian University of Sport «GTSOLIFK»,

² Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health

Abstract: in modern sports science, tactical training in racket sports is considered as an integrative process, including perceptual and predictive abilities, operational thinking and variability of technical and tactical actions. Long-term observations show that athletes at a level slightly below professional, the leading reason for losing points is not technical defects, but systemic tactical errors caused by inadequate situational assessment.

The article discusses the specifics of tactical training in modern racket sports. The present analysis considers four racket sports: classic tennis, padel, pickleball and beach tennis.

Tactical training in the presented racket sports is considered according to several criteria: tactical combinations, their features and the style of play used by the player performing these combinations.

The study is relevant in connection with the growing interest in racket sports and their potential for mass and professional sports in Russia.

Results. The analysis revealed that the effective development of tennis and other racket sports in the Russian Federation requires a systemic strategy integrating educational, infrastructural, and motivational components. Implementing these measures within a 5-year midterm perspective can facilitate qualitative progress in both professional and mass sports sectors.

As a pedagogically significant discipline, tennis offers key advantages: age inclusivity, enabling participation across diverse age groups; adaptable intensity, accommodating individual physical fitness levels. work - not only to state the current state in tactical training, but also to analyze its specifics and systematize tactical errors in these sports. Methods include both data analytics and peer review.

Results. During the analysis, it was found that despite the external similarity of the data of racket sports (the use of a racket and a ball), each of these sports forms a unique tactical paradigm determined by the parameters of the site, the characteristics of the inventory and the rules of the game.

Conclusion. In the course of the study, there is a noticeable interest on the part of specialists, as well as on the part of various categories involved in new racket sports. The findings of the study emphasize that tactical training in modern racket sports is based on the ability of athletes to make decisions quickly, control the playing space and adapt game actions to changing conditions of competitive activity.

Keywords: tactical training, racket sports, tennis, beach tennis, padel, pickleball

---

For citation: Stepanova M.E., Davydova E.Yu. The specifics of tactical training in racket sports on the example of tennis, padel, pickleball and beach tennis. *Review of Pedagogical Research*. 2026. 8 (6). P. 337 – 344. DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-6-337-344

The article was submitted: April 17, 2026; Approved after reviewing: May 15, 2026; Accepted for publication: June 8, 2026.

Введение

Научный подход к совершенствованию тактической подготовки игроков в ракеточных видах спорта позволяет объективно оценивать и контролировать их подготовленность [4]. Спортсмены должны учитывать, что успех на соревнованиях зависит от технико-тактических действий и физической подготовки их самих, так и их соперников.

В тактической подготовке выделяется два понятия: стратегия и тактика. Стратегией называется действия широкого масштаба, необходимые для решения задач спортивной борьбы в рамках матча, турнира, серии турниров. Они имеют конкретную цель, достижения наивысшего результата в соревновании или главными соперниками.

Тактика состоит из действий ограниченного масштаба, которые решают задачи борьбы в конкретном розыгрыше. Из этого следует, что стратегия и тактика различаются масштабами решаемых задач.

Цель исследования – выявление специфики тактической подготовки в ракеточных видах спорта на примере тенниса, падел, пиклбола и пляжного тенниса.

Для достижения поставленной цели представляется необходимым последовательное решение следующих научных задач:

1. Провести системный анализ научно-методической литературы и экспертных источников для выявления современных представлений о тактике в каждом из рассматриваемых видов спорта (теннис, падел, пляжный теннис, пиклбол).
2. Выделить специфику тактической подготовки в данных видах спорта, обусловленную различием спортивного инвентаря, правил и динамики игровой среды.
3. Систематизировать тактические ошибки в ракеточных видах спорта.

Материалы и методы исследований

Для решения поставленных задач использовались следующие методы исследования:

1. Анализ научно-методической литературы, государственных программ и нормативных документов.
2. Сравнительный анализ тактической подготовки в ракеточных видах спорта.
3. Опросы экспертов (тренеры, представители федераций, спортсмены).

Результаты и обсуждения

Исследование проводилось с января по март 2026 года доцентом кафедры ТиМ тенниса, настольного тенниса и бадминтона РУС «ГЦОЛИФК» г. Москва Степановой М.Е. и старшим преподавателем кафедры Менеджмента и экономики спорта НГУ им. П.Ф. Лесгафта, г. Санкт-Петербург Давыдовой Е.Ю.

В ходе исследования были рассмотрены четыре ракеточных вида спорта, такие как классический теннис, пляжный теннис, пиклбол и падел. Были рассмотрены основные тактические приемы в этих видах спорта, а так же особенности их выполнения.

По данным исследований в области performance analysis ракетных видов спорта, успешные спортсмены чаще используют комбинационные атакующие действия, активно применяют игру через центральную часть площадки и стремятся ограничить углы ответной атаки соперника.

Далее рассмотрим тактическую подготовку в парном разряде в классическом теннисе. Тактическая подготовка в парном разряде в теннисе – это комплекс мер, направленных на развитие навыков взаимодействия партнёров, выбора стратегии игры, манипулирования соперником и адаптации к различным игровым ситуациям. Она включает как индивидуальные действия, так и согласованность внутри пары [3].

При выборе напарника следует учитывать, насколько игра напарника будет дополнять партнера, рекомендуется сочетать в паре спортсменов с атакующим стилем игры у сетки и спортсменов с универсальным стилем.

В табл. 1 показано тактическое расположение на корте теннисистов, выступающих в парном и смешанном разряде. В ходе исследования рассматривались такие показатели, как сами комбинации, их описание и особенности, а так же стиль игры, который предпочитают игроки, выбравшие представленные комбинации. В табл. 1 можно ознакомиться со всеми представленными данными.

Таблица 1

Тактическое расположение на площадке теннисистов, выступающих в парном разряде.

Table 1

Tactical location on the site of tennis players performing in doubles.

№	Комбинации	Особенности	Стиль игры
1	Австралийка – игрок, стоящий у сетки находится по центру площадки немного присев ниже уровня сетки	Максимально затрудняет сопернику выбор направления удара на приёме. Требуется высокой скорости реакции и синхронизации.	Атакующий Универсальный
2	Обычная параллельная – оба игрока находятся на уровне задней линии	Минимальный риск перехвата на приёме. Эффективен против соперников, использующих укороченные удары или свечи. Уязвим для ударов по диагонали с высокой скоростью.	Контратакующий
3	Классическая – игрок у сетки занимает позицию в 1-2 м от сетки, второй – на задней линии	Позволяет контролировать как короткие, так и глубокие мячи. Основная угроза – лоб свеча через игрока у сетки.	Универсальный
4	Двойной выход к сетке. Стойка двух игроков параллельно около сетки после атакующего удара	Создаёт максимальное давление на соперника. Вынуждает соперника рисковать кручёной свечой или ударом по линии в узкий коридор.	Атакующий

В ходе проведенного анализа можно выделить, что в теннисе к частым тактическим ошибкам относятся ошибки:

- ✓ В построении тактического плана на игру
- ✓ Проблемы с построением розыгрыша
- ✓ Неправильная выбранная тактика игры, которая не подходит для игры на различных покрытиях (грунт, хард или натуральная трава)

Далее рассмотрим особенности тактической подготовки в падел. Главная причина коренных отличий от тенниса кроется в наличии стеклянных стен [6]. В теннисе, когда мяч, касается стены или пола за пределами корта, игрок теряет очко. В паделе стена считается полноценным участником розыгрыша, который добавляет в тактику рикошеты и невозможные углы

Основное отличие от других ракеточных видов спорта, рассматриваемых в данной статье это наличие в падел системы трех зон:

1. Красная зона (у задней стенки, глубокая защита). Главная задача нейтрализовать, а не атаковать. Используются высокие и глубокие свечи, чтобы вернуть пару к сетке, или медленный удар по диагонали, чтобы выиграть время.

2. Оранжевая зона (середина корта, зона перехода). Главная задача принимать решение: «качать мяч» или «атаковать». Если мяч низкий следует продолжать игру, бить в ноги соперникам. Если мяч удобно летит, на уровне пояса или выше рекомендуется начинать атаку.

3. Зеленая зона (у сетки, зона атаки). В данной зоне игрок должен заканчивать очки. В зеленой зоне игрокам следует играть активно: короткие удары слета по углам, использовать удары в ноги соперникам, вибры и смечи.

Далее рассмотрим ключевые тактические комбинации в падел, которые представлены в табл. 2.

Таблица 2

Тактические комбинации в падел.

Table 2

Tactical combinations in padel.

№	Комбинации	Особенности	Стиль игры
1	Короткий удар под сетку (La Chiquita)	Мяч отскакивает у самой сетки на стороне соперника.	Контратакующий
2	Агрессивный удар слета	Удар направляется в ноги сопернику или вдоль бокового стекла	Универсальный
3	Австралийская подача	Подача в центральную линию («Т»), с правой стороны корта, при которой партнер по игре занимает позицию на той же половине, что и подающий у сетки.	Атакующий
4	Защитная свеча	Удар с задней линии с очень высокой траекторией, заставляющий мяч уходить под самый потолок корта	Защитный
5	Розыгрыш через «английскую» стенку	Использование бокового стекла для изменения траектории удара. Мяч сначала бьет в стекло, меняет угол и только потом попадает в корт соперника.	Универсальный

Далее рассмотрим типичные ошибки, которые встречаются в тактической подготовке падалистов:

- ✓ Самые частые ошибки встречаются в построении самой игры, например атака из неправильной зоны, бездействие подающего, после выполнения подачи и плохой контроль над сильными ударами.
- ✓ Ошибки в чтении тактической игры соперников, многие испытывают сложности против «левой», и при игре от одного или двух стекол.
- ✓ Техничко-тактические ошибки в паре, игроки не согласовывают свои действия в игре, плохо коммуницируют, допускают технические неточности при смене позиций.

Пиклбол представляет собой динамичный ракетный вид спорта, сочетающий элементы тенниса, бадминтона и настольного тенниса. Современный пиклбол характеризуется высокой скоростью принятия решений, вариативностью игровых комбинаций и значительной ролью тактического мышления спортсмена [5].

Тактическая подготовка в пиклболе направлена на формирование у игрока способности эффективно выбирать игровые действия в зависимости от расположения соперника, темпа розыгрыша и текущей игровой ситуации. Особое значение приобретают контроль игровой зоны, умение изменять направление и скорость мяча, а также рациональное распределение физических усилий в ходе матча.

Парный пиклбол предъявляет повышенные требования к координации действий партнеров. Эффективность тактических решений зависит не только от индивидуального мастерства спортсмена, но и от качества командного взаимодействия.

Основными факторами, влияющими на тактическую подготовку в парной игре, являются:

1. Уровень взаимодействия партнеров.
2. Игровое позиционирование.
3. Выбор направления атаки [9].
4. Индивидуальные особенности игроков.
5. Коммуникация во время розыгрыша [8].
6. Темп ведения игры [10].

Далее рассмотрим ключевые тактические комбинации в пиклбол, которые представлены в табл. 3.

Таблица 3

Тактические комбинации в пиклбол.

Table 3

Tactical combinations in pickleball.

№	Комбинации	Особенности	Стиль игры
1	Глубокая подача в центральную зону	Ограничивает углы атаки соперника	Контратакующий
2	Игра через слабую сторону соперника	Создает условия для ошибок при приеме	Тактический
3	Серия коротких ударов («dink»)	Замедляет темп и вынуждает соперника ошибаться	Позиционный
4	Выход обоих партнеров к линии «кухни»	Позволяет контролировать сетку и темп игры	Агрессивно-позиционный
5	Атака в промежутки между игроками	Провоцирует несогласованность действий соперников	Комбинационный
6	Использование третьего удара («third shot drop»)	Позволяет безопасно перейти в атаку	Универсальный
7	Чередование сильных и мягких ударов	Нарушает ритм соперника	Вариативный

Далее рассмотрим типичные ошибки в тактической подготовке игроков в пиклбол:

- ✓ выполнение короткой подачи, создающей условия для атаки соперника;
- ✓ несвоевременный выход к линии «кухни»;
- ✓ чрезмерное использование силовых ударов;
- ✓ слабая коммуникация между партнерами;
- ✓ отсутствие вариативности игровых действий;
- ✓ неправильное распределение игровой зоны;
- ✓ атака из неудобного положения;
- ✓ частые удары по высокой траектории, упрощающие прием мяча сопернику;
- ✓ недостаточный контроль центральной части площадки;
- ✓ поспешные атакующие действия без подготовки комбинации.

Пляжный теннис является сочетает элементы классического тенниса, волейбола и бадминтона. Специфика игры на песчаном покрытии, отсутствие отскока мяча и высокая скорость розыгрышей формируют особые требования к тактической подготовке спортсменов [1].

Парная игра в пляжном теннисе требует высокой согласованности действий партнеров и постоянной адаптации к динамике розыгрыша [2]. Эффективность тактических решений зависит от комплекса технических, физических и когнитивных факторов.

1. Взаимодействие партнеров [11].
2. Позиционная игра у сетки [7].
3. Влияние песчаного покрытия.
4. Ветровые и климатические условия [7].
5. Индивидуальные особенности спортсменов.
6. Темп игры.

Далее рассмотрим ключевые тактические комбинации в пляжном теннисе, которые представлены в табл.

4.

Таблица 4

Тактические комбинации в пляжном теннисе.

Table 4

Tactical combinations in beach tennis.

№	Комбинации	Особенности	Стиль игры
1	Атака через центральную зону	Ограничивает углы ответного удара	Агрессивный
2	Диагональные удары под слабую руку	Создают сложности при приеме	Тактический
3	Быстрый выход обоих игроков к сетке	Усиливает давление на соперника	Атакующий
4	Чередование сильных и мягких ударов	Нарушает игровой ритм	Комбинационный
5	Высокая подача против ветра	Усложняет прием мяча	Контролирующий
6	Игра короткими ударами у сетки	Вынуждает соперника ошибаться	Позиционный
7	Смещение партнеров по диагонали	Закрывает свободные зоны	Координационный
8	Атака в промежуток между соперниками	Провоцирует несогласованность действий	Тактический парный
9	Использование свечи в обороне	Позволяет восстановить позицию	Защитный

В ходе исследования были выделены следующие типичные ошибки игроков в пляжном теннисе:

- ✓ позднее занятие позиции у сетки;
- ✓ чрезмерно силовая игра без подготовки атаки;
- ✓ недостаточная коммуникация между партнерами;
- ✓ неправильное распределение игровой зоны;
- ✓ отсутствие адаптации к ветровым условиям;
- ✓ выполнение однотипных подач;
- ✓ слабое использование центральной зоны площадки;
- ✓ несвоевременное смещение при защите.

Выводы

Ракеточные виды спорта, включая пляжный теннис, пиклбол и падел-теннис, демонстрируют устойчивый рост популярности в мире благодаря своей доступности, зрелищности и социальной направленности.

Проведенный анализ международных научных и методических источников показал, что тактическая подготовка в современных ракеточных видах спорта основывается на способности спортсменов быстро принимать решения, контролировать игровое пространство и адаптировать игровые действия к изменяющимся условиям соревновательной деятельности. Для пиклбола и пляжного тенниса характерно доминирование позиционной и комбинационной тактики, а также высокая значимость взаимодействия партнеров в парной игре.

Установлено, что специфика тактической подготовки определяется особенностями правил, характеристиками спортивного инвентаря и игровой среды. В пиклболе ключевое значение имеют контроль темпа игры, использование зоны кухни и вариативность коротких ударов, тогда как в пляжном теннисе существенное влияние оказывают отсутствие отскока мяча, песчаное покрытие, погодные условия и необходимость быстрого перехода к атакующим действиям у сетки.

Специфика тактической подготовки в теннисе заключается в том, что тренировочный процесс должен моделировать соревновательные ситуации, поскольку, согласно принципу специфичности, тактические навыки формируются только в условиях, приближенных к игровым.

Специфика тактической подготовки в падел состоит в том, что тренировка должна включать упражнения на «чтение» рикошетов и ротацию позиций в паре. Падел является парным видом спорта, что требует постоянного взаимодействия и координации тактических действий двух игроков.

Систематизация тактических ошибок в ракеточных видах спорта позволило выделить три суперкатегории:

- ✓ Перцептивно-пространственные (неправильная оценка зоны атаки/защиты, слепота к рикошетам, ошибки глубины).

- ✓ Вероятностно-решающие (неоправданный риск, игнорирование вероятностного выигрыша).
- ✓ Регуляторно-восстановительные (отсутствие структуры отдыха, неполная адаптация к покрытию).

Коррекция данных нарушений возможна только через системную модификацию тренировочного процесса, включающую зонные ограничения, вероятностные игры, специфическую тренировку

Список источников

1. Давыдова Е.Ю. Сравнительный анализ выступления российских спортсменов на крупнейших международных турнирах по пляжному теннису 2021-2024 гг. // Спорт, человек, здоровье: материалы XII Международного научного конгресса, посвященного 300-летию юбилею Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, 16-18 апреля 2025 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2025. С. 102 – 103.
2. Давыдова Е.Ю. Особенности развития пляжного спорта на примере пляжного тенниса // Особенности системы подготовки в индивидуально-игровых видах спорта на современном этапе: текущее состояние, проблемы, перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти основоположника научно-методической школы российского тенниса С.П. Белиц-Геймана, Москва, 28 апреля 2022 года. Москва: Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма, 2022. С. 53 – 58.
3. Степанова М.Е. Сравнительный анализ "классического" тенниса и пляжного тенниса // Развитие пляжного тенниса в России и в мире: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 01-02 июля 2019 года / Под ред. Аль Халили Мохамед. Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК)", 2019. С. 82 – 86.
4. Степанова М.Е., Давыдова Е.Ю. Сравнительная характеристика современных ракеточных видов спорта // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2025. № 4. С. 71.
5. Степанова М.Е., Давыдова Е.Ю. Тенденции развития современных ракеточных видов спорта в России // Обзор педагогических исследований. 2025. Т. 7. № 6. С. 228 – 235.
6. Степанова М.Е., Давыдова Е.Ю. Сравнительный анализ техники выполнения ударов в ракеточных видах спорта // Успехи гуманитарных наук. 2026. № 2. С. 217 – 224.
7. Официальный сайт Международной федерации тенниса [Электронный ресурс]. <https://www.itftennis.com/en/itf-tours/beach-tennis-tour/> (дата обращения: 22.02.2026)
8. A Guide for Pickleball Doubles Communication Improvement. [Электронный ресурс]. https://www.rockstaracademy.com/blog/pickleball-doubles-communication?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 22.02.2026)
9. Advanced Pickleball Strategies for Winning Every Match: The Texas Pickleball Guide [Электронный ресурс]. https://txpklball.com/pickleball-strategies/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 23.02.2026)
10. 8 Doubles Strategies Nobody Talks About in Pickleball [Электронный ресурс]. https://www.thedinkpickleball.com/8-doubles-strategies-nobody-talks-about-in-pickleball/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 23.02.2026)
11. Stepping up our understanding of sport and physical activity [Электронный ресурс]. <https://www.frontiersin.org> (дата обращения: 23.02.2026)

References

1. Davydova E.Yu. Comparative analysis of the performance of Russian athletes at the largest international beach tennis tournaments 2021-2024. Sport, Man, Health: Proceedings of the XII International Scientific Congress dedicated to the 300th anniversary of St. Petersburg State University, St. Petersburg, April 16-18, 2025. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2025. P. 102 – 103.
2. Davydova E. Yu. Features of the development of beach sports using beach tennis as an example. Features of the training system in individual game sports at the present stage: current state, problems, prospects: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, dedicated to the memory of the founder of the scientific and methodological school of Russian tennis S.P. Belits-Geiman, Moscow, April 28, 2022. Moscow: Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism, 2022. P. 53 – 58.

3. Stepanova, M.E. Comparative Analysis of "Classic" Tennis and Beach Tennis. Development of Beach Tennis in Russia and the World: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Moscow, July 1-2, 2019. Ed. by Al Khalili Mohaned. Moscow: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism (GTSOLIFK)", 2019. P. 82 – 86.
4. Stepanova M.E., Davydova E.Yu. Comparative Characteristics of Modern Racket Sports. Physical Education: Upbringing, Education, Training. 2025. No. 4. P. 71.
5. Stepanova M.E., Davydova E.Yu. Trends in the Development of Modern Racket Sports in Russia. Review of Pedagogical Research. 2025. Vol. 7. No. 6. P. 228 – 235.
6. Stepanova M.E., Davydova E.Yu. Comparative Analysis of Shot Techniques in Racket Sports. Uspekhi gumanitarnykh nauk. 2026. No. 2. P. 217 – 224.
7. Official website of the International Tennis Federation [Electronic resource]. <https://www.itftennis.com/en/itf-tours/beach-tennis-tour/> (date of access: 22.02.2026)
8. A Guide for Pickleball Doubles Communication Improvement. [Electronic resource]. https://www.rockstaracademy.com/blog/pickleball-doubles-communication?utm_source=chatgpt.com (date of access: 22.01.2026)
9. Advanced Pickleball Strategies for Winning Every Match: The Texas Pickleball Guide [Electronic resource]. https://txpklball.com/pickleball-strategies/?utm_source=chatgpt.com (date of access: 23.02.2026)
10. 8 Doubles Strategies Nobody Talks About in Pickleball [Electronic resource]. https://www.thedinkpickleball.com/8-doubles-strategies-nobody-talks-about-in-pickleball/?utm_source=chatgpt.com (date of access: 23.02.2026)
11. Stepping up our understanding of sport and physical activity [Electronic resource]. <https://www.frontiersin.org> (date of access: 23.02.2026)

Информация об авторах

Степанова М.Е., кандидат педагогических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-2624-9940>, Российский университет спорта «ГЦОЛИФК», 105122, г. Москва, Сиреневый бульвар, д. 4, stepanova.me@gtsolifk.ru

Давыдова Е.Ю., старший преподаватель, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-1982-9926>, Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, 190121, г. Санкт-Петербург, улица Декабристов, д. 35, e_davydova@list.ru